

РУССКОЕ СЛОВО.

IX.

РУССКОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ГРАФОНЪ ГР. КУШЕЛЕВЫМЪ-ВЪЗВОРОДКО.

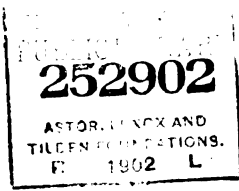
1860.

Sept
СЕНТЯБРЬ

NEW YORK
PUBLIC
LIBRARY

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Семена Съдниккина, въ торговой 17.

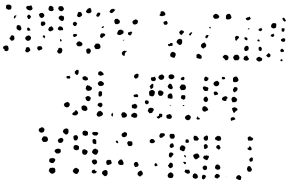

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, 9 сентября 1860 года.

Ценсоръ *А. Ярославцовъ.*
Ө. Рагманиковъ.

МИТЦЕВЪ.

Повѣсть.

Дневникъ Митцева.

(Окончаніе.)

Воскресенье, вечеромъ.

Если правда, что жизнь человѣческая развивается изъ контрастовъ, то я сегодня былъ свидѣтелемъ разительнаго противорѣчія, какое только возможно въ природѣ.

Рано утромъ заѣхалъ ко мнѣ одинъ изъ сосѣднихъ помѣщиковъ и, отъ нечего дѣлать, утащилъ къ обѣднѣ.

Мы отправились въ тюльберн, взявъ съ собой Семеныча вмѣсто грума. Служба уже началась, когда мы вошли въ церковь.

Впереди всѣхъ у праваго клироса стоялъ мой кошмаръ, вездѣсущій коллежскій ассессоръ. Фигура его вытянулась съ такой сановитостью, какой я никогда не смѣлъ предположить въ немъ. Отставивъ правую ногу немного впередъ, онъ старался придать своему выраженію глубоко-религіозное чувство; глазенки его умилятельно бѣгали по образамъ; онъ постоянно крестился и громко повторялъ читанныя молитвы. Судя по наружному виду, Звонковскій былъ очень набожный человѣкъ; но не трудно было догадаться, что, подъ этой святой личиной, скрывалось совершенное отсутствіе всякаго чувства. Онъ молился Богу, какъ молятся офи-

ціальныя лица земнымъ властямъ, желая выманить у нихъ благоволеніе и милость. Для черствыхъ эгоистовъ религія служить своего рода барышемъ.

Обѣдня кончилась. Звонковскій, замѣтивъ меня, такъ пріятно улыбнулся, что мнѣ сдѣлалось чрезвычайно скверно. «А я хотѣлъ навѣстить васъ, сказалъ онъ тоненькимъ дискантомъ:—хотѣлъ просить васъ къ себѣ на цѣлый день; а вотъ вы здѣсь, какъ это кетати, какъ это кетати! — просто удивительно, какъ хорошо случилось, — продолжалъ онъ оживленнымъ голосомъ. Такъ что же ѣдемте, почтенный Александръ Николаичъ, согласны? ну конечно согласны! спрашивалъ и утверждалъ онъ въ одно и тоже время. Согласны! прибавилъ онъ въ третій разъ и, недождавшись моего отвѣта, побѣждалъ къ выходу быстрыми маленькими шагами. Когда же я вышелъ изъ церкви, то Звонковскій ужъ стоялъ у своего экипажа, приглашая меня въ него сѣсть. «Извините, началъ было я, мнѣ надо домой, я заѣду послѣ....

— Ну многоуважаемый Александръ Николаичъ, сердитесь на меня сколько вамъ угодно, сказалъ онъ, а я взялъ на себя смѣлость отправить вашъ тюльбернъ домой, объявивъ вашему почтенному старичку (очень понравилось мнѣ его лицо, вставилъ Звонковскій съ видомъ какой-то счастливой находчивости) — объявивъ ему вашимъ именемъ, что вы мнѣ сдѣлали честь и ѣдите ко мнѣ на цѣлый день, а возвратитесь на моихъ лошадахъ». Я остолбенѣлъ отъ удивленія. «Да ты просто болванъ, и пренахальный» — подумалъ я, стараясь улыбнуться и по неволѣ сядя въ его экипажъ. Всю дорогу не переставалъ Звонковскій говорить безъ умолку, то выставя свои агрономическія свѣдѣнія, то разсыпаясь въ изъявленіи пскренняго къ моей особѣ уваженія, и еще чего-то ужъ не помню....

Наконецъ мы остановились у крыльца его лѣтней резиденціи.

— Человѣкъ! — эй, Петька, Мишка, чаю скорѣе! — распоряжался хозяинъ дома, входя въ переднюю: — да доложите барышнѣ, что я привезъ Александра Николаича Митнева. Вѣрочка моя сегодня не была у обѣдни, потому что все утро хлопотала о проводахъ своей гувернантки.

— Пожалуйте безъ церемоніи въ чайную комнату, сказалъ мнѣ суетившійся помѣщикъ, подхватывая меня подъ руку и увлекая за собой почти насильно. Я вошелъ въ комнату и увидѣлъ въ ней три женскія личности.

— Дочь моя Вѣрочка, проговорилъ онъ, показывая мнѣ на молодую дѣвушку, подошедшую къ нему съ привѣтомъ. — «Bonjour papa.» — «Неужели эта твоя дочь?» подумалъ я, посмотрѣвъ съ удивленіемъ на его Вѣрочку. И дѣйствительно, самый опытный физиономистъ, сравнивъ отца съ дочерью, не нашелъ бы ни одной родственной черты между ними, такъ они мало походили другъ-на-друга. Милое и необыкновенно симпатичное лицо Вѣрочки не имѣло ни одной капли сходства съ вертлявой и довольно пошлой фигурой старичишки. Другая личность, съ которой онъ не считалъ нужнымъ меня познакомить, была хорошенькая дѣвочка, лѣтъ четырнадцать, съ черными быстрыми глазами и очень выразительнымъ взглядомъ.

Вѣрочка разливала чай, а Маша (такъ звали хорошенькую дѣвочку) украдкой и съ любопытствомъ посматривала на меня. Звонковскій пилъ кофе изъ чего-то похожаго на полоскательную чашку, довольно емкаго объема.

— Ты, Вѣра, кажется больна, сказалъ онъ, пристально взглянувъ въ лицо дочери.

— Нѣтъ, папа; мнѣ жалко бѣдную Юлію. Тяжело разставаться съ тѣми, кого мы любимъ и уважаемъ....

И какъ бы желая извиниться передо мной въ своемъ тоскливомъ настроеніи, она, обративъ заплаканные глаза въ мою сторону, прибавила: «я сегодня проводила свою добрую воспитательницу. Двѣнадцать лѣтъ мы не разлучались съ ней; она была моимъ другомъ, моей матерью, моимъ ангеломъ-хранителемъ».

Въ послѣднихъ словахъ Вѣры было такъ много душевной грусти, что я невольно почувствовалъ на себѣ вліяніе ея искренняго и магнетическаго выраженія. На длинныхъ рѣсницахъ ея блеснули слезы, которыя она немедленно скрыла отъ взора своего отца.

— Я понимаю, сказалъ я, вашу печальную разлуку, и

миѣ совѣстно, что я пріѣхалъ въ ту пору, когда вы, вѣроятно, не хотѣли бы видѣть свидѣтелей вашего горя.

— Какъ! помилуйте, помилуйте, Александръ Николаичъ перебилъ меня Звонковскій: — напротивъ, мы все ожидали васъ съ нетерпѣніемъ.

Онъ не понялъ ни смысла скорби своей дочери, ни значенія моей фразы. Вѣра и я почти вмѣстѣ взглянули на него тѣмъ двусмысленнымъ взглядомъ, на который онъ отвѣчалъ очень громкимъ чихомъ и новымъ глоткомъ кофе.

Чайная церемонія кончилась. Мы ушли въ залу. Звонковскій усадилъ меня на самомъ почетномъ мѣстѣ, а Вѣра подошла къ фортеціано и тихо сыграла прекрасную арію изъ Вильгельма Теля. Затѣмъ она пропѣла что-то очень грустное. Въ ея голосѣ, въ высшей степени симпатичномъ и свѣтломъ, такъ ясно слышалось участіе сердца, что Маша, стоявшая близъ нея, немощно нахмурилась.

— Вѣрочка, ты нагоняешь хандру на всехъ насъ, и заставишь плакать Александра Николаевича, сказалъ Звонковскій, воспользовавшись ея паузой.

— Истинной печали нельзя несочувствовать, отвѣчалъ я: — она бываетъ иногда такъ сильна, что лишаетъ людей способности скрывать ее подъ маской наружнаго спокойствія....

Въ это время молодая дѣвушка пристально и быстро на меня взглянула. Взглядъ ея миѣ что-то напомнилъ, что-то милое изъ ранней поры моей жизни.... Глаза ея были красны, вѣки не много опухли. Бѣдняжка! можетъ быть, она всю ночь проплакала, подумалъ я, всматриваясь въ блѣдное лицо Вѣры.

— Вспомнилъ! — чуть было не вскрикнулъ я, взглянувъ-шись окончательно въ выразительныя черты удивительно правильнаго овала молодой дѣвушки....

Такъ вотъ гдѣ пришлось миѣ встрѣтиться съ ребенкомъ, глаза котораго когда-то меня смѣшали! Какъ выросъ, какъ похорошѣлъ этотъ ребенокъ!

Какъ миѣ не хотѣлось заговорить съ Вѣрой и говорить долго, но я не смѣлъ нарушать торжественныхъ минутъ ея глубокаго раздумья.

Понедѣльникъ утромъ.

— Здоровы ли вы? спросилъ я у Вѣры, подходя къ ней послѣ обѣдни и смотря на ея блѣдное, не много поху-
дѣлое лицо.

— Здорова, отвѣчала она, слегка зарумянившись....

— Только не совѣмъ, перебилъ я ее, мнѣ кажется, что вы ужь слишкомъ грустите о разлукѣ вашей доброй Юліи.

— Да, мы теперь остались однѣ съ Машей, продолжала она, перемѣняя, какъ мнѣ показалось, неприятный для нея разгово-
ръ: — папа уѣхалъ въ городъ по дѣламъ.

Проводивъ до экипажа дѣвушекъ, я отправился домой и присѣлъ за работу, но работа не шла. Не знаю почему, но низкій и задумчивый образъ Вѣры проносился передо мной во всей его прелести. И чѣмъ я больше ласкалъ его въ во-
ображеніи, тѣмъ онъ сильнѣй затрогивалъ сердце. Бросивъ работу, я вышелъ на террасу; мнѣ хотѣлось мечтать на свобо-
дѣ; мнѣ хотѣлось думать о Вѣрочкѣ, какъ я ужь давно не думалъ.

Никогда не забуду я вчерашней ночи! чудныя впечат-
тлѣнія посѣтили мою дремавшую душу. Былъ тихій вечеръ,
какъ сонъ младенца. Окрестныя поля и дубровы одѣлись ве-
личавой тѣнью, какъ черной мантией. Издалека доносились
до меня чистые звуки хороводной пѣсни; гдѣ-то раздавался
заунывный крикъ ночной птицы; потокъ сосѣдней рѣки иг-
ралъ безконечными отливами свѣтлой влаги, и небо раски-
нулось великолѣпнымъ пологомъ, перетянутымъ блѣдно-ро-
зовой млечной полосой. «Какъ природа хороша!» подумалъ я,
когда не отвлекаетъ ее страданіе человѣка. Глаза мои пе-
реносились отъ одной сцены къ другой, и наслаждались об-
щей картиной чудной гармоніи. Разсудокъ спалъ, а сердце
ровно и тихо билось въ груди, жадно принимавшей въ себя
струи свѣжаго воздуха.... Невѣроятно наслаждаясь, просидѣлъ
я до зари; она разсѣяла мою сладкую дремоту. Я
почувствовалъ — досадно вспомнить, — голодъ, да еще ка-
кой! Утоливъ это назойливое чувство, я заснулъ крѣпкимъ
утреннимъ сномъ, выслушавъ однако предварительно доволь-
но длинное правоученіе Семеныча, упрекавшего меня за без-
порядочную жизнь. «Эхъ вы малый ребѣнокъ, — у него

бокъ болитъ, а онъ по ночамъ сидитъ да зѣваетъ по сторонамъ,» — окончилъ онъ, уходя и относясь къ какому-то неизвѣстному мнѣ третьему лицу.

Черезъ недѣлю.

Сего дня я весело проснулся. Меня разбудили письмомъ отъ Звонковскаго, написаннымъ рукою дяди. «Что за галиматья?» подумалъ я, протирая глаза. Дѣло объяснилось очень просто.

«Письмо это ты получишь отъ Звонковскаго, — писалъ мнѣ дядя, — онъ прїѣзжалъ ко мнѣ вчера просить моего покровительства. Какъ это тебѣ нравится? — Онъ «что-то такое затѣялъ, процессъ что-ли какой? право не знаю!... Мочи нѣтъ надоѣлъ мнѣ, объясняя, какъ онъ по «своему выражается, какую-то сущность, интересующаго «его дѣла. Чтобы отвязаться, я обѣщалъ ему замолвить о «немъ словечко князю Петру; но между нами — и шагу не «сдѣлаю для этого выскочки!... Онъ меня увѣрялъ между «прочимъ, что ты часто у него бываешь и что онъ, и все «семейство его отъ тебя въ восхищеніи!... Хорошо должно «быть семейство! Прощай, скучаю безъ тебя, и проч. и проч.»

Воображаю себѣ фигуру Звонковскаго, еслибъ онъ прочелъ посланіе, которое съ такою готовностью вызвался мнѣ доставить.

6 Іюля.

Мнѣ становится страшно за самого себя. Никогда еще съ-тѣхъ-поръ, какъ взглянулъ я на бѣлый свѣтъ, не приходилось мнѣ чувствовать такого избытка счастья, котораго я и объяснить не умѣю.

Это рѣшительный поворотъ въ жизни — къ лучшему, или худшему — не знаю.

Маша, воспитанница Звонковскаго, пренаивно сказала мнѣ вчера, когда я уѣзжалъ отъ нихъ поздно вечеромъ: «прїѣзжайте опять поскорѣе — съ вами такъ весело»

— Вотъ видите ли, подхватилъ хозяинъ дома: — какъ вамъ всѣ рады, даже дѣти, — не забывайте же насъ многоуважаемый сосѣдъ. Только дочь этого моего сосѣда ничего не сказала, за то посмотрѣла на меня, ласково улыбувшись

своими большими синими глазами. Не всё глаза умѣютъ улываться! Да правду-то сказать много ли на свѣтѣ и глазъ такихъ, какъ у Вѣры?...

Бѣдняжка все еще груститъ, не можетъ помириться съ мыслию, что женщина, которая была при ней съ ея пятилѣтняго возраста, навсегда разсталась съ ней. *На всегда....* какое свинцовое слово, приличное однимъ надгробнымъ надписямъ.

Бѣдная! — кому можетъ она высказать свою томительную грусть? Машѣ? Маша — умное дитя, но все еще дитя. Отцу? — Но гдѣ-жъ понять ему голосъ истинно-женской, любящей души? Не далѣе какъ вчера онъ сказалъ мнѣ: «Вы не повѣрите, какъ меня сердитъ унылый видъ Вѣрочки; вотъ не могу ее урезонить, плачетъ — разливается съ самаго дня отъѣзда Француженки! ужъ я ей толковалъ-толковалъ, доказывая, что гувернантки на то и гувернантки, чтобы жить въ домѣ, пока онѣ нужны, и что если плакать о всѣхъ учителяхъ, которые бывали и потомъ перестали бывать, окончивъ свое дѣло, то и слезъ не достанетъ; такъ вотъ нѣтъ, все свое: «я — говорить — ее любила.» Все это хорошо, любить можно и благодарность весьма похвальное чувство, ну да! — но вѣдь во-первыхъ любовь любви розь: гувернантка не мать, а во-вторыхъ и самая-то благодарность, по моему мнѣнію, не можетъ быть такъ сильна въ этомъ случаѣ, потому.... потому что воспитывая, онѣ, — эти наемныя особы, — получаютъ деньги и большія деньги: тысяча рублей серебромъ напримѣръ въ годъ — сумма изрядная!... Конечно я о нихъ не жалѣю, и ничего не щадилъ для воспитанія Вѣрочки — этому Богъ свидѣтель! — но теперь она ужъ невѣста, теперь гувернантка ей вовсе не нужна, только лишняя мебель въ домѣ, хе, хе, хе.... Вотъ разсудивъ это, я и намекнулъ ей эдакъ, знаете, тонкимъ образомъ, что дескать — «не желаете ли вы Юлія Францовна увидѣть свою родину, теплое солнце юга и проч.» Она женщина не глупая, должно быть смекнула въ чемъ дѣло: «желаю, сказала она мнѣ — я и сама давно хотѣла просить у васъ позволенія оставить вашъ домъ, но жалѣла разстаться съ вами... и съ моей милой Вѣрочкой» не успѣла она вы-

говорить этого, глядь а съ Вѣрочкою — дурно; насилу оттерли. Она у меня нервная и, что хуже всего, чувствительная... Я признаюсь вамъ откровенно, и въ городъ-то ѣздила недавно, не столько по дѣламъ, сколько за тѣмъ, чтобъ привести ей что-нибудь изъ нарядовъ, утѣшить ее. Женщины вѣдь безъума любятъ тряпки!.. Такъ что же вы думаете,—поблагодарила меня, сказала даже, что я ужъ слишкомъ балую ее, а на вещи-то едва взглянула. Онѣ два дня и провалялись въ гостинной, на третій увидѣвъ ихъ, я велѣлъ прибрать и даже слегка пожурилъ Вѣрочку за небрежность. Она еще совершенный ребенокъ, даромъ что девятнадцатый годъ пошелъ.

Въ это время въ комнату вошла Вѣра.

— Спой намъ что-нибудь, душа моя! сказалъ ей отецъ. Молодая дѣвушка молча подошла къ роялю и запѣла...

Руки ея едва дотрогивались до клавишей; тихіе, но полные аккорды, дрожа, лились широкими волнами и голосъ ея, чудно отдѣляясь отъ туманнаго гармоническаго фона, звучалъ съ неотразимой силой!

Я оглянулся — Звонковскаго ужъ не было въ гостинной.

— Вы прекрасно поѣте, сказалъ я, подходя къ Вѣрѣ.

— Я люблю пѣть, отвѣчала оно просто.

— Въ голосѣ вашемъ, продолжалъ я, слышится то, что мнѣ рѣдко удавалось слышать.

— А что такое? спросила быстро Вѣра.

— Я слышу въ немъ душу.... Разговоръ нашъ продолжался и незамѣтно перешелъ къ первому дню нашего знакомства, и какъ-то невольно коснулся Юлія.

Вѣра, какъ мнѣ показалось, обрадовалась на этотъ разъ случаю поговорить о своемъ далекомъ другѣ. Она передала мнѣ многое изъ своего дѣтства, въ которомъ такую важную роль играла мадамъ Прадо. Я внимательно слушалъ, глядѣлъ и не могъ наглядѣться на одушевленное лицо дѣвушки. Ярко отразилась на немъ впечатлительная душа, вспыхнула и загорѣлась она тихимъ пламенемъ въ чудныхъ свинныхъ глазахъ ея... Долго говорила Вѣра и вдругъ, какъ бы опомнившись, остановилась.

— Извините меня, Александръ Николаичъ, сказала она послѣ небольшого молчанія: — простите мнѣ мою болтовню.

Я такъ давно ни съ кѣмъ не говорила о моей милой Юліи, прибавила она вздохнувъ.

— И еще извиняетесь! отвѣчалъ я ей, чувствуя, что голосъ мой дрожить отъ волненія..... Бѣдное дитя! у него деспотически отняли любимое существо и хотѣли утѣшить его тряпками.

Есть же такая глупая любовь, которая хуже всякой ненависти. И та и другая заставляютъ страдать, съ той разницей, что ненависть не требуетъ ужъ ничего отъ своей жертвы, кромѣ мукъ, а подобная любовь еще претендуетъ на благодарность, нѣжные слова, крѣпкіе поцѣлуи и лестныя выраженія.... Точно подумать, какъ скверно сложилась современная жизнь человѣка. Это одна изъ величайшихъ безсмыслицъ природы!

V.

Опять въ деревнѣ.

21-го Августа:

Вчера провела цѣлый день на большемъ пиру у Звонковскихъ, по савск. днѣ рожденія Вѣры. — Я пріѣхалъ рано, прямо къ завтраку. Хозяинъ дома, выпивъ свою чашку кофе, исчезъ, а мы съ Вѣрой и Машей пошли бродить по парку.

День былъ немного пасмурный, но теплый, одинъ изъ гѣхъ дней нашего сѣвера, которые трудно назвать собственнымъ именемъ.

— Вотъ вамъ и мой подарокъ, сказалъ я смѣясь, срывая вѣтку полевого жасмина и подавая ее Вѣрѣ.

— Мерсі, проговорила дѣвушка, улыбаясь и прикалывая вѣтку къ своему корсажу. Поравнявшись съ бесѣдкой, мы вошли въ нее. Маша, посидѣвъ минуты двѣ съ нами, убѣжала куда-то; мы остались вдвоемъ.

Вѣра сидѣла задумавшись, чертя по-полу кончикомъ своего зонтика.

Я — помнится — все хотѣлъ что-то сказать, да какъ-то не собрался. Вчера, какъ и въ памятное мнѣ, грустное

первое свиданіе, — молчаніе тяготило насъ. Вѣра, кажется, и не думала меня занимать, и я рѣшительно не находилъ это страннымъ.

— Вы скоро ѣдете? наконецъ спросила она. Голосъ ея заставилъ меня вздрогнуть.

— Да, черезъ недѣлю, — пора, отпускъ мой кончается, отвѣчалъ я. И мы опять замолчали, какъ будто это такъ и слѣдовало.

— А вотъ и мой подарокъ! сказала Маша, шумно вбѣгая въ бесѣдку и подавая Вѣрѣ большую кисть винограда: — на силу выпросила у садовника: «для гостей, говоритъ, все для гостей и самимъ не останется», прибавила она, слегка надувая свои красненькія губки.

— Хотите? спросила Вѣра, подавая мнѣ виноградный гроздь.

— Вотъ хорошо, я принесла тебѣ подарокъ, а ты — и Маша прелукаво улыбнулась, — отдаешь его Александру Николаевичу! Ты видно ужъ теперь гораздо менѣе любишь меня чѣмъ... Маша помолчала — чѣмъ прежде, dokonчила она притворно-грустнымъ голосомъ.

Не знаю почему, но я посмотрѣлъ: эту минуту на Вѣру; не знаю отчего, она покраснѣла, чтобъ скрыть свое смущеніе, стала цѣловать хорошенькую Машу.

— Не сердитесь, не сердитесь, сказалъ я Машѣ: — я не возьму вашего подарка.

— Ахъ нѣтъ, я пошутила, отвѣчала она въ свою очередь краснѣя: — возьмите его. А впрочемъ, — и она, раздѣливъ кисть на двѣ равныя части, подала намъ ихъ съ Вѣрою по поламъ: — кушайте оба... Я васъ обоихъ люблю, — не ожиданно прибавила она. Мнѣ ужасно захотѣлось расцѣловать ее, но Вѣра сдѣлала это за меня, она снова притянула къ себѣ хорошенькую головку дѣвочки и осыпала ея поцѣлуями... Странно, но мнѣ показалось въ эту минуту, что намъ съ Вѣрою не нужно словъ, чтобъ понимать другъ-друга.

— Какъ мы однако загулялись, проговорила Маша, вырвавшись наконецъ изъ объятій своей сестры: — скоро гости съѣдутся.

— Вамъ будетъ скучно сегодня у насъ; вѣдь вы не

любите нашихъ деревенскихъ сѣздовъ, сказала мнѣ Вѣра, входя въ гостинную, въ которой ужъ сидѣлъ хозяинъ дома съ какимъ-то маленькимъ господиномъ, шафраннаго цвѣта па лщѣ, и съ тучнымъ исправникомъ, отиѣнно-вѣжливымъ сановникомъ нашего уѣзда, явившимся ко-мнѣ съ визитомъ, на другой же день моего приѣзда въ Липино.

Вѣра не ошиблась. Дѣйствительно весь остальной день показался мнѣ невѣроятно скучнымъ. Прошло давно то время, когда я, довольный моимъ исключительнымъ положеніемъ въ этомъ вовсе незнакомомъ мнѣ обществѣ, тѣшилъ въ немъ дѣтское самолюбіе.

Часа черезъ два послѣ обѣда я было взялся за ямьпу, но Маша, замѣтивъ мое движеніе, подошла ко мнѣ и стала меня такъ упрашивать остаться, что я принужденъ былъ даже дать слово не уѣзжать безъ ея позволенія.

За что это дитя такъ полюбила меня? Не понимаю...

Часовъ въ десять послышался вдругъ страшный выстрѣлъ, за нимъ другой, третій и пошла трескотня. «Что такое?» посыпалась вопросы изъ разныхъ угловъ гостинной. — «Должно быть мальчишки шалять» — сказалъ уѣздный предводитель и захохоталъ. Оказалось, что шалили не мальчишки, а люди Звонковскаго, пускавшіе по его приказанію ракеты. За то едва лишь успѣли узнать въ чемъ дѣло, какъ сію же минуту кинулись всѣ стремглавъ на террасу. Остались въ гостинной только старый мопсъ Звонковскаго, да не на шутку перепугавшаяся нервная барыня, которую напрасно старался успокоить толстый ея «душка Алексисъ».

— Ахъ душка, страшно! плакала барыня, зарывшись въ большое кресло, и смотря на летѣвшіе бураки и ракеты черезъ плечо нагнущагося къ ней супруга. — Алексисъ, страшно! повторяла она, поминутно вздрагивая. — Леша, Леша, твердилъ душка Алексисъ съ озабоченнымъ видомъ!

Я заглядѣлся на эту милую сцену, стоя за портьерой; заглядѣлся такъ, что и не замѣтилъ подкраившагося ко-мнѣ Звонковскаго

— Хе, хе, хе... вотъ вы гдѣ? заговорилъ онъ, схватывая меня сзади: — вотъ вы гдѣ, — засмотрѣлись на милую парочку. Это нашъ судья, и всю-то жизнь вотъ такъ

ухаживаетъ за своей Лукерьей Ивановной, даже рѣдко въ судѣ бываетъ... А я было перепугался, думалъ, что вы ужъ уѣхали. Пойдемте-ка на терассу, прибавилъ онъ направляясь со мной къ выходу — теперь будетъ штука! Въ это время въ концѣ большой аллеи загорѣлся огромный щитъ, съ коснвшимися на немъ другъ-на-друга буквами В. и З.

— Это сюрпризъ моей Вѣрочкѣ! шепнулъ мнѣ на ухо сердобольный отецъ.

— Ахъ какъ хорошо, прекрасно, вотъ такъ чудесно, bravo! послышалось кругомъ. Фора! крикнулъ какой-то коротенькій господинъ, притопнувъ ножкой. Долго еще раздавались восклицанія въ толпѣ довольныхъ зрителей, долго сыпались шутки, остроты и одобрительные возгласы.

Я спустился въ паркъ. Кой-гдѣ видѣлись площадки, съ потухавшими огоньками. Огромныя деревья угрюмо и какъ-то насмѣшливо поглядывали на деревенскую иллюминацію, ожидая красной зари, которая, вспыхнувъ на проснувшемся небѣ, загорится такимъ ослѣпительнымъ свѣтомъ!

Уставъ бродить по парку, я возвращался задумчиво назадъ, какъ вдругъ услышалъ откуда-то сверху голосъ Вѣры, произносившій мое имя. Поднявъ голову, я увидѣлъ ее въ растворенномъ окнѣ диванной.

— А, вы все гуляли? спросила она меня.

— Прощался съ вашимъ паркомъ, отвѣчалъ я ей: — онъ такъ хорошъ! — Черезъ минуту я ужъ стоялъ около молодой дѣвушки.

— Развѣ мы не увидимъ васъ болѣе до вашего отъѣзда? спросила она меня.

— Не знаю право, если успѣю...

Вѣра молча поглядѣла на меня очень пристально.

— До завтра, сказалъ я ей быстро и почти безсознательно. Есть слова, въ которыхъ мы не отдаемъ себѣ никакого отчета.

Это «завтра» настало — ужъ двѣнадцать часовъ, пора ѣхать, а то опоздаю... къ обѣду.

28 Августа. 2 часа ночи.

Сейчасъ отъ Звонковскихъ — ѣдвятъ прощаться съ ними. Какъ удивительно пѣла сегодня Вѣра! За то, какъ я

былъ глупъ весь вечеръ — просто непостижимо! Маша очень зло смѣялась надо мной и, признаюсь, мнѣ было жалко себя. Коллежскій ассессоръ все время и съ самаго утра, гдѣ-то пропадалъ, покажется на минуту и уйдетъ часа на два, на три, за то на прощанья привялся такъ сильно и долго тискать меня въ своихъ объятіяхъ, что пропиталъ все мое платье сквернымъ запахомъ табаку à la rose съ одеколономъ.

Черезъ часъ.

Не спится. Храпѣнье Семеныча долетаетъ ко мнѣ изъ передней и мѣшаетъ мнѣ заснуть, а вотъ усталая и полусонная мечта опять занимается Вѣрой... Какой удивительный голосъ у нея... я его слышу постоянно. Нужно быть поэтомъ и вмѣстѣ глубокимъ мыслителемъ, чтобъ написать мелодію, подобную Шубертовой: Ave Maria. Нужно быть Вѣрой, чтобъ передавать съ такимъ сосредоточеннымъ чувствомъ эту страстную молитву.

Неужели я люблю Вѣру? Этотъ вопросъ ужъ давно покоитъ меня. Я боюсь отвѣчать на него положительно, потому что не вѣрю, чтобъ въ моемъ разбитомъ сердцѣ еще осталось мѣсто для пламеннаго чувства. Не обманъ ли это прихотливой фантазіи? Посмотримъ.

5 часовъ утра.

Солнце ужъ высоко на небѣ, горячіе лучи его затопили всю окрестность; все блестятъ, искрится, живетъ и любитъ. Я говорю *любитъ*, потому что нѣтъ жизни безъ любви.

Вѣра, спишь ли ты, равнодушная къ красотѣ волшебнаго утра, или... также какъ и я, сидишь теперь у раствореннаго окна и смотришь твоимъ задумчивымъ взглядомъ на этотъ океанъ свѣта и зелени. Вѣрно спишь. Бѣлокурая головка твоя покоится на бѣлой подушкѣ, длинныя шелковыя рѣсницы набросали небольшую тѣнь на твое милое лицо. — Ты спишь сладко, беззаботно.

Беззаботно....

Но развѣ спятъ беззаботно тѣ, которые подобно Вѣрѣ глядятъ съ болзнію впередъ, тоскливо вѣдоминуютъ о миломъ быломъ и плачутъ о настоящемъ?

А развѣ Вѣра, заглянувшая своимъ, не по дѣгамъ, пыт-

ливымъ умомъ вовсе окружающее ее, можетъ равнодушно переживать день-за-днемъ?

Развѣ она, превосходно развитая и воспитанная, не убѣдилась, что ее ожидаетъ тяжелая борьба съ варварскими понятіями Онуфрія Алексѣевича и этого дикаго міра, который мы такъ вѣжливо называемъ пріятной провинціальной жизнью. И пусть бы... дѣйствительная борьба, — въ ней много страсти и увлеченія, — а то просто апатія, томленіе и нравственный сонъ. Такое состояніе хуже всякой смерти. Въ-самомъ-дѣлѣ, что можетъ быть хуже, какъ ежеминутное сознаніе, что кругомъ меня все тупо, гадко, и я долженъ уживаться со всѣмъ этимъ; этого мало, зависѣть, страдать и даже не имѣть сочувствія къ своему страданію. Отчего все прекрасное мало живетъ въ нашемъ обществѣ? Отчего оно спѣшитъ умирать? Оттого, что оно, кромѣ богатаго внутренняго содержанія, поглащающаго его физическія силы, постоянно рвется къ совершенству, а совершенства нѣтъ, и оно погибнетъ, какъ растеніе, задавленное камнемъ, какъ зерно, брошенное въ болото. Однако, — меня тревожатъ мучительное сомнѣніе! — Вѣра... любить ли она меня? Вѣдь она не Лина: для той любовь-шутка, разнообразіе пустой, свѣтской жизни; для женщины, подобной Вѣрѣ, любовь—все, для нея она — жизнь, со всѣми ея радостями и страданіями!

Чѣмъ же заслужилъ я такую любовь? Гдѣ источникъ ея и гдѣ право на такое богатое счастье?

По сердце женщины темвѣй морской глубины!

VI.

ДВА ПИСЬМА.

Письмо дяди.

«Пора, пора тебѣ въ городъ Саша, — князь Петръ спрашивалъ о тебѣ не разъ. Возвращайся, я боюсь, что ты всеѣмъ опошлѣешь въ мплоть кругу Звонковскихъ и tutti quanti.

твой
«П. Мятневъ.»

Р. S. Да, кстати, я говорилъ о твоёмъ намѣреніи держать экзаменъ на магистра. М*** удивился, — видно не одинъ я удвляюсь твоей странной фантазіи — и сказалъ, что это трудное дѣло.

— Впрочемъ — прибавилъ онъ — вашъ племянникъ съ дарованіями, какъ я слышалъ, но только онъ идетъ прекрасно по службѣ и человекъ богатый, къ чему же ему степень магистра? — Ты легко поймешь, что я не былъ въ состояніи объяснить ему этого вопроса.

— Такъ, молодость.... отвѣчалъ я, чтобы что-нибудь сказать.

ДРУГОЕ ПИСЬМО.

Бѣлыя горы, 29 Августа.

М. Г.

Александръ Николаевичъ!

Теперь время жаркое и въ дорогѣ пріятно освѣжиться, вслѣдствіе чего примите благосклонно посылаемые ананасы. Вѣрочка сама ихъ завертывала, а Маша непремѣнно настаивала на томъ, чтобы и земляники вамъ послать, увѣряя, что вы до нея охотникъ. Мои дурочки кланяются вамъ; а я прошу васъ не сомнѣваться въ чувствахъ глубочайшаго почтамія и искреннѣйшей преданности, съ коими имѣю честь пребыть.

Вашимъ,
сердечно-уважаемый Александръ Николаевичъ!

покорнѣйшимъ слугою

О. Звонковскій.

Р. S. Я уже осмѣлывался беспокоить вашего высокопочтаемаго мною дядюшку просьбою помочь мнѣ въ моемъ дѣлѣ — они обѣщались. Будьте и вы ко мнѣ милостивы. Состоя при особѣ его сіятельства князя Н... и будучи въ самыхъ близкихъ съ нимъ отношеніяхъ, вамъ ничего не составитъ упросить его сіятельство взглянуть милосерднымъ окомъ на мое безпомощное положеніе. При семъ имѣю честь приложить записку, въ коей изложена самая сущность моего правдиваго дѣла.

VII.

ОПЯТЬ ВЪ ГОРОДѢ:

6 Октября.

Боже мой, какая скука, и за чѣмъ только я сюда пріѣхалъ? Ужъ не для того ли, чтобъ, состоя по особымъ порученіямъ при князѣ Н***, имѣть право не исполнять никакихъ порученій, а зѣвать безъ цѣли и дѣла. Какъ глупо! Какъ непростительно глупо дѣлать вздоръ и серьезно увѣрять себя и другихъ, что дѣло дѣлаешь!

Черезъ мѣсяць.

Работаю, и съ увлеченіемъ работаю: познанія растутъ, умъ крѣпнеть, — вперед! — говоритъ онъ. Назадъ! шепчетъ сердце. Назадъ! повторяютъ за нимъ въ слѣдъ всѣ силы моей души.

Я напомнилъ о себѣ семейству Рпзничъ.

Гордая графиня холодна со мной, какъ ледъ. Странная женщина, — она распорядилась моею будущностію безъ моего вѣдома, а теперь удивляется, что планы ея какъ будто разстроиваются. Ей и въ голову не приходитъ, чтобъ можно было не желать жениться на ея Лпнѣ.

А Лпна?... пу ужъ это даже непростительно странно! Лпна — такъ перемѣнилась, что я ее не узнаю; она, какъ будто дѣйствительно полюбила меня, — полюбила съ-тѣхъ-поръ какъ увидѣла, что прежняя власть ея надо мной обратилась въ мыльный пузырь.

Не разъ подмѣчалъ я въ послѣднее время задумчивый взглядъ ея темныхъ глазъ, устремленный на мое похудѣлое лицо. Долго, долго не покидаетъ онъ его, какъ-бы саясь разгадать то, о чемъ быть можетъ онъ смутно догадывается. У женщины, которая любить, есть какой-то истинникъ, помогающій ей иногда срывать завѣсу съ глубокихъ тайнъ сердца любимаго ею человѣка. А Лпна любитъ меня — въ этомъ я почти убѣдился вчера на дамскомъ вечерѣ у дяди. Сердце-сердцу вѣсть подаетъ! Но за чѣмъ подъ-часъ такъ не кстатп... гостей было не много: четыре почтенныя матро-

ны, въ числѣ которыхъ и графиня Ризничъ, да три раздусевныхъ маркиза, — пріятели моего дяди; они усѣлись за карты, а мы съ Линой остались вдвоемъ у большаго стола, заваленнаго кипсеками и альбомами.

Она разсѣянно перелистывала одинъ изъ нихъ, а я болталъ какой-то невыносимый вздоръ.

— Мг. Alexandre, сказала она перебивая меня: — скажите мнѣ лучше, какъ провели вы время въ деревнѣ? Сѣтѣхъ-порѣ какъ мы переѣхали въ городъ, мнѣ какъ то не случилось съ вами ни слова сказать.

— Что я дѣлалъ въ деревнѣ? повторилъ я за ней: — болѣе всего гулялъ....

— А менѣе всего думали о тѣхъ, кто принимаетъ въ васъ истинное участіе, проговорила Лина. Дядя вашъ, продолжала она — очень огорчался тѣмъ, что вы почти вовсе не писали къ нему; а шатап, не получая отъ васъ ни строчки, первые два мѣсяца сначала, не знала что думать, а потомъ рѣшила, что вы совсѣмъ разлюбили ее, что вы неблагодарный и.... Лина помолчала. — Нѣтъ, вы странный человѣкъ! — прибавила она, но такимъ грустнымъ голосомъ, что я невольно протянулъ ей руку и проговорилъ тихо, почти невнятно: — Я право не зналъ, что васъ такъ удивить мое молчаніе! — Лина недовѣрчиво покачала головой. — Удивить, повторила она въ раздумьи....

— Вы странный человѣкъ! сказала она еще разъ и едва замѣтно вздохнувъ, встала и отошла отъ стола.

«Женщина — сказалъ какой-то французскій писатель — точно тѣнь наша. Преслѣдуйте ее, она прочь побѣжитъ; бѣгите отъ нее, она пойдетъ за вами!»

Черезъ мѣсяць.

Двѣ новости и еще какія!.... Звонковскій пріѣзжалъ сегодня съ визитомъ. Его семейство возвратилось изъ деревни въ городъ.... Наконецъ-то!

Другая новость невѣроятная, невозможная: — Лина выходитъ замужъ и я буду ея шаферомъ, она меня сама об этомъ просила. Впрочемъ, отчего же ей и не выйти замужъ? Женихъ ея: богатъ, знатенъ и..... страшный уродъ, по моему мнѣнію. И Лина... да какое мнѣ дѣло до всѣхъ

жениховъ и невѣсть на свѣтъ... Я заѣзжалъ на минуту къ Звонковскимъ. Вѣра протянула мнѣ руку, этого еще ни разу не случилось съ-тѣхъ-поръ, какъ я съ нею познакомился. — Мы о васъ часто говорили, сказала мнѣ Маша. Я молча поклонился. — Какъ же вы проводили время? спросилъ я у нее.

— Скучно. Вѣра все читала или занималась музыкой, а я ничего не дѣлала, проговорила она пассивно. Въ это время Вѣру за чѣмъ-то вызвали изъ комнаты.

— Хотите, я вамъ скажу секретъ? сказала Маша, принимая таинственный видъ и поглядывая на только-что затворившуюся дверь: — большой секретъ, продолжала она, интересный... только нѣтъ, сегодня не скажу, — да можетъ быть и завтра и послѣ завтра... никогда не скажу, — заключила она, поглядывая на меня *по своему*. А хотите знать? продолжала она, подстрекаемая моимъ равнодушнымъ видомъ — хотите? Нѣтъ не скажу, — Онуфрій Алексѣичъ разсердится, сказала Маша, но видно замѣтивъ тѣнь безыюкства на моемъ лицѣ, задумалась и помолчавъ съ минуту, вдругъ разсмѣялась громкимъ дѣтскимъ смѣхомъ, приговаривая: «обманула, обманула...»

Отчего меня такъ занимаетъ ребяческая болтовня Маши? — вотъ не выходитъ изъ ума да и только. Совѣстно признаться, а вздоръ этотъ почин отравляетъ мнѣ чувство радости свиданія съ Вѣрой: «Онуфрій Алексѣичъ разсердится» сказала Маша....

Черезъ день.

— Вы на меня сердитесь? сказала мнѣ Маша грустнымъ голосомъ.

— И не воображаю, за что мнѣ на васъ сердиться? отвѣчалъ я ей.

— Я ужъ не знаю, — только вы ушли отъ насъ такой сердитый въ послѣдній разъ, что я чуть не заплакала. Не сердитесь, — я вамъ скажу секретъ... боюсь только, что Вѣра войдетъ, прибавила она, поглядывая на дверь.

— Говорите скорѣе, сказалъ я нетерпѣливо

— Да вы никому его не расскажете?

— Никому. — Право? — Никому, никому, повторилъ я вол-

цуюсь. — Смотрите же! За Вѣру — начала она шопотомъ — сватается одинъ баринъ, онъ былъ у насъ раза три въ деревнѣ послѣ вашего отъѣзда. Онуфрій Алексѣичъ очень хвалитъ его, онъ говоритъ, что лучшаго жениха *ему не надо* для Вѣры, что онъ его давно знаетъ, и очень коротко. Теперь онъ уѣхалъ куда-то далеко, а мѣсяца черезъ четыре пріѣдетъ назадъ и тогда.... Только Вѣра сказала мнѣ — она мнѣ вѣдь все говоритъ — что ни за что не пойдетъ за этого противнаго.... Фамилія его не помню! — Пожалуй говори, а вѣдь если папа захочетъ, такъ пойдетъ, прибавила Маша съ такою увѣренностью въ могущество Звонковского, что я почувствовалъ что-то весьма похожее на легкой ознобъ.

— Вотъ весь и секретъ — продолжала она помолчавъ, — только не говорите Вѣрѣ, что вы его знаете, ради Бога не говорите, а то она огорчится. Она не велѣла никому передавать его и особенно вамъ.

— Отчего же особенно мнѣ? спросилъ я какъ можно равнодушіе.

— Я ужъ не знаю, отвѣчала Маша наивно: — только она прибавила, смотри же Маша, никому, а особенно Александру Николаичу объ этомъ ни слова, — а то я разсержусь.

— Какое вы милое дитя! сказала я Машѣ, едва скрывая порывъ неудержимой радости.

Дѣвочка посмотрѣла на меня съ удивленіемъ.

— Чѣмъ же милое? Напротивъ, дурное дитя, прошептала она грустно: — я не послушалась Вѣры! но только право никому бы, кромѣ васъ, я этого не сказала, потому..... потому что вы любите и меня и Вѣру, — за то и мы съ ней васъ любимъ, прибавила она быстро и такъ задушевно, что я схватилъ ея дѣтскую, смуглую ручку и крѣпко поцѣловалъ.

Дѣвочка покраснѣла и посмотрѣла на меня съ повымъ и еще большимъ удивленіемъ.

Есть ли на свѣтѣ что-нибудь милѣе и опаснѣе умныхъ дѣтей?...

Черезъ двѣ недѣли.

Если нѣтъ ничего милѣе умныхъ дѣтей на свѣтѣ, за то

нѣтъ на немъ и ничего несноснѣе людей, подобныхъ Звонковскому. Это аксіома.

Баринъ этотъ, — не будь онъ отцомъ Вѣры, я бы давно пересталъ его принимать — надоѣлъ мнѣ невѣроятно. Онъ, не довольствуясь тѣмъ, что я бываю у него раза по три въ недѣлю, является ко мнѣ чуть ли не каждое утро. Просто безсовѣстно!

Его съ ума сводитъ дѣло его, счастливый исходъ котораго зависить отъ князя Н***, а князь Н***, мой начальникъ, благоволитъ ко мнѣ; слѣдовательно — чертъ побори всѣ правильные силлогизмы! — Звонковскій *не можетъ* мнѣ не надоѣдать. Именно не можетъ. Проклятая логика!... Впрочемъ мнѣ сдается, что не одни хлопоты по дѣламъ заставляютъ любезнаго Онуфрія Алексѣича душить меня своими частыми посѣщеніями; здѣсь есть и другія скрытыя цѣли. Онъ постоянно толкуетъ мнѣ, что Вѣра — единственное *его* счастье; описываетъ такими, правда грубыми, но за то яркими красками, всѣ достоинства своей дочери; такъ снисходительно поглядываетъ на мои продолжительные разговоры съ ней; такъ беззаботно оставляетъ насъ однихъ съ Вѣрой и Машей по цѣлымъ вечерамъ, что, кажется, трудно ошибиться въ его закулисныхъ намѣреніяхъ.

Но чтожь такое послѣ этого слова его, сказаннаго пмѣ вслѣдствіе сватовства какого-то барина за Вѣру: «я не желаю ей другаго мужа?» Да и это впрочемъ понятно.

Весь сплетенный изъ мелкаго честолюбія, хитрый и остроумный Звонковскій, при всемъ желаніи породниться съ членами того завѣтнаго круга, передъ которымъ онъ готовъ ползать до самоуничтоженія, боится препятствій со стороны гордаго моего дяди; онъ преслѣдуетъ цѣль издалика, съ тѣмъ животнымъ тактомъ, который отличаетъ и людей и звѣрей, подстерегающихъ свою добычу. Дѣло ясное: я, какъ мнѣ кажется, пристально взглядыся въ эту живую, ходячую спекуляцію, названную при крещеніи Онуфріемъ Алексѣичемъ Звонковскимъ.

Зачѣмъ Вѣра дочь его? Спроси, зачѣмъ полусгнившес старое дерево пускаетъ подь часъ свѣжіе, здоровые побѣги? Спроси, для чего расцвѣтились и льетъ ароматы краси-

вый, дорогой цвѣтокъ, случайно попавшій на окно грязной, сорной комнаты, — вѣдь не долго прожить ему бѣдному, безъ солнечныхъ лучей, безъ нѣжнаго присмотра, къ чему же было распускаться? Вотъ мучительно-глупый вопросъ, на который отвѣчаетъ жизнь цѣлымъ рядомъ пошлостей.

26 Ноября.

Впродолженіе всего обѣда, сегодня рассыпался передо мною Звонковскій въ благодарности за мое «предстательство» у князя. Вотъ что кстати, то кстати!

Я наблюдалъ за Вѣрой, пока ея отецъ пѣлъ мнѣ хвалебную пѣснь; — ее видимо смущалъ тонъ ея. Къ концу обѣда она стала видимо грустить, и какъ-то боязливо, украдкой на меня поглядывала.

Неужели я выялъ настоящую причину боязливыхъ взглядовъ ея? Если бы я не ошбся! Пора разъяснить.....

Завтра, непременно завтра, а тамъ.... будь что будеть!...

Черезъ день.

Пришло завтра, прошло завтра и я все еще не высказался, за то дядя.... весь на-распашку.

— Мы съ тобой сегодня на вечерѣ? спросилъ онъ меня.

— Поѣзжайте одни отвѣчалъ я, а я приѣду позже, если успѣю.

— Отчего же не вмѣстѣ? сказалъ онъ, пытливо посмотрѣвъ на меня своими крошечными глазками.

— Оттого, что сегодня.... я запнулся, какъ пойманный въ шалости школьникъ. Оттого, что тебѣ надоѣлъ кругъ порядочныхъ людей — перебилъ онъ меня, — оттого, что ты знакомъ со всякой дрянью, проводшь цѣлые дни, то въ пустыхъ занятіяхъ, то у какихъ-то Звонковскихъ, волочившись за провинціальными дѣвчонками!...

— Вы нисколько не стѣсняетесь выраженіями, замѣтилъ я, и бросилъ на него хладнокровный взглядъ.

Онъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ.

— Что ты хочешь этимъ сказать?... Я, продолжалъ онъ, не дожидаясь моего отвѣта, повторю тебѣ то, что уже сто разъ повторялъ: что каждый порядочный молодой человекъ можетъ позволять себѣ маленькія фантазіи, и приво-

локнуться, и то, и сѣ, но, во-первыхъ, для этого выби-
расть онъ женщину хорошаго круга, а во-вторыхъ, никогда
не отдается глупо и безумно этой забавѣ.... а ты? связался
съ какой-то....

— Вы привыкли, дядюшка, мѣрить все на свой аршинъ;
оттого вы часто также далеки от истины, какъ пось гра-
фини Ризничъ отъ вашей табатерки, возразилъ я рѣзко и
съ огорченіемъ.

Дядя остолбенѣлъ. По его лицу пробѣжало одно за дру-
гимъ тысячу разныхъ ощущений;—наконецъ мелькнула улыбка:
сначала, не ясно обрисовалась она, слегка только прищу-
ривъ ему глаза и расправивъ сдвинувшіяся брови его, по по-
томъ, послѣ едва замѣтнаго колебанія, быстро разлилась по
всему поблѣднѣвшему лицу, сообщивъ ему насмѣшливое и
дерзко-презирательное выраженіе.... Съ минуты глядѣли мы
молча другъ-на-друга.... «C'est bien, monsieur,—проговорилъ
онъ наконецъ холоднымъ и сдвоеннымъ голосомъ, и сдѣ-
лавъ съ необыкновеннымъ достоинствомъ какой-то жестъ
рукою, направился медленно къ двери, и вдругъ — не дойдя
до нея шаговъ двухъ-трехъ, сильно покачнулся. Сорвав-
шись съ мѣста, я кинулся было къ нему, но онъ мгновенно
выпрямился и, не взглянувъ даже на меня, твердо вышелъ
изъ комнаты.... Въ какомъ-то оцѣненіи стоялъ я передъ
дверью, смутно чувствуя, что настало время борьбы, упор-
ной, трудной борьбы....

Голосъ Семеныча заставилъ меня очнуться.

— Александра Николаичъ, батюшка, что это приключилось
у васъ?—началъ онъ дрожавшимъ отъ волненія голосомъ:—
дядишка-то, говоритъ его камердинъ, лежить такой блѣд-
ный у себя въ гостиной, а вы тоже на себя не похожи, ни
кровинки въ лицѣ, что это батюшка?... Мишка сказывалъ
сейчасъ въ людской, какъ вы тутъ съ дядишкой-то изволили
разсуждать, и часто подминали этого, прости Господи, лѣшаго
Звонковского. — Онъ вѣдь прешустрый этотъ Мишка, все
подслушалъ!... Что я вамъ скажу батюшка? — Плюньте вы
на Звонковского, — ну что вамъ въ-самомъ-дѣлѣ за компанія:
это крапивное сѣмя, онъ вѣдь, нѣтъ слова, богатъ, да мы-то
всѣ знаемъ изъ какихъ онъ, этотъ богатый-то, только слава,

что помѣщикъ, а онъ нашъ братъ холопъ, али хуже приказный. Плюньте вы на нихъ, на этихъ Звонковскихъ, чтобъ имъ.... сто чертей, прости Господи!...

— Семенычъ, сказала я ему сдерживая себя, я тебя очень люблю, но если ты еще разъ повторишь подобныя глупости, то я тебя разлюблю, непременно разлюблю!

Семенычъ зарыдалъ. — Виноватъ.... отъ люб....ви... пролепеталъ онъ, всхлипывая и стараясь поймать мою руку.

— Ну полно, Семенычъ, я ужъ больше не сержусь на тебя, полно, — повторилъ я, потрепавъ его по плечу.

— То-то и есть, батюшка, я вѣдь.... Это отъ душп.... сказалъ онъ съ остаткомъ слезъ въ голосѣ: — ей-ей такъ, вамъ вѣдь вовсе не слѣдъ.... и онъ вдругъ остановился, какъ бы опомнившись, и прошепталъ себѣ подъ носъ что-то въ родѣ «глупой башки», сжалъ губы и боязливо на меня поглядѣлъ.

— Вели мнѣ подать экипажъ, Семенычъ!

— Слушаю-сь, проговорилъ онъ и опрометью кинулся въ комнаты.

— Куда прикажете ѣхать?—спросилъ меня кучеръ, когда я вышелъ на подъѣздъ.

— Пошелъ прямо!... Иванъ, Иванъ,—закричалъ я черезъ минуту, стой! куда ты ѣдешь?

— Куда изволили приказать.... прямо-сь!...

— Нѣтъ, ступай къ Звонковскимъ. И сани быстро помчались по темнымъ улицамъ.

— Дома? спросилъ я, входя въ переднюю.

— Никакъ нѣтъ-сь, изволили уѣхать.

— Кто-жъ тамъ играетъ? — Барышня-сь. — Поди, доложи.... Нѣтъ, не надо! — сказалъ я, сбрасывая съ себя шинель.

Человѣкъ съ какимъ-то удивленіемъ заглянулъ мнѣ въ лицо и потомъ, притворивъ за мною дверь въ залу, по незвѣстной мнѣ причинѣ опять отворилъ ее и, поглядѣвъ мнѣ въ слѣдъ, потянулъ ее осторожно къ себѣ....

Въ большой гостиной было темно, на роялѣ только горѣли двѣ свѣчки, я тихо подошелъ къ Вѣрѣ, она задумчиво

перебирала акорды.... Услыхавъ шорохъ, она подняла голову и, увидѣвъ меня, слабо вскрикнула и вскочила съ мѣста.

— Простите меня, я вамъ помѣшалъ, — сказалъ я.

Вѣра мнѣ не отвѣчала. Блѣдная, стояла она, держась за спинку стула и смотря на меня испуганными глазами.

— Что съ вами? спросила она наконецъ голосомъ, полнымъ страха и участія.

— Со мной? — ничего.

— Не можетъ быть, сказала она продолжая глядѣть на меня, не можетъ быть. Говорите же, что съ вами?

— Я... мнѣ... грусно и я пріѣхалъ.... взглянуть на васъ, проговорилъ я, самъ удивляясь моей безцеремонной откровенности.

— Но вамъ вѣрно очень, очень грустно, сказала она, повидимому во все необративъ вниманія на послѣднія слова моя: — на вашемъ лицѣ слѣды тяжелаго страданія!... Я протянулъ ей руку. Она молча положила на нее свою. Въ глазахъ ея блеснуло какое-то невыразимое чувство....

Я, какъ ребенокъ, приголубленный лаской матери, тихо нагнулъ голову къ плечу молодой дѣвушки и прошепталъ подъ влияніемъ сильнаго душевнаго движенія: «Вѣра, я люблю васъ».... Вѣра молчала. Я откинулся назадъ и тревожно заглянулъ ей въ лицо.... Глаза ея были полны слезъ; одна изъ нихъ медленно катилась по ея блѣдной щекѣ....

— Вѣра, зачѣмъ же эти слезы?

— Зачѣмъ? — развѣ вы не понимаете зачѣмъ? Сказала она, взглянувъ на меня своими синими глазами. И я понялъ зачѣмъ, понялъ въ первый разъ въ жизни, что такое любовь, что такое счастье на землѣ, понялъ, что значитъ истинная слеза любимой женщины!

— Вѣра, Вѣрочка, послышался голосъ Маши, что я тебѣ скажу! что я тебѣ скажу! повторяла она, вбѣгая въ гостинную, но увидавъ меня, остановилась. — А я и не знала, что вы здѣсь, когда же вы пріѣхали, давно? спрашивала она, поглядывая то на меня, то на Вѣру и вдругъ, остановив свои черные глаза на лицѣ Вѣры, сказала: — ахъ какая ты сегодня хорошенькая, никогда такая не была; только.... и дѣвочка подвинулась и, пристально посмотрѣвъ на Вѣру, при-

бавила: — отчего это у тебя глаза красные, ты плакала? Ужь не Александръ-ли Николаичъ тебя разсердилъ! Зачѣмъ она плакала, зачѣмъ?... приставала ко мнѣ Маша?

— Это секретъ — отвѣчалъ я ей — когда вы вырастите, я вамъ его скажу.

Маша задумалась. На ея дѣтскомъ лицѣ отразились слѣды сильной умственной работы.

— Александръ Николаичъ, сказала она тихо, не много отводя меня въ сторону: — не мучьте Вѣру, если бы вы знали какая она добрая и какъ васъ любить, не мучьте ее, а то я васъ.... разлюблю, прибавила она очень серьезно.

— Прощайте Маша, я вамъ даю слово, что не буду болѣе никогда мучить ее, а постараюсь полюбить также, какъ вы ее любите. — Маша очень умно улыбнулась. — Прощайте, сказалъ я, подходя къ Вѣрѣ, дайте мнѣ вашу руку въ знакъ того, что вы на меня не сердитесь. Прощайте Вѣра, сказалъ я тихо, наклоняясь къ ней и цѣлую ея руку.

— До завтра, прошептала она.

Выходя изъ гостиной я остановился у дверей, мнѣ захотѣлось еще разъ взглянуть на Вѣру: какъ она была хороша въ эту минуту! На лицѣ ея, окоймленномъ густыми свѣтлыми локонами, игралъ легкій румянецъ, — все ея молодое существо дышало жизнью и счастьемъ.... Это былъ настоящій типъ женщины, когда она, высказавъ послѣ долгаго молчанія, глубокую тайну своего сердца, радостно и довѣрчиво глядитъ на Божій міръ! Съ дѣтскимъ удивленіемъ, новыми глазами смотритъ она на него, какъ-бы спрашивая самую себя: за чѣмъ же она прежде и давно ужъ не открыла тайны, тяготившей ея душу, не отдала ее за другую тайну млага ей человѣка?....

Шагахъ въ двухъ отъ Вѣры, держась за спинку кресла, вглядѣлась въ тѣни черноглазая Маша, съ какимъ-то радостнымъ дѣтскимъ полу-сознаніемъ посматривая то на меня, то на оживленное лицо Вѣры....

— Пора, подумалъ я, пора домой, а то.... и я почти выбѣжалъ изъ гостиной.

30 Ноября.

Я проснулся поздно. Первой мыслию было свиданіе съ

Вѣрой, второй — визитъ къ дядѣ, очень неприятный визитъ! «Что скажу я ему?» думалъ я... Съ полчаса сидѣлъ я въ раздумьи, — идти къ нему или нѣтъ? но потребность видѣть всѣхъ довольными вокругъ себя, въ минуты нашего счастья, была такъ сильна во мнѣ, что я, не рѣшивъ чѣмъ начну мой разговоръ, отправился на половину дяди.

— Можно войдти? спросилъ я, слегка постучавъ въ затворенную дверь его кабинета.

Вмѣсто привычнаго «можно» — послышалась въ немъ какая-то маленькая суета.

«Приготавливается» подумалъ я. Черезъ нѣсколько минутъ Французъ - камердинеръ отворилъ дверь и, проговоривъ: «пожалуйста-съ», сейчасъ же скрылся. Я вошелъ. Дядя стоялъ передъ своимъ бюро, принявъ видъ и осанку официальной особы, холодно и вопросительно поглядывающей на мелкаго просителя, робко къ ней подвигающагося. Мнѣ даже показался онъ выше ростомъ, такъ гордо и прямо держалъ онъ свою голову.

— Простите меня, я былъ... грубъ, непростительно дерзокъ вчера, сказалъ я, быстро подходя къ нему.

Дядя взглянулъ на меня съ недоумѣніемъ, — видно было, что онъ ожидалъ совершенно другаго вступленія въ разговоръ. Лицо его выразило что-то странное: какую-то смѣсь остатковъ натянутой официальнойности, съ проблесками худо скрываемаго удовольствія.

— Саша! началъ было онъ строго, но не выдержалъ, и сдѣлавъ два шага впередъ, взялъ меня за руку и молча посмотрѣлъ мнѣ въ лицо. — Я вижу, проговорилъ онъ наконецъ съ легкимъ дрожаніемъ въ голосѣ: — что ты раскаиваешься въ твоей непростительной грубости... Забудемъ нашъ вчерашній разговоръ. Я погорячился, увлекся желаніемъ тебѣ добра и сказалъ, *можетъ быть*, что нибудь лишнее, за то и ты... ну, да ужъ будетъ объ этомъ, — прибавилъ онъ и вздохнулъ въ два пріема, какъ бы сбрасывая съ себя тяжелый грузъ; потомъ понюхалъ съ наслажденіемъ табаку и усѣлся въ большое кресло, положивъ ногу-на-ногу.

Мнѣ стало жаль и его, и моей долголѣтней привязанности къ нему, стало горько и обидно, что любовь къ Вѣрѣ,

разъединить меня, быть-можетъ, на всегда съ единственнымъ человѣкомъ, близкимъ мнѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ я чувствовалъ, что слѣдуетъ ужъ разомъ высказаться, что извинившись передъ нимъ, я, пожалуй, испортилъ дѣло, что поправить это можно теперь, а послѣ трудно будетъ, но... дядя глядѣлъ на меня такъ успокоительно и беззаботно, онъ такъ радостно отдыхалъ отъ недавней, непривычной для него душевной тревоги, сталъ снова такимъ кругленькимъ, веселымъ маркизомъ, что я по неволѣ отложилъ неприятныя объясненія до другаго раза.

— Прощайте, сказалъ я, посиѣшно, сегодня мы вмѣстѣ на свадьбѣ Лины — обѣдать я не буду дома.

Я засталъ Вѣру въ гостиной, но не одну, а съ какимъ-то неизвѣстнымъ мнѣ выдѣкимъ и пестро-одѣтымъ баринномъ ужъ не первой молодости, — Маша сидѣла тутъ же. Когда я вошелъ, то Вѣра не много покраснѣла, а баринъ всталъ и вѣжливо поклонился, быстро оглянувъ меня съ ногъ до головы. Разговоръ не клеился; неизвѣстный мнѣ гость видимо старался замять хозяйку дома, но не совсѣмъ удачно.

— Можно мнѣ пойти къ Онуфрію Алексѣвичу, спросилъ я Вѣру:—мнѣ сказали, что онъ у себя въ кабинетѣ?

— Онъ сейчасъ сюда придетъ, подождите, — у него дѣла, проговорила она такимъ голосомъ, что я посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ.

Черезъ минуту послышались шаги, и въ комнату появился Звонковскій.

— Какъ мнѣ было досадно, что я васъ вчера не засталъ; люди мнѣ сказывали, что вы уѣхали отъ насъ за нѣсколько минутъ до моего возвращенія. Ужъ какъ я жалѣлъ, какъ я жалѣлъ, — повторялъ онъ, пожимая мнѣ руку — по крайней мѣрѣ вознаградите меня сегодня за вчерашній вечеръ, останьтесь съ нами кушать.

Я поблагодарилъ. Неизвѣстный мнѣ господинъ поднялся съ своего мѣста и, поклонившись Вѣрѣ, подошелъ къ Звонковскому.

— А вы что-жъ это придумали? Нѣтъ, почтеннѣйшій Евграфъ Афанасьичъ, такъ не дѣлаютъ; — хорошъ приятель! бѣжать отъ хлѣба-соли.

— Ни какъ не могу, сердечно-уважаемый Онуфрій Алексѣичъ, — ей-ей не въ состояніи исполнить вашего лестнаго для меня желанія, отвѣчалъ тотъ. Я посмотрѣлъ на барина... Вѣрно, близкіе родственники, подумалъ я — тѣ же приемы, тотъ же складъ рѣчи, та же сладкая улыбка...

— Вотъ будьте судьей Александръ Николаичъ, сказалъ Звонковскій, обращаясь ко-мнѣ: — мы съ Евграфомъ Афанасьичемъ не видались ужъ нѣсколько мѣсяцевъ, а они, поспѣввъ часть времени, ужъ оставляютъ насъ.

Я что-то пробормоталъ.

Евграфъ Афанасьичъ пріятно поглядѣлъ на меня, немного наклонивъ голову, и потомъ проговорилъ тихимъ, вкрадывымъ голосомъ: — Не могу-съ, дѣла задерживаютъ, ей-ей дѣла-съ!

Звонковскій съ укоризною посмотрѣлъ на пріятеля и прибавилъ: — ну Богъ съ вами, какъ хотите.

Гость низко со всѣми раскланялся и счелъ за нужное протянуть мнѣ свою полную и влажную руку.

Звонковскій отправился его провожать.

— Вѣра, сказала я тихо молодой дѣвушкѣ: — я пріѣхалъ сегодня, чтобы переговорить съ вашимъ отцомъ... вы мнѣ позволите это сдѣлать?

— Подождите, прошептала она мнѣ блѣднее: — къ чему спѣшить?

— Чего же ждать Вѣра? спросилъ я ее тревожно.

— Ради Бога подождите, — намъ такъ хорошо теперь, кто знаетъ, что будетъ послѣ...

Я посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ. — «Александръ Николаичъ, Вѣрочка, Маша, кунать подали!» послышался голосъ хозяина изъ залы.

— Вѣра, что все это значить? — сказалъ я, подавая руку молодой дѣвушкѣ. Она молчала.

— А вы на меня сегодня и глядѣть не хотите, проговорила Маша, выходя съ нами изъ гостиной: — ну и я на васъ глядѣть не стану и ничего никогда говорить не буду, прибавила она, дѣлая легкую гримасу.

За обѣдомъ пришлось мнѣ знакомиться съ біографіею

пріателя Онуѣрія Алексѣича; онъ оказался человѣкомъ рѣдкаго ума и высокой честности.

— Онъ обязанъ всѣмъ самому себѣ, рассказывалъ Звонковскій: — на службѣ приобрѣлъ онъ себѣ и обезпеченіе и прекрасное положеніе, и далеко бы пошелъ, да враги одолѣли, все молодежь! вы вѣдь господа, прибавилъ онъ добродушно смѣясь: — какъ приметесь гнать, такъ Боже упаси, — вотъ и Левандовскій, Евграфъ Афанасьичъ, дослужился до надворнаго совѣтника да не понравился новому начальнику пзъ «молодыхъ», ну и пришлось утечь.» Вы человѣкъ способный, только убѣжденій мы съ вами разныхъ, сказалъ ему молодой-то, и потому, говоритъ, не лучше ли вамъ перейти на другое мѣсто? Левандовскій смекнулъ въ чемъ дѣло. Слушаю-сь, отвѣчалъ онъ молодому-то, сожалѣю, что не угодилъ вашему превосходительству! а тотъ ему ничего не отвѣчалъ, поклонился только. И «ваше превосходительство» не подѣйствовало, даромъ что молодой-то ни по чину, ни по мѣсту не былъ еще превосходительнымъ, такой ужъ крутой былъ, наравилъ все по-своему... такъ вотъ-съ Левандовскій и разсудилъ: буду я лучше заниматься хожденіемъ по дѣламъ и припишусь къ какому ни-на-есть благотворительному обществу для полученія чиновъ, тамъ по-крайности не попросятъ выйти въ отставку подъ предлогомъ какихъ-то убѣжденій.

И дѣйствительно все пошло какъ по маслу, вотъ онъ ужъ теперь и статскій совѣтникъ, и съ деньгами, и съ надеждою приобрести еще столько же, благо человѣкъ-то онъ не старый, всего сорока двухъ-трехъ лѣтъ. «Не повѣрите, говоритъ онъ часто, свѣтъ увидѣлъ съ-тѣхъ-поръ, какъ сдѣлался вольнымъ казакомъ. Не много хлопотно, правда, но по-крайности никто тебѣ въ глаза не тычетъ ни своихъ взглядовъ, ни убѣжденій; занимаешься себѣ мирно и, приведи къ желанному концу иное запутанное дѣльце, только потянешься да улыбишься: — дескать, не со всѣмъ-ты тупая голова Евграфъ, сумѣлъ обдѣлать все какъ слѣдуетъ». И я скажу, — прибавилъ Звонковскій, умная голова Евграфъ, тонкая штука... много пожилъ я на свѣтѣ, а такихъ умницъ,

какъ онъ да вотъ... вы, Александръ Николаичъ, мало встрѣчались.

Мнѣ захотѣлось ему сказать, что онъ глупъ и гадокъ.

Послѣ обѣда хозяинъ не пошелъ къ себѣ спать, по обыкновенію и я, посидѣвъ съ полчаса, уѣхалъ. Вѣра при прощаніи кинула мнѣ грустный взглядъ, а Маша *по-своему* улыбнулась.—Что-то не ладно! ужъ не претендентъ ли это на руку Вѣры, этотъ вольный казакъ Левадовскій? — За чѣмъ же она запретила мнѣ сдѣлать предложеніе? Что все это значить?..

12 часовъ ночи.

— Прогулялъ ты невѣсту Саша, — другой такой не скоро найдешь... эхъ вы *нынѣшніе*! Желалъ бы я знать, чего вы хотите, что вамъ правится? Право, сами не знаете — говорилъ дядя, возвращаясь со мною послѣ свадьбы Лины. На свадьбѣ было все какъ слѣдуетъ: и туалеты, и экипажи, и женихъ, и огромная свита молодыхъ дѣвушекъ, сопровождавшихъ невѣсту въ церковь... не было только одного... не видалъ я радости и счастья въ глазахъ вѣнчавшихся, за то брилліанты горѣли и искрились на невѣстѣ, за то лицо и вся приличная фигура жениха дышала гордымъ самодовольствомъ... да вѣдь и то сказать, къ чему вѣчно гоняться за чувствомъ? Оно, во-первыхъ, можетъ завянуть также скоро, какъ букетъ цвѣтовъ, съ которыми стоитъ невѣста подъ вѣнцомъ, а во-вторыхъ: многимъ ли оно нужно? Если разобратъ по лучше, наша жизнь сплетается изъ такихъ мелочей, и бессмыслицъ, что въ ней участвуетъ все, кромѣ чувства.

Странно, но мнѣ всегда бываетъ грустно на свадьбахъ, гораздо грустнѣе, чѣмъ на похоронахъ. По-правдѣ сказать, я не вижу большей разницы межъ вѣнчальнымъ вѣнкомъ невѣсты и гробомъ покойника; все различіе въ процессіи — тамъ глупо бѣснуются, а здѣсь пошло плачутъ. Многія ли изъ васъ, молодыя женщины, могутъ похвалиться осуществленіемъ вашихъ надеждъ и желаній? У многихъ ли изъ васъ исполнились лучшіе обѣты вашего сердца? Прежде чѣмъ вы, прелестная графиня, узнали и смыслъ любви, васъ

обрекла на закланіе черствая рука отца — эгоиста. Иныя изъ васъ идутъ къ брачному ложу съ полнымъ отвращеніемъ въ душѣ къ этому похоронному катафалку; многіе ли изъ васъ не отдапы на промѣнѣ креста, сана, чина или толстаго свертка ассигнацій? И вотъ, проданныя на этомъ базарѣ самыхъ попленькихъ человѣческихъ сдѣлокъ, вы догадываетесь, къ сожалѣнію, поздно, что ваши слезы подъ вѣнцомъ были предчувствіемъ печальнаго грядущаго. И прежде чѣмъ ваша грудь вздохнетъ свободно, васъ гнететъ новое рабство, новыя страданія семейнаго ада... И часто вы приходите къ могилѣ, даже не зная, что такое радость и счастье жизни.

Страдальца, опутанная тяжкими цѣпями: — она сохнетъ, вянетъ подъ гнетомъ своего величаваго супруга — кто жалѣетъ о ней, кто? — умри она, и отвсюду послышатся сожалѣнія о безвременной кончинѣ счастливицы... а вѣдь у нихъ, у этихъ сожалѣющихъ-то, еще на памяти любовь молодой женщины, которою она пожертвовала, чтобы успокоить своихъ ибжныхъ родителей. Глотая слезы шла она подъ вѣнецъ и никто не вздохнулъ, никто не пожалѣлъ бѣдной счастливицы — а теперь плачутъ о ней.

Вѣра, что ждешь тебя? неужели парадная смерть? — не можетъ быть!..

2-го Декабря.

Вчера я получилъ письмо отъ Звоиковскаго.

— Я у васъ былъ вчера и сегодня — пишетъ онъ — и оба раза не имѣлъ чести васъ застать дома, а потому спѣшу письменно принести вамъ мою никайшую и живѣйшую благодарность за помощь, которую вы мнѣ изволили оказать съ такою истинно-христіанскою готовностію. Дѣло мое счастливо разрѣшилось, благотѣльное вліяніе князя Н*** спасло меня отъ большой бѣды, изоблчило козип моихъ недоброжелателей... мнѣ остается теперь до конца дней моихъ возносить теплыя молитвы къ престолу Всевышняго. да испослетъ Онъ свои щедроты на васъ, глубоко-уважаемый мною Александръ Николаевичъ, и на благодушнаго начальника вашего, его сіятельство князя Н*** и проч. и проч.

«Что за вздоръ!» — подумалъ я, да не тотъ ли самый бла-

годушный князь Н*** объявилъ мнѣ, что Звонковскій напрасно хлопочеть, что онъ его... чего добраго повѣсать? и сказалъ все это такъ грозно, а теперь... просто невѣроятно!

Черезъ недѣлю.

Ларчикъ просто открывался! Князь Н***, увидѣвъ меня на дняхъ, сказалъ мнѣ, что хоть Звонковскій и не совсѣмъ чистъ вообще, но что въ этомъ дѣлѣ онъ правъ, что онъ это знаетъ отъ людей, которымъ онъ вполне вѣритъ. Да сколько же наконецъ у князя людей, которымъ онъ вполне вѣритъ? Благодушное сѣятельство!

Звонковскій еще болѣе пояснилъ мнѣ дѣло.

— Я вотъ, изволите видѣть, попросивъ васъ содѣйствовать мнѣ своимъ предстательствомъ у высшаго сановника, съ своей стороны началъ съ хвоста; имъ пренебрегать тоже не должно — проговорилъ практическій коллежскій ассесоръ — дѣло-то вотъ видите и пошло на ладъ. Ихъ сѣятельству сначала что-то не совсѣмъ показалось оно... (мнѣ это подъ рукою передали), но все же много значило ваше слово, потому что когда я объяснилъ, какъ слѣдуетъ другимъ-то, всю сущность моихъ справедливыхъ требованій, представивъ на то по мѣрѣ возможности законныя доказательства, то ихъ сѣятельство, сообразивъ все вмѣстѣ, ипlostиво и ужъ совершенно иначе взглянули своимъ окомъ на меня неправедно оклеветаннаго.

Дѣйствительно должно быть хвостомъ пренебрегать не должно... запишу, чтобъ не забыть!

14-го Декабря.

Звонковскій, кажется, насильно хочетъ подружить меня съ Левандовскимъ и тотъ, повидимому, не прочь отъ этого! онъ льститъ мнѣ непрерывно, громко восхищается и словами моими и жилетами и даже чуть-ли не сапогами... Только мнѣ сильно не по-путру его милыя рѣчи; я рѣшительно не могу равнодушно видѣть этого любезнаго и вѣжливаго статскаго совѣтника.

Съ Вѣрою я едва уснѣваю сказать два слова все это время, и утромъ и вечеромъ вертятся около меня не разлучные Звонковскій и Левандовскій.

Маша сдѣлалась какою-то таинственною, она даже рѣже

стала смѣяться, и на нее должно-быть непріязненно дѣйствуетъ вѣчное присутствіе Левандовскаго въ домѣ.

— Скажите мнѣ Маша, спросилъ я ее недавно — этотъ Левандовскій ужь не тотъ ли баринъ, про котораго вы мнѣ говорили, какъ только-что вернулись изъ деревни?

— Ахъ нѣтъ, не онъ, отвѣчала Маша. А отчего вы у меня объ этомъ спрашиваете? прибавила она быстро.

— Такъ! Ну, коли такъ, такъ объ этомъ и говорить нѣчего, проговорила она серьезно.

— Вы меня разлюбили Маша, совсѣмъ разлюбили, сказала я ей, немного помолчавъ. — Дѣвочка покрасилъа.

— Не правда, отвѣчала она, а вотъ вы... вы совсѣмъ переѣнились; я васъ не узнаю, даже Онуфрій Алексѣичъ замѣтилъ. Онъ сказалъ это вчера за утреннимъ чаемъ. Совсѣмъ, говоритъ, не тотъ сталъ Александръ Николаичъ, все задумывается — сказалъ и сталъ смотрѣть на насъ съ Вѣрою, да такъ долго, такъ сердито, какъ будто мы съ ней виноваты, что вы стали задумываться? прибавила Маша.

Въ это время въ комнату вошла Вѣра. Какъ она похудѣла! — Вы не здоровы? спросилъ я ее. — Нѣтъ, ничего! отвѣчала она.

— Ничего! повторилъ я тихо, грустно поглядѣвъ на нее.

— Александръ Николаевичъ, сказала она мнѣ вполголоса: — не сердитесь на меня, я... ни въ чемъ не виновата... и слезы мелькнули на глазахъ ея.

— Вѣра, я васъ не понимаю! проговорилъ я такъ громко, что Маша взглянула на меня и робко вышла изъ гостиной.

— Объясните мнѣ ради Бога, что все это значить? продолжалъ я.

— Что это значить? Это значить, что я васъ не... должна любить. Мнѣ не велятъ васъ любить! произнесла она едва внятно.

— И вы въ состояніи послушаться? сказалъ я нетерпѣливо.

Молодая дѣвушка кротко посмотрѣла.

— Какъ вы могли мнѣ сдѣлать такой вопросъ?.. вы мнѣ

не вѣрите, Александръ, прошептала она, тоскливо взглянувъ на меня своими добрыми глазами.

— Вѣра, я вамъ болѣе вѣрю, чѣмъ самому себѣ, я никого такъ не люблю какъ васъ, но разсудите сами, что же мнѣ дѣлать? вы запретили мнѣ объясниться съ вашимъ отцомъ; я вамъ повиновался, терпѣливо ждалъ я, молча слѣдилъ, замѣчалъ какъ съ каждымъ днемъ вы становились все грустнѣе и грустнѣе, напрасно старался поймать минуту, чтобы сказать съ вами слово — наконецъ, нашелъ ее, и что же слышу отъ васъ? мнѣ не велятъ васъ любить... согласитесь — есть отъ чего съ ума сойти!..

— Александръ Николаичъ, завтра я... завтра вы все узнаете! сказала она рѣшительно и, вставши съ мѣста, подошла къ роялю.

Раздалась громкіе акорды. — Голосъ ея зазвучалъ, зазвучалъ энергически, почти грозно.

Въ первый разъ въ жизни почувствовалъ я всю страшную силу поэзіи женскаго оскорбленнаго сердца.

Подъ вліяніемъ чудныхъ звуковъ, которые шли отъ сердца къ сердцу, я глубоко задумался.

— Прекрасно изволите пѣть Вѣра Онуфріевна! раздался чей-то голосъ. Я вздрогнулъ и обернулся, — въ дверяхъ показался Левандовскій.

— Славно, славно! подхватилъ за нимъ голосъ Звонковскаго, и въ гостинную вошли два пріятели, весело улыбаясь.

Молодая дѣвушка быстро встала съ своего мѣста и, едва поклонившись гостю, скрылась.

— Вѣра, Вѣрочка, закричалъ ей въ слѣдъ Онуфрій Алексѣичъ: — спой еще что-нибудь. Евграфу Афанасьевичу очень понравился твой голосъ!

Вѣра не воротилась.

— Маша, сказалъ онъ дѣвочкѣ, незамѣтно подкравшейся въ комнату во время пѣнія: — позови ее сюда, сейчасъ же, прибавилъ, онъ слегка нахмурилъ брови.

Маша отправилась, и черезъ минуту вернулась вся блѣдная.

— Вѣрѣ душно! проговорила она испуганнымъ голосомъ

я бросилась опрометью назадъ. Звонковскій пошелъ суетливо за ней. Гость сдѣлалъ глупѣйшую мину. — Лодсколономъ потрите! сказалъ онъ.

— Я схватилъ шляпу и какъ безумный кинулся вонъ....

На другой день.

Сегодня я заѣзжалъ утромъ къ Звонковскимъ узнать о здоровьѣ Вѣры.

— Ничего, она здорова, отвѣчалъ мнѣ довольно сухо хозяинъ дома: — должно быть вчера угорѣла.

Посидѣвъ недолго, я поднялся, чтобы уѣхать, какъ въ гостинную появилась Маша.

— Вѣра велѣла вамъ отдать эту книгу, она васъ благодарить за нее, проговорила дѣвочка, подавая мнѣ книгу завернутую въ бумагу

— Что это за книга? спросилъ Звонковскій, какъ-то подозрительно взглянувъ на меня.

— Это? французская! быстро отвѣчала Маша, безпокойно посмотрѣвъ мнѣ въ глаза.

— Прощайте, Онуфрій Алексѣичъ.

— Прощайте, сказалъ Звонковскій, доведя меня до передней и не остановившись на порогѣ ея, чего прежде съ нимъ никогда не было, онъ удался прежде, чѣмъ я успѣлъ надѣть шинель.

Вернувшись къ себѣ, я нетерпѣливо раскрылъ книгу и нашелъ въ ней письмо.

VIII.

Два письма.

Письмо Вѣры къ Митневу.

«Послушайте, неужели вы думаете, что мнѣ легко было вчера сказать вамъ, что мнѣ не вѣлѣтъ васъ любить, и что я все-таки люблю, не могу не любить васъ?... вѣтъ, вы этого не думаете, я знаю, что нѣтъ. Мѣсяць тому назадъ, я васъ просила подождать. Тогда я еще надѣялась, старалась и могла себя обмануть, но теперь, — теперь обяза-

3*

на, должна вамъ сказать всю правду. Не дѣлайте предложенія, — вамъ откажутъ.

Отецъ мой ужъ выбралъ мнѣ жениха, вы его видѣли все это время у насъ. Каждый почти день повторяетъ онъ мнѣ, что Левандовскій единственный человѣкъ, за котораго онъ желаетъ, чтобъ я вышла замужъ. И это — каждый день впродолженіе четырехъ мѣсяцевъ! Отецъ мой любитъ меня, я въ этомъ увѣрена, за чѣмъ же, когда я говорю, что не могу равнодушно глядѣть на Левандовскаго, онъ повторяетъ мнѣ, цѣлуя меня въ лобъ: «ты еще дитя, ты у меня дурочка, сама не понимаешь своего счастья!»

«Да, неужели же онъ въ-самомъ-дѣлѣ убѣжденъ, что я дитя, что я не имѣю ни искры ума, что сердце мое — каменное сердце? А если это такъ, то зачѣмъ же Левандовскій такъ упорно преслѣдуетъ меня. Зачѣмъ ему, умному человѣку, глушую жену, ребенка, который не пойметъ его? Не за тѣмъ ли, что я богатая певѣста? Но вѣдь это только другіе говорятъ, а мнѣ мой отецъ ужъ давно сказалъ, что у меня почти ничего нѣтъ; что имѣніе, въ которомъ мы живемъ, можетъ легко быть продано... говорилъ о какихъ-то начетахъ, подрядахъ... право я не поняла хорошенько... но послѣ этого, какимъ образомъ могло Левандовскому прійти въ голову за меня свататься, когда онъ самъ, и не разъ, говорилъ при мнѣ, что нужно быть пустымъ человѣкомъ, чтобы жениться на дѣвушкѣ безъ состоянія? А вѣдь онъ не можетъ не знать, что за мной ничего не будетъ, онъ такъ друженъ съ моимъ отцомъ! Мнѣ иногда приходитъ странная и ужасная мысль въ голову: мнѣ кажется, что отецъ мой хоть и очень меня любитъ, но Левандовскаго онъ любитъ больше... Иначе я, право, не могу объяснить себѣ то равнодушіе, съ которымъ онъ глядитъ на меня, когда я съ слезами на глазахъ, почти на колѣняхъ умоляю его отказать Левандовскому. — Скажите, можно ли глядѣть равнодушно на слезы человѣка, котораго любишь?... Неужели можно?... Впрочемъ... можетъ быть это разумная любовь, про которую такъ часто толкуютъ при мнѣ отецъ мой и Левандовскій?»

«Разумная любовь!... отъ чего же отъ нея такъ холодно

становится на сердцѣ, отъ чего оно бѣдное, такъ неотступно просить другой... не разумной любви?»

«Отчего такъ возмущаютъ меня слова Левандовскаго, съ которыми онъ обращается ко мнѣ, говоря о своей преданности и любви? — Ты меня сильно огорчишь, если не согласишься на предложеніе Евграфа Афанасьича, сказалъ мнѣ недавно отецъ, повѣрь моей опытности, никто лучше отца не знаетъ, что нужно для его дочери.

— Папа, отвѣчала я цѣлуя его руки, я не люблю его, никогда не буду, не могу любить его!... Съ минуту онъ молчалъ.

— Вѣрочка, проговорилъ онъ наконецъ, — ты выйдешь за него, потому что онъ хорошій человѣкъ и потому что я уже далъ ему слово — а ты должна знать, что такое слово честнаго человѣка!

«Разговоръ этотъ былъ вчера утромъ часа за два до вашего приѣзда. Вечеромъ, когда я пришла съ нимъ проститься, онъ посмотрѣлъ мнѣ въ глаза и сказалъ съ разстановкой: — Я, моя милая, ужъ старый человѣкъ, смотри, будь осторожна; — я не люблю ни сценъ, ни обмороковъ, ни... онъ не кончилъ и, перекрестивъ меня три раза, сухо протянулъ мнѣ руку и даже не поцѣловалъ меня...»

«Боже мой! какъ я дурно дѣлаю, что пишу къ вамъ и жалуюсь на отца! За то никогда, никогда я такъ не страдала, какъ теперь; не будь Маши около меня (она все знаетъ), не будь ся — я бы кажется задохнулась отъ слезъ.

«Не знаю, что со мною будетъ, знаю только одно, что никогда не буду женой Левандовскаго. Скорѣй умру!...»

В.

ОТВѢТЪ МИТНЕВА ВѢРѢ.

«Зачѣмъ говорите вы, что дурно сдѣлали, написавъ ко мнѣ? Что же въ этомъ дурнаго? — Вы раскрыли свою душу человѣку, душа котораго принадлежитъ вамъ вся, безраздѣльно — гдѣ же тутъ преступленіе? Много истинно-преступнаго дѣлается на свѣтѣ явно и открыто, а то что чисто и невинно, какъ мысль ребенка, принуждено бы-

васть иногда прятаться въ тѣни или принимать личину преступленія.»

• «Не спорю, васъ осудили бы строго, еслибъ узнали, что вы писали къ молодому человѣку, да еще къ молодому человѣку, котораго вамъ *не вельно* любить, — но спуститесь на дно своей души, спросите у своей совѣсти: обвѣщает ли она васъ или нѣтъ? она вѣрно скажетъ вамъ тоже, что и я: что вы, Вѣра, чисты, какъ голубь! Не прибавляйте же себѣ новыхъ страданій, не пугайте своего воображенія ложными призраками, ненаглядное дитя мое!»

«Повѣрте мнѣ, — ваше письмо ко мнѣ — исповѣдь неспорченного женскаго сердца, голосъ души, прекрасно-настроенной.»

«Въ одномъ только готовъ я согласиться съ вами: дѣйствительно и *странно* и ужасно думать, что отецъ вашъ можетъ болѣе любить Левандовскаго, чѣмъ васъ, — только въ минуту отчаянія могла вамъ придти подобная мысль.»

«Можетъ ли быть, чтобъ отецъ изъ привязанности къ чужому человѣку, могъ добровольно пожертвовать счастьемъ своего ребенка? — будь этотъ человѣкъ во-сто-кратъ лучше Левандовскаго, будь этотъ ребенокъ и не такое сокровище, какъ вы Вѣра!»

«Вы ошибаетесь. Отецъ вашъ, конечно, виноватъ въ томъ, что не потрудился *понять* васъ, но, мнимое равнодушіе, настойчивость его выходятъ изъ убѣжденія, что Левандовскій, — этотъ идеаль ума и практическаго знанія жизни, по мнѣнію Онуфрія Алексѣича, не можетъ быть вашимъ несчастіемъ.»

«А знаете ли вы, что такое убѣжденіе? знаете ли вы, что оно для человѣка съ сильнымъ, упорнымъ характеромъ? Оно — его вѣра, его религія, почти жизнь его!...»

«Все это такъ; но, милое дитя мое, подождите отчаяваться, еще есть надежда.»

«Вашъ отецъ такъ часто увѣрялъ меня, что я въ глазахъ его составляю рѣшительное исключеніе изъ нынѣшней молодежи — почему? не знаю — а на дняхъ сдѣлалъ мнѣ даже *честь*, вознесъ меня на одинъ пьедесталь съ своимъ

идеаломъ — Левандовскимъ. Быть можетъ всему виною мое молчаніе.»

«Вѣра, позвольте мнѣ объясниться съ вашимъ отцомъ позвольте мнѣ сказать ему, что я люблю васъ, люблю болѣе чѣмъ самого себя... Вѣра, позвольте...»

А. Митневъ.

15 Декабря.

IX.

Дневникъ Митнева.

16 Декабря.

Какъ трудно было мнѣ разувѣрять Вѣру въ томъ, въ чемъ я убѣжденъ болѣе, чѣмъ она сама. Но могъ ли я иначе поступить? Положеніе ея и безъ того мучительно, а мысль, что отецъ не любитъ ее, укоренившись въ ней, уничтожила бы и послѣдній остатокъ нравственныхъ силъ ея... Пусть лучше обманываетъ она себя до времени, пусть пока не называетъ она настоящимъ именемъ то чувство отца, которое заставляетъ его требовать отъ дочери невозможнаго, чтобъ не сказать, подлаго.

Бѣдняжка! въ словахъ ея проглядываетъ худо скрытое желаніе быть опровергнутою; ей такъ хочется вѣрить въ отца, въ его любовь...

26 Декабря.

Небо все болѣе и болѣе заволакивается темными, зловѣщими тучами; между ними мелькаетъ и уныло глядитъ на меня блѣдное лицо Вѣры; возлѣ него видятся мнѣ черные глаза присмѣрившей Маши, они со страхомъ устремились на двѣ крѣпко обнявшіяся фигуры плотнаго свойства, на двухъ неразлучныхъ друзей: Онуфрія Алексѣича и Евграфа Афанасьича.

— Вы мнѣ ничего не отвѣчали на мое письмо! скажи я Вѣрѣ, оставшись какъ-то случайно съ нею вчера

вечеромъ.

Я не знала, что отвѣчать.... Подумайте, Александръ, если вамъ откажутъ.... я вѣдь васъ болѣе ни-

когда не увижу!... проговорила она, грустно покачавъ головой.

— За что вы меня такъ любите Вѣра? спросилъ я ее съ увлеченіемъ.

Молодая дѣвушка ничего не отвѣчала. Молча протянула она мнѣ руку, молча опустила она глаза въ землю, и глубоко задумалась.

Еще одна подобная недѣля и я рѣшусь объясниться съ Звонковскимъ. Вѣра гаснетъ какъ свѣчка; отецъ ея становится почти грубъ со мной; пестрая личность Левандовскаго такъ и мечется въ глаза, полныя щеки его сіяютъ и лоснятся... Какая гадость этотъ *единственный* господинъ!

5 Января.

Я ѣздилъ вчера къ Звонковскому дѣлать предложеніе.

— Онуфрій Алексѣичъ, сказалъ я ему — я люблю вашу дочь, отдайте мнѣ ее, я всѣми силами буду стараться сдѣлать ее счастливой.

Звонковскій всталъ и проговорилъ съ чувствомъ:—Ни я, ни дочь моя конечно никогда не могли бы желать лучшей партіи. Вы, Александръ Николаичъ, заслужили всеобщее уваженіе, всеобщую любовь рѣдкими достоинствами, но — продолжалъ онъ — не скрою отъ васъ двухъ важныхъ препятствій. Во-первыхъ, вы — человѣкъ высшаго круга, въ которомъ мы, маленькіе люди, никогда не жили, и ничего не значимъ; во-вторыхъ, Вѣрочка очень не богатая, скорѣе бѣдная невѣста....

— Мнѣ не нужно знать, перебилъ я его, есть ли что-нибудь у вашей дочери; я самъ имѣю состояніе, Онуфрій Алексѣичъ.

На лицѣ Звонковскаго разлилась какая-то неуловимая улыбка, что-то въ родѣ тупаго удивленія выразилось на немъ; — съ минуту онъ, какъ-бы боролся съ самимъ собою и, наконецъ вздохнувъ, взялъ меня за руку и, крѣпко сжавъ ее, сказалъ:—Вы Александръ Николаевичъ, благородный, истинно-благородный молодой человѣкъ, и легко поймете, что данному слову нельзя измѣнить; я не хотѣлъ вамъ этого говорить прежде, но теперь вынужденъ. Рука моей дочери—

проговорилъ онъ торжественно — ужъ не свободна, она общала ее....

— Неправда! чуть было не вскрикнулъ я, но во время опомнился.

Видно однако, на лицѣ моемъ выразилось чувство не совсѣмъ лестное для коллежскаго ассесора, потому что онъ поблѣднѣлъ и инстинктивно сдѣлалъ два шага назадъ.

— Я не зналъ, что рука вашей дочери обѣщана проговорилъ я, останавливаясь на каждомъ словѣ и пристально глядя ему въ глаза: — я непростительно опоздалъ, прибавилъ я вполголоса, дѣлая немовѣрные усилія, чтобы не высказать всю правду бездушному отцу.

— Искренно сожалѣю, никогда, никогда не прощу себѣ моей поспѣшности, — заговорилъ онъ скоро и не совсѣмъ внятно.

— Прощайте, Онуфрій Алексѣичъ, я увѣренъ, что нашъ разговоръ останется между нами, и что вы мнѣ позволите бывать у васъ по-прежнему! — съ трудомъ проговорилъ я, чувствуя, что силы меня оставляютъ.

— Надѣюсь, надѣюсь, слишкомъ дѣвно ваше расположеніе ко мнѣ и къ моему семейству, прибавилъ онъ съ той радостной улыбкой, которая появляется на лицѣ человѣка, только-что спасагося отъ смертельной опасности.

До самаго экипажа провожалъ онъ меня съ поклонами, забывъ даже о крещенскомъ морозѣ.

И такъ все кончено! — Неужели все?... Но вотъ человѣкъ, подумалъ я невольно, сколько мерзостей онъ долженъ былъ принять и воспитать въ себѣ, чтобъ такъ расчитанно и холодно убить дочь свою; сколько преступленій, разврата и лжи должно было соединиться въ томъ поколѣніи, которое произвело его на свѣтъ? Не правда ли, все это мы называемъ жизнью, людьми, да еще жмемъ имъ руку и зависимъ отъ нихъ?

X.

Письмо Вѣры къ Митневу.

«Вотъ уже полчаса, какъ я сижу, положивъ передъ собой листъ бумаги, чтобы писать къ вамъ, и — не знаю съ чего начать; не знаю какъ выговорить слова, которыя тяготятъ мою голову, туманятъ мой бѣдный, слабый умъ».

«Отецъ меня не любитъ!... Онъ самъ мнѣ это сказалъ.»
«Нѣтъ, не могу писать. Послѣ, послѣ скажу»....

8 часа ночи.

«На силу уложила я Машу. Она непремѣнно хотѣла всю ночь сидѣть около меня. Гдѣ ей, бѣдному ребенку, это выдержать! Ахъ, Александръ Николаичъ,—если бы вы знали, что я чувствую!.. Сердце мое бьется до боли, ему тѣсно въ груди...»

«Я рѣшаюсь вамъ *все* рассказать...»

«Сегодня вечеромъ меня позвали въ кабинетъ къ отцу.»

— Ты знала, что Митневъ пріѣзжалъ свататься за тебя? спросилъ онъ, строго взглянувъ на меня.

— Нѣтъ, папа, не знала, проговорила я, и почувствовала, что блѣднѣю.

— Не знала? — Ты лжешь! сказалъ онъ, топнувъ ногою.

— Я задрожала.

— Ты лжешь, продолжалъ онъ — потому... что онъ самъ мнѣ это сказалъ!

— Не можетъ быть, онъ не могъ этого сказать! произнесла я твердо. Отецъ поглядѣлъ мнѣ молча въ глаза.

— Такъ или иначе, проговорилъ онъ медленно, но ты не выйдешь за него, ты завтра же дашь слово — Левандовскому!

— Никогда! сказала я сильно и громко.

— Какъ никогда! я тебѣ говорю: — завтра, прибавилъ онъ спокойнымъ голосомъ.

— Папа, сказала я, подвигаясь къ нему и опускаясь на колѣни: — папа, я не люблю Левандовскаго, откажите

ему ради Бога!... Папа.... я умру! прошептала я, цѣлуя его руки.

— Терпѣть не могу сценъ, проговорилъ онъ сурово, приподнимая меня съ полу: — вы, сударыня, романическая дѣвушка и больше ничего! Вы не стоите моей любви, моихъ нѣжныхъ о васъ попеченій. Вы — неблагодарная! А знаете ли, что такое неблагодарность къ родителямъ? Это преступленіе, самое страшное преступленіе на свѣтѣ. И Богъ караетъ безчувственныхъ дѣтей, и люди ихъ презираютъ!....

— Папа, сказала я, обливаясь слезами, я васъ люблю, очень люблю, но только...

— Но только не хочу исполнить вашего желанія, перебилъ онъ меня. Хороша любовь! Вы ничего не чувствуете, — вамъ бы только пѣть, наряжаться, читать книжки, да болтать цѣлые дни съ молодыми людьми, прибавилъ онъ съ улыбкою, отъ которой вся кровь во мнѣ застыла: — я васъ любилъ, а теперь...

«Конца я не слыхала, — у меня зашумѣло въ головѣ и я упала безъ чувствъ.»

Я очнулась въ своей комнатѣ. Отецъ стоялъ около моей постели и мрачно глядѣлъ на меня.

— Не нужно ли послать за докторомъ? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, не нужно! прошептала я

— Да чтò ты чувствуешь? продолжалъ онъ спрашивать, дотрогиваясь до моего лба.

— Ничего, я здорова, отвѣчала я, снова закрывая глаза.

— Ну спи спокойно, проговорилъ онъ, перекрестивъ меня, и вышелъ тихо изъ комнаты.

«Скажите, — можно ли изъ послушанія полюбить человека, который противенъ? Можно ли торжественно клясться въ любви къ одному и въ тоже время принадлежать всѣмъ сердцемъ другому? Можно ли это сдѣлать изъ послушанія?... Не покараетъ ли Богъ, не станутъ ли презирать люди за подобное послушаніе?»

«Кому же вѣрять? Голосу своей души, или отцу?...»

«Скажите мнѣ, другъ мой, что же мнѣ дѣлать? — Я люблю отца моего, люблю васъ, люблю любовь мою...»

В.

Письмо Митнева къ Вѣрѣ.

«Вы добры, какъ ангель! Я не послушался васъ; мучимый нетерпѣніемъ, поспѣшилъ сдѣлать предложеніе и тѣмъ усилилъ ваши страданія, а вы... вы даже не намекнули мнѣ въ вашемъ письмѣ, что всему виною я!..»

«Вы — удивительная женщина, васъ нельзя не любить! Нѣтъ, за васъ можно радостно умереть.»

«Дитя мое, — вы еще не знаете, я никогда не говорилъ вамъ, что вы такое для меня? вы не знаете какимъ труднымъ путемъ я дошелъ до васъ; не знаете, что встрѣча съ вами утвердила меня на дорогѣ, съ которой столкнули было меня мое малодушіе и обстоятельства!»

«Утрите же ваши слезы, улыбнитесь вашими синими глазами, взгляните при смѣлѣе впередъ — вѣдь тотъ, котораго вы почти создали, заставили жить—молодъ и полонъ увѣренности въ свои силы...»

«Вѣра, надѣйтесь — я съ вами!»

А. Митневъ.

Отвѣтъ Вѣры.

Александръ Николаичъ, — я вамъ вѣрю, я — счастлива, я полюбила даже мои страданія...

Вѣра.

XI.

Дневникъ Митнева.

3 Февраля.

Дни и ночи просиживаю я, придумывая тысячу плановъ одинъ другаго не легче, чтобы вырвать Вѣру изъ дома ея отца. Говорятъ, я страшно измѣнился, потому что дядя почти съ испугомъ спросилъ меня вчера: «что съ тобой»?—Ничего дядя.... все пройдетъ!

— Да что пройдетъ-то? спросилъ онъ, и помолчавъ прибавилъ: — Саша, неужели маленькая, ничтожная ссора, которую мы недавно имѣли съ тобой, могла выгнать изъ тебя всякое довѣріе ко мнѣ?

Мнѣ стало жаль его; къ тому же слова просились вонъ изъ наболѣвшей груди; собравшись съ духомъ, я все рассказалъ ему.

Яркими красками описалъ я Вѣру, ея страданія, мою любовь къ ней, Звонковскаго, его пріятеля, — умолчалъ только о письмахъ. Я кончилъ, а дядя все еще какъ-будто слушалъ. Черты, всегда холодно-равнодушнаго лица его, приняли непривычное имъ выраженіе теплаго участія. — Саша, проговорилъ онъ, выйдя наконецъ изъ задумчивости и принимаясь ходить по комнатѣ: — тебѣ извѣстно, что я всегда желалъ, чтобъ ты женился на дѣвушкѣ одного съ тобою круга, но — прибавилъ онъ, слегка вздохнувъ и останавливаясь передо мною: — есть случаи, есть — какъ бы тебѣ это сказать? — такія важныя обстоятельства въ жизни, предъ которыми должны молчать всѣ системы, всѣ разумные расчеты наши.... и онъ задумался, словно припоминая что-то.

— Я самъ поѣду къ Звонковскому, проговорилъ онъ вдругъ рѣшительно: — я ему скажу, объясню ему.... Просто непонятно, продолжалъ дядя горячась: — Митневъ дѣлаетъ вредное предложеніе, и какой-нибудь Звонковскій осмѣливается отъказывать.... Это чертъ знаетъ что такое!...

— Вы сегодня болѣе чѣмъ когда-нибудь доказали, что искренно меня любите, я никогда не забуду нынѣшняго разговора, какія бы послѣдствія его ни были....

Дядя покраснѣлъ.

— Ты и камень разшевелишь Саша! проговорилъ онъ, принимаясь меня обнимать.

— Эй, человѣкъ! закричалъ онъ молодцовато: — карету, да скорѣй!...

.....

Дядя вернулся въ восторгѣ отъ Вѣры, — онъ видѣлъ ее нѣсколько минутъ только, но опытный глазъ свѣтскаго человѣка уснѣлъ разглядѣть то, что она «вовсе — какъ вы

разился дядя — не похожа на какую нибудь Звонковскую! Напротивъ, прибавилъ онъ, она ей-ей стоитъ многихъ и очень многихъ «нашихъ»...

— Что же сказалъ вамъ старикъ Звонковскій? спросилъ я нетерпѣливо, сдерживая порывъ его восторга.

— Что онъ сказалъ? Онъ сказалъ во-первыхъ, что онъ... каналья! Canaille, c'est le mot — какъ же назвать иначе того, который въ серьезномъ разговорѣ съ мало-знакомымъ ему человѣкомъ, осмѣливается называть свою дочь провинціальной дѣвченкой? — замѣтъ дѣвченкой! Во-первыхъ, онъ объявилъ, что у нея ничего почти нѣтъ, и наконецъ прибавилъ, что уже рука дочери его не свободна... и все это такъ униженно, такъ гадко! — Однако, знаешь что Саша? продолжалъ дядя: — Звонковскій этотъ самъ кажется не прочь отъ того, чтобы отдать за тебя свою «провинціальную дѣвчонку»... Онъ путается, сбивается... Что-то темно все это! Провожая меня, онъ между прочимъ, просилъ меня передать тебѣ, что гордится знакомствомъ съ тобою, что ты необыкновенный человѣкъ и проч. и проч. Какъ это тебѣ нравится?

— Только послушай Саша, сказалъ дяди послѣ короткаго молчанія: — вѣдь если дѣло уладится, то подъячій этотъ въ-самомъ-дѣлѣ ничего не дастъ за дочьрью, отъ него все стается.... тогда вѣдь...

— Но я богатъ, къ чему мнѣ деньги его? началъ было я...

— Да, конечно, ты не бѣденъ, но... все-таки... Какъ знать будущее, Саша? И дядя зашагалъ по комнатѣ, повторяя виолголоса: — какъ знать, какъ знать!....

Да чтожъ такое наконецъ этотъ Звонковскій? — пошлый дуракъ или хитрѣйшій изъ плутовъ?...

На другой день.

Доказательство у меня въ рукахъ.

«Я не понимаю что сдѣлалось съ отцомъ, — пишетъ мнѣ «сегодня Вѣра — онъ глядитъ на меня совсѣмъ иначе, чѣмъ «все эти дни и даже ни разу не говорилъ о Левандовскомъ. — Полно грустить Вѣрочка — Богъ милостивъ! «сказалъ онъ вчера вечеромъ, задумчиво поглаживъ меня по «головѣ. — Богъ милостивъ! Знаете ли, Александръ, — мнѣ «почти странно стало, когда я услышала эти таинственные

«слова. «Богъ—милостивъ, онъ все можетъ, а я не могу иначе поступить, я не могу не выдать тебя за Левандовскаго! — вотъ чего не договорилъ вѣрно отецъ... Миѣ страшно, я боюсь!... Приѣзжайте къ намъ, мой добрый другъ, миѣ надо видѣть васъ, непременно надо!...»

Я отправился вечеромъ къ Звонковскимъ. Вѣра очень измѣнилась. Лицо ея похудѣло, приняло выраженіе сосредоточенной тоски. Она менѣе говоритъ чѣмъ прежде, въ ней чувствуется умъ, быстро созрѣвшій подъ вліяніемъ трудныхъ обстоятельствъ; во взглядахъ, во всѣхъ движеніяхъ ея высказывается душа женщины, пережившей не одинъ страдальческій день, не одну бессонную ночь.

Старикъ Звонковскій какъ-то сконфуженъ. Неужели въ немъ совѣсть заговорила? или всему причиною визитъ гордаго моего дяди; визитъ, отъ котораго растаяло и расплескалось дрянное самолюбьишко мелкаго выскочки? или наконецъ ужъ не задѣло ли его заживое полное равнодушіе мое къ приданому его дочери?

Кто пойметъ его, этого таинственнаго коллежскаго ассесора!....

ХІІ.

Дневникъ Митнева.

10 Марта.

Вотъ ужъ мѣсяцъ какъ я не дотрогивался до моего дневника. Цѣлый мѣсяцъ! много передѣлалось въ эти четыре недѣли — все спуталось, все перемѣшалось, завязалось крѣпкимъ узломъ.

Одно только сдѣлалось миѣ яснымъ и осязательнымъ: высокое значеніе женщины, этого ангела любви, терпѣнія и язвообразная низость, безпредѣльная подлость людей, подобныхъ Звонковскому и достойному другу его.

Бодро погуляваютъ они по божьему міру, подъ прикрытіемъ громкихъ фразъ и *блакопріобрѣтенныхъ* капиталовъ; веутомно работаютъ они, по горло въ золотой гризи, и забравъ въ свои когти людей съ слабою волею и съ неустан-

новившимся понятіями о добрѣ и злѣ, тѣснятъ и гонятъ все въ чемъ дышетъ хоть искра чувства и правды, и наползавшись въ сласть передъ сильными и могучими міра сего, подымаются отъ колѣноприклоненія и еще съ остатками пыли на лбу и на платѣ, величаво и спѣсиво озираютъ толпу блѣдныхъ тружениковъ и честныхъ бѣдняковъ....

Рабы *случайности*,—для нихъ нѣтъ правилъ въ жизни, неисполненіе которыхъ заставило бы содрогнуться ихъ крѣпко-спіящія и темныя души. Преступникъ не тотъ для нихъ, кто умышленно поправъ законы чести и человѣчества, спрятала далеко всѣ слѣды своего преступленія, а тотъ, кто не сумѣлъ воспользоваться лазейками, существующими для тонкихъ и щедушныхъ плутовъ.

Я сдѣлалъ открытіе. Голова закружилась, дыханіе сперлось въ груди, когда я вошелъ въ подземный, извилистый лабиринтъ, хитро устроенный отцомъ Вѣры и нареченнымъ женихомъ ея!

Черезъ день.

— Ахъ, cher ami! ты не можешь себѣ представить какое гадкое дѣло у меня теперь на рукахъ, сказалъ мнѣ мой сослуживецъ, быстро входя утромъ въ мой кабинетъ: — гадкое, страшно гадкое! — прибавилъ онъ дѣлая гримасу. Какіе-то два скверные подъячіе, рѣшительные братья-разбойники, Богъ знаетъ что надѣлали! совѣмъ, то-есть, à la lettre: совѣмъ обобрали бѣднаго Митю..... tu sais le fils du comte Linowsky?... сына покойнаго графа Владимира Линовскаго?.... Это ужасно!.... ихъ надо повѣсить, испременино повѣсить! я этого такъ не оставляю, — ни за что.... выведу этихъ *бригановъ* на свѣжую воду. Вѣдь право отъ подобныхъ бездѣльниковъ жптя скоро не будетъ намъ, порядочнымъ людямъ, ça vous pille et ça vous empeste en même temps — прибавлялъ онъ разгоряченный.

— Что же это за люди? спросилъ я.

— Право хорошенько не помню, что-то такое на *скій*, что-то вовсе безъ фамиліи, а такъ Перпацковскій, Звальковскій кажется, ну гадость однимъ словомъ!

— Да разкажи толкомъ — въ чемъ дѣло? спросилъ я,

невольно обращаясь мыслями къ Онуфрію Алексѣичу и Еврафу Афанасьичу.

— Нѣкогда топ шер, нѣкогда..... и джентельменъ чиновникъ, сказавъ еще нѣсколько сильныхъ словъ о подлости вообще и о подъяческой въ-особенности, поспѣшно вставилъ въ глазъ стеклышко, поправилъ передъ зеркаломъ свои волосы и исчезъ со всѣмъ грузомъ благородныхъ чувствъ своихъ, такъ тяжело оскорбленныхъ недостойными поступками двухъ «братьевъ - разбойниковъ.» Мысли мои не напрасно обращались къ двумъ пріятелямъ, вотъ что я узналъ въ тотъ же день отъ другихъ сослуживцевъ моихъ: недѣли двѣ тому назадъ, чуть-ли не въ памятный мнѣ день разговора съ отцомъ Вѣры, князю Н*** подали прошеніе, въ которомъ ясно и убійственно логически раскрыли незаконныя дѣйствія бывшаго главноуправляющаго имѣніемъ графа Ливовскаго и повѣреннаго по дѣламъ его. Князь передалъ его на разсмотрѣніе одному изъ состоящихъ при немъ, а состоящій, въ свою очередь, ни при комъ и ни при чемъ не состоящему, но знающему, дѣловому лицу. Дѣловое лицо, сообразивъ обстоятельства, изложенныя въ прошеніи, составило докладную записку; мрачную картину дѣяній коллежскаго ассесора Звонковскаго и коллежскаго (нынѣ статскаго) совѣтника Левандовскаго.

Состоящій при особѣ его сіятельства вихремъ помчался съ запискою къ своему начальнику и эффектно, съ сильнымъ драматическимъ движеніемъ доложилъ ее сейчасъ-же. Князь Н*** сдѣлалъ строгую мпну. «Нарядить слѣдствіе! — молвилъ онъ грозно: — каналы, — вотъ я ихъ!...» сказалъ сановникъ, топнувъ своей благородной ногой по мягкому коврау кабинета.

Слѣдствіе нарядили. Слѣдователемъ назначили докладчика прошенія, помощникомъ ему, — старичка въ довольно потертомъ вицъ-мундирѣ, только отчасти состоявшаго при князѣ Н***, но употребляемаго болѣе въ казусныхъ случаяхъ, когда ~~шли~~ состоящіе нуждались въ субъектѣ, привыкшимъ къ прогулкамъ по дремучимъ лѣсамъ и непроходимымъ топямъ, ю которыхъ благовоспитанные и чистоплотные люди не большіе охотники. Потертый субъектъ принялся методически за

- разборку цѣлой кучи документовъ, а главный производитель слѣдствія чпхнулъ разъ десять отъ пыли, поднявшейся съ архивныхъ желтыхъ листовъ и, вымывъ руки, оставилъ своего собрата въ дремучемъ лѣсу на пути къ раскрытію тайны, а самъ отправился передать друзьямъ и недругамъ о важномъ и интересномъ слѣдствіи, порученномъ ему его сіятельствомъ. На мою долю выпалъ его первый визитъ, и очень кстати.

Такъ вотъ цементъ, связавшій крѣпкими узами двухъ героевъ адской драмы? Вотъ причина, по которой самолюбивый Звонковскій предпочелъ Левандовскаго мнѣ, человѣку съ именемъ, карьерой и состояніемъ? Теперь понятно мнѣ колебаніе пѣжнаго отца. Связанный по рукамъ и по ногамъ тайною, онъ *не могъ* отказать Левандовскому, хранителю этой тайны, а Левандовскій *не могъ* тоже не воспользоваться преимуществами своего положенія; онъ *не могъ* не желать приобщить къ своимъ капиталамъ населенныхъ земель Онуфрія Алексѣича, имѣющихъ перейти послѣ его смерти къ дочери его, слѣдовательно *не могъ* не свататься за Вѣру.

Къ-тому же слѣдствіе, за которымъ я слѣдилъ и продолжаю слѣдить съ лихорадочнымъ участіемъ, уже раскрыло, что главное обвиненіе падаетъ не на Левандовскаго, а на Онуфрія Алексѣича. Левандовскій сумѣлъ такъ далеко упрятать всѣ концы своихъ плутней, въ общій узелъ плутней Звонковскаго, что не смотря на явное его участіе въ преступленіи, онъ всегда могъ надѣяться остаться только въ сильномъ подозрѣніи, а ему, ходатаю по дѣламъ, для котораго быть оставленнымъ въ подозрѣніи, при явныхъ уликахъ составляетъ даже что-то въ родѣ патента, на лестное для него званіе геніальнаго мошенника.

Положеніе Звонковскаго теперь дѣйствительно скверно. Онъ, кажется, падаетъ духомъ.

Съ одной стороны вопросные пункты, на которые требуется дать темный и вмѣстѣ ясный отвѣтъ; съ другой — грустное убѣжденіе, что борьба съ правосудіемъ предстоить на этотъ разъ трудная.

Его, должно быть, сильно мучаетъ желаніе просить меня помочь бѣдѣ, благо слѣдователи сослуживцы мои, но *логики*

«о добазываетъ ему, какъ дважды два четыре, что чело-
вѣкъ, посватавшійся и получившій отказъ, не только не при-
метъ въ немъ участіе, но чего добраго еще постарается
всячески подгадать ему. Миѣ сдается также, что онъ теперь
бы и не прочь взять свой отказъ назадъ, оно было бы вдвой-
нѣ хорошо: дочь вышла бы за знатнаго и протекція прио-
брѣлась бы знатная; — да тутъ опять таки является гроз-
ное препятствіе — все тотъ же доблестный статскій совѣт-
никъ, который, лишившись надежды сдѣлаться со временемъ
многоземельнымъ господиномъ, скажетъ, пожалуй, много лиш-
няго слѣдователямъ, а тѣ въ свою очередь спросятъ много
лишняго у бѣдной жертвы отцовской любви.... Плохо! И
молчатъ Онуфрій Алексѣичъ, только лишнія двѣ складки при-
бавились на узкомъ лбу его, да въ глазахъ бѣгаютъ зловѣ-
щіе огоньки лихорадочнаго состоянія.

Черезъ недѣлю.

Дѣла все въ томъ же положеніи. — Я, Митневъ, — сказалъ
миѣ вчера князь Н***, — не совсѣмъ доволенъ тобой — ты,
мой милый, просилъ меня мѣсяца три тому назадъ, за со-
сѣда твоего Звонковскаго, а вѣдь онъ, какъ и тогда я гово-
рилъ тебѣ, оказался страшнымъ негодяемъ — недавно откры-
лись новыя плутни его — что ты на это скажешь?

Я ничего не сказалъ.

— Да, mon cher, я для тебя тогда его помиловалъ, про-
должалъ онъ, ударяя напоследнее слово, а теперь.... ужъ это-
го не будетъ!

— Вы вѣроятно забыли ваше сіятельство, отвѣчалъ я
съ неловко скрытой досадою, что я и тогда не просилъ васъ
ни миловать, ни наказывать Звонковскаго, а старался только
доставить ему случай лично передать вамъ свою просьбу.
Вамъ самымъ угодно было оправдать его, принявъ въ ува-
женіе миѣніе людей, пользующихся полнымъ довѣріемъ ва-
шего сіятельства. Князь сердито кашлянулъ, и помолчавъ,
сказалъ отрывисто: — Никому нельзя, никому не слѣдуетъ
вѣрить! Бездѣлянки, — за грошь продать готовы начальни-
ки—ces infâmes valets, va! прибавилъ онъ съ негодованіемъ:—
чу да я съ ними раздѣлаюсь по своему; заключилъ онъ, дѣ-
лая миѣ знакъ рукою, что аудіенція кончилась.

Черезъ недѣлю.

Звонковскій не выдержалъ, — прѣзжалъ меня просить! Я отказалъ на отрѣзъ. Звонковскій повторилъ свою просьбу именемъ дочери. Я снова отказалъ. Тогда старикъ — никогда не забуду я этой минуты! — вскочилъ съ мѣста и рыдая проговорилъ: «Александръ Николаичъ — я виноватъ, я кругомъ виноватъ, увлекся, но подумайте, подумайте о Вѣрочкѣ, за что падеть на ея голову безчестіе отца? Сжальтесь, молвите слово — оно облегчитъ мою горькую участь — сжальтесь! продолжалъ онъ умолять съ слезами на глазахъ.

— Онуфрій Алексѣичъ, сказалъ я ему, чувствуя, что сердце во мнѣ рвется на части: — я не могу вамъ помочь, рѣшительно не могу заставить моихъ товарищей измѣнить долгу чести, а еслибъ и имѣлъ на нихъ такое сильное вліяніе — то все-таки никогда бы на это не рѣшился! прибавилъ я тихимъ, но твердымъ голосомъ.

Звонковскій въ изнеможеніи опустился на стоявшее около него кресло. «Вѣрочка, Вѣрочка!» — шепталъ онъ тоскливо! закрывъ лицо руками. Еще минута — и я бы кажется рѣшился на все, хотя бы мнѣ стоило это чести, но предомно мелькнулъ ликъ моего ангела, синіе глаза его остановились на мнѣ съ мучительнымъ безпокойствомъ и я опомнился.

— Послушайте, Онуфрій Алексѣичъ, сказалъ я, подходя къ несчастному Звонковскому: — я вамъ клянусь всѣмъ, что есть святаго для меня, что дочь ваша найдетъ во мнѣ всегда неизмѣннаго ей друга. Чтобы ни случилось съ вами — она не погибнетъ, вотъ вамъ рука моя!

Быстро встрепенулся старикъ. На лицѣ его появилось что-то въ родѣ улыбки самопадѣннаго актера, произведшаго эффектъ, но не такой, какого онъ ждалъ.... Холодно и почти офиціально поклонившись, началъ Звонковскій: — Вы благородный человѣкъ, Александръ Николаичъ, я никогда въ этомъ не сомнѣвался; просить васъ болѣе я не смѣю, пусть правосудіе сдѣлаетъ свое дѣло, оно быть можетъ спозидеть къ моимъ слабостямъ. Проговоривъ эти стереотипныя фразы, онъ еще разъ низко поклонился и вышелъ шаткими шагами изъ комнаты.

XIII.

Письмо Вѣры къ Митневу.

«Бога ради скажите миѣ, что такое случилось? Отецъ мой за что-то сердится на васъ: онъ назвалъ васъ холоднымъ человѣкомъ, сказалъ, что ошибся въ васъ, что ѣздилъ васъ просить о дѣлѣ, отъ котораго зависить и его и мое благо-состояніе и что вы будто объявили, что *ничего* не хотите для него сдѣлать. Онъ прибавилъ еще, что — страшно подумать! — что вы видно никогда меня не любили, что.... Да развѣ это можетъ быть, Александръ Николаичъ? ну скажите, можетъ ли это быть?

Вѣра.

Отвѣтъ Митнева Вѣрѣ.

Вѣрите миѣ. Я сдѣлалъ все, что долженъ былъ сдѣлать, вы сами не поступили бы иначе, на моемъ мѣстѣ. Дѣло вашего отца,—запутанное дѣло, но клянусь вамъ, *ваше* благо-состояніе обезпечено моимъ собственнымъ, а мое миѣ стало дорого съ-тѣхъ-поръ, какъ я люблю васъ, и, далъ себѣ слово отдать всю жизнь мою вашему счастью.

Вѣра — болѣе я вамъ ничего не могу сказать. Положись на меня: я не въ состояніи васъ обмануть.

А. Митневъ.

XIV.

Вторникъ.

Мучимый желаніемъ видѣть Вѣру, я рѣшился ѣхать къ Звонковскому. Войдя по привычкѣ безъ доклада, я засталъ молодую дѣвушку одну въ гостиной, но не успѣлъ и двухъ словъ сказать съ пею, какъ въ комнату явился самъ хозяинъ.

— Вѣрочка, тебя тамъ спрашиваютъ, проговорилъ онъ

дочери и сухо обратился ко мнѣ съ вопросомъ о моемъ здоровьѣ. «Актеръ сыгралъ свою роль, — подумалъ я, а теперь».... Какъ вы въ своемъ здоровьѣ? спросилъ я въ свою очередь Звонковского. Разговоръ нашъ, повертѣвшись съ минутой на общихъ мѣстахъ, прервался самъ-собою.... Я уѣхалъ. Уѣхалъ съ горькимъ предчувствіемъ, что никогда болѣе не увижу гостиницу Звонковского.

2 Апрѣля.

Недѣлю, какъ я не видалъ Вѣры и не имѣю отъ ней ни строчки — что это значитъ? Слѣдствіе продолжается, но медленно.

Звонковскій, по его словамъ, путаетъ немилосердно. На очныхъ ставкахъ съ Левандовскимъ упрекаетъ его въ безстыдствѣ и неблагодарности, Левандовскій почти не защищается, за то въ отвѣтахъ своихъ логиченъ до того, что его рѣшительно ни чѣмъ не собьешь....

Хороши голубчики!...

Вечеромъ того же дня.

Вѣра больна... этого только не доставало! Вотъ что пишетъ Маша: «Вѣра лежитъ въ постелѣ, къ намъ ѣздитъ докторъ, Вендрихъ, такой кругленькій съ бородавкой на носу. Онъ говоритъ, что у нея нервы разстроены. Хоть бы вы приѣхали, — да вамъ нельзя! Господи, какое мученіе! Вѣра сегодня про васъ спрашивала и велѣла вамъ написать. Я боюсь, чтобъ Дуняша ошибкою не отдала мою записку, не старичку вашему, а другому человѣку; — вы ужъ за этимъ сами посмотрите. Боже мой, какой я вздоръ написала, какъ мнѣ плакать хочется, да пѣкогда, — я не отхожу отъ Вѣры.

На другой день.

Маша пишетъ сумасшедшую записку! Вѣрѣ хуже. Ей хуже, а я не могу ее видѣть.... Сейчасъ былъ у дяди его домовый докторъ Вендрихъ, онъ лѣчитъ Вѣру.

— Что дочь Звонковского очень больна? спросилъ я его. Онъ сомнительно покачалъ головой и показалъ на сердцѣ.

— Должно быть печаль была сильная — организмъ страшно разстроены, а тутъ еще простуда! сказалъ онъ.

— Такъ стало быть она.... умереть?!

Докторъ кинулъ на меня боковой взглядъ. — За чѣмъ же

умреть? нужно постараться вылѣчить, проговорилъ онъ успокоительнымъ тономъ лѣкаря.

— Если вы ее вылѣчите докторъ.... началъ было я съ одушевленіемъ, но опомнившись, прибавилъ уже гораздо тише:—то, сдѣлаете доброе дѣло, она одна дочь у отца.

— Одна? А кто же другая, тамъ молодая дѣвушка, преуменьшая и такъ усердно за больной ходитъ?

— Это — родственница ея.

— А! произнесъ докторъ, поправляя свою станиславскую ленточку на шеѣ.

6 часовъ утра.

Всю ночь проходилъ около дома Звонковскихъ. Ничего не видалъ кромѣ ночи, да спящаго дома. За докторомъ не посылали.

8 часовъ.

Сейчасъ принесли записку отъ Маши. Больной лучше. Не можетъ быть, — Маша хитритъ, но не совсѣмъ удачно. «Вы не думайте, пишетъ она, чтобы я вамъ говорила неправду, для того только, чтобы васъ успокоить; Вѣрѣ право лучше, она сама велѣла мнѣ вамъ это сказать.» Сама велѣла.... Ненаглядная моя, и страдая помнить обо мнѣ!

6 Апрѣля.

Дядя сегодня не былъ въ клубѣ; онъ разъ пять приходилъ ко мнѣ вечеромъ въ кабинетъ, — посмотреть на меня и уйдетъ. Онъ вѣрно все знаетъ.

На другой день.

Семенычъ подружился съ камердинеромъ Звонковскаго и сообщаетъ мнѣ все, что только узнаетъ о больной. Сегодня онъ явился ко мнѣ на-веселѣ, что съ нимъ рѣдко бываетъ.

— Барышня-то просто кладъ, если не дай Богъ она скончается, то люди-то говорятъ: мы всѣ воймя завоемъ—вотъ что.... такъ-то батюшка....

— Поди спать Семенычъ!

— Спать-то пойду, а только барышню жаль, васъ бы была такая парочка, а если она скончается....

— Поди вонъ! крикнулъ я нетерпѣливо. Семенычъ посмотрѣлъ мнѣ въ глаза и медленно вышелъ.

Вѣра скончается!... Какое раздражающее слово!

Воскресенье.

Я весь — страданіе; я съума схожу. Два дня ни слова отъ Маши — и Семенычъ ничего не говоритъ; онъ почти каждый день теперь на-веселѣ, злодѣй!

XV.

Записки Маши къ Митневу.

Вторникъ.

«Я вамъ ничего не писала всѣ эти дни. Вѣра все въ томъ же положеніи. Онуфрій Алексѣичъ говѣеть, — онъ всегда на Страстной говѣеть, и я тоже, но теперь нельзя, я все около Вѣры. Она очень измѣнилась, а все еще хорошенькая. Ахъ, Александръ Николаичъ, какъ я перепугалась вчера! Вѣра стала бредить: «папа, зачѣмъ вы сказали, что Митневъ дурной человѣкъ — это неправда!» проговорила она, да такъ ясно! Глядь, а въ дверяхъ Онуфрій Алексѣичъ! Я такъ и обмерла, — онъ повернулся и вышелъ.»

Среда.

«Вѣру причащали. Священникъ вышелъ изъ ея комнаты и сказалъ Онуфрію Алексѣичу: «голубиная душа у вашей дочери, пріятная Богу!» — Я посмотрѣла на Онуфрія Алексѣича: онъ сжалъ брови, хотѣлъ что-то сказать, но видно раздумалъ, и только посмотрѣлъ въ окно, престранно посмотрѣлъ!»

Четвергъ.

«Все тоже. Были три доктора, чуть не поссорились и оставили каждый по рецепту; — что прикажете тутъ дѣлать? — я послала только одинъ изъ нихъ въ аптеку; рецептъ кругленькаго доктора.»

Р. С. «Представьте, Левандовскій-то! ѣздилъ, ѣздилъ, а теперь съ-тѣхъ-поръ, какъ Вѣра больна, не только самъ ни разу не былъ, но даже и не присылалъ узнать о здоровьѣ!»

Пятница.

«Вѣра со мною разговаривала сегодня, — и все о васъ. Какъ она васъ любитъ, какъ она васъ любитъ!»

— Маша, на свѣтѣ нѣтъ такихъ людей, какъ онъ, ска-

зала ова: — онъ такой добрый, милый! Я ничего не отвѣчала, только заплакала. Да кто-жъ бы и не заплакалъ, услышавъ голосъ, которымъ проговорила Вѣра эти слова?— «Не плачь Маша — сказала она, — не плачь, мнѣ теперь хорошо, лучше....» Потомъ-велѣла вынуть изъ своей шкатулки всѣ письма и тетрадь, спросила карандашъ и стала что-то писать въ концѣ тетради. Бѣдная, безпрестанно останавливалась, рука очень дрожала. Гдѣ ей; она такая слабенькая стала! Окончивъ писать, приказала мнѣ завернуть въ большой листъ бумаги тетрадь и письма, запечатать, и потомъ....

«Нѣкогда!... Вѣра зоветь. Завтра доскажу....»

Записка безъ означенія дня.

«Приходите скорѣе, какъ можно скорѣе, *сейчасъ же*, — ради Бога! Его нѣтъ дома. Онъ и всѣ люди, у заутрени....»
Маша.

XVI.

Дневникъ Митнева.

5 Июля.

Ну вотъ я опять въ Липинѣ, родовомъ помѣстьи Митневыхъ! Только что-то плохо процвѣтаетъ это родовое помѣстье. Покачнулись на-бокъ его, кой-какъ сколоченныя избенки; опустились плетни и заборы; безобразно торчатъ дырявыя крыши и тряпками заткнутыя окна. Не вижу я кругомъ ни веселаго лица, ни здороваго животнаго, ни рѣзваго ребенка, ни краснощекой дѣвушки. Все бѣдно, угрюмо, и хило, какъ на заброшенномъ кладбищѣ. Самая природа запустѣла; послѣ двухъ лѣтъ отсутствія, я не узнаю родныхъ полей и рощей....

Давно и Вѣры нѣтъ! два года, — а мнѣ стоитъ только закрыть глаза и вся безотрадная картина прошедшаго развертывается передо мной, какъ живая. Многое измѣнилось въ эти два года. Дядя умеръ, оставивъ меня нищимъ, а Звонковскій, похоронивъ дочь и откупившись отъ суда и наказанія, по прежнему торжествуетъ.

На другой день.

Сегодня я проснулся съ непреодолимымъ желаніемъ *все* рассказать себѣ. Что же? хуже не будетъ; хуже не можетъ быть!

Начну съ того вечера, когда мнѣ принесли послѣднюю записку отъ Маши. «Приходите скорѣе — писала она мнѣ — умоляю васъ!» Записку эту я получилъ мнѣ за десять до полночи въ страстную субботу.

Опрометью кинулся я на улицу; экипажъ еще не былъ готовъ. Извозчика ни одного! Едва добѣжалъ я; въ сѣняхъ меня кто-то окликнулъ. — Пожалуйте-съ — проговорилъ женскій голосъ — это я, Дуняша! — Пройдя съ Дуняшею по темному коридору, я вошелъ въ слѣдъ за нею въ большую комнату.

Вдали видѣлась постель съ опущенными бѣлыми кисейными занавѣсками, на креслѣ около нея сидѣла Маша. Какъ она выросла, — я ее едва узналъ. Увидѣвъ меня, она встала и приложила палецъ къ губамъ. — Александръ Николаичъ, шепнула она, едва слышно приблизившись ко мнѣ по мягкому ковру: — Вѣра... желала васъ видѣть. Я ей скажу, что вы здѣсь, — станьте пока вонъ туда, а то она испугается, если вы вдругъ покажетесь! — Я сталъ туда. Дуняша исчезла.

— Вѣра, Вѣрочка, сказала Маша, тихо раскрывъ пологъ постели: — ты желала видѣть Александра Николаича, онъ — здѣсь! Мнѣ послышался шорохъ. — Слава Богу, проговорилъ чей-то чуть слышный голосъ, Маша сдѣлала мнѣ знакъ и вышла. Я вздрогнулъ и невѣрными шагами приблизился къ постели. На ней лежала Вѣра вся въ бѣломъ, руки ея покоились на груди, украшенной пышнымъ голубымъ бантомъ съ длинными концами. — Вѣра, вы хотѣли меня видѣть, проговорилъ я, смотря на нее съ чувствомъ какого-то тупаго удивленія. Мнѣ, помнится, рѣшительно казалось непонятнымъ: зачѣмъ я въ спальнѣ, зачѣмъ Вѣра такъ нарядна и такъ блѣдна, зачѣмъ молчитъ она?...

— Вы хотѣли меня видѣть? повторилъ я почти безсознательно, опускаясь у ея изголовья на колѣна. Страдалица продолжала смотрѣть мнѣ въ лицо....

«Александръ,» начала она и остановилась, правая рука ея потянулась было ко мнѣ, но слабая и недвижная тяжело упала на постель. — Другъ мой, начала она снова, я хотѣла васъ видѣть, хотѣла встрѣтить съ вами праздникъ, сказать....

— Я тебѣ.... все.... написала.... продолжала она прерывающимся голосомъ, — все.... у Маши возьми, возьмешь?» Я слушалъ, какъ во снѣ, слышалъ слова, но смысла ихъ не понималъ. Я думалъ.... ни о чемъ не думалъ. «Возьмешь?» повторилъ голосъ громче прежняго. Я очнулся. — Кого, Вѣра, тебя? тебя мое сокровище? спросилъ я, и чуть не упалъ у кровати.

Вѣра сдѣлала немовѣрное усиліе; щеки ея слабо зарумянились и она приподнялась съ подушекъ. Руки ея снова потянулись ко мнѣ.... Тихо положилъ я ихъ къ себѣ на плечи; блѣдная головка ея упала ко мнѣ на грудь.... Минута, часъ ли прошелъ не знаю, только когда я опомнился, Вѣра уже опять лежала, какъ мраморное изваяніе, на постелѣ, а Маша тихо дергала меня за руку.

— Докторъ сейчасъ будетъ, Александръ Николаичъ, докторъ будетъ. Уйдите, шептала она мнѣ.

Я ушелъ, и сѣлъ въ уголъ темной гостиной. Въ передней зазвонили. Вслѣдъ за этимъ послышались шаги и что-то кругленькое мелкими шажками осторожно пробѣжало по гостиной во внутреннія комнаты.

«Должно быть докторъ,» подумалъ я, пробуя свой пульсъ и принимаясь считать число ударовъ. Я считалъ, сбивался, снова начиналъ, — помнится, никакъ не могъ сообразить, что слѣдуетъ послѣ ста: сто одинъ или прямо двѣсти.

Услыхавъ возвращающіеся шаги, я всталъ съ кресла, и, какъ кошка, скользнулъ въ дверь, а оттуда черезъ залу въ переднюю, и на подъѣздъ.

Докторъ вышелъ въ сопровожденіи Дуняши. Я подскокль къ нему.

— Что больная? спросилъ я, схватывая его за руку. Докторъ чуть не вскрикнулъ — испугался!

— Ахъ, Боже мой, это вы, сказалъ онъ, узнавъ меня: — какъ вы сюда попали?... и вдругъ остановился.

— Что больная? повторилъ я, сильно сжимая его руку.

— Болѣзнь приняла крутой поворотъ; она теперь уснула — чего нельзя было ожидать при безнадежномъ положеніи больной.... Сонъ иногда спасалъ, прибавилъ онъ и, суетливо посмотрѣвъ мнѣ въ лицо, вскочилъ въ пролетки и ускакалъ.

Какъ вкопанный стоялъ я, прислушиваясь къ стуку удалявшагося экипажа и прилежно вглядываясь въ сильно дымившуюся площадку у сосѣдняго дома; и наконецъ побрелъ по серединѣ освѣщенной улицы....

Вернувшись домой, я помнится, засталъ моего Семеныча у двери кабинета; старикъ одѣтый по праздничному крѣпко спалъ въ большомъ креслѣ.

«Вѣра теперь тоже спитъ — сонъ бываетъ спасителенъ, повторилъ я мысленно слова доктора, и сердце радостно во мнѣ забилось. — «Какъ она однако измѣнилась! продолжалъ я разсуждать: — ну, да что мудренаго? и болѣзнь и страданія, все разомъ, хоть кого сломать. За то когда поправится она, тогда.... Странно, отецъ ея ушелъ къ заутрени, оставилъ слабую, больную дочь!... Впрочемъ, отчего же было и не уйдти ему?... видно опасности еще нѣтъ, вѣрно онъ видѣлся сегодня съ докторомъ..... Воображаю себѣ его радость, когда вернувшись изъ церкви, онъ найдетъ ее сладко спящею. Онъ не изъ нѣжныхъ отцевъ, — а все таки отецъ.....»

Я сдѣлалъ движеніе и проснулся. Предо мною стоялъ Семенычъ, упрасивая меня раздѣться и лечь.

— Оно будетъ по-спокойнѣе чѣмъ такъ-то, отдохните-ка батюшка, говорилъ онъ: — вѣдь еще рано, часовъ семь не больше.

Я вскочилъ съ дивана, на которомъ такъ сладко задремалъ. Ясное утро весело глядѣло въ окно.

— Что отъ Звонковскихъ не присылали? спросилъ я Семеныча.

— Никакъ нѣтъ-съ — а давеча приходили съ запискою когда вы не изволили быть дома, этому будетъ ужъ давно. «Вѣра еще спитъ — слава Богу!» — писала Маша.

— Бѣги скорѣе къ нимъ Семенычъ! Да нѣтъ, я лучше самъ. По скорѣе мнѣ извозчика....

— Вотъ бѣда, — думалъ я трясаясь на дрожкахъ по гадкой мостовой: — теперь и толку тамъ не скоро добьешься — вѣрно все спать послѣ праздничной ночи.

Подѣхавъ къ дому, я съ радостію увидѣлъ на подѣздѣ стараго камердинера Звонковскаго.

— Что барышня? спросилъ я его, торопливо соскакивая съ дрожекъ.

— Заснули-съ! проговорилъ онъ.

— Еще не просыпалась?

Онъ тупо на меня посмотрѣлъ.

— Совсѣмъ заснули, приказали долго жить! пояснилъ онъ, поглядѣвъ себѣ на руки.

— Пошелъ, крикнулъ я извозчику садясь на дрожки: — пошелъ назадъ, да только скорѣе, — что есть духу!....

— Семенычъ, сказалъ я, войдя къ себѣ въ спальню: — Вѣра скончалась. — Семенычъ съ минуту помолчалъ.

— Охъ, батюшка, что вы такое сказали! проговорилъ онъ наконецъ, схватывая себя за голову. — Господи, пошли ей царствіе небесное! прибавилъ старикъ дрожащимъ голосомъ.

Потомъ я больше ничего не помню. На другой день я лежалъ въ постели. Дядя и докторъ часто входили въ мою комнату.

Они подвинулись ко мнѣ. Докторъ осторожно взялъ меня за руку. Я притворился спящимъ.

— Чтò? шепнулъ дядя.

— Ничего — пульсъ изрядный!

— Меня пугаетъ его спокойствіе, продолжалъ шопотомъ дядя.

— Ничего, ничего, сказалъ докторъ: — только не пускайте его туда, ни за что не пускайте. Хорошо что успулъ. Что значитъ молодость-то!

И они тихо вышли. Я поблагодарилъ себя за хитрость. Не ложись я, дядя бы меня измучилъ. Вѣрно Семенычъ ему все рассказалъ..... Мнѣ хотѣлось встать, жажда меня мучила, а я все лежалъ боясь визита дяди. Прошло еще часа два, мучительныхъ два часа. меня стало покидать состояніе одервенѣлости, острая боль подступала къ сердцу, грызла и

сосала его, глаза такъ и жгло..... Пробыло одиннадцать. «Пора!» подумалъ я и, одѣвшись, осторожно вышелъ изъ спальни. Нигдѣ ни души. Я ужъ добрался было до швейцарской, какъ вдругъ точно изъ земли выросъ дядя.

— Куда ты? спросилъ онъ меня тревожно.

— Я сейчасъ вернусь!

— Ради Христа, останься..... не ходи Саша, я тебя прошу, продолжалъ дядя умоляющимъ голосомъ.

— Миѣ нужно, сказалъ я нетерпѣливо, и вышелъ скорыми шагами изъ дому. Я спѣшилъ на свиданіе, никогда такъ не спѣшилъ.....

«Ага! видно ужъ все готово!» подумалъ я, увидавъ въ передней крышку гроба. Подойдя къ затвореннымъ дверямъ эапы, я съ минуту постоялъ и наконецъ, рѣшительно взявшись за ручку, повернулъ ее и вошелъ.

Въ углу подъ образами, на черномъ катафалкѣ видѣлся бѣлый атласный гробъ; кругомъ траурныя, высокія паникадиллы, — у окна, прислонясь къ простѣлку, стоялъ человѣкъ въ длинномъ сюртукѣ, передъ столикомъ съ раскрытою большею книгою и молчалъ, видно спалъ.....

Тихо, словно боясь разбудить его, приблизился я къ гробу. Сердце билось во мнѣ такъ сильно, что я слышалъ удары его..... Трепетною рукою откинулъ я флеръ, покрывавшій покойницу....

Вѣра лежала какъ и вчера — вся въ бѣломъ; руки ея, сложенные крестъ-на-крестъ, покоились на груди, украшенной пышнымъ голубымъ бантомъ съ длинными концами. Головка ея утонула въ кружевахъ подушки.... Бѣлая роза, прильнувъ къ уху молодой дѣвушки, казалось, шептала ей таинственный разсказъ: «люди и ее бѣдную оторвали отъ роднаго куста, и она скоро завянетъ, и ея смертный часъ уже насталъ!» Блѣдное, прозрачное лицо покойницы, окаймленное двумя широкими прядями свѣтлыхъ волосъ, задумчиво-спокойно, почти строго глядѣло не глядя, какъ-будто прислушиваясь къ печальной повѣсти цвѣтка.....

— Вѣра, прошепталъ я, взойдя на верхнюю ступеньку катафалка: — ты ждала меня? Родная моя! сказалъ я почти громко и вздрогнулъ отъ звука своего голоса.....

Въ концѣ большой залы послышались легкіе шаги, я обернулся: ко мнѣ подвигалась стройная женская фигура, вся въ черномъ.

— Маша! проговорилъ я, и сойдя съ катафалка, быстро пошелъ къ ней на встрѣчу.

Маша посмотрѣла на меня и вдругъ залилась горькими слезами.

— Какъ она васъ любила, какъ она васъ любила! повторяла она рыдая.

Человѣкъ въ длинномъ сюртукѣ, внезапно разбуженный рыданіями, встрепенулся, и принялся на распѣвъ читать молитвы по усоншимъ. Я взялъ за руку рыдающую дѣвушку и вывелъ ее изъ печальной комнаты. Минуту спустя, разговоръ уже кляпѣлъ, безконечный какъ наша общая привязанность къ покойницѣ — Вѣрѣ. Маша передала мнѣ всѣ подробности ея болѣзни, смерти.... Мучительно наслаждаясь, слушалъ я ее, боясь проронить хоть слово изъ разсказа.... Пробыло три часа. Разсказица остановилась.

— Ахъ, Боже мой! проговорила она быстро: — я и забыла объ Онуфріѣ Алексѣичѣ.

При этомъ имени что-то холодное, какъ змѣя, скользнуло по душѣ моей.

— Вы не повѣрите, продолжала Маша: — вы не повѣрите, какъ онъ перемѣнился! Его узнать нельзя..... нельзя, — цѣлый день ходитъ по кабинету и все что-то шепчетъ, такъ что даже страшно смотрѣть на него. А въ залу и не входитъ, заглянетъ въ дверь — и сейчасъ же назадъ....

Маша проворно ушла. Я воротился къ Вѣрѣ, и отославъ чловѣка въ длинномъ сюртукѣ отдохнуть, — принялся смотрѣть на свое сокровище. И оглянулся — у гроба стоялъ Эвонковскій. Позади его на колѣнахъ молилась Маша. Глаза старика остановились на мнѣ. Тускло смотрѣли они изъ-подъ нависшихъ бровей, лицо его страшно осунулось....

— Александръ Николаичъ, началъ онъ беззвучнымъ голосомъ: — вотъ какое съ нами случилось несчастіе, вотъ... Онъ хотѣлъ продолжать, но только пошевелилъ губами и замолчалъ. Я подошелъ къ нему, взялъ его за руку и крѣпко пожалъ ее.

На лицѣ его блеснуло что-то похожее на чувство, изъ глазъ упали двѣ, три слезы... «Вы любили... ее, и она васъ... любила.... проговорилъ онъ наконецъ съ трудомъ.

— Пойдемте къ вамъ въ кабинетъ, сказала ему Маша ласковымъ голосомъ: — тамъ лучше!... Пойдемъ Маша, промолвилъ онъ, и какъ послушное дитя отправился за нею, но сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, оборотился ко мнѣ и уныло проговорилъ: «до свиданія Александръ Николаичъ» и побрѣлъ къ себѣ шаркая ногами....

Когда я вышелъ на подъѣздъ, на улицѣ ужъ началось движеніе. У крыльца стояла моя коляска, — кучеръ и Семенычъ спали на козлахъ обнявшись. Я разбудилъ ихъ.

— Кто васъ сюда послалъ? спросилъ я недовольнымъ голосомъ.

— Баринъ, отвѣчалъ Семенычъ, — они послали вчера вечеромъ въ слѣдъ за вами человѣка, да и ночью-то присылали разъ пять узнавать о васъ.

Вернувшись домой я зашелъ къ дядѣ. Увидавъ меня, онъ тревожно всталъ съ мѣста.

— Что, Саша? спросилъ онъ.

— Ничего, — зачѣмъ вы беспокоитесь такъ!

— Саша, я боюсь за тебя.

— Не бойтесь, я здоровъ, совершенно здоровъ, сказалъ я обнимая его.

Черезъ два часа я былъ снова у Звонковскихъ. Въ домѣ всѣ спали: и Вѣра, и Маша, и чтець, и люди—всѣ, кромѣ хозяина дома. Медленные шаги его доносились ко мнѣ изъ кабинета... Скоро въ слѣдъ за мною привезъ Семенычъ корзину съ цвѣтами, — и гробъ исчезъ въ зелени....

Со вторника на среду въ ночь все суетился въ домѣ Звонковскаго. На утро былъ назначенъ отъѣздъ въ деревню. Вѣру взяли въ великолѣпное помѣстье ея отца.

25 Августа.

Я видѣлъ Машу. Неожиданно я встрѣтилъ ее сегодня на могилѣ Вѣры. Изъ хорошенькой дѣвочки развилась пышная красавица. Увидѣвъ меня, она порывисто было кинулась ко мнѣ, но видно вспомнила, что ужъ не дитя и остановилась съ ярко-зардѣвшимся лицомъ. Долго говорили мы, многое напомнили другъ-другу изъ невозвратнаго прошедшаго....

Уже стемнѣло, когда мы остановились съ нею у рощи, примаыкающей къ усадьбѣ Зволковскаго.

— Вотъ мы опять провели вечеръ втроемъ: Вѣра, вы и я! сказалъ я, улыбнувшись.

— Да! прошептала она задумчиво.

— Прощайте!

— До свиданія, — пріѣзжайте къ намъ по-скорѣе. Мнѣ нужно передать вамъ тетради, письма.... Пріѣзжайте же, лѣта немного остается, большую часть его мы прожили въ городѣ.

— Александръ Николаичъ, скажите.... начала было она и замаялась — вы.... лѣчитесь? Мнѣ кажется вы очень похудѣли!

— Лѣчусь, отвѣчалъ я.

— До свиданія же! проговорила Маша голосомъ, въ которомъ мнѣ послышались слезы и — скрылась въ чащѣ....

4 Октября.

Въ сотый разъ перечитываю я сегодня прощальныя слова Вѣры, писанныя ею наканунѣ ея предсмертнаго со мной свиданія.

«Мнѣ не хочется умирать. Жизнь такъ хороша... Прощай, увижусь ли съ тобою? Я за тебя буду молиться, какъ сумѣю. Не сердись на моего отца — меня это терзаетъ. Успокой твою Вѣру. Вѣдь ты никого такъ не любишь, какъ ее?»

Осеннее солнце задумчиво заглянуло ко мнѣ въ окно, — какъ холодны его лучи!... Не разогрѣтъ имъ застывшей природы.....

Отд. I.

5

XVII.

Такъ кончился дневникъ Митнева.

Тихой меланхолической нотой раздался въ послѣдній разъ
голосъ тенлой, честной души бѣднаго страдальца н—замерь...

И. ХРИСТИАНОВИЧЪ.

С. Киселю
1857.

БОЛЬНОЙ ПИСАТЕЛЬ.

ДВѢ СЦЕНЫ.

Бѣдно убранная комната въ четвертомъ этажѣ. На столѣ, даже на стульяхъ — книги, журналы, рукописи и корректурные листы. — На шкафѣ гипсовый бюстъ Шекспира. — На стѣнахъ портреты Гоголя, Гумбольта и другихъ современныхъ писателей. — На диванѣ — писатель, прикрытый стеганнымъ поношеннымъ халатомъ — Голова его покоится на подушкахъ. На изнуренномъ, блѣдномъ лицѣ его печать чахотки — Подлѣ дивана столикъ — на немъ бумага, карандаши, чернилица, подсвѣчникъ съ догорѣвшимъ огаркомъ, недокуренная сигара, стаканъ съ питьемъ и столовая ложка.

СЦЕНА I.

Вечерь.

Писатель.

Охъ этотъ докторъ! онъ не выносимъ —
Не вѣрить медицинѣ — а рецепты
Строчить умѣетъ. Эдакую дрянь
Я долженъ принимать!

(жена подносить ему лѣкарство).

Фп! — Еслибъ я

Не вѣрилъ въ силу разума — какой бы
Я былъ писатель?

Жена.

За лѣкарствомъ

Опять сегодня — надо посылать.

ПИСАТЕЛЬ.

Попли.

ЖЕНА (*помолчанъ*).

Ну... да — поплю...

ПИСАТЕЛЬ (*помолчанъ*).

А сколько денегъ.

У насъ осталось?...

ЖЕНА.

Два рубля — да мѣди

Копеекъ съ двадцать....

ПИСАТЕЛЬ.

Хорошо. — А впрочемъ,

Сегодня за лѣкарствомъ ты, мой другъ,

Не посылай. Не нужно — завтра этотъ жидъ

Авось пришетъ мнѣ денегъ....

ЖЕНА.

Кто? редакторъ!

Держи карманъ!

ПИСАТЕЛЬ.

Я не батракъ его,

Чтобъ такъ работать! — онъ жалѣетъ мнѣ

Прибавить сотню — а мое перо

Ему дастъ десятки тысячъ — вздоръ!

Я не могу такъ жить — сама ты видишь

Какъ я работаю!

ЖЕНА.

Какъ мнѣ не видѣть!

Ты день и ночь, какъ каторжникъ, пера

Не выпускаешь. — Что за жизнь! Да еслибъ

Ты столяромъ былъ — больше-бъ заработалъ.

Иной сапожникъ выручаетъ больше.

ПИСАТЕЛЬ.

Ну нѣтъ, сапожникъ выручаетъ меньше.

ЖЕНА.

Давно ли получилъ ты деньги, и

Всего осталось два рубля! — Ну что

Я стану съ ними дѣлать? Два рубля...

Тогда какъ на одни лѣкарства надо...

Ахъ! Если-бъ знала я, что значитъ быть

Писателемъ, да ни за-что-бъ на свѣтъ

Я не пошла бы замужъ за тебя.

ПИСАТЕЛЬ.

Какъ жаль, что мы не можемъ развѣнчаться!

(задумывается).

Къ чему раскаянье — когда оно
Грѣха не выкупаетъ! Оба мы
Съ тобою согрѣшили другъ мой — я
Твоей любви повѣрилъ, ты — моей;
Пришла нужда — и тайно отравила
Святѣйшее изъ чувствъ.

ЖЕНА.

Не говори

Съ такою горечью! Досадно слушать!
Неужели тебя я не люблю?
Но развѣ весело мнѣ видѣть мужа,
Который цѣлый день, едва дыша,
Работаетъ напрасно....

ПИСАТЕЛЬ.

Можетъ быть

И не напрасно — молодежь читаетъ
Мои статьи.

ЖЕНА.

Когда ты пишешь,
Ты забываешь все и всѣхъ на свѣтѣ —
И для тебя жены не существуетъ.
Ребенокъ плачетъ — ты не слышишь,
Сто разъ зовутъ обѣдать — ты не слышишь,
И лихорадочнымъ огнемъ горитъ
Твое лицо, когда на время ты
Свою проклятую работу покидаешь. —
Неужели я не должна страдать!

ПИСАТЕЛЬ.

Но милая — за-что же?

Въ тѣ минуты

Когда я глухъ и слѣпъ для всякихъ вздоровъ —
Я счастливъ, потому что глухъ и слѣпъ —
(Глухъ — отъ того, что много слышу,
Слѣпъ — отъ того, что много вижу.)
Я даже забываю боль въ груди,
Когда мое перо здоровьемъ дышетъ

И возвышаетъ голосъ, сильный, смѣлый,
 Ни передъ-къмъ не умолкающій...

(кашляетъ)

Ты этого не понимаешь — и
 По этому любить меня не можешь.

ЖЕНА.

О Боже мой! Какой ты человѣкъ!
 Да кто-жь тебя и любить, какъ не я?
 Кто обо-всемъ хлопочеть? Вотъ награда!

ПИСАТЕЛЬ.

Самозабвеніе въ трудѣ — одна отрада;
 Въ моей постылой жизни, — благодать,
 Которая меня поддерживаешь, — сила,
 Которая сгубила жизнь мою,
 Но до конца не измѣнила. —
 Такъ, буду мыслить я, стремиться и писать.
 Кто на мое самозабвеніе ропщетъ,
 Тотъ лучшее, что есть въ моей душѣ,
 Терзаетъ, мучитъ, душитъ, топчетъ....

(Бросается ничкомъ въ подушки и закрываетъ лицо).

СЦЕНА II.

Полночь.

Та же комната. — Писатель лежитъ въ жару и въ потьмахъ — Все что на-
 поливаетъ эту суету, по большей части составляетъ бредъ его.

ТЕМНЫЙ ДУХЪ.

Помнишь, ты просилъ у Бога
 Духа правды, разума и силы,
 Что-жь теперь передъ-собой ты видишь
 Кромѣ горя, нужды, да могилы?

ПИСАТЕЛЬ.

Опять, опять проклятыя слова!
 Отчаянье, какъ вѣтеръ въ щели ветхой
 Развалины, готовой рухнуть, вѣчно
 Одну и ту же пѣсню по ночамъ
 Свиститъ мнѣ въ уши. — Боже всемогущій!
 Дай умереть мнѣ съ гордостью сознанья
 Что смерть моя, есть духъ мой въ мірѣ грядущій,

Духъ вѣчной правды, разума и силы,
Не знающій ни страха, ни могилы.

Темный духъ.

Ты любилъ природы ликъ волшебный,
И небесъ неизблемую славу —
Ты въ любви искалъ родникъ цѣлебный
И нашелъ въ ней горькую отраву.
Сколько разъ больное нѣжа чувство
Мѣрныхъ строфъ возвышенной игрою,
Говорилъ ты, что огонь искусства
Свѣтитъ міру новою зарею.
Гдѣ-жъ она? — Заря твоя? Далеко
Таже ночь лежитъ надъ тѣмнымъ людомъ,
Свѣточъ твой мелькаетъ одиноко,
Да и тотъ горитъ какимъ-то чудомъ.

Сочинитель.

Нѣтъ! замолчи — я не одинъ — я знаю....

Темный духъ.

Что знаешь ты несчастный?!

Посмотри, — твоей минутной славы
Блѣдный лучъ, скользнувъ, исчезъ за тучей...
Встунѣ ты отвергъ земныя блага —
И какъ шутъ надѣлъ вѣнецъ колючій.
Долго ждалъ ты мысли отъ народа —
Спитъ народъ твой, и тебя не слышетъ:
Безъ него спѣша на кличъ: свобода!
Ты усталъ и грудь твоя чуть дышетъ.
Собранныхъ не жалѣя соковъ,
Не спасетъ такихъ, какъ ты пророковъ.
Всей земли растительное царство. —
Пей-же, пей противное лѣкарство!
Пей его, чтобъ на твоей могилѣ,
Совершилось диво,
Чтобъ на ней — надъ безымяннымъ камнемъ,
Разрослась крапива.

Сочинитель.

Дай ты мнѣ покой, проклятый демонъ!

Темный духъ.

Нѣтъ покоя! нѣтъ нигдѣ покоя
Въ этой безднѣ вѣчнаго движенья,

И твой мозгъ, работающій мысли,
 Перейдетъ въ колючее растенье,
 И его опять застигнетъ осень,
 И опять сожмутъ его морозы.

Сочинитель.

А слезы! — эти внутреннія слезы,
 Чтò выжгли душу, — этотъ пламень,
 Которымъ согрѣвалъ я холодъ
 Земнаго моего существованья. — Пламень,
 Которымъ я дѣлиться могъ, — который
 Не умираетъ въ разбитомъ тѣлѣ,
 И рвется изъ него какъ изъ тюрьмы.
 Куда онъ рвется? — Гдѣ его обитель?

Голосъ съ высоты.

Здѣсь!

Голосъ подъ землей.

Здѣсь! —

Голосъ съ высоты.

Благославляю сердца любящаго боль
 И слезы —

Голосъ подъ землей.

Сѣмена колючихъ терній!

Голосъ съ высоты.

Благославляю хлѣбъ и соль
 Твоихъ правдивыхъ вдохновеній.

Голосъ подъ землей.

И тысячи безумствъ и тысячи сомнѣній. —

Писатель (*очнувшись*.)

Какія-то невидимыя силы
 Играютъ мною. — Въ жаръ и въ холодъ
 Меня бросаетъ, — то благословенья
 Себѣ я слышу — то проклятья.

Темный духъ.

Ну да, проклятья!
 Проклинай свое рожденье,
 Проклинай свои молитвы!
 Не дождешься ты спасенья,
 Не дождешься честной битвы,
 Гдѣ-бъ ты могъ, какъ Божій воинъ,
 Постоять за бѣдныхъ братьевъ —

За жену лишь будь спокоенъ,
Не уйдетъ моихъ объятій....

ПИСАТЕЛЬ.

О гдѣ вы золотые дни моей весны,
Гдѣ вы надежды юности моей,
Святые духи неба — духи свѣта!
(Являются маленькіе свѣтлые духи)

Хоръ свѣтлыхъ духовъ.

Не зывай! не плачь напрасно,
Слезъ постичь намъ не дано:
Все что создано — намъ ясно,
Темно все что рождено.

Одинъ изъ свѣтлыхъ духовъ.

О братъ земной! я вникалъ и не вникъ
Что значуть всѣ ваши страданія,
Что значуть проклятія, стоны, рыданія —
Это не райскій языкъ!

О братъ земной! Безмятежностью вѣсемъ
Мы въ сердце мятежное — только на крикъ,
На вопли откликнуться мы не умѣемъ—
Это не райскій языкъ!

Лишь въ минуты просвѣтлѣнья
Въ безднѣ мрака и сомнѣнья
Вижу душу я твою,
Душу въ образѣ тѣлесномъ
И ее — духамъ небеснымъ.
Непонятную — люблю.
Вѣдь и ты меня не знаешь,
О мой братъ земной!
Для чего же призываетъ?

Сочинитель.

Дайте мнѣ покой!

За чѣмъ въ моемъ мозгу вы поселились
И козобродите? — ужели черепъ мой
Для васъ просторнѣе небесъ! —

Откуда

Такой приливъ видѣній? Ни кому
Себя дурачить я не позволяю.
И вотъ...

Какъ чародѣй бесѣдую съ духами!

Нелѣпный бредъ! Но — что же ты такое
Дѣйствительность? — Неужели и ты
Такой же бредъ — какъ — эти... эти....
Опять несутся... что за чудеса!
О умоляю васъ —

О! Хотя за то, что я
Не вѣрю вамъ — исчезните — оставьте
Меня въ покоѣ.

Духи.

Бѣдный! что безъ насъ
Ты значишь! Прахъ и больше ничего.
(исчезаютъ).

Сочинитель.

Я ничего безъ нихъ не значу! Вотъ —
Идея! — Ну а вы... вы безъ меня
Что значите? — (Вскокивъ съ постели).

Спаль я — или нѣтъ?

Какая жажда — губы пересохли! —
(пьетъ).

Который часъ теперь!

(Кричитъ слабымъ голосомъ!)

Который часъ!

Я лучше встану.... Встану — и авось
На столько хватить силъ, что кончу
Мою статью — за ней придутъ. — Редакторъ
Неумолимъ, — нужда не умолимѣй.
О какъ стѣснилась грудь, какъ тяжело
Въ нее вливается дыханье! Воздухъ
Мнѣ кажется какимъ-то чадомъ. —
(Ложится).

Ба!

(Изъ за-угла избушки показывается уродливая, пертливая голова).

То голоса мнѣ слышутся — то рожи....
Прочь! отвяжись!

Голова.

Помилуйте — что съ вами?

Вы корчитесь, великій человѣкъ.
Давно ли вы пылали, — а теперь
Вы свѣтитесь, какъ чадная свѣтильня
На сальной свѣчкѣ. —

Кто ее задуть?

Не я! Ей-ей не я! должно быть вѣтеръ —
 Прескверную вы наняли квартиру,
 Со всѣхъ сторонъ несеть. —
 Ну — что намъ дѣлать?
 Позвольте мнѣ на васъ подуть немножко;
 Я губы вытяну — и вздую васъ,
 И вы, быть можетъ, всныхнете опять.
 Позвольте? — А не то я ущипну васъ за носъ,
 И вы совсѣмъ потухните! — смотрите
 Какіе у меня щипцы....

Сочинитель.

Жена!

Ты спишь? — Сюда сюда скорѣй, —
 Гоня его!. Гдѣ сѣрныхъ спичекъ
 Коробочка? — я не могу найти...

Жена (*просыпаясь въ сосѣдней ком-
 натѣ*).

Что если онъ умретъ — куда я дѣнусь!

Я. ПОЛОНСКИЙ.

РЕФОРМА И КАТОЛИЧЕСКАЯ РЕАКЦІЯ ВЪ ВЕНГРІИ.

Статья первая.

I.

Faciam Hungariam captivam, postea mendicam, deinde catholicam!

Слова кардинала Колонича.

Идеи реформациі, проникнувъ въ Венгрію вскорѣ послѣ проявленія ихъ въ Германіи, сдѣлались доступными мадарскому народу и стали сживаться съ его понятіями гораздо легче, нежели въ другихъ странахъ Европы. Реформа, порожденная въ Германіи, находила по-преимуществу прозелитовъ въ семействахъ ея княжескихъ родовъ, подобно какъ въ Англіи въ лицѣ Генриха VIII, она явилась въ тѣсномъ кругу высшей власти. Проникнувъ во Францію она нашла себѣ приверженцевъ въ аристократіи и буржуазіи, между тѣмъ какъ, въ одной только Венгріи, мы встрѣчаемъ ее, болѣе нежели гдѣ-либо, народною. Это обстоятельство имѣетъ чрезвычайную важность для политической исторіи Венгріи, и легко объясняетъ отношенія Мадаръ къ Австріи и постоянную борьбу ихъ съ габсбургскимъ домомъ. Рѣдкая страна и народъ были столь чужды религіозному фанатизму, какъ Венгрія. Могучее вліяніе протестантскихъ идей на ея политику можно было видѣть даже въ послѣднее время, въ ре-

волюцію 1848 и 1849 годѣ, когда, между католическими священниками Венгріи встрѣчались часто и партизаны австрійскаго правительства, между тѣмъ какъ ни одинъ протестантъ-Мадяръ не былъ на сторонѣ Австріи. Правда, были двое или трое священниковъ-протестантовъ изъ Славянъ, враждовавшихъ противъ Венгріи, но тутъ замѣтна была скорѣе ихъ племенная ненависть, а не сочувствіе къ австрійскому преобладанію.

Реформа, и слѣдовавшая за тѣмъ католическая реакція Венгріи тѣсно связаны съ порабощеніемъ Мадяръ австрійскому дому, сопровождавшимся столь же неслыханными притѣсненіями со стороны Австріи временъ Леопольда, сколь безпримѣрно было эпергическое противодѣйствіе самой Венгріи. Введеніе реформы и порабощеніе Венгріи, жестокости, которымъ подверглась эта несчастная страна и геройская борьба патриотовъ, составляютъ, можно сказать, отдѣльный эпизодъ въ исторіи Мадяръ, эпизодъ, поражающій своею кровавою окончанностію. Народы славянскіе, Румыны и Мадяры, пасяющіе Дунай, Савву и Тиссу, втеченіе цѣлаго тысячелѣтія выносили постоянную борьбу то съ племенемъ ромео-греческимъ, то съ Османами, то наконецъ съ династіей габсбурговъ. Въ послѣднемъ случаѣ самая горькая участь пала на долю мадярскаго народа, и не смотря на его ошибки въ отношеніи племеннаго преобладанія надъ Славянами и Румынами, нельзя не признать за нимъ правъ его своеобразнаго бытія, выкупленнаго самыми ужасными страданіями.

Протестантское ученіе внесено было въ Венгрію, какъ мы сказали, почти одновременно съ его проявленіемъ въ Германіи. Лишь только были издааны первыя писанія Лютера, какъ купцы и книшеты сотнями экземпляровъ начали ввозить ихъ въ долины Венгріи и гористыя мѣста Трансильваніи, гдѣ новыя мысли, вмѣстѣ съ протестомъ противъ господствующей церкви, стали распространяться съ неимовѣрною быстротой между народами. Новое ученіе нашло самыхъ ревностныхъ проповѣдниковъ. Михаэль Сиклоси открылъ публичную каедру для объясненія этого ученія, содѣлавшагося столь страшнымъ для исключительнаго преобладанія католичества. Въ Трансильваніи, а именно въ Германиштадтѣ стали

возвышать голосъ въ пользу реформы нѣкто Амвросій, родомъ изъ Силезіи и ех-доминиканецъ Георгій. Эти красно-рѣчивые ораторы зарождавшагося протестантизма, состояли подъ исключительнымъ покровительствомъ графа Марка Пецлингена, человѣка съ обширными познаніями, съ умомъ прямымъ, съ твердымъ характеромъ, который ничего не жалѣлъ для поддержанія и распространенія реформы. Жители Германштадта, находясь въ открытой враждѣ съ архіепископомъ Грана, насильно заставляли новыхъ проповѣдниковъ всходить на каедры, не смотря на запрещеніе со стороны архіепископскаго намѣстника. Германштадцы простерли свое непослушаніе дотого, что рѣшились отказаться отъ десятинной подати.

Такъ начиналась реформа между малярскимъ населеніемъ Трансильваніи, не смотря на строгій приказъ короля Людовика II *). Германштадтъ обратился вскорѣ въ другой Вптембергъ и даже католическіе священники признавались, что новое ученіе едва-ли было слабѣе въ столицѣ Трансильваніи, чѣмъ въ резиденціи самого Лютера. Чтобы пресѣчь въ самомъ началѣ дальнѣйшее распространеніе реформы, сеймъ приказалъ захватить протестантскія книги и предать ихъ огню. Но эти литературныя несожженія ни чуть не остановили распространеніе реформы; тогда королевскіе штаты пришли къ тому убѣжденію, что только сила можетъ остановить это новое ученіе. Противъ проповѣдывавшихъ и неповѣдывавшихъ лютеранизмъ всенародно была объявлена мучительная казнь на кострѣ. Но какимъ образомъ ввести эту казнь въ странѣ гористой, покрытой дремучими лѣсами, перерѣзанной болотистыми мѣстами, и огромными рытвинами, — въ такой странѣ, гдѣ легко можно укрыться отъ преслѣдованія правительства, и еще легче и свободнѣе исполнять требы поваго ученія? Не смотря на это ужасное обнародованіе, число протестантовъ увеличивалось, какъ ни въ

*) Король Венгрии и Богеміи, наследовавшій отцу своему Владиславу въ 1516 г. Онъ женился въ 1521 году на Маріи, сестрѣ Карла V. Потерпѣлъ поражение при Могачѣ въ 1526 г. и утонулъ въ тростникѣ одного болота, во время бѣгства съ поля битвы.

чемъ не бывало. Они начинали уже собираться въ толпы, осмѣивать и освистывать католическія процессіи, и простерли свою смѣлость до того, что въ Будѣ, въ глазахъ короля, двое проповѣдниковъ новаго ученія вызывали на публичный диспутъ католическихъ богослововъ. На первый разъ ограничались только тѣмъ, что ихъ выгнали изъ города.

Послѣ пораженія при Могачѣ и трагической смерти короля Лудовика II, наслѣдникъ его Янъ Заполя приказалъ изгнать изъ предѣловъ Венгріи всѣхъ иновѣрцевъ. Но приказъ этотъ не могъ быть исполненъ, потому что въ это самое время Габсбурги начали извѣстную борьбу, имѣвшую цѣлю водворенія ихъ въ Венгріи. Лудовикъ, какъ мы выше замѣтили, былъ женатъ на сестрѣ Карла V и Фердинанда I. Этотъ послѣдній былъ въ свою очередь женатъ на Аннѣ Ягеллонкѣ, сестрѣ Лудовика II. Двойное родство Фердинанда съ избирательными королями Венгріи пробудило въ немъ надежду видѣть себя въ главѣ Мадяръ, лишь только престолъ Венгріи упразднится смертію короля. Сестра его Марія далеко не противилась его видамъ; напротивъ, она съ своей стороны всѣми средствами содѣйствовала брату, такъ что, въ тотъ самый годъ, когда умеръ Лудовикъ, пресбургскій сеймъ предложилъ молодому Фердинанду корону Венгріи. Но Янъ Заполя, управлявшій уже нѣсколько мѣсяцевъ страной съ согласія народа, не рѣшался отказаться отъ своей власти. Это повело къ непрерывнымъ усобицамъ партій внутри Венгріи, которыя, при новыхъ вторженіяхъ Турокъ привели эту страну на край гибели. Нѣсколько лѣтъ продолжались эти неурядицы въ Венгріи, продолженіе которыхъ правительство было занято болѣе важными дѣлами нежели вопросомъ новаго вѣроученія, которое съ каждымъ днемъ начало принимать самыя широкіе размѣры. Многіе изъ высшаго дворянства, изъ магнатовъ Венгріи, открыто стали объявлять себя противниками папской власти, воздвигать лютеранскіе храмы, открывать училища, и посылать дѣтей своихъ учиться въ Виттембергъ, котораго университетъ славился своимъ либеральнымъ направленіемъ, и съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе возвышался надъ прочими университетами западной Европы. Одинъ изъ знамени-

тѣйшихъ Мадяръ, слушавшій въ это время лекціи въ виттембергскомъ университетѣ, былъ палатникъ пня воевода Надасди, который съ такою ревностію принялся покровительствовать въ молодыхъ Мадярахъ и поддерживать въ нихъ идеи реформы, что обратилъ на себя вниманіе всей Германіи. Надасди завелъ у себя типографію, гдѣ былъ отпечатанъ первый переводъ Новаго Завѣта на мадарскомъ языкѣ, сдѣланный Яномъ Сильвестромъ. Успѣхи протестантизма въ Венгріи содѣлались такъ быстры, что многіе изъ католическихъ священниковъ добровольно оставляли свои алтари и принимали реформу. Епископы нитранскій и веспринскій объявили себя также приверженцами новаго ученія. Нужно сказать, что рядомъ съ реформой начали развиваться въ Венгріи и ученія анабаптистовъ, меннонитовъ, цвингліанъ, соціанстовъ; но всѣ эти ереси должны были уступить мѣсто католикамъ, лютеранамъ и калвинистамъ, которые одни остались и образовали двѣ враждебныя партіи, залившія вскорѣ всю Венгрію кровью. Императоръ Фердинандъ I, не былъ въ силахъ противиться распространенію новыхъ идей, и протестанты не скрывали себя; они свободно сходились на проповѣди, открыто сочетались между собою брачными узамъ, и только основаніе въ 1540 году ордена іезуитовъ дало совершенно другой оборотъ этому дѣлу.

Іезуиты проникли въ австрійскія области съ видомъ кроткимъ и смиреннымъ. Они являлись туда, преимущественно какъ медики, увѣряя всѣхъ, что владѣютъ удивительнымъ, чуднымъ секретомъ, состоявшимъ въ такомъ снадобьи, которое могло вылѣчивать всѣ болѣзни. Это была хинина, носившая долгое время названіе іезуитскаго порошка. Явленіе моровой язвы значительно содѣйствовало ихъ водворенію на верхнемъ Дунаѣ. Кромѣ того они занимались уроками, стараясь получить каѳедры. Въ началѣ положеніе ихъ было не совсѣмъ завидное, такъ что въ Вѣнѣ, не имѣя особаго помѣщенія, они жили въ первое время у доминиканцевъ. Начальникъ ихъ, отецъ Бобадилла, получивъ однажды доступъ къ императору, и успѣвъ заставить этого монарха преклонять свои колѣна передъ собою на исповѣди, первый положилъ начало будущей силѣ этого ордена въ предѣлахъ

Австріи, и съ той поры положеніе ихъ вдругъ измѣнилось. Въ 1551 году они построили въ Вѣнѣ первую свою коллегію, и самъ Лойола, бывшій еще въ живыхъ, отправилъ туда по просьбѣ Фердинанда одиннадцать іезуитовъ, содѣлавшихся разсадникомъ этого воинства смерти, какъ называли ихъ въ Германіи. Въ 1556 году они выстроили свои подворья въ Ингольштадѣ и Кельвѣ, откуда, подобно жаднымъ осамъ, разлетѣлись во все концы Германіи. Австрія, Чехія, Тироль, Франконія, Швабія, долина Рейна и Баварія содѣлались для нихъ открытымъ попріщемъ. Вскорѣ они склонили Фердинанда принять нѣкоторыя мѣры, если не къ совершенному искорененію ереси, то по крайнѣй мѣрѣ къ оставленію ея дальнѣйшаго развитія. Но тѣ изъ высшаго дворянства, которымъ поручено было исполненіе этого предположенія, или сами принадлежали къ реформѣ, или же были не въ состояніи искоренить ее въ собственныхъ своихъ покрѣстьяхъ. Максимиліанъ II предоставилъ обѣимъ сторонамъ свободу борьбы и преній, и рѣшился не защищать ни католиковъ, ни протестантовъ. Богословскіе споры наводили на него невыразимую тоску. Почти все его генералы не скрывали своего сочувствія къ новому вѣроученію. Одинъ изъ нихъ, Швенди, принялъ даже предсѣдательство въ реформатскомъ синодѣ, а Хорватъ, пріоръ, или настоятель Спичсвѣй, отрекшись отъ католичества и принявъ протестанство, не устранился просить Максимиліана быть опекуномъ его дѣтей. Терпимость этого государя доходила до того, что нѣкто Фаузеръ, лютеранскій докторъ, долгое время читалъ при самомъ дворѣ проповѣди.

Когда, Рудольфъ II вступилъ на престолъ, реформатское ученіе до того было распространено въ областяхъ, занятыхъ еще Турками, что пасторы возымѣли даже мысль распространить свое ученіе и между невѣрными. Турки не вмешивались въ религіозные споры христіанъ, лишь бы только эти послѣдніе несли безпрекословно свои обязанности въ отношеніи къ побѣдителю. Но что касается областей принадлежавшихъ еще Германіи, то въ нихъ до девятисотъ приходъ были уже лютеранскими, еще болѣе принадлежали къ ученію Кальвина, и шестнадцать правителей, почти все при-

надлежавшіе къ высшимъ магнатамъ королевства, содѣлались ревностиѣйшими послѣдователями реформы. Можно было легко предвидѣть, что вся Венгрія обратится въ протестантство. Одинъ только Стефанъ Баторій, князь Трансильваніи и избранный въ короли Польши, рѣшился принять нѣкоторыя мѣры къ прекращенію новаго ученія. Онъ обратилъ вниманіе на іезуитовъ, которыхъ пригласилъ въ Трансильванію, гдѣ помѣстилъ ихъ въ обширномъ монастырѣ Коллосъ-Моностра, отданномъ имъ со всѣми землями и угодіями. Іезуиты основали коллегію въ Калбургѣ, и Стефанъ Баторій предоставилъ имъ обученіе и воспитаніе юношества. Впродолженіе всего его правленія, равно также и брата его Христофора, іезуиты не предпринимали ни какихъ мѣръ къ преслѣдованію реформы. Они ни разу не измѣнили своему притворному смиренію, съ постоянною наклоненною головою, съ потупленными взорами, и тихимъ сладенькимъ голоскомъ, они напоминали собою тѣхъ богомоловъ, которыхъ такъ удачно обрисовала еще въ X-мъ столѣтіи Анна Комнена. Казалось, что все ихъ вниманіе было обращено исключительно на устройство училищъ; лисицы прикрылись шкуркою ягненка. Но протестанты не были обмануты ихъ смиренною наружностію. Они отъ души презирали ихъ притворство, и только уваженіе, которое питали они къ Стефану и Христофору, этимъ двумъ благороднымъ и возвышеннымъ личностямъ, заставило ихъ воздерживаться отъ явной борьбы съ ними. Но послѣ смерти этихъ князей, реформаты не скрывали болѣе своей ненависти къ іезуитамъ: они были изгнаны, возвратились снова чрезъ пять лѣтъ, и снова изгнаны Моисеемъ Секели.

Іезуиты однакожъ не упали духомъ. Они находили всегда средства проникать въ Трансильванію, откуда имѣли въ виду вѣрнѣе атаковать Венгрію. Первое ихъ нашествіе на эту страну случилось въ 1561 году, при содѣйствіи архіепископа Олаги и съ одобренія правительства. На этотъ разъ ихъ было не много, всего четыре монаха и одинъ бѣлецъ, еще не посвященный въ орденскую братію. Поселившись въ Тирнавѣ, они начали строить коллегію, но не успѣли вывести зданіе подъ крышу, какъ страшный пожаръ, уничто-

живъ большую часть города, разрушилъ и начатое ими зданіе. Генераль ордена, Францискъ Борджія, принимая это несчастіе за предзнаменованіе свыше, приказалъ братіи оставить Венгрію. Тринадцать лѣтъ прошло, и ни одинъ изъ членовъ этого страшнаго братства не показался въ Венгріи. Только въ 1579 году, епископъ раабскій Георгъ Драшковичъ, вызвалъ изъ Вѣны одного іезуита, ловкаго и краснорѣчиваго проповѣдника. Этотъ послѣдній въ непродолжительное время до того успѣлъ своими проповѣдями въ дѣлѣ обращенія, что Драшковичъ, содѣлавшійся кардиналомъ, исходатайствовалъ у императора Рудольфа позволеніе іезуитамъ селиться въ Венгрію, для поддержанія католичества и для преслѣдованія реформы. Рудольфъ въ одномъ изъ припадковъ своего умопомраченія, особымъ декретомъ предписалъ предоставить іезуитамъ аббатство Турочъ и родина Корвиновъ отдава была имъ на жертву.

Въ такомъ состояніи было разъединенное положеніе релігіозныхъ идей въ Венгрію, когда Рудольфъ рѣшился обратиться снова эту страну на лоно папской непогрѣшимости. Приверженцы реформы полагали всю свою надежду на сеймъ, имѣвшій собраться въ Пресбургѣ. Рудольфъ также съ своей стороны надѣялся на рѣшенія сейма, но эрцгерцогъ, покровительствовавшій партіи диссидентовъ, умѣлъ такъ ловко руководить засѣданіями сейма, что ни какая стѣснительная мѣра не была принята противъ реформы. Рудольфъ не могъ умѣрить своего гнѣва; онъ имѣлъ неосторожность выразиться о мадарской конституціи, какъ о мертвой буквѣ, и приказалъ утвердить свободною подачей голосовъ двадцать двѣ статьи новаго постановленія, имѣвшаго цѣлю стѣснить реформу.

Это самоуправство и безцеремонное обращеніе съ правами сейма, произвело въ Венгрію всеобщее негодованіе. Множество магнатовъ громко начали роптать на императора и требовать отмены новыхъ положеній. Но Рудольфъ и слушать не хотѣлъ этотъ всеобщій ропотъ, который вскорѣ послѣ того разразился страшнымъ, почти повсемѣстнымъ возстаніемъ. Въ главѣ этого возстанія явился человекъ, оставившій на страницахъ мадарской исторіи послѣ себя крова-

вый слѣдъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и громкое имя, живущее еще и теперь въ памяти патріотовъ. Это былъ Стефанъ Бочкай. Достаточенъ былъ одинъ только знакъ, одно мановеніе этого человѣка, чтобы расшевелить всю мадарскую націю, чтобы поднять и народъ и дворянство. Народное знамя было поднято и надъ зámками магнатовъ, появилось и въ толпахъ поселенъ. Вооруженныя массы народа совсѣхъ сторонъ устремились къ Серенесу, гдѣ былъ назначенъ всеобщій съѣздъ, для обсужденія наступательныхъ дѣйствій противъ произвола императора. Тогда Трансильванія, оставленная полками Рудольфа, объявила себя на сторонѣ Бочкай. Крѣпости Венгріи перешли также въ руки возмутившихся Мадяръ. Слабые остатки императорскихъ войскъ не были въ силахъ бороться съ многочисленнымъ полчищамъ патріотовъ, и всѣ комитаты, свободные отъ турецкаго занятія, подпали подъ власть грознаго предводителя реформатовъ. Только одинъ генералъ Баста держался еще въ Гранѣ. Бочкай, расположившись лагеремъ надъ стѣнами Буды, получилъ здѣсь отъ султана въ подарокъ золотой вѣнецъ, дорогую саблю и знамя. Ахметъ I, привѣтствовалъ Бочкай, какъ короля Венгріи, но благоразумный Мадяръ не принялъ этого титула.

Рудольфъ, не имѣя ни войска, ни вѣрныхъ слугъ, лишенный кромѣ того нравственной силы, не былъ въ состояніи бороться съ возмутившейся Венгріей. Это обстоятельство заставило его войти съ Мадярами въ переговоры, продолжавшіеся до 1605 года, когда, вслѣдствіе заключеннаго мира, лютеранамъ и калвинистамъ была предоставлена, особымъ договоромъ, полная свобода религіи, возстановленіе разрушенныхъ во время войны храмовъ, и учрежденіе консисторій, долженствовавшихъ находится подъ прямымъ вѣдѣніемъ мѣстныхъ сеймовъ. Бочкай получилъ въ потомственное ленное владѣніе Трансильванію, графства Бихаръ, Зарандъ, Солнокъ и Мармарошъ. Кромѣ того, онъ получилъ въ пожизненное пользованіе еще три графства и замокъ Токай вмѣстѣ съ прилежащими къ нему землями. Эрцгерцогъ Матвѣй, бывший главнымъ посредникомъ во время этихъ сношеній, употребившій для изгнанія съ престола своего брата и Австрійцевъ и Мадяръ въ одно время, не могъ по-

этому быть слишкомъ строгимъ къ приверженцамъ реформы, вслѣдствіе чего протестантизмъ со дня на день сталъ увеличиваться и распространяться въ Венгріи.

Но приверженцамъ новыхъ идей суждено было вскорѣ встрѣтиться съ такою личностію, въ которой они не замедлили найти самого страшнаго гонителя. Фердинандъ II, при воспоминаніи о которомъ и Чехъ и Мадырь содрогаются отъ ужаса, вступилъ на императорскій престолъ Габсбурговъ. Наступила тридцати-лѣтняя война, Мадыре приняли сторону Чеховъ, и Фердинандъ, возвращаясь изъ Франкфурта, гдѣ былъ вѣнчанъ имперскою короною, дорогой узналъ, что Мадыре, предводимые Бетленомъ-Габоромъ, приближались къ эрцгерцогству австрійскому. Они были уже подъ стѣнами Вѣны, и только неимовѣрное счастье Габсбурговъ спасло ихъ столицу вмѣстѣ съ ихъ династіей. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что этотъ увѣчанный инквизиторъ, глубоко сохранилъ въ душѣ своей ненависть къ Мадырамъ, но въ то время онъ не былъ еще въ силахъ возстановить въ Венгріи власть папы. Три раза Бетленъ-Габоръ объявлялъ Фердинанду II войну, и во всѣ эти разы, т. е., въ 1622, 1624 и 1626 годахъ, онъ мирялся съ нимъ, не проникая впрочемъ въ планы этого новаго Тиберія, искусно прикрытые личиною самаго теплаго благочестія. А между тѣмъ планъ всеобщаго обращенія Венгріи и окончательнаго ея порабощенія исподоволь готовился въ Вѣнѣ при содѣйствіи изуверства и іезуитовъ.

II.

Совѣщанія о порабощеніи Венгріи начались въ концѣ 1626 года. Въ Эгенбергскомъ дворцѣ, въ Вѣнѣ, были собраны: Фердинандъ II, первый его министръ Эгенбергъ, кардиналъ Дитрихштейнъ, одинъ изъ жаркихъ гонителей протестантства, графъ Оньято посланникъ испанскій, имѣвшій особенное секретное порученіе всеми средствами содѣйствовать искорененію реформы, тайный совѣтникъ Гарахъ, и наконецъ врачный, никогда не смѣявшійся Валленштейнъ съ нѣсколь-

кими высшими чиновниками своего штаба. Предметомъ ихъ совѣщанія было, — какими мѣрами слѣдовало бы искоренить въ Венгрии новое ученіе. Много было предложено проектовъ, но всѣ они не годились, какъ неудобные или не вполне достигавшіе цѣли. Наконецъ графъ Оньято предложилъ свой проектъ въ рѣчи, записанной современниками, съ которой не излишнимъ считаемъ познакомить и нашихъ читателей.

«Чтобы искоренить въ Венгрии реформатское ученіе, мой августѣйшій властитель предлагаетъ, теперь же, и когда будетъ угодно, сорокъ тысячъ лучшаго своего войска, вооруженнаго въ лучшемъ видѣ. Онъ обѣщаетъ содержать этотъ корпусъ на свой счетъ, въ продолженіе сорока лѣтъ. Если присовокупить къ нему и козаковъ Польши, тогда достоверно можно сказать, что эта нечестивая порода, (т. е. Маляре) столько разъ возмущавшаяся противъ верховной власти императора, исчезнетъ, и тогда Австрія останется навсегда спокойною со стороны ея вторженій. Вы говорите, что Маляре народъ храбрый, привыкшій къ оружію, и страшный своей легкой конницей; что Турція, ихъ близкая сосѣдка, во всякое время можетъ поддержать ихъ своими силами. На это я отвѣчаю, что необходимо цѣною золота расположить къ себѣ мусульманъ, отклонить ихъ отъ Маляръ и Бетлена, ихъ предводителя, подстрекнуть ихъ противъ нашихъ враговъ и заключить вѣчный миръ съ султаномъ. Тогда вамъ останется только пойти по слѣдамъ испанскаго двора и употребить тѣже самыя средства, которыми этотъ дворъ достигнулъ безусловной власти. Пошлите къ этимъ варварамъ правителей иноплеменниковъ, которые бы обременили ихъ совершенно новыми, произвольными законами. Угнетайте ихъ тысячью средствами. Если они станутъ жаловаться вѣнскому двору, пусть получаютъ въ отвѣтъ, что его величество въ первый разъ слышитъ объ этихъ угнетеніяхъ и съ явнымъ неудовольствіемъ узнаетъ объ нихъ. Близорукіе дураки легко повѣрятъ, что императоръ ни въ чемъ не виноватъ въ ихъ несчастіи, и все неудовольствіе ихъ падетъ на областеначальниковъ.

«Не взирая ни на жалобы, ни на опасности, правители не должны измѣнять своей системѣ, напротивъ, они должны

употреблять всѣ стѣснительныя средства и стараться довести Мадяръ, если можно, до идиотизма. Для этого пусть допускаютъ самыя страшныя наказанія за малѣйшее непослушаніе. Такъ какъ Мадяре не привыкли къ подобнымъ насиліямъ, имѣя, напротивъ, нѣкоторую гордость, какъ естественное чувство независимости, они не замедлятъ возмутиться. Этого только и нужно ожидать, чтобы дѣйствовать противъ нихъ рѣшительно. Тогда, безъ всякаго суда, безъ соблюденія законной формы, предавать ихъ жестокимъ пыткамъ и затѣмъ казнить какъ преступниковъ, какъ государственныхъ измѣнниковъ. Войска, долженствующія быть готовыми, безпрепятственно войдутъ въ Венгрію, когда такимъ образомъ, жатва поспѣетъ. Сначала должны пасть на плахѣ головы людей высшаго круга, знатныхъ и болѣе вліятельныхъ въ народѣ, потому что они болѣе всего могутъ вредить и препятствовать нашимъ видамъ. Если обѣщанные сорокъ тысячъ воиновъ окажутся недостаточны, король, мой властитель, добавитъ къ нимъ еще двадцать тысячъ, въ надеждѣ возстановить такимъ образомъ миръ прочный и Богу угодный.»

Эта ужасная рѣчь, пропзнесенная съ такимъ хладнокровіемъ и долженствовавшая возбудить негодованіе въ слушателяхъ, была принята, напротивъ, съ изъявленіями радости, чуть ли не съ рукоплесканіями. Не удивительно, тутъ председательствовалъ Фердинандъ II, предъ злодѣйствами котораго блѣднѣютъ и тацитовы ужасы. Слушатели графа Оньято походили на стадо голодныхъ волковъ, почуввавшихъ мертвечину. Тотчасъ составленъ былъ протоколъ со словъ испанскаго посланника и всѣ присутствующіе скрѣпили его своими подписями. Проектъ этотъ такъ понравился Фердинанду, что тотчасъ было приступлено къ его исполненію. Валленштейнъ и неаполитанецъ Караффа, столь извѣстный своими кровавыми услугами габсбургскому дому, получили приказаніе, при первомъ неудовольствіи, при первомъ народномъ движеніи, занять Венгрію вооруженною силой. Для предлога указанъ былъ пмъ ярмарочный съѣздъ въ Синтау на Ваагѣ. Кромѣ того имъ было приказано являться съ вооруженными отрядами вездѣ, гдѣ только увидятъ народное скопище, и не разгоняя его, не отвѣчая на вопросы, тотчасъ

окружать и убивать всѣхъ безъ разбора, кто старше двѣнадцати лѣтъ, и кто говорить по-мадярски. Но такъ какъ исполнители этого приказанія могли ошибиться въ лѣтахъ жертвы, то имъ поручена была казенная мѣра, аршинъ, которыми должны были измѣрять осужденныхъ на убой мадярскихъ юношей. Эти убійства должны были продолжаться до того времени, пока всѣ тѣ, которые могли бы быть предводителями возстанія, будутъ убиты, изгнаны, взяты въ плѣнъ, или перейдутъ на сторону своихъ поработителей. Ничего не значило, если эти убійства обезлюдятъ столь огромное пространство земли. Въ такомъ случаѣ, можно будетъ при помощи Испаніи населить опустошенныя мѣста иноземцами, какъ это было сдѣлано въ Чехіи, Моравіи и Силезіи.

Иезуиты съ своей стороны всѣми силами поддерживали этотъ планъ и всячески торопили его исполненіе; но обстоятельства времени не дали Фердинанду возможности удовлетворить ихъ нетерпѣливому фанатизму. Занятый борьбой съ сѣверной Германіей, съ Франціей, Швеціей, Даніей и съ подданными своей державы, онъ, при всемъ ограниченномъ своемъ умѣ, при всей ничтожности и тупости политическаго такта и нетерпѣливаго произвола, все-таки понималъ, какъ опасно будетъ явно возбудить противъ себя силы храбрыхъ Мадяръ. При томъ же, Бетленъ-Габоръ, готовый во всякое время стать во главѣ недовольныхъ, былъ постояннымъ страшилищемъ и живою угрозой для вѣнскаго двора. Европа давно не видала подобнаго предводителя. Возвышенный умъ, храбрость, быстрота соображеній и движеній, доброта души, краснорѣчіе, великодушіе, гордость и вмѣстѣ съ тѣмъ самая либеральная гуманность, казалось все соединилось въ этомъ человѣкѣ для того, чтобы сдѣлать его не только любимцемъ высшаго дворянства, но и идоломъ земледѣльческаго сословія и вмѣстѣ съ тѣмъ и мадярской рати. Бетленъ, по увѣренію современниковъ, былъ образцомъ во всѣхъ отношеніяхъ не только всѣхъ сословій, но и каждаго гражданина-Мадяра. Онъ нѣсколько разъ выступалъ на помощь къ князьямъ-реформатамъ, но что касается Фердинанда II, то этотъ императоръ умѣлъ нѣсколько разъ заключать съ нимъ

перемиріе и избѣгать явнаго съ нимъ разрыва. Разсказываютъ, что когда однажды маркграфъ Бранденбургскій поднесъ ему въ подарокъ сессеръ, съ дорогимъ хрустальнымъ приборомъ, и спросилъ его: «которая изъ вазъ нравится ему болѣе всѣхъ?» Бетленъ, державшій подарокъ въ рукахъ, бросилъ его на землю и сказалъ ему по-латыни: «все это ничто иное, какъ хрупкое стекло!» — и затѣмъ, подаривъ маркграфу дорогую саблю, рукоять которой была осыпана драгоценными камнями, прибавилъ: «вотъ игрушка, которая не боится паденій.» Въ 1629 году Бетленъ тайно готовился напасть на Австрію, какъ вдругъ заболѣлъ. Фердинандъ, отъ котораго не могли укрыться намѣренія мадярскаго предводителя, послалъ къ нему своего медика, показывая тѣмъ свое дружеское расположеніе къ Бетлену. Этотъ послѣдній, не смотря на увеличивающуюся со дня на день болѣзнь, далеко не подозрѣвалъ, что присланный медикъ былъ ни что иное, какъ подосланный убійца. Бывши участникомъ въ сорока двухъ сраженіяхъ, въ которыхъ среди самой жаркой сѣчи онъ не получилъ ни одной раны, Бетленъ-Габору суждено было умереть отъ медицинскаго пособія, посланнаго ему Фердинандомъ. Но это ловкое и притомъ чрезвычайно важное для Австріи лѣченіе, не было еще въ состояніи наложить цѣпи на предъизбранную Фердинандомъ жертву. Прошло еще нѣсколько лѣтъ, прежде чѣмъ можно было осуществить гнусный заговоръ противъ Венгріи. Умеръ императоръ, и вслѣдъ за нимъ по тѣмъ же слѣдамъ, пошелъ сынъ его и наследникъ Фердинандъ III. Но и при немъ случай не представился выслать на Венгрію католическіе полки, вмѣстѣ съ палачами инквизиціи. Тѣмъ не менѣе однакожь приближалось время, когда Габсбурги должны были внести въ эту страну огонь и мечъ, сѣкиру и плаху. Время это наступило при новомъ императорѣ, питомцѣ іезуитовъ, которые съ особенною любовью занялись его воспитаніемъ, и которые открыли въ его душѣ неизсякаемый источникъ яда, такъ обильно излитаго на несчастныхъ Мадяръ.

Императоръ Леопольдъ, рожденный въ 1640 году былъ обреченъ съ молодости въ духовное званіе, такъ какъ старшему его брату суждено было занять императорскій престолъ

Австріи. Воспитателемъ его былъ іезуитъ Ебергардъ Нейдгардъ, извѣстный также подъ именемъ Нитарди, который, отправившись впоследствии въ Испанію, былъ сдѣланъ кардиналомъ, и затѣмъ вѣнскимъ инквизиторомъ. Съ самаго юнаго возраста въ душѣ молодаго принца вселился мрачный фанатизмъ и приторное ханжество испанскихъ монарховъ. Въ молодости, въ свободное отъ учебныхъ занятій время, его занимала тѣмъ, что онъ постоянно сметалъ пылъ съ статуй святыхъ и воздвигалъ миниатюрные алтари. Но смерть его брата, случившаяся въ 1654 году, очистила ему дорогу на престолъ австрійскій. Отецъ его, Фердинандъ III, возвелъ его въ 1655 году въ достоинство короля Венгріи; въ слѣдующемъ за тѣмъ году онъ былъ назначенъ королемъ Чехіи, а въ 1656 году, по смерти Фердинанда, Леопольдъ явился полновластнымъ обладателемъ обширныхъ областей, но обладателемъ, котораго воля и мысли были скованы вліяніемъ іезуитовъ. Эти послѣдніе нашли въ немъ государя вполне соотвѣтствовавшаго ихъ желаніямъ. Каждое утро онъ три раза слушалъ церковныя службы одну послѣ другой, продолженіе которыхъ, постоянно стоялъ на колѣняхъ, ни разу не подымая глазъ своихъ; казалось все существо его было погружено въ молитву, и только по временамъ онъ заглядывалъ въ одинъ или другой молитвенникъ, раскрытые передъ нимъ на полу придворной церкви. Въ праздничные дни эти службы сопровождались духовной музыкой. Императоръ строго требовалъ, чтобы весь дипломатическій корпусъ, хотя иль нехотя, присутствовалъ бы при этихъ служеніяхъ. Если случалось ему встрѣтить священника или монаха, то онъ благоговѣнно снималъ шапку и протягивалъ имъ руку для цѣлованія. Во всѣхъ своихъ поступкахъ, во всѣхъ движеніяхъ онъ былъ одинъ и тотъ же: невозмутимое хладнокровіе никогда ему не измѣняло. Рассказываютъ, что когда однажды садился онъ за столъ обѣдать, громовой ударъ упалъ въ столовую комнату. Присутствовавшіе всполошились, забѣгали въ страхѣ взадъ и впередъ, а Леопольдъ спокойно, и какъ будто ни въ чемъ не бывало приказалъ принять все со стола, и такъ какъ, по его словамъ, самъ Богъ предзнаменуетъ этимъ громовымъ ударомъ, что настоящую минуту

лучше посвятить посту и молитвѣ, — отправился со всѣми присутствовавшими въ церковь, не окончивъ обѣда.

Не менѣе характеристиченъ портретъ его, оставленный современниками. Огромный парикъ скрывалъ его узкую, маленькую голову, походившую скорѣе на головку гнома. Тонкія и слабыя ноги его постоянно дрожали. Ростъ его былъ ниже средняго, а неловкость и грубость въ обращеніи не могли расположить къ нему рѣшительно ни одного человѣка. Его выдававшаяся челюсть и отвислая нижняя губа открывали совершенно его десны. Эта фамильная особенность Габсбурговъ, преувеличенная природою въ Леопольдѣ, мѣшала ему говорить ясно и внятно, такъ что рѣчи его походили скорѣе на ворчаніе. А между тѣмъ съ этими уродливыми губами онъ игралъ на флейтѣ, что довершало его природное уродство. Онъ писалъ такъ дурно и неразборчиво, что рѣдкій изъ секретарей его могъ разобрать имъ написанное, и когда случалось ему посылать кому либо изъ государей собственноручное письмо, нужно было присовокуплять къ нему и каллиграфическую съ него копію. Охота, театральныя представленія, музыка, разныя рѣдкости и токарная работа привлекали его болѣе нежели государственныя дѣла. Онъ занимался точеніемъ чашъ изъ слоновой кости, выдѣлкою часовъ и съ особеннымъ увлеченіемъ предавъ былъ нумизматикѣ. Природа одарила его въ нѣкоторой мѣрѣ музыкальнымъ слухомъ, онъ занимался также композиціей, и его музыкальныя произведенія, по увѣренію нѣкоторыхъ, не лишены были нѣ котораго достоинства. Алхимія и ворожба довершали его остальные занятія, и въ этомъ отношеніи шарлатаны — волшебники могли быть всегда увѣренными найдти въ Леопольдѣ самаго страстнаго любителя ихъ плутней и либеральнаго покровителя ихъ алчныхъ искательствъ. Онъ не только что вѣрилъ предсказаніямъ, но и самъ былъ увѣренъ въ обладаніи даромъ предвидѣнія. Изъ этого видно, что іезуиты посвятили его во всѣ или почти во всѣ отрасли знанія за исключеніемъ науки управлять государствомъ, и по этому современники рассказываютъ, что неоднократно находили на

воротахъ его дворца слѣдующую надпись: *Leopolde, sis Coesar et non musicus, sis Coesar et non jesuita!* *)

Леопольдъ, углубленный весь въ благочестіе, вовсе не былъ воинственнымъ государемъ. Во все его царствованіе, продолжавшееся слишкомъ пол-столѣтія, впродолженіе котораго онъ выдержалъ пять великихъ войнъ и три страшныхъ возстанія внутри имперіи, онъ ни разу не являлся лично на полѣ битвы. Нѣсколько войсковыхъ смотровъ достаточны были утомить его тщедушное тѣло, такъ что онъ постоянно чувствовалъ какое-то отвращеніе къ военнымъ занятіямъ. Одинъ изъ этихъ знаменитѣйшихъ смотровъ былъ въ 1673 году, въ присутствіи главнокомандующаго Монтекукулли, во время начатія первой войны Австріи съ Людовикомъ XIV. Въ эпоху осады Вѣны Турками, трусливый Леопольдъ убѣждалъ какъ можно далѣе отъ театра военныхъ дѣйствій. Не смотря на эти жалкія достоинства, іезуиты прозвали его Леопольдомъ-Великимъ, какимъ со времени Карла-Великаго не назывался ни одинъ императоръ Германіи.

III.

Исполненіе гнуснаго заговора противъ Венгріи, предложеннаго, какъ мы видѣли, въ 1626 году тайнымъ уполномоченнымъ Испаніи, началось съ 1661 года во время войны съ Оттоманской портой. Подъ предлогомъ, что Венгрія не въ состояніи одна выдержать войну противъ Турокъ, австрійское правительство ввело въ эту страну свои войска, состоявшія большею частію изъ наемниковъ, и заняло ими лучшія и укрѣпленные мѣста, снабдивъ ихъ значительными запасами и снарядами. Въ этомъ-то случаѣ и можно упрекнуть Мадяръ въ недалновидности. Лишь только австрійскіе гарнизоны заняли лучшіе стратегическіе пункты Венгріи, какъ, снявъ личину дружелюбія, начали притѣснять и грабить жителей окрестныхъ комитатовъ. Гепералы и офицеры

*) Леопольдъ, будь императоръ, а не музыкантомъ, будь императоръ, а не іезуитомъ!

служили въ этомъ отношеніи примѣромъ для солдатъ. Царедворцы Леопольда не скрывали уже, что настало время смирить высокоуміе и гордость Мадырь. «Не долго будутъ красоваться, — говорили они, — на головахъ ихъ цаплины перья. Наши ландскнехты сорвутъ ихъ, а золотыя застѣжки, поддерживающія ихъ плащи, замѣнены будутъ оловянными. Скоро также и пышныя ихъ одежды будутъ замѣнены лохмотьями, какими прикрывались и строптивые Чехи послѣ ихъ пораженія.» Такъ говорили приближенные Леопольда, и было чему радоваться. Мадырямъ приходилось терпѣливо свосить эти насмѣшки во все продолженіе турецкой войны, а Осмапы съ своей стороны, не переставали содѣйствовать Австрійцамъ, смирять кипучую храбрость своихъ противниковъ, которая неоднократно останавливала побѣдныя шествія ихъ дружины. Война съ Турками продолжалась три года. Франція выслала на помощь Австрійцамъ пятитысячный корпусъ, заставившій Монтекукули дать Туркамъ сраженіе (1 Августа 1664 года), которое послѣдніе проиграли. Не смотря на пораженіе непріятеля, побѣдители первые предложили миръ, на что Турки поспѣшили изъявить полное свое согласіе. Происшествіе это поразило всѣхъ своею неожиданныю; но тайна вскорѣ разъяснилась. Послѣ девятидневнаго перемирія, заключеннаго въ Басварѣ, подписанъ былъ въ концѣ Сентября того же года миръ на двадцать лѣтъ, и Леопольдъ уступилъ султану двѣ сильныя крѣпости— Гроссварадинъ и Нейгаузенъ. Первая изъ этихъ крѣпостей отдавала во власть Туркамъ почти всю Трансильванію, такъ что вмѣсто того, чтобы перевести мусульманскую конницу, какъ это обыкновенно дѣлалось, на зимнія квартиры за Дунай и въ малую Азію, они провели это время года въ Трансильваніи, занимались грабежемъ и насилиемъ надъ жителями. Австрійское правительство съ радостью смотрѣло на эти безчестія.

При заключеніи этого постыднаго мира не были призваны на совѣщаніе ни штаты уступленныхъ мѣстъ, ни штаты Венгрии, хоть этого положительно требовало международное право самой Германіи. Государя сѣ протестовали; протестовалъ также и сеймъ. Съѣздъ Мадырь объявилъ, что отказы-

вается отъ всякихъ повинностей и отъ военной службы, если въ сношеніяхъ и переговорахъ съ Турками не будутъ участвовать и представители мадярскаго народа. Всѣ терялись въ своихъ предположеніяхъ, и никто не могъ объяснить причину столь невыгоднаго въ интересахъ Германіи мира, послѣ столь блестящей побѣды, одержанной надъ непріателемъ.

Но тайна этого мира, какъ мы сказали, вскорѣ разъяснилась. Леопольдъ готовился нанести рѣшительный ударъ Венгріи и искоренить реформу въ ея комитатахъ. Оставляя Венгрію на произволъ Туркамъ, уступая имъ лучшія крѣпости страны, Леопольдъ имѣлъ въ виду заставить Мадяръ прибѣгнуть подъ его исключительное покровительство, искать его защиты. Чтобы достигнуть этого австрійскому императору не было нужды до того нареканія, которому онъ подвергалъ себя подобными добровольными пожертвованіями. Правда для него не существовала, лишь бы католическій фанатизмъ былъ удовлетворенъ. А Турки съ своей стороны не упустили случая явно высказывать свое презрѣніе къ прояскамъ австрійскаго правительства. Такъ однажды, когда графъ Лесли, бывшій чрезвычайнымъ посланникомъ въ Константинополѣ послѣ заключенія мира, явился во дворецъ чтобы откланяться султану, резидентъ вѣнскаго двора, удрученный старостью, не могъ достаточно склониться предъ падишахомъ, согласно турецкому этикету. Тогда, одинъ изъ придворныхъ султана, съ такою силой нагнулъ голову старца, что прошибъ ему лобъ въ двухъ мѣстахъ. Императорскій дворъ, какъ бы ни въ чемъ не бывало, оставилъ безъ вниманія это оскорбленіе, нанесенное ему въ лицѣ его представителя. Вѣнскій дворъ находился въ полной власти іезуитовъ, и эти послѣдніе, преданные исключительно интригѣ, облеченные, подобно женщинамъ, въ гипюръ и кружева, также чужды были всякой любви къ родинѣ, какъ чуждо было для нихъ и чувство національной гордости. Лишь только былъ заключенъ союзъ съ невѣрными, какъ мадярскіе магнаты были созваны княземъ Лобковичемъ на пресбургскій сеймъ отъ имени Леопольда. Мадярамъ было предложено, безъ дальнѣйшихъ разсужденій, заняться продовольствованіемъ австрійскихъ

войскъ, назначенныхъ для занятія крѣпостей, которыя имѣли построить по венгерской границѣ, и за тѣмъ предписывалось не беспокоить отряды пашей, народившихся въ ихъ сосѣдствѣ. Штаты громко возмани противъ этихъ стѣсненій венгерскихъ конституціонныхъ началъ, положительно воспрещавшихъ допускъ иностранныхъ войскъ внутрь королевства. По смыслу конституціи военная служба Венгрии принадлежала однимъ только Мадырамъ. Кромѣ того, золотая булла Андрея II, о сохраненіи которой клялись не только венгерскіе короли при ихъ избраніи, но и Габсбурги, съ 1222 года признавала за однимъ Мадырами исключительное право подымать оружіе противъ носягавшихъ на ихъ вольности и привилегіи. По этому сеймъ настоятельно потребовалъ удаленія императорскихъ полковъ, бывшихъ въ тягость народу. Главнокомандующій австрійскій обѣщалъ обуздать своеволие воиновъ, но объявилъ притомъ, что удаленіе ихъ изъ Венгрии не можетъ состояться до-тѣхъ-поръ, пока не устроится внутреннй дѣла королевства. Не обращая вниманія на жалобы, онъ приступилъ къ сооруженію новой крѣпости, названной имъ Леопольдштадтомъ, съ тѣмъ, чтобы упрочить въ этой странѣ императорскую власть и усилить средства, имѣвшія цѣлю склонить на сторону вѣнскаго двора мадырское населеніе, и средства эти были — хитрость и насиліе. Напрасно Мадыры протестовали противъ этихъ явныхъ стѣсненій ихъ народности и политической свободы. Напрасно приводили они въ подтвержденіе правъ своихъ буллу короля Андрея II. Имъ суждено было подвергнуться страшнымъ истязаніямъ, продолжавшимся почти пол-столѣтія, и испытать на себѣ всѣ пытки изувѣрства.

Гоненія въ Венгрии не замедлили проявиться во всемъ ихъ распущенномъ произволѣ. Іезуиты, находясь въ какомъ-то лхорадочномъ нетерпѣніи осуществить скорѣе неподоволь подготовленный проектъ, долгое время искали челоуѣка, который бы могъ содѣйствовать ихъ видамъ. Они нашли, чего габъ жадно искали, въ князѣ Евсеѣи Лобковичѣ, который явился для Венгрии тѣмъ же, какимъ былъ для Чехій князь Лихтенштейнъ. Этотъ Лобковичъ принадлежалъ къ числу тѣхъ печальныхъ личностей, которыя всегда являются на

сцену дѣйствій, когда угнетенія и злодѣйства требуютъ себѣ усердныхъ, безъ сердца и души исполнителей. Отецъ Евсевія счумѣлъ войти въ милость къ Фердинанду II, содѣйствуя благочестивымъ его жестокостямъ въ тридцатилѣтнюю войну. Его рабское и кровожадное усердіе было вознаграждено княжескимъ достоинствомъ и огромными помѣстьями жертвъ, изведенныхъ имъ топоромъ, пыткой и отравой, такъ что родъ его, возвысившись среди крови и истязаній, могъ поддержать себя только истязаніями и кровью другихъ. Евсевій Лобковичъ, по увѣренію современниковъ, былъ такъ богатъ, что состояніе его простиралось до двѣнадцата миллиона гульденовъ. Одна его должность военнаго губернатора Силезіи, приносила ему до семисотъ пятидесяти тысячъ ежегоднаго дохода.

Первое мановеніе, первый знакъ къ гоненіямъ былъ поданъ вскорѣ послѣ смерти Георга Липпау, гранскаго архіепископа. Австрійское правительство назначило на его мѣсто какого-то Селепени, извѣстнаго своимъ неумолимымъ фанатизмомъ, который началъ тѣмъ, что съ разрѣшенія Леополяда и руководимый указаніями іезуитовъ, направилъ на богатыя помѣстья вдовы Баторія, Софіи, вооруженныя толпы воинновъ, для обращенія въ католичество исповѣдававшихъ реформатское ученіе. Выведенные подобнымъ своеволіемъ изъ терпѣнія, магнаты назначили въ Нэйзолѣ тайный съѣздъ, гдѣ было положено отложиться отъ императора, собрать войско и прибѣгнуть подъ покровительство Турокъ, признавъ надъ собою ленную власть Магомста IV. Магнаты отправили Владислава Баллу для тайныхъ переговоровъ съ великимъ визиремъ, находившимся въ то время при осадѣ Капдин. Только двое близкихъ приверженцевъ великаго визиря присутствовали при тайномъ свиданіи съ нимъ Баллы, и хотя этотъ послѣдній не получилъ никакого положительнаго отвѣта, былъ однакожъ обнадеженъ возможностью исполненія желанія Мадырь. Не смотря на тайну этого свиданія, Леопольдъ скоро былъ извѣщенъ о всѣхъ его подробностяхъ, потому что одинъ изъ присутствовавшихъ былъ тотъ грекъ Панаіоти, для котораго была создана впервые должность великаго драгомана при высокой портѣ, породившая

въ политическомъ мірѣ Турціи извѣстныхъ князей-фанариотовъ. Корабль, на которомъ возвращался изъ Кандіи тайный посолъ вэйзольскаго сѣзда, привезъ также въ Константинополь къ австрійскому резиденту Казановѣ и письменный доносъ Панаіоти, который былъ полученъ въ Вѣнѣ почти въ одно время съ прибытіемъ въ Венгрію Владислава Баллы, и съ той поры все вниманіе Лобковича было обращено на заговорщиковъ, между которыми находились люди съ огромнымъ вліяніемъ, какъ на дѣла государственныя, такъ и на народъ. На нихъ-то направлены были тайные удары Лобковича, и вскорѣ убійства, совершенныя во мракѣ, безъ свидѣтелей, начали тревожить магнатовъ не на шутку, заставляя ихъ окружать себя и свои замки тройною стражей. Такъ, напримѣръ, одинъ изъ главныхъ предводителей недовольныхъ, палатинъ или воевода Весселени вдругъ ни съ того ни съ сего получилъ самую сильную горячку, которая вскорѣ свела его въ могилу, не смотря на всѣ усилія докторовъ спасти его. Онъ умеръ въ своемъ великолѣпномъ замкѣ Мураны, среди Карпатъ, гдѣ однакожь не могъ укрыться отъ руки потаеннаго убійцы. Другой магнатъ, не менѣе опасный Леопольду и Габсбургамъ, Николай Цриши, знаменитый баянъ Кроаціи, прозванный вторымъ Скандербегомъ, былъ также убитъ подосланными убійцами. Его нашли въ лѣсу, одного, безъ жизни, съ глубокими ранами на тѣлѣ, въ видѣ длинныхъ, неровныхъ бороздъ. Распространяли слухъ, что Цриши былъ умерщвленъ дикимъ вепремъ; но въ головѣ его была найдена пуля, которая не оставляла никакого сомнѣнія, что убійство совершено было не звѣремъ, и подозрѣнія стали разъясняться.

Въ то время, когда эти тайныя убійства наводили ужасъ и возбуждали негодованіе въ высшемъ мадыарскомъ дворянствѣ, сцена другаго рода происходила во дворцѣ Габсбурговъ. Леопольдъ, заболѣвъ вдругъ отъ неизвѣстной причины, приводилъ въ недоумѣніе самыхъ искусныхъ докторовъ тѣми признаками, которые сопровождали его страшныя болѣзнь. Всѣ способы лѣченія были испробованы, но тщетно. Тайный недугъ такъ разрушительно и быстро дѣйствовалъ на его организмъ, что стали опасаться серьезно за его

жизнь. Въ этомъ положеніи засталъ его и Францискъ Борри, извѣстный химикъ своего времени, привезенный въ Вѣну подѣ стражей, какъ политическій преступникъ. Его свободный образъ мыслей, возбудилъ противъ него ненависть папскаго престола, а вмѣстѣ съ тѣмъ и гоненіе учениковъ Лойолы. Папа назначилъ даже огромную сумму денегъ тому, кто выдастъ его римскому правительству. Борри удалился въ Данію. Желая поселиться въ болѣе тепломъ климатѣ, онъ рѣшился ѣхать въ Константинополь, но имѣлъ неосторожность отправиться туда черезъ Моравію, гдѣ былъ узнавъ, и взятъ подѣ стражу апостольскимъ нунціемъ. Леопольдъ, самъ страстный химикъ, узнавъ что Борри привезенъ былъ въ Вѣну, хотѣлъ его видѣть, и не смотря на то, что это было противно желанію іезуитовъ, онъ настоятельно требовалъ привести къ себѣ плѣнника. Борри былъ введенъ въ комнату императора вечеромъ (въ концѣ Апрѣля 1670 г.). Спальню Леопольда освѣщали только двѣ свѣчи. Онъ самъ лежалъ блѣдный, изнеможенный, томимый постоянною жаждой. Тайный посѣтитель напрасно искалъ причины необъяснимой болѣзни императора, какъ вдругъ замѣтилъ необыкновенно блестящій свѣтъ, и красноватый отливъ пламени на свѣчахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, какой-то бѣловатый дымокъ, который подымаясь къ потолку, образовалъ на немъ довольно ясную осадку копоти. Къ тому же, непріятный запахъ, распространяясь по комнатѣ, не оставилъ болѣе никакого сомнѣнія въ Борри, что свѣчи были отравлены. — «Государь, воздухъ, которымъ вы дышите, отравленъ. Позвольте призвать вашего доктора.» Явился медикъ, пользовавшій Леопольда, и когда Борри указалъ ему на несомнѣнные признаки отравы, тогда успѣшили убрать свѣчи, и принесены были другія изъ покоевъ императрицы. Нѣсколько фунтовъ неупотребленныхъ еще свѣчей, были подвергнуты химическому разложенію, вслѣдствіе чего нашли, что фитили были пропитаны растворомъ мышьяка, такъ что въ оставшихся свѣчахъ находилось еще два съ половиною фунта этой отравы. Кавалеръ Борри и медикъ императора успѣшили перенести больного въ другую комнату, прилагая всѣ свои старанія, чтобы излѣчить его. Черезъ мѣсяцъ Леопольдъ всталъ уже

съ постели, а Борри, который во все это время находился во дворцѣ, по котораго ни на минуту не упускали изъ виду, былъ снова переданъ во власть апостольскаго нунція, отвезенъ въ Римъ и здѣсь въ одной изъ темницъ замка Св. Ангела боцнилъ жизнь свою послѣ пятнадцати-лѣтняго заключенія *).

Желаніе извести Леопольда осталось необъяснимымъ. Подозрѣнія пали сначала на Мадяръ, но самыя тщательныя поиски не могли открыть ничего. Фесслеръ (*Geschichte der Ungern*, t. IX) полагаетъ, что тайная рука отравителя, была направлена изъ Франціи черезъ посредство іезуитовъ. Говорилъ, что Лудовикъ XIV, пользуясь тѣмъ, что у Леопольда не было дѣтей мужскаго пола, надѣялся получить съ его смертію корону Испаніи. Но это предположеніе не имѣетъ никакого прочнаго основанія и не смотря на то, что когда отецъ-прокураторъ вѣнскихъ іезуитовъ потребовалъ къ себѣ оставшіяся отравленныя свѣчи, и въ ту же ночь поставщикъ ихъ исчезъ изъ Вѣны, Леопольдъ ни подъ какимъ видомъ не рѣшался подозрѣвать его въ этомъ преступленіи. Майлатъ заподозрилъ эту отраву Леопольда, а вмѣстѣ съ ней и лѣченіе Борри. Въ своей *Исторіи Австріи* **), онъ посвящаетъ этому обстоятельству тридцать двѣ страницы, приводя подлинный рассказъ Борри, изображающій въ подробности сцену, бывшую въ комнатѣ Леопольда. Доводы Майлата въ подложности рассказа Борри, и въ томъ что Леопольдъ не былъ отравленъ, слишкомъ слабы и неубѣдительны. Главное, на чемъ онъ основываетъ свое сомнѣніе, состоитъ въ томъ, что, по рассказу Борри, Леопольдъ находился въ Вѣнѣ больнымъ съ 28 Апрѣля по 27 Мая 1670 года, между тѣмъ какъ указывая на доставленную ему чиновникомъ вѣнскаго архива Фингаберомъ переписку Леопольда, не бывшую въ печати, оказывается, что Леопольдъ въ это время былъ въ Лаксенбургѣ и находился въ добромъ здоровьѣ. Трудно повѣрить этому, послѣ тѣхъ доказательствъ, которыя приводитъ Гормайеръ, относительно

*) Подробныя свѣдѣнія о личности Борри находятся у Bayle, *Historisch-kritisches Wörterbuch*. Leipzig. 1741, fol. Bd. I. S. 629—632.

**) *Geschichte des Oestereichischen Kaiserstaates*, IV Bd. S. 98—124.

подложности австрійскихъ актовъ. При томъ пристрастіе Майлата къ австрійскому дому, слишкомъ ясно высказывается во всей его исторіи. Ниже мы будемъ имѣть случай изобличить его въ этомъ отношеніи *).

Магнаты между тѣмъ начали явно замѣчать, что планъ ихъ дѣйствій открытъ, что порученіе Баллы уже извѣстно Леопольду и іезуитамъ. Изъ Богеміи, Моравіи, Силезіи и Эрцгерцогства двигались къ Венгріи полки, которые должны были образовать довольно значительную армію. Они шли по преимуществу ночью, путями окольными, для того, чтобы не возбудить подозрѣнія въ страпѣ, куда были назначены. Князь Лобковичъ, чтобы выиграть время, старался разными пустыми предлогами отвлекать вниманіе Мадяръ отъ приближавшихся полковъ къ границамъ Венгріи. Не смотря однакожъ на свое притворство, Лобковичъ приказалъ

*) Записка кавалера Борри такъ любопытна, что мы рѣшаемся помѣстить её здѣсь въ подробномъ извлеченіи. Она передана Гормайеромъ въ его *Histor. Archiv*, откуда занесена Майлатомъ въ IV томъ его «Исторіи Австріи». Борри начинаетъ разсказъ свой такимъ образомъ: «Я долженъ предупредить, что меня заподозрили въ сношеніяхъ съ недовольными Мадярами, потому только, что я рѣшился ѣхать въ Константинополь чрезъ Моравію и Польшу.

Прибывъ 10 Апрѣля въ Гольдинггенъ, на силезской границѣ, я остановился въ гостинницѣ, гдѣ вечеромъ засталъ графа, владѣтеля помѣстья, въ обществѣ нѣкоторыхъ его знакомыхъ. Хозяинъ гостинницы пригласилъ меня занять мѣсто за столомъ, за которымъ уже ужинали графъ и его знакомые, на что я съ удовольствіемъ согласился.

Графъ, съ которымъ я познакомился по этому случаю, говорилъ довольно хорошо по-италіански и по-латыни. Разговоръ съ нимъ былъ для меня гораздо пріятнѣе, нежели чей-либо во время всей моей поѣздки. Съ другой стороны, графу также было пріятно слышать о моихъ путешествіяхъ, такъ-что онъ предложилъ мнѣ поселиться на нѣсколько дней у него въ замкѣ, на что я съ удовольствіемъ согласился. Смотря на его откровенную вѣжливость, я, какъ его гость, не почелъ нужнымъ болѣе скрывать отъ него мое имя, что заставило его обходиться со мной, какъ съ двоюроднымъ, еще съ болѣею вѣжливостію, въ которой тѣмъ не менѣе и было видно ни малѣйшаго слѣда притворства. Беззаботно отправился спать, и съ такимъ же спокойнымъ расположеніемъ духа всталъ я на другой день.

Привѣтливость графа собирала вокругъ него большое общество, такъ что препровожденіе времени становилось со дня на день пріятнѣе. Въ числѣ гостей я встрѣтилъ одного офицера, по имени Скотти, родомъ изъ Милана, съ которымъ я не замедлилъ сойтись въ разговорахъ, касавшихся

арестовать одного изъ заговорщиковъ, Татенбаха, въ собственномъ его замкѣ. Начался обыскъ, какъ въ замкѣ, такъ и въ домахъ мелкихъ дворянъ, вслѣдствіе котораго было найдено много оружія и снарядовъ, достаточныхъ для вооруженія шести тысячъ человекъ. Въ это самое время восемнадцать тысячъ пѣхоты и конницы переходили границу Кроаціи, и захватили недовольныхъ върасплохъ, такъ что они не имѣли даже времени приготовиться къ сопротивленію. Тогда началась рѣзня, безъ пощады и разбора, подбная, той, которая и въ настоящее время обливаетъ сердце кровью, при чтеніи извѣстій о спрійскихъ убійствахъ.

Но сопротивленіе, хотя и позднее, не замедлило однакожъ появиться. Петръ Црпни, получивъ въ наслѣдство Кроатское банство послѣ брата своего Николая Црпни, наслѣдовала также и виды послѣдняго относительно народнаго ос-

преимущественно нашей общей родины. 22 Апрелья утромъ, въ то время какъ я по обыкновенію завтракалъ съ графомъ, онъ сообщилъ мнѣ, послѣ долгаго разговора, что изъ Вѣны прибылъ къ нему комисарь съ приказаніемъ, препроводить меня какъ арестанта въ Вѣну, такъ какъ я былъ заподозрѣнъ въ сношеніяхъ съ мадерскими недовольными.

Графъ, открывая мнѣ это обстоятельство, былъ такъ смущенъ, что на вопросъ мой, какимъ образомъ императоръ такъ скоро могъ узнать объ моемъ имени и мѣстѣ моего пребыванія, ничего болѣе не могъ отвѣчать мнѣ, какъ только, — что вѣроятно онъ могъ узнать отъ кого-либо изъ пріѣзжавшихъ къ нему гостей, которые, отправившись въ Вѣну, сообщили кому нибудь обо мнѣ, назвавъ меня по имени. Въ это самое время, какъ графъ говорилъ, вошелъ въ комнату комисарь вмѣстѣ съ Скотти, который сказалъ намъ тоже самое. Комисарь объявилъ намъ при-томъ, что ротмистръ Скотти будетъ также сопровождать насъ, такъ какъ онъ знаетъ итальяскій языкъ. Такимъ образомъ я долженъ былъ ѣхать въ Вѣну, и поблагодаривъ графа за его радушное гостепримство, пожелалъ ему всѣхъ благъ какъ въ этой, такъ и въ будущей жизни. —

Во время моего переѣзда, со мной обращались очень хорошо, чѣмъ и обязанъ былъ гораздо болѣе моему земляку Скотти, нежели грубому комисарю. Я спросилъ Скотти, какимъ образомъ могли прійти къ мысли, что я принадлежу къ приверженцамъ мадерскихъ недовольныхъ, такъ какъ я во всю свою жизнь ничего не зналъ ни объ ихъ странѣ, ниже могъ находиться въ сношеніяхъ съ тѣми лицами, которыя схвачены вслѣдствіе ихъ возмущенія. Что же касается цѣли моего путешествія въ Константинополь, то она чисто ученая, а не политическая. Тогда Скотти сказалъ мнѣ: съ видомъ довѣрчивой откровенности: «любезный другъ! мнѣ здается, что вы должны имѣть сильныхъ враговъ въ высшемъ духовенствѣ, по причинѣ вашихъ обширныхъ познаній. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что даже папскій нунцій

вобожденія. Зять его Франджипани содѣйствовалъ ему въ этомъ отношеніи со всѣмъ юношескимъ пыломъ возвышенной, благородной души; но лишь только получено было извѣстіе о приближеніи генерала Шпанткау съ значительными силами, большая часть собранныхъ пми воиновъ разбѣжалась и только съ двумя тысячами морлаковъ успѣли они укрыться въ укрѣпленный замокъ Чакторнія, рѣшившись, въ случаѣ крайней нужды, выдержать въ немъ осаду. Отсюда Црини отправилъ къ князю Лобковичу своего духовника, монаха Августина Форстала, съ порученіемъ засвидѣтельствовать свою вѣрность императору и просить отозвать генерала Шпанткау. Форсталь, возвратившись отъ своего порученія, принесъ Црини грамоту, подписанную княземъ Лобковичемъ и великимъ канцлеромъ имперіи, которая обезпечивала за нимъ жизнь, свободу, имущество и всѣ права, если онъ во удос-

въ Вѣнѣ, находится въ ихъ числѣ. — Теперь, отвѣчалъ я, мнѣ понятна причина моего ареста, вижу все, какъ въ зеркалѣ, — и съ той минуты мы болѣе не возобновляли разговора объ этомъ предметѣ.

Въ дальнѣйшихъ разговорахъ съ Скотти, я узналъ отъ него, что императоръ уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ болѣтъ. Я спросилъ чѣмъ онъ болѣтъ? и Скотти отвѣчалъ мнѣ, что молва говоритъ будто онъ былъ отравленъ. Я сказалъ, что медики могли бы легко это замѣтить, и дать ему противодіе. Хотя я и не обладаю высокими познаніями этихъ господъ, но мени нисколько не затруднило бы выгнать ядъ изъ больного, если бы я былъ дѣйствительно убѣжденъ, что больной отравленъ.»

Разговаривая такимъ образомъ, Борри и Скотти прибыли въ полдень 28 Апрѣля въ Вѣну, гдѣ остановились въ гостинницѣ. Послѣ обѣда, когда Борри хотѣлъ отдохнуть, входитъ къ нему Скотти и объявляетъ, что императоръ, у котораго онъ былъ на аудіенціи, приказалъ призвать его къ себѣ, чтобы посоветоваться о своемъ здоровьи. Мы пропускаемъ эти двѣ страницы въ разсказѣ Борри, не представляющія ничего особенно любопытнаго, и продолжаемъ разсказъ его съ той поры, когда онъ былъ призванъ къ Леопольду.

«Было около 8 часовъ вечера, когда мы прибыли въ императорскій дворецъ. Одинъ изъ камердинеровъ пригласилъ меня въ отдѣльную комнату, и просилъ обождать здѣсь, пока императоръ велитъ позвать меня къ себѣ. Въ этой комнатѣ находилось множество разныхъ лицъ, обратившихъ на меня свое вниманіе. По виду ихъ, особенно одного священника, я замѣтилъ явное неудовольствіе, которое причинило имъ мое присутствіе, въ-особенности же неудовольствіе это еще болѣе сдѣлалось яснымъ, когда вошелъ въ комнату одинъ изъ камергеровъ, и вѣжливо попросилъ меня войти въ покои императора. Вошедши туда, онъ сказалъ мнѣ по-итальянски: «смотрите, тамъ сидятъ ихъ величество». Я подошелъ къ императору съ низкимъ

товѣрше своей покорности выдать въ залогъ семнадцатилѣтняго своего сына, и откажется отъ званія бана Кроаціи. Въ замѣнъ этого ему предоставлялось на выборъ генералъ-губернаторства Карлштата или Варадина. Предложенія эти были сдѣланы отъ имени императора. Црини согласился на нихъ и вызвался даже ѣхать лично въ Вѣну, если пожелаетъ того императоръ Леопольдъ. Онъ даже вызвался помѣстить гарнизонами во всѣхъ своихъ замкахъ имперскихъ солдатъ, но когда генералъ Шнадкау приблизился къ его резиденціи Црини и Франджипани были объаты ужасомъ, видя, что онъ безъ всякой причины далъ приказаніе своимъ солдатамъ стрѣлять по нимъ, какъ по возмутителямъ. Црини съ своимъ зятемъ рѣшились ночью оставить замокъ и отправиться въ Вѣну для объясненій.

Не смотря на стойкость и храбрую защиту морлаковъ,

поклономъ, и тогда начался между нами разговоръ, продолжавшійся почти два часа съ ряду.

Императоръ. Вы кавалеръ Борри? — не правда ли, изъ Милана?

Борри. Къ услугамъ вашего величества.

Имп. Мнѣ прискорбно видѣть васъ здѣсь, какъ арестанта, но въ настоящую минуту вы свободны.

Б. Не будучи арестантомъ, я бы не имѣлъ счастья видѣть ваше величество.

Имп. Много хорошаго слышалъ я объ вашей учености, но также, въ другомъ отношеніи, вы человекъ очень опасный.

Б. Вѣрно ваше величество въ обоихъ случаяхъ, тѣмъ болѣе, что гоненіе слѣдовало во всѣ времена за похвалою, особенно при дворахъ.

Имп. Какимъ образомъ предались вы религиознымъ вопросамъ, въ то время, какъ это предметъ духовенства?...»

Опускаемъ также и слѣдующія три страницы этого разговора, касающагося религиозныхъ убѣжденій Борри, и переходимъ къ предмету объ отравѣ Леопольда.

Имп. «Сколько я слышалъ, вы занимаетесь также химическимъ излеченіемъ (Chemischen Heilungen), и даже выразились въ этомъ отношеніи о состояніи моего здоровья. Я желалъ бы слышать ваше мнѣніе скорѣе объ этомъ предметѣ, нежели о богословскихъ вопросахъ. Слышали-ли вы чтонибудь положительное о моемъ состояніи?»

Б. Ничего болѣе, какъ догадку, что ваше величество отравлены.

Имп. Можете ли вы заключить что-нибудь подобное по внѣшнимъ признакамъ?

Б. Трудно узнать тайный недугъ по одному внѣшнему виду пациента. Если бы лейб-медикъ вашего величества показалъ мнѣ *statu morbi* и рецепты, въ такомъ случаѣ, я можетъ быть и былъ бы въ состояніи сказать

они должны были уступить численному превосходству имперской рати. Мосты цитадели, послѣ отъѣзда бана, были спущены. Жена Црини взята въ плѣнъ, а драгоценности замка, наваленныя на возы, отправлены были въ Вѣну, куда спѣшили, не зная еще этого послѣдняго обстоятельства, банъ и Франджинани. Лишь только они вступили въ столицу Австрiи, тотчасъ были арестованы отъ имени императора.

Въ одно время съ этимъ нашествiемъ на Кроацію совершалось и нашествiе въ равнины Венгрии, куда безпрепятственно вошелъ съ девяти тысячнымъ отрядомъ Карлъ Лотарингскiй. И здѣсь, какъ и въ Кроаціи, начались тѣ же убійства, тѣ же гоненія. Зажпточные жители толпами уходили за Карпаты, скрываясь въ Трансильваніи. Города и замки сдавались безъ бою. Имущества конфисковались безъ всякаго разбора. Даже вдова Весселини, о мужѣ кото-

положительное мое мнѣніе о болѣзни вашего величества... — Пока ходили отыскивать медика, Борри, не сомнѣваясь болѣе въ томъ, что воздухъ комнаты отравленъ, сказалъ Леопольду, что необходимо будетъ перейти въ другую опочивальню; на что императоръ возразилъ, что обоняніемъ онъ ничего особеннаго не чувствуетъ, — откуда же Борри заключаетъ, что воздухъ отравленъ?

Б. Ваше величество такъ привыкли вдыхать въ себя этотъ воздухъ, что онъ сдѣлался нечувствительнымъ для васъ.

Имп. Откуда же можетъ происходить этотъ отравленный воздухъ?

Б. Отъ этихъ восковыхъ свѣчей. — Замѣчаете ли ваше величество красный цвѣтъ пламени?

Имп. Правда, пламень горитъ ярче обыкновеннаго, но мнѣ кажется въ этомъ нѣтъ ничего особеннаго.

Б. Не замѣчаете ли ваше величество, поднимающійся тонкой полосой, бѣлый дымокъ, который вовсе не свойственъ обыкновеннымъ свѣчамъ?

Имп. Глаза мои такъ слабы, что я не могу хорошо различать. Посмотрите вы, — продолжалъ Леопольдъ, обратившись къ своему камергеру.

— «Да, ваше величество, отвѣчалъ тотъ, — съ-тѣхъ-поръ какъ этотъ иностранецъ обратилъ мое вниманіе на свѣчи, я также начинаю различать бѣловатый дымокъ.» — Въ это время вопелъ медикъ.

Имп. Вы кстати пришли: у меня находится проѣзжай докторъ, который къ моему удивленію открылъ мнѣ, что воздухъ этой комнаты отравленъ. Что вы на это скажете?

Докторъ. Я не могу сказать ничего этому господину, пока онъ не представитъ своихъ доказательствъ.

Имп. Съ вами ли ваши рецепты?

Д. Со мной, ваше величество. Вотъ они съ самаго начала вашей болѣзни, которая уже 27 дней длится.

рой говорено выше, оставаясь въ своемъ замкѣ Муранъ съ согласія Леопольда, который далъ ей при томъ особенную охранную грамоту, не избѣгла участи прочихъ своихъ земляковъ. Карлъ отправилъ отрядъ для занятія ея замка. При его приближеніи вдова доблестнаго патріота приказала немедленно спустить мостъ и сама вышла на встрѣчу къ командиру отряда, приняла его со всѣмъ гостепріимнымъ радушіемъ, и безпрекословно согласилась на помѣщеніе въ своемъ замкѣ нѣмецкаго гарнизона. Но лишь только командиръ отряда выѣхалъ изъ замка, какъ владѣтельница его, выдавшая ея собственнымъ секретаремъ, была арестована. По допосу его въ замкѣ была найдена переписка Весселени съ недовольными Мадырами, со времени васварскаго перемія. Доносчикъ, вдова и открытыя письма были отправлены въ Вѣну. Отъ донощика потребовали точнаго объясненія

Имп. Подайте ихъ кавалеру.

И пробѣжалъ ихъ всѣ. Видно было, что онѣ были составлены хорошо и весьма осторожно. Прочитавъ ихъ, я замѣтилъ, что лейб-медикъ причину болѣзни полагалъ въ худосочіи, а въ то же время слабость тѣла больного, удерживала его отъ предписанія слишкомъ рѣшительныхъ средствъ.

Д. Я вижу, что замѣтки мои находятся въ рукахъ опытнаго человѣка. Ваше величество помните, что я дней десять тому высказалъ вамъ мое мнѣніе тѣми же словами. Но не болѣе двухъ дней, какъ я началъ самъ сомнѣваться, потому что ходъ болѣзни не показывалъ тѣхъ признаковъ, которые я ожидалъ. Открывая мое сомнѣніе, я надѣюсь, что собрать мой не замедлитъ подтвердить тоже самое, и что болѣзнь, судя по холодному поту, который каждый день выступаетъ такъ обильно у васъ, должна имѣть совершенно другую причину, чѣмъ худосочіе. Вотъ почему я еще третьяго дня склонялъ ваше величество къ созванію *Consilio medico*.

Б. Это совершенно лишнее, если вы обратите ваше вниманіе на мое открытіе. Позвольте ваше величество переставить эти свѣчи подальше отъ вашей особы и поставить ихъ на этотъ столъ. — Видите ли господинъ док-торъ этотъ красный, сильный пламень, который отъ нихъ исходитъ? — Замѣчаете ли также тонкую и быстро поднимающуюся бѣлую струю копоти и видите ли какой осадокъ оставлется она на потолкѣ?

Д. Все это я вижу и желаю только, чтобы вы доказали и объяснили мнѣ, что отравительнаго находится въ этой копоти, потому-что, въ самомъ дѣлѣ, здѣсь что-то да кроется.

Б. Сперва я бы желалъ знать, горятъ ли подобныя свѣчи и въ покояхъ ея величества государыни.

Имп. Принести сюда свѣчи изъ покоя ея величества!

Черезъ нѣсколько минутъ камердинеръ внесъ горѣвшія свѣчи.

циферной переписки, и чтобы вынудить отъ него другія признанія, онъ нѣсколько разъ былъ подвергнутъ пыткамъ. Когда же увидѣли, что этотъ негодяй не имѣлъ ничего болѣе открыть, ему отрубили голову за то, что онъ ранѣе не донесъ о существованіи этихъ бумагъ. Дѣйствительно, бумаги эти были высшей важности: онѣ компрометировали едва-ли не половину Венгріи, и австрійское правительство воспользовалось имп самымъ жестокимъ образомъ. До трехсотъ дворянъ было взято подъ стражу и заключено въ темницы; а нѣсколько народныхъ возстаній, вызванныхъ арестами магнатовъ, были подавлены съ дикою радостію. Такимъ образомъ Венгрія была обезоружена, цвѣтъ ея дворянства и высшей знати заключенъ въ темницы, и всякое народное движеніе предупреждено съ тонкимъ расчетомъ. Оставалось разорвать ея конституцію и размѣтать остатки

Б. Не находите ли ваше величество, что у этихъ свѣчей пламя гораздо покойнѣе, безъ запаха и безъ трескучихъ искръ?

Имп. Въ самомъ дѣлѣ, теперь нельзя не замѣтить разницы.

Б. Позвольте теперь, ваше величество, сдѣлать опытъ, который покажетъ, что эти свѣчи при горѣніи извергаютъ отъ себя самый тонкій ядъ.

Имп. Дѣлайте вашъ опытъ, сейчасъ же.

Отдѣливъ тогда ножомъ у одной изъ свѣчей воскъ отъ фитиля, я показалъ его доктору, который, тотчасъ подошелъ къ императору и сказалъ: «позвольте ваше величество, чтобы весь запасъ свѣчей былъ бы принесенъ сюда и сейчасъ же».

Свѣчи были принесены. Онѣ находились въ одной изъ переднихъ, въ ящикѣ, и было ихъ еще не начатыхъ до 80 фунтовъ. Намъ удивило, что свѣчи эти, какъ на верхней, такъ и на нижней оконечности, были перетянуты украшеніемъ въ видѣ небольшого позолоченаго вѣничка, вѣроятно для того, чтобы ихъ не смѣшать съ другими. Императоръ приказалъ никого изъ постороннихъ не впускать въ комнату. За тѣмъ я отдѣлилъ свѣтильни отъ воска у обѣихъ свѣчей, горѣвшихъ въ комнатѣ императора, между тѣмъ какъ съ своей стороны докторъ отдѣлялъ фитиль у одной изъ вновь принесенныхъ свѣчей. Тогда мы ясно увидѣли, что свѣтильни были сначала обмочены въ растворѣ мышьяка, за-тѣмъ обсушены и уже послѣ этого вставлены въ формы, въ которыхъ выливались свѣчи.

Имп. Дѣйствительно-ли это ядъ?

Д. и Б. Такъ вѣрно, какъ вѣрно то, что мы стоимъ предъ вашимъ величествомъ.»

За-тѣмъ императора перевели въ другую комнату, и Борри, вмѣстѣ съ придворнымъ докторомъ, посѣщая его ежедневно по нѣскольку разъ, успѣли окончательно излѣчить его. Слѣдующія семь страницъ записки кавалера Борри излагаютъ подробности лѣченія, такъ-что въ первыхъ числахъ Юнѣя

ея по вѣтру. Оставалось разомъ покончить съ ея протестантской аристократіей и пзвести ее оптомъ. Тогда католицизмъ безъ труда обратитъ остальное народонаселеніе къ своему лону и соберетъ сторичную жатву съ земли, такъ обильно оплодотворенной кровью реформатовъ. Сердца іезуитовъ трепетали отъ радости.

IV.

Начались наконецъ и заплечныя дѣла. Минимые преступники были приведены предъ судьями, назначенными на этотъ разъ императоромъ Леопольдомъ. Нѣкто Павелъ Гохеръ, предсѣдательствуя во вновь составленной комиссіи, игралъ во все продолженіе дѣйствій этой комиссіи роль такого

Леопольдъ излѣчился окончательно. Когда здоровье начало возвращаться императору, Борри сталъ рѣже видѣться съ нимъ; но во все это время онъ находился во дворцѣ, въ которомъ, хотя и имѣлъ приличное помѣщеніе, но откуда его никуда не выпускали.

Борри оканчиваетъ свою записку слѣдующими словами: «Вечеромъ 14 Юня я былъ позванъ откланяться императору. Въ комнатѣ кромѣ меня и его величества, не было никого болѣе. Императоръ сказалъ мнѣ: — «Мой добрый Борри! Богомъ свидѣтельствую, что я вижу въ васъ спасителя моей жизни. Прискорбно мнѣ, что я, не смотря на всю признательность, какую чувствуетъ къ вамъ мое сердце, не могу вознаградить васъ. Дѣла ваши слишкомъ запутаны, и я не хочу виѣшаться въ нихъ, чтобы не сдѣлать ихъ еще хуже. Вы до такой степени вдалились въ религіозные вопросы, что необходимо вамъ отказаться окончательно отъ своихъ заблужденій. Папа назначитъ особую комиссію, которая выслушаетъ и разберетъ ваши религіозныя заблужденія, и въ этомъ отношеніи я не могу противиться власти церкви. Я вижу, что настоящее ваше положеніе очень опасно; но въ вашей власти смягчить его. Да будетъ вашимъ судьей ваша же собственная совѣсть. Если будутъ доказаны ваши заблужденія, тогда вамъ не будетъ трудно узнать ихъ и отказаться отъ нихъ. Но то, что я могъ бы сдѣлать для васъ, какъ государь, уже сдѣлано. Папскій нунцій обiazался мнѣ подпиской, что если въ случаѣ найдутъ васъ виновнымъ, все-таки жизнь ваша будетъ вамъ сохранена, равно также и тѣло ваше не будетъ подвергнуто пыткѣ. Это самое, по моему приказанію, будетъ объявлено вамъ копей посланникомъ въ Римѣ, въ присутствіи папской комиссіи. Кромѣ того, посланники мои будутъ заботиться о вашемъ содержаніи, и втеченіе всей вашей жизни, вы будете получать отъ меня или отъ моихъ наследниковъ ежегодно по двѣсти червонцевъ. Все это да будетъ знакомъ, что я признателенъ вамъ за вашу услугу; но если я узнаю, что вы снова обра-

злодѣя, какой можетъ только явиться въ безграничномъ, не знающемъ никакихъ пощадъ, деспотизмѣ. Въ числѣ этихъ палачей, святотатственно посившихъ названіе судій, находился также одинъ изъ Виндишгрецовъ, но ни одинъ изъ этихъ судей не былъ изъ Венгріи, потому что законъ воспрещалъ туземцамъ являться судьями своихъ согражданъ внѣ венгерской территоріи. Такимъ образомъ судная коммисія находилась въ Вѣнѣ, и производила слѣдствіе, произносила свои приговоры въ глазахъ Леопольда. Нарушеніе всѣхъ правъ и формъ судопроизводства заставили Црини, Фраиджинани и Надасти подать императору докладныя записки; но князь Лобковичъ перехватилъ ихъ и не далъ имъ достигнуть своего назначенія. Надасти, хотя и показывалъ иногда тайное свое неудовольствіе, былъ однакожъ въ глазахъ правительства самаго безукоризненнаго поведенія; даже замѣчали, что онъ иногда содѣйствовалъ фанатическимъ видамъ императора. Въ обширныхъ своихъ помѣстьяхъ онъ неоднократно стѣснялъ протестантовъ, отнималъ у нихъ храмы, и уничтожалъ училища; слѣдовательно никакого повода не имѣли возбудить противъ него гнѣвъ правительства и тайныя козни іезуитовъ. Но были другія причины, которыя дѣлали его преступнымъ въ глазахъ коммиссіи, это были его обширныя помѣстья, богатые замки и до девяти милліоновъ флориновъ наличнаго капитала, суммы весьма значи-

тились на лоно истины, или вслѣдствіе самоубѣжденія, или же въ силу благодати съ выше, въ такомъ случаѣ вы вольны поселиться въ моихъ владѣніяхъ, гдѣ вамъ будетъ угодно, или во владѣніяхъ короля Испаніи. Вы найдете въ немъ, равно также и во мнѣ не только благодарнаго друга, но и истиннаго отца. — Да сохранить васъ Господь Богъ — это мое желаніе — будьте здоровы! —

Я хотѣлъ поцѣловать кафтанъ у императора. Онъ протянулъ мнѣ свою руку и со слезами на глазахъ сказалъ: «Я надѣюсь, что вы скоро окажетесь достойны этой милости.» — Оба мы были до того растроганы, что я, не въ состояніи будучи произнести болѣе ни одного слова, вышелъ изъ комнаты, и на другой день вечеромъ, въ сопровожденіи прежнихъ спутниковъ, былъ отправленъ изъ Вѣны въ Италію.

Здѣсь кончается разсказъ Борри. Изъ предшествовавшаго мы видѣли, гдѣ и какъ кончилъ свою жизнь этотъ труженникъ науки, но что касается содержанія, обѣщаннаго ему Леопольдомъ, неизвѣстно, получалъ ли онъ его, или нѣтъ. —

тѣльной въ то время. Гормайеръ въ своихъ *Annetonen* (т. I. р. 129), Феле въ своемъ изобличительномъ сочиненіи *Deutsche Hölle seit der Reformation* (т. v. р. 212), подробно описали знаменитый своимъ произволомъ процессъ несчастнаго Надасти по оригинальнымъ документамъ и слѣдственнымъ дѣламъ, сохранившимся печально *). Не будемъ повторять подробностей этого гнуснаго уголовного дѣла. Скажемъ только, что Надасти не избѣжалъ смерти, но нельзя умолчать послѣдняго акта безсудія. Наканунѣ казни имя Надасти было торжественно вычеркнуто изъ книги австрійскаго дворянства. За тѣмъ губернаторъ Вѣны прочелъ ему рѣчь, въ которой обращая къ нему сначала слова, означавшія его личное достоинство, какъ то: магната и графа, закончилъ слѣдующимъ образомъ: «эти доблесныя достоинства ты утратилъ навсегда. Ты теперь ничто иное какъ измѣнникъ и преступникъ противъ верховной власти. Съ этой минуты ты лишишь и помѣстій, и правъ, и преимуществъ. Даже имя твое должно исчезнуть, и твои потомки не будутъ имѣть права носить его». Послѣднія слова этого приговора разшевелили невозмутимую дотоле душу Мадыра. У него было одиннадцать сыновей, на которыхъ онъ возлагалъ всю свою надежду, всѣ свои золотыя мечты. Чувство отца заговорило въ немъ сильнѣе звѣрскихъ истязаній, и онъ не могъ не сказать своимъ палачамъ голосомъ, въ которомъ высказывалась вся душа отца и патріота: «Возьмите мою жизнь, почести, имущество, но оставьте честь моимъ дѣтямъ *)!» Ему отвѣчали, что императоръ, *въ неизреченной своей милости*, назначая дѣтямъ его кормовыя деньги, приказываетъ имъ именоваться отнынѣ *фонъ-Кейцъ*. За тѣмъ имя его было вычеркнуто также и изъ золотой книги, послѣ чего смѣшная и вмѣстѣ

*) Въ 1671 году, т. е., когда были казнены Надасти, Црини, Франджишани и Кошцъ, въ Вѣнѣ была обнародована особой книжкой реляція ихъ осужденій, подъ заглавіемъ: *Wahrhaftige und ausführliche Relation, wie die Ungarischen Rebellen zu Wien in Oesterreich, als auch zur Wienischen Neu-Stadt und zu Presburg am 30 Aprilis anno 1671 zur verdienten Straffe gezogen worden. nebst den Nadastischen, Scrinischen und Frangypanischen Urtheil. Gedruckt im Jahr 1671.*

*) *Vitam, honores et bona tolle salte liberis salva famam.*

жамкая церемонія довершила его униженіе: квесторъ вытолкнулъ его изъ комнаты, одинъ изъ слугъ гналъ его точно также сверху по лѣстницѣ, за-тѣмъ другой слуга съ бранью и толчками заставилъ его выйти заднею дверью на улицу, гдѣ ожидала его карета, окруженная стражею, съ зажженными факелами и пятьюстами всадниками. Его привезли такимъ образомъ въ ратушу, гдѣ онъ былъ отданъ подъ стражу въ ожиданіи казни. На другой день, былъ послѣдній день Апрѣля мѣсяца 1671 года, въ который совершилось это юридическое убійство. Военныя мѣры, принятыя при этомъ случаѣ противъ мадарскихъ магнатовъ, были тѣ же, которыя употребляли пятьдесятъ лѣтъ передъ тѣмъ во время убійствъ благородныхъ Чеховъ. По высочайшему приказу всѣ дома, всѣ лавки и вообще торговыя мѣста были закрыты. По улицамъ были разставлены вооруженные отряды солдатъ, разгонявшихъ малѣйшее сходбище народа.

Надасти отрубили голову въ одной изъ нижнихъ залъ ратуши, въ десять часовъ утра. При совершеніи этой казни другихъ свидѣтелей не было, кромѣ нѣкоторыхъ членовъ муниципалитета, да турецкаго чауша въ сопровожденіи переводчика. Приговоръ состоялъ въ томъ, что Надасти слѣдовало отрубить сначала руку; но Леопольдъ смягчилъ это варварство и ограничился отрубленіемъ головы. Надасти умеръ какъ истый Мадяръ, перенесъ все безсудіе и муки какъ праведникъ. Тѣло его было помѣщено въ гробѣ, а на бездыханную грудь его положили отрубленную голову. Въ такомъ положеніи оставался онъ цѣлый день и народу, всегда охотно стремящемуся къ подобнымъ зрѣлищамъ, дозволено видѣть обезглавленный трупъ Мадяра.

Въ то самое время, когда въ ратушѣ былъ нанесенъ смертный ударъ Надасти, Црини и Франджипани подвергались подобной же казни въ зданіи арсенала. Не поворотливый и неискусный палачъ нѣсколько разъ принимался повторять свой ударъ, и болѣе всего страдалъ отъ его неловкости Франджипани. Онъ былъ послѣдній членъ тѣхъ самыхъ Франджипани, предокъ котораго возвелъ на плаху несчастнаго Конрадина, послѣдняго изъ Гогенштауфеновъ.

Въ одно и тоже время совершились въ Прессбургѣ двѣ

другія казни не менѣ знаменитыхъ личностей. Одна изъ нихъ, Андрей Наги, храбрѣйшій изъ малярскихъ рыцарей, заплатилъ своею жизнію единственно за то, что носилъ славное, ничѣмъ не запятанное имя. Другая — былъ Францискъ Бонисъ. Иезуиты принудили его отказаться отъ реформы и все-таки предали его смерти. При совершеніи этихъ убійствъ, необходимо оговорить, что австрійскимъ правительствомъ руководилъ не одинъ только религіозный фанатизмъ, и не одно исключительное желаніе подчинить Венгрію произволу безграничной власти. Виды этого правительства сосредоточивались преимущественно на конфискаціяхъ и были чясто финансоваго свойства. Оно умножало смертныя приговоры единственно съ тою цѣлю, чтобы умножить конфискаціи, и отдавало на жертву палачу знатнѣйшія головы Венгріи для того, чтобы уничтожить ихъ вліяніе. Эти мѣры правительства поддерживали одна другую, такъ что политическое гоненіе облегчало гоненіе религіозное, и на оборотъ. Изъ конфискованнаго имущества своихъ жертвъ, Леопольдъ отдѣлялъ одну часть, которую выдавалъ духовенству на уплату тысячи панихидъ, и въ этомъ случаѣ онъ подражалъ Фердинанду II, который также не забывалъ позаботиться о спасеніи душъ тѣхъ благородныхъ Чеховъ, которые были изведены въ тридцатилѣтнюю войну кровожаднымъ Валленштейномъ. Дѣти и потомки обезглавленныхъ магнатовъ обращены были въ нищихъ, и для бѣльшаго поруганія надъ ними, велѣно имъ было носить вокругъ шеи красный шелковый снурокъ, какъ признакъ кроваваго слѣда, оставленнаго топоромъ на благородныхъ выяхъ ихъ предковъ. Не избѣгли также своей горькой участи и жены казненныхъ магнатовъ. Вдова Весселени, напримѣръ, была заключена въ тѣсную келью, гдѣ она нѣсколько разъ близка была къ суицидствію. Обширныя ея помѣстья поступили, по обыкновенію, въ казну; но у ней было зарыто въ Кремницѣ богатое сокровище, состоявшее изъ денегъ и другихъ драгоценностей. Янъ Шаумбургъ, сѣ канцеляръ, открылъ правительству мѣсто, гдѣ лежало сокровище и изъ огромнаго имущества ей выдавали не болѣе ста талеровъ въ мѣсяць. Жена Петра Црини подверглась той же участи. Многія жены и

дочери знатныхъ родовъ Венгріи, были заключены въ Вѣнѣ и въ другихъ мѣстахъ Австріи, до самой смерти томясь подъ затворами темницъ и въ подземельяхъ монастырей.

Единственный человѣкъ, котораго австрійское правительство пощадило, или, по крайней мѣрѣ, показывало видъ, что щадить его, это былъ Ракочи, который болѣе другихъ подвергался опасности, потому что онъ дѣйствительно явно возмущился противъ власти и правительства. Пригласивъ однажды на пиршество губернатора Токая Штаремберга, Ракочи велѣлъ схватить его, посадить въ темницу, и затѣмъ взявъ съ собою довольно значительный отрядъ, отправился къ Токаю, надѣясь овладѣть имъ внезапнымъ нападеніемъ. Гарнизонъ однакожь не поддакъ, и предпріятіе это не имѣло никакого успѣха. Другой подобнаго рода набѣгъ, также кончился безуспѣшно. Ракочи хотѣлъ молодецкимъ налетомъ овладѣть замкомъ Мункача, гдѣ жила вдова Баторія, пзвѣстная своимъ фанатическимъ усердіемъ къ Риму. Но княгиня, запершись въ крѣпкихъ стѣнахъ замка, принудила Ракочи удалиться, который во второй разъ хотѣлъ попытать счастья въ Токаѣ. На дорогѣ къ этому замку онъ узналъ о взятіи подъ стражу Црнии, Франджинани, Таттенбаха и другихъ магнатовъ. Тогда онъ бросился на мировую съ Штарембергомъ и при содѣйствіи своей матери, заплативъ четыреста тысячъ флориновъ пени, онъ избѣжалъ вѣрной казни, но долженъ былъ принять въ свои замки австрійскіе гарнизоны и довести о всѣхъ ему извѣстныхъ заговорщикахъ. Ракочи принялъ эти условія, но въ непродолжительномъ времени онъ заболѣлъ безъ всякой видимой причины и умеръ, оставивъ жену и малолѣтняго сына, которые были приняты на отеческое попеченіе правительства. Впослѣдствіи оба они исчезаютъ для общественной дѣятельности Венгріи.

Нельзя читать безъ содроганія дѣйствія временно-судныхъ комиссій, назначенныхъ въ Вѣнѣ, Прессбургѣ и Лейтшау по дѣлу мадярскихъ магнатовъ. Достаточно было имѣть огромное помѣстье, большое богатство, знатное имя, болѣе или менѣе значительное вліяніе на своихъ земляковъ, чтобы тотчасъ навлечь на себя подозрѣніе правительства; а отъ

подозрѣнія къ тюрьмѣ и плахѣ былъ только одинъ шагъ. Темницы Вѣны и Пресбурга, по увѣренію современниковъ, не вмѣщали болѣе въ себѣ огромнаго числа взятыхъ подъ стражу Мадяръ, такъ что принуждены были заключать ихъ въ частныя гостиницы, пристраивая къ нимъ крѣпкую стражу. Всѣ эти жертвы изувѣрнаго Леопольда подчасъ грозною тѣнью встаютъ пзъ гробовъ, взывая о мщени. Имена ихъ такъ многочисленны, несправедливые процессы ихъ такъ явно-укорительны, что наполнили бы собою цѣлыя томы и составили бы самый неопровержимый памятникъ обвиненій противъ австрійскаго правительства того времени. И за что несли эти люди на плаху свои благородныя головы? За то-ли, какъ напримѣръ, что Стефанъ Каттай и Стефанъ Цегледи выдѣлились отъ чумной заразы, и потомъ должны были сложить головы свои подъ топоромъ палача? Одинъ изъ лучшихъ стратегиковъ Венгріи, Бокса, былъ обвиненъ только за то, что онъ владѣлъ обширными военными познаніями. Другой примѣръ подобнаго безсудія былъ съ братьями Баркочи — Францискомъ и Стефаномъ. Сдавъ безпрекословно замокъ свой генералу Штарембергу, они были арестованы безъ всякой причины и подверглись общей участи другихъ.

Высокая цѣль, къ которой стремилось австрійское правительство, это было уничтоженіе древней конституціи мадьярскаго народа. Для этого оно не щадило ни какихъ средствъ, не останавливалось ни передъ какими насиліями. Князь Лобковичъ былъ облеченъ, для приведенія въ исполненіе этого намѣренія, властію самою безграницною. Онъ въ свою очередь облакалъ своихъ подчиненныхъ подобнымъ же произволомъ и исторія записала имена нѣкоторыхъ изъ нихъ, чтобы рядомъ съ этими гнусными палачами свѣтлѣе и рельефнѣе выставить на кровавомъ фонѣ благородныя личности жертвъ, ими изведенныхъ. Шпанткау, Шпорктъ, Гейстеръ и Коваль, при содѣйствіи князю Лобковичу въ поднятыхъ имъ гоненіяхъ, простирали до звѣрскаго бѣшенства свое усердіе. Аресты магнатовъ, дворянъ, рыцарей, пасторовъ, притѣсненія, несправедливые наговоры, грабежи и убійства, составляли для нихъ особенно пріятное препровожденіе времени. Офицеры вѣшали и сажали на колъ съ какою-то осо-

бенной кровожадностію. Болѣе трехсотъ дворянъ и еще большее число пасторовъ ожидали своей участи въ душныхъ темницахъ Пресбурга. Всѣ члены реформатской церкви были въ глазахъ Австріи ничто иное, какъ крамольные возмутители и измѣнники. Олицетвореннымъ произволомъ въ Пресбургѣ предсѣдательствовали Іоганъ Роталь и Годфридъ Гейстеръ. Они имѣли приказаніе избѣгать всѣхъ юридическихъ формъ и произносить приговоры надъ осужденными безъ проволочки времени. Многіе изъ нихъ цѣною золота искупали свою жизнь, но теряли свое имущество и осуждались на вѣчное изгнаніе; иные же кончали жизнь свою въ заточеніи. Множество изъ реформатскихъ священниковъ, проданные, какъ рабы, по двѣсти и двѣсти пятидесяти флоринновъ за челоуѣка, были обращены въ гребцовъ на галерахъ Неаполя и гондолахъ Венеціи, а многіе изъ нихъ остались въ арестантскихъ ротахъ австрійскихъ крѣпостей.

Наконецъ декретомъ 6-го Іюня 1671 года, австрійскій дворъ окончательно высказался въ своихъ намѣреніяхъ относительно Венгріи. Леопольдъ ясно выразилъ въ этомъ приказѣ, что сила оружія обратила эту страну подъ верховную власть австрійскаго дома, вслѣдствіе чего конституціонная ея хартія объявлена болѣе не дѣйствительною, и что съ того времени, единственный законъ для Венгріи будетъ воля императора. Австрійскія войска займутъ постоянными гарнизонами города, крѣпости и даже мѣстечки. Жителямъ вмѣнялось въ обязанность содержать офицеровъ и солдатъ, и снабжать ихъ освѣщеніемъ, отопленіемъ, солью, соломой, сѣномъ и овсомъ. Наконецъ, за исключеніемъ текущихъ податей, наложена была въ высшей степени тягостная подать на всѣ жизненные припасы. Просьбы и жалобы подымались отовсюду, но Леопольдъ не внималъ имъ, а тридцать тысячъ ландскнехтовъ душили всякую жалобу, распространяли ужасъ и угнетеніе, никогда не осквернявшее дотоуѣ равнины Венгріи.

V.

Гоненія не прекращались. Грабежи и насильныя обращенія содѣлались обыденнымъ занятіемъ, исключительною потребностію государственной дѣятельности. Насильственныя мѣры, которымъ подвергалась Венгрія, истекали непосредственно отъ произвола Леопольда, или же одобрялись имъ, если были представляемы на его соизволеніе. Леопольдъ самъ хвалился иногда тѣмъ, что ему стоило только ударять въ ладоши, и головы немедленно падали на плахѣ. Было у него нѣчто въ родѣ простодушной доброты, бывшей наследственной въ родѣ Габсбурговъ, но которую баронъ Гормайеръ удачно сравниваетъ со стономъ крокодила. Иезуиты, имѣвшіе на него столь безграничное вліяніе, употребляли всѣ хитрости, всѣ гнусныя уловки и клевету, чтобы держать его постоянно въ своихъ рукахъ и обращать его въ вѣрное орудіе къ достиженію своихъ цѣлей. Такъ, на примѣръ, случался ли гдѣ-либо пожаръ — они приписывали поджогъ Мадырамъ и Евреямъ. При очисткѣ одного дворцоваго фонтана найдена была въ числѣ нечистотъ и дохлая собака, — обвиненія пали на Мадыръ; будто бы нарочно подкинувшихъ въ фонтанъ разной падали, съ намѣреніемъ отравить императорское семейство. Неурожай, короговизна и вслѣдствіе этого увеличивающаяся смертность, были естественнымъ слѣдствіемъ того гоненія, которое было поднято на одну изъ плодоснѣйшихъ и обширнѣйшихъ областей Австріи. Это самое разрѣшило предводителямъ нѣмецкихъ отрядовъ брать и грабить все, что ни попадало имъ подъ руку. Генералъ Коппъ не только что ввелъ, какъ мы уже сказали, варварскій обычай сажать на колъ мужчинъ, но онъ простеръ это истязаніе и на женщинъ — реформатокъ, и на ихъ дѣтей. Гормайеръ упоминаетъ въ своихъ *Anemomen* (I. I. p. 123), что одинъ французскій ренегатъ, бывшій притомъ дезертеромъ шведской арміи, нѣкто графъ де-Сушъ, родомъ изъ Ла-Рошеля, изобрѣталъ разнаго рода пытки, чтобы увеличить и продлить мученія своихъ жертвъ. Этотъ

звѣрь не думалъ ли обмытъ въ крови несчастныхъ Мадяръ свое безчестіе? А рядомъ съ этими сценами ужаса проявилась также черта самаго низкаго лихонства, и въ этомъ случаѣ вѣнскіе архивы представляютъ любопытныя свѣдѣнія, изъ которыхъ можно видѣть, до какой степени были развращены нравы чиновниковъ австрійскаго правительства.

Казалось, не было болѣе никакого возврата для Венгріи; спасти ее послѣ этого оптоваго, такъ-сказать, наслія, было бы, повидимому, невозможно. Но Мадяры, какъ увидимъ, не безъ борьбы уступилъ силѣ австрійскаго произвола, и въ то время, когда нѣмецкій деспотизмъ болѣе всего усиливался и старался укрѣпиться въ Венгріи, на горизонтѣ ея явилось едва замѣтное облачко, которое долженствовало современемъ разразиться надъ своими насильниками столь страшною и неожиданныю бурей, что самый престолъ Австріи поколебался на своихъ основаніяхъ. Человѣкъ, который долженствовалъ явиться мстителемъ поруганной чести своихъ согражданъ, былъ знаменитымъ членомъ одной изъ тѣхъ мадарскихъ фамилій, которыя навлекали на себя исключительное гоненіе австрійскаго дома. Отецъ его, Стефанъ Тэкели, палатинъ или воевода Оравскій (комитата Арвы), осажденный въ своемъ родовомъ замкѣ генералами Споркомъ и Гейстеромъ, заболѣлъ во время осады, и вскорѣ увидѣлъ, что дальнѣйшее сопротивленіе было бы совершенно бесполезнымъ. Видя, что счастье ему измѣняется, что вмѣстѣ съ нимъ уходитъ и жизнь его, онъ озаботился спасти, по крайней мѣрѣ, своего сына, юнаго Эмерика, бывшего тогда не болѣе тринадцати лѣтъ отъ роду. Переодѣтый въ костюмъ поселянки, онъ, въ сопровожденіи двухъ рыцарей, также переодѣтыхъ, тайно вышелъ изъ замка, успѣлъ укрыться въ замокъ Лпаву, въ комитатѣ линтовскомъ или Линто. Три дни спустя отецъ его умеръ, утѣшенный мыслию, что Эмерикъ находится въ безопасности. Генералъ Гейстеръ занялъ безпренятственно замокъ и узнавъ, что молодой Тэкели скрылся, поручилъ Спорку пойти за нимъ слѣдомъ, чтобы не дать ему времени укрыться по ту сторону горъ, въ Трансильванію. Спорку удалось нагнать молодаго Эмерика у Лпавы, но предупрежденный во время,

овъ, переодѣтый въ польскую дѣвушку, смѣло и развязно прошелъ черезъ австрійскій лагерь и успѣлъ достигнуть Трансильваніи, гдѣ австрійскіе сыпачки потеряли совершенно его слѣды. Этотъ самый юноша въ живописномъ нарядѣ молодой Польки, долженствовалъ вскорѣ явиться страшнымъ мстителемъ своихъ единоземцевъ. Судьба хранила его среди опасностей, чтобы вывести за тѣмъ на челѣ двухсотъ восьмидесяти тысячъ воиновъ, панесшихъ Австріи столь страшные удары, что государство это давно бы исчезло, если бы ему не помогъ одинъ изъ тѣхъ непонятныхъ случаевъ, такъ часто спасавшихъ его среди видимыхъ и неминуемыхъ опасностей.

Между тѣмъ какъ молодой Тѣкели ростъ и набиралъ силы и опытности среди горъ и лѣсовъ Трансильваніи, вѣнскій дворъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе упрочивалъ свой деспотизмъ въ комитатахъ Венгрии. Только опасность, которую онъ думалъ видѣть со стороны Турціи, остановила, и то на весьма короткое время, нетерпѣливый произволъ Лобковича и его черныхъ совѣщателей—іезуитовъ. Островъ Кандія, послѣ трехлѣтней осады, подчинился оружію Турокъ, которыхъ войска оставались послѣ этого новаго завоеванія, въ бездѣйствіи. Австрійскій дворъ опасался, чтобы Турція не вошла въ тайныя сношенія съ недовольными Мадьярами, тѣмъ болѣе, что она тайно занималась приготовлениями въ огромныхъ размѣрахъ. Но тайна вскорѣ объявилась, потому что порта направила силы свои противъ Польши, гдѣ Янъ Собѣскій встрѣтилъ ихъ съ мечемъ въ рукахъ, что уснокоило Леопольда, и безпощадныя гоненія начались съ удвоеннымъ звѣрствомъ. И съ той поры, система обращенія, принятая въ Австріи, была примѣнена и въ Венгрии. Изобрѣтателями ея были іезуиты, находившіе ее преемственною во всѣхъ отношеніяхъ, удовлетворявшею ихъ взглядамъ, и они строго придерживались ей. Съ начала 1672 года, новыя вооруженныя толпы вошли снова въ Венгрію. Католическіе священники явились во всѣхъ комитатахъ, распространяя не миръ и любовь, а ужасъ и смерть въ несчастныхъ и беззащитныхъ жителяхъ. Болѣе всѣхъ отличался Леопольдъ Колоновичъ, впоследствии кардиналъ, бывший тогда председа-

телемъ судной коммисіи въ Пресбургѣ. За нимъ архіепископъ Грана, епископы Гросвардина и Эрлау старались превосходить другъ-друга особеннымъ рвеніемъ къ насильственному прозелитизму. За каждымъ изъ нихъ слѣдовали отъ трехсотъ до четырехсотъ драгуновъ, ожидавшихъ только одного мановенія своихъ предводителей, чтобы насиліемъ вѣнчать ихъ легкія побѣды. Куда бы они ни являлись, тотчасъ собирали жителей, и одинъ изъ іезуитовъ провозносилъ проповѣдь, поддерживавшуюся обыкновенно краснорѣчивымъ лезвіемъ драгунскихъ сабель, и заряженными ружьями, направленными на толпу поселянъ. Выселенія въ Трансильванію и Турцію совершались цѣлыми массами. Край пустѣлъ, но за то правительство торжествовало.

Въ городахъ болѣе или менѣе населенныхъ, прозелитизмъ принималъ другія мѣры. Здѣсь имѣли обыкновеніе вооружать католическое населеніе, чтобы содѣйствовать солдатамъ, которые насильно врывались въ храмы лютеранъ и калвинистовъ. Если диссиденты отказывались отворить двери, защищая ихъ противъ толпы фанатиковъ, эти послѣдніе употребляли пушки, какъ это неоднократно случалось въ Пресбургѣ. Въ Коморнѣ ревность католическихъ священниковъ дошла до того, что схвативъ реформатскаго пастора Яна Саки, чтобы паругаться надъ нимъ, велѣли выбрить ему публично голову, затѣмъ взвели его на костеръ, и сожигая медленнымъ огнемъ, время-отъ-времени пускали въ него небольшія стрѣлы, намазанныя дегтемъ и сѣрой. Нужно ли удивляться послѣ этого, что нѣкоторые округа рѣшались силою останавливать вторженія австрійскихъ полковъ. Такъ на примѣръ, Георгъ Барсонн епископъ гросвардинскій и братъ его Янъ Барсонн протонотарій комптата Нитры, вторгнувшись съ четырьмя сотнями драгунъ въ одинъ изъ округовъ турочскаго комптата, нашли все населеніе этого округа вооруженнымъ. Выведенные изъ терпѣнія жители съ такою смѣlostію и такъ дружно ударили на отрядъ Кроатовъ, что обратили ихъ въ бѣгство, убили протонотарія Яна, и если бы братъ его, епископъ, не спасся бѣгствомъ, могъ бы полатиться и онъ своею жизнію.

Рядомъ съ религіознымъ гоненіемъ, какъ сказали выше, шла рука-объ-руку и гоненіе политическое. Въ 1672 году государственный совѣтъ въ Вѣнѣ рѣшилъ официально уничтожить вице-королевское достоинство въ Венгрии, которое фактически болѣе уже не существовало. Вообще Австрія стѣснялась этими вице-королями, которыхъ достоинство, какъ и власть, прекращались одною ихъ смертію. По этому рѣшено было замѣнить это избирательное достоинство, губернаторствомъ. Находясь въ полной зависимости отъ вѣнскаго двора, губернаторъ Венгрии могъ бы быть отрѣшаемымъ отъ своей должности по произволу высшей правительственной власти. Князь Ампрингенъ, хотя и былъ Маляръ по рожденію, но преданный весь Габсбургамъ, получилъ въ этомъ назначеніи преимущество передъ другими соискателями. Правительство, имѣя въ виду, что его малярское происхожденіе понравится народу, который забудетъ въ немъ кровожаднаго любимца Леопольда и іезуитовъ, охотно назначило его губернаторомъ Венгрии. Однакожь всѣ помыслы, всѣ желанія Ампрингена сосредоточены были исключительно на томъ, чтобы имѣть вѣсь при дворѣ и быть въ чести у Габсбурговъ. Лишь только прибылъ онъ въ Венгрію, какъ страна эта почувствовала на себѣ двойной гнетъ земляка-пзмѣнника. Калвинисты и лютеране были обезоружены. Каждый протестантъ обязывался содержать и кормить трехъ и четырехъ солдатъ. Болѣе же всего подверглись гоненію реформатскіе священники и школьные учителя, изъ которыхъ большая часть были осуждены на смерть. Мы отказываемся описывать дальнѣйшія подробности этихъ гоненій. Слѣдшимъ вздохнуть свободнѣе и облегчить душу читателя изображеніемъ первыхъ попытокъ противодѣйствія духовенству и свѣтскому владычеству Австрій. Паденіе князя Лобковича дало первый знакъ къ возстанію Венгрии, которое, вызвавъ лашествіе Турокъ, осадившихъ Вѣну, довело Австрію, какъ увидимъ, до края погибели; но за то, какъ дорого стоило Венгрии это минутное торжество надъ австрійскимъ домомъ, покажетъ та безпримѣрная рѣзня въ Эперіесѣ, которую современники такъ характерно назвали — *человѣческими ге-катомбамъ*.

VI.

Всему есть однакожь предѣль на свѣтѣ. Съ іезуитами случилось тоже самое, и постоянныя ихъ удачи должны же были наконецъ испытать въ свою очередь пораженія. Постоянно-улыбавшееся имъ счастье и успѣхи ихъ неестественныхъ стремленій были бы противны вѣковѣчнымъ законамъ міровой гармоніи, были бы конечнымъ отрицаніемъ правды и добра. Клерикальный деспотизмъ іезуитовъ долженствовалъ въ свою очередь понести нѣкоторыя потери и получить довольно чувствительные удары, тѣмъ болѣе для него чувствительные, что они исходили отъ стороны, отъ которой менѣе всего они ждали нападенія. Первое сопротивленіе ихъ могуществу и власти началъ оказывать имъ человекъ, который долѣе рука-объ-руку шелъ вмѣстѣ съ учениками Лойолы. Это былъ князь Лобковичъ, воспитанный въ интригѣ, образованный въ лагерной жизни. Ему опротивѣло наконецъ быть постояннымъ орудіемъ людей, передъ которыми чувствовалъ все свое злодѣйское превосходство. Современники, рисуя характеръ Лобковича, были неумолимы къ этому истязателю мадарскаго народа; но изъ ихъ разсказовъ видно, что онъ отнюдь не походилъ на тѣхъ политическихъ злодѣевъ, которыми такъ богатъ былъ XVI вѣкъ. Любя комфортъ и широкую великосвѣтскую жизнь, Лобковичъ отличался изысканностію своихъ пріемовъ, вѣжливостію обращенія. Страстный любитель музыки, картинъ и танцевъ, онъ любилъ также поэзію, декламировалъ часто цѣлыя тирады извѣстнѣйшихъ поэтовъ, но все это не мѣшало ему быть безчувственнымъ къ страданіямъ себѣ подобныхъ, и изъ-за ничтожной личной выгоды онъ готовъ былъ жертвовать населеніемъ цѣлой страны. Успѣхи на этомъ поприщѣ, и золото были единственными идолами его черствой души, такъ-что, онъ былъ бы готовъ пожертвовать собственными своими дѣтьми и женой, если бы потребовало того его честолюбіе, не смотря на то, что при случаѣ, онъ, казалось, съ особенной любовью отзывался объ нихъ, какъ

о близкихъ его сердцу. Не смотря на его пышность, на его выработанный, изящный вкусъ, вѣжливое, смѣшанное съ какимъ-то неподдѣльнымъ простодушіемъ, обращеніе, сердце его можно было угодить на одну изъ тѣхъ *table-dolge*, т. е., проклятыхъ рвовъ, дантова ада, гдѣ кишмя кишать самыя гнусныя мысли. Живи Лобковичъ въ эпоху Данта, и великій поэтъ не замедлилъ бы сдѣлать его первымъ героемъ въ сонмѣ мрачныхъ тѣней, увѣковѣченныхъ имъ въ своей преисподней, этихъ пѣвучихъ огней, по выраженію Гейне.

Таковъ былъ Вячеславъ-Евсевій Лобковичъ, рожденный въ 1608 году и происходившій отъ младшей линіи одного изъ древнихъ родовъ Чехіи, потому что старшая линія этого рода, принявшая протестанство и упорно державшаяся новаго ученія, была изведена еще Фердинандомъ II. Отецъ Лобковича, рьяный католикъ, возвысился надъ окровавленными развалинами своей родины и открылъ сыну своему Евсевію дальнѣйшій путь къ почестямъ и богатству, которыхъ онъ достигъ, постоянно шествуя по трунамъ жертвляемыхъ замученныхъ. На тридцать второмъ году отъ роду онъ уже былъ представителемъ императора Фердинанда III на чешскомъ сеймѣ. Въ 1665 г. Леопольдъ назначилъ его оберъ-церемоніймейстеромъ своего двора, а чрезъ пять лѣтъ онъ занялъ мѣсто перваго министра имперіи. Страшный заговоръ противъ Венгріи, былъ, можно сказать, съобща затѣянъ между имъ и іезуитами, но это сообщество не могло быть прочнымъ. Характеры Лобковича и іезуитовъ не сходились. Первый, какъ страстный любитель баловъ и пиршествъ, преданный весь любовнымъ похождениямъ, сарказму, остроумію, не могъ прійтись по душѣ фарисеямъ Лойолы, снѣсивымъ, крутымъ, олицетворявшимъ въ себѣ весь этикетъ испанской неподвижности. Лобковичъ, подобно, какъ позднѣе Кауницъ, показывалъ явное предпочтеніе къ французскимъ правамъ, къ французской литературѣ, старался сблизить дворъ Людовика XIV съ дворомъ Габсбургскимъ. Съ другой стороны іезуиты ненавидѣли все французское, постоянно питая и возбуждая ненависть австрійскаго дома къ Франціи и ея двору. Іезуиты давно бы покончили съ нимъ, если бы не

сுவѣрный Леопольдъ, который привыкъ къ его выходкамъ и балагурству, не призывалъ его къ себѣ по нѣскольку разъ на день.

Лишь только враждебныя отношенія между нмъ и коварнымъ орденомъ проявились, Лобковичъ не щадилъ богѣ своихъ враговъ. Онъ не только что употреблялъ противъ нихъ свое острое, какъ бритва, слово, но часто дѣлалъ ихъ предметомъ каррикатуръ, что окончательно бѣспло и выводило изъ терпѣнія почтенныхъ патеровъ. Эти каррикатуры, литографированныя и распространяемыя въ большомъ количествѣ экземпляровъ, изображали апостольскія уловки іезуитовъ, ихъ придворныя интриги, противузаконныя дѣйствія въ присвоеніи чужаго наслѣдства, пхъ не совѣтъ чистыя брачныя сдѣлки. Одинъ неудачный случай, бывшій съ іезуитами, долгое время занималъ сатирической умъ Лобковича, доставляя ему богатую пищу для насмѣшекъ. Іезуиты желая обманомъ завладѣть замкомъ Ригесбургъ въ Штиріи, который издавна привлекалъ ихъ корыстолюбивую жадность, помѣстили въ его окрестностяхъ небольшой отрядъ солдатъ, долженствовавшій ночью напасть на замокъ въ распахъ, котораго сторожъ, предварительно подкупленный отцами, долженъ былъ спустить подъемный мостъ, и доставить свободный входъ наемникамъ іезуитовъ. Къ счастью начальникъ замка во время узналъ объ этой уловкѣ, и въ то время, когда отрядъ подкрадывался къ замку, онъ приказалъ привязать предателя-сторожа къ воротамъ и сѣчь его безъ всякаго милосердія. Крики сторожа наполнили окрестность и вслѣдъ за нимъ нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ возвѣстили тайнымъ героямъ этой драмы, что намѣреніе ихъ открыто, такъ что бѣдные рыцари Лойолы, поднявъ свои рясы, должны были обратиться въ бѣгство. Лобковичъ, въ искусно представленной карриатурѣ не замедлилъ распространить въ народѣ этотъ ночной подвѣгъ іезуитовъ.

Лобковичъ не унимался. Мѣткіе его удары всегда достигали цѣли. Рассказываютъ другой случай, не менѣе перваго поразившій іезуитовъ въ самое больное ихъ мѣсто, а именно, ударъ нанесенъ былъ ихъ экономпическимъ расчетамъ. Главное казначейство Австріи было постоянно безъ денегъ

и солдатамъ, неизвѣстнымъ чѣмъ содержать себя, разрѣшено было грабить и обирать жителей почти во всѣхъ областяхъ имперіи. И не смотря на это безденежье, свитые отцы не переставали выпрашивать у Леопольда разныя доходныя статьи, которыя онъ по своей слабости и ханжеству, никогда имъ не отказывалъ. Часто случалось, что Лобковичъ противился этимъ неумѣстнымъ щедротамъ императора, бывали даже случаи, что онъ даже рвалъ дарственные акты, подписанные уже Леопольдомъ, какъ это случилось и съ дарственной записью на богатое графство Глацъ въ Силезіи. Когда нѣкоторые изъ нихъ явились къ Лобковичу для полученія акта, министръ указалъ имъ на буквы: I. N. R. J. начертанныя надъ распятіемъ, которымъ дали слѣдующее объясненіе: *Iam Nihil Reportabunt Jesuitae*, т. е. *Иезуиты ничего не получатъ*. Лобковичъ простеръ свою злость до того, что составилъ свое собственное завѣщаніе, которое показывалъ всѣмъ, съ кѣмъ только приходилось ему говорить объ ордень Лойолы. Завѣщаніе его начиналось, какъ обыкновенно, тономъ смиреннымъ, съ видомъ сердечной теплоты, и затѣмъ онъ объявлялъ, что *завѣщаетъ святымъ отцамъ въ знакъ любви и покаянія, восемьдесятъ два тысячи* — этимъ словомъ кончалась страница, а другая сторона ея начиналась словами, объяснявшими въ чемъ состоялъ даръ Лобковича, — *воздѣй для постройки новаго дома!*

Можно представить себѣ какую ненависть разжигали эти злыя шутки въ душѣ честолюбивыхъ монаховъ. Но вызывать подобную ненависть въ иезуитахъ, значило играть съ ядовитой змѣей, и Лобковичъ вскорѣ почувствовалъ на себѣ ихъ неумолимое мщеніе. Случай незамедлилъ представиться и орудіемъ ихъ была женщина, въ которой они счумѣли зашевелить оскорбленное самолюбіе, чтобы погубить наконецъ своего неутомимаго преслѣдователя. Въ началѣ 1673 года умерла императрица. Леопольду предложили на выборъ новой супруги двухъ принцессъ — Клавдію изъ Тироля и Леополу принцессу Нейбургскую. Не смотря на проски Лобковича предлагавшаго Леополу, императоръ избралъ однакоже Клавдію. Предшественникъ Лобковича по министерству, Ауслергъ, смертельный врагъ своего преемника, не замедлилъ

довести до свѣдѣнія новой императрицы объ интригахъ Лобковича относительно выбора невѣсты. Это былъ только зародышъ неудовольствія, которое, раздуваемое іезуитами, обратилось, по необдуманной неосторожности Лобковича, въ глубокую къ нему ненависть со стороны императрицы. Рассказываютъ, что Леопольдъ, сообщилъ своему медику подозрѣніе касательно невинности его супруги до ея замужества. Лобковичъ подхватилъ эту дворцовую тайну, началъ вездѣ рассказывать о какихъ-то любовныхъ похожденияхъ Клавдіи съ графомъ Феррарисъ. Тогда первому министру трудно было уже сладить съ мщеніемъ женщины и ненавистью іезуитовъ. Вскорѣ донесли Леопольду, что Лобковичъ сталъ забываться до того, что посягнулъ на безчестіе верховной власти, и императоръ приказалъ назначить тайную комиссію, которой предоставилъ обсудить преступленіе своего министра, и произнести ему приговоръ. Въ октябрѣ 1674 года комиссія эта цѣлую ночь провела въ изслѣдованіи преступленія Лобковича, и въ десять часовъ утра, когда министръ вышелъ отъ себя, чтобы отправиться къ императору, экипажъ его былъ окруженъ отрядомъ солдатъ, и капитанъ, командовавшій имъ, объявилъ Лобковичу, что онъ арестованъ. Съ этой минуты онъ былъ оставленъ подъ стражей, въ своемъ собственномъ домѣ. За тѣмъ, особеннымъ императорскимъ приказомъ, ему было объявлено, чтобы онъ втеченіе трехъ дней оставилъ бы Вѣну и удалился въ свой замокъ Родничъ, въ Чехію, съ строгимъ приказаніемъ не только что не выѣзжать оттуда, но и никого не принимать, и ни съ кѣмъ не вести переписки. Что же касается причины этой немплости, онъ не долженъ ее знать, и подъ опасеніемъ потери жизни и имущества, не долженъ даже спрашивать объ ней. Три дни прошло послѣ этого приказа, а Лобковичъ все еще оставался въ Вѣнѣ. Тогда къ его отелю подѣхала окруженная тремя эскадронами уланъ, открытая коляска, въ которую посадили сверженного министра и торжественно увезли его въ назначенное ему мѣсто ссылки. Въ Родничѣ помѣстили также и отрядъ солдатъ, подъ командою графа Мартинича, которому дана была строжайшая инструкція не позволять нлѣвянку никакой переписки

съ кѣмъ бы то ни было, не давать ему даже книгъ для чтенія. Вскорѣ онъ былъ забытъ, между тѣмъ, какъ іезуиты остались одни безграничными властителями въ Австріи.

Но и здѣсь, въ отдаленномъ уединеніи, ѣдкая насмѣшливость не измѣнила ничего въ характерѣ изгнанника. Онъ приказалъ отдѣлать одну половину залы въ своемъ замкѣ съ особенной пышностію и богатствомъ, между тѣмъ какъ другая половина была устроена на подобіе простой хижны, бѣдно убранной. Первая половина напоминала ему, какъ говорилъ онъ, его прежнее величіе, а вторая — его настоящее положеніе. Стѣны этой залы онъ изпещрилъ множествомъ энigramмъ противъ іезуитовъ, въ которыхъ со всею жезачною злостью, кратко но мѣтко изображалъ онъ разные скандальныя происшествія, случившіяся съ разными лицами этого ордена. Но Лобковичу не долго оставалось, хотя и въ заключеніи, преслѣдовать своими сарказмами братію; онъ умеръ два года спустя послѣ своего заточенія, и глубокая старость, до которой онъ достигъ, позволяетъ думать, что смерть его была естественною. Но что изъ этого? Не лежалъ ли на его совѣсти слезы цѣлаго народа и кровь многочисленныхъ жертвъ, невинно имъ замученныхъ?

Между тѣмъ побѣги изъ равнинъ Венгріи въ горы и лѣса Трансильваніи не прекращались. Побѣги эти совершались однакожъ не по прямымъ дорогамъ, по которымъ то и дѣло, что сновали взадъ и впередъ имперскіе ландскнехты но по проселкамъ, по ущельямъ, прямо черезъ хребты возвышенностей пробрались въ древнюю Эрделію магнаты, священники, толпы ремесленниковъ и земледѣльцевъ, женщины и дѣти, молодые и старые, и все это уходило отъ невыносимаго преслѣдованія, отъ грабежа и насилій, отъ фанатизма католиковъ. Оставляя родину, они переносили съ собою въ мѣста своего изгнанія какъду народнаго мнѣнія и вѣстѣ съ тѣмъ все данныя для поголовнаго возстанія Мадаръ на своихъ поработителей. Князь Трансильваніи, Мпчталъ Апафчи былъ расположенъ не только къ реформѣ, но и сочувствовалъ гонимымъ Мадирамъ, тайно содѣйствуя ихъ настрѣніямъ. Онъ даже приказалъ феодальному владѣтелю Ковара, графу Михаилу Телеки (не надобно его смѣшивать съ

фамиліей графовъ Тэкелі), вооружить отрядъ волонтеровъ, чтобы поддержать воинственный духъ въ недовольныхъ. Онъ даже назначилъ жалованье тѣмъ изъ эмигрантовъ, которые являлись подъ знамена собиравшейся рати. Генераль Шпанткау, начальствуя австрійскими войсками въ верхней Венгріи, написалъ по этому случаю къ Анаффи письмо, въ которомъ угрожалъ ему даже вторженіемъ; но доблестный воевода Трансильваніи не обратилъ на него никакого вниманія. Однакожь угроза эта со стороны Австріи была излишнею, потому что она не рѣшилась бы на войну въ странѣ, гдѣ гористая мѣстность, защищенная храбрымъ населеніемъ, могла содѣлаться вѣрною могилою для ея ландскнехтовъ.

Если Австрія ограничилась одной угрозой, за то мадырская эмиграція готовилась дѣйствовать энергически. Въ концѣ Августа 1672 года предводимые генераломъ Петрочи, Мадяре въ числѣ двѣнадцати тысячъ вошли въ Венгрію чрезъ возвышенности Мармарошскаго комтата въ комтатъ Угочскій. Лишь только вѣсть объ этомъ вторженіи достигла Кашавы, какъ австрійскіе начальники комтатовъ верхней Венгріи назначили цѣну головамъ, поднявшимъ оружіе противъ Австріи, а именно: два талера за голову каждаго солдата, и тысячу за голову начальника или дворянина. Кромѣ того обѣцано было выдать двѣ тысячи, если кто-либо изъ дворянъ доставленъ будетъ живымъ въ руки Австрійцевъ. Обнародованіе этой разбойничей награды осталось безъ всякаго дѣйствія, потому что между Мадярами ни одинъ не нашелся, чтобы цѣною измѣны получить подобную награду. А между тѣмъ войско, состоявшее изъ мадырскихъ эмигрантовъ, раздѣлилось на два отряда, чтобы съ двухъ различныхъ сторонъ Венгріи поднять недовольное ея народонаселеніе. Пункты возстанія назначены были въ одно и то же время въ сѣверныхъ и южныхъ комтатахъ, такъ-что шеститысячный отрядъ, бросившійся въ равнины южной Венгріи усилился вскорѣ до пятнадцати тысячъ, отъ стекавшихся отовсюду вооруженныхъ поселянъ. Этотъ усиленный корпусъ сошелся съ первымъ отрядомъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Кашавы, гдѣ они расположились лагеремъ. Движеніе Мадяръ въ стратегическомъ отношеніи было не только что не-

обдуманно, но и опасно для нихъ самихъ. Имѣй они въ то время хорошаго и опытнаго предводителя, они бы могли нанести рѣшительный ударъ владычеству Австрійцевъ въ сѣверныхъ комитатахъ Венгріи, потому что, подойдя такъ близко къ Кашавѣ, резиденціи главноначальствующаго австрійскихимъ войсками, которому вовсе не было извѣстно столь близкое сосѣдство инсургентовъ, эти послѣдніе легко могли бы накрыть главныя силы Австріи, расположенныя въ этомъ мѣстѣ, и успѣхъ былъ бы для нихъ несомнѣннымъ. Чрезъ нѣсколько дней только двѣ сотни австрійскихихъ кавалеристовъ выѣхали на рекогносцировку, за которыми въ недалекомъ разстояніи слѣдовали еще двѣ тысячи, а за ними вся австрійская армія подъ командою генерала Шпанткау. Петровичи не далъ времени непріятельскому авангарду приблизиться, а самъ скомандовавъ къ атакѣ, понесся стремглавъ на Австрійцевъ. Опрокинувъ эту слабую преграду, Маляре до того распалились жаждою мести, что бросившись преслѣдовать бѣгущихъ, почти въ упоръ встрѣтились съ главными силами Австрійцевъ. Не приготовленные къ этой встрѣчѣ, находясь въ разсыпномъ строѣ, Маляре не отказались однакожъ принять битву, — такъ велико было въ нихъ желаніе сразиться съ своими поработителями. Не смотря на строевой порядокъ Австрійцевъ, не смотря на подоспѣвшую помощь арісгарда, они были совершенно разбиты по всей боевой линіи и самъ Шпанткау едва спасся бѣгствомъ. Эта первая, неожиданная побѣда, тѣмъ болѣе неожиданная, что въ дѣйствіяхъ инсургентовъ нельзя было требовать ни единства, ни стратегическиххъ соображеній, ободрила ихъ несказанно. Главныя города комитатовъ съ радостью открывали имъ свои ворота, и жители ихъ начали вооружаться съ какимъ-то лихорадочнымъ нетерпѣніемъ. И было отчего такъ поспѣшно, такъ жадно стремиться излить на австрійцевъ всю накопившуюся горечь въ сердцахъ бѣднаго народа. Притомъ же наглость и жестокость Австрійскихихъ солдатъ заставляла множество поселянъ становиться въ ряды недовольныхъ, такъ что войско ихъ со дня на день увеличивалось, и становилось грознѣе для своихъ поработителей. Не доставало только бытнаго вождя, потому что Петровичи не могъ удовлетво-

рять всѣмъ требованіямъ предводителя многочисленной рати.

Вскорѣ однакожь желаніе возмущившихся Мадяръ и въ этомъ отношеніи было удовлетворено, потому что начальство надъ ними вызвался принять Авесалонтъ Лиліенбергъ, опекунъ молодаго графа Эмерика Тэкели, человекъ съ большими достоинствами, храбрый и опытный въ военномъ дѣлѣ, къ тому же весьма искусный дипломатъ. Въ послѣднемъ отношеніи онъ успѣлъ склонить на сторону Мадяръ маркиза Бетюна, французскаго посланника при польскомъ дворѣ, который, съ своей стороны, возбуждалъ въ Лудовикѣ XIV и Янѣ Собѣскомъ сочувствіе къ мадлярскому движенію. Тогда стали появляться въ рядахъ Мадяръ французскіе и польскіе офицеры, и не смотря, что нѣкоторые изъ нихъ были взяты Австрійцами въ плѣнъ и преданы мучительной смерти, общая ихъ ненависть къ Австріи вызывала новыхъ подвижниковъ и метателей за порабощенную народность Мадяръ. Рассказываютъ, что одинъ изъ этихъ волонтеровъ, графъ Дампьеръ, взятый Австрійцами въ 1675 году, былъ отведенъ въ Вѣну и преданъ ужасной пыткѣ. Одинъ витъ Дампьера показывалъ въ немъ человека исключительно созданнаго для войны и кровавыхъ схватокъ. Огромная его борода была такъ густа, что закрывала собою почти все его лицо, что заставляло скорѣе принять его за дикаря, нежели за французскаго офицера. Съ ужасающею стойкостью и совершеннымъ спокойствіемъ перенесъ онъ всѣ степени пытки, такъ-что онъ утомилъ самыхъ палачей геройской своей неустрашимостью. Его отвели въ темницу, чтобы снова возобновить пытку и сломать эту желѣзную натуру; но Дампьеръ, не желая доставить своимъ палачамъ это новое удовольствіе, зубами прогрызъ на своихъ рукахъ жплы и вскорѣ изшелъ кровью.

Надежда Мадяръ получить помощь изъ Франціи, не исполнилась; только деньгами и оружіемъ снабжали ихъ, и часто австрійскіе солдаты находили въ карманахъ убитыхъ инсургентовъ французскія деньги. Одна Польша выслала нѣсколько незначительныхъ отрядовъ, и Янъ Собѣскій, заключивъ въ 1676 году съ Турками миръ, позволилъ французскимъ офицерамъ вербовать желающихъ поступить въ

ряды возмущившихся Мадяръ. Такимъ образомъ капитанъ Форваль собралъ до шести тысячъ воиновъ, которые поступивъ на жалованье французскаго короля, были направлены въ Трансильванію. Кромѣ того Лудовикъ XIV вооружилъ на свой счетъ до восьми тысячъ Мадяръ, назначивъ имъ въ предводители Христофора Балецдюи, графа Богама, къ которому присоединились еще двѣ тысячи Трансильванцевъ. Этотъ корпусъ первый началъ дѣйствовать противъ Австрійцевъ съ стратегическою предусмотрительностію. Богамъ завлекъ генерала Шмидта въ засаду, окружилъ четыре тысячи его ландскнехтовъ со всѣхъ сторонъ, и болѣе половины ихъ оставилъ на мѣстѣ. Самъ Шмидтъ, потерявъ своего коня, едва успѣлъ спастись и скрыться въ Сатмаръ. Узнавъ объ этомъ пораженіи своего собрата, и полагаясь на свои силы, генераль Коппъ двинулся на встрѣчу Мадярамъ. Когда же оба непріятельскія войска сошлись, то полторы тысячи Мадяръ, взятые насильно въ ряды Австрійцевъ, отдѣлившись отъ ихъ батальоновъ, съ музыкой и распущенными знаменами отправились соединиться съ своими земляками. Коппъ былъ не въ силахъ принять сраженіе и, отступивъ поспѣшно, оставилъ на жертву Мадярамъ весь свой аріергардъ. Но зато, вступивъ въ Кашаву, онъ измѣлъ весь гнѣвъ свой на несчастныхъ жителей не только города, но и всего комитата. Вскорѣ во всѣ комитаты верхней Венгріи были отправлены отъ него гонцы съ объявленіемъ, что если кто-либо войдетъ въ сношенія съ инсургентами, и будетъ уличенъ въ этомъ, тотъ неминуемо, безъ всякаго суда, подвергнется смерти на плахѣ, либо будетъ посаженъ на колъ. Эти угрозы не произвели уже на Мадяръ никакого дѣйствія. Искра возстанія, тлѣвшая дотолѣ въ сердцахъ патріотовъ, зажглась со всею устрашающею силой. Они не боялись уже отвѣчать генералу Коппу: «ты грозилъ намъ, какъ разбойникамъ и убійцамъ, висѣлицей и коломъ, такъ покажи же примѣръ надъ собой, трусовый убійца! вздерни самого себя на веревку, или же посади самого себя на колъ, да не въ сторонѣ гдѣ либо, а на большой дорогѣ, чтобы трупъ твой могъ служить примѣромъ, подобнымъ тебѣ злодѣямъ!» — На это грозное объявленіе Коппъ отвѣчалъ новыми жестокостями. Онъ окру-

жилъ Кашаву, обезоружилъ всѣхъ ея жителей, затѣмъ предалъ смерти нѣсколько плѣнниковъ — благородныхъ Мадяръ, которыхъ велѣлъ привязать къ лошадинымъ хвостамъ, и тащить по улицамъ Кашавы. У одного изъ нихъ велѣлъ вырѣзать вдоль тѣла ремни и затѣмъ, еще живаго, но окровавленнаго, взвести на костеръ. Подобной смерти подвергся еще одинъ Мадяръ, и генералъ Коппъ, передавая подробности этихъ истязаній австрійскимъ военноподполковникамъ Венгрии, совѣтовалъ имъ слѣдовать его примѣру. И вотъ, какими средствами тогдашняя Австрія стремилась склонить на свою сторону сердца Мадяръ, и взамѣнъ ихъ конституціи внести къ нимъ власть безграничнаго деспотизма! За то и Мадяры не оставались въ долгу у Австрійцевъ, и убивали безпощадно понавшихъ имъ въ плѣнъ. Турки также приняли сторону инсургентовъ, и Кара-Мустафа, наслѣдовавшій достоинство великаго визиря послѣ смерти Кюпрэли, далъ приказаніе содѣйствовать возстанію Мадяръ противъ Австріи.

Въ этой войнѣ какое-то изступленное бѣшенство овладѣло обѣими воюющими сторонами. Леопольдъ, прекратившій выдачу жалованья своимъ войскамъ, далъ имъ полный произволъ грабить и убивать съ намѣреніемъ исполнить до слова планъ, если не истребленія, по крайней мѣрѣ обузданія мадарскаго племени, предложенный, какъ мы видѣли, графомъ Оньято. Жители, узнавая заблаговременно переходъ австрійскаго полка или отряда, спѣшили удалиться изъ своихъ жилищъ и укрываться въ лѣса и горы. Не въ одну Трансильванію бѣжали они, но укрывались въ Сербію и Болгарію, такъ-что не только города и селенія, цѣлыя округи подымались и оставляли свои жилища навсегда. Подробности этихъ ужасовъ записаны современниками безъ всякаго лицепрятія, и не у однихъ мадарскихъ писателей можно читать объ нихъ; даже приверженцы Австріи, даже іезуиты, какъ на примѣръ, Вагнеръ и Янъ Корнелии, не скрывали этихъ истязаній, понесенныхъ Мадярами, хотя и не находили нужды сказать хоть одно слово въ ихъ оправданіе *)

*) Оба они были іезуиты и сочиненія ихъ помѣщены въ XXXIV т. Катоны. Францъ Вагнеръ оставилъ по себѣ *Historia Leopoldi a S. Corneliu Fragam. histor. Hungariae.*

Эта изступленная вражда Маляръ и Нѣмцевъ дошла до того, что австрійскіе офицеры, при одной мысли понасть въ плѣнъ къ своимъ противникамъ, приходили въ неописанный ужасъ, тѣмъ болѣе, что Коппъ при каждой встрѣчѣ съ инсургентами бывалъ поражаемъ на-голову. Тогда императоръ Леопольдъ, видя что самое войско нерѣшительно выступаетъ противъ Маляръ, отозвалъ Коппа въ Вѣну, и вмѣсто его послалъ графа Бюрбена, съ приказаніемъ однакожь щадить жизнь плѣнниковъ. Но было уже поздно и Австрія должна была въ свою очередь испытать силу малярской мести.

ПЕРМСКІЕ СКАЗОЧНИЦЫ И ПЕТРОНИИ.

I.

Во второй книжкѣ «Пермскаго Сборника,» въ числѣ притчъ, записанныхъ г. Зыряновымъ въ Шадринскомъ уѣздѣ, помѣщена одна народная сказка, которая невольно остановитъ на себѣ вниманіе всякаго, кто только знакомъ съ классическою литературой. Это сказка «о томъ, какъ жона забыла мужа.» Приведемъ сначала самый текстъ этого разсказа, а потомъ укажемъ на петочникъ, изъ котораго онъ очевидно заимствованъ. Разсказъ этотъ (стр. 165) очень не великъ и заключается въ слѣдующемъ:

«Была кака-то жона безутѣшная, похоронившая мужа. Съ могилы не идетъ она, плачетъ по ѣмъ — стапшишь не могутъ. Не троньте — говоритъ — меня, заревусь на могилѣ. Вотъ живеть она на могилѣ день, другой и третій. Не далеко отъ іѣ стояли вислицы; мертвыя тѣла караулили на ихъ; караульщикъ, солдатъ, слушалъ — слушалъ бабей рѣвъ, да и говоритъ: — постой, я вылечу тебя! — Взялъ потомъ онъ склянницу вина, частичку закусокки, пошелъ къ бабѣ на могилу и сталъ се разговаривать, штобы перестала плакать, завелъ съ ей тотъ разговоръ, да другой, о томъ да о семъ — баба опулася (пришла въ себя). — Ну-ко, сказалъ онъ ей, выпей, вотъ, съ горя-то лучше! — Налилъ въ рюмку вина, подалъ ей и выпоилъ; выпилъ и самъ; потомъ по другой, по третей выпили, и закусили. Баба стала повеселая, мало-по-малу она переимѣнилась: совѣмъ загуляла съ солдатомъ; кушку-машку сотворили, и всю ночь прогардовали. На ту пору у солдата украли мертво тѣло, коѣ онъ ка-

раулилъ. Што ему дѣлать? испужался онъ на смерть — хмѣль весь вышибло изъ головы; а баба и говоритъ: — Што ты, душка, испужался? Пойдемъ, выкопаемъ вонъ моего-та мужа, да и положимъ за мѣсто ворованова. Кто узнать? вѣдь пройдетъ! Сказано-сдѣлаю. Никто ничево не узналъ. Вотъ, каковы жонны-те!»

Съ перваго взгляда легко можетъ показаться, что эта сказка отличается чисто русскимъ складомъ. Нельзя также не признать въ ней значительной доли юмора, разумѣется, при полномъ отсутствіи литературнаго вкуса. Однако, при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи этой сказки, невольно поражаютъ нѣкоторыя подробности, очевидно не принадлежація не только современному, но и старинному русскому быту. Что это за висѣльцы вблизи кладбища, и въ-особенности караульщики, которые стерегутъ мертвыя тѣла? Положимъ, что висѣльцы существовали на Руси искони, но все же мрачная сторона нашего стариннаго юридическаго быта рисуется намъ гораздо чаще съ своими частѣнками, дыбою, кнутомъ, плахою и т. д., а висѣльцы и кресты переносятъ насъ въ иную сферу.

Скажемъ прямо, какъ это ни покажется страннымъ многимъ изъ нашихъ читателей, что пермская сказка «о томъ, какъ жена забыла мужа» заимствована у Петронія и является какъ бы воспроизведеніемъ, разумѣется, въ искаженномъ видѣ, едва ли не самыхъ блестящихъ страницъ въ его *Satiricón* *). Это знаменитый разсказъ объ *эфесской матронѣ*, который, не смотря на свой цинизмъ, принадлежитъ, по отзыву всѣхъ лучшихъ критиковъ, къ самымъ изящнымъ эпизодамъ въ произведеніи римскаго писателя. Я приведу этотъ разсказъ въ русскомъ переводѣ, но предварительно намѣренъ сообщить нѣсколько замѣчаній о самомъ Петроніи и его романѣ. Особенности условія, въ которыхъ находится наша ученая литература, дѣлаютъ, по моему убѣжденію, такое отступленіе вовсе не лишнимъ.

II.

«Сатирическія книги» Петронія очевидно дошли до насъ не въ цѣлости, а въ отрывкахъ, извлеченныхъ изъ древняго текста какимъ-нибудь любителемъ соблазнительныхъ сценъ. Еще

*) Окончаніе *ди* представляетъ въ этомъ словѣ множественную форму греческаго родительнаго падежа. Къ слову *Satiricón* нужно подразумѣвать слово *libri*, что значитъ *сатирическія книги*, или сатира.

въ XII вѣкѣ это произведеніе существовало въ полномъ своемъ составѣ, и ученые критики выставляютъ двѣ совершенно противоположныя причины, стараясь ими объяснить, почему оно утратило первоначальный свой видъ. Это относятъ то къ благочестію переписчиковъ, которые будто бы выкинули изъ древняго текста множество мѣстъ, отличавшихся еще большимъ цинизмомъ, чѣмъ тѣ, которыя остались, — то къ подвижничеству обитателей средне-вѣковыхъ католическихъ монастырей, намѣренно выбравшихъ изъ Петронія цѣлый рядъ фаллическихъ и вообще неприличныхъ картинъ. Последнее мнѣніе кажется намъ болѣе вѣроятнымъ.

Во всякомъ случаѣ, это обстоятельство нарушило единство и связь въ содержаніи древняго романа, о которомъ идетъ рѣчь *). Оно заключается въ изображеніи любовныхъ похожденій (то комическихъ, то трагическихъ) молодого отпущенника Энолпа, при чемъ авторъ имѣлъ довольно случаевъ ярко освѣтить всю развращенность своего вѣка, ни сколько не стараясь притомъ разыгрывать роль строгаго моралиста.

По своему литературному характеру, произведеніе Петронія должно быть отнесено къ такъ называемой Варроновой сатирѣ. Родоначальникомъ ея былъ знаменитый Маркъ Теренцій Варронъ Реатинскій, современникъ и другъ Цицерона, и, конечно, самый замѣчательный полигисторъ въ римской литературѣ. *Satira Varroiana* своимъ виѣшнимъ и внутреннимъ разнообразіемъ очень напоминала древнюю римскую *satyrum* (*satura*) **). Она пи-

*) Самая значительная и любопытная часть этого произведенія — *Сатира Trimalchionis* — была найдена въ семнадцатомъ вѣкѣ, въ Далмаціи, и въ первый разъ напечатана въ Падуѣ въ 1664 г. Открытіе этого отрывка возбудило большую войну между учеными, потому что многіе изъ нихъ отвергали его подлинность. Манускриптъ былъ отосланъ въ Римъ и разсматриваемъ лучшими критиками того времени. Теперь никто не сомнѣвается въ принадлежности *Coena Trimalchionis* Петронію. — Вскорѣ послѣ этого одному Французу, а именно Нодо (Nodot), вздумалось сдѣлать подлогъ, который, однако, не удался. Въ 1693 г. Нодо объявилъ, что нашелъ всего Петронія и издалъ его въ Роттердамѣ. Онъ увѣрялъ, что получилъ этотъ полный экземпляръ Петронія отъ какого-то Дюпена, который будто бы нашелъ его въ Бѣлградѣ въ 1688 г. Многіе сначала повѣрили этому подлогу, но впослѣдствіи онъ былъ обнаруженъ.

**) О происхожденіи и первоначальномъ характерѣ римской сатиры см. въ моей статьѣ «О началѣ римской комедіи», въ *Пропилеяхъ*, т. II, стр. 148.

салась частію стихами, частію прозою, частію по-латыни, частію по-гречески *).

Этими же характеромъ, за исключеніемъ только греческой рѣчи, отличается и Петроніева сатира. Въ составъ этого произведения, написаннаго прозою, входятъ нѣсколько превосходныхъ стихотвореній, изъ которыхъ самое значительное, по объему и содержанію, извѣстно подъ именемъ *de bello civili* **).

Впрочемъ, романъ Петронія напоминаетъ Варронову сатиру только внѣшнимъ своимъ видомъ. Что же касается содержанія этой повѣсти, то оно представляетъ собою любопытный образецъ *Милетскихъ разсказовъ*, заимствованныхъ Римлянами у Грековъ.

Въ періодъ политическаго ничтожества Греціи, когда исчезла въ этой странѣ общественная жизнь и ее замѣнила жизнь частная, для наполненія ея, въ греческой литературѣ явилась новая отрасль. Возникъ особый родъ литературы, имѣвшій цѣлю развлеченіе читателя. Эта литература началась съ рѣчей, выдуманныхъ на разныя темы, и потомъ перешла къ многообразнымъ житейскимъ предметамъ, преимущественно веселаго и эротическаго содержанія, къ описанію любовныхъ похожденій, и т. д. Эта литература особенно хорошо принялась и процвѣла въ богатомъ и развращенномъ Милетѣ, такъ-что самыя повѣсти, отличающіяся означеннымъ направленіемъ, усвоили себѣ, по имени этого города, названіе *Милетскихъ разсказовъ* ***). Изобрѣтателемъ ихъ считается какой-то Аристидъ изъ Милета.

*) Варронова сатира называлась въ древности также *Менипповою* (Menippea) и *циническою* (cynica), по имени циника Мениппа, которому римскій волигисторъ подражалъ въ своихъ сатирахъ. См. Gell. Noct. Att. II, 18. Къ сожалѣнію, изъ нихъ дошли до нашего времени только самыя незначительныя отрывки, да еще отдѣльныя заглавія, изъ которыхъ можно видѣти, что онѣ отличались большимъ разнообразіемъ и не лишены были политическаго направленія. Такъ, напримѣръ, одна изъ нихъ называлась *Tricipitina* т. е. трехголовая сатира, потому что Варронъ говорилъ въ ней о трехъ главахъ римскаго государства, и она была направлена противъ триумвирата Помпея, Цезаря и Красса. Замѣчу кстати, что уясненію означенныхъ отрывковъ, и вообще вопроса о Варроновой сатирѣ, очень много способствовало въ недавнее время сочиненіе Элера: *M. Terentii Varronis satirarum Menippearum reliquiae*. Ed. Fr. Oehler. Lips. 1844.

***) Впрочемъ, новые издатели озаглавливали это стихотвореніе и другимъ образомъ, напримѣръ *Carmen de luxu Romanorum*, *Carmen de pessimis Romanorum moribus* и пр.

****) *Μιλῆτικὰ, Μιλῆσιον λόγια.*

Эти произведенія сдѣлались извѣстными Римлянамъ въ періодъ походовъ ихъ въ Грецію и въ Малую Азію, и до того нравились имъ, что, по словамъ Плутарха *), въ войскѣ Красса, во время экспедиціи его противъ Парвянъ, почти всякій офицеръ имѣлъ въ своемъ ранцѣ такіе Милетскіе рассказы. Переводомъ ихъ на латинскій языкъ въ-особенности прославился Сизенна.

Въ періодъ имперіи множество такихъ рассказовъ было распространено по разнымъ частямъ римскаго государства, но до нашего времени почти ничего не сохранилось изъ этой богатой литературы.

III.

Относительно личности автора *Satiricōn* и времени, къ которому онъ долженъ быть отнесенъ, мнѣнія новыхъ критиковъ очень не одинаковы. Одни относятъ его къ царствованію Августа, другіе къ вѣку Антониновъ и даже къ четвертому столѣтію **). Всѣ эти мнѣнія имѣютъ, однако, одно основаніе — языкъ Петронія. Нѣкоторые смотрятъ на этотъ языкъ, какъ на достойный лучшихъ періодовъ римской литературы, другіе видятъ въ немъ всю порчу вѣковъ послѣдующихъ. Конечно, манускриптъ, въ которомъ дошла до насъ произведеніе Петронія, очень испорченъ, но и независимо даже отъ этой причины, нужно сознаться, что языкъ во многихъ мѣстахъ *Satiricōn* отличается большими странностями, и нѣкоторыя выраженія въ этой повѣсти, не смотря на всѣ усилія комментаторовъ, до-сихъ-поръ остаются совершенно непонятными. Стараются объяснить эти *solecismes* тѣмъ, что авторъ намѣренно заставляетъ говорить ими людей, принадлежащихъ къ низшимъ классамъ общества. Это особенный, непонятный намъ *жаргонъ* римскихъ гулякъ. Вообще нужно замѣтить, что языкъ Петронія приравленъ къ общественному и нравственному положенію всѣхъ лицъ, дѣйствующихъ въ его романѣ. Въ словахъ

*) Crass. 32.

**) Нибуръ, а за нимъ и Лакманъ, полагаютъ, что Петроній долженъ быть отнесенъ къ III вѣку по Р. Х., къ царствованію Александра Севера. Этотъ взглядъ Нибуръ изложилъ въ небольшой статіѣ: *zwei klassische lat. Schriftsteller des dritten Jahrhunderts*, написанной имъ въ 1821 г. и перепечатанной потомъ въ его: *Kleine historische und philologische Schriften*. Bonn 1828. Въ первой части этой статьи Нибуръ доказываетъ, что и Квинтъ Курцій Руфъ долженъ быть отнесенъ къ III вѣку.

богатаго выскочки Тримакхіона слышится рѣчь римскихъ простодупцовъ, которая дѣлается гораздо изящнѣе въ устахъ образованнаго Грека Эноклія, а языкъ, которымъ говоритъ поэтъ Евмошъ, отличается большою напыщенностію. Кромѣ простонародныхъ словъ, рѣчь разсматриваемой повѣсти очень пестрятъ слова и выраженія, заимствованныя изъ греческаго языка. Наконецъ, какъ справедливо замѣтилъ уже Бурманъ, если бы авторъ древняго романа жилъ въ эпоху совершеннаго упадка литературнаго вкуса, то не могъ бы такъ чувствовать этого упадка, не могъ бы такъ тонко и остро смѣяться надъ риторамъ и поэтами своего времени. Этими остроумнымъ насмѣшкамъ посвящены, какъ извѣстно, начальные, въ высшей степени замѣчательныя главы *Satiricón*. Упадокъ литературнаго вкуса въ современномъ ему обществѣ авторъ очень мѣтко приводитъ здѣсь въ связь съ безобразнымъ устройствомъ римской школы. Словомъ, въ *Satiricón* видно только начало той литературной порчи, которая, во минованіи золотого вѣка, сдѣлала такіе колоссальные успѣхи въ римской литературѣ.

Все это заставляетъ насъ присоединиться къ мнѣнію, давно уже, впрочемъ, преобладающему въ наукѣ, что авторъ названнаго романа тотъ самый Петроній, которому Тацитъ посвятилъ двѣ очень любопытныя главы въ шестнадцатой книгѣ своей «Лѣтописи» *). Теперь уже почти никто не сомнѣвается въ томъ, что это извѣстный современникъ и любимецъ Нерона, умѣвшій соединить съ самою разсѣянною, преданною удовольствіямъ жизнью большую твердость характера, которую онъ выказалъ въ управленіи Вионніею. Петроній **) понравился Нерону своимъ умѣньемъ разнообразить удовольствія, и тѣмъ сдѣлался для него необходимымъ человѣкомъ. Вскорѣ, однако, Петроній возбудилъ зависть въ Тигеллинѣ, который оклеветалъ его, и другъ Нерона избѣгнувъ казни только тѣмъ, что добровольно лишилъ себя жизни. Это было въ шестьдесятъ седьмомъ году. Вотъ какъ объ этомъ рассказываетъ Тацитъ:

«Я долженъ упомянуть въ нѣсколькихъ словахъ о предшествующей жизни Петронія. День посвящать онъ сну, а ночь за-

*) 18-ю и 19-ю.

**) Прозвище *Arbiter* Петроній получилъ не при жизни своей, а позже, можетъ быть, вслѣдствіе того, что Неронъ, по словамъ Тацита, называлъ своего любимца *arbiter elegantiae*. Замѣтимъ еще кстати, что собственное имя Петронія было не *Кай*, какъ до-сихъ-поръ еще многіе пишутъ, а *Тимъ*.

нѣтямъ и удовольствіямъ, и какъ другіе приобрѣли себѣ славу дѣятельностью, такъ онъ лѣнью. Впрочемъ, Петронія не считала грязнымъ мотомъ, какъ большую часть расточителей, а чело­вѣкомъ, умѣвшимъ пользоваться богатствомъ, и чѣмъ распу­щеннѣе были его слова и поступки, чѣмъ болѣе они обличали въ немъ пренебреженіе къ самому себѣ, тѣмъ болѣе нравились, имѣя видъ какой-то какъ бы врожденной простоты. Однако, бу­дучи проконсуломъ Вивиніи и вслѣдъ за тѣмъ консуломъ, онъ выказалъ себя чело­вѣкомъ дѣятельнымъ и способнымъ къ дѣ­ламъ. Потомъ, вдавшись въ развратъ, или только притворяясь чело­вѣкомъ развратнымъ, онъ былъ принятъ Нерономъ въ пе­большой кружокъ его приближенныхъ, какъ судья во всѣхъ во­просахъ, касавшихся изящнаго вкуса, и Неронъ, при избіиіи, которое его окружало, находилъ приятнымъ и угоднымъ только то, что одобрялъ Петроній. Это самое возбудило зависть въ Ти­геллинѣ, смотрѣвшемъ на Петронія, какъ на своего соперника, который лучше его зналъ цѣну удовольствіямъ. Тигеллинъ за­тронулъ свирѣпость цезаря, зная что ей уступать всѣ другія его страсти, обвинилъ Петронія въ дружбѣ съ Спевинномъ, под­купилъ одного раба къ доносу, отнялъ у Петронія всѣ средства къ защитѣ и большую часть его домочадцевъ заключилъ въ оковы.

«Въ это время цезарь случайно отправился въ Кампанію. Пе­троній (слѣдуя за нимъ) доѣхалъ до Кумъ, и былъ тамъ задер­жанъ. Не желая долго оставаться между страхомъ и надеждою, онъ, однако, не разомъ покончилъ съ жизнью, а надрѣзавъ жилы, то перевязывалъ ихъ, то открывалъ, по произволу. Между тѣмъ онъ разговаривалъ съ друзьями о пустыхъ предметахъ, и во­обще не о такихъ, которые бы могли доставить ему славу че­ловѣка съ твердымъ характеромъ. Въ тоже время онъ слушалъ, какъ друзья читали ему не о безсмертін души и не о взглядахъ разныхъ мудрецовъ, а легкія произведенія и игривые стишки. Однихъ изъ своихъ рабовъ онъ щедро награждалъ, а другихъ ве­лѣлъ высѣчь, ужиналъ, потомъ легъ спать, чтобы смерть его, хотя насильственная, казалась естественною. Въ завѣщаніи сво­емъ онъ не достигъ, подобно большей части осужденныхъ на смерть, ни Нерону, ни Тигеллину, ни вообще кому-нибудь изъ сильныхъ людей, а описалъ въ немъ преступленія цезаря, обо­значивъ имена развратныхъ мужчинъ и женщинъ, и новость каждаго блуда. Запечатавъ свое завѣщаніе, онъ отослалъ его

къ Нерону. Перстень (служившій печатью) Петроній изломалъ, чтобы онъ не послужилъ кому-нибудь во вредъ.»

Неронъ, безъ сомнѣнія, постарался уничтожить завѣщаніе Петронія, и потому этотъ интересный историческій документъ не дошелъ до нашего времени. Во всякомъ случаѣ, совершенно ложно мнѣніе, будто духовная Петронія и *Satiricón* одно и тоже. Въ своемъ завѣщаніи, какъ мы видѣли, фаворитъ Нерона вывелъ, подъ собственными ихъ именами, всѣхъ соучастниковъ въ распуствахъ римскаго цезаря, между-тѣмъ какъ въ романѣ имена дѣйствующихъ лицъ вымышленныя. Все это, однако, недостаточно еще для того, чтобы отрицать тождество Петронія, о которомъ говоритъ Тацитъ, съ авторомъ *Satiricón*. Независимо отъ своего завѣщанія, Петроній могъ написать особенное сочиненіе, съ цѣлію обрисовать порочную жизнь своихъ современниковъ. Кромѣ того, нравственная сторона Петронія, такъ живо и мѣтко обрисованная Тацитомъ, совершенно соотвѣтствуетъ характеру автора *Satiricón*. Онъ съ какимъ-то особеннымъ удовольствіемъ разоблачаетъ развратъ своего вѣка и рисуетъ цѣлый рядъ соблазнительныхъ картинъ. Мы никакъ не можемъ согласиться съ мнѣніемъ Петра Бурмана, который, въ предисловіи къ своему изданію Петронія, видитъ въ этомъ авторѣ строгаго моралиста, человѣка безукоризненной нравственности, съ благороднымъ негодованіемъ, подобно Ювеналу, ратующаго противъ порока. Едва вѣришь возможности такого мнѣнія, и оно служитъ новымъ доказательствомъ, до чего иногда можетъ ослѣпить даже умнаго человѣка предубѣжденіе въ пользу любимаго писателя.

IV.

Выше уже замѣчено, что разсказъ объ эфесской матронѣ составляетъ одинъ изъ лучшихъ эпизодовъ въ романѣ Петронія. Приведемъ этотъ разсказъ, такъ-какъ, помимо своего литературнаго достоинства, онъ представляетъ для русскаго читателя еще тотъ интересъ, что находится въ тѣсной связи съ однимъ изъ памятниковъ нашей народной литературы.

«Одна эфесская матрона, говоритъ Петроній, такъ прославилась своимъ цѣломудріемъ, что женщины даже изъ сосѣднихъ странъ увлекались желаніемъ посмотрѣть на нее. Во время похоронъ своего мужа, она не удовольствовалась тѣмъ, что, по об-

щепринятому обычаю, шла за гробомъ съ распущенными волосами и била себя, на глазахъ всего народа, въ обнаженную грудь, но послѣдовала за покойникомъ въ самый склепъ. Когда, по греческому обыкновению, тѣло было поставлено въ подземелье, то матрона осталась при немъ на стражѣ, проводя въ слезахъ дни и ночи. Она такъ убивалась, что хотѣла уморить себя голодомъ, и ни родные, ни друзья не могли отклонить ее отъ этого намѣренія. Наконецъ, даже городскія власти, отвергнутыя матроною, должны были удалиться, и эта единственная, примѣрная женщина, возбудивъ общее участіе, уже пятый день проводила безъ пищи. При безутѣшной вдовѣ находилась вѣрная служанка, которая вторила ея плачу и подливала масла въ лампу, поставленную въ склепѣ, лишь только она начинала гаснуть. Въ цѣломъ городѣ только и было рѣчи что о матронѣ, и люди всѣхъ званій сознавались, что наконецъ-то просіялъ единственный и истинный образецъ цѣломудрія и супружеской любви.

«Между тѣмъ начальникъ провинціи приказалъ распять нѣсколькихъ разбойниковъ не въ далекѣ отъ того склепа, въ которомъ матрона оплакивала еще свѣжій трупъ своего мужа. Въ слѣдующую за тѣмъ ночь воишь, который стоялъ на часахъ у крестовъ и наблюдалъ, чтобы кто-нибудь не снялъ съ нихъ труповъ, для погребенія, замѣтивъ яркій свѣтъ между могилами, и услышавъ стоны, по свойственному людямъ любопытству, пожелалъ узнать, что дѣлается въ склепѣ и кто тамъ. Воишь спустился въ подземелье и, увидѣвъ красавицу, сначала остолебѣлъ, какъ будто пораженный какимъ-нибудь привидѣніемъ, или выходцемъ съ того свѣта. Потомъ, однако, примѣтивъ тѣло, которое тутъ лежало, и увидя слезы матроны, ея лицо, исцарапанное ногтями, часовой убѣдился въ томъ — какъ это было и на самомъ дѣлѣ, — что она не можетъ вынести скорби объ утратѣ своего мужа. Солдатъ принесъ въ склепъ свой скромный ужинъ и сталъ уговаривать безутѣшную вдову, чтобы она неупорствовала долѣе въ своей напрасной печали и не надрывала свою грудь бесполезными столами.

«Всѣхъ насъ ожидаетъ этотъ конецъ и это жилие, говоритъ онъ, и прочее въ томъ же родѣ, отъ чего растерзанная скорбію душа человѣка возвращается подъ власть разума. Но матрона, встревоженная утѣшеніями незнакомаго, *) еще сильнѣе

*) Вѣроятно, въ этомъ мѣстѣ должно читать *ignoti consolatione*, а не *ignota consolatione*.

начала терзать свою грудь, рвать на себѣ волосы и бросать ихъ на тѣло покойника. Воинъ, однако, не ушелъ, а продолжалъ утѣшать матрону и старался, чтобы она отвѣдала пищи. Въ это время служанка, конечно, соблазненная выпнымъ запахомъ, сдалась и сначала сама протянула руку къ обѣду, въ отвѣтъ на любезное предложеніе солдата, а потомъ, покрѣпивъ себя виномъ и пищей, начала осаждать упорство своей госпожи. Какая же будетъ тебѣ отъ того польза, говорила служанка, если ты умрешь голодною смертію и похоронишь себя заживо? если тыпустишь духъ прежде, чѣмъ рокъ осудилъ его на это.

«Или ты думаешь, чувствуютъ то прахъ и тѣни умершихъ» *)? Неужели ты хочешь оживить твоего мужа, когда тому противится сама судьба? Не лучше ли тебѣ, отбросивъ все женскіе предрасудки, наслаждаться, пока это можно, всеми удобствами жизни? Самый этотъ трупъ долженъ напомнить тебѣ о ней.

«Всякій охотно слушается, когда его принуждаютъ ѣсть или жить, а потому и матрона, которая проголодалась отъ воздержанія, продолжавшагося нѣсколько дней, допустила безъ особеннаго труда преодолѣть свое упорство и наполнила свой желудокъ съ такою же жадностію, какъ ея служанка, которая сдалась прежде.

«Впрочемъ, вамъ, конечно, извѣстно, какимъ искушеніямъ подверженъ человѣкъ, когда онъ сытъ. Воинъ повелъ атаку противъ цѣломудрія матроны съ тою же льстивою рѣчью, которую онъ прежде пытался возбудить въ ней охоту къ жизни. Юноша оказался цѣломудренной матронѣ не безобразнымъ и достаточно краснорѣчивымъ, да къ тому же и служанка старалась возбудить къ нему благосклонность въ своей госпожѣ, и заключила свои увѣщанія словами:

.... «Хочешь ли ты побороть страсть желанную?» **)

«Что долго рассказывать? Матрона не воздержала себя, и обѣдосный воинъ убѣдилъ ее какъ въ тотъ, такъ и въ этотъ.

*) Этотъ стихъ взятъ изъ того мѣста IV книги Энеиды, гдѣ Анна обращается съ утѣшеніемъ къ Дидонѣ, потерявшей своего мужа.

**) Placito ne etiam rugnabis amor? Этотъ стихъ взятъ также изъ IV книги Энеиды (ст. 38). Почти во всехъ кодексахъ и въ печатныхъ изданіяхъ Петровія къ предыдущему стиху прибавленъ и слѣдующій, т. е. 39-й стихъ означенной книги Энеиды: «Nec venit in mentem, quorum consereris arvis? Очевидно, впрочемъ, что этотъ стихъ нисколько не идетъ сюда и внесенъ въ текстъ Петровія, какъ это часто случалось, переписчиками.

разъ. Они пролежали не только ту ночь, въ которую поженлись, но весь слѣдующій и даже на третій день, притворивъ, разумѣется, двери склепа, такъ что всѣ знакомые и незнакомые, подходя къ нему, думали, что цѣломудреннѣйшая изъ женъ умерла надъ тѣломъ своего мужа. Въ восторгѣ отъ красоты своей любезной и отъ самой тайны, воинъ скупалъ изъ съѣстнаго, смотря по своимъ средствамъ, что по лучше, и съ наступленіемъ ночи приносилъ все это въ подземелье.

«Между тѣмъ родные одного изъ распятыхъ, замѣтивъ невнимательность стражи, сняли его съ креста и похоронили. Воинъ, обманутый въ то время, какъ онъ сидѣлъ у своей любезной, вмѣстѣ съ наступленіемъ дня замѣтилъ, что на одномъ крестѣ недостаетъ тѣла, и боясь наказанія, рассказалъ матронѣ о томъ, что случилось. — Миѣ нечего, говорилъ онъ, ждать судейскаго приговора, я самъ порѣшу съ жизнью мечемъ, за свое нерадѣніе; пусть только матрона приготовить могилу для человѣка, который рѣшился погибнуть, и похоронить своего друга въ томъ же роковомъ склепѣ, который принялъ ее мужа.

«Нѣтъ! отвѣчала въ той же мѣрѣ жалостливая, какъ и цѣломудренная матрона, — нѣтъ, боги не допустятъ, чтобъ я въ одно и тоже время видѣла смерть двухъ самыхъ дорогихъ для меня людей: лучше пожертвовать мертвымъ, чѣмъ погубить живаго. Сказавъ это, матрона велѣла вынуть изъ гроба тѣло своего мужа и пригвоздить его къ тому кресту, который оставался порожнимъ. Воинъ воспользовался мудрымъ совѣтомъ разумнѣйшей матроны, и на другой день народъ дивился, какимъ образомъ покойникъ очутился на крестѣ».

V.

Нѣтъ, кажется, нужды распространяться о томъ, что разсказъ Петронія объ эфесской матронѣ, приведенный нами почти въ дословномъ переводѣ, послужилъ первообразомъ для персской сказки, которая, какъ мы увидимъ, давно уже извѣстна на Руси и не разъ встрѣчается въ памятникахъ старинной нашей письменности. Повсему видно, что эта сказка составляла любимое чтеніе въ до-петровскій періодъ нашей литературы.

Очень любопытенъ вопросъ: когда и какимъ путемъ проникъ къ намъ этотъ разсказъ и превратился въ русскую народную повѣсть?

Подробное и обстоятельное рѣшеніе этого вопроса мы предоставляемъ тѣмъ изъ нашихъ спеціалистовъ, которые занимаются изученіемъ литературной исторіи старинныхъ русскихъ повѣстей и сказокъ. Мы ограничимся только нѣкоторыми замѣчаніями, по поводу разбираемой сказки.

Произведенія чужеземныхъ литературъ проникали въ нашу допетровскую письменность, какъ извѣстно, преимущественно двумя путями: первоначально византійскимъ, а потомъ польскимъ. Первое изъ означенныхъ вліяній на нашу древнюю письменность началось въ очень раннюю пору, съ того времени, какъ Византія внесла въ Русь христіанство. Вмѣстѣ съ сочиненіями догматическаго и духовно-нравственнаго содержанія, Византія передала нашимъ предкамъ много образцовъ такъ называемой свѣтской литературы, много сказаній, повѣстей и легендъ. Въ повѣствовательномъ отдѣлѣ византійской литературы, разумѣется, сохранилось многое изъ классическаго наслѣдія и, между прочимъ, разные циническіе рассказы занимали въ ней видное мѣсто, потому что были во вкусѣ читателей. Все нравственное безобразіе Западной Римской имперіи перешло въ Византію и легко уживалось тамъ рядомъ съ безконечными богословскими преніями. Подобныя произведенія легко могли переходить къ намъ непосредственно изъ Византіи. Кромѣ того, сказанія классической древности, утративъ свой первоначальный колоритъ, и передѣланныя подъ вліяніемъ позднѣйшихъ понятій, заносились къ намъ при помощи южно-славянскаго посредничества, какъ, напримеръ, исторія *Александра Македонскаго*, приписываемая псевдо-Каллисмену, и повѣсть о *Троянской войнѣ*.

Однимъ изъ означенныхъ путей, могли перейти къ намъ и *Милетскіе рассказы*, между которыми *эфесская матрона*, конечно, занимала не послѣднее мѣсто. Впрочемъ, это одно предположеніе, хотя и очень вѣроятное.

Мы, однако, не имѣемъ нужды долго останавливаться на немъ, потому что есть прямое и ясное указаніе на источникъ, изъ котораго до-петровская Русь заимствовала означенный рассказъ. *) Онъ былъ занесенъ къ намъ при помощи польскаго посредничества, которое оказало, особенно въ XVII вѣкѣ, силь-

*) Долгомъ считаемъ замѣтить, что въ этомъ отдѣлѣ нашей статьи мы воспользовались извѣстнымъ сочиненіемъ г. Пыпина: *Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ*. Спб. 1857. См. гл. IX, стр. 249 и слѣд.

ное вліяніе на старинную русскую письменность, познакомили нашихъ предковъ преимущественно съ произведеніями западной повѣсти и романа. Въ это время потребность въ легкомъ чтеніи значительно увеличилась на Руси, и западныя новеллы, проникшія къ намъ изъ Польши, встрѣчали въ массѣ русскихъ читателей едва ли не больше сочувствія, чѣмъ произведенія, которыми до этой поры почти исключительно довольствовались наши предки.

Вліянію Польши на нашу письменность благоприятствовали многія обстоятельства и въ-особенности то, что рѣчь ея была гораздо доступнѣе нашимъ стариннымъ грамотѣямъ, чѣмъ всякій другой языкъ западной Европы. «Литературныя связи съ Польшей, говоритъ г. Ныпшицъ (стр. 251) обуславливались двумя благоприятными обстоятельствами: распространеніемъ польскаго языка въ западной и южной Руси, вслѣдствіе политическаго господства, и польскимъ устройствомъ южно-русскихъ училищъ. Оживленная полемика по поводу уни и выходцы изъ южной и западной Руси сдѣлали знаніе польскаго языка въ самой Москвѣ довольно обыкновенною вещью. Переводъ съ польскаго не представлялъ большихъ затрудненій, потому что переводчику нерѣдко случалось оставлять самыя выраженія подлинника, давая только нѣкую русскую фонетическую физіономію. Притомъ переводъ могъ совершаться мало-по-малу, почти самъ собой: польская книга доставалась южно-русскимъ читателямъ и легко передѣлывалась на ихъ литературный языкъ, имѣвшій много польскихъ оборотовъ и выраженій, и потомъ, сгладивши отчасти свои польскія черты, переходила къ русскимъ читателямъ, у которыхъ съ нѣсколькими новыми поправками могла идти за русскій переводъ. Что примѣры подобнаго рода были, можно заключать изъ нѣкоторыхъ списковъ переводныхъ повѣстей, чрезвычайно отягченныхъ полонизмами; нѣсколько разныхъ списковъ даютъ возможность слѣдить за постепеннымъ преобразованіемъ языка, отъ формъ на половину польскихъ до чисто-русскаго склада. Воспитанники кievской академіи могли способствовать этому ознакомленію съ польскою литературой: ихъ польское образованіе произвело особенный книжный языкъ, представляющій странную смѣсь разныхъ началъ, такъ что и нѣсколько искусственный или натянутый языкъ переводныхъ повѣстей не былъ слишкомъ тяжелъ для того времени: къ нему привыкли также, какъ въ эпоху Петровскую привыкли ко множеству словъ иностранныхъ или буквально передѣланныхъ съ иностраннаго.»

Между другими новеллами, въ XVII вѣкѣ проникъ въ нашу

письменность, при посредствѣ польскаго вліянія, п рассказъ обт. эфесской матронѣ, но не въ видѣ самостоятельнаго произведенія, а какъ одинъ изъ эпизодовъ знаменитой въ средніе вѣка *повѣсти о семи мудрецахъ*.

Эта повѣсть имѣетъ очень длинную исторію п принадлежитъ къ числу такъ называемыхъ *странствующихъ рассказовъ*. Она повторяется во всѣхъ европейскихъ и во многихъ восточныхъ литературахъ, п первобытную редакцію этой повѣсти, относятъ къ индійской литературѣ *).

Мы не будемъ рассказывать содержанія «повѣсти о семи мудрецахъ.» Для насъ достаточно замѣтить, что въ старинной русской ея редакціи видоизмѣненный рассказъ объ эфесской матронѣ является въ видѣ притчи седьмаго мудреца п озаглавлено словами : «о нѣкомъ рыцарѣ п о женѣ его.»

VI.

Такъ какъ повѣсть о семи мудрецахъ до-сихъ-поръ еще не появлялась въ печати **), то мы считаемъ нужнымъ привести здѣсь притчу седьмаго мудреца, въ увѣренности, что сравненіе ея съ рассказомъ Петронія п съ пермскою сказкою не лишено интереса.

Вотъ какъ записана эта притча старинными русскими грамотѣями ***):

«Бысть нѣкій рыцарь, имѣя у себе жену весьма прекрасну і любяше ея паче живота своего і безъ нея не можаше ни единого часу быти. Рыцарь же той держа у себя ножъ в рукахъ і чисти ногти, жена же его играше с нимъ костью і обрѣзася у руки палець. Увидѣвъ же рыцарь на рукѣ кровь у жены своей і закручинися, отъ жалости ударись о землю і умре. Тужаше о немъ же вси людие всего града, что умре любви ради жены

*) Литературная исторія п содержаніе этой повѣсти изложены въ книгѣ г. Пыпина на стр. 252 п слѣд.

***) Недавно г. Тихонравовъ обѣщаль помѣститъ повѣсть о семи мудрецахъ въ своемъ изданіи старинныхъ памятниковъ русской письменности.

****) Заимствуемъ ее изъ Погодинскаго Сборника (N. 1772), принадлежащаго Публичной Библіотекѣ. Въ Толстовскихъ рукописяхъ редакція повѣсти о семи мудрецахъ принадлежитъ позднѣйшему времени. При этомъ долгомъ считаемъ поблагодарить Н. Н. Костомарова, который съ полною готовностію помогъ намъ разобрать старинный текстъ означенной притчи.

своея; жена же по немъ зѣло плакася і глаголюше: уподоблюся отселѣ горлицѣ і стану жити у гроба мужа своего. І погребоша его честно. Она же сотвори себѣ комору і нача жити у могилы его. Въ томъ же кралевствѣ обычай бѣше таковъ: казнь у нѣхъ егда какова вора осудятъ на смерть, егда ково повѣсятъ і стерегутъ его три дни, стрещуще его торговымъ людемъ; торговые же люди наймають рыцарей, і егда с висѣльницы кого украдутъ, за чью сторожею, і в украденнаго мѣсто того самого повѣсятъ. Во единѣ же от дни повѣсиша нѣкоего злодѣя і повелѣша его стрещи нѣкому рыцарю. Бѣ же въ то время стужа велика зѣло; онъ же увидѣ огнь въ той коморѣ, гдѣ жена живяше у гроба мужа своего, і приде к ней тотъ рыцарь, нача проситися, дабы пустила его согрѣтися, понеже зело озябъ, і глаголаше к ней: аще ли не пустиши мя, і се уже от мраза умраю. Она же рече ему: пустила бы тебя, да боюся, либо невѣжливо слово молвишъ. Онъ же нача божитися і глаголати: азъ (вѣмъ?) что ты, святая жена, любви ради мужа своего животъ свой премѣнила. Она же его пусти. Егда же согрѣся і нача глаголати: о госпоже, нынѣ что тебѣ хошу молвити, да не умѣю дерзнути, твоя ради кручины. Она же рече ему: глаголи. Рече же рыцарь: о госпоже! то есть чудная повѣсть; лутче бы жити в дому своемъ, і елико возможно, ино бы милостыня раздавая нищимъ. Она же рече ему: аще бы завѣдахъ еже тебѣ глаголати, и язъ бы тебя не пустила. Рыцарь же поиде от нея і нача мыслити: како могу ея іскусити і солгати ещѣ? І рече к себѣ: іду к ней и реку, будто моего злодѣя обѣшеннаго украли, что ми она изречеть? І приде к ней, нача у дому тискатися: госпоже! пусти мя, для Бога, хошу тебѣ всю тайну изъяснити. Она же пусти его. Рече же к ней рыцарь: о милосердая госпоже! прошу у тебя думы, злодѣя моего с висѣльницы без меня украли, самого же меня в то мѣсто повѣсятъ, О госпоже! ты помози мнѣ, Бога ради, избыти сѣя бѣда. Она же рече: брате! жаль мнѣ тебя, что еси главу свою потерялъ. Аще ли сдѣлаеши по моему совѣту ты, і ты избудеши смерти, не потеряеши живота своего. Онъ же рече ей: о любимая! все сотворю по твоему велѣнію. Она же рече ему: аще ли поимешь меня въ жену себѣ? Онъ же рече ей: азъ же зѣло радъ тому, видячи твою ласку к себѣ, что меня убогаго рыцаря хоцещи имѣти в мужа. Она же рече ему: ничѣмъ ты пзбавити не могу, токмо своимъ мужемъ; ты же убо его возми і повѣси в мѣсто злодѣя. І сташа копати і изъясаша мертваго из гроба. І рече ей рыцарь: у того злодѣя были раны: глаза оба

были выколоты і зубы выбиты: его осмотрятъ. Она же рече ему: возми камень да выбей зубы. Онъ же рече: намъ не подобаеъ у мертваго дѣлати. Она же возьмъ камень і выбиша у него зубы і глаза выколуна. І рече ему: возми і повѣсп вмѣсто злодѣя. Рыцарь же рече ей: еще боюся: тотъ злодѣй пмѣлъ у себя на глазѣ три раны сабельныхъ, да срамный удъ вырѣзанъ. Она же рече ему: возми саблю, да сѣки по главѣ і срамный удъ вырѣжи. Онъ же рече ей: не подобаеъ намъ рыцаремъ того дѣлати. Она же рече ему: не видѣхъ убо такова тороплива, каковъ ты. І возьмъ меч і нача сѣчи его по главѣ, і срамный удъ вырѣза. І рече ему: іди, возми и повѣси его в мѣсто злодѣя. Онъ же возьмъ і отнесе до его родителей, і на утрие пришедше родители, яша ю, і гробъ раскопаша і не обрѣтъ мертваго; і вшедше і казниша ю».

VII.

Мы представили три редакціи одного и того же разсказа. Извѣстнѣя, которымъ онъ подвергся, составляютъ обычное явленіе въ памятникахъ народной литературы. Старинная русская редакція этой повѣсти внесла въ нее различныя циническія подробности, которыхъ мы не находимъ ни у Петронія, ни въ пермской сказкѣ, если только послѣдняя записана въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она извѣстна народу. Любопытно было бы изслѣдовать, присочинилъ ли старинный русскій грамотѣй самъ эти подробности, или заимствовалъ ихъ изъ польскаго текста. Первое предположеніе мы находимъ болѣе вѣроятнымъ. Во всякомъ случаѣ, современная редакція разсматриваемой повѣсти ближе подходитъ къ Петроніеву разсказу, который она передаетъ въ извлеченіи, чѣмъ наша старинная притча «о нѣкоемъ рыцарѣ и о женѣ его».

Мы даже сомнѣваемся, состоитъ ли пермская сказка въ непосредственной связи съ этою притчей, или, можетъ быть, заимствована изъ другаго источника. Дѣло въ томъ, что древнеклассическій романъ, о которомъ мы говорили выше, появился въ русскомъ переводѣ, въ исходѣ прошлаго или въ самомъ началѣ нынѣшняго столѣтія, подъ страннымъ заглавіемъ: «Петронія Арбитра гражданская брань». *) Нѣтъ ничего невѣроятнаго

*) См. Петронія Арбитра гражданская брань. Перевесъ съ латинскаго Михаилъ Муравьевъ. Спб. (с. а.). Впрочемъ, переводчикъ этого произведенія,

въ предположеніи, что именно этотъ переводъ послужилъ матеріаломъ для современной передѣлки разсказа объ эфесской матронѣ.

Въ заключеніе замѣтимъ, что всякому, вникавшему въ нашъ бытъ, становится понятнымъ, почему этотъ разсказъ могъ получить у насъ значеніе народной сказки, которая — въ томъ нѣтъ сомнѣнія — охотно слушается нашимъ простолюдиномъ не въ одной только Пермской губерніи, но и въ другихъ мѣстностяхъ Россіи. Невысокій взглядъ на женщину, составляющій главный мотивъ разсматриваемаго разсказа, господствовалъ не только въ древней Руси, но и до-сихъ-поръ еще преобладаетъ въ нашемъ народѣ. Кромѣ того, лишенный почти всѣхъ средствъ умственнаго и нравственнаго образованія, онъ сочувствуетъ цинизму въ словахъ и въ жизни, а *эфесская матрона* прямо отвѣчаетъ такому направленію и складу мысли русскаго человѣка. Къ сожалѣнію, это фактъ неопровержимый, хотя и очень печальный.

Михаилъ Никитичъ Муравьевъ, бывший нѣкоторое время попечителемъ московскаго университета (1803—1807), принадлежитъ къ числу самыхъ благородныхъ и просвѣщенныхъ дѣятелей въ исторіи нашей цивилизаціи. См. Шевырева: Исторія Московскаго Университета стр. 321 и ср. стр. 388. Самое появленіе на русскомъ языкѣ этого произведенія съ обозначеніемъ имени переводчика, выставляетъ его въ хорошемъ свѣтѣ не только какъ ученаго, но и какъ человѣка. Замѣчательно, что переводчики Петронія стараются обыкновенно скрыть свое имя, считая такой трудъ неприличнымъ. Мы имѣемъ подъ руками старинный нѣмецкій переводъ Петронія, появившійся почти одновременно съ трудомъ Муравьева, подъ заглавіемъ: *Begebenheiten des Enkolp. Aus dem Satyricon des Petron. übersetzt. Rom, 1773.* Въ предисловіи, написанномъ въ юристическомъ тонѣ, неизвѣстный переводчикъ, принадлежавшій, какъ по всему виду, къ замѣчательнымъ литераторамъ своего времени, на цѣлыхъ страницахъ старается оправдать себя въ томъ, что усвоилъ нѣмецкой литературѣ такого неприличнаго писателя, какъ Петроній. «Zürnen Sie nicht, говоритъ этотъ переводчикъ, über mich armen Uebersetzer! ich dürfte ja dieses Satyricon nicht besser machen, als es ist.» Точно такъ же и новый нѣмецкій переводъ Петронія, изданный въ Берлинѣ въ 1845 г., принадлежитъ къ числу анонимныхъ литературныхъ трудовъ. Странно, что въ ученой Германіи до-сихъ-поръ еще встрѣчается какая-то мѣщанская щекотливость даже тамъ, гдѣ дѣло идетъ о наукѣ. Муравьевъ, какъ видно, смотрѣлъ на это дѣло глазами просвѣщеннаго человѣка, что особенно замѣчательно для его времени. Притомъ онъ, безъ сомнѣнія, понималъ, что Петроній, при всемъ своемъ цинизмѣ, не удивитъ нашихъ современниковъ, которые съ юныхъ лѣтъ привыкли восхищаться Бокаччіо, Лафонтеномъ, Кребильономъ, Парни, и т. д.

Относительно Пермской губерніи, онъ разительно подтверждается нѣкоторыми страницами обширной статьи г. Рогова, помѣщенной въ упомянутомъ сборникѣ, подъ заглавіемъ: «Матеріалы для описанія быта Пермяковъ.» Стоитъ только прочитать описаніе пермятскихъ святочныхъ игрнщъ, *) чтобы убѣдиться, до чего доводитъ иногда такъ часто прославляемая патріархальность нашихъ нравовъ. Въ примѣчаніи къ стр. 71 редакторъ сборника говоритъ слѣдующее: «Отцы совершенно не заботятся о поведеніи дѣтей, родственники развратничаютъ между собою, и парни охотно женятся на дѣвкахъ, не только явно — беременныхъ, но и на такихъ, у которыхъ есть уже взрослые дѣти. Коим! — спрашиваютъ Пермяка — зачѣмъ берешь дѣвку съ мѣрномъ (такъ называется всякое незаконнорожденное дитя, ибо отцомъ его считается мѣръ)? Ради мѣрена и беру, бачка — отвѣчаетъ Пермякъ — онъ теперь борноволокъ, а скоро будетъ работникъ».

Будемъ надѣяться, что эта безнравственность нашего простонародья — явленіе временное, переходное. Наше образованное общество только теперь начинаетъ сознавать, что въ этомъ случаѣ оно само много виновато передъ народомъ. Уничтоженіе крѣпостнаго права, воскресныя школы и вообще возникающій у насъ частный зачинъ въ дѣлѣ народнаго образованія — все это, будемъ надѣяться, положитъ прочную основу нравственному перерожденію русскаго простолюдина, облагородитъ его воспримчивый умъ и доброе сердце, и мало-по-малу истребитъ въ немъ слѣды отвратительнаго цинизма, хотя бы заимствованныя изъ древне-классическаго міра.

И. БЛАГОВѢЩЕНСКІЙ.

*) Наприм., на стр. 67.

ОБЗОРЪ СОВРЕМЕННЫХЪ КОНСТИТУЦІЙ *).

Статья четвертая.

Конституціи Скандинавскихъ государствъ **).

I.

Три скандинавскія государства — Швеція, Норвегія, Данія имѣли одно происхожденіе, одну цивилизацію, въ основѣ которой лежалъ свободный землевладѣлецъ и народное вѣче, отсутствіе германскаго феодализма. Историческія судьбы ихъ связаны другъ съ другомъ, — то все трое онѣ соединялись, то по парно, Данія и Норвегія, или теперь Швеція и Норвегія. Несмотря на такое единство начала, они пришли, вслѣдствіе историческихъ причинъ, къ различнымъ формамъ политической жизни. Швеція строго сохранила средневѣковыя сословныя различія и представляетъ единственное государство въ мірѣ, гдѣ представительное собраніе состоитъ изъ четырехъ камеръ-дворянъ, духовныхъ, горожанъ и крестьянъ; Данія представляетъ монархію чисто парламентарную, конституція ея почти буквально списана съ французской 1789 — 1791 годовъ; Норвегія — чистая

*) См. Русское Слово 1859 г. N. 11, 1860, NN. 1, 3, 7.

**) Pölitik, t. 3, — Collection etc. Dufau, Duvergier et Gaudet, t. 3. Для узнанія исторіи и духа шведскихъ государственныхъ учреждений весьма полезны превосходныя статьи французскаго ученаго Жефруа (Geffroy), помѣщаемыя изъ постоянно съ 1854 года въ журналѣ *Revue des deux Mondes*.

демократическая республика съ наследственнымъ президентомъ—королемъ.

Шведская конституція оригинальна не только по положенію сословій, но и по религіозному характеру. Швеція — классическая страна лютеранизма, который впрочемъ удержалъ здѣсь католическую іерархію. Исключительно-религіозный характеръ народа выразился въ непризнаніи политическихъ правъ за всѣми не-лютеранами, въ наказаніяхъ за оставленіе господствующей религіи и, наконецъ, въ религіозной власти короля. Никогда и ни въ одномъ христіанскомъ государствѣ король не имѣлъ такой религіозной власти, какъ въ Швеціи. Онъ не только глава церкви, назначающій во всѣ церковныя должности и наблюдающій за вѣншимъ благочиніемъ культа, — онъ верховный первосвященникъ. Король Густавъ IV, заставившій свою супругу читать въ первую ночь брака книгу Эсфирь съ указаніемъ, что жена должна смотрѣть на него, какъ Эсфирь на Ассуира, или Густавъ III, съ короной на головѣ и съ молитвенникомъ въ рукахъ, поющій *Te Deum* въ засѣданіи государственныхъ чиновъ, вѣрно представляютъ этотъ типъ. «Король, говоритъ Тротель, есть глава церкви, и вмѣстѣ съ государственными чинами составляетъ высшій церковный авторитетъ. Онъ можетъ наравнѣ съ короной носить папагію. Ничто не препятствуетъ ему говорить проповѣди и совершать таинства. Къ нему обращаются съ просьбами, объ измѣненіяхъ въ церковномъ устройствѣ. Религіозная реформа не можетъ иначе произойти, какъ съ согласія чиновъ и утвержденія короля. Священныя книги, обрядовыя и церковныя учебники пересматриваются только съ разрѣшенія короля. Государь шведскій имѣетъ право сочинять псалмы, литургіи, катехизисы и вводитъ ихъ въ употребленіе....»

При всемъ этомъ религіозномъ значеніи государя, шведская нація съ самыхъ древнихъ временъ выражала то понятіе объ отношеніяхъ государя къ народу, которое считается произведеніемъ англійской революціи 1680 г., — именно: что власть короля основана на свободномъ и обоюдномъ договорѣ съ народомъ. Это понятіе совершенно противоположное, такъ-называемому, божественному праву королевской власти, страшнымъ образомъ совмѣщалось вмѣстѣ съ религіознымъ значеніемъ государя. Швеція нѣсколько разъ провозглашала это понятіе, низлагая одну династію и возводя другую. До-сихъ-поръ сохранились въ шведской конституціи постановленія, объ избраніи короля; правда, что они существуютъ только на тотъ случай, когда династіи

пресѣчается; — но это только приличіе конституціоннаго языка, — и здѣсь надобно подразумѣвать не только естественное пресѣченіе, но и изложеніе. — Мы сказали, что Швеція нѣсколько разъ низлагала царствующія династіи. Надобно замѣтить, что она пользовалась этимъ правомъ съ величайшей умѣренностью, только тогда, когда этого требовало спасеніе отечества. Въ 1500 г. Шведы низвергли короля Альберта Мекленбургскаго и избрали Маргариту, королеву Норвежскую и Датскую; въ 1554 г. датская династія низложена, и на престолъ вступилъ Густавъ Ваза; ввукъ его, извѣстный въ нашей исторіи Сигизмундъ Польскій, былъ низложенъ государственными чинами въ 1601 г. и корона вручена его дядѣ герцогу Карлу. Карлъ XII назначилъ своимъ наследникомъ ближайшаго родственника, герцога Голштинскаго, — но государственные чины не утвердили этого назначенія и возвели на престолъ сестру Карла Ульрику Элеонору и ея мужа, принца Гессенскаго. Въ 1809 г. Густавъ IV принужденъ былъ отречься отъ престола; государственные чины, собравшіеся вслѣдъ за этимъ, объявили не только Густава, но и потомство его лишеннымъ права на корону и избрали королею дядю его герцога Зюдерманландскаго Карла. Карлъ, будучи бездѣтнымъ, усыновилъ Христіана-Августа, герцога Аугустенбургскаго и государственные чины, по предложенію короля, избрали его наследнымъ принцемъ.

Но Христіанъ вскорѣ умеръ, тогда король предложилъ сейму избрать наследнымъ принцемъ маршала Бернадота. Государственные чины согласились на предложеніе короля и французскій солдатъ былъ призванъ занять одинъ изъ древнѣйшихъ престоловъ въ Европѣ. Замѣчательно въ этомъ выборѣ то, что онъ палъ не на члена какого-либо царствующаго дома, а на человѣка, который доблестями и характеромъ приобрѣлъ себѣ славу и уваженіе. Замѣтимъ, что нынѣшняя шведская конституція, говоря о порядкѣ избранія короля въ случаѣ прекращенія царствующей династіи, не полагаетъ для кандидата условія о принадлежаніи къ какой-либо царствующей династіи.

Приводимъ здѣсь актъ избранія Бернадота, характеризующій отношенія націй къ королю.

«Мы нижеподписавшіеся государственные чины королевства Швеціи, графы, бароны, епископы, представители дворянства, духовенства, горожанъ и крестьянъ, собранные на чрезвычайномъ сеймѣ, въ городѣ Эребро, симъ утверждаемъ: такъ какъ его высочество наследный принцъ Карлъ-Августъ скончался не

оставивъ наследниковъ мужскаго пола, то рассуждая, что нашъ долгъ предотвратить опасность, которая можетъ произойти отъ вакансіи трона для независимости и спокойствія королевства и также для правъ и преимуществъ его жителей, утвержденнымъ основными законами; дѣйствуя въ то же время на основаніи права, предоставленнаго намъ 94-й статьёй конституціи 6-го Іюня 1809 г. избирать, въ означенномъ случаѣ, новую династію.

«По этимъ причинамъ, — рассуждая, что высокій и могущественный князь и господинъ Жанъ-Баптистъ Бернадотъ принцъ Понте-Корьо одаренъ добродѣтелями и качествами, которыя даютъ намъ право надѣяться пользоваться въ его царствованіе хорошимъ управленіемъ и благосостояніемъ, плодами законнаго, энергическаго и благодушнаго правительства, мы государственные чины Швеціи по предложенію нашего августѣйшаго короля, нынѣ царствующаго, и подъ условіемъ, что упомянутый принцъ Понте-Корьо приметъ евангелическо-лютеранское исповѣданіе до прибытія въ Швецію и подпишетъ условія (реверсалы), составленныя нами, — мы избрали его единогласно вольными и законными голосами за себя и за нашихъ потомковъ въ званіе наследнаго принца Швеціи, съ тѣмъ, чтобы онъ по смерти нынѣ царствующаго августѣйшаго короля нашего (да продлитъ Всевышній его дни!) царствовалъ бы надъ Швеціей и странами отъ нея зависящими, короновался бы королемъ Швеціи и принялъ присягу въ вѣрности, и управлялъ бы королевствомъ, слѣдуя буквально конституціи 1809 г., а также и прочимъ основнымъ, общимъ и специальнымъ законамъ.

«Мы также даемъ право его законнымъ потомкамъ мужскаго пола занимать престолъ Швеціи, въ томъ порядкѣ и такимъ способомъ, какъ это буквально опредѣлено въ законѣ о престолонаслѣдіи, нами составленномъ.»

Переворотъ 1809 года былъ не только династическій, но и конституціонный: утвержденная тогда конституція осталась неизмѣнной до-сихъ-поръ.

Эта конституція не представляетъ ничего новаго сравнительно съ предшествовавшими въ устройствѣ представительнаго собранія, администраціи и суда; многое только опредѣлено точиѣе. Но за то въ установленіи отношеній королевской власти къ парламъ она представляетъ много новаго, и въ этомъ основномъ вопросѣ она—средній выводъ изъ двухъ крайностей, раздравшихъ долгое время Швецію.

Исторія Швеціи представляетъ постоянную борьбу двухъ стремленій: съ одной стороны къ неограниченной монархіи, съ другой къ аристократической республикѣ. При Карлѣ XII, напримѣръ, восторжествовало абсолютное начало, а при первыхъ его преемникахъ аристократическо-республиканское. Впрочемъ, никогда дѣлю не доходило до уничтоженія монархическо-представительнаго начала: государственныя чины существовали и при Карлѣ XII, королевская власть, хотя въ самомъ ограниченномъ видѣ, всегда сохранялась, какъ неизмѣнное условіе политической жизни. Съ самыхъ старыхъ временъ политическое устройство Швеціи состояло: 1) Изъ избирательнаго короля, — впрочемъ, выборъ обыкновенно падалъ на одного изъ его дѣтей, 2) изъ собранія депутатовъ четырехъ сословій, безъ согласія которыхъ король не могъ объявлять войны, набирать войско, налагать подати, 3) изъ сената, состоявшаго изъ высшихъ сановниковъ, съ которыми король долженъ былъ совѣтоваться во всѣхъ важныхъ дѣлахъ.

Густавъ Ваза въ 1540 г. успѣлъ согласить государственныя чины на такъ называемый актъ наследственнаго соединенія, по которому королевское достоинство объявлено наследственнымъ, и только по пресѣченіи мужскаго колѣна дома Вазы чины снова получаютъ право избранія короля. Карлъ XI, пользуясь ненавистью крестьянъ къ дворянству, усилилъ еще болѣе королевскую власть; сеймъ 1682 г. объявилъ, что король отвѣтственъ только предъ Богомъ, далъ сенату только совѣщательный голосъ и притомъ только въ тѣхъ дѣлахъ, которыя королю угодно будетъ представить на его разсмотрѣніе. Карлъ XII былъ вполне полновластнымъ монархомъ. Но Шведы, которые охотно переносили тяжелую руку героя, покрывшаго ихъ славою своихъ почти баснословныхъ подвиговъ и великихъ добродѣтелей, рѣшились послѣ его смерти ограничить королевскую власть. — Обстоятельства благопріятствовали этому. Карлъ XII назначилъ наследникомъ сына старшей сестры герцога Голштинскаго, — но чины предложили престолъ его младшей сестрѣ Ульрикѣ Елеонорѣ на слѣдующихъ условіяхъ: наследственность королевской власти уничтожается; государственныя чины должны быть собираемы по крайней мѣрѣ разъ три въ года, и, если король не созоветъ ихъ въ этотъ срокъ, то они сами собою сходятся; право объявлять войну, заключать миръ и трактаты, собирать войско, издавать законы принадлежитъ исключительно сейму — король не имѣетъ даже veto; когда сеймъ на сборѣ, то всѣ функ-

ція государственной власти, даже судъ и администрація, принадлежатъ ему; въ промежутокъ между двумя сеймами король управляетъ государствомъ вмѣстѣ съ сенатомъ, при чемъ вся власть была въ рукахъ послѣдняго, — король былъ только председателемъ сената и имѣлъ два голоса. По этой конституціи королевская власть существовала только по имени, и Европа справедливо называла Швецію республикой. По старому обычаю рѣшенія сейма получали силу только по утвержденіи ихъ королемъ; конституція не рѣшилась ввести прямо положенія, что рѣшенія сейма получаютъ силу и безъ подписи короля, потому что это было бы противно чувствамъ массы народа, но взяла съ него обязательство такого рода: «Его величество обѣщаетъ быть всегда одностороннимъ мнѣніемъ съ сеймомъ.» Впослѣдствіи сеймъ, чтобы отнять у короля и самую слабую возможность выказать свою власть, распорядился удивительно оригинально: онъ велѣлъ вырѣзать печать съ именемъ короля и прикладывалъ ее къ своимъ рѣшеніямъ, объявляя, что это совершенно замѣняетъ собственноручную подпись! Народъ думалъ, что король подписываетъ законы, — а король даже и не зналъ ихъ содержанія. Всѣ эти комическія мѣры показываютъ одно: что партіи дѣйствовали для своихъ цѣлей, помимо желанія народа. Дѣйствительно, время съ 1720 до 1772 г., которое шведская аристократія называла золотой эпохой свободы, было самымъ тяжелымъ для народа и унижительнымъ для государства: Швеція стала игрушкою интригъ Россіи и Франціи.

Этотъ порядокъ былъ уничтоженъ революціей 1772 г., произведенный королемъ Густавомъ III съ помощію войска. Конституція, предложенная побѣдителемъ и принятая сеймомъ, давала полный перевѣсъ королевской власти: король получалъ право войны и мира, сенатъ уничтоженъ, не дворяне получили доступъ ко всѣмъ высшимъ должностямъ, начальство надъ арміей перешло вполне къ государю; — сеймъ, созываемый королемъ въ неопредѣленные сроки, имѣлъ власть утверждать новые налоги: но такъ какъ король имѣлъ право собирать и распоряжаться тѣми налогами, которые были установлены до революціи, и даже въ особенно важныхъ и нетерпящихъ отлагательства случаяхъ — вводитъ новые, безъ созванія чиновъ; то въ сущности онъ былъ полновластный государь, потому что онъ одинъ былъ судьей того, дѣйствительно ли обстоятельства не терпятъ отлагательства. Всѣ 57 статей конституціи 1772 г. и дополненія къ ней, изданнаго въ 1789 г. подъ именемъ акта соединенія и без-

опасности, направлены къ одному — къ дарованію преобладанія королевской власти. Въ борьбѣ политическія партіи рѣдко пользуются побѣдой благоразумно; возставая противъ крайности, побѣдитель на другой день послѣ побѣды впадаетъ въ другую. Такъ поступилъ и Густавъ III; не смотря на то, что онъ вляся своимъ приверженцамъ, что цѣль его революціи, только уничтожить дворянскую олигархію. Дворянство выказало сильное сопротивленіе стремленію короля къ неограниченной власти; офицеры отказали королю въ повиновеніи во время кампаніи противъ Россіи, — и, наконецъ, одинъ изъ нихъ Анакарстремъ убилъ короля въ маскарадѣ.

Сынъ и наслѣдникъ его Густавъ IV, пользуясь силою королевской власти, ввелъ государство въ безразсудныя войны съ Россіей и Франціей, и вообще показали, что его умственныя силы находятся въ разстройствѣ. Наполеонъ справедливо сказалъ, что онъ наслѣдовалъ отъ Карла XII, которому хотѣлъ подражать, только высокіе сапоги и безразсудство. Нѣсколько патріотовъ рѣшились возвратить отечеству политическую свободу и спасти его отъ участи Польши, которую ему готовило безразсудство короля. Шведы до-сихъ-поръ съ благоговѣніемъ вспоминаютъ имена заговорщиковъ, называя ихъ спасителями отечества. Главою заговора былъ полковникъ Адельспаръ, много другихъ офицеровъ вошло въ заговоръ, и даже дядя короля герцогъ Карлъ склонился на сторону патріотовъ. Переворотъ совершился въ нѣсколько дней: Адельспаръ взбунтовалъ два полка и повелъ ихъ на Стокгольмъ, другіе заговорщики вошли во дворецъ и арестовали короля во имя націи. Густавъ написалъ отреченіе отъ престола, чины приняли, и даже сдѣлали болѣе — объявили все потомство Густава недостойнымъ занимать престолъ Швеціи; Карлъ былъ возведенъ на престолъ и вмѣстѣ съ тѣмъ утверждена (1809 г.) новая конституція, до-сихъ-поръ дѣйствующая.

Конституція 1809 г. есть именно середина между двумя крайними стремленіями, такъ долго раздиравшими Швецію, и торжество которыхъ всегда соединялось не только съ униженіемъ противника, но и съ паденіемъ свободы. Побѣдители 1809 г. показали рѣдкое благоразуміе: они не воспользовались своимъ торжествомъ для униженія королевской власти. Новая конституція даетъ королю всѣ тѣ права, которыми пользуется корона въ другихъ парламентарныхъ государствахъ, дали даже ему нѣчто лишнее; но вмѣстѣ съ тѣмъ прочно утвердила власть представительнаго собранія.

Конституція 1809 г. ничего не говоритъ о формѣ представительства и способахъ его составленія; 114 длинныхъ параграфовъ посвящены исключительно опредѣленію взаимныхъ отношеній короны и чиновъ, устройству высшихъ административныхъ и судебныхъ мѣстъ: это потому, что форма четырехсословнаго представительства считалась такимъ естественнымъ, безспорнымъ правомъ, котораго опредѣлять было не зачѣмъ.

Вотъ въ чемъ состоитъ эта форма на основаніи прежнихъ постановленій и обычаевъ.

Четыре камеры — дворянъ, духовныхъ, горожанъ и крестьянъ, составляются ни на основаніи одного, а различныхъ началъ.

Дворянство раздѣляется на три категоріи: 1) графы и бароны, 2) кавалеры или старые столбовые дворяне, 3) фамиліи, возведенные въ дворянство не прежде царствованія Карла XI (1660—1697 г.). Глава каждой фамиліи имѣетъ право *eo ipso* присутствовать на сеймѣ, — кромѣ того полковники и нѣсколько офицеровъ генеральнаго штаба представляютъ армію. Если бы всѣ, имѣющіе право присутствовать въ камерѣ дворянъ, дѣйствительно являлись, то число членовъ ея простиралось бы до 1500 или, по нѣкоторымъ, даже до 2,500 человекъ, — по обыкновенно является отъ 400 до 600 человекъ, потому что дворяне не получаютъ вознагражденія за пребываніе на сеймѣ, такъ-что для бѣдныхъ право обращается въ тягость. Дворянинъ имѣетъ право передать голосъ другому. Отсюда происходитъ, что высшее сословіе служить орудіемъ интригъ; часто бѣдные изъ дворянъ продаютъ свое право голоса (вмѣстѣ съ дворянскимъ имуществомъ) разбогатѣвшимъ купцамъ. Это что-то въ родѣ англійской покупки военныхъ чиновъ, приложенное къ парламенту.

Такимъ образомъ, дворянское сословіе сохранило право поголовнаго представительства, — право, которымъ оно пользовалось по прежней польской и отчасти по нынѣшней (т. е. формально не уничтоженной) венгерской конституціи. Нѣсколько словъ, сказанныхъ нами прежде, достаточно показываютъ на сколько современно подобное явленіе. — Президентъ дворянской камеры, назначаемый королемъ, носитъ названіе маршала и считается вмѣстѣ съ тѣмъ главою всего собранія государственныхъ чиновъ.

Камера духовенства составляется по двумъ началамъ: по головному — влѣдствіе занятія извѣстной должности — и по выборному. Именно: всѣ архіепископы и епископы и старшій нас-

торъ стокгольмскій ео ірво члены камеры*),—далѣе епархіальныя собранія пасторовъ, пшфты и университетъ выбираютъ депутатовъ. Число членовъ духовной камеры простирается до семидесяти, но обыкновенно является не болѣе пятидесяти. Президентъ ея—архіепископъ Упсальскій.

Камера горожанъ состоитъ изъ 108 депутатовъ, изъ числа которыхъ Стокгольмъ посылаетъ десять, другіе города по три, по два и по одному, смотря по значительности. Впрочемъ обыкновенно является не болѣе сорока или пятидесяти членовъ. Депутаты получаютъ вознагражденіе отъ городовъ, а потому послѣдніе для экономіи часто соединяются въ группы и вмѣсто нѣсколькихъ посылаютъ одного депутата. Избирателемъ считается каждый горожанинъ, имѣющій недвижимую собственность,—по категоріи избираемыхъ ограничена разными старинными сложными постановленіями; — достаточно замѣтить, что въ Стокгольмѣ считается всего пятьдесятъ избираемыхъ.

Камера крестьянъ состоитъ изъ 259 депутатовъ, избираемыхъ землевладѣльцами (конечно не дворянами); обыкновенно, является на сеймъ не болѣе 120 депутатовъ этого сословія.

Мы видѣли, что изъ числа депутатовъ не является на сеймъ и половины. Причина этого заключается не въ однихъ денежныхъ расчетахъ, или, лучше, самые эти расчеты имѣютъ высшее основаніе, безъ чего можно было бы упрекнуть шведскую націю въ равнодушіи къ представительству. Основаніе это заключается въ самой формѣ представительнаго собранія: каждая ка-

*) Шведская церковь удержала католическую іерархію, облаченія и много обрядовъ, — оттого въ Швеціи переходъ въ лютеранизмъ совершился безъ большихъ волненій: народъ и не подозрѣвалъ, что произошла перемѣна, потому что внѣшность осталась прежняя. Теперь въ Швеціи считается одинъ архіепископъ-примась (Упсальскій) и двенадцать епископовъ. Шведская церковь соединена на всѣхъ ступеняхъ іерархіи съ государствомъ, такъ что каждое духовное лицо есть вмѣстѣ и политическое. Архіепископъ назначается королемъ изъ числа трехъ кандидатовъ, представляемыхъ: архіепископской консисторіей, епископальными консисторіями, и третій университетомъ. Епископъ назначается изъ трехъ кандидатовъ, избираемыхъ пасторами епархіи. Архіереи получаютъ значительные доходы (напр. Лундскій — 15,000 р. с.). Кандидатъ можетъ быть даже и не изъ духовныхъ, — бывали нерѣдко случаи, что поэты, ученые, художники въ награду и за дарованіи имъ обезпеченія получали епископскія мѣста. Пасторы избираются консисторіей изъ лицъ, получившихъ богословскую степень — по конкурсу. Пасторъ есть не только духовное лицо, но и чиновникъ правительства: онъ — нотаріусъ и ведетъ роспись бракамъ, рожденіямъ, погребеніямъ и т. под.

мера подасть голосъ отдѣльно (*curiatim*), и при составленіи сеймоваго рѣшенія каждое сословіе имѣеть одинъ голосъ, сколько бы ни было въ немъ членовъ; слѣдовательно для интересовъ сословія рѣшительно все равно сколько будетъ членовъ въ камерѣ; количество имѣло бы значеніе только въ томъ случаѣ, когда внутри каждаго сословія были бы различныя партіи съ противоположными интересами; но пока еще этого не замѣтно въ Швеціи: камеры ревниво охраняють свои отдѣльные интересы; часто въ важныхъ вопросахъ, напримѣръ о свободѣ вѣроисповѣданія, сословія не сходятся въ мнѣніяхъ, — но все-таки дѣлыя сословія, — а внутри ихъ не замѣтно отдѣльныхъ сильныхъ партій. Конечно, когда великій вопросъ о реформѣ сейма (о чемъ мы будемъ говорить дальше) установится прочно, тогда появятся расколы въ сословіяхъ, и тогда каждое изъ нихъ явится на сеймѣ въ конституціонномъ комплектѣ.

Конституціонное рѣшеніе составляется большинствомъ числа камеръ, т. е., если три изъ нихъ согласны и король утверждаетъ, то законъ получаетъ силу. Если двѣ камеры согласны, а другія двѣ противнаго мнѣнія, то въ нѣкоторыхъ случаяхъ наряжается смѣшанная коммиссія для выработанія измѣненія проекта. Но для ревизіи конституціи и измѣненія правъ сословія требуется согласіе всѣхъ четырехъ камеръ и короля, — и притомъ такъ, чтобы два собранія сряду приняли предложеніе о ревизіи, и тогда третье можетъ приступить къ дѣлу.

Естественно, что два высшія сословія не хотятъ и слышать о реформахъ въ духѣ новой цивилизаціи, потому что тогда они потеряютъ свои несправедливыя привилегіи, по этому дѣло реформы представительства до-сихъ-поръ не имѣло успѣха. За реформу стоятъ не только два низшія сословія (крестьянъ и горожанъ), но также король и либеральное меньшинство дворянской партіи, — но не смотря на вліяніе короля при составленіи двухъ первыхъ камеръ *), не придвинется еще воз-

*) Король имѣеть право жаловать дворянское достоинство (также титулы графа и барона) и высшіе военные чины, слѣдовательно можетъ ввести въ дворянскую камеру множество лицъ, ему обязанныхъ; епископы назначаются изъ числа трехъ кандидатовъ, представляемыхъ капитуломъ, т. е., собраніемъ пасторовъ, назначеніе которыхъ опять происходитъ съ участіемъ короля. По этому, въ другихъ государствахъ такія политическія сословія были бы покорными слугами короля. Самостоятельность ихъ въ Швеціи показывается съ выгодной стороны и правительствомъ и народнымъ характеръ.

возможности склонить большинство ихъ. На сеймѣ 1840 г. графъ Анакарвердъ сказалъ, что въ Швеціи все требуетъ реформы: законодательство, торговля, ремесла, войско, флотъ, народное просвѣщеніе, — но дворянство на каждую прогрессивную мѣру смотритъ, какъ на революціонную. Извѣстно, что король Оскаръ безуспѣшно старался о дарованіи свободы вѣроисповѣданія, — двѣ высшія камеры парализовали его стремленія. Естественно, что либеральная партія желаетъ реформы представительства, потому что при нынѣшней его формѣ пасторы и нѣсколько сотъ дворянъ останавливаютъ движеніе цѣлой націи.

Всякая привилегія ненавистна, потому что не можетъ существовать для одного иначе, какъ со вредомъ для другаго; только вслѣдствіе важныхъ причинъ, государство допускаетъ сословныя привилегіи. Мы видѣли, что сословное раздѣленіе имѣло въ средніе вѣка и новое время до конца XVIII вѣка свое основаніе въ самой жизни, — что по этому представительство по сословіямъ, независимо отъ числа лицъ въ каждомъ, и притомъ такъ, чтобъ каждое подавало голосъ отдѣльно, было въ то время разумнымъ. Но въ наше время, когда сословія невилировались, когда явились великіе національные интересы, такое представительство ложно, — оно не есть выраженіе націи. Въ германскихъ государствахъ сдѣланъ шагъ впередъ: хотя представительство существуетъ по сословіямъ, но всѣ они составляютъ одну общую камеру (если камеръ двѣ, — то и въ высшей не одни дворяне); но Швеція осталась назади даже германскихъ государствъ.

Въ 1834 г. на сеймѣ сдѣлано было предложеніе о реформѣ самой умѣренной, въ германскихъ раздѣлахъ: каждое изъ четырехъ сословій избираетъ равное число представителей, всѣ они составляютъ одну камеру и вотируютъ поголовно (*vigiatim*), а не посословно, — это предложеніе было отвергнуто. Король Оскаръ представилъ въ 1846 и 1848 годахъ новые проекты: двѣ камеры, — первая изъ 120 лицъ назначаемыхъ королею на девять лѣтъ, вторая изъ 120 депутатовъ отъ всей націи, безъ различія сословій. Проектъ этотъ былъ отвергнутъ всѣми партіями, потому что не удовлетворялъ ни одной изъ нихъ: для консерваторовъ онъ былъ революціонный, для либераловъ онъ ка

Если въ народѣ развито чувство свободы, то и корпусъ, составленный изъ участіи правительства будетъ самостоятеленъ, — а если этого нѣтъ, то бесплодны всѣ мѣры конституціи.

заяся слишкомъ робкимъ, и имъ справедливо несправдливо въ проектѣ сильное развитіе начала ценза, они рассчитывали, что по проекту были такіе разряды, что богатый гражданинъ имѣлъ въ 180 разъ болѣе голосовъ нежели бѣдный. Либеральная партія выставила на конгрессѣ въ Эребро 4 Іюня 1849 года слѣдующую программу: «Представительство должно быть основано на всеобщей подачѣ голосовъ; избраніе происходитъ на двухъ степеняхъ, — (однимъ избиратель со 100 сельскихъ и съ 50 городскихъ жителей); двѣ камеры, обѣ составленныя изъ выборныхъ.» Либеральная партія основываетъ свои надежды на демократической Норвегіи, она грозитъ разрушеніемъ союза въ случаѣ дальнѣйшаго упорства аристократіи.

Настоящая система шведскаго представительства при своемъ коренномъ недостаткѣ, страдаетъ кромѣ того страшной путаницей при составленіи и движеніи на практикѣ. Напримѣръ, дворяне, вступившіе въ духовное званіе, пасторы, пріобрѣтшіе дворянство, въ какомъ сословіи должны подавать голоса? Или, — граждане, имѣющіе въ уѣздахъ фабрики, не могутъ подавать голоса ни въ одномъ изъ четырехъ сословій; они не горожане, потому что не живутъ въ городахъ и не имѣютъ тамъ недвижимой собственности, — они и не крестьяне, потому что не принадлежатъ къ составу сельской общины. Законъ 1820 года поправилъ этотъ пропускъ конституціи, давши права владѣтелямъ рудниковъ и желѣзныхъ заводовъ избирать трехъ депутатовъ, которые причислены къ камерѣ горожанъ. Ученый, литераторъ, художникъ — не имѣютъ права избранія, пока не получаютъ дворянскаго достоинства или не пріобрѣтутъ правъ горожанина. По медленности движенія дѣлъ, шведскій сеймъ можетъ соперничать съ германскимъ. Предложеніе обсуживается каждымъ сословіемъ порознь, составляются амендементы, которые опять идутъ на обсуживаніе всѣхъ камеръ и т. д. По этому литература протоколовъ процвѣтаетъ здѣсь также, какъ и на Франкфуртскомъ сеймѣ; — но эти упражненія стоятъ довольно дорого: сеймъ въ 1838 году истратилъ девяносто тысячъ рейхсталеровъ (около 130,000 рублей серебромъ) на напечатанье протоколовъ! Изъ этого можно видѣть, какого объема и вѣса эти протоколы, которыхъ, по признанію самихъ Шведовъ, никто не читаетъ.

По конституціи 1809 года сеймъ собирается разъ въ пять лѣтъ, кромѣ чрезвычайныхъ случаевъ; засѣданія продолжаются три мѣсяца. Въ 1840 году постановлено собирать сеймъ разъ въ три года.

Положеніе конституціонныхъ властей въ Швеціи представляеть много своеобразнаго. Въ ней нѣтъ строгаго раздѣленія законодательной, судебной и исполнительнѣйшей власти.

Сеймъ, напримѣръ, имѣеть высшій контроль надъ юстиціей, государственное казначейство исполнѣе подчинено ему, такъ-что онъ не только вотируетъ налоги, но смотритъ и за ихъ правильнымъ употребленіемъ; король съ своей стороны обладаетъ не только исполнительнѣйшей властью, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ и предсѣдательствуетъ въ верховномъ судѣ; король и сеймъ составляютъ высшую церковную власть; устройство высшей администраціи и ея значеніе — также во многомъ отлочно отъ другихъ европейскихъ государствъ.

Король есть глава государства, онъ управляетъ государствомъ самъ одинъ, какъ выражается 4-я статья конституціи; для обозначенія правительства существуетъ только одно слово: король. Это одно изъ отличій Швеціи отъ парламентарныхъ монархій. Въ этихъ послѣднихъ, на основаніи знаменитаго положенія *le roi regne, mais ne gouverne pas*, управляетъ государствомъ министерство и глава его, первый министръ, есть дѣйствительный правитель, — только временный, смѣна котораго зависитъ отъ короля. Но этому въ парламентарныхъ государствахъ всѣ нападенія дѣлаются не на государя, а на министерство, — король вездѣ не подлежитъ отвѣтственности. Одно изъ видимыхъ отличій парламентарной монархіи отъ просто-представительной состоитъ въ этомъ устройствѣ отвѣтственности министерства. Во Франціи имперія уничтожила отвѣтственность министровъ и самое званіе перваго министра, объявивши, что министры только исполнители воли императора. Въ Швеціи повсе не существуетъ министерства; есть два статсъ-секретаря — юстиціи и иностранныхъ дѣлъ, но съ другимъ значеніемъ, — а вся администрація состоитъ въ завѣдываніи не отдѣльныхъ лицъ, а коллегій. (NB. Старое шведское установленіе, заимствованное Петромъ Великимъ для Россіи).

Въ помощь королю учрежденъ государственный совѣтъ, вмѣсто прежняго полновластнаго сената; совѣтъ имѣеть только совѣщательный гласъ, — но вмѣстѣ съ тѣмъ члены его поставлены въ такую отвѣтственность передъ сеймомъ, что онъ скорѣе государственное нежели административное учрежденіе.

Государственный совѣтъ состоитъ изъ девяти членовъ, избираемыхъ королемъ изъ вриродныхъ Шведовъ евангелическаго исповѣданія; они могутъ быть и не изъ дворянъ. Онъ состоитъ

изъ министровъ юстиціи и иностранныхъ дѣлъ, канцлера (министръ двора), и шести другихъ лицъ, изъ которыхъ по крайней мѣрѣ трое должны быть изъ лицъ, служившихъ по гражданской части. Кромѣ того при совѣтѣ находятся четыре статсъ-секретаря для дѣлъ: 1) по военной части, 2) государственнымъ ямуществамъ, 3) финансамъ, 4) народному просвѣщенію, общественному призрѣнію, вѣроисповѣданіямъ. Статсъ-секретари имѣютъ мѣсто и голосъ въ совѣтѣ только тогда, когда они докладываютъ, или когда происходитъ разсужденіе по дѣлу ихъ департамента.

Король, какъ мы сказали, имѣетъ полную и безотвѣтственную правительственную власть, — болѣе того, онъ имѣетъ право объявлять войну, заключать миръ и трактаты. Но по всѣхъ важныхъ дѣлахъ, даже при назначеніи въ высшія должности, онъ долженъ выслушать мнѣніе государственнаго совѣта. Члены совѣта отвѣтственны передъ сеймомъ за свои мнѣнія, — по этому, если они видятъ, что предложеніе короля не соответствуетъ пользамъ государства, то каждый долженъ вписать свое мнѣніе въ протоколъ. Король, выслушавъ мнѣніе, поступаетъ такъ, какъ находитъ лучшимъ. Но, конечно, моральная оппозиція совѣта всегда имѣетъ нѣкоторый вѣсъ, — потому что глава государства, едва ли рѣшится принять на отвѣтственность одного себя великое дѣло. Кромѣ того, самое исполненіе королевскихъ рѣшеній на практикѣ подвержено нѣкоторому контролю. Именно, приказаніе короля, напримѣръ, по военной части, тогда только исполняется, когда контрастигировано статсъ-секретаремъ этого департамента. Если статсъ-секретарь увидитъ, что королевское распоряженіе противно конституціи, то онъ представляетъ королю свои доводы и если король не убѣдится ими, то отказывается подписать, т. е., вмѣстѣ съ тѣмъ слагаетъ свою должность, и король долженъ искать другое лицо, которое рѣшилось бы принять отвѣтственность. Сложившій должность статсъ-секретарь продолжаетъ получать жалованье до собранія сейма, который разсматриваетъ его поведеніе, и постановляетъ приговоръ. Такимъ образомъ король, оставаясь свободнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ, получаетъ полезныя предостереженія и средства поразмыслить глубже о предпринимаемомъ рѣшеніи.

Всѣ высшіе гражданскіе чины, а въ арміи до полковника включительно, могутъ быть смѣняемы королемъ, съ тѣмъ только условіемъ, чтобъ онъ заявилъ государственному совѣту о причинахъ увѣщанія, — следовательно эти чины имѣютъ только

моральную гарантію противъ личной воли короля, — но больше и нельзя требовать не только въ монархическомъ, но и въ республиканскомъ государствѣ, когда вся отвѣтственность за управленіе лежитъ на главѣ государства. Но высшіе чины, которые по свойству своихъ должностей не могутъ въ политическомъ отношеніи чѣмъ-либо затруднять ходъ правительства, лишаются должностей не иначе, какъ по суду. Король есть глава судебной части; судъ творится отъ его имени. Верховный апелляціонный трибуналъ состоитъ изъ двѣнадцати членовъ, избираемыхъ королемъ изъ людей опытныхъ въ судебныхъ дѣлахъ; — одна половина трибунала должна состоять изъ дворянъ, другая изъ не-дворянъ. Король предсѣдательствуетъ въ судѣ, и имѣетъ два голоса; приговоръ долженъ быть имъ подписанъ. Интерпретація законовъ принадлежитъ королю и верховному суду, — но только временно; при собраніи сейма ему сообщаются сдѣланныя толкованія, и если онъ найдетъ ихъ невѣрными, то уничтожаетъ.

Король назначаетъ также епископовъ и архіепископовъ изъ числа трехъ кандидатовъ, представляемыхъ епархіальнымъ капитуломъ *), на основаніи старыхъ уставовъ.

Права сейма слѣдующія. Въ отношеніи законодательства гражданскаго, уголовнаго и церковнаго инициатива принадлежитъ на-равнѣ королю и членамъ cadaго сословія. Законъ получаетъ силу если принятъ тремя сословіями (въ каждомъ большинствомъ голосовъ) и утвержденъ королемъ. Сеймъ, немедленно по сходѣ, избираетъ шесть смѣшанныхъ (т. е. изъ членовъ всѣхъ четырехъ камеръ) комитетовъ: 1-й — для разсмотрѣнія проектовъ объ измѣненіи основныхъ законовъ, правъ сословія и для ревизіи протоколовъ государственнаго совѣта; 2-й для разсмотрѣнія финансоваго состоянія и государственнаго долга; 3-й для полюбовнаго прекращенія споровъ и недоразумѣній; 4-й для разсмотрѣнія состоянія государственнаго банка, 5-й для составленія и разсмотрѣнія проектовъ новыхъ гражданскихъ, уголовныхъ и церковныхъ законовъ, 6-й комитетъ для дѣлъ экономическихъ.

Посредствомъ этихъ комитетовъ сеймъ, когда онъ пребываетъ на сборѣ, пользуется такою властью, какой не имѣетъ ни одно представительное собраніе въ монархіяхъ. Онъ становится верховной властью въ государствѣ. Мы говорили о его законо-

*) Кажется, что статья Духовнаго Регламента, о назначеніи епископовъ заимствована Петромъ Великимъ изъ шведскихъ постановленій.

дательномъ значеніи, — скажемъ нѣсколько словъ о власти его въ другихъ сферахъ. Въ финансовомъ отношеніи налоги и бюджетъ на три года утверждаются сеймомъ, — это общее право всѣхъ представительныхъ собраній. Но кромѣ того, государственный банкъ находится въ полной зависимости одного только сейма, или, во время роспуска — его комиссіи, — онъ выдаетъ королю деньги только на тѣ именно статьи, на которыя назначено бюджетомъ, и государственный совѣтъ отвѣтственъ въ правильномъ употребленіи. Далѣе, конституція благоразумно предвидѣла, что могутъ быть важныя обстоятельства, по которымъ королю понадобятся чрезвычайныя суммы, и что въ такомъ случаѣ ожидать созванія сейма часто значило бы подвергать государство опасности, — по этому король получаетъ два отъ сейма предписанія банку: — одно о выдачѣ опредѣленной суммы на непредвидимые бюджетомъ расходы; другое — о выдачѣ денегъ только на случай внезапнаго нападенія непріятеля. Первая сумма выдается банкомъ королю по согласію съ государственнымъ совѣтомъ, вторая только тогда, когда король опубликовалъ созваніе чрезвычайнаго сейма. Въ этомъ видно опасеніе, чтобы король подъ видомъ внѣшней войны не употребилъ деньги на измѣненіе конституціи.

Еще любопытнѣе права сейма относительно юстиціи. Сеймъ избираетъ фискала (государственнаго обвинителя), который подчиненъ ему одному, и имѣетъ право входа во всѣ безъ изъятія суды и ихъ архивы, въ-особенности онъ наблюдаетъ за верховнымъ трибуналомъ, — и если замѣтитъ, что нѣкоторые члены его, или даже и все судищце, не исполняютъ своего долга, несправедливо рѣшили дѣло, касающееся чести, свободы или имущества гражданина, то онъ передаетъ ихъ суду особой комиссіи, называемой «государственнымъ судомъ», составленной изъ нѣсколькихъ судей, четырехъ членовъ государственнаго совѣта, начальника стокгольмскаго гарнизона и командира эскадры. Фискалъ представляетъ сейму подробный отчетъ о ходѣ и состояніи юстиціи въ промежутокъ между двумя сборами (три года). Комиссія сейма разсматриваетъ поведеніе членовъ верховнаго трибунала, способны и достойны ли они занимать свои важныя мѣста, — и если она придетъ къ отрицательному мнѣнію, то король обязанъ ихъ уволить въ отставку. Впрочемъ, такъ какъ здѣсь идетъ дѣло не о нарушеніи долга, а только о способности, — то для того чтобы эта власть сейма не была оскорбле-

ніем правъ короля, избирающаго судьей, — такіе отставленные получаютъ пожизненный пенсіонъ въ половину жалованья *).

Первый комитетъ сейма ревизуетъ протоколы государственнаго совѣта, и если усмотритъ, что кто-либо изъ членовъ его или даже весь совѣтъ сдѣлалъ проступокъ, или не обнаружилъ смѣлаго сопротивленія на мѣру, противную конституціи, то передаетъ виновныхъ «государственному суду», въ которомъ на этотъ случай четыре члена изъ государственныхъ совѣтниковъ замѣняются четырьмя судьями **).

Сеймъ назначаетъ безсмѣнный комитетъ изъ шести членовъ, на все время до новаго собранія для охраненія свободы книгопечатанья. Въ Швеціи книгопечатанье свободно, но однако авторы могутъ быть предаваемы суду за сочиненія противныя государственной безопасности, и оскорбительныя для конституціонныхъ властей. Существованіе комитета весьма полезно для авторовъ въ этомъ отношеніи: каждый можетъ представить, если захочетъ, рукопись на разсмотрѣніе комитета, и если тотъ одобритъ ее, то авторъ не можетъ быть преслѣдуемъ правительствомъ.

Такимъ образомъ комитеты служатъ точкой соединенія для

*) Эта коммиссія дѣйствуетъ на присяжномъ началѣ, члены ея даже и называются присяжными. Именно, — какъ только она соберется (она избирается чинами немедленно по сходѣ), предсѣдатель кладетъ вопросъ: заслуживаетъ ли верховный судъ (т. е. всѣ члены его) довѣріе? Члены отвѣчаютъ на вопросъ однимъ только «да» или «нѣтъ» посредствомъ закрытыхъ записокъ. Если большинство голосовъ будетъ отрицательное, тогда президентъ предлагаетъ, чтобы каждый написалъ имена тѣхъ членовъ верховнаго суда, удаленіе которыхъ онъ считаетъ полезнымъ; если кто изъ нихъ получитъ $\frac{2}{3}$ неодобренныхъ голосовъ, то представляется королю о его увольненіи. Эта важная коммиссія состоитъ изъ сорока восьми членовъ, по двѣнадцати отъ cadaго сословія (§ 103 конституціи).

Фискаль избирается особой коммиссіей, изъ членовъ избранныхъ въ равномъ числѣ отъ cadaго сословія.

**) Кромѣ того этотъ комитетъ имѣетъ право просить короля объ удаленіи членовъ государственнаго совѣта, хотя несовершившихъ, но не внушающихъ довѣрія. «Если, говоритъ 107 параграфъ конституціи, конституціонный комитетъ усмотритъ, что всѣ члены государственнаго совѣта, или нѣкоторые, или одинъ изъ нихъ, при подачѣ мнѣній не руководствовались общимъ благомъ страны, или что кто-либо изъ статсъ-секретарей исполнялъ свои обязанности не съ должной ревностью, честностью и способностью, — то онъ (комитетъ) представляетъ объ этомъ сейму, который, если найдетъ полезнымъ для государства, то письменно извѣщаетъ королю желаніе объ удаленіи именованныхъ лицъ изъ государственнаго совѣта».

четырехъ камеръ, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напримѣръ, относительно контроля надъ поведеніемъ судей верховнаго трибунала, дѣйствуютъ полномочно.

Въ вопросахъ законодательныхъ наблюдается различный порядокъ, касаются ли они основныхъ, или обыкновенныхъ законовъ.

По 85 статьѣ конституціи основными законами признаются: форма правленія и форма состава государственныхъ чиновъ, порядокъ престолонаслѣдія *), свобода книгопечатанья.

Эти законы могутъ быть измѣняемы не иначе, какъ съ согласія короля и всѣхъ четырехъ камеръ. При этомъ наблюдается слѣдующій порядокъ: предложеніе объ измѣненіи не можетъ быть внесено прямо ни въ одну изъ камеръ, а должно быть представлено въ конституціонный комитетъ, который разсматриваетъ полезно ли оно, и въ какой мѣрѣ удобоисполнимо. Если комитетъ одобритъ представленное ему предложеніе члена сейма, или самъ отъ себя составитъ проектъ измѣненія въ основныхъ законахъ, то заявляетъ объ этомъ чинамъ. Сеймъ однако не можетъ приступить къ обсуживанью, — дѣло отлагается до слѣдующаго собранія (слѣдовательно на три года). Если на слѣдующемъ сеймѣ всѣ четыре сословія изъявятъ согласіе, то проектъ представляется королю на рѣшеніе. Король, выслушавъ мнѣніе государственнаго совѣта, полагаетъ рѣшеніе, которое и объявляется всѣмъ камерамъ, собраннымъ для этого въ государственномъ залѣ; если его рѣшеніе отрицательно, то при этомъ объясняются причины.

Если король дѣлаетъ предложеніе объ измѣненіи въ основныхъ законахъ, то сеймъ отсылаетъ предложеніе на предварительное разсмотрѣніе конституціоннаго комитета. Если послѣдній одобритъ предложеніе, тогда слѣдующій сеймъ рѣшаетъ, т. е., принимаетъ всѣми четырьмя камерами, или отвергаетъ. Если комитетъ не согласенъ съ королевскимъ предложеніемъ, то докладываетъ сейму съ изложеніемъ причинъ. Сеймъ рѣшаетъ, уважительны ли причины комитета; для этого рѣшенія достаточно согласія трехъ камеръ, — и тогда королевское предложеніе или принимается, т. е., записывается для рѣшенія на слѣдующемъ сеймѣ, или отвергается. Если двѣ камеры будутъ «за»

*) Шведскій престолъ наследственъ только въ мужескомъ колѣнѣ. Кромѣ того, принцы, вступившіе въ бракъ безъ согласія короля, терпятъ вмѣстѣ съ потомствомъ своимъ право на наследство престола. Принцы не могутъ занимать гражданскихъ должностей.

а двѣ другія «противъ», то вопросъ о принятіи къ разсмотрѣнію отлагается до слѣдующаго сейма.

Другіе законодательные проекты (кромя касающихся основныхъ законовъ) поступаютъ сначала также на разсмотрѣніе комитета, — того, къ которому по содержанію относятся. Но комитетъ не имѣетъ здѣсь рѣшительнаго голоса, а долженъ представить проектъ съ своими замѣчаніями камерамъ; если камера сдѣлаетъ амендементы, то онъ снова поступаетъ на разсмотрѣніе комитета, который приготовляетъ окончательную редакцію, и послѣ этого камеры или принимаютъ, или отвергаютъ его. Мы говорили, что для принятія закона необходимо согласие хотя трехъ камеръ (и утвержденіе короля). Но въ вопросахъ финансовыхъ если двѣ камеры будутъ «за», а другія двѣ «противъ», тогда каждое сословіе избираетъ по тридцати членовъ для дополненія комитета, и составленный такимъ образомъ большой комитетъ рѣшаетъ дѣло абсолютнымъ большинствомъ, вотпируя по-головно, а не по-сословно; онъ подаетъ голоса закрытыми записками. — Рѣшеніе такого комитета считается рѣшеніемъ сейма.

Изъ этого видно, что конституція понимала въ какое затрудненіе можетъ быть поставлено государство четырехъ-камернымъ сеймомъ, — и замѣнила его въ одномъ случаѣ, какъ бы одной палатой, составленной изъ выборныхъ четырехъ сословныхъ камеръ *).

Шведская нація справедливо гордится древностью своихъ представительныхъ учреждений, — крестьяне являются на сеймѣ еще во времена Стено Стуре (половина XVI вѣка), когда во всей Европѣ они были въ рабскомъ состояніи; она также справедливо гордится своими героями и государственными мужами.

*) Замѣтимъ еще одинъ недостатокъ шведской конституціи: шведское государство долгое время было федеративнымъ; до-сихъ-поръ провинціи сохранили много рѣзкихъ отличій, и имѣютъ много особыхъ интересовъ, — а между тѣмъ провинціальныхъ чиновъ не существуетъ. Это особенно вредно при томъ порядкѣ, когда сеймъ собирается разъ въ три года и на самый короткий срокъ: для него необходимо предварительное приготовленіе дѣлъ и выработка мнѣній въ провинціальныхъ собраніяхъ. Партія реформистская въ своей программѣ выставляетъ между прочимъ и учрежденіе провинціальныхъ чиновъ для обсуживанія и рѣшенія вопросовъ второстепенныхъ мѣстныхъ, — при чемъ сеймъ, освободясь отъ множества мелочей, будетъ имѣть свободу посвящать свои занятія только высшимъ государственнымъ вопросамъ.

Шведы до-сихъ-поръ, утративши свое внѣшнее могущество, сохранили гордый, свободный духъ. Конституція 1809 года, при всей ложности, т. е., устарѣлости основанія представительства, все-таки превосходный политическій памятникъ, потому что свобода и личность гражданина и другія великія политическія льготы въ ней гарантированы вполне, — и притомъ она заключаетъ сѣбѣ начало, чуждое другимъ конституціямъ, — подчиненіе до извѣстной степени лицъ высшихъ административныхъ и судебныхъ учреждений представительному собранію, — подчиненіе ему банка, власти фискала, избираемаго сеймомъ, напоминающую отчасти римскій трибунатъ и проч.

II.

Норвегія имѣетъ чисто демократическое устройство. Политическое равенство введено конституціей 1814 года; не только льготы дворянства и титулы были уничтожены, но также майораты и субституція, — а только при этомъ условіи можетъ существовать демократическій бытъ, иначе будетъ все-таки поземельная аристократія — тоже дворянство подъ другимъ именемъ; народъ, т. е., его представители имѣютъ въ рукахъ всю существенную часть государственной власти. Демократическія учрежденія имѣютъ въ Норвегіи прочную основу въ народномъ образованіи. Трудно найти въ Европѣ другое государство, гдѣ бы первоначальное образованіе было такъ распространено, какъ въ Норвегіи. Въ каждомъ приходѣ есть школа, содержимая обязательными взносами, — странствующие учителя обходятъ хижины сѣверныхъ звѣролововъ, — не зная грамотѣ нельзя вступить въ бракъ, — двадцатилѣтній незнающій грамотѣ отсылается въ исправительное заведеніе для наученія. Впрочемъ, не смотря на весь либерализмъ норвежской конституціи, которая почти переведена съ первой республиканской конституціи Франціи, на ней лежитъ своеобразная печать — не только религіозности, но даже и нетерпимости. Лютеранская религія есть государственная, ее долженъ исповѣдывать король; другія религіи объявлены терпимыми, но замѣчательно: *Евреи не только не могутъ имѣть права гражданства, но имъ запрещено и пребываніе въ Норвегіи.* Пасторы предсѣдательствуютъ въ избирательныхъ собраніяхъ. Норвежская дѣйствующая конституція превозглашена была народнымъ собраніемъ 17-го Мая 1814 года. До этого времени Норвегія, со-

храняя свою внутреннюю самостоятельность, была соединена съ Даніей. Но въ 1814 году, король датскій кильскимъ трактатомъ уступилъ свои права на Норвегію шведскому королю. Норвегія объявила себя отдѣльнымъ государствомъ, провозгласила королемъ датскаго принца Христіана-Фридриха, и тогда же сеймъ, собранный въ Эйдсвольдѣ начерталъ самую широкую конституцію. Норвегія должна была уступить Швеціи и ея грознымъ союзникамъ Россіи и Англіи; Христіанъ-Фридрихъ отрекся отъ новосозданнаго престола. Но Норвегія не иначе согласилась соединиться съ Швеціей, какъ равная съ равнымъ, независимая съ независимымъ. Эйдсвольдская конституція осталась во всей силѣ, съ введеніемъ, разумѣется, нѣсколькихъ новыхъ статей, вслѣдствіе новаго характера королевской власти. О шведско-норвежскомъ актѣ мы будемъ говорить впоследствии, — теперь рассмотримъ положенія эйдсвольдской конституціи.

Законодательная власть *вполнѣ* предоставлена палатѣ депутатовъ — *стортингу* (Storting). Устройство стортинга весьма оригинально. Онъ состоитъ изъ двухъ отдѣленій: *одельсъ-тинга* (Odelsting) и *лагтинга* (Lagting). Но это вовсе не двѣ палаты (верхняя и нижняя), какъ въ другихъ государствахъ, даже не то что сенатъ и палата депутатовъ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ. Тамъ гдѣ существуетъ двухъ-камерное представительство, обѣ палаты имѣютъ одинаковое значеніе въ принятіи или отверженіи законовъ, они не зависятъ одна отъ другой въ своемъ происхожденіи. Не такъ въ Норвегіи: депутаты выбираютъ изъ среды своей четвертую часть — это лагтингъ, остальные три четверти — одельсъ-тингъ. Каждый тингъ засѣдаетъ и разсуждаетъ отдѣльно, — по вся власть въ одельсъ-тингѣ, лагтингъ не болѣе, какъ постоянная коммиссія, имъ избранная, для подачи мѣтнія о законодательныхъ вопросахъ. Законодательный процессъ совершается слѣдующимъ образомъ. Законодательная инициатива принадлежитъ королю и каждому члену одельсъ-тинга, — лагтингъ лишенъ этого права. Проектъ закона принятый одельсъ-тингомъ препровождается въ лагтингъ, который или принимаетъ его, или отвергаетъ съ изложеніемъ причинъ и замѣчаній; въ послѣднемъ случаѣ проектъ снова поступаетъ въ одельсъ-тингъ, который или соглашается съ доводами первой палаты — и тогда проектъ оставляется, — или несоглашается, — и тогда проектъ въ прежнемъ видѣ или нѣсколькозмѣненный, поступаетъ опять на разсмотрѣніе лагтинга. Если лагтингъ и во второй разъ отвергаетъ проектъ, тогда обѣ палаты соединяются въ общее засѣданіе, гдѣ вопросъ рѣ-

шается большинствомъ двухъ третей голосовъ (а не абсолютнымъ, какъ въ каждой палатѣ порознь). Такимъ образомъ первая палата (лагтингъ) не можетъ остановить рѣшеніе второй. Но ее нельзя назвать бесполезной: она до нѣкоторой степени сдерживаетъ стремленіе палаты депутатовъ, — а эта стремительность есть необходимое послѣдствіе одной камеры, — даетъ ей время еще разъ обдумать вопросъ. Впрочемъ, по замѣчанію Жефруа, лагтингъ не имѣетъ большаго моральнаго значенія, — обыкновенно въ него выбираютъ тѣхъ лицъ, присутствіе которыхъ было бы непріятно для палаты депутатовъ; именно — необразованныхъ крестьянскихъ депутатовъ и пзвѣстныхъ приверженцевъ правительства, — такъ-что первая палата вовсе не составляетъ сливокъ стортинга, а на оборотъ.

Ясно, что норвежское представительство въ сущности есть одно камерное. По этому не можетъ быть того равновѣсія, которое достигается въ монархическихъ государствахъ только двухъ-камернымъ представительствомъ: одно изъ двухъ — или королевская власть, или стортингъ должны перевѣшивать одинъ другую. Въ Норвегіи, по примѣру французской конституціи 1789—1791 годовъ и съ тѣми же правилами — перевѣсъ данъ стортингу. Именно: король можетъ остановить проектъ закона, вотированный стортингомъ, можетъ остановить его и во второй разъ, но когда третій стортингъ (т. е. третья законодательная сессія) опять представитъ ему тотъ же проектъ, то онъ получаетъ силу закона и безъ королевскаго утвержденія.

Такимъ образомъ одно изъ важнѣйшихъ началъ конституціоннаго механизма, выработанныхъ Франціей въ 1789 году, нашло полное осуществленіе на далекомъ сѣверѣ. Но замѣтимъ, что норвежская конституція, взявши большую часть основъ творенія 1789 года, не взяла ея раздражающаго тона и оскорбительныхъ для королевской власти подозрѣній и формальностей. Напротивъ того, — выраженія и формы норвежской конституціи весьма почтительны. Стортингъ «умоляетъ» короля объ утвержденіи закона, послѣ того, какъ онъ три раза былъ имъ вотированъ, т. е., тогда когда не имѣетъ нужды въ его согласіи; когда появляется королевскій комиссаръ президентъ встрѣчаетъ его и провожаетъ до дверей, а депутаты стоя выслушиваютъ королевское предложеніе. Трудно найдти другой парламентъ, права котораго были бы такъ широки, какъ стортинга. По 75 статьѣ конституціи ему принадлежить:

1) Изданіе и отмѣна законовъ, установленіе налоговъ, тамо-

женнаго тарифа; 2) совершать государственныя займы; 3) наблюдать за финансами; 4) утверждать смѣту государственныхъ расходовъ; 5) опредѣлять ежегодно сумму на содержаніе двора, короля и на жалованье членамъ королевской фамиліи (деньгами, а не недвижимыми имуществами); 6) требовать на разсмотрѣніе всѣ протоколы правительственнаго совѣта, рапорты и другіе документы (за исключеніемъ только приказовъ по военной части); также трактаты, заключаемые королемъ во имя націи; 7) призывать для допроса въ государственныхъ дѣлахъ всѣхъ лицъ, исключая короля и членовъ его семейства, если они не занимаютъ должностей, — въ противномъ случаѣ должны явиться; 8) разсматривать росписи жалованій и пенсій и дѣлать въ нихъ измѣненія; 9) назначать ежегодно комиссію изъ пяти членовъ, для ревизіи всѣхъ счетныхъ книгъ государства; 10) натурализировать иностранцевъ.

Король управляетъ государствомъ, при помощи государственнаго совѣта, который вмѣстѣ и совѣтъ министровъ, — каждый членъ имѣетъ въ завѣдываніи одну изъ вѣтвей администраціи. Во время пребыванія короля въ Швеціи, при немъ постоянно министръ статсъ-секретарь Норвегіи и два члена государственнаго совѣта, которые засѣдаютъ и подають голосъ въ шведскомъ государственномъ совѣтѣ, въ дѣлахъ касающихся обохъ королевствъ.

Значеніе норвежскаго государственнаго совѣта тоже, что и шведскаго.

Во время отсутствія короля изъ Норвегіи, (что бываетъ постоянно, потому что король жаветъ въ Стокгольмѣ, и очень рѣдко пріѣзжаетъ въ Норвегію), — государствомъ управляетъ отъ его имени вице-король или губернаторъ, вмѣстѣ съ верховнымъ совѣтомъ изъ пяти (или болѣе) членовъ государственнаго совѣта. Дѣла рѣшаются коллегіальнымъ порядкомъ, вице-король имѣетъ только одинъ голосъ.

Хотя по конституціи королю предоставлено верховное право объявлять войну, но оно совершенно парализируется не только правомъ стортинга отказывать въ деньгахъ, но и 25-ю статьею конституціи, по которой «норвежская армія и флотъ не могутъ быть употреблены для наступательной войны иначе, какъ съ согласія стортинга». Въ административномъ отношеніи, власть короля ограничена слѣдующимъ образомъ: онъ можетъ увольнять по собственной волѣ только высшихъ гражданскихъ и духовныхъ сановниковъ, полковыхъ командировъ, комендантовъ крѣпостей,

капитановъ кораблей, — но все-таки выслушавъ мнѣніе государственнаго совѣта. Уволенные безъ прошенія получаютъ $\frac{1}{2}$ жалованья, а первый собравшійся стортингъ разсматриваетъ ихъ службу, и опредѣляетъ имъ пенсію. Всѣ же лица военной, духовной и гражданской администраціи ниспаго разряда могутъ быть лишены мѣстъ только по судебному приговору.

Посмотримъ теперь на способъ составленія стортинга. Избраііе происходитъ на двухъ степеняхъ, и притомъ наблюдается извѣстное соотношеніе между числомъ депутатовъ отъ городовъ и отъ селъ, хотя они засѣдаютъ въ одной и той же палатѣ.

Правомъ подавать голосъ при выборахъ пользуются только поземельные владѣльцы, какъ бы малы ни были участки, и владѣльцы домовъ въ городахъ, — разумѣется если они незапятнаны судебнымъ приговоромъ. Выборы происходятъ въ приходскихъ церквахъ, въ селлахъ подъ предсѣдательствомъ пастора. Предъ выборами читается конституція.

Въ селлахъ каждые 100 гражданъ, имѣющіе права голоса (т. е. владѣющіе участкомъ земли) избираютъ одного выборнаго; выборные изъ цѣлаго округа, составляютъ собраніе, и выбираютъ изъ среды своей или изъ числа прочихъ гражданъ, имѣющихъ право голоса, — депутатовъ въ стортингъ — изъ десяти одного. — Слѣдовательно изъ 1000 полноправныхъ гражданъ, посылается одинъ депутатъ въ стортингъ. Выборы въ городахъ происходятъ на томъ же основаніи, но въ болѣе широкихъ размѣрахъ: не сто, а только пятьдесятъ полноправныхъ горожанъ избираютъ одного избирателя, и не изъ десяти, а изъ пяти избирателей дается депутатъ, такъ что одинъ депутатъ приходится на 250 горожанъ, и слѣдственно городское сословіе обладаетъ вчетверо сильнѣйшимъ правомъ представительства; въ сравненіе съ сельскимъ. Впрочемъ одинъ городъ, какъ бы велико ни было его населеніе, не можетъ имѣть болѣе четырехъ депутатовъ.

Эти цифры не неизмѣнны. 59 статья конституціи даетъ стортингу право, и даже налагаетъ обязанность измѣнять ихъ, полагая главной цѣлью: чтобы число депутатовъ отъ городовъ было не болѣе и не менѣе половины числа сельскихъ (или $\frac{1}{3}$ всего стортинга), и чтобы вообще число членовъ стортинга было не менѣе семидесяти и не болѣе ста.

Въ этихъ постановленіяхъ явна — цѣль уравнивать до извѣстной степени два элемента, коренной скандинавскій — свободныхъ землевладѣльцевъ, и образовавшііся впоследствии — боль-

шіе приморскіе города, которые долгое время имѣли особую историческую жизнь.

Личная свобода и свобода книгопечатанія гарантированы конституціей на основаніе началъ 1789 года. До какой степени конституція дорожитъ личной свободой и ограничиваетъ исполнительную власть, хорошо показываетъ слѣдующая (99) статья: «Правительство можетъ употребить военную силу противъ гражданъ не иначе, какъ выполнивши всѣ формальности, предписанныя закономъ, и только въ томъ случаѣ, когда мятежное скопище угрожаетъ общественному спокойствію и не разойдется послѣ того, когда *гражданскія* власти *трижды* прочтутъ ему во всеушышанье статьи свода законовъ о мятежныхъ сборищахъ.» Мы упоминали, что изъ началъ 1789 года, одно изъ важнѣйшихъ, полная религіозная свобода и равенство правъ гражданъ всѣхъ религій не получили широкаго приложенія въ Норвегіи. Тоже самое и въ судебной сферѣ. Великій институтъ присяжныхъ, лучшая гарантія правъ гражданина, не существуетъ въ Норвегіи; судьи назначаются правительствомъ.

Начало ревизіи конституціи, одно изъ введеній 1789 года, признано, хотя и въ ограниченной формѣ. «Если, говорятъ 112 и послѣдняя статья, опытъ покажетъ, что какая-либо часть основныхъ законовъ нуждается въ измѣненіи, то предложеніе объ этомъ должно быть сдѣлано стортингу и опубликовано. Но только слѣдующій стортингъ имѣетъ право рѣшить слѣдуетъ ли произвести измѣненіе, или нѣтъ. Таковое измѣненіе во всякомъ случаѣ не должно быть противно началамъ настоящей конституціи; оно должно касаться только какихъ-либо частныхъ, не нарушая духа основнаго закона, — и можетъ быть принято только вслѣдствіе большинства двухъ-третьей голосовъ».

III.

Въ политической наукѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, гораздо больше понятій, нежели словъ. Такъ, нѣтъ слова для опредѣленія того рода политическаго соединенія, въ какомъ находятся Швеція съ Норвегіей. Два главныхъ рода соединеній различаетъ наука: личное и реальное. Если два государства, не теряя своего различія отдѣльныхъ лицъ международнаго права имѣютъ общаго государя, — это соединеніе личное. Въ такомъ соединеніи были наприимѣръ Англія и Ганноверъ: каждая изъ этихъ странъ

имѣла отдѣльную конституцію, отдѣльное министерство, армию, финансы — и даже отдѣльное дипломатическое представительство. Этотъ союзъ разрывается, — если законы опрестолонаслѣдін различны въ двухъ государствахъ, — такъ и случилось съ ГанOVEROMъ. Соединеніемъ реальнымъ называется то, когда два государства составляютъ въ международномъ и политическомъ отношеніи одно цѣлое: имѣютъ одно дипломатическое представительство, одно министерство, одинъ парламентъ, оставаясь въ административномъ, юридическомъ, финансовомъ отношеніи отдѣльными. Таковъ напримѣръ: союзъ Англіи съ Шотландіей и Ирландіей. Конечно, при этомъ послѣднемъ соединеніи полного равенства частей быть не можетъ: та изъ нихъ, въ которой пребываетъ общій государь и общія государственныя учрежденія дѣлается господствующей, — а другая мало-по-малу обращается въ провинцію съ особыми мѣстными законами и учрежденіями. Отсюда происходятъ встрѣчаемыя въ исторіи конституціоннаго права ограниченія съ перваго разу страннаго, напримѣръ, въ бывшей нидерландской конституціи (до 1830 года), когда Голландія соединена была съ Бельгіей, постановлялось, что нѣсколько мѣсяцевъ въ году король долженъ прожить въ Брюсселѣ, что половина его министровъ должны быть Бельгійцы и прочее. Если же одно государство такъ соединяется съ другими, что отъ него остается одно имя, и объ его политической личности не напоминаютъ никакія особыя важныя учрежденія, тогда оно называется инкорпорированнымъ.

Наконецъ два или нѣсколько государствъ могутъ составить такое соединеніе, что они сохраняютъ всю внутреннюю автономію, и только во внѣшнемъ отношеніи представляютъ одно цѣлое, и для этой цѣли имѣютъ нѣкоторыя общія политическія учрежденія, — это конфедерация. При томъ, замѣтимъ, что въ самой совершенной конфедерации, Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, общія учрежденія поселены на *нейтральной* полосѣ — въ Вашингтонѣ, не принадлежащемъ ни одному штату и не составляющемъ особаго штата; по этому при этой мѣрѣ невозможно возвышеніе одного штата и низведеніе другихъ на степень провинціи.

Союзъ Швеціи съ Норвегіей не подходитъ ни подъ одну изъ этихъ категорій. Онъ есть съ одной стороны личный, потому что каждое изъ двухъ государствъ сохраняетъ свою особую конституцію, особыя: парламентъ, министерство, армию, судъ; — нѣтъ ни одного общаго учрежденія для двухъ странъ, — только ко-

роль одинъ. Но съ другой стороны это личное соединеніе неразрывно, — потому что законъ о престолонаслѣдїи одинъ, и въ случаѣ прекращенія царствующаго дома, выборъ государя дѣлается общій, обѣими странами избирается непремѣнно одно лицо. Далѣе, дипломатическое представительство общее для обѣихъ странъ, такъ-что въ сферѣ международныхъ сношеній Швеція и Норвегія составляютъ одно государство — Шведско-Норвежское королевство, — съ перевѣсомъ на сторонѣ шведскаго государства, потому что король живетъ постоянно въ Швеціи (Стокгольмѣ) и главнымъ образомъ есть король шведскій. Слѣдственно соединеніе имѣетъ нѣкоторыя черты реального союза.

Разсмотримъ этотъ замѣчательный актъ шведско-норвежскаго союза и тѣ статьи конституцій обонхъ государствъ, которыя сюда относятся.

Для Швеціи и Норвегіи есть отчасти одно общее учрежденіе, — это государственные совѣты обѣихъ странъ. При королѣ, во время его пребыванія въ Швеціи (т. е. постоянно) находятся два члена норвежскаго государственнаго совѣта и министръ статсъ-секретаря, контрастигирующій акты; — эти три сановника засѣдаютъ съ правомъ голоса въ шведскомъ государственномъ совѣтѣ, когда бываетъ разсужденіе объ общихъ для обонхъ королевствъ вопросахъ, — точно также, когда норвежскій государственный совѣтъ разсуждаетъ о подобныхъ дѣлахъ, то три члена шведскаго имѣютъ тѣ же права засѣданія и голоса.

Только въ одномъ чрезвычайномъ случаѣ — при вакансіи трона и во время малолѣтства короля, является общее высшее правительство для обѣихъ странъ; три четверти союзнаго акта посвящено самому точному опредѣленію этого вопроса, для предупрежденія возможности раснаденія союза.

Если не будетъ принца, имѣющаго право на наслѣдство престола, тогда король созываетъ въ одинъ и тотъ же день парламенты обѣихъ странъ для избранія наслѣдника. Король, или если собраніе открывается послѣ его смерти, временное правительство, представляетъ каждому парламенту *въ тотъ же день* кандидата; парламенты и притомъ каждый изъ ихъ членовъ имѣютъ право представить своихъ кандидатовъ. Послѣ этого оба парламента назначаютъ одинъ и тотъ же день для баллотировки. Если въ обѣихъ странахъ выборъ падетъ не на одно и то же лицо, тогда назначается парламентами изъ среди ихъ членовъ общій полномочный комитетъ для избранія одного изъ этихъ двухъ кандидатовъ.

Комитетъ этотъ собирается въ шведскомъ городѣ Карльштадтѣ, лежащемъ на границѣ двухъ королевствъ и находящемся въ равномъ разстояніи отъ Христианіи и Стокгольма. Комитетъ состоитъ изъ семидесяти двухъ членовъ, по тридцати шести отъ cadaго королевства. Каждое отдѣленіе (т. е. шведское и норвежское) выбираетъ по президенту (или оратору),—они бросаютъ жребій, кому изъ нихъ быть общимъ президентомъ.

Когда члены комитета соберутся, ораторъ громко провозглашаетъ: «Парламенты Швеціи и Норвегіи подають голоса на избраніе наслѣдника соединенныхъ престоловъ. Парламентъ Норвегіи избралъ такого-то, парламентъ Швеціи такого-то.» Затѣмъ приступаютъ къ выбору закрытыми билетами; билеты должны быть послѣ подписи скатаны каждый отдѣльно, и не имѣть никакихъ знаковъ, въ противномъ случаѣ уничтожаются. Потомъ ораторъ развертываетъ билеты, читаетъ голоса, и тотъ кандидатъ, который получилъ абсолютное большинство, провозглашается королемъ. Такъ какъ члены комитета могутъ подавать голосъ только за одного изъ двухъ кандидатовъ, т. е., за избраннаго шведскимъ парламентомъ, или норвежскимъ, а не за кого-либо другаго, — то избраніе должно непременно кончиться.

Замѣтимъ остроумную и оригинальную комбинацію, введенную для этого случая союзнымъ актомъ, которая можетъ быть съ пользою приложена и при другихъ избраніяхъ. Мы видѣли, что число членовъ комитета четное — семьдесятъ два,— иначе и быть не могло для соблюденія равенства, — потому что иначе страна, вѣющая однимъ голосомъ больше, въ сущности избрала бы короля; трудно представить, чтобы напримѣръ шведскій членъ комитета подавъ голосъ за избраннаго норвежскимъ парламентомъ кандидата, хотя бы и не сочувствовать кандидату своего парламента: чувство національной гордости руководило бы имъ. По этому очень легко представить, что члены комитета отъ каждой страны останутся при своемъ кандидатѣ, — и слѣдственно избраніе не совершится. Предоставить президенту два голоса, въ случаѣ равнаго раздѣленія, какъ это дѣлается въ коллегіальныхъ собраніяхъ при рѣшеніи обыкновенныхъ дѣлъ, здѣсь нельзя, потому что тогда онъ бы рѣшалъ выборы короля, и притомъ тогда не могло бы быть тайной подачи голосовъ; а явная подача въ такомъ вопросѣ представляетъ величайшую опасность: члены потеряли бы независимость, и избраніе обратилось бы въ игру подкупа и честолюбія. По этому, чтобы сдѣлать возможнымъ большинство при четномъ числѣ голосовъ, конституція прибѣгла къ слѣдующей

мѣрѣ. До счета билетовъ ораторъ вынимаетъ одинъ изъ нихъ и откладываетъ въ сторону не раскрывая, — затѣмъ развертываетъ другіе, и когда всѣ они будутъ въ порядкѣ написаны, то естественно составитя большинство, потому что число ихъ послѣ уничтоженія одного — нечетное; отложенный въ сторону билетъ уничтожается; онъ развертывается только въ одномъ случаѣ: когда по причинѣ несоблюденія правилъ относительно формы билетовъ (чтобъ они не имѣли знаковъ, были скатаны и прочее), одинъ или нѣсколько (три-пять и прочее) будутъ уничтожены, то можетъ произойти опять четное число билетовъ, — тогда въ случаѣ раздѣленія по-ровну голосовъ, отложенный билетъ раскрывается — и рѣшаетъ дѣло.

Въ случаѣ малолѣтства короля избирается обоими парламентами регентство такимъ же способомъ, какой употребляется при назначеніи наследника престола. Регентство засѣдаетъ въ Стокгольмѣ. До учрежденія регентства устанавливается немедленно по смерти короля временное регентство изъ двадцати членовъ государственныхъ совѣтовъ обоихъ королевствъ, каждаго по десяти. Молодой король долженъ непременно получить достаточныя свѣдѣнія въ норвежскомъ языкѣ.

По конституціямъ обоихъ государствъ, королю принадлежить право объявлять войну, не спрашивая согласія парламентовъ, — хотя, какъ мы видѣли, это право не можетъ проявиться въ дѣйствительности въ большей части случаевъ; выдача денегъ зависитъ отъ парламентовъ, а въ частности отъ норвежскаго зависить и дозволеніе разрѣшать выступленіе войны изъ предѣловъ королевства. Но какъ бы то ни было король можетъ объявить войну отъ своего имени и по своей волѣ, — это единственный актъ его дѣятельности, общій для обоихъ государствъ. По этому союзный договоръ поставляетъ слѣдующія положенія: «если король захочетъ объявить войну; то сообщаетъ о своемъ намѣреніи норвежскому правительству, спрашиваетъ его мысли, и представляетъ ему изложеніе состоянія королевства, относительно финансовъ, средствъ защиты и прочее. Потомъ король собираетъ экстраординарный государственный совѣтъ, изъ министра статсъ-секретаря и членовъ норвежскаго и шведскаго государственнаго совѣта, и спрашиваетъ ихъ мнѣнія. Члены подаютъ свое мнѣніе письменно, и отвѣтственны за нихъ предъ государствомъ. Король одноко свободенъ принять такое рѣшеніе, которое считаетъ лучшимъ для страны. Это моральное ограниченіе королевскаго права войны, вошло въ норвежскую конституцію и въ союзный

актъ изъ шведской, — въ первоначальной же редакціи (31-го Мая 1814) норвежской его не было.

Далѣе, еще одна общая мѣра: король можетъ соединять для маневровъ войска, расположенныя въ пограничныхъ областяхъ королевствъ, и вводить эту соединенную силу въ ту или другую страну, — но съ условіемъ, чтобы число войска, вступающаго изъ одного королевства въ другое не превышало трехъ тысячъ, и прибываніе не продолжалось бы болѣе шести недѣль.

Мы говорили, что Швеція и Норвегія имѣютъ общее дипломатическое представительство, и въ этомъ случаѣ Швеція поглощаетъ Норвегію, потому что агенты иностранныхъ державъ живутъ въ городѣ, гдѣ пребываетъ король, т. е., въ столицѣ Швеціи — Стокгольмѣ. Норвежская конституція постановляетъ, что всѣ административныя и судебныя должности, должны быть занимаемы гражданами страны, ничего не говоритъ относительно условій для дипломатическихъ агентовъ. Болѣе того: назначеніе гражданскихъ чиновъ дѣлается по представленію министра (т. е. того члена государственнаго совѣта, которому поручено завѣдываніе извѣстной вѣтвью администраціи), — и послѣ выслушанія мнѣнія государственнаго совѣта, а назначеніе дипломатическихъ агентовъ не сопряжено съ этими формальностями, и вполне зависитъ отъ личнаго усмотрѣнія короля. Хотя теперь въ сущности дипломатическіе агенты считаются представителями государства, а не государя; но средневѣковая форма удержалась въ названіи: посланники его величества короля такого-то. Такимъ образомъ и конституція и дипломатическія обычаи не гарантируютъ Норвегіи особаго представительства; а между тѣмъ это очень важное лишеніе для націи, такой гордой, какъ норвежская, которая никакъ не хочетъ подчиниться перевѣсу Швеціи. Въ послѣднее время въ Норвегіи явились требованія на отдѣльное дипломатическое представительство, на томъ основаніи, что посты посланниковъ заняты исключительно Шведами. Но едва ли она можетъ достигнуть этого конституціоннымъ путемъ.

Союзный актъ, одинъ изъ лучшихъ памятниковъ политической мудрости, достигъ цѣли, весьма не легкой: гарантировать полную независимость и національность каждому изъ двухъ королевствъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлать неразрывнымъ ихъ союзъ. Кажется, не только Швеціи, но и Норвегіи нельзя желать ничего лучшаго. Если она теперь лишена удовольствія видѣть въ своей столицѣ дворъ и дипломатическій корпусъ, за то съ лихвою вознаграждена внѣшней безопасностью. Скандинавскій полу-

островъ въ соединеніи представляетъ почтенное государство, — раздѣленіе будетъ губельно для каждой части.

Но есть одна сторона, которая возбуждаетъ опасеніе за прочность союза, — это различіе конституцій. Трудно жить въ близкой связи демократическому государству съ такимъ сословнымъ какъ Швеція. Шведская либеральная партія смотритъ на Норвегію, какъ на идеалъ и какъ на опору своихъ стремленій. Короли шведскіе Карлъ XIV (Бернадотъ) и Оскаръ, люди истинно прогрессивные, могли бы кажется найти могущественную опору для своихъ плановъ въ помощи Норвегій: упорный шведскій сеймъ боится разрыва съ Норвегіей, который былъ бы для Швеціи роковымъ ударомъ. Но есть одинъ пунктъ, мѣшающій этому союзу короля, Норвегій и шведской либеральной партіи, — союзу; который могъ бы ввести Швецію въ кругъ новыхъ политическихъ учреждений, — это сама норвежская конституція. Король имѣетъ по ней только *отлагательное* вето. При такомъ началѣ, короли считаютъ весьма труднымъ управлять государствомъ. Карлъ XIV сдѣлалъ стортингу предложеніе, предоставить *королю абсолютное* вето *) «король желаетъ получить это право, говорилось въ посланіи, въ интересъ норвежской независимости и для прочности ея конституціи и взывать къ патриотизму и мудрости представителей. У короля и на мысляхъ нѣтъ — увеличить королевскую власть, — напротивъ того онъ желаетъ только прочности и раздѣленія государственныхъ властей. Надобно уравнивать національное представительство и предохранить страну отъ ея собственныхъ увлеченій, — подобно тому, какъ конституція приняла всѣ мѣры къ предохраненію страны отъ произвола королевской власти». Предложеніе это было отвергнуто стортингомъ. Еще большій ударъ получилъ королевскій авторитетъ въ 1822 году. Въ конституціи норвежской (эйдсвольдской, 1814 года) сказано: «Впредь не должны быть даваемы титулы

*) Вето *отлагательное* (veto suspensif) — называется то право главы государства, по которому законъ вотированный парламентомъ не приводится немедленно въ исполненіе въ случаѣ его (главы) несогласія, а препровождается на новое разсмотрѣніе (или тогда же, или въ слѣдующій годъ, или слѣдующему парламенту), и послѣ того, какъ вновь будетъ вотированъ (одинъ разъ, или въ другихъ конституціяхъ — два раза) получаетъ силу закона и безъ утвержденія правителя. *Абсолютное* вето (veto absolu) — право главы государства на рѣшительное участіе въ законодательствѣ; при его veto (т. е. безъ его согласія) законъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ состояться.

графовъ и бароновъ и никакія наслѣдственныя преимущества». Но существовавшіе титулы и привилегіи — оставлены. Конечно, такое положеніе не могло долго оставаться въ свободной странѣ: если конституція запретила впредь давать титулы и привилегіи, то стало-быть по смыслу ея они вредны — а если это такъ, то не логически удерживать и существовавшія. Дѣйствительно, не да-же какъ черезъ годъ стортингъ вотировалъ уничтоженіе титуловъ, привилегій и всѣхъ остатковъ дворянскихъ правъ. Здѣсь въ первый разъ произошла проба норвежской конституціи: король положилъ свое вето. Но слѣдующій стортингъ подтвердилъ прежнее рѣшеніе. Въ 1821 году третій стортингъ приступилъ къ разсмотрѣнію того же вопроса. Припомнимъ, что по норвежской конституціи королевское вето сохраняетъ силу только два раза,—а если третій стортингъ подтверждаетъ тотъ-же проектъ, то онъ становится закономъ.

Король чувствовалъ всю важность минуты—ему грозилъ двойной ударъ: если проектъ будетъ въ третій разъ подтвержденъ, то окажется незначительность королевскаго авторитета, а вмѣстѣ съ тѣмъ проведена будетъ новая рѣзкая черта различія съ Швеціей. Король употребилъ всѣ усилія для убѣжденія стортинга. Онъ лично прибылъ въ Христианію, объявилъ, что соглашается на отмѣну всѣхъ тѣхъ прерогативъ дворянства, которые почитаются противными общему благу, просилъ, грозилъ, даже придвинулъ шведскую армію къ границамъ,— все было напрасно: стортингъ почти единогласно (за исключеніемъ трехъ голосовъ) объявилъ уничтоженіе не только преимуществъ, но и самого имени дворянства,—и рѣшеніе получило силу закона.

Норвегія показала, что для прочнаго соединенія Скандинавіи, не она пойдетъ назадъ, а Швеція должно идти впередъ, по пути политическаго прогресса. Шведскій сеймъ, принявши наконецъ въ послѣднее время королевское предложеніе о свободѣ вѣроисповѣданій, подаетъ надежды на дальнѣйшее движеніе согласно духу времени, и съ тѣмъ вмѣстѣ, и на сблженіе съ Норвегіей. Понятно, однако, что король не можетъ тѣсно соединиться съ тѣмъ государствомъ, которое даетъ ему только власть президента республики, и считаетъ себя преимущественно государемъ шведскимъ, потому что авторитетъ его поставленъ шведской конституціей высоко, хотя онъ и не сочувствуетъ многимъ ея постановленіямъ.

IV.

Мы видѣли какое могущественное и плодотворное значеніе имѣли идеи французскіе для Норвегіи. Тоже самое мы встрѣчаемъ и въ Даніи. Примѣръ этого государства еще болѣе поучителенъ, нежели Норвегіи, потому что Данія обязана своей конституціей не внѣшнимъ обстоятельствамъ, — утвержденіе ея не было навязано, а она была свободнымъ актомъ короля и народа.

Нынѣ царствующій король Фридрихъ VII получилъ отъ своихъ предковъ неограниченную власть. Въ 1799 г. былъ изданъ ужасный законъ, по которому подвергался смертной казни тотъ, кто въ печатномъ сочиненіи осмѣлился бы совѣтывать измѣненіе неограниченной формы правленія; вѣчной каторжной работѣ — кто рѣшился бы порицать способъ управленія государствомъ или какой-либо актъ правительства. И вотъ Фридрихъ VII на второмъ году своего (1849) царствованія даетъ народу конституцію самую либеральную, самую мудрую, по образцу французской 1789—1791 годовъ, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ еще болѣе широкую. Результатомъ этого великаго и безпримѣрнаго акта было такое сильное развитіе націи, что она выдержала побѣдоносно борьбу съ Германіей, преобрѣла симпатію великихъ западныхъ державъ и, не смотря на трудныя внѣшнія испытанія, достигла высокаго процвѣтанія въ политическомъ, административномъ и судебномъ отношеніяхъ *).

Король управляетъ черезъ посредство отвѣтственныхъ министровъ. Отвѣтственность министровъ опредѣлена весьма строго. Парламентъ имѣетъ право предать ихъ верховному суду и требовать отъ нихъ отчета въ управленіи; король можетъ давать помилованіе обвиненнымъ министрамъ не иначе, какъ съ согласія парламента **).

Всего лучше показываетъ великодушіе короля щекотливая статья о содержаніи его и его фамліи (*liste civile*). Король предложитъ

*) Текстъ Датской конституціи приложенъ между прочимъ къ сочиненію Жефруа: *Hist. des Etats Scandinaves*, 1851.

**) Въ 1856 году всѣ министры отданы были подъ судъ парламентомъ за то, что безъ его именнаго разрѣшенія произвели нѣсколько оборонительныхъ сооруженій по случаю пребыванія англо-французскаго флота въ Балтійскомъ морѣ.

и парламентъ утвердилъ на содержаніе всей королевской фамилии ежегодно всего 400,000 р. сер. (300 т. рейхсталеровъ)! Притомъ принцъ или принцесса, если будутъ жить за-границей, то получаютъ содержаніе только по особому разрѣшенію парламента. Дворцы, земли, музеи и театры, которые до конституціи считались частной собственностью короля, объявлены государственной; король и его семейство пользуются ими, но съ обязательствомъ вознаграждать государство за порчу; даже старинное право охоты, столь дорогое въ феодальное время, ограничено; король имѣетъ право охотиться въ казенныхъ лѣсахъ, но долженъ платить за убитую дичь. И всѣ эти ограниченія, это скромное содержаніе (составляющее $\frac{1}{3}$ государственныхъ доходовъ) назначено самимъ королемъ!

Парламентъ состоитъ изъ двухъ камеръ (тинговъ): *Volks-thing* и *Lands-thing*. Обѣ эти палаты состоятъ изъ выборныхъ на срокъ членовъ, и право избирать въ первую и во вторую въ одинаковой степени принадлежитъ всѣмъ Датчанамъ безъ всякихъ условій ценса *). Разница состоитъ только въ томъ, что въ члены первой палаты (*Lands-thing*) можетъ быть избранъ только тотъ, кто имѣетъ ежегоднаго доходу 1,600 р. с. или платить 270 р. с. прямыхъ налоговъ; и притомъ избраніе въ *Lands-thing* происходитъ на двухъ степеняхъ (т. е., сначала выбираются избиратели, которые избираютъ представителей), а въ *Volks-thing* — прямыс. По этому *Lands-thing* никакъ нельзя назвать палатой перовъ, эта таже палата депутатовъ только менѣ демократическаго происхожденія.

Число членовъ въ народной камерѣ (*Volks-thing*) опредѣляется по количеству народонаселенія, именно одинъ депутатъ съ 14,000 душъ, — ландсъ-тингъ заключаетъ вдвое меньшее число членовъ противъ фолькс-тинга; въ послѣдній члены избираются на три года, въ первый на восемь лѣтъ, — и притомъ ландсъ-тингъ возобновляется не интегрально, а по частямъ — каждые два года выбываетъ четверть членовъ.

*) Право избирательства ограничено весьма немногими исключеніями. Не могутъ быть избирателями: находящіеся въ домашнемъ услуженіи, нищіе, лица, имущество которыхъ находится подъ опекой, не прожившіе года въ той общинѣ, гдѣ они находятся во время выборовъ. Отъ избирателя требуется возрастъ не моложе 30 лѣтъ, — но депутатомъ въ *Volks-thing* можетъ быть избранъ гражданинъ двадцатипяти-лѣтняго возраста; членъ *Lands-thing* долженъ быть не моложе 41 года.

Тингъ засѣдаетъ обыкновенно два мѣсяца въ году, — но король можетъ продолжать засѣданія. Если король не созываетъ тинга, то онъ самъ собою собирается въ первый понедѣльникъ октября мѣсяца. Право чрезвычайно важное! Если король распуститъ *) тингъ, то обязанъ собирать его вновь не позже,

*) Въ конституціонномъ правѣ слова — отсрочка (ajournement), и распу- щеніе (dissolution) парламента имѣютъ большое различіе. Отсрочить — значи- тельно только отложить на нѣкоторое время засѣданія парламента: это дѣ- лается или само-собою, когда для засѣданій парламента назначается опре- дѣленное число времени въ году, или по власти, предоставленной главѣ государства: онъ можетъ послѣ сбора парламента предложить ему разойтись на нѣкоторое время, — если напримѣръ не приготовлены дѣла для его раз- смотрѣнія, или какія нибудь особыя обстоятельства мѣшаютъ занятіямъ парламента, напримѣръ: война, моровая язва и проч. Сюда же относится право правительства — *продолжать* (prooger, prorogation) засѣданія парла- мента сверхъ назначеннаго по конституціи срока, если скопилось столько дѣлъ, что парламентъ не справиться въ положенное время, или если подъ конецъ его засѣданій встрѣтились такіе важные вопросы, разрѣшеніе ко- торыхъ правительство не желаетъ отлагать до слѣдующаго собранія. *Рас- пущеніе* парламента — есть актъ, по которому парламентъ оканчиваетъ свое существованіе, — и объявляются новые выборы, слѣдовательно явится новый парламентъ, хотя очень можетъ быть (и бываетъ), что не только большин- ство, но и всѣ члены прежняго вновь будутъ избраны. Распущеніе проис- ходитъ по закону, — когда истекъ срокъ, на который по конституціи избира- ются депутаты, — одинъ, два, три года или и болѣе. Мы говорили, что чѣмъ болѣе демократическаго начала въ конституціи, тѣмъ сроки эти ко- роче. Кромѣ того распущеніе бываетъ и до истеченія срока по королевской власти: хотя бы парламентъ засѣдалъ одинъ день, король можетъ распу- стить его, и тогда назначаются новые выборы, слѣдовательно является но- вый парламентъ. Это важное право предоставлено государю во всѣхъ кон- ституціонныхъ монархіяхъ, — за исключеніемъ Норвегій, которая и въ этомъ отношеніи составляетъ республику, потому что глава государства, хотя и называется королемъ, но не имѣетъ власти болѣе президента республики. Право короля распускать парламентъ считается полезнымъ для страны, если имъ пользуются умѣренно и не для личнаго каприза. Въ-самомъ-дѣлѣ, депутаты избираются на нѣсколько лѣтъ; въ это время мнѣніе націи мо- жетъ измѣниться, могутъ явиться такіе вопросы, о которыхъ и не пред- полагали во время избранія депутатовъ, — словомъ палата можетъ разойтись съ мнѣніемъ націи, депутаты будутъ представлять только самихъ-себя, а не народъ, — и парализовать такія предложенія и мѣры правительства, которыя направлены для блага страны и которымъ она вполне сочувствуетъ. Этой великой опасности избѣгаетъ страна предоставленіемъ государю права распустить парламентъ. Распускъ имѣетъ по этому значенію позванія къ націи. Правительство какъ-бы говорить: «я считаю полезнымъ для страны такой-то законъ, такую-то мѣру, и думаю, что народъ того же мнѣнія, — а парламентъ убѣжденъ въ противномъ. Рѣшите, кто изъ насъ правъ?»

какъ черезъ два мѣсяца; если онъ по обстоятельствамъ прерветъ засѣданія тинга, то опять долженъ созывать его въ самомъ скоромъ времени, не позже двухъ мѣсяцевъ, въ противномъ случаѣ тингъ собирается и безъ его призыва; правомъ отстрочки король можетъ пользоваться только одинъ разъ въ году. Король можетъ собирать и чрезвычайныя засѣданія тинга, т. е., сверхъ положеннаго въ году времени. Тингъ неприкосновененъ. «Кто покусится, говоритъ 47 статья, противъ безопасности и свободы тинга, дастъ или исполнитъ приказаніе такого рода, тотъ дѣлается виновнымъ въ государственной измѣнѣ».

Каждый членъ тинга имѣетъ право законодательной инициативы; тоже самое принадлежитъ и королю. Законъ долженъ быть принятъ обѣими палатами и утвержденъ королемъ. Если онъ принятъ одной и отвергнутъ другой, — то не можетъ быть болѣе представленъ на разсмотрѣніе въ томъ же году *). Король пользуется правомъ абсолютнаго вето **). Палатамъ принадлежитъ также право представлять адреса королю.

Если нація изберетъ вновь тѣхъ же депутатовъ, — стало-быть правительство ошиблось въ ея дѣйствительныхъ чувствахъ, и должна слѣдовать по тому пути, по которому идетъ парламентъ; въ противномъ случаѣ — мнѣніе правительства оправдывается и его мѣры получаютъ успѣхъ. Конечно, необходимо подчинить это право строгимъ ограниченіямъ — иначе страна будетъ постоянно въ напряженномъ состояніи.

*) Замѣтимъ одну умную комбинацію датской конституціи съ цѣлью приводить обѣ палаты по-возможности къ соглашенію. Если одна палата представляетъ законъ, другая можетъ дѣлать измѣненія въ проектѣ, и препровождать его вновь на разсмотрѣніе первой; если онѣ не сходятся во мнѣніяхъ, то наріжается смѣшанная коммиссія изъ членовъ обѣихъ палатъ, она выработываетъ мнѣніе, и представляетъ его на балотировку обѣихъ палатъ, которыя не могутъ болѣе дѣлать измѣненій, а должны принять или отвергнуть.

Данія приняла правило, постановленное конституціей 1789—1791 годовъ существующее и теперь въ англійскомъ парламентѣ, о томъ, что вотированіе проекта закона начинается только послѣ трехъ разсужденій.

**) Абсолютное вето (*veto absolu*) — безусловное право короля не пропустить проекта закона, хотя бы и вотированнаго обѣими палатами, — другими словами, что законъ не можетъ состояться безъ королевскаго утвержденія. Такимъ правомъ пользуются короли во всѣхъ парламентарныхъ государствахъ, и оно считается необходимой прерогативой королевской власти. Другое вето — отлагательное (*veto suspensif*), по которому исполнительная власть можетъ только приостановить на время исполненіе закона, обративши его въ палаты на новое разсмотрѣніе съ своими замѣчаніями: парламентъ или соглашается съ мнѣніемъ исполнительной власти, или остается при своемъ прежнему, — но въ послѣднемъ случаѣ требуется обыкновенно не

Кромѣ общихъ правъ парламента вотировать законы и налоги, — тингъ обладаетъ еще слѣдующими: безъ его согласія не можетъ быть произведенъ рекрутскій наборъ или другими способами набранъ военный отрядъ; онъ имѣетъ главный контроль надъ финансами, назначаетъ комиссаровъ (каждая камера одного) ему одному подчиненныхъ и отъ него получающихъ жалованье, которые ревизуютъ счетныя государственныя книги и представляютъ ему подробный рапортъ; король можетъ заключить трактаты, но если по нимъ налагается на государство какое-либо обязательство, то они недѣйствительны безъ согласія тинга; всѣ правительственныя мѣста и лица, по требованію тинга должны представлять ему документы и объясненія и лично являться для словесныхъ объясненій.

Начало свободы и равенства получили по датской конституціи самое широкое приложеніе въ опредѣленіи правъ гражданна. Не только сословныя права, но даже *титулы* и ранги отмѣнены. Чтобъ доставить полное торжество началу равенства, конституція (ст. 98) доходитъ до самого корня, до права наследства: она запрещаетъ майораты, лены, фидлокомпы, и принимаетъ мѣры къ обращенію существующихъ въ свободную собственность. Право ассоціацій миттиговъ и свободы книгопечатанія вполне гарантировано: «граждане имѣютъ право составлять ассоціаціи, не испрашивая предварительнаго разрѣшенія, съ цѣлью, не противной законамъ. Правительство можетъ только на время приостановить дѣйствія какой-либо ассоціаціи, но закрыть ее можно только вслѣдствіе судебного приговора» (ст. 92). «Граждане имѣютъ право собираться безъ оружія. Полиція имѣетъ право присутствовать при этихъ собраніяхъ. Собранія на открытомъ воздухѣ могутъ быть запрещаемы, если отъ нихъ можетъ произойти опасность для общественнаго порядка» (ст. 93). «Во пре-

простое большинство голосовъ, а усиленное (двухъ третей), и тогда проектъ получаетъ силу закона и безъ утвержденія исполнительной власти. Ясно, что по этому началу парламентъ обладаетъ полной законодательной властью. Отъ того оно считается началомъ республиканскимъ. Но мы видѣли, что оно существуетъ и въ норвежской конституціи (не говоря уже о французской 1789—1791 года). Впрочемъ, норвежская конституція весьма благоразумно даетъ отлагательному вѣту короля большую силу: безъ его согласія законъ можетъ пройти только тогда, когда онъ былъ принятъ въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ послѣдовательно тремя стортингами, и послѣднимъ по большинству двухъ-третей голосовъ. При такой мѣрѣ ясно, что только законъ крайне полезный для страны, можетъ пройти безъ-утвержденія короля, — и необдуманнаго рѣшенія быть не можетъ.

мя бунта войско, если на него не нападаютъ, не можетъ дѣйствовать иначе, какъ послѣ троекратнаго убѣжденія толпы разойтись во имя короля и закона» (ст. 94).

Далѣе, каждый гражданинъ долженъ быть представленъ судьямъ въ теченіе двадцати четырехъ часовъ послѣ арестованія. Судья рѣшаетъ мотивированнымъ приговоромъ, долженъ ли онъ оставаться подъ арестомъ или отпущенъ на поруки; на такое рѣшеніе допускается немедленная апелляція. И притомъ, нельзя подвергнуть предварительному аресту если гражданинъ обвиняется въ такомъ проступкѣ, за который по закону полагается наказаніе не свыше тюремнаго заключенія. Жилище не прикосновенно; обыскъ можетъ быть произведенъ только по приговору судьи.

Наконецъ, замѣтимъ, что датская конституція единственная въ мірѣ, которая признаетъ *право гражданина на помощь со стороны государства*: «гражданинъ, который не въ состояніи прокормить себя и свою семью, имѣетъ право на вспоможеніе со стороны общины съ тѣмъ, что онъ подвергается всѣмъ обязанностямъ, опредѣленнымъ закономъ относительно этого предмета. — Дѣти, родители которыхъ не въ состояніи доставить имъ воспитаніе, получаютъ даровое образованіе въ общественныхъ школахъ.»

Конституція ввела присяжныхъ и безсмѣнность судейскаго сословія. Впрочемъ, по примѣру Франціи, признано, что послѣ шестидесяти пяти лѣтняго возраста судья можетъ быть уволенъ въ отставку, но съ пенсіономъ полнаго оклада жалованья.

Датское королевство заключаетъ въ себѣ одну область, составляющую часть германскаго союза — Голштинію, и другую спорную, на которую Нѣмцы предъявляютъ свои права — Шлезвигъ. Германская народность взволновалась противъ датской монархіи... за ея превосходную конституцію. Нѣмецкое дворянство въ Голштиніи, которое молчало во время неограниченнаго правленія, взволновалось когда ему пришлось жить подъ конституціей, не признающей не только Rittergutъ съ его феодальными правами, не только не выдѣляющей для дворянства особой камеры и скамей въ національномъ представительствѣ, — но даже уничтожающей титулы, привилегіи, майораты. Этого не могло снести благородное германское дворянство и нашло себѣ симпатію и въ Пруссіи и въ Австріи, и въ Баваріи. Германскія государства, Пруссія и Австрія, которыя не даютъ никакихъ особыхъ политическихъ правъ областямъ славянскимъ и

венгерскимъ, не входящимъ въ составъ союза, громко провозгласили теорію, что нѣмецкая народность должна пользоваться полной отдѣльностью и независимостью въ не-нѣмецкихъ государствахъ, и по этому потребовали, чтобы Датскій король далъ Голштиніи и Шлезвигу особую конституцію, особую армію, особое правленіе, словомъ совершенно разорвалъ бы свою не большую монархію *). Датскій король соглашался дать Голштиніи особое управленіе, но объявилъ, что не имѣетъ ни права, ни желанія, ни возможности расторгнуть союзъ Шлезвига съ Даніей и ввести его въ германскій союзъ **). Дворянство успѣло обмануть горожанъ и часть народа; Пруссія, которая въ это самое время не только не давала польской національности въ Познани гражданскаго бытія, но и хотѣла ее присоединить къ Германіи, — эта самая Пруссія явилась ревностной поборницей феодально-голштинскихъ стремленій. Не смотря на то, Датчане храбро вели войну, разбили противниковъ въ двухъ кампаніяхъ и въ 1851 году Пруссія и остальная Германія отступились отъ Голштиніи; послѣ этого Данія оставалось вести только дипломатическую борьбу съ германскимъ сеймомъ, и она здѣсь имѣла также полный успѣхъ: десять лѣтъ она подчпывала сеймъ всякаго наименованія вотами.

А. ЛОХВИЦКІЙ.

*) Населеніе датскаго государства простирается до 2,600,000. Изъ нихъ: въ колоніяхъ 122,000, въ собственной Даніи 1,500,000, въ Шлезвигѣ 400,000, Голштиніи 524,000, Лауенбургѣ 50,000, — такимъ образомъ герцогства составляютъ $\frac{2}{3}$ европейскаго населенія.

**) Шлезвигъ никогда не составлялъ части германской имперіи, Эйдеръ былъ ея границей (*Eudora romani terminus imperii*); только $\frac{1}{3}$ его населенія состоитъ изъ Нѣмцевъ, поселившихся не раньше XIV вѣка. Эти два герцогства до XVII вѣка принадлежали даже различнымъ линіямъ датскаго королевскаго дома. Не смотря на это, коллегія кильскихъ профессоровъ отыскала какую-то грамоту Христиана I (1460 года), по которой оба герцогства должны быть всегда соединены вмѣстѣ. Даже передъ революціей 1848 г. все единство Голштиніи и Шлезвига состояла въ томъ, что у нихъ были общіи учрежденія для глухо-нѣмыхъ и сумасшедшихъ. Это не помѣшало Нѣмцамъ смѣшать Шлезвигъ съ Голштейномъ, а ихъ поэты, кажется, даже и Ютландію включили въ Германію, какъ показываетъ ихъ національная пѣсня:

Schleswig-Holstein, meerumschlungen (?),
 Deutscher-Sitte hohe Wacht!
 Schleswig-Holstein, stammverwandt!
 Wanke nicht, mein Vaterland!

ЗАМѢТКИ О ЗАПАДНОЙ СИБИРИ.

Двѣтвенность Сибири служитъ причиною двухъ ложныхъ мнѣній о ней, совершенно противоположныхъ. Одни, принимая двѣтвенность за богатство, преувеличиваютъ ея политическое значеніе; другіе, пораженные недоступностью ея лѣсовъ и рѣкъ, и первобытнымъ состояніемъ путей сообщеній, считаютъ ее страшею совершенно враждебною возникновенію въ ней гражданской жизни. Въ самомъ дѣлѣ русскій народъ, пришедшій сюда, не только съ большимъ упорствомъ, чѣмъ къ западу отъ Урала, сохраняетъ древнія формы быта, но мѣстами даже дѣлаетъ отступленія къ еще болѣе древнимъ формамъ. Такъ напримѣръ, Англиская колонія въ Якутской области была составлена первоначально изъ земледѣльцевъ и предназначалась къ развитію хлѣбопашества въ отдаленномъ краю, но черезъ нѣсколько лѣтъ поголовно перешла къ звѣроловному промыслу. Притомъ двѣтвенная картина Сибири такъ медленно мѣняется отъ недостатка ея народонаселенія, что легко впасть въ ошибку и думать, что эта природа совершенно неподѣдима.

Лѣса здѣсь еще такъ густы, что вѣтеръ не проникаетъ въ нихъ чаще. Рѣки, которыя текутъ по этимъ лѣсамъ, не смотря на глубину и ширину, заваливаются поперегъ природными плотинами изъ бурелома, такъ-что вода поднимается поверхъ плотинъ и образуетъ характеристическій каскадъ съ древеснымъ божомъ; судоходство по рѣкѣ Чулыму потому и брошено, что дно его покрыто каршами. Одинъ крестьянинъ рассказывалъ мнѣ о явленіи, котораго онъ былъ свидѣтелемъ: онъ спустился въ лодочкѣ по рѣкѣ Кельбесу, въ томской тайгѣ, до естественной плотины изъ каршей. Сквозь свѣтлый потокъ воды онъ раз-

глядѣлъ, что дно рѣки на всемъ пространствѣ, которое можно было обнять глазомъ, вымощено, какъ мостовая, хребтами окуней или другой какой-то рыбы, остановленной на своемъ пути этимъ препятствіемъ. И какъ не быть этому богатству, когда средства рыбной ловли у владѣтелей этихъ рѣкъ, Остяковъ, принадлежатъ тому дикому періоду, когда человѣкъ еще не зналъ ни мѣди, ни желѣза. Его удочка не желѣзный крючекъ, а просто маленькая деревянная вилашка, заостренная на одномъ концѣ. Ловля съѣтью еще лучше показываетъ, какъ легко ловить рыбу въ этихъ рѣкахъ; остяцкій колыданъ есть простой мѣшокъ, родъ сака, который бросается на дно рѣки и вытаскивается съ добычей; что же можетъ быть проще этого черпанья рыбы?

Многія мѣста этой страны еще неизвѣстны русскимъ путешественникамъ; рѣки, впадающія въ Обь справа отъ Сургута до Самарова, нанесены на карту топографами единственно по рассказамъ туземцевъ; трудно что-нибудь вѣрное сказать о той части степи, которая лежитъ къ югу отъ соляныхъ бурлинскихъ озеръ; эта центральная часть томской губерніи, окруженная населенными округами, такая же terra incognita, какъ и центральная Азія. Здѣсь лежатъ густыя, топкія, не проходимыя займища, въ которыхъ скрываются козули, родина которыхъ Алтай лежитъ на 500 верстъ далѣе къ югу. Они рождаются тамъ и каждую осень уходятъ къ алтайскимъ кряжамъ, а на лѣто спускаются съ нихъ на займища; лѣтомъ ихъ пастбища не доступны, а зимой остаются здѣсь только вѣроятно престарѣлыя козули, которыя и составляютъ добычу здѣшнихъ охотниковъ. Здѣсь же водится множество дичи; рассказы сибирскихъ городскихъ охотниковъ полны сценъ изъ звѣроловаго быта человѣчества. Такимъ образомъ, осенью 1858 года я былъ свидѣтелемъ, какъ бѣлка совершила переходъ изъ одной страны въ другую по садамъ города Томска; бѣлки бѣгали по крышамъ домовъ и забѣгали даже въ комнаты. Одинъ охотникъ, живущій въ Барнаулѣ, рассказывалъ мнѣ, что онъ знаетъ около этого города нѣсколько токовъ дупелей, каждый день посѣщаетъ ихъ и всегда возвращается съ значительной добычей; онъ увѣрялъ меня, что дупели собираются на нихъ 900 — 1000 штукъ около нѣсколькихъ самцевъ; это были дѣлыя системы токовъ; вокругъ первоначальнаго большаго тока множество было раскидано побочныхъ въ густой еще не вымятой травѣ, и только выстрѣлъ обнаруживалъ всю обширность пространства, занятаго токами, когда

птица выпархивала изъ травы, подобно пуху, надъ которымъ взмахнули платкомъ.

Но самая юная и менѣе всѣхъ разработанная страна въ западной Сибири — Алтай. Нигдѣ домашнія животныя не пользуются такой свободой, какъ здѣсь. У Калмыковъ, занимающихъ самыя верхнія ступени Алтая, лошади нестѣснены даже человѣческимъ присмотромъ, а козлы совершенно независимы, потому что никакой пастухъ не въ состояніи услѣдить за стадомъ, когда оно распоздается по скаламъ. У подошвы Алтая русскіе крестьяне разводятъ пчелъ, но жизнь послѣднихъ мало отличается отъ жизни дикихъ пчелъ; онѣ живутъ въ пасѣкахъ въ такихъ же гнилыхъ дуплахъ, какъ и въ лѣсу. Здѣсь еще проще орудіе, которое употребляетъ человѣкъ въ борьбѣ съ дикими животными; простая палка, называемая кайкомъ, служитъ единственнымъ орудіемъ на охотѣ за моралами.

Эта близость къ природѣ и ея непобѣдимая сила если не усиливаетъ, то поддерживаетъ въ людяхъ благоговѣніе къ ней; здѣсь сохранились живые слѣды древняго фетишизма; человѣкъ надѣяется чувствомъ воду и хлѣбъ; водѣ бываетъ тяжело, когда ледъ ломается, и жители рѣки Иртыша облегчаютъ ея мученія тѣмъ, что кидаютъ въ нее крохи хлѣба; ковригъ хлѣба тяжело, когда она лежитъ къверху нижней коркой, какъ человѣчку, который виситъ внизъ головой; по этому запрещается класть ее въ такомъ положеніи.

Эти лѣса и рѣки принимаются за богатство страны. Не нужно упускать изъ виду, что лѣса Сибири состоятъ изъ немногихъ видовъ, а лиственные лѣса почти изъ одной березы; что въ рѣкахъ много рыбы, но онѣ не разнообразны. Нѣтъ сомнѣнія, Сибирь можетъ пропитать народу больше чѣмъ, напримѣръ, Германія, но только въ такой пропорціи, въ какой территорія Сибири больше территоріи Германіи. Нѣтъ также особенныхъ условій для того, чтобъ эта страна была по преимуществу мануфактурной; и на оборотъ, нѣтъ причины отвергать возможность развиться въ ней мануфактурному труду. Словомъ, это не баснословно-богатая страна, но страна, не лишенная тѣхъ выгодъ, которыя имѣютъ всѣ другія сѣверныя страны Европы и Америки.

Мы приведемъ здѣсь два противные отзыва, изъ которыхъ одинъ принадлежитъ Сперанскому, другой Герсеванову. Сперанскій писалъ своей дочери изъ Тобольска, 14-го Юнія 1819 года: «не слушай разсказовъ о сибирской природѣ. Сибирь есть про-

сто Сибирь. Надобно имѣть воображеніе не пыкое, но сумасбродное, чтобъ видѣть тутъ какую-то Индію. Доселѣ по крайней мѣрѣ я ничего не видалъ ни въ природѣ величественнаго, ни въ людяхъ отличнаго. Уральскія горы, сколько не называй ихъ рифейскими, все будутъ скучныя, однообразныя, безчисленныя, утомительныя хребты, растянутыя на пространствѣ 400 верствъ. При переѣздѣ ихъ не встрѣтишь ни одной точки зрѣнія, гдѣ бы глазъ остановился; ни одной равнины, съ коею можно было бы вдругъ обнять какое-либо значительное возвышеніе *). Здѣсь даже нѣтъ и красныхъ ужасовъ. Болѣе скучно, нежели опасно, и даже совсѣмъ не опасно. Примѣтъ, что мы проѣзжали ихъ въ самое лучшее время и что глазъ мой пристрастенъ ко-всякой красотѣ природы, всякому явленію изящному или величавому. О людяхъ тоже сказать можно. Доселѣ я еще не могъ составить ни какого понятія, которое представляло бы мнѣ *Сибиряка*. Тѣ же пороки; тѣже глупости; тоже терпѣніе въ бѣдныхъ и своекорыстіе въ богатыхъ. Различіе только въ томъ, что здѣсь, говорю вообще, всѣмъ жить широко, земля довольно хороша и слѣдовательно бѣдныхъ меньше. Посмотримъ, что будетъ далѣе; а до Тобольска и въ Тобольскѣ я смѣло утверждаю, что Сибирь есть просто Сибирь, то есть прекрасное мѣсто для ссыльныхъ, выгодное для нѣкоторыхъ частей торговли, любопытное и богатое для минералогіи; но не мѣсто для жизни и высшаго гражданскаго образованія, для устроенія собственности твердой, основанной на хлѣбопашествѣ, фабрикахъ и внутренней торговлѣ. Впрочемъ жизнь въ Тобольскѣ весьма дешева; великое изобиліе рыбы и прекрасной; но что значитъ сіе мѣсто изобилія, когда за двѣсти верствъ, по недостатку и даже по невозможности сообщеній вдругъ все пзмѣняется и въ виду избытка можно умереть съ голоду. Южная часть губерніи вообще довольно изобильна; но одинъ градусъ къ сѣверу, одинъ шагъ съ большой дороги и ты въ пустынь, среди болотъ непроходимыхъ, гдѣ дикій Остякъ гоняется только зимою за серною или соболемъ, а лѣтомъ, то-есть, два мѣсяца, живетъ рыбою».

Такой взглядъ на сибирскую природу не вѣренъ, потому что Сперанскій проѣхалъ по такой дорогѣ, съ которой не могъ видѣть лучшихъ мѣстъ Сибири, именно ея южныхъ степей; что касается до его заключенія о будущемъ Сибири, то оно сдѣлано

*) Это кажется ошибка; Сперанскій вѣроятно, хотѣлъ сказать на-оборотъ.

не по близкому знакомству съ страной, а по первому впечатлѣнію, которое не удовлетворило вѣроятно фантастическія ожиданія Сперанскаго отъ страны, которой онъ ѣхалъ дать устройство. Онъ надѣялся найти обособленный уже народъ, предчувствующій новую жизнь и жаждущій ея, и вмѣсто того просто встрѣтилъ крестьянъ, не связанныхъ между собою ни какими социальными отношеніями, просто встрѣтилъ толпу личностей, безмолвно страдающихъ и ходомъ своей исторіи доведенныхъ до безмысленной покорности.

Не знаю, въ какой степени вѣрно его свидѣтельство, что Сибирь въ то время считалась русской Индіей, но гораздо позже, въ 1846 году, г. Герсевановъ опять нападаетъ на это ложное убѣжденіе. Этотъ писатель приходитъ къ заключенію еще менѣе свѣтлому. Онъ говоритъ: «Монголамъ искони суждено быть скотоводами, а обитателю Сибири звѣроловомъ». Почти всѣ выводы, представленные Герсевановымъ въ этой статьѣ, ложные. Онъ сравниваетъ движеніе народонаселенія въ Сибири съ Сѣверо-Американскими Штатами и говоритъ: «Вотъ болѣе двухъ вѣковъ, какъ Сибирь стоитъ подъ мирнымъ русскимъ правленіемъ, и ни ея народонаселеніе, ни торговля, ни промышленность не сдѣлали успѣховъ. Что видѣли въ Сибири? три или четыре города, стоящіе этого имени, мѣну съ Китайцами на Кяхтѣ, и Сѣверо-Американскую компанію. Но города эти — точно оазисы въ огромной пустынѣ, которая сама ничего не производитъ, оазисы длиннаго караваннаго пути, соединяющаго Россію съ Китаемъ; существованіе подобныхъ путей не можетъ быть прочно; со временемъ, съ переменой обстоятельствъ, такіе пути берутъ другое направленіе, а иногда и совсѣмъ пропадаютъ, не оставляя слѣдовъ. Это явленіе замѣтно уже въ Сибири: промышленность и населеніе вездѣ, за исключеніемъ мѣстъ, лежащихъ на главномъ торговомъ трактѣ, довольно ничтожны; многіе города, важные въ XVI, XVII и XVIII столѣтіяхъ, Обдорскъ, Березовъ, Гижигинскъ, Туруханскъ утратили свою важность и не заслуживаютъ имени городовъ даже въ Сибири.

Какія причины затрудняютъ движеніе народонаселенія въ Сибири — не знаю; только онѣ не заключаются въ физическихъ условіяхъ страны. Сибирь въ географическомъ отношеніи — это та же Европейская Россія къ сѣверу отъ линіи, проведенной чрезъ Могилевъ, Курскъ, и Саратовъ. Правда, верхняя часть Сибири не доступна, но когда-то, т. е., до русской колонизаціи, была почти такой и Архангельская губернія. Скорѣе эти причи-

ны заключаются въ устройствѣ общества, что со временемъ можетъ измѣниться; сравнивать Сибирь съ Американскими Штатами нельзя: послѣдніе принимаютъ ежегодно изъ одной Германіи болѣе 40,000 человѣкъ, которыхъ влечетъ туда не благоприятный климатъ, а свобода труда и социальной жизни. Масса, которая участвуетъ въ снабженіи Сѣверо-Американскихъ Штатовъ колонистами, т. е., населеніе Западной Европы, составляетъ 200,000,000. Между тѣмъ колонизація Сибиря не свободна; не всякій русскій можетъ туда переселиться; колонисты не пользуются правомъ сами выбрать себѣ мѣсто поселенія. Кроме того недостатокъ внутренней и внешней торговли, отсутствіе удобствъ жизни и дѣятельности, также содѣйствуютъ застою народонаселенія.

Авторъ справедливо думаетъ, что транзитные пути берутъ другое направленіе, и можетъ быть чай въ Россію будетъ привозиться моремъ, черезъ Петербургъ и Одессу; но это не уничтожитъ кяхтинскую торговлю; она только приметъ болѣе спеціальнѣй характеръ, сдѣлается торговлей Китая съ Сибирью. Радищевъ еще въ прошломъ вѣкѣ доказывалъ, что кяхтинская торговля имѣетъ значеніе только для Сибири. Что же касается до паденія сибирскихъ городовъ, то это есть слѣдствіе быстро развивающейся и неустановившейся жизни; если одинъ городъ падаетъ, то другіе поднимаются; и если эта замѣна одного города другимъ ускользнетъ отъ наблюденія, то это потому, что богатство (или лучше сила притяженія богатства) не вдругъ переходитъ къ новому центру населенія, а распредѣляется между нѣсколькими городами *).

Далѣе авторъ взвѣшиваетъ значеніе сибирской торговли и доказываетъ ничтожность главныхъ отраслей ея, чая и мягкой рухляди. Но въ послѣднее время въ Сибиріи открылось много новыхъ производствъ, которыя начинаютъ отодвигать упомянутые продукты на задній планъ. Желѣзо, мѣдь, свинецъ, хлѣбъ, кожа, сало, мясо, ябъсъ, вотъ товары, которыми скоро будетъ торговать Сибирь. Тобольская губернія уже связана съ Россіей значительной внутренней торговлей; кроме хлѣба, который она отправляетъ въ Чердынъ для Печорскаго края, она доставляетъ Россіи множество другаго «жирнаго товара», который свозится

*) Положимъ Березовъ и Туруханскъ были въ XVII столѣтіи лучше, чѣмъ теперь; за то въ XVII столѣтіи совсѣмъ не было такихъ городовъ, какъ Тюмень, Томскъ, Красноярскъ и Иркутскъ.

пзъ губерній на шинскую ярмарку, превышающую своими оборотами 2,000,000 р. сер. Нѣкоторые произведенія идутъ даже за-границу; такъ, на примѣръ, масло съ шинской ярмарки идетъ черезъ Таганрогъ въ Константинополь, а тюменская юфта въ Коксень. Со временемъ и эти товары будутъ замѣнены другими, о которыхъ теперь ничего нельзя сказать, потому что будущее скрываетъ, какое направленіе приметъ сибирская промышленность.

Наконецъ авторъ старается убѣдить, что «Сибирь въ нѣкоторомъ смыслѣ питаясь соками Россіи, сама мало оттого тучнѣетъ, а отнимаетъ силы у своей кормилицы» т. е., русскіе купцы убѣждаютъ въ Сибирь для торговли, обогащаются тамъ, но государство мало оттого выигрываетъ. Опъ сравниваетъ Сибирь съ Неландіей, на которую Данія тратится впродолженіе 800 лѣтъ, и не можетъ добиться полезнаго результата. Но это слишкомъ недобросовѣстное сравненіе; Сибирь ни какихъ денежныхъ тратъ не требуетъ отъ государства *), въ ней не нужно усилія для развитія земледѣлія, скотоводства и прочихъ промысловъ; въ предметахъ первой необходимости въ ней нѣтъ недостатка, повсемѣстнаго голода не можетъ быть, есть уже зачатки внутренней торговли, слѣдственно самостоятельное существованіе ея не подвержено сомнѣнію. Что же касается до того, что авторъ хотѣлъ бы стѣснить частную предпримчивость и дѣятельность Сибири, объ этомъ теперь нечего говорить.

Г. Герсевановъ приводитъ два поучительные анекдота, одинъ о докторѣ, безуспѣшно потратившемъ и труды и лѣкарства на сифилитическихъ Остяковъ, другой о негоціантѣ Дობбелѣ, два раза приѣзжавшемъ въ Камчатку съ товарами и оба раза потерѣвшемъ убытокъ, потому что всегда нужны были предварительныя сношенія съ Петербургомъ о дозволеніи торговать. Изъ этого у Герсеванова слѣдуетъ, что доктору слѣдовало приложить свои знанія гдѣ-нибудь въ Россіи, гдѣ онъ скоро сдѣлался бы капиталистомъ, а не въ странѣ, гдѣ не только не благодарили, но даже затрудняли его человѣколюбивые подвиги. Но развѣ гдѣ-нибудь первые всходы цивилизаціи не затрудняли сѣятелей ея? Неужели невѣжество народа можетъ остановить ту благодѣтельную руку, которая несетъ дикому племени свѣтъ и

*) Въ послѣднее время только колонизація Амура потребовала большихъ суммъ отъ государства; колонизація же въ Киргизской степи производится на счетъ ясака, собираемаго съ Киркизовъ.

счастіе? Вспомнимъ, какихъ успій и жертвъ стоила разработка американскихъ пустынь европейскимъ миссіямъ, но ни одинъ бездарный бюрократъ не говорилъ имъ, что выгоднѣй работать въ Мадридѣ или Парижѣ, чѣмъ на берегахъ Ореноко или Миссисипи. Изъ приключенія съ г. Доббелемъ г. Герсевановъ дѣлаетъ еще болѣе странный выводъ, именно, онъ обвиняетъ его за чѣмъ онъ не знаетъ страны, съ которою ѣхалъ торговать; и потому ему слѣдовало бы везти свою соль изъ Тихаго Океана въ Одессу или Петербургъ, словомъ въ Россію, гдѣ ужъ извѣстно, что недоразумѣній на счетъ допущенія къ торговлѣ не можетъ быть. Отсюда же слѣдуетъ, что русскіе купцы не должны торговать съ Сибирью, а только внутри Европейской Россіи, такъ какъ внутренняя торговля съ сибирскимъ краемъ можетъ назваться въ отношеніи къ Россіи уже заграничной. Исключеніе въ этомъ допускается только для Англичанъ, которые имѣютъ много капиталовъ, и потому они одни могутъ только пускать ихъ въ оборотъ внѣ своей территоріи.

Но виновата ли была Камчатка, что Доббелю не удалось предпріятіе? Не помѣшала ли ему лучше административная зависимость Камчатки отъ Петербурга? Что же до жизненныхъ соковъ, которые Сибирь тянетъ изъ Россіи, она платитъ ей тѣми же соками; впрочемъ на денежные расходы Россіи Сибирь не имѣетъ права разсчитывать, потому что она не составляетъ особеннаго интереса для русскаго государства, кромѣ того, какой приписать ей Сперанскій, т. е., какъ прекрасное мѣсто для ссыльныхъ, выгодное для нѣкоторыхъ отраслей торговли, любопытное и богатое для минералогіи. Но она имѣетъ огромную важность для русскаго народа, какъ одна изъ его цѣльныхъ и непочатыхъ силъ. Поэтому тратить русскія деньги на сибирскія учрежденія значитъ жертвовать собственностью Европейской Россіи, можетъ быть противъ желанія общества, и даже во вредъ ему; но личности должны быть совершенно свободны въ своихъ намѣреніяхъ относительно Сибири; это добровольное пожертвованіе общества.

Въ исторіи колонизаціи Сибири раскрывается и значеніе ея. Сибирь завоевана и населена народомъ; она открыта Ермакомъ и занята казаками. Всѣ главныя предпріятія въ ея колонизаціи исполнены частными лицами безъ правительственнаго участія. Правительству принадлежитъ только переселеніе ямщиковъ, и колонизація рѣки Иртыша и барабинскихъ болотъ. Во все время колонизаціи народъ шелъ впереди правительственныхъ распо-

ряженій; такъ, напримѣръ, еще въ 1610 году татарскіе казаки ѣздили за солью къ Ямышевскому озеру, а правительство заняло это мѣсто только спустя цѣлое столѣтіе, въ 1717 году. Вся территория, принадлежащая теперь Россіи въ Азіи, прежде всего была занимаема или посѣщаема казаками и промышленниками; даже нынѣшнее присоединеніе амурскаго бассейна было уже предупреждено народомъ въ XVII столѣтіи. Русскій народъ заложилъ здѣсь новое основаніе для продолженія своей жизни; если представить въ будущемъ Сибирь также населенною, какъ нынѣшняя Европейская Россія, то нельзя не подумать, что центръ тяготѣнія русскаго государства долженъ перейти на нее.

Впрочемъ, вслѣдъ за основаніемъ, русская колонія поступила подъ опеку правительственной власти и подчинилась внѣшнимъ административнымъ планамъ; отъ Петра I-го до настоящаго времени былъ періодъ организаціи управленія Сибирью.

Сборъ пушнины вмѣсто налога учрежденъ, разумѣется, потому, что денежный сборъ съ звѣроловаго народа былъ бы невозможенъ; правительство приняло на себя процессъ обращенія этого товара въ деньги, но такъ какъ подобныя операціи не могутъ совершаться чиновниками съ той выгодой, какъ это могутъ дѣлать купцы, то правительство, чтобъ поддержать на рынкѣ свою пушнину въ одной цѣнѣ съ купеческой, было вынуждено на нѣкоторыя мѣры для стѣсненія торговли мягкой рухлядью.

Въ настоящее время сборъ этой натуральной подати обременяетъ большими затрудненіями податное сословіе. Обыкновенно широдцы переводятся на денежный окладъ, когда обратятся къ хлѣбопашеству. Повидимому такая норма для перехода къ денежному окладу справедлива; но не нужно забывать, что переходъ народа отъ звѣроловаго быта къ сѣдлому бываетъ постепенный, слѣдовательно и переходъ отъ пушнаго оклада къ денежному также долженъ быть постепеннымъ. А это сдѣлать можно просто: слѣдуетъ только допустить пріемъ и мѣхами и деньгами, смотря по желанію плательщика. Остякъ не переходитъ прямо отъ ловли соболей къ земледѣлію; онъ долго еще остается звѣроловомъ, хотя уже давно пересталъ быть соболынымъ охотникомъ. По этому налогъ ложится не равномерно; мнѣ случалось слышать, что Остяки, обязанные непременно представить въ казну мѣхъ, а не деньги, иногда покупаютъ мѣхъ у купцовъ, чтобъ сдать его въ казну. Со временемъ, пожалуй, если Остяки не сдѣлаются земледѣльцами, то дойдетъ до того,

что они должны будут доставать свой налогъ изъ владѣній Гудзонбейской компаніи.

Такъ какъ пушнина не можетъ даже идти ни на какое непосредственное употребленіе для государства, а должна быть обмѣнена на монету, то для казны еще выгодыѣ совершить скорѣй переходъ отъ этой натуральной подати къ денежной, потому что тогда сохранится въ пользу казны тотъ процентъ, который выгадываютъ чиновники для себя отъ продажи мѣховъ.

Особенно влечетъ за собой много бѣдственныхъ послѣдствій мѣра, не давно установленная съ цѣлью воспрепятствовать купцамъ выкупать у Остяковъ лучшихъ соболей годичной добычи раньше сбора ясака. Мѣра эта заключается въ запрещеніи (съ 1844 г.) торговыхъ сношеній съ инородцами до сбора съ нихъ подати; такимъ образомъ опредѣлено для торговли только два періода въ году: мѣсяцъ Январь и промежутокъ съ 15 Іюня по 1-е Сентября, всего три мѣсяца съ половиной; въ остальные же восемь мѣсяцевъ запрещено не только вѣзжать въ остяцкія селенія, но даже имѣть какія-нибудь дѣла съ ними, оставлять у нихъ въ юртахъ непроданные товары и вообще имѣть какіе-нибудь склады, лавки и магазины внутри ихъ жилищъ. Свѣдѣнія объ этомъ я заимствую изъ небольшой записки нарымскаго купца Родюкова; онъ говоритъ, что это распоряженіе прекратило всякое торговое сношеніе съ Остяками.

Вотъ его подлинныя слова:

«До этого распоряженія, когда дѣйствія торговли съ инородцами были свободны, дѣла шли своимъ порядкомъ; продавая во всякое время года ясачнымъ всѣ необходимые для ихъ потребности товары, купцы получали въ замѣнъ отъ нихъ звѣря, рыбу и кедровые орѣхи; такъ велось съ давнихъ-поръ. Но съ запрещеніемъ свободно вѣзжать въ остяцкія селенія и имѣть постоянные склады для товаровъ и припасовъ, оставшихся непроданными, торговля почти прекратилась; нѣкоторые капиталы даже пали, а нѣкоторые ограничили свои обороты. Да и самые инородцы стали терпѣть нужду въ предметахъ первой потребности.

«Причины тому слѣдующія: 1) начальствомъ дозволено производить торговлю съ инородцами только зимою, въ Январѣ мѣсяцѣ. Но какимъ образомъ возможно объѣздить съ товарами въ одинъ мѣсяцъ весь обширный нарымскій край, по большей части по глубокимъ сплѣгамъ, безъ дороги, заносимой буранамъ, а въ выснихъ мѣстахъ пробираясь съ нартою на лыжахъ! и что у

нихъ возможно найдти въ это время? Скудные уловы ихъ забраны за казенный хлѣбъ, соль, порохъ, свинецъ, за повинности казенныя и общественныя. Но если бы и случилось приобрести что-нибудь изъ пушныхъ товаровъ, то куда сбыть это приобретение? Ирбитская ярмарка, куда вообще отправляются сибирскіе товары, начинается съ 1-го Февраля и оканчивается 1-го Марта; возможно ли втеченіе одного Января кушить у Остяковъ пушные товары и послѣтъ съ ними на ярмарку? очевидно, что товары должны оставаться до другой ярмарки, а затраченный капиталъ будетъ лежать безъ обращенія. Притомъ, если на слѣдующей ярмаркѣ цѣны понизятся, какъ это часто случается, то вмѣсто ожидаемой пользы послѣдуетъ убытокъ. 2) Другое въ году время для торговли съ иногородцами опредѣлено съ 15 Юня по 1-е Сентября; въ это время многихъ изъ Остяковъ по рѣкамъ Кети, Васюгану и Тыму въ жилищахъ своихъ не бываетъ; они съ вскрытіемъ рѣкъ выѣзжаютъ на рѣку Обь для промысла мелкой рыбы и приготовленія изъ нея порсы. Другіе выѣзжаютъ въ Нарымъ для уплаты ясака и повинностей, нѣкоторыя по невмѣнію податей для найма въ работу. А хотя иныхъ и можно найдти дома, но они въ это время сами едва имѣютъ скудное дневное пропитаніе. При такихъ видимыхъ потеряхъ и убыткахъ, какой торговецъ согласится въ это время нагрузить въ посуду хлѣба или другихъ припасовъ пятьсотъ или болѣе пудовъ и везти противъ теченія рѣки Кети болѣе пятисотъ и Васюгана тысяча верстъ, и по непродажѣ, сплавливать обратно. Въ это послѣднее дозволенное время у Остяковъ также рѣшительно ничего нѣтъ, да при томъ найденное у нихъ также не куда сбыть. Нижегородская ярмарка начинается съ 25 Юля, слѣдовательно и эти товары должны опять лежать до извѣстнаго времени безъ всякой выгоды. 3) Ясачная повинность по нарымскому краю оплачивается Остяками ежегодно бездомочно пріемомъ отъ нихъ соболей и лисицъ, какъ лучшихъ звѣрей края; но кромѣ этой пушныны ловятся бѣлки, колонки, горностан, выдры и другіе звѣри, которые въ ясакъ не принимаются; должны же Остяки куда-нибудь сбывать эти шкуры. Съ запрещеніемъ же купцамъ шить съ ними сношеніе въ большую часть года, эти звѣри очень рѣдко отъ самихъ ловцевъ доходятъ прямо въ руки торговца, потому что многія остяцкія селенія находятся вблизи отъ крестьянскихъ, и Остяки продаютъ мѣха крестьянамъ, какъ первымъ попавшимся покупателямъ, за низкую цѣну; а отъ крестьянъ уже товаръ поступаетъ въ коммерческія руки съ большимъ

повышеніемъ въ цѣнахъ. Кромѣ того по смежности съ ихъ звѣропромышленными мѣстами округовъ Каинскаго, Тарскаго и Енисейскаго они продають всю добычу свою приходящимъ для торгога тамошнимъ Татарамъ, главное занятіе которыхъ и состоитъ въ развѣдѣ по кочевьямъ Остяковъ и Татаръ для закупки пушнаго товара. Наконецъ 4) отъ этого происходитъ, что многіе торговцы, прекративъ всякое сношеніе съ иногородцами, пришли въ сильное оскудѣніе; сами же Остяки, съ которыми купечество перестало сноситься, не имѣя прямой возможности и средствъ къ пріобрѣтенію жизненныхъ припасовъ, одежды и прочихъ потребностей къ существованію, не стали ходить за ловомъ звѣрей въ отдаленные урманы, стали наниматься въ работы, иные откочевали въ разные сопредѣльные нарымскому краю стороны, въ каинскую и татарскую; другіе живутъ при рѣкѣ Оби, питаются скудно со всею семьею только рыбою, претерпѣвая во всемъ недостатокъ и лишенія. И хотя изъ учрежденныхъ казенныхъ магазиновъ и отпускается Остяку въ долгъ пята, а иногда десять пудовъ хлѣба, но не говоря о томъ, что казенный хлѣбъ гораздо дороже, онъ отпускается не въ большомъ количествѣ и этою ссудою не можетъ пропитаться семейство иногородца, отправляющагося на промыселъ звѣря за пятьсотъ верстъ, гдѣ онъ вмѣсто того, чтобы ловить звѣря, долженъ предварительно заготовить для себя и семейства пищу, словить рыбу, убить оленя или лося, если случится найти такого, и оттого нерѣдко обращается въ свою юрту съ однимъ казеннымъ долгомъ, и тогда по необходимости долженъ наняться въ какую-либо работу въ Нарымѣ, или уйти за нѣсколько тысячъ верстъ на золотые промыслы, оставивъ семью свою на произволъ судьбы. Цѣль правительства, для которой указомъ 4 Ноября 1843 г. воспрещено пребываніе торговцевъ въ кочевьяхъ иногородцевъ, та, чтобы ловимый Остяками лучший звѣрь поступалъ въ казну. Но болѣе десяти лѣтъ прошло уже современію воспрещенія въѣзда торговцевъ, а въ ясакъ поступило не очень много хорошихъ лисицъ и соболей; именно, съ 1844 г. по 1855 г. внесено въ ясакъ совсѣхъ инородцевъ нарымскаго края: чернобурыхъ лисицъ три, бурыхъ одна, черныхъ двѣ, красно-бурыхъ десять, сиво душекъ сто семьдесятъ семь, бѣло-душекъ четыре тысячи двѣсти девяносто, а соболей первосортныхъ ни одного, второсортныхъ одна тысяча триста штукъ. Притомъ Остякамъ часто помогаютъ въ этой уплатѣ купцы здѣшняго края, пріобрѣтая покупкою пушнаго звѣря въ другихъ

округахъ, а иногда привозятъ для нихъ мѣха и изъ ирбитской ярмарки; иногда Остяки приобретаютъ ихъ у крестьянъ нарымскаго округа. Изложивъ не выгоды торговли съ инородцами, обитающими въ мѣстахъ отдаленныхъ, я нахожу, что полезно было бы разрѣшить свободное сношеніе съ ними во всякое время года, дозволивъ имѣть въ кочевьяхъ ихъ при извѣстныхъ пунктахъ склады хлѣба и прочихъ для нихъ потребныхъ товаровъ, какъ это было прежде, и тѣмъ обезпечить (Остяковъ, достойныхъ сожалѣнія. Но чтобы лучшей звѣрь, ловимый Остяками, не поступилъ въ торговыя руки, можно предоставить мѣстному начальству имѣть наблюденіе за этой торговлей, особенно возложить эту обязанность на вахтеровъ, постоянно находящихся при казенныхъ магазинахъ, и сверхъ того учредить на отдаленныхъ рѣчкахъ торжки въ два времени года: 1) съ 1-го Декабря по 1-е Января, и 2) съ 15 Мая по 1-е Іюля, по рѣкѣ Кети въ юртахъ *Широковыхъ* и въ селѣ *Максимоларовскомъ*, по рѣкѣ Васюгану въ селѣ *Васюгановскомъ* и юртахъ *Айполовскихъ* и по рѣкѣ Тыму въ юртахъ *Напасовыхъ*, такъ какъ на всемъ обширномъ простратствѣ нарымскаго края, ни въ русскихъ селеніяхъ, ни въ инородныхъ, ярмарокъ и торжковъ не заведено. Притомъ не мѣшало бы принять за правило, чтобъ до открытія торжковъ, какъ вахтерамъ закупленный хлѣбъ, такъ и старшинамъ за разные свои поборы не собирать пушнинаой, а предоставить бы инородцамъ, продавъ звѣря прибывшимъ на торжки купцамъ, уплачивать поборы и долги въ казну деньгами.

«Такое распоряженіе правительства улучшило бы нарымскій край, какъ въ торговомъ, такъ и промышленномъ быту. Торговый классъ могъ бы съ пользою сбывать съѣстные припасы, необходимые для ясачныхъ товары, и въ случаѣ непродажи оставлять ихъ на мѣстахъ, избѣгая тѣмъ убытковъ отъ перевозки товаровъ въ обратный путь; инородцы же могли бы покупать за самую умѣренную цѣну у себя дома все необходимое и во время заготовиться всѣмъ нужнымъ, могли бы во всякое время заниматься звѣроловствомъ, сбывая добычу у себя дома купцамъ во выгоднымъ цѣнамъ, и тѣмъ поправили бы бѣдственное свое состояніе».

При такихъ условіяхъ торговли Остяки должны въ извѣстное время дѣлать запасы муки, одежды и другихъ предметовъ на цѣлый годъ, но въ состояніи ли они предпринимать подобныя гуртовыя закупки; притомъ часто могутъ возникать потребности именно въ то время, когда запрещена торговля, а не удов-

створеніе ихъ можетъ вести за собой физическія страданія. Пропуски ярморочныхъ сроковъ роняютъ цѣну пушнаго товара, а исключительное право правительства на извѣстную часть пушной подати дѣлаетъ налогъ неравномѣрнымъ и слишкомъ зависимымъ отъ надзора и произвола чиновниковъ.

Говоря о застоѣ народонаселенія, обыкновенно, обвиняютъ опсу. Миѣ кажется, за этой причиною скрывается другая болѣе отдаленная, именно дурное состояніе народной экономіи. Сказать, что оспа и другія болѣзни мѣшаютъ прибыли народонаселенія, значить приписывать боковую причину за главный источникъ смертности. Къ сожалѣнію, тамъ гдѣ не понимаютъ основной ложной идеи, всегда останавливаются на второстепенныхъ слѣдствіяхъ, придавая имъ значеніе исходнаго зла. Народы въ неразвитомъ соціальномъ состояніи всегда медленно умножались; народъ же, у котораго отвезли въ сторону источникъ жизни, само-собою разумѣется долженъ умереть отъ оспы, свѣрхнса или отъ другой болѣзни, — это все равно. Болѣзни являются въ обществѣ вслѣдствіе дурной обстановки жизни, истощенія физическихъ силъ, недостатка хорошей пищи, одежды, отсутствія медицинскихъ пособій — однимъ словомъ, отъ неразвитости экономическихъ началъ. Обставьте человѣка курной и грязной избой, холодомъ снаружи и неестественнымъ жаромъ внутри, заставьте его дышать однимъ воздухомъ съ животными, питаться чуть не изъ одного корыта съ свиньей, прибавьте въ его хлѣбъ полбы и мякны, лишите его теплой одежды и обуви, окружите его ворами, отнимите у него право на отдыхъ и спокойствіе, и потомъ спросите, можетъ ли онъ быть здоровымъ, бодрымъ, можетъ ли семья его не страдать отъ скорбута, чахотки и тифа, могутъ ли его дѣти хорошо развиваться физически. То же самое надо сказать и объ Остякахъ. Они заморены голодомъ, изнурены трудомъ, оторваны отъ своихъ семействъ, и потому вырождаются, какъ выраждались и другія расы, поставленныя въ неблагопріятныя условія семейной и общественной жизни. Остяковъ долженъ спасти обильный ввозъ хлѣба, мяса, соли, пороку и овчинъ по дешевымъ цѣнамъ, которыя самому правительству недоступны. Смертность особенно велика въ дѣтскомъ возрастѣ, потому что дѣти бываютъ дурно одѣты и въ самые сильные морозы пѣкоторые части ихъ тѣла остаются совсѣмъ не покрыты. Еслибъ медицинское начальство послало экспедицію для изслѣдованія болѣзненности и смертности Остяковъ, то причины уменьшенія ихъ стали бы еще яснѣе, и наконецъ воп-

рость, отчего пассивныя племена, встрѣтившись съ народами активными, вооруженными цивилизаціей, вымираютъ, быть бы разрѣшенъ болѣе отряднымъ образомъ. Вотъ слова одного чиновника Томской губерніи, напечатанныя въ Томскихъ Вѣдомостяхъ, за 1858 г, бросающіе нѣкоторый свѣтъ на причину гибельности для пассивнаго племени столкновенія его съ цивилизованнымъ сосѣдомъ.

Г. Вагинъ, желая знать причину обѣдненія барабинскихъ татаръ, обратился къ казаку Хлыновскому, который служитъ при каинскихъ окружныхъ начальникахъ съ 1813 года — Послушай, Хлыновскій, спросилъ его г. Вагинъ ты пятьдесятъ лѣтъ разъѣзжаешь здѣсь съ начальствомъ; неужели Татары все были такіе нищие, какъ нынѣ? — Что вы сударь! отвѣчалъ Хлыновскій. Такіе богачи были, что ужасъ. Какое сравненіе? — Отчего же они обѣднѣли? — Народъ лѣнливый-съ! — А я думаю, такъ не было ли какихъ-нибудь особенныхъ случаевъ, способствовавшихъ къ ихъ разоренію? — Хлыновскій усмѣхнулся. — Признаться сказать, всячины было, сказалъ онъ. Какъ посадили ихъ въ оскѣдые (*), они и давай отбиваться; хотѣлось, знаете, снова на ясакъ поступить. Соберутъ тысячи двѣ и отправятъ въ городъ довѣреннаго, а онъ до половины употребитъ на ходатайство по дѣлу, остальные себѣ. А податей-то не платятъ — все думали, что ихъ на ясакъ обратятъ. Выбрали двоихъ — продувные были! дали имъ что-то много денегъ и отправили. Тѣ доѣхали до Казани да тамъ и остались, а эти ждутъ себѣ не дождутся царской милости. Вотъ такъ они маялись, маялись да и обѣднѣли. А какъ стали съ нихъ недоимку за двадцать лѣтъ требовать, они и совсѣмъ пропали. А то, помилуйте, такой ли это народъ былъ; купцы были! Богатѣйшіе люди-съ.

И такъ, вотъ еще гдѣ скрывается тайна обѣдненія инородцевъ, прибавляетъ г. Вагинъ.

Не сдѣлавъ ни какихъ изслѣдованій, не принявъ ни какихъ мѣръ, мы поспѣшно схватились за мысль о грустномъ предназначеніи нѣкоторыхъ племенъ быть сырымъ матеріаломъ и исчезнуть съ лица земли въ необработанномъ видѣ. Дѣйствительно въ природѣ есть такой жестокой законъ, что полное развитіе одного организма требуетъ преждевременной смерти многихъ

(*) Злѣйшіе инородцы перечислены изъ кочевыхъ въ оскѣдые въ 1835 году.

другихъ организмовъ. Это мы видимъ на возрастаніи деревьевъ и всего животнаго царства.

Тоже самое бываетъ и въ человѣческомъ обществѣ; изъ рѣдкихъ не многіе достигаютъ полнаго возраста, остальные же гибнутъ въ дѣтствѣ, такъ что и здѣсь можно сказать, что полное развитіе одного индивидуума покупается жертвою многихъ другихъ. Но нельзя сказать, чтобъ это правило было неизмѣнно: въ западныхъ государствахъ Европы смертность въ дѣтскомъ возрастѣ постепенно уменьшается, пропорціонально матеріальному счастью и лучшимъ началамъ воспитанія: таково вліяніе цивилизаціи. Даже и въ лѣсахъ, вблизи человѣческихъ жилищъ, этотъ законъ смягчается; въ сѣверныхъ лѣсахъ, вдали отъ культуры, природа прибѣгаетъ къ сильнымъ мѣрамъ, чтобы очистить мѣсто для молодаго поколѣнія; эти лѣса представляютъ два оригинальныя явленія, именно картины опустошенія, произведенныя имп огнемъ или вѣтромъ; иногда все пространство, какое можно охватить глазомъ, бываетъ покрыто поваленнымъ на землю лѣсомъ; иногда путешественникъ вдругъ выѣзжаетъ изъ дремучаго лѣса на огромную площадь, созданную огнемъ, посреди которой разбѣяны черные обугленные стволы деревьевъ. Такія прогалины тянутся на цѣлыя десятки верстъ. Въ населенной странѣ природа не допускаетъ такихъ опустошеній.

Это показываетъ, что и народы, которыхъ обрекаютъ на преждевременную смерть, могутъ еще избѣгать ее какими-нибудь путями. Имъ были даны свой языкъ, своя поэзія, свой образъ жизни и мысли, словомъ своя національность, и неужели все это должно исчезнуть, неразвившись, потому что этимъ правомъ привилегированы другія племена. Фактъ существуетъ, что неразвитыя племена при соприкосновеніи съ цивилизованными исчезаютъ, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобъ это обстоятельство нельзя было предотвратить. Мысль, что извѣстныя племена неизбѣжно должны исчезнуть съ лица земли только потому, что они неспособны къ соціальному развитію, такая мысль можетъ быть только результатомъ убійственнаго фатализма и наглою клеветы на человѣческую природу. Мы были потрясены статистическими выводами о движеніи народонаселенія сибирскихъ инородцевъ, но были утѣшены тѣмъ, что здѣсь причины и послѣдствія ихъ становятся рядомъ. Академикъ Бэръ прочиталъ имъ смертныи приговоръ, въ своей рѣчи объ этнографическомъ

музеѣ *), и въ Россіи сооружается уже надгробный памятникъ этимъ народамъ; такъ по крайней мѣрѣ можно назвать это учрежденіе. А все ли мы сдѣлали для того, чтобъ считать себя правыми въ этой смерти и такъ хладнокровно не только ждать, но и ускорять ее.

Русской колонизаціи положены предѣлы тамъ, гдѣ она соприкасается съ кочевьями инородцевъ; этимъ сохраняется цѣлость остяцкой территоріи и національности. Но изъ этой же мѣры истекаютъ не благопріятныя экономическія послѣдствія. Остяки, живущіе по Оби и Иртышу и отатарившееся племя на рѣкѣ Чулымѣ, не успѣвшіе избѣжать русской колонизаціи, теперь русьютъ, имѣютъ скотоводство и гораздо благосостоятельнѣе, чѣмъ такъ называемые рѣчные Остяки, живущіе по недоступнымъ для русской колонизаціи притокамъ этихъ рѣкъ; послѣдніе все еще бродятъ значительнѣйшую часть года, не знаютъ скотоводства и татарятся вмѣсто того, чтобъ русьтъ **). Стѣсненіе русской колонизаціи и торговли можетъ быть оградило бы Остяковъ отъ русскаго вліянія, но если признаю, что этотъ народъ долженъ вымереть; то зачѣмъ удручать послѣднія дни умирающаго, навлекая на него всѣ невыгоды одиночества. Если законами природы опредѣлено, чтобъ остяцкаго языка не существовало, то зачѣмъ мѣшать этимъ людямъ превратиться въ русскихъ людей? Мы озабочены сохраненіемъ Остякамъ древнихъ правъ на обширную поземельную собственность, и между тѣмъ, ради этого будущаго, современные Остяки поражены безграничною бѣдностью, которая истребляетъ племя. Что этотъ народъ находится въ не нормальномъ состояніи, показываетъ то, что правительство принуждено было взять на себя снабженіе его хлѣбомъ, солью и

*) Вотъ начало ея: «едва ли гдѣ могутъ быть учреждаемы этнографическіе кабинеты съ такимъ успѣхомъ, какъ у насъ, гдѣ еще столько не початаго матеріала, столько народовъ, особенности которыхъ всенигеллирующая централизація еще не успѣла изгладить. Однако матеріалъ этотъ уменьшается съ каждымъ днемъ и въ скоромъ, можетъ быть, времени совершенно исчезнетъ! Такъ, напримѣръ, при открытіи Сибири упоминаются племена, которыя съ-тѣхъ-поръ совершенно исчезли. И въ наше время, мало-по-малу, *исчезаютъ цѣлыя племена* или по крайней мѣрѣ теряютъ свои особенности. Во всякомъ случаѣ, матеріалъ, который теперь еще можетъ быть собранъ, весьма важенъ для науки, а со временемъ съ *исчезаніемъ племенъ*, сдѣлается нецѣльнымъ.»

**) Послѣднему обстоятельству помогаютъ отчасти то, что послѣ запрещенія русскимъ купцамъ свободно торговать съ Остяками, Татары сдѣлались единственными посредниками въ торговлѣ Остяковъ съ Русскими.

порохомъ,—п пожалуй можно опасаться, чтобъ современемъ Остяки не превратились въ казенныхъ поставщиковъ мягкой рухляди, состоящихъ на жалованьи. Чтобы вывести народъ изъ этого исключительнаго положенія, необходимо дать свободу русской колонизаціи, позволить вплоть столкнуться этимъ двумъ народностямъ, предоставить на собственный произволъ Остяковъ искать лучшей судьбы; если русскій элементъ помогитъ финскій, то все-таки сосѣдство, густота населенія, усложненіе жизни сдѣлаетъ то, что хотя нація исчезнетъ, такъ по крайнѣй мѣрѣ каждая финская семья отдѣльно совершитъ свой жизненный путь счастливо, спокойно, безъ нужды. Это будетъ лучше, чѣмъ стоять на стражѣ огромной площади земли для будущаго потомства, лишать современныхъ Остяковъ выгоды русскаго сосѣдства и выморить ихъ. Когда народъ рѣшается умереть за свою національность, то это такой подвигъ, котораго нельзя не желать, но если какая-нибудь внѣшняя сила заставляетъ народъ жертвовать своимъ экономическимъ бытомъ для спасенія своей національности—въ этомъ поступкѣ ничего нѣтъ нравственнаго.

Не всякое младенствующее племя при столкновеніи съ племенемъ возмужалымъ играетъ страдательную роль; напротивъ, мы знаемъ примѣры полной гармоніи въ ихъ социальныхъ отношеніяхъ, если завоеватель сливается съ побѣжденной расой во имя человѣческихъ началъ, и вытѣсняетъ ее сполнаціей и тираніей. Въ то время, какъ остяцкій народъ прячется отъ русскаго вліянія въ глухія тущобы урмана, и уступаетъ свои земли другимъ національностямъ, киргизскій народъ выказываетъ свѣжесть и обиліе силъ; не смотря на то, что онъ окруженъ со-всѣхъ четырехъ сторонъ осѣдыми народами, онъ не уменьшается, а растетъ, и вторгается въ предѣлы своихъ сосѣдей; уже въ то время какъ этотъ народъ былъ подчиненъ русскому вліянію, онъ перешелъ на Западъ черезъ Уралъ, и занялъ степь между этой рѣкой и Волгой, на Востокъ перешелъ черезъ Иртышъ, и теперь еще продолжаетъ углубляться внутрь Китайской имперіи; послѣднее стремленіе замѣчается однаково, какъ на сѣверѣ Джунгаріи, т. е., въ долинѣ Чернаго Иртыша, такъ и на югѣ, въ долинѣ рѣки Или. Калмыки, кочующіе около города Кульджи, жалуются на то, что Киргизы постепенно вытѣсняютъ ихъ изъ прежнихъ кочевьевъ: а въ вершинахъ Иртыша смѣлость этого вторженія обратила на себя даже вниманія китайскаго начальства, и оно вооруженной силой оттѣснило Киргизовъ на сѣверной берегъ Чернаго Иртыша, при переправѣ че-

резъ который у Киргизовъ много погибло скота. Во всѣхъ движеніяхъ этого народа видно, что это племя сильное и здоровое. Въ нномъ состояніи мы находимъ Остяковъ. Путешественники наблюдаютъ у нихъ мирныя нравы, привязанность къ семейной жизни, правдивость, терпѣніе, довольство не многими и пассивную покорность высшимъ обстоятельствамъ. Киргизы же отличаются совсѣмъ другими качествами: страстью къ пріобрѣтенію не постоянствомъ, равнодушіемъ къ нравственнымъ началамъ, вообще безпокойнымъ характеромъ. Если мы обратимся къ прошедшему, когда русская колонизація не разгородила еще эти дѣль національности, мы увидимъ, что Остяки и всѣ подобныя имъ кроткія племена Сибири, барабинскіе Татары и Телеуты подвергались отдаленнымъ набѣгамъ Киргизовъ. Эти набѣги продолжались даже тогда, когда финскія племена были уже отдѣлены отъ Киргизовъ цѣлью русскихъ укрѣпленій; такъ напримѣръ, въ половинѣ прошлаго столѣтія, когда по Иртышу было уже нѣсколько русскихъ крѣпостей, соединенныхъ редутами, Киргизы переходили черезъ Иртышъ и нападали на барабинскихъ Татаръ. Крѣпостные люди у киргизскихъ султановъ называются теленгутами, по всей вѣроятности это рабы, пріобрѣтенные во время древнихъ набѣговъ на алтайское племя — Телеуты. Вообще Киргизы до прихода Русскихъ были страхомъ для финскихъ народовъ.

Чѣмъ объяснить это различіе въ племенныхъ свойствахъ и стремленіяхъ? Неужели, въ-самомъ-дѣлѣ, можно допустить теорію пассивныхъ и активныхъ народовъ? Не есть ли это скорѣе слѣдствіе исторической судьбы и тѣхъ обстоятельствъ, которыя сопровождаютъ образованіе и развитіе человѣческихъ обществъ? На всѣ эти вопросы дать положительный отвѣтъ трудно, потому что наблюденія надъ первоначальнымъ складомъ общества почти невозможны, а между тѣмъ въ эти первые моменты зарождающейся народной жизни происходитъ въ ней тотъ глубокий процессъ организаціи, который часто рѣшаетъ дальнѣйшую судьбу общества. Въ эту до-историческую эпоху, обыкновенно, слагаются формы правленія, религій, нравовъ, логики и другихъ условій будущаго состоянія народа. Почему, напримѣръ, одно общество заявляетъ любовь къ свободнымъ учрежденіямъ больше, чѣмъ другое; почему одно племя выходитъ на сцену міра шумными войнами и съ жаждою побѣдъ, а другое съ мирными гражданскими склонностями? Всѣ эти черты, къ сожалѣнію,

теряются въ отдаленной древности, ускользя отъ науки и позднѣйшаго анализа.

По этому на вопросъ: врожденны ли свойства пассивныхъ расъ, или они есть слѣдствіе ихъ исторической судьбы? — Мы можемъ, на основаніи вѣроятности, отвѣчать такъ: еслибъ даже пассивныя свойства отдѣльныхъ личностей были врожденны, то и тогда дѣлая нація можетъ измѣняться въ своихъ свойствахъ сообразно съ теченіемъ исторіи, посредствомъ вымиранія въ народѣ пассивныхъ фамилій, т. е., исторія можетъ усиливаться въ народѣ то активныя свойства, то пассивныя. Мы пояснимъ это примѣромъ, именно на двухъ уже упомянутыхъ нами народахъ, Остякахъ и Киргизахъ. Оба эти народа подчинились русской власти; это обстоятельство въ совокупности съ физическимъ устройствомъ страны, было злоупотребіемъ для Остяковъ и благопріятнымъ условіемъ для киргизскаго народа. Сѣверная Сибирь, куда завелъ Остяковъ историческія событія, совершенно неизвѣстныя намъ, особенно благопріятствуетъ образованію пассивнаго человѣка, потому что своими безчисленными физическими неудобствами разобщаетъ и обезсиливаетъ народъ и изолируетъ его отъ движенія остальнаго человѣчества. Такъ какъ намъ неизвѣстно, какъ Остяки явились на сѣверъ Сибири, то мы должны ограничиться взглядомъ на исторію ихъ уже послѣ русской колонизаціи на Иртышѣ и Оби; у насъ никто еще не принималъ на себя труда разобрать, какое значеніе имѣетъ вторженіе русской націи въ Сибирь, для ея туземнаго населенія; а между тѣмъ на этомъ пути слѣдуетъ искать объясненій разнообразнаго состоянія инородцевъ; такъ напримѣръ русская колонизація только постепенно укрѣпляла пассивный характеръ Остяковъ.

Русскіе перенесли въ Сибирь христіанство и порохъ, и измѣнили торговый путь *). Послѣдній въ до-историческое время сильно уклонился къ сѣверу и торговля Европы съ отдаленнымъ центромъ Азии направлялась почти къ устью Оби; сначала этотъ путь былъ въ рукахъ Норманновъ, потомъ наследованъ Новгородцами; въ земляхъ сѣверныхъ дикарей были даже учреждаемы временныя станицы для купцовъ, для облегченія торговыхъ сношеній; слѣдовательно, народъ былъ такъ заинтересованъ въ торговлѣ, что даже жертвовалъ съ своей стороны развитію ея. Послѣ завоеванія Ермака торговый путь перешелъ

*) Впрочемъ измѣненіе этого пути началось ранѣе русской колонизаціи

оживѣ на Верхотурье и еще позже на Ирбитъ. Сюда приходили караваны изъ долины Или, изъ нынѣшней Кульджи; они шли изъ Кульджи на озеро Зайсонъ, потомъ на Семипалатинскъ, отсюда по правому берегу Иртыша до Такмыцкой слободы; здѣсь они переходили на другую сторону Иртыша и шли до Тобольска, а отсюда уже въ Ирбитъ; съ теченіемъ времени эта огромная дуга, все болѣе и болѣе сокращалась и теперь выпрямилась до того, что половина каравановъ проходитъ изъ долины Или прямо чрезъ Киргизскую степь на Троицкъ, оставляя въ сторонѣ города Семипалатинскъ, Омскъ и Петропавловскъ. Это сокращеніе путей имѣетъ большое значеніе для средней Азіи; оно подвергло киргизскій народъ обязанности, обезпечивать эту торговлю средствами защиты и передвиженія, т. е. проводниками, конвоями, подводчиками и перевозочными средствами, и создало въ киргизскомъ народѣ нѣсколько новыхъ типовъ: Караванъ-баши, Лоучи и проч.

Передача прежнихъ обязанностей Остяковъ Киргизамъ, лишила первыхъ международнаго значенія ихъ и источника, оживлявшаго ихъ дѣятельность. Съ прекращеніемъ этой торговли Остяки должны были почти потерять значеніе цѣлаго народа; связь, соединявшая ихъ общимъ интересомъ, была уничтожена и племя распалось на отдѣльные семейства, несталкивающіяся ужъ болѣе въ большія массы, какъ это вѣроятно было во время торговли; каждое семейство стало заботиться только о своемъ собственномъ существованіи, о прокормленіи себя звѣроловной и рыболовной добычей; скудость сѣверной природы приучила Остяковъ къ строгому исполненію семейнаго долга; но вся жизнь Остяка и заключена только въ эти тѣсныя рамы матеріальнаго обезпеченія семейства. Напротивъ, киргизскій народъ чувствуетъ уже свое единство; онъ на всемъ пространствѣ своихъ степей говоритъ однимъ языкомъ, тогда какъ у Остяковъ каждая рѣчька имѣетъ свое особенное нарѣчіе. Слабость послѣдней націи доходитъ до того, что на рѣкѣ Чулымѣ финское племя потеряло свой первоначальный говоръ, приняло татарскій и теперь теряетъ татарскій, усвоивая русскій, слѣдовательно уже третій.

Порохъ безъ сомнѣнія также имѣлъ большое вліяніе на экономическій бытъ остяцкаго народа, и притомъ больше, чѣмъ у Киргизовъ, потому что у Остяковъ, какъ у звѣроловнаго народа, порохъ сдѣлался одной изъ первыхъ жизненныхъ потребностей, тогда какъ Киргизы и теперь остались по большей части при пастушьемъ оружіи, при *сулахъ*, т. е., шестахъ, которые слу-

жать для ловли лошадей, если къ нимъ будетъ привязана веревка. Пастушескій бытъ много заключаетъ въ себѣ охранныхъ условій для киргизскаго народа; кумысь, который они считаютъ священнымъ напиткомъ, спасаетъ ихъ отъ нашей водки *). Одно изъ важныхъ условій въ экономіи киргизскаго народа — овцеводство; народы съ неразвитой торговлей всегда дѣлаются должниками народовъ торговыхъ; русскіе купцы даютъ инородцамъ деньги или товары въ долгъ съ тѣмъ, чтобъ послѣдніе расплатились за долгъ своими продуктами: Остяки мѣхами, Киргизы овцами. Въ этомъ заключается большая разницца въ экономическомъ бытѣ этихъ двухъ народовъ; проценты долга возрастаютъ съ каждымъ годомъ; но у Киргизъ источникъ, изъ котораго они уплачиваютъ долгъ, т. е. овечьи стада, увеличиваются въ бѣльшей прогрессіи, чѣмъ проценты долга; такимъ образомъ экономія киргизскаго народа необременена долгомъ, тогда какъ у Остяковъ источникъ уплаты (т. е. дорогіе мѣха) съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе изсякаетъ и долги Остяковъ, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе теряютъ вѣроятность своего погашенія. Эти причины способствуютъ свободному развитію киргизскаго народа, культура дѣлаетъ у нихъ успѣхи и около Семипалатинска хлѣбопашество Киргизовъ стоитъ выше русскаго хлѣбопашества **), между тѣмъ, какъ остяцкій народъ теряетъ прежде пріобрѣтенное богатство и вообще прежнія завоеванія въ природѣ.

Остается еще нѣсколько словъ сказать о значеніи христіанской религіи въ экономическомъ бытѣ Остяковъ. Вездѣ, гдѣ только инородцы осѣдлы, хотя на нѣсколько мѣсяцевъ въ году, введена христіанская религія. Впрочемъ, Остяки стараются сохранить религію своихъ предковъ, какъ единственную связь, соединяющую семейства въ народъ. Я заимствую у Кастрена нѣсколько строкъ объ этомъ предметѣ: «такъ какъ звѣроловство, съ каждымъ годомъ становится менѣе прибыльно, то надо думать, что Остяки увидятъ себя вынужденными занять постоянныя мѣста на Оби, которыя своими богатыми рыбными ловлями и

*) Странно, что весь киргизскій народъ не куритъ табакъ, тогда какъ совѣхъ сторонъ окруженъ отчаянными курильщиками, Калмыками, Кокандцами и русскими Казаками. Рѣдкіе только нюхаютъ табакъ.

**) Русскіе Казаки въ окрестностяхъ Семипалатинска, чтобъ дороже продать свой хлѣбъ, пересыпаютъ его изъ своихъ холщевыхъ мѣшковъ въ шерстяные киргизскіе и выдаютъ за перекупной киргизскій; слѣдовательно киргизскій хлѣбъ выше цѣнится русскаго

хорошими луговыми угодьями могутъ дать мѣсто значительному населенію. Польза такой колонизаціи уже признана Остяками, но любовь къ старымъ правамъ, извѣстная робость передъ русскимъ народомъ и паническій страхъ передъ всякой цивилизаціей удерживаетъ ихъ отъ предпріятія. Страхъ Остяковъ предъ образованіемъ и цивилизаціей происходитъ отъ глубокаго вкорѣнившагося мнѣнія, что всякій свѣтъ, полученный извнѣ, разрушитъ ихъ національность и сдѣлаетъ ихъ русскими. У Самоѣдовъ «быть Русскимъ» и «быть христіаниномъ» имѣютъ одно и тоже значеніе *).

«Хотя Остяки большею частью уже крещены, но они не хотятъ тѣсно сблизиться съ христіанствомъ, потому что подобно Самоѣдамъ думаютъ, что нельзя сдѣлаться истиннымъ христіаниномъ, не сдѣлавшись въ то же время Русскимъ.»

Слѣдствіемъ такого разлада, между этимъ нововведеніемъ и остяцкой національностью происходитъ то, что Остяки на Васюганѣ и другихъ рѣкахъ татарятся, а не русѣютъ, сильнѣе подвергаясь вліянію мелкихъ татарскихъ торговцевъ, чѣмъ вліянію русскихъ священниковъ. Примѣръ могущества татарскаго элемента представляетъ обращеніе барабинскихъ Татаръ, или лучше Финновъ, въ исламъ при сибирскомъ митрополитѣ Сильвестрѣ, отличавшемся особеннымъ усердіемъ къ распространенію христіанства въ Сибиріи. Остяки, убѣгая отъ христіанства въ пустыни гѣсовъ **), встрѣчаютъ здѣсь недостатокъ сообщеній; народъ раздробляется, семейства обособляются. Такимъ образомъ младенчающее племя оттѣснено въ отдаленные гѣса, удалено отъ большой рѣки, слѣдовательно отъ большой дороги; вотъ это-то, кажется, составляетъ настоящую причину постепеннаго исчезновенія, какъ нашихъ сибирскихъ инородцевъ, такъ и амеріканскихъ Индійцевъ. Это же состояніе экономическихъ условій въ жизни народа воспитываетъ въ немъ пассивность и расслабляетъ его нравственныя силы.

При благородномъ и строгомъ усердіи, мнѣ кажется, можно удержать Остяковъ отъ вымиранія. Для этого нужно развить торговлю, позволить основаніе постоянныхъ складовъ, ввести у Остяковъ соленіе и удешевить соль, позволить и даже

*) Точно также смотрѣли на христіанство западные Славяне въ X вѣкѣ; у нихъ слова «Нѣмецъ» и «христіанинъ» были также синонимы.

***) До Ермака Остяки, по ихъ преданіямъ, жили по берегамъ большихъ рѣкъ.

научить ихъ производить водку *), что спасло бы ихъ отъ припадочнаго пьянства и отъ вреднаго употребленія мухомора **); унычтожить ясакъ, и постепенно перевести обезпеченіе Остяковъ хлѣбомъ и порохомъ съ рукъ вахтеровъ на руки купцовъ, согласить проповѣдь съ свободой національности и предоставить послѣдней независимое развитіе, какъ это почти дозволено киргизскому народу.

Порохъ и изгнаніе изъ прибрежья Оби, сдѣлали Остяковъ исключительно звѣроловнымъ народомъ, тогда какъ прежде они были уже оленеводами; съ прибытіемъ Русскихъ, табуны оленей начинаютъ вымирать, подобно людямъ, совершенно исчезаютъ въ болѣе отдаленныхъ мѣстахъ, и замѣняются собаками. При переходахъ Остяки въ половину нартъ запрягаютъ собакъ, а другія тащатъ на себѣ. Слѣдовательно, этотъ народъ не только не подвигается впередъ подъ нашимъ влияніемъ, но еще отодвинулся назадъ, и потерялъ послѣдніе слѣды начинавшейся общественной жизни. Все это, кажется, достаточно доказываетъ, что Остяки не предназначены фаталистически быть только звѣроловами; что они легко бы промѣняли ружье на топоръ, и истребленіе могли бы перенести съ царства животнаго, на царство растительное, еслибъ не было къ тому препятствій. Это была бы ихъ первая переменна образа жизни, за которой послѣдовали бы и другія, болѣе важныя.

Я выше сказалъ о народномъ долгѣ Остяковъ. Всѣ сибирскіе инородцы находятся въ тяжелой зависимости отъ русскаго кучества; если правительство не допустило здѣсь образованіе невольничества изъ покоренныхъ народовъ, то все-таки они невольно подчинились торговому игу. Въ Сибири нѣтъ ни крѣпостнаго права, ни рабства, ни богатыхъ поземельныхъ владѣній, но вмѣсто этого есть оброчныя статьи и инородцы, возростающимъ долгомъ обратившіеся въ пожизненную кабалу. Невольничество начиналось было на Иртышѣ у Казаковъ и драгунскихъ офицеровъ путемъ насилья и покупки; въ половинѣ прошлаго столѣтія Казаки сдѣлали набѣгъ въ Киргизскую степь, на озе-

*) Инородцы Алтая счастливѣе въ этомъ отношеніи сѣверныхъ инородцевъ; они научились сдѣлать водку у Китайцевъ и потому не находятся въ зависимости отъ нашей откупной системы.

***) Этотъ продуктъ вѣроятно участвуетъ въ числѣ причинъ смертности въ остяцкомъ народѣ, а употребленіе мухомора происходитъ отъ не ввоза водки.

ро Тека, и привели до сорока плѣнниковъ, которыхъ тотчасъ же драгунскіе офицеры разобрали по рукамъ, а другіе были отосланы въ услуженіе чиновникамъ тобольскаго губернскаго правленія. Но это былъ, кажется, послѣдній случай приобрѣтенія невольниковъ военною силой, потому что тогда же возсталъ противъ этого оренбургскій губернаторъ Неплюевъ и потребовалъ отъ сибирскаго начальства полнаго возвращенія плѣнныхъ и заграбленныхъ пожитковъ киргизскому хану Аблаю. Но многихъ нельзя уже было возвратить, потому что чиновники успѣли уже окрестить ихъ. Приобрѣтеніе же покупкой существовало еще въ началѣ нашего столѣтія; богатые Казаки пользовались бѣдностью нѣкоторыхъ киргизскихъ семействъ, которымъ прокармливаніе лишнихъ членовъ было въ тягость, и покупали у нихъ дѣвочекъ за весьма умѣренную цѣну. Отношенія этихъ незольниковъ были, кажется, неопредѣленны; и сами владѣльцы смотрѣли на нихъ, какъ на домочадцевъ, какъ на взятыхъ въ услуженіе: впоследствии была уничтожена и эта тѣнь невольничества, всѣ крещенія служанки, называвшіяся обыкновенно Калмычками, были отпущены.

Но другое зло тяготѣетъ, надъ Сибирью — неоплатный долгъ рабочаго класса. Онъ лежитъ на инородцахъ сѣверныхъ притоковъ Оби, Киргизской степи и Алтая, и на русскихъ рабочихъ на золотыхъ приискахъ и рыболовныхъ оброчныхъ статьяхъ по берегамъ Оби. Всѣ эти мѣста страдаютъ отсутствіемъ торговаго соперничества, недостаткомъ денегъ, т. е., неразвитостью торговли. Свѣстные припасы и одежду рабочіе могутъ покупать только въ лавкѣ своего хозяина по произвольнымъ цѣнамъ, отчего цифра въ долговой книгѣ всегда превосходитъ годовое жалованье, долгъ переходитъ на другой годъ и рабочій не въ состояніи выработаться изъ него. На золотыхъ приискахъ бываетъ много Киргизовъ, а на рыбныхъ промыслахъ Остяковъ. Кромѣ того и дома Остяки и Киргизы, особенно первые, находятся въ постоянномъ долгу у купцевъ.

Въ сорока верстахъ отъ Обдорска, есть мѣсто, гдѣ собираются промышленники для расчетовъ и расплаты за забранныя до промысловъ товары. Привезенный сюда товаръ раздается мелкимъ промышленникамъ, болѣе или менѣе задолжавшимъ, и по этому купецъ, отдавая товары человѣку, который долженъ ему еще за старые годы, необходимо налагаетъ лишній процентъ на каждый кусокъ, на каждый аршинъ. Онъ думаетъ, чѣмъ больше цифръ въ счетѣ, тѣмъ лучше; на большее полу-

ченіе можно разсчитывать. Мелкіе торгаши ту же вещь отдають въ долгъ до заработка или улова рыбы Остякамъ, которые при-
нуждены къ тому, вѣроятно, недостаткомъ звонкой монеты, обра-
щающейся между ними. Это дѣлаетъ Остяковъ жертвой барыш-
ничества. «Старый долгъ, гнилой долгъ,» говоритъ Остякъ въ
свою очередь и постоянно не доплачиваетъ, который, между
тѣмъ постоянно растетъ. Разумѣется, купецъ не теряетъ, по-
тому что ежегодныя полученія его, все-таки выше его издер-
жекъ; но долгъ растетъ и превышаетъ всякую возможность
уплаты; довѣріе Остяка падаетъ, а съ нимъ и святость обяза-
тельства; онъ начинаетъ смотрѣть на себя, какъ на неоплатнаго
работника передъ купцемъ, и мало заботится о долгѣ; чтобъ из-
бавиться отъ голодной смерти, у него есть послѣдняя надежда
на казну. «Голодомъ морить не будетъ насъ начальство; муки
дадутъ намъ опять,» говорятъ Остяки *). Эта безпечность су-
ществованія еще болѣе приводитъ къ апатіи экономическую дѣя-
тельность этого народа на жаловань.

ГР. ПОТАНИНЪ.

*) Тоб. губ. Вѣд. 1853, N. 2.

КАТЕРИНА.

Повѣсть.

(Изъ ШЕВЧЕНКО.)

I.

Чернобровыя, любитесь,
Да не съ Москалями *):
Москалі — чужіе люди,
Помыкають вами.
Вѣдь москаль шутя полюбитъ,
И шутя покинетъ:
Онъ въ Москѣвщину вернется,
А бѣдняжка сгинетъ....
Пусть одна-бъ.... еще не горе!
Пусть.... а то могила
Съ нею ждетъ и мать-старуху,
Что на свѣтъ родила.
Сердце вянетъ, распѣвая,
Какъ причину знаетъ;
Люди сердца не распросятъ —
Прямо осуждаютъ.
Чернобровыя, любитесь,
Да не съ москалями:

*) Въ Украинѣ москалемъ называютъ каждаго Великороссіянина (Московца), и въ-особенности военнаго, солдата, въ отличіе отъ казака. Даже Украинецъ, сдѣлавшійся солдатомъ, есть уже *москаль*, по пословицѣ: *Якъ надієвъ московську сумку, то взявъ и московську думку.*

Примч. переводчика.

Москалі — чужі люди,
Помыкають вами.

Не послушалась родныхъ
Сердце-Катерина:
Полюбила, какъ умѣла,
Москаля дѣвчина.
Полюбила молодого,
Въ садъ къ нему ходила,
Въ садъ, пока себя и долю
Тамъ не загубила.
Кличетъ мать ее *вечёрать* —
Не докличетъ дочку;
Гдѣ съ москаликомъ гуляетъ,
Тамъ проспится и ночью.
Не двѣ ночи карпъ очи
Катря цѣловала....
А межъ тѣмъ дурная слава
На деревнѣ стала.
Пусть позорятъ злые люди, —
Что ей въ томъ позорѣ?
Полюбила — не слыхала,
Какъ подкралось горе.
Пронеслись дурныя вѣсти —
Въ трубы затрубили.
На войну москаль поѣхалъ;
Дѣвицу *покрыли* *).
Не печалить Катерину,
Что коса покрыта:
Любы слезы, словно пѣсни,
Если не забыта.
Обѣщался чернобровый,
Если цѣль вернется,

*) Въ Украинѣ дѣвушка, уличенная въ преступной связи, не смѣетъ являться въ люди съ непокрытой головой; ее *покрываютъ* насильно, то есть повязываютъ голову, какъ замужней. Такую дѣвушку называютъ *покрытою*.

Обѣщался къ ней пріѣхать.
 То-то заживется :
 Будеть дѣвица московкой,
 Горе позабудеть ;
 А пока — пусть осуждаютъ,
 Пусть смѣются люди.
 Не тоскуеть Катерина —
 Слезы утираетъ,
 Что ее съ собой подружки
 Пѣть не заываютъ.
 Не тоскуеть Катерина,
 Хоть и плачутъ очи —
 Съ коромысломъ за водою
 Выйдетъ о-полъ-ночи,
 Чтобъ враги не увидали ;
 Подойдетъ къ криницѣ *),
 Станетъ возлѣ подъ калиной,
 Запоётъ про «Гриця» **).
 И калина плачетъ — столько
 Въ пѣсни той печали.
 Воротилася — и рада,
 Что не повстрѣчали.
 Не тоскуеть Катерина,
 Тяжкихъ думъ не знаетъ —
 У окна, въ цвѣтномъ платочкѣ,
 Друга поджидаетъ.
 Поджидала Катерина
 Цѣлые полгода ;
 Защемило возлѣ сердца —
 Подошла невзгода.
 Расхворалась Катерина,
 Еле-еле дышетъ....
 Вотъ оправилась — и въ люлькѣ
 Мальчика колышетъ.
 А сосѣдки-щебетухи
 Матери толкуютъ,

*) Криница — ключъ, превращенный въ водоёмъ.

***) Извѣстная украинская пѣсня.

Что Моска́лики приходятъ,
 Да у ней вочуютъ :
 «У тебя не одиночка
 «Молодая дочка,
 «А качаетъ въ колыбели
 «Москаля-сыночка.
 «Черноброваго сыскала....
 «Вмѣстѣ, знать, грѣшили....»
 Чтобъ васъ, вѣдьмы-щебетухи,
 Злыдни задавили!

Катерина, разразилось
 Горе надъ тобою!
 Гдѣ ты въ свѣтѣ приютисься
 Съ малымъ сиротою?
 Кто распроситъ, приголубитъ
 Въ свѣтѣ безъ милѡва?
 Мать, отецъ — чужіе люди:
 Тяжко это слово!

Вотъ оправилась Катруся, —
 Подойдетъ къ окошку,
 И всё нянчится съ ребенкомъ,
 Смотритъ на дорожку.
 Смотритъ — нѣтъ да нѣтъ милѡго....
 Можетъ и не будетъ?
 Въ садъ поплакать бы сходила,
 Да увидятъ люди.
 Ночь настанетъ — Катерина
 По саду гуляетъ,
 На рукахъ качаетъ сына,
 Горе повѣряетъ:
 «Здѣсь, бывало, поджидала,
 «Въ очи цѣловала,
 «А вонъ тамъ.... сыночекъ милый!....»
 И не досказала.

Зацвѣли въ саду черешни,
 Зацвѣли и вишни;

Какъ и прежде выходила,
 Катерина вышла.
 Вышла, только не поётся
 Бѣдной, какъ бывало,
 Какъ съ саду вишневоѣ ночью
 Друга поджидала.
 Не поётся чернобровой,
 Проклинаеть долю.
 А межъ тѣмъ враги-злодѣи
 Тѣшутъ свою волю,
 Распускаютъ злыя рѣчи:
 Бѣдной не оставятъ!....
 Если-бъ милый — онъ съ умѣлъ бы
 Ихъ молчать заставить....
 Но далеко чернобровый, —
 Сердцемъ не почуветь,
 Какъ враги надъ ней смѣются,
 Какъ она горюеть.
 Можетъ быть, онъ за Дунаемъ,
 Подъ сырой землею;
 А въ Москѡвщинѣ слюбился
 Съ дѣвицей иною.
 Не убить онъ, воротился
 Свѣжій и здоровый....
 Гдѣ-жъ найдеть такія очи
 И такія брови?
 Нѣтъ въ Москѡвщинѣ (пройди хоть
 Всю ея до моря),
 Нѣтъ такой, какъ Катерина;
 А живеть на горе!....
 Мать съумѣла дать ей брови
 И глаза на диво,
 Не съумѣла только сдѣлать
 Дѣвицу счастливой.
 А краса безъ доли, счастья,
 Чтѡ цвѣточекъ въ полѣ:
 Сушить солнце, треплетъ вѣтеръ,
 Каждый рветъ по волѣ.
 Умывайся-же слезами,
 Да молися Богу:

Эхъ! москашки вернулись,
Да не той дорогой.

II.

За столомъ сидитъ родимый,
На руки склонился;
На свѣтъ Божій не посмотритъ:
Сердцемъ истомился.
Рядомъ съ нимъ сидитъ старуха
Мать, въ тоскѣ-кручинѣ,
За слезами еле-слышно
Говоритъ дѣвчинѣ:
«Что-же свадьба, Катерина?
«Гдѣ же твоя пара?
«Гдѣ же сваты, гдѣ же дружки,
«Старосты, бояра?
«Знать въ Москѣвщинѣ!... Иди же
«Къ нимъ, когда посмѣешь,
«Да не сказывай дорогой,
«Что ты мать имѣешь.
«Видно въ день и часъ проклятый
«Я тебя родила!
«Если бъ знала, до восхода-бъ
«Солнца утопила....
«Пусть бы гадина сглодала,
«Не москаль поганный....
«Ахъ, ты дочка моя, дочка!
«Цвѣтикъ мой румяный!
«Точно ягодку, какъ пташку
«Нѣжила, растила —
«На бѣду, знать.... Такъ-то, дочка,
«Мнѣ ты отплатила!
«Ты въ Москѣвщинѣ, Катруся,
«Поници свекрухи,
«Если слушать не хотѣла
«Матери-старухи.
«Поници ее — отыщешь —
«Крѣпко приласкайся;

«Будь счастлива межъ чужими,
 «Къ намъ не возвращайся!
 «Никогда не возвращайся
 «Изъ чужаго края!...
 «Кто-то мнѣ глаза закроеть,
 «Безъ тебя, родная?
 «Кто заплачетъ надо мною,
 «Вѣдной сиротинной?
 «Кго посадить на могилѣ
 «Красную калину?
 «Кто помянетъ? — кто молиться
 «Будеть надо мною?
 «Охъ, ты дочка моя, дочка!
 «Дитятко родное!
 «Ну, иди-жь!...»

Благословила :

«Богъ съ тобой, родная!»
 И на лавку повалилась,
 Будто не живая.

И сказалъ отецъ родимый :

— Что жъ нейдешь, дѣвчина? —
 Зарыдала и упала
 Въ ноги Катерина.
 «Ты прости меня, родимый,
 «Въ чемъ я согрѣшила!
 «Ты прости меня, голубчикъ,
 «Мой соколикъ милый!»
 — Пусть Господь тебя прощаетъ,
 Да честные люди;
 Помолись — и въ путь дорогу:
 Легче сердцу будетъ. —

Еле встала, поклонилась,
 Вышла со слезами;
 А старикъ съ своей старухой
 Стали спротами.
 Вышла въ садикъ, помолилась,
 Горсть земли набрала,

И на крестъ ее въ мѣшочкѣ
 Крѣпко навязала.
 «Не вернусь!» проговорила :
 «Далеко умру я,
 «И чужіе закопають
 «Въ землю мнѣ чужую;
 «А своя — щепотка эта —
 «Надо мною ляжетъ,
 «Да про долю, да про горе
 «Добрымъ людямъ скажетъ....
 «Не рассказывай, голубка,
 «Гдѣ-бъ ни схоронилъ,
 «Чтобы грѣшной въ этомъ свѣтѣ
 «Люди не бранили.
 «Ты не скажешь... вотъ кто скажетъ,
 «Кто его родная!
 «Боже мой! куда я спрячусь,
 «Убѣгу куда я?
 «Я сама, дитя родное,
 «Спрячусь подъ водою, —
 «Ты же грѣхъ мой отстрадаешь
 «Въ людяхъ сиротою,
 «Безъ отца!...»

Пошла деревней,
 Плачетъ Катерина;
 Подвязалася платочкомъ,
 Да качаетъ сына.
 Вышла въ поле — оглянулась
 (Жаль родимыхъ стало),
 Покачала головою
 Да и зарыдала.
 Стала въ полѣ при дорогѣ,
 Словно тѣ березы;
 Какъ роса передъ зорёю,
 Полилися слёзы.
 Изъ-за слезъ, изъ-за горючихъ
 Бѣла-дня не чувствуетъ,
 Только сына обнимаетъ,
 Плачетъ, да цѣлуетъ.

А ребенокъ, точно ангелъ,
 Ничего не знаетъ,
 Къ груди крохотной рученкой
 Тянется, хватаетъ.
 Солнце сѣло, за дубровой
 Зорька догораеть.
 Утерлась; пошла дорогой....
 Вотъ ужъ чуть мелькаетъ.
 По селу еще сосѣдки
 Долго толковали,
 Да тѣхъ толковъ мать-старуха
 Съ старымъ не слыхали.

Такъ-то съ ближними на свѣтѣ
 Люди поступаютъ!
 Того вяжутъ, того рѣжутъ,
 Тотъ себя терзаетъ.
 А за что? Господь ихъ знаетъ.
 Свѣтъ, кажись, широкой,
 А въ немъ мѣста не отыщеть
 Странникъ одинокой.
 Одному отмѣрить доля
 Съ краю и до краю,
 А другому лишь оставить
 Тѣ, гдѣ закопають.
 Гдѣ-жъ тѣ люди, гдѣ-жъ тѣ братья,
 Съ кѣмъ мы такъ желали
 Жить, кого любить сбிரались?
 Сгинули! пропали!

Есть на свѣтѣ доля, —
 Съ кѣмъ она спозналась?
 Есть на свѣтѣ воля, —
 Да кому досталась?
 Есть на свѣтѣ люди —
 Золотомъ сіяютъ,
 Кажется, чего бы —
 Долюшки не знаютъ, —

Ни доли, ни воли!
 Кафтанъ надѣвають
 Съ кручиной, а плакать —
 Такъ стыдъ запрещаетъ.

Золото возьмите,
 Будьте имъ богаты,
 Мнѣ-же — дайте слезы
 Выплакать утраты.
 Затоплю недолю
 Частыми слезами,
 Затопчу неволю
 Босыми ногами!

Тогда я богатый,
 Тогда я довольный —
 Какъ сердце възграетъ
 Касаткою вольной.

III.

Стонуть совы; спить дуброва;
 Звѣздочки сіяютъ;
 По окраинамъ дороги
 Суслики играютъ.
 Люди добрые уснули:
 Каждого стоило
 Или счастье, или слезы, —
 Ночка все покрыла.
 Всѣхъ покрыла, словно дѣтокъ
 Мать, когда уснули.....
 Гдѣ-жъ уснула Катерина:
 Въ хатѣ-ли, въ лѣсу-ли?
 Аль на полѣ подъ копною
 Сына забавляетъ?
 Аль въ лѣсу пѣ-подъ колоды
 Волка выжидаетъ?
 Пронадайте, черны брови!
 Лучше не родиться,

Чѣмъ за васъ такой бѣдою
 Въ жизни поплатиться.
 Что же дальше повстрѣчаетъ?
 Будетъ горе, будетъ!
 Встрѣтятъ — зной, песокъ сыпучій
 И чужіе люди;
 Встрѣтитъ стужа.... Но желанный
 Встрѣтитъ ли — не знаетъ, —
 Тотъ, что Катрю приголубить,
 Сына приласкаетъ?
 Съ нимъ бы дѣвица забыла
 Зной, пески, кручину:
 Онъ, какъ мать, какъ братъ, привѣтомъ
 Встрѣтитъ Катерину....

Все увидимъ, все услышимъ!...
 А пока немного
 Отдохну, да въ Московщину
 Распрошу дорогу.
 Дальній путь! Дорогу эту
 Знаю, братцы, знаю!
 Даже сердце замраетъ,
 Какъ припоминаю.
 Вымѣрялъ и я когда-то —
 Чтобъ ее не мѣрять!...
 Рассказалъ бы я про горе,
 Только не повѣрять!
 Скажутъ: «вретъ онъ!» да и станутъ
 За глаза порочить:
 «Ишь — рассказываетъ сказки,
 «Да людей морочить!»
 Правда, братцы, ваша правда!
 Для чего предъ вами
 Стану горе да кручину
 Выливать слезами?
 Знать печали да заботы
 Каждому не диво....
 Ну ихъ къ бѣсу!... Лучше дайте
 Трубку да огниво,

Чтобы, знаете, родные
 Дома не крушились.
 Что рассказывать про бѣды! —
 Развѣ, чтобъ приснились!
 Ну ихъ къ бѣсу!... Лучше взглянемъ,
 Что-то, той порою,
 Сталось съ нашей Катериной,
 Съ малымъ сиротою.

Возлѣ Кіева, дорогой,
 Идутъ темнымъ боромъ
 Чумаки, родную пѣсню
 Напѣвая хоромъ.
 Имъ на встрѣчу молодница....
 Видно, съ богомолья.
 Что-жь глаза у ней припухли?
 Али отъ бездоля?
 Свитка ветхая въ заплаткахъ;
 Въ лаштахъ да съ клякою;
 На рукахъ ея ребенокъ,
 Торба за спиною.
 Повстрѣчалась съ чумаками,
 Мальчика прикрыла:
 «Гдѣ пройти тутъ въ Московщину?»
 Ихъ она спросила.
 — Въ Московщину? прямо, прямо.
 А куда дорога? —
 «Подъ Москву иду. Подайте
 «Бѣдной, ради Бога!»
 Дали грошъ ей.... задрожала:
 Тяжко брать ей, тяжело!...
 И за чѣмъ бы?... А ребенокъ?
 Жаль его, бѣдняжки!
 Зарыдала, ползлася;
 Въ Броворахъ немного
 Отдохнула, да купила
 Пряникъ на дорогу.
 Долго, долго горемыка
 Шла, да всё пыталась....

А случилось — подъ заборомъ
Съ сыномъ почевала.

Видите-ль, на что ей очи пригодились:
Чтобъ изъ нихъ рѣкою слезы лились, лились!
Слушайте и кайтесь, красныя дѣвицы,
Чтобъ не довелось плакать и томиться,
Чтобъ не довелось, какъ моей дѣвчннѣ,
Вамъ искать милого въ дальней Московщинѣ....

Тогда не пытайте, за что осуждаютъ,
За что почевать васъ въ избу не пускаютъ!

Не пытайте, чернобровки, —
Люди вѣдь не знаютъ....
Тѣхъ, кого Господь караетъ,
И они караютъ....
Люди гнутся, точно лозы,
Вѣтеръ чуть повѣетъ.
Солнце свѣтитъ сиротинѣ
(Свѣтитъ да не грѣетъ) —
Люди-бъ солнце заступили,
Еслибъ можно было,
Чтобы сирымъ не свѣтило,
Слезы не сушило.
А за что? — за что не знаетъ
Бѣдная отрады?
Что имъ сдѣлала Катруся?
Что имъ, людямъ, надо?
Чтобы плакала!... Не плачь же
Сердце-Катерина!
Не показывай имъ слёзы,
Потерпи, дѣвчина!
А чтобъ личико не блѣкло
Съ черными бровями, —
До зари, въ лѣсу дремучемъ,
Вымойся слезами.

Какъ умоешься — не взглянуть,
 Да и не осудятъ;
 А пока струятся слезы,
 Сердцу легче будетъ.

Гдѣ-жь Катруся бродить?
 Подъ заборомъ ночевала,
 На зарѣ вставала,
 Поспѣшала въ Московщину....
 Глядь — зима настала.
 Свищетъ въ полѣ заверюха, —
 А она, въ убогой
 Свиткѣ и лаптяхъ, плетется
 Снѣжною дорогой.
 Чуть ступаетъ; вдругъ мелькнуло....
 Глянула, блѣднѣтъ:
 Москалі идутъ дорогой....
 Горе!... сердце мѣтеть....
 Повстрѣчала.... «Не слыжали-ль»,
 Говорить, «случаемъ,
 «Гдѣ Иванъ мой чернобровый?..»
 Тѣ ей: — Знать не знаемъ! —
 И, какъ водится, солдаты
 Шутятъ да смѣются:
 — Ай да баба! ай да наши!
 Всюду доберутся! —
 Посмотрѣла Катерина:
 «Видно всюду люди!
 «Ты не плачь, мой горемычный!
 «Будетъ пусть, что будетъ!
 «Побреду — ходила больше....
 «Можетъ и найду я;
 «Передамъ тебя, голубчикъ,
 «А сама умру я.»
 Воетъ вьюга, стонетъ вьюга,
 По полю гуляетъ;
 Катерина середь поля
 Слезы проливаетъ.
 Уходилась заверюха, —
 Еле повѣвала;

Все бы плакала Катруся,
 Только слезъ не стало.
 Посмотрѣла на ребенка:
 Пóлитый слезою,
 Рдѣеть крошка, какъ цвѣточекъ
 Утромъ подъ росою.
 Усмѣхнулась Катерина,
 Горько усмѣхнулась:
 Возлѣ сердца лютымъ змѣемъ
 Горе шевельнулось.
 Осмотрѣлась Катерина,
 Видить — лѣсъ чернѣеть,
 А подъ лѣсомъ, у дороги,
 Огонекъ свѣтлѣеть.
 «Ну пойдёмъ же, если пустятъ
 «Въ хату насъ съ тобою;
 «А не пустятъ — заночуемъ
 «Въ полѣ подъ межою;
 «Подъ избою заночуемъ,
 «Бѣдный мой Иване!
 «Гдѣ-то будешь ночевать ты,
 «Какъ меня не станеть?
 «Ты съ собаками дружися, —
 «Право, лучше будетъ!
 «Если злые — покусаятъ,
 «Все же не осудять....
 «Съ ними ѣсть и пить придется
 «Моему Ивану....
 «Охъ ты, доля моя, доля!
 «Что я дѣлать стану?»

IV.

Воетъ, свищетъ заверюха.
 Пó лѣсу завыло;
 Словно море, бѣлымъ снѣгомъ
 Поле заходило.
 Изъ избы лѣсничій вышелъ,
 Чтобъ пройти дозоромъ, —

Такъ куда ты! зги не видно,
 Такъ и свищетъ боромъ.
 «Эге-гѣ, какая вьюга!
 «Провались ты съ лѣсомъ!
 «Ворочусь.... Что тамъ такое?
 «Словно.... Ишь ихъ къ бѣсамъ!
 «Вѣдь несетъ же вражья сила,
 «Будто и за дѣломъ.
 «Какъ ихъ снѣгомъ-то.... Никпфоръ,
 «Глянъка, — точно въ бѣломъ.»
 — Москалѣ? да гдѣ?... да гдѣ-же? —
 «Что ты? что съ тобою?»
 — Гдѣ Москалки, мой лебедь? —
 «Вонъ идутъ межею.»
 Не одѣлась — побѣжала
 * Лѣсомъ Катерина.
 «Видно крѣпко насолила
 «Бѣдной Московщи́на!
 «По ночамъ — одно и знаетъ —
 «Москаля все кличптъ.»
 Черезъ пни бѣжитъ, по снѣгу;
 Еле-еле дышетъ.
 Добѣжала.... утираетъ
 Слезы рукавами.
 Ей на встрѣчу выѣзжаютъ
 Москалѣ рядами.
 «Охъ ты, доля моя, доля!»
 Къ нимъ.... глядитъ — узнала:
 Впередъ всѣхъ ѣдетъ старшій.
 «Милый!» закричала:
 «Мой Иванъ, мой нецаглядный!
 «Что-жь ты не вернулся?»
 И къ нему.... хватаетъ стремя....
 Старшій оглянулся —
 И въ бока коня толкаетъ.
 «Что-жь ты уѣзжаешь?
 «Аль забылъ свою Катрусю?
 «Аль не распознаешь?
 «Погляди: я Катерина,
 «Я твоя, мой милый.

«Что-жь ты стремя вырываешь
 «У меня, постылой?»
 А онъ будто и не видитъ —
 Все коня торопить.
 «Посмотри — ужъ я не плачу!»
 Катерина вопить:
 «Не узналъ меня, мой милый?
 «Сердце, приглядиися,
 «Я, ей Богу, Катерина!»
 — Дура, отвяжися!
 Прочь безумную! возьмите! —
 «Боже, отказался!...
 «Такъ меня ты покидаешь?
 «А не ты ли клялся?...
 — Да возьмите-жь! Что стоите? —
 «Какъ? — ты прогоняешь?
 «Да за что-жь, скажи, мой голубь?
 «На кого оставишь
 «Катерину, что о полночь
 «Въ садъ къ тебѣ ходила,
 «Что тебѣ малютку-сына
 «На свѣтъ породила?
 «Братъ родной! отецъ родимый!
 «Ты хоть не чуждайся!
 «Я твоей батрачкой буду....
 «Ты съ другой спознайся,
 «Съ цѣлымъ свѣтомъ.... я забуду,
 «Что когда-то жили....
 «Отъ тебя имѣла сына,
 «Что меня *покрыли*....
 «Стыдъ-то, стыдъ-то!... И за что мнѣ
 «Гибнуть безталанной?
 «Ты покпнь меня, но сына
 «Не кидай, желанный!
 «Не покинешь?... Не бѣги же
 «Отъ меня, мой милый! —
 «Принесу тебѣ я сына.»
 Стремя опустила —
 И въ избушку. Воротилась,
 Обнимаетъ сына.

Не повитый, не одѣтый,
 Плачетъ сиротина.
 «Посмотри — вонъ онъ, голубчикъ!
 «Гдѣ-жъ ты? скоронился?
 «Нѣтъ! ушолъ онъ... сына, сына
 «Бросилъ, отступился!
 «Боже мой!... куда я дѣнусь,
 «Дитяtko, съ тобою?
 «Ой, Москалики! возьмите
 «Бѣднаго съ собою;
 «Не гнушайтесь имъ — онъ бѣдный
 «Круглый сиротина;
 «Вы возьмите — и отдайте
 «Старшему за сына.
 «Не возьмете — такъ покину,
 «Какъ отецъ покинулъ, —
 «Чтобъ его не покидала
 «Горькая судьбина!
 «Мать грѣхомъ тебя, болѣзньный,
 «На свѣтъ породила;
 «Выростай же на смѣхъ людямъ!»
 На земь положила.
 «Поищи отца по свѣту,
 «Я уже искала.»
 И съ дороги, какъ шальная,
 Въ лѣсъ — и убѣжала.
 Плачетъ мальчикъ... Москали же,
 Что имъ! — миновали...
 Что-жъ, и лучше; да на горе
 Люди услышали.

Катря бѣгаетъ по лѣсу,
 Бѣгаетъ, рыдаетъ —
 То клянеть его, то просить,
 Просить, призываетъ.
 Выбѣгаетъ на поляну;
 Глянула, спустилась
 Въ темный яръ — и возлѣ пруда
 Мигомъ очутилась.
 «Упокой Господь мнѣ душу,
 «Вы-жъ — примите тѣло,

«Воды темныя!...» и въ прорубь....
 Только зашумѣло
 Подо льдомъ.

Нашла бѣдняжка,
 Катря, что искала.
 Дунулъ вѣтеръ по-надъ-прудомъ —
 И слѣда не стало.

То не вѣтеръ, то не буйный,
 Что дубы ломаетъ;
 То не горе, что родная
 Рано умираетъ;
 Та семья не стала сирой,
 Что похоронила
 Мать свою: у ней остались
 Имя и могила.
 Насмѣются злые люди —
 Сироту осудятъ;
 Выльетъ слезы на могилу —
 Горе позабудетъ.
 А тому, тому на свѣтѣ,
 Что тому осталось,
 Кто отца въ глаза не видѣлъ,
 Мать же — отказалась?
 Что безродному осталось?
 Люди злы и строги!
 Ни родни, ни теплой хаты;
 Трудъ, пески, дороги....
 Бѣло личико, да брови....
 Что въ нихъ? Чтобъ узнали!
 Точно писанный, а что въ томъ?...
 Лучше-бъ полиняли!

V.

Шелъ кобзарь въ престольный Кіевъ,
 Шелъ — и сѣлъ дорогой.
 Съ нимъ вожакъ. Онъ весь обвѣшенъ
 Сумками, убогой.
 Мальчуганъ на солнцѣ дремлетъ,
 Дремлетъ, засыпаетъ;

А кобзѣрь межъ тѣмъ «Исуса»
 Тихо напѣваетъ.
 Подаютъ, кто грошъ, кто бубликъ,
 Всякъ идетъ — не минеть:
 Кто сѣдому, а дѣвчина
 Мальчугану кинеть.
 «И босой-то онъ и голый»,
 Думаетъ дѣвчина:
 «Красоту дала, да счастье
 «Не дала судьбина!»

Экипажъ, дорогій въ Кіевъ,
 Кѣтитъ шестернёю;
 Въ экипажѣ ѣдетъ пани
 Съ паномъ и семьёю.
 Кѣтитъ — вдругъ остановился;
 Взвились клубы пыли.
 Побѣждалъ Ивась: въ окошко
 Крошку поманили.
 Бросивъ денегъ, мальчуганомъ
 Пани занялся.
 Глянулъ панъ — и отвернулся....
 Онъ узналъ Ивася,
 Онъ узналъ и черны брови
 И соколы очи....
 Онъ узналъ въ малюткѣ сына,
 Да признать не хочетъ.
 «Какъ зовутъ тебя?» — Ивасемъ. —
 «Какъ онъ милъ!» сказала....
 Кони тронули — бѣдняжку
 Пылью заметало....
 Сосчитали, что имъ дали,
 Помолились Богу,
 Помолились и пустились
 Снова въ путь-дорогу.

НИКОЛАЙ ГЕРБЕЛЬ.

8 Марта 1860 года.
 С. Петербургъ.

ПОЛИТИКА.

Убійства на Востоку.

Еще не прошло и пяти лѣтъ послѣ заключенія парижскаго мира, какъ вниманіе Европы снова обратилось на Востокъ. Едва засохла человѣческая кровь на стѣнахъ Синопа, Силистріи и Севастополя, какъ она снова полилась въ Сиріи. Изувѣрство поклонниковъ ислама, опять пришло въ столкновеніе съ христіанской Европой, вызвавъ съ ея стороны новыя опасенія и вооруженную коалицію. И чѣмъ дальше, тѣмъ враждебныя встрѣчи Востока и Запада становятся чаще и серьезнѣе. Но гдѣ же источникъ этого зла? Разумѣется, въ положеніи самой турецкой имперіи. Эта издыхающая держава, пораженная всѣми симптомами политической смерти, разлагается на нашихъ глазахъ, какъ гниющее тѣло, случайно забытое на большой дорогѣ. Всѣ чувствуютъ, что возрожденіе ея болѣе невозможно: сумма силъ, вдохнутыхъ въ ея жилы ученіемъ Корана и страстью къ завоеваніямъ, совершенно истощилась. Турція можетъ болѣе или меньше продлить свое сомнительное существованіе, но не возстать отъ своего паденія: это мнѣніе обратилось въ аксіому для современныхъ публицистовъ, — за исключеніемъ миролюбиваго хозяина Франціи и его адъютанта по дѣламъ англійскаго парламента — лорда Пальмерстона.

И Европа вѣроятно, еще долго будетъ осуждена стоять у постели этого умирающаго трупа, выжидая послѣдняго его вздоха.

Сохраненіе оттоманской порты не есть потребность историческаго прогресса или европейскаго равновѣсія, а чистая игра случая. Около ста лѣтъ она держится единственно потому, что

западныя государства не могутъ согласиться на счетъ ея раздѣла. Они знаютъ, что выродившіеся потомки Тамерлана и Мохаммеда II оставляютъ по себѣ богатое наследство. Въ-самомъ-дѣлѣ, имъ принадлежитъ лучшая часть земнаго шара; они владѣютъ берегами двухъ морей, Гелеспонтскимъ проливомъ, отдѣляющимъ двѣ части Свѣта, великолѣпными долинами Малой Азии и плодороднѣйшими почвами Баюкдера. Съ той минуты, когда это роскошное наследіе перейдетъ въ руки новыхъ обладателей, — вопросъ дѣлежа становится чрезвычайно труднымъ. Франція боится морскаго превосходства Англіи, которая, разбросивъ свои факторіи и колоніи по малоазійскому побережью, станетъ на двухъ главныхъ рубежахъ Востока; Англія въ свою очередь опасается вторженія Франціи въ центральныя области Турціи, откуда она легко можетъ угрожать греческой независимости и придунайскимъ національностямъ. Наконецъ Россія, примыкая естественными границами къ сѣвернымъ областямъ Турціи, и не встрѣчая на пути своего тяготѣнія къ югу ни одной сильной преграды, въ то же время встрѣчаетъ здѣсь родовыя и религіозныя симпатіи со стороны славянскихъ племенъ. Эта комбинація международныхъ интересовъ еще болѣе запутывается, когда мы представимъ разнохарактерность турецкихъ владѣній, составленныхъ изъ самыхъ противоположныхъ и враждебныхъ элементовъ. Нынѣ павшая оттоманская порта, завтра производитъ бурный взрывъ всевозможныхъ страстей, стремлений и требованій, тѣмъ болѣе хаотическій взрывъ, что доселѣ ихъ сдерживала одна грубая матеріальная сила.

Всѣ эти соображенія, съ примѣсю взаимной зависти, гордости и мелкихъ политическихъ расчетовъ, заставляютъ Европу поддерживать Турцію, отдавая день-за-день ея неотразимое самоуничтоженіе.

Еще со временъ образованія греческаго королевства для рѣшенія восточнаго вопроса представлялись слѣдующія проблемы:

1. Завоеваніе Востока.... 2. Раздробленіе Турціи на нѣсколько независимыхъ государствъ и 3. Коренное преобразованіе турецкой имперіи.

Рѣшеніе восточнаго вопроса завоеваніемъ Турціи было столько разъ предсказываемо западными писателями и государственными людьми, что наконецъ общественное мнѣніе Европы повѣрило ему. Вслѣдствіе этого и крымская война имѣла огромную популярность въ массахъ. Вѣроятность такого рѣшенія до того напугала западныя правительства, что заставила ихъ

вооружиться и предпринять на защиту ислама, самый грозный поход, какого еще не было со время крестоносцев. Подобное рѣшеніе становится невозможным послѣ заключенія парижскаго мира.

Затѣмъ обратимъ вниманіе на самое естественное и справедливое рѣшеніе этого вопроса, т. е. на образованіе изъ турецкой имперіи четырехъ независимыхъ государствъ, которыя могли бы составить одинъ общій союзъ. Такому федеративному устройству особенно сочувствуютъ христіанскія населенія Турціи. — Румыны, Сербы, Болгары уже давно мечтаютъ объ образованіи отдѣльных и самостоятельныхъ государствъ. Греки, хотя и стремились сначала къ соединенію всѣхъ областей и образованію восточной имперіи, но наскучивъ безплодными и отчасти вредными для нихъ ожиданіями и понявъ истинныя свои выгоды, стали также желать присоединенія къ своимъ братьямъ — свободнымъ Эллинамъ. Теорія федеративнаго союза Турціи, съ каждымъ годомъ теряетъ свой кредитъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, трудно вообразить, чтобъ національные интересы отдѣльныхъ племенъ, разъединенныхъ преданіями, вѣрованіями, глубокой взаимной ненавистью, соединились въ одномъ примиряющемъ центрѣ. Какое государственное устройство и подъ какой гарантіей можетъ образоваться изъ побѣжденнаго райи равноправнаго гражданина съ побѣдителемъ Османлисомъ? Парижскій конгрессъ доказалъ, что осуществленіе этой теоріи далеко отъ желанія европейскыхъ кабинетовъ.

Убѣдившись въ невозможности образовать восточную христіанскую имперію, политика избрала третій путь, т. е., коренное преобразование оттоманской имперіи. Разсмотримъ, какія средства предположила Европа для выполненія своего фантастическаго плана, и какъ эти паліативы уврачевали раны блистательной порты.

Главной задачей европейскыхъ державъ было избавить Турцію отъ частыхъ вмѣшательствъ сосѣднихъ съ ней государствъ, имѣвшихъ право покровительства надъ подданными султана. Отдѣльное покровительство было замѣнено общимъ ходатайствомъ всѣхъ великихъ державъ. Мѣра — неисполнимая на самомъ дѣлѣ, что доказывается послѣдними сврійскими событіями. Для огражденія христіанскихъ подданныхъ Абдуль-Меджида отъ произвола турецкихъ сановниковъ, постановлено было сравнять права всѣхъ турецкихъ подданныхъ.

Но возможно ли достигнуть этой цѣли? — чтобы уровнять права христіанъ съ магометанами, Туркамъ необходимо не только отказаться отъ своихъ притязаній на господство, но и признать райевъ ни чуть не хуже себя. Развитію этого соціального чувства положительно мѣшаетъ Коранъ; ученіе его, проникнутое духомъ фанатизма и истребленія, не поднимаетъ болѣе кроваваго меча на все, не подвластное Аллаху и его великому пророку, но оно по прежнему презираетъ и клеймитъ пловѣрца; оно называетъ его *кяфиромъ*, въ высшей степени грубымъ и браннымъ словомъ между восточными народами.

Въ IX главѣ его сказано между прочимъ: «Правовѣрные! бейте всякаго, кто не вѣруетъ въ Бога и въ судъ Божій.... Бейте всякаго еврея или христіанина, который не исповѣдуетъ истинной вѣры; бейте ихъ до-тѣхъ-поръ, пока они не покорятся!... Богъ послалъ пророка своего Мохаммеда проповѣдывать истинную вѣру и утвердить ее съ торжествомъ на развалинахъ прочихъ вѣръ.»

Какъ же послѣ этого допустить, чтобы Турокъ, какъ истый мусульманинъ, согласился признать кяфира — брата своего? Если образованіе и политическія революціи, такъ дорого купленныя Европой, не могли сгладить сословныхъ антипатій на Западѣ, если образованный Американецъ все еще смотритъ на Негра, какъ на животное, среднее между человѣкомъ и обезьяной, то какимъ же чудомъ мы доведемъ полудикаго Османлеса до сознанія того соціального равенства, которое поражается въ самомъ источникѣ его религіозныхъ убѣжденій? Коранъ учитъ ненавидѣть и бить кяфира, а гражданскій законъ предписываетъ любить и уважать его. Еслибъ какая-нибудь реформа и могла согласить такое радикальное противорѣчіе, то и тогда полнаго примиренія ожидать невозможно: вражда лежитъ слишкомъ глубоко; она вытекаетъ изъ преданій, исторіи, всего нравственнаго существа между поклонникомъ Иисуса и Мохаммеда.

Вотъ почему, едва былъ подписанъ парижскій миръ, который, казалось, обезпечивалъ существованіе турецкой имперіи, какъ на Западѣ поднялся новый благородный протестъ за несчастныхъ восточныхъ христіанъ; первый голосъ былъ поданъ въ Англіи; въ то время, какъ правительственные органы превозносили турецкія реформы и великіе результаты ихъ, въ то время, какъ Пальмерстонъ, не успѣвшій повѣсить Бернара въ дѣлѣ Орсини, но успѣвшій стать въ головѣ новаго министерства, успокаивалъ

Европу на-счетъ прогресса порты, проникательные умы Англіи предвидѣли настоящую катастрофу. Еще въ 1856 году Едуардъ Фригэнъ, въ своей замѣчательной брошюрѣ (Turkish Reforms) вѣрно предсказалъ всю невозможность турецкаго правительства стать въ головѣ народныхъ преобразованій.

Разбирая пресловутый гаги-гумаюнъ, онъ говоритъ: «Султанъ, опираясь на руку лорда Стратфорда, издаетъ фирманъ въ пользу своихъ не могамметанскихъ подданныхъ; но фирманъ этотъ будетъ мертвой буквой вездѣ, куда не заглянетъ глазъ султана.... новыя учрежденія, которыя должны жить и возрождать турецкую имперію, не принесутъ пользы, если государственные сановники не перестанутъ предаваться разврату и могамметанское населеніе не отрѣшится отъ того невѣжества, въ которое оно брошено. Надо вырвать съ корнемъ единственную причину, которая препятствуетъ Туркамъ вступить въ семью просвѣщенныхъ народовъ; надо наконецъ, чтобы Турки отказались отъ искреннаго и добросовѣстнаго исповѣданія ислама.» Разсматривая потомъ всю неспособность могамметанскихъ правительствъ — ввести между своими подданными права равенства, онъ говоритъ: «Все что оттоманское правительство можетъ сдѣлать въ пользу своихъ подданныхъ, христіанъ, евреевъ или язычниковъ, — избавить ихъ отъ личныхъ притѣсненій. Это дѣйствительно было исполнено нѣкоторыми изъ первыхъ калифовъ, властителями мавританской династїи, царствовавшей въ Испаніи и Аббасомъ, персидскіяго шахомъ. Абдуль-Меджидъ выше этого стать не можетъ.» Затѣмъ, анализируя сущность турецкой реформы, онъ говоритъ: эти восхваляемыя турецкія реформы, наводятъ насъ на слѣдующія мысли. Прежде всего надо замѣтить, что изъ предложенныхъ плановъ мало обѣщано сдѣлать, а что и сдѣлано, о томъ не стоитъ говорить. А между тѣмъ тензиматъ возбудилъ такъ много ожиданій, какъ будто рѣчь шла о величайшемъ произведеніи политической мудрости. По словамъ его защитниковъ, пожалуй, подумаешь, что англійское законодательство со временъ Этельреда и до послѣднихъ реформъ — бездѣлица предъ этимъ памятникомъ турецкаго либерализма. На дѣлѣ вышло не то: тензиматъ и младшій братъ его гаги-гумаюнъ, кромѣ общихъ обѣщаній правосудія и хорошаго управленія, не ввели ни одного капитальнаго учрежденія въ пользу раевъ, ни одной государственной мѣры, достойной нашего вѣка.»

Между тѣмъ, какъ Абдуль-Меджидъ передѣлывалъ слова, а не духъ законовъ, измѣнялъ устарѣлыя формы, а не начала въ по-

ду разрушенной народной жизни, — оттоманскую порту поражаетъ финансовый кризисъ. Подготовленный огромными расходами восточной войны, безочетными тратами серая и хищной администраціей министровъ, онъ довелъ правительство до безвыходнаго положенія. Страна, никогда не имѣвшая ни промышленной дѣятельности, ни цвѣтущаго земледѣлія, ни правильно-развитаго труда, страна, гдѣ миллионы людей предоставлены почти голодной смерти, наконецъ потеряла вѣншній и внутренній кредитъ. Бумажныя деньги наводнили имперію. Желая поправить разстроенное состояніе своихъ финансовъ, порта увеличила налоги на своихъ подданныхъ, и при этомъ какъ и всегда, вся тяжесть упала особенно на райевъ. Въ гати-гумаюнѣ сказано, что христіане освобождаются отъ унизительнаго, для чловѣчества, поголовнаго налога (харача), а вмѣсто него обязываются доставлять солдатъ въ турецкую армію. При этомъ по образцу западныхъ державъ объявлено, что нежелающій служить можетъ откупаться за опредѣленную плату. Основываясь на этомъ, порта объявила, что вмѣсто доставленія рекрутъ, христіанскія общины должны ежегодно вносить опредѣленную подать, которую они назвали военной. Не смотря однако на подобныя злоупотребленія и на множество другихъ налоговъ, порта не могла разжиться звонкой монетой. Вслѣдствіе этого цѣнность *кайме* (ассигнацій) упала до того, что въ прошедшемъ году никто уже не хотѣлъ принимать ихъ, если онѣ не были контрсигнированы кѣмъ-нибудь изъ константинопольскихъ банкировъ. Видя крайне непріятное положеніе своей опустѣвшей казны, правительство прибѣгло къ двумъ мѣрамъ: обратилось прежде всего къ лондонскимъ банкирамъ, предлагая имъ учредить въ Турціи на весьма выгодныхъ условіяхъ коммерческій банкъ; затѣмъ для погашенія бумажныхъ денегъ установило въ Константинополѣ и во всѣхъ городахъ имперіи особенный чрезвычайный налогъ на наемъ квартиръ (кира-параси). Суммы, собранныя такимъ образомъ, дали возможность ежечь бумажныхъ денегъ на 400,000,000 піастровъ, но какъ эти несчастныя кайме возникали подобно фениксу изъ пещи, то порта заблагоразсудила прекратить погашеніе ихъ до болѣе удобнаго времени и занялась учрежденіемъ банка, отъ котораго всѣ ожидали такъ много добра. Первоначальный капиталъ банка назначенъ былъ въ 1,000,000 фунтовъ стерлинговъ и долженъ состоять изъ 50,000 акцій въ 20 фунтовъ стерлинговъ каждая. Въ числѣ болѣе замѣчательныхъ статей устава, находились слѣдующія запрещенія: 1) давать въ займы деньги подъ залогъ

акціи на промышленныя предприятия; 2) давать взаймы подъ залогъ акцій банка, или выкупать ихъ; 3) Принимать прямое и косвенное участіе въ другихъ промышленныхъ обществахъ, или предпринимать какой-либо торговый оборотъ, кромѣ торговли золотомъ, серебромъ и мѣдью; 4) покупать правительственныя облигаціи; 5) вступать во владѣніе недвижимыхъ имуществъ, за исключеніемъ крайне необходимыхъ для общества. Первыя операціи этого импровизированнаго банка были на столько хороши, что недѣли на двѣ установилась постоянная цѣна золотой и серебряной монеты на константинопольскомъ рынкѣ, но чрезъ нѣсколько времени все пошло по прежнему. Неудачѣ предприятия много содѣйствовалъ необдуманнѣй произволъ порты. Учредивъ банкъ, она отправила въ Апрѣлѣ нынѣшняго года повсюду предписаніе, чтобы металлическія деньги ходили по номинальной, а не по настоящей цѣнѣ. Но такъ-какъ при этомъ цѣна на сѣстные припасы и прочіе товары осталась прежняя, то, разумеется, прежде всего должны были пострадать самыя бѣдныя классы населенія. Эта ошибка была главной причиною, что цѣна металлическихъ денегъ возросла снова до прежней громадной цифры. А между тѣмъ государственная казна опять была безъ денегъ, и порта снова обратилась къ Лондону, откуда въ былое время падалъ на нее золотой дождь. Но терпѣніе британскихъ капиталстовъ уже истощилось: не смотря на краснорѣчивыя доказательства Муссуруса (турецкаго посланника въ Лондонѣ) необходимости возрожденія Турціи, не смотря на дѣятельную переписку сэра Бульвера, Джонъ-Буль отказался помочь бѣдной, но все еще Блестательной портѣ. Будь на турецкомъ престолѣ великій реформаторъ (какъ его называютъ пные туркофилы) Махмудъ II, онъ бы долго не задумался надъ безнадежнымъ положеніемъ своей казны. Онъ тотчасъ послалъ бы богатѣйшимъ пашамъ по шелковому снурку, и казна его снова бы наполнилась. Но время буйнаго наслія и для Турокъ прошло. Получивъ отказъ изъ Лондона, порта обратилась къ своимъ вѣрноподающимъ (?) и, слегка изложивъ пнъ настоящее положеніе государства, объявила объ открытіи подписки для внутренняго добровольнаго займа. Но и здѣсь неудача. По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Константинополя, всѣ жители до того не довольны подобными продѣлками правительства, что не приняли никакого участія въ его критическихъ нуждахъ. Это впрочемъ не помѣшало турецкимъ министрамъ и всѣмъ близкимъ лицамъ къ султану нажить огромныя состоянія. Эта алчность и своекорыстіе среди общихъ бѣд-

ствій страны заразили всю администрацію. Областные намѣтники, командиры отдѣльныхъ отрядовъ, судьи, могамметанское духовенство и всѣ вообще правовѣрные поклонники пророка старались высосать послѣднія жизненные силы у несчастныхъ райевъ — этихъ бѣлыхъ невольниковъ оттоманской плантациі. До слуха правительствъ доходили глухіе и тяжелые стоны угнетеннаго народа; князь Горчаковъ первый обратилъ вниманіе Европы на страданія турецкихъ провинцій и совѣтовалъ общими силами облегчить ихъ ужасное положеніе. Дипломатическія канцеляріи продолжали разсуждать, соображать, высматривать другъ-друга; Абдуль-Меджидъ жаловалъ и смѣнялъ любимцевъ, развѣзжалъ по окрестностямъ Константинополя, наряжалъ комиссію, и вдругъ телеграфическая проволока приносить въ Европу страшную вѣсть о сирійскихъ кровопролитіяхъ.

Постоянно враждовавшія между собой племена ливанскихъ горъ, подстрекаемыя фанатическимъ духовенствомъ, взялись снова за оружіе, и по не остывшей еще отъ прежнихъ убійствъ почвѣ, опять полились потоки крови.

Страна, гдѣ разыгралась эта грозная драма турецкаго фанатизма, составляетъ югозападную часть азіатской Турціи и известна подъ именемъ Сиріи. Область эта граничитъ къ сѣверу Малой Азіей, отъ которой отдѣляетъ ее вѣтвь Ливана, соединенная съ продолженіемъ исполнскаго Таврскаго кряжа. Съ запада ее омываетъ Средиземное море. На югѣ Сирія соединяется съ обширными степями Аравіи, а на востокъ отъ нея идутъ степи вплоть до плодоносныхъ долинъ Эвфрата. На 14,000 квадратныхъ миль пространства, Сирія имѣетъ только около 3,000,000 населенія; большую часть его составляютъ Турки и Греки, а за ними слѣдуютъ Друзы и Марониты.

Друзы поселены въ Акрской области отъ Бальбека до Арнуца и почти по всему берегу Средиземнаго моря отъ Джебайлы до Саиды (Сидона). Число ихъ простирается приблизительно до 150,000 человекъ, треть которыхъ способна носить оружіе. Племя это, исповѣдующее смѣсь христіанской, могамметанской, еврейской и языческой религіи, находится въ постоянной враждѣ съ сосѣдними Маронитами. Хотя и прежде не проходило пяти или шести лѣтъ, чтобы они не напали на своихъ сосѣдей; но грабежи ихъ ограничивались похищеніемъ нѣсколькихъ мальчиковъ, которыхъ они продавали турецкимъ купцамъ. Борьба ихъ никогда не принимала тѣхъ широкихъ размѣровъ, до какихъ она

доведена въ послѣднее время. Впрочемъ читатель увидитъ ниже, что въ современныхъ злодѣяніяхъ виноваты не одни Друзы.

Первые симптомы вражды начались еще съ прошлаго года, и съ тѣхъ-поръ, какъ возникло первое столкновеніе (въ Августѣ 1859 года), волненіе не прекращалось, а взаимная ненависть подала поводъ къ многочисленнымъ убійствамъ. Узнавъ о возразставшемъ волненіи, европейскіе консулы обратились къ мѣстнымъ властямъ и къ начальникамъ обѣихъ враждовавшихъ сторонъ, но встрѣтили вездѣ сильное недоброжелательство. Событія приняли до того опасный характеръ, что бейрутскій губернаторъ отправилъ отъ четырехъ до пяти тысячъ войска съ нѣсколькими стами баша-бузуковъ къ подножіямъ Ливана. Но каково-же было положеніе консуловъ, когда они на другой день узнали, что большая часть офицеровъ и нѣсколько ротъ солдатъ перешли на сторону Друзовъ. По полученіи этого извѣстія губернаторъ поспѣшилъ къ лагерю, но не успѣлъ еще подъѣхать, какъ надъ деревней Бетъ-Мери (на Ливанѣ) взвился огненный столбъ, охватившій всѣ окрестныя села. 30-го Мая пожары распространились по всему протяженію, занимаемому христіанскими деревнями.

Извѣщенная о сирійскихъ пожарахъ порта немедленно назначила двѣ тысячи войска для отправленія въ Сирію, но недостатокъ денегъ остановилъ распоряженіе. Порта едва могла занять триста червонцевъ у какого-то банкира для выдачи на непредвидѣнные расходы Изманлу-пашѣ, передъ отправленіемъ его въ Сирію.

А между тѣмъ, 1-го Іюня вооруженныя толпы Друзовъ подступили къ городу Хосбеіѣ; къ нимъ присоединились единовѣрцы, жившіе въ этомъ городѣ: на другой день они атаковали городъ, зажгли его и убили нѣсколько человекъ. Османъ-бей, послѣ совѣщанія съ предводителемъ убійцъ, выдалъ имъ христіанъ, которыхъ онъ наканунѣ обѣщалъ спасти. Друзы рѣзали ихъ тутъ-же, убивали дѣтей въ виду матерей и отцовъ; а женщинъ увели въ неволю. Въ Рамеѣ христіане заключили съ Друзами мирный договоръ; за всѣмъ тѣмъ они напали на нихъ и при содѣйствіи турецкихъ войскъ повторили хосбеіскія злодѣянія. Число христіанъ, убитыхъ въ этихъ двухъ городахъ, превышаетъ 2,500 человекъ. Христіане Джебзискаго округа, разбитые Друзами, бѣжали къ городу Саидѣ. Сапдекіе могамметане вмѣсто того, чтобы дать убѣжище несчастнымъ, вышли изъ го-

рода и сами напали на нихъ. Такимъ образомъ было умерщвлено семьдесятъ пять священниковъ и около восьмисотъ человекъ, не считая женщинъ, которыхъ, по удовольствованіи своихъ скотскихъ побужденій, умерщвляли передъ самыми городскими воротами.

Дамаскіе Друзы также не остались спокойными за все это время; предавъ огню одну изъ ближнихъ деревень, они перерѣзали жителей и оттуда направилсь къ Залѣ, гдѣ соединились съ Бедуинами. Залюты отразили нападеніе, нанеся непріятелю чувствительный уронъ. Наконецъ послѣ долгихъ стбитыхъ нападений, Друзы овладѣли городомъ. Тогда ихъ злоба не знала предѣла; всѣ дома были сожжены, имущество разграблено. Иезуитскій коллегіумъ разоренъ, а монахи его вмѣстѣ съ учениками убиты, причемъ разорванъ и французскій флагъ. Отъ Зале Друзы направилсь къ Дедръ-эль-Камару, испытавшему ту-же участь.

Для полноты разсказа не считаемъ лишнимъ повторить здѣсь письмо очевидца *), Ленормана: «20-го Іюня въ самомъ Бейрутѣ вспыхнуло возстаніе и только вмѣшательство иностранныхъ судовъ предупредило полное истребленіе христіанъ. Утромъ того же дня на базарѣ нѣсколько мусульманъ напали на одного христіанина; принужденный защищаться, онъ убилъ одного изъ нихъ. Узнавъ о томъ, могометане разсвирѣбли, заперли лавки, бросились на христіанъ, даже на Европейцевъ, били ихъ палками, въ томъ числѣ двухъ сестеръ милосердія. Общій крикъ былъ: «надо кончить съ гиурами!» Одинъ турецкій солдатъ поднялъ даже саблю на французскаго консула, графа Бентиволио. Чтобъ чѣмъ-нибудь удовлетворить свою бѣшеную злобу, мусульмане схватили одного несчастнаго Маронита и привели въ судъ. Тамъ двадцать человекъ поклялись, что онъ — убійца мусульманъ. Не давъ себѣ времени разсудить, что борьба происходила до открытія базара и, слѣдовательно, не было ни одного свидѣтеля, его отвезли на площадь и обезглавили. Три дня спустя, изувѣченное тѣло его еще валялось на площади; каждый могометанинъ, проходя мимо, считалъ долгомъ плюнуть на него или толкнуть его ногой; въ-особенности отличалсь своей жестокостью къ трупу женщины и дѣти. Въ настоящее время убійства и пожары въ Бейрутѣ прекратились, потому что уже нечего жечь и

*) Ami de la religion. Ленорманъ, сынъ знаменитаго эллиниста, умершаго въ началѣ нынѣшняго года въ Лоннахъ, отправленъ греческимъ правительствомъ въ Сирію съ деньгами и другими пособіями въ пользу бѣдныхъ христіанъ.

грабятъ. Но въ Сандѣ и Сурѣ (Торѣ) они еще продолжаютъ. За четыре дня предъ симъ возненіе въ Сандѣ было такъ велико, что капитанъ парохода Сантинель счелъ пужнымъ высадить туда тридцать четыре солдата и мортиру. Вся Сирія въ волненіи. Опасаются за Дамаскъ; консулы сообщаютъ, что Друзы уже продаютъ тамъ христіанъ публично на базарахъ. Въ Алеппѣ мяогіе христіане были убиты. Въ Яффѣ консулы принуждены были требовать защиты у губернатора. Близъ Назарета и между Яффою и Іерусалимомъ, также убито нѣсколько человѣкъ. Бейрутъ сравнительно спокоенъ. Онъ объявленъ въ осадномъ положеніи; однакъжъ башн-бузукы ежедневно совершаютъ убійства у городскихъ воротъ. Всѣ, кто можетъ, бѣгутъ отсюда, и на дняхъ не останется въ Бейрутѣ ни одного Европейца. Торговли уже нѣтъ. Мы здѣсь едва не умираемъ съ голоду; Бейрутъ получалъ продовольствіе съ горъ и изъ окрестностей Дамаска и Санды, а теперь всѣ эти мѣста опустошены. Сверхъ того въ городъ пришли цѣлыя тысячи безпріютныхъ бѣглецовъ и расположились гдѣ попазо, — въ садахъ, дворцахъ, церквахъ, консульствахъ, даже на улицахъ. Въ Сандѣ ихъ двѣ тысячи по большей части раненыхъ, а въ землѣ Кефуанской — сорокъ тысячъ. Такое стеченіе заставляетъ опасаться эпидеміи, и въ Сандѣ уже открылась холера. На дняхъ поручено мнѣ было отнести нѣкоторые пособія въ здѣшнія благотворительныя заведенія. Между прочимъ былъ я въ учрежденіи сестеръ милосердія, одномъ изъ обширнѣйшихъ и лучшихъ на Восокѣ. Въ обыкновенное время въ немъ помѣщаются больница, сиротскій пріютъ, воспитательный домъ, пансіонъ, и высшая школа для образованія наставницъ въ окрестныя христіанскія деревни. Теперь школа и пансіонъ закрыты; все зданіе обращено въ огромную больницу. Въ залахъ, классахъ, кельяхъ сестеръ, вездѣ лежатъ больные, числомъ до двухъ-сотъ. Столько же приходитъ ежедневно на перевязку; сверхъ того сестры ежедневно раздають хлѣбъ нѣсколькимъ тысячамъ безпріютныхъ женщинъ и дѣтей. Въ женскомъ отдѣленіи три залы полны больными. Одной женщиной разрубили ятаганомъ лицо отъ одного уха до другаго; другой отрубили кисть руки; третья ранена семью пулями, изъ которыхъ одна пробилла ей животъ до внутренностей. Одной восьмидесятилѣтней старухѣ раздробили обѣ руки прикладомъ и у ней открылся антоновъ огонь; одна бѣдная дѣвочка, у которой на глазахъ убили родителей, занемогла отъ испуга жесточайшей тифозной горячкой. Когда я вошелъ, она вскочила и закричала

раздирающимъ голосомъ, котораго я долго не забуду: «Друзы! Друзы идутъ убить меня!» Мужское отдѣленіе гораздо больше и также представляетъ страшное зрѣище».

Но что-же дѣлала въ это время порта и покровительствующія ей западныя европейскія державы? Прежде всѣхъ откликнулась на голосъ погибающихъ Франція; посланникъ ея въ Константинополь потребовалъ настоятельно у султана отправить въ Сирію значительное число войска. Въстѣ съ тѣмъ французское правительство приказало начальнику эскадры, отплывшей въ Сирію, удержаться отъ вмѣшательства въ тамошнія дѣла и ограничиться покровительствомъ своихъ консуловъ. Англія послала также подобное приказаніе адмиралу Мартину, посѣдившему выѣхать изъ Мальты съ довольно сильнымъ флотомъ. И такъ въ то время, когда еще можно было удержать Турокъ отъ дальнѣйшаго неистовства, западная Европа оставалась спокойной зрительницей фанатизма, убійствъ и крови. Пройдутъ вѣка, и послѣдующія поколѣнія съ трудомъ согласятся повѣрить такому равнодушію.

Въ то время, какъ европейскіе кабинеты обмѣнивались дипломатическими нотами, а порта медлила послать войска въ Сирію, пришло новое извѣстіе, что Дамаскъ, единственный уцѣлѣвшій городъ, не избѣгъ общей участи другихъ городовъ. По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ европейскими журналами, могометанское населеніе Дамаска, узнавъ о безнаказанности ливанскихъ убійць и подстрекаемое своимъ губернаторомъ Ахмедомъ-пашей, предало огню кварталы, населенные христіанами. Невозможно описать всего, что было совершено фанатиками во время пожара. Даже иностранные консулы, уважаемые въ странѣ, и тѣ не были пощажены могометанами. Къ счастью, въ Дамаскѣ находился Абдель-Кадеръ со своей многочисленной отборной дружиной. Благородный эмиръ, видя приближи Ахмеданинъ и буйство толпы, принялъ въ свой укрѣпленный лагерь божѣ двѣнадцать тысячъ христіанъ, въ томъ числѣ русскаго, французскаго и греческаго консуловъ. Но и ему не удалось спасти и половину христіанскаго населенія, прошедшаго подъ мечемъ могометанъ. Послѣдніе однакожь не были удовлетворены многочисленными жертвами, и потребовали, чтобы Абдель-Кадеръ немедленно выдалъ принятыхъ имъ христіанъ. Эмиръ отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ. Такъ дѣйствовалъ африканскій герой.... Только послѣднее извѣстіе изъ Дамаска разбудило европейскія правительства; Франція рѣшилась отправить въ Сирію

кориусъ войска, въ союзѣ съ Англіей; но Великобританское министерство, волнуемое постоянными сомнѣніями на-счетъ всякаго посторонняго вліянія на Востокѣ, съ ловкостью и упорствомъ бюржеваго игрока, постаралось затянуть вопросъ въ новыя сѣти. Заподозривъ Францію, оно ослабило единство дѣйствія и разрушило своевременное исполненіе плана.

Въ ожиданіи помощи со стороны *великихъ* и, нельзя не прибавить, *великодушныхъ* державъ, Сирійцы умерли бы съ голоду, еслибъ не облегчило ихъ положеніе *маленькое* Эллинское королевство. Король Оттонъ и народъ Греціи первые явились на защиту Сиріи; они открыли комитеты для сбора пожертвованій и послали два военныхъ парохода для охраны эллинскихъ подданныхъ и для раздачи денежныхъ и медицинскихъ пособій избитой и вырѣзанной странѣ.

Накопецъ Турція, при содѣйствіи Англии, настояла на томъ, чтобъ въ Парижѣ была собрана конференція для обсужденія сирійскаго вопроса. Уполномоченные пяти первоклассныхъ государствъ и турецкій посланникъ, прошлаго 3-го Августа, составили два протокола. Первымъ было утверждено военное содѣйствіе Сиріи; вторымъ возложено новое обязательство на оттоманскую порту употребить возможно-лучшія административныя мѣры для улучшенія положенія христіанъ всѣхъ исповѣданій.

Правительство султана, какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, выслушало рѣшеніе и торжественно обѣщало выполнить его.

Но гдѣ же гарантія дѣйствительнаго улучшенія въ состояніи угнетенныхъ иновѣрцевъ Турціи? И неужели, въ-самомъ-дѣлѣ, достаточно однихъ административныхъ мѣръ для измѣненія прежняго порядка вещей, радикально извращеннаго отношеніемъ могометанской власти къ христіанскимъ населеніямъ? Согласимся, что раздражающій воцѣлъ ихъ на время замолкнетъ, благодаря нѣкоторымъ косвеннымъ реформамъ, но мы увѣрены, что пройдетъ годъ или два, и таже рана раскроется еще глубже. Согласимся, что вниманіе Абдуль-Меджида уменьшить произволь пашей, хитрость провинціальныхъ чиновниковъ, даже славить налоги, но не въ его силахъ измѣнить духъ ученія Корана и характеръ политики, основанныхъ на притѣсненіи враждебныхъ имъ племенъ. Назначеніе Кипризли-паши предсѣдателемъ комиссіи, учрежденной для изслѣдованія жалобъ недовольныхъ подданныхъ, безъ сомнѣнія, — отрадный фактъ. Личное благородство и уваженіе къ справедливости великаго визиря, конечно

поправить дѣло, но на долго ли? Путешествіе его по Бугаріи сопровождалось смѣной нѣсколькихъ пашей и преобразованиемъ административнаго управленія, доведеннаго до систематическихъ грабежей и разбоевъ. Но много ли найдется у султана людей, подобныхъ великому визирю, и кѣмъ онъ замѣститъ прогнанныхъ начальниковъ провинцій? Мы видимъ, что у него не достало человѣка, достойнаго его довѣрія, для назначенія въ Тессалію. Хусни-паша, отправленный въ сѣверную Грецію съ той же цѣлью, съ какою объѣхалъ Киризли-паша славянскія земли, не только не облегчилъ бѣдствія турецкой провинціи, но отяготилъ ее новыми страданіями. Не забывъ своего изгнанія изъ Пелопонеса, мстительный и свирѣпый, онъ началъ съ угрозъ и окончилъ наглымъ неправосудіемъ. Собранные имъ десять тысячъ христіанъ и евреевъ въ Лариссъ принуждены были подписать, противъ воли и убѣжденія, поднесенную имъ бумагу: подъ клятвой, они засвидѣтельствовали по приказанію своевольнаго правителя, что власть султана составляетъ для нихъ верховное счастье на землѣ. И эта вынужденная ложь была облечена въ полную законную форму. Все это доказываетъ, что правительство порты, по самому началу, неспособно къ дѣйствительнымъ преобразованіямъ народной жизни. Не надо быть пророкомъ, чтобъ предсказать ему тотъ день, когда мѣра терпѣнія для измученныхъ райевъ переполнится, и они возстанутъ, на голосъ свободы, противъ своихъ притѣснителей. *Who would be free, himself must strike the blow*, сказалъ иѣвецъ и защитникъ человѣческихъ правъ Эллады. Этотъ ударъ можно отвести еще на нѣсколько лѣтъ, но рано или поздно онъ поразитъ *Блгстательную* порту.

Событія на западѣ Европы.

Политическій горизонтъ проясняется. Поворотъ событій совершился такъ быстро и непредвидѣнно, что итальянскій вопросъ изъ сферы надеждъ и желаній переходитъ въ дѣйствительный фактъ. Независимость и единство Полуострова — эта ужасная проблемма, запутанная исторіей и дипломатическими интригами, не разрѣшенная двадцатью поколѣніями и нѣсколько вѣковъ полновавшая Европу, наконецъ приближается къ развязкѣ. Потребность новой жизни и сила тяготѣнія отдѣльныхъ частей къ одному центру такъ велики, что подъ знаменемъ Гарибальди готово собраться все юношество, способное носить оружіе, все, что есть свѣжаго въ Италіи. Настоящее ея положеніе прекрасно выражается печальнымъ образомъ Каріоли — этой знаменитой матери, которая, потерявъ трехъ сыновей въ битвахъ, посылаетъ послѣдняго на борьбу за свободу отечества.

Сочувствіе итальянскому вопросу понятно. Это одинъ изъ самыхъ трудныхъ и сложныхъ вопросовъ нашей эпохи; съ нимъ соединяется множество мѣстныхъ интересовъ, преданій, антипатій, правительственныхъ системъ и національныхъ стремленій. Потому, между прочимъ, всякое потрясеніе Европы отзывалось на Италіи, и не было ни одной итальянской революціи, отъ которой бы не вздрогнула Европа. Этого мало; внутренняя боль Полуострова постоянно чувствовалась не одними правительствами, но и народами. Говоря языкомъ поэта: «съ Италіей, плакали замѣчательные люди XIX вѣка». И по какому-то странному стеченію обстоятельствъ, человекъ, который повидимому былъ злѣйшимъ врагомъ Италіи, на самомъ дѣлѣ возродилъ ее. Это былъ Меттернихъ. Его консерватизмъ или, лучше, систематически организованная революція, основанная на подавленіи

завоеванныхъ національностей, довела Италію до того состоянія, въ которомъ нація или умираетъ, или встаетъ во всей грозѣ своего гнѣва. Онъ воспиталъ въ ней національное чувство, до толѣ неизвѣстное; онъ научилъ ее ненависти къ иностранному владычеству, которой она прежде не знала. Въ этомъ отношеніи Меттернихъ былъ самымъ дѣйствительнымъ орудіемъ италіянскаго возрожденія.

Другая причина его лежитъ въ духѣ нашего времени. Какъ ни бѣдентъ XIX вѣкъ практическими результатами народныхъ реформъ, но въ немъ, какъ и въ каждомъ столѣтіи, есть свои преобладающія идеи — сознаніе національныхъ интересовъ и новыхъ соціальныхъ чувствъ. Первое направленіе было вызвано общимъ разгромомъ европейскаго континента во время наполеоновскихъ войнъ, когда огромная имперія, поглотившая въ себѣ полъ-Европы, пала, каждая народность, подобно рѣкѣ послѣ разлива, стремилась войти въ свое собственное русло. Оскорбленный патріотизмъ, развалины городовъ, потеря частныхъ состояній, обиды военной власти и слѣды сокрушительныхъ осадъ и поражений — все это произвело сильную реакцію въ умахъ. Космополитическія идеи уступили мѣсто національнымъ чувствамъ; правительства, униженные вмѣстѣ съ народами, сожнулись ближе, и если первыя почувствовали необходимость новыхъ правительственныхъ началъ, которыя лучше крѣпостей и рововъ защищали бы государственныя границы, то вторые яснѣе взглянули на собственное положеніе. Для каждого народа тѣмъ дороже сдѣлалась независимость, чѣмъ онъ болѣе рисковалъ потерять ее. Другое направленіе явилось вслѣдствіе новыхъ идей, внесенныхъ въ европейскую жизнь. XVIII вѣкъ, вооруженный критикой, остановился на разрушеніи стараго зданія, но не успѣлъ поставить новаго; его работа, смѣлая и гордая, состояла изъ однихъ отрицательныхъ приѣмовъ, передавъ положительный трудъ будущимъ поколѣніямъ. Это поколѣніе не замедлило явиться. Воспитанное въ школѣ обширныхъ гражданскихъ реформъ, общественной гласности, религіозной терпимости и свободныхъ политическихъ дебатовъ, оно не имѣло ничего общаго съ старымъ временемъ и феодальными понятіями; отъ философіи XVIII вѣка оно наслѣдовало невольное отвращеніе отъ среневѣковыхъ предрасудковъ и поставило своей задачей общую реформу въ народныхъ массахъ и примиреніе дѣйствительной жизни съ возможно-лучшею идеей, выработанной наукой или опытомъ. Въ общемъ результатѣ мы имѣемъ только смутное предчувствіе нпаго будущаго; по

съ тѣмъ вмѣстѣ, попадаемъ на открытіе новыхъ народныхъ принциповъ, которые такъ или иначе прорываются въ общественное устройство. Вездѣ больше или меньше сознается потребность измѣненій въ настоящемъ порядкѣ вещей; вездѣ замѣчается общее неудовольствіе, какъ признакъ новыхъ желаній и неудовлетворенныхъ надеждъ; вездѣ народная жизнь, освобождаясь отъ старыхъ преданій, ищетъ исхода своимъ силамъ и принимаетъ инициативу въ общественныхъ дѣлахъ.

Эти два направленія, означенныя именами историческаго и социальнаго, совершенно сошлись съ народными инстинктами Италіи; здѣсь они должны были встрѣтить гораздо больше и симпатіи и за-ранѣе подготовленной почвы; чѣмъ гдѣ-нибудь. Италія уже жила социальной жизнью въ то время, когда остальные государства Европы находились подъ феодальнымъ ярмомъ; средневѣковыя демократіи ея были коротко знакомы съ свободными учрежденіями, съ матеріальнымъ счастіемъ и постоянными волненіями народной воли; ея республики XIV и XV вѣка воспитали множество замѣчательныхъ типовъ гражданской жизни, какихъ мы не встрѣчаемъ ни въ одной странѣ той эпохи. Это политическое движеніе народа было приостановлено окрѣпшими правительствами и вопиственнымъ ихъ настроеніемъ, но приостановлено на время; какъ скоро началась реакція въ пользу народныхъ началъ, Италія нашла въ нихъ и свое преданіе и свой историческій смыслъ. Здѣсь они были гораздо понятнѣй, чѣмъ въ Германіи или Франціи. Быстрому развитію ихъ не мало помогло и австрійское правительство; давъ почувствовать тяжесть военнаго управленія, оно тѣмъ больше заставило пожалѣть о древней свободѣ Венеціи, Падуи, Милана и Флоренціи. Тому же обстоятельству обязано воспитаніе національнаго чувства въ Италіи. Лучшія части ея, открывающія дорогу на Полуостровъ по долинамъ Ломбардо-Венеціи, были отданы Австріи конгрессомъ 1815 года. Этотъ выдѣлъ, не имѣвшій въ свое оправданіе ни одного акта, даже съ точки зрѣнія между народнаго права, самъ-по-себѣ составлялъ стѣсненіе страны. Нація, во всѣхъ отношеніяхъ развитая выше своего завоевателя, не могла покориться ему добровольно. Но вѣнскій кабинетъ еще больше отяготилъ это положеніе вліяніемъ своей политики на другія части Италіи; собственно говоря, онъ распорядился не въ пользу Ломбардо-Венеціанскомъ королевствѣ, а на всемъ Полуостровѣ — отъ Мессины до Падуи! Вотъ почему на послѣднемъ парижскомъ конгрессѣ, когда коснулись италіянскаго вопроса, ди-

пломаты убѣдились, что внутреннее преобразование страны невозможно до-тѣхъ-поръ, пока Австрія хотя одной ногой стоитъ на италіанской землѣ. Фердинандъ II и III IX были только логическими слѣдствіями австрійскаго владычества. Потому же, національная независимость Италіи составляла ея главную цѣль, въ продолженіе полувѣка. Къ этой цѣли были направлены всея ея усилія; для нея она принесла столько жертвъ, революцій и разорительныхъ войнъ. Мы видѣли, на что способна Италія ради своей политической свободы, когда она защищала ее въ 1848 году. (См. іюльскую книжку Русскаго Слова. Политика).

Такимъ образомъ два стремленія, выражающія духъ нашей эпохи, развились и созрѣли въ Италіи, подъ вліяніемъ историческихъ обстоятельствъ, до той катастрофы, которую мы видимъ теперь на югѣ Полуострова. Однажды Ріо Нопо, говоря о реформѣ, начатой имъ въ 1848 году, сравнилъ себя съ тѣмъ мальчикомъ, который, научившись у фокусника вызывать духовъ, вызвалъ привидѣніе, но забылъ тайну заклинанія, чтобъ прогнать его отъ себя. Этотъ страшный фантомъ, преслѣдующій науку, а съ нимъ и всю Италію, олицетворился въ видѣ революціи. Она принимаетъ всевозможныя формы, обнаруживается то тамъ, то здѣсь, ежеминутно угрожаетъ то Риму, то Неаполю; III IX заклинаетъ ее оставить его въ покоѣ, но она нейдетъ; — послѣднія событія составляютъ продолженіе той же драмы. Визлафранкское свиданіе, оставивъ Венецію въ рукахъ Австрій, далеко не разрѣшило вопросъ; напротивъ, оно породило новыя затрудненія, которыя рано или поздно приведутъ къ отчаянной борьбѣ. Положеніе Венеціи, послѣ цюрихскаго мира, хуже прежняго; отрѣзанная отъ общаго тѣла Италіи, она не можетъ безъ особеннаго оскорбленія смотрѣть на освобожденную Ломбардію; на другомъ берегу рѣки, такъ рѣзко раздѣлившей политическую судьбу обѣихъ странъ, она видитъ новую жизнь, полную національнаго движенія, нелишенную самостоятельной дѣятельности и связанную съ управленіемъ Пиемонта. Прежде Венеція вмѣстѣ съ Ломбардіей несла всю тягость иностраннаго господства; теперь оно падаетъ на нее одну. Притомъ, положеніе ея, одно изъ самыхъ ложныхъ положеній, перепутываетъ весь ходъ дѣлъ въ самой Италіи. Сардинія, оставленная Франціей, не можетъ противопоставить собственныхъ силъ своему старому врагу, тѣмъ болѣе, что въ рукахъ Австрій лучшей крѣпости, проходъ Альпійскихъ горъ и долина, ничѣмъ незащищенная со стороны Пиемонта. Само-собою разумѣется, что

у Виктора Эмануэла достало бы силъ на борьбу съ домогъ Габсбурговъ, еслибъ въ его распоряженіи былъ весь Полуостровъ. Нѣтъ сомнѣнія, Италія, крѣпкая единствомъ народа и матеріальныхъ средствъ, побѣдила бы Австрію, за которой скрывается недовольная Венгрія, и которой съ первымъ выстрѣломъ пушки грозитъ финансовый кризисъ. Но Сардинія не располагаетъ и третьей долей Италіи; внутренній антагонизмъ ея съ папскими владѣніями, — ослабляетъ ее въ самомъ источникѣ національныхъ силъ; уступка Савои и Ниццы вилла-франкскому герою, который, — будто бы воевалъ за идею, отнимаетъ у нея около милліона народонаселенія и превосходную мѣстность въ стратегическомъ отношеніи. Наконецъ публицисты едва ли не правы, находя Венеціанское королевство обременительнымъ для самой Австріи. Чтобъ удержать въ повиновеніи страну, кромѣ содержанія гарнизоновъ, администраціи и полицейскихъ чиновниковъ, вѣнскій кабинетъ долженъ прибѣгать къ такимъ мѣрамъ, которыя парализируютъ всякое покушеніе на реформу. Измѣняя политическія условія внутри, онъ долженъ измѣнить ихъ и повнѣ; народы, соединенные съ нимъ во имя силы и побѣды, но не связанные нравственнымъ началомъ, не могутъ не потребовать тѣхъ же правъ, какими будетъ пользоваться побѣдитель. Между тѣмъ, ослабить систему насильственной агломерациі, относительно Венгрии или Венеціи — значить увеличить ихъ собственную силу, и тѣмъ подготовить отдѣленіе ихъ отъ метрополіи. Трудно, въ-самомъ-дѣлѣ, думать, чтобъ между Австріей и италіянскою провинціей ея когда-нибудь образовалось политическое единство, т. е., такое естественное сляніе, какое мы видимъ, напримѣръ, между норманскимъ и гальскимъ племенемъ во Франціи. Этому слянію противодѣйствуетъ самый упорный антагонизмъ, какой только мы знаемъ между двумя народностями, встрѣтившимися въ одной географической чертѣ, подъ однимъ государственнымъ началомъ. Италію можно уничтожить, заставить выродиться, но нельзя спаять съ Австріей. Здѣсь антипатія не просто племенная или религіозная, но радикально-соціальная, самая непримиримая въ историческомъ сближеніи народовъ. Затѣмъ прибавимъ, что Венеція вредитъ Австріи въ общественномъ мнѣніи Европы, что чрезвычайно важно въ современную эпоху. Чувство справедливости — общечеловѣческое чувство; его можно отуманить, обмануть на время, но примирить его навсегда съ политическимъ лицемеріемъ никогда не удастся. Мы знаемъ, чего стоило Англій, въ глазахъ человѣчества, кро-

вавое завоеваніе Индіи, и какое черное клеймо легло на ея имена за споліацію этой страны. Изъ памяти Европы еще долго не изгладятся имена Гэстингсовъ и Кляйвовъ. Но Индія еще не могла выставить на видъ всѣхъ преступленій своей метрополіи; не имѣя ни литературной, ни общественной гласности, она безмолвно страдала, не заявивъ суду потомства и сотой доли своихъ слезъ и стоновъ. Другое дѣло — Италія; тамъ нельзя скрыть ни одного произвольнаго ареста, ни одной казни, о которой бы не узнала вся Европа. Вслѣдствіе этого Австрія, потерявъ опору въ общественномъ мнѣніи, потеряла ее и въ матеріальномъ пособіи. Единственный ея союзникъ — собственная совѣсть, но она можетъ рассчитывать на него не раньше, какъ возвративъ Венеціи право на независимость.

Разсматривая современный ходъ неаполитанскаго движенія, мы не можемъ безъ страха смотрѣть на будущее Италіи. Едва на сольферпискомъ полѣ засохла кровь, пролитая за спокойствіе и свободу страны, какъ надъ ней поднялось новое облако дыма, — предвѣстникъ вулканическаго взрыва земли, покрытой свѣжимъ пепломъ трехъ революцій. Едва затихъ ея сѣверъ, взволновался югъ, и Гарибальди, можно сказать, не успѣлъ высадиться на берегъ Сициліи, какъ весь островъ былъ въ его рукахъ. Теперь герой Палермо у воротъ Неаполя; станъ его усливается съ каждымъ днемъ; королевскія войска бѣгутъ или измѣняютъ; правительство пробуетъ всѣ средства къ спасенію, и ни въ чемъ не успѣваетъ; гений жизни оставилъ его въ ту самую минуту, когда оно хотѣло дать эту жизнь народу: пароходъ Стромболи курится въ заливѣ, готовый унести короля отъ роднаго берега, и унести, можетъ быть, безъ возврата. Но едва мы окончили эту строку, какъ получаемъ извѣстіе, что онъ уже на пути въ Гаэту..... Что долженъ чувствовать сынъ Фердинанда II при взглядѣ на Неаполь, гдѣ за-годъ прежде онъ былъ такъ спокоенъ и твердъ, а теперь не можетъ положиться даже на содѣйствіе наемной гвардіи? А какъ счастье было возможно! Принимая тяжелую корону отъ своего отца, Францискъ II могъ сдѣлать нѣсколько уступокъ и народъ забылъ бы прошлыя бѣдствія, обратился бы къ трону съ довѣріемъ и надеждой. Но молодой король не хотѣлъ оцѣнить своего положенія и требованій общества. Отъ его манифеста, не одна Италія, но вся Европа ожидала реформъ, столь необходимыхъ обѣимъ Сициліямъ по смерти Фердинанда II. Бомба умирая, оставилъ королевство почти въ осадномъ положеніи; двадцать тысячъ лицъ, заподозрѣн-

ныхъ полиціей, были исключены изъ гражданскаго списка и не имѣли права оставить мѣсто своего жительства; замѣчательные люди были сосланы на галеры или брошены въ темницы; паническій страхъ былъ такъ великъ, что жителю Неаполя нельзя было остановиться на улицѣ и безнаказанно спросить о здоровьѣ государя; когда Фердинандъ II находился въ Португії, никто не допускался сюда безъ паспорта; когда онъ ѣхалъ по дорогѣ, никто не могъ повстрѣчаться съ нимъ безъ позволенія полиціи; тайная и іезуитская полиція была въ полной силѣ, — и субъ-префектъ Ораціо Матца, прежде чѣмъ не былъ побитъ изъ собственныхъ рукъ генераломъ Нунціанта, позволялъ себѣ ночные обыски съ крайнею безцеремонностью. Бѣдность была повсемѣстная; королевство безъ дорогъ, безъ фабрикъ и мануфактуръ, безъ внешней и внутренней торговли, представляло съ небольшимъ различіемъ полудикое населеніе, среди прекраснѣйшей природы и чудныхъ естественныхъ богатствъ; между тѣмъ, какъ наемная толпа Швейцарцевъ стоила государству около трехъ милліоновъ дукатовъ, на всѣ публичныя работы казна отпускала не болѣе двухъ съ половиной. Въ такомъ состояніи Францискъ II, наследовалъ царство отъ своего отца. Взоръ народа былъ устремленъ на него, если не съ полнымъ довѣріемъ къ его уму и характеру, то съ глубокимъ убѣжденіемъ, что онъ облегчитъ положеніе Неаполя. Прокламація 22-го Мая 1859 года была отрицательнымъ отвѣтомъ этимъ напраснымъ надеждамъ. Молодой правитель, восходя на престолъ, ограничился въ обращеніи къ подданнымъ нѣсколькими общими фразами и не выразилъ ни малѣйшаго намека объ улучшеніи страны. Да и трудно было. Въ семейномъ кругу его окружали жена и мать, родственницы австрійскаго двора; въ головѣ управленія стояли люди, неспособные быть честными государственными вождями. Назначеніе Фианджіери, потомка знаменитаго юрисъ-консульта, президентомъ совѣта могло нѣсколько примирить министерство съ общественнымъ мнѣніемъ, еслибъ оно забыло осаду Мессины въ 1848 году и еслибъ онъ не имѣлъ товарищамъ Росики и Ажоссы. Амнистія, предложенная имъ, окончательно уронила его во мнѣніи Неаполя. Прощеніе политическихъ преступниковъ при смѣнѣ одного правительства другимъ, составляетъ обычный обрядъ въ Италіи. Францискъ II утвердилъ амнистію только для тѣхъ, кто былъ замѣшанъ въ революціи 1848 и 1849 годовъ. Надо замѣтить, что срокъ ихъ наказанія ограничивался десятилѣтнимъ періодомъ; — слѣдовательно и безъ особенной милости они должны

были получить свободу. Что же до другихъ, осужденныхъ въ позднѣйшую пору, декретъ даже не упомянулъ о нихъ. Такое распоряженіе скорѣе было вызовомъ, чѣмъ прощениемъ людей. Затѣмъ начался ропотъ и открытыя волненія въ Сициліи. Манискалько, этотъ достойный ученикъ Делкаретто, предсѣдательствуя въ слѣдственныхъ комиссіяхъ, учрежденныхъ для обвиненія политическихъ виновниковъ, превзошелъ самого Торквемаду. Въ половинѣ XIX вѣка, онъ ввелъ истязанія, какихъ не было въ исторіи; по приказанію его раздѣвали женщинъ на площади, и били палками, чтобъ вынудить признаніе у матери противъ сына, у жены — противъ мужа. Неудовольствіе росло.... Во время италіанской войны, когда все порывалось идти противъ Австріи, король поставилъ на сѣверной границѣ двадцатидвухъ-тысячный корпусъ и, еслибъ не предупредилъ его французскій уполномоченный Роге, онъ, вѣроятно пошелъ бы на помощь Пію IX. По крайней мѣрѣ сочувствіе его вѣискому кабинету и перузской борьбѣ было такъ явно, что кардиналъ Ріаріо огласилъ во всѣхъ церквахъ Гарибальди демономъ, а Виктора Эмануила врагомъ католицизма и Италіи.

Но Сицилія возстала. Успѣхъ народной партіи, руководимой смѣлымъ вождемъ, изумилъ самую смѣлую фантазію. Около престола Франциска II все разрушалось и отпадало, съ готовностью раба, бѣгущаго отъ своего господина во время его несчастія. Самые близкіе ему люди, если не открыто, то пзъ-подъ руки помогали Гарибальди. Возвратить довѣріе было поздно. За нѣсколько мѣсяцевъ, обѣщаніе реформы могло остановить общее движеніе, потому что Неаполитанцы лучшаго не просили и большаго никогда не желали, но теперь и этого было мало. Статутъ, вынужденный у короля обстоятельствами, противъ его воли и сознанія его необходимости, не могъ утѣшить страну. Неаполь еще помнить, чѣмъ окончилась конституція Фердинанда II, и сколько жертвъ повела за собой, когда парламентъ былъ осажденъ солдатами и его члены схвачены, въ виду всего города. Одно было средство сохранить порядокъ — вооруженная помощь иностранныхъ правительствъ; и еслибъ они вмѣшались въ это дѣло, то навѣрное усилили бы борьбу, увеличили бы кровопролитіе, но едва ли спасли бы короля.

Планъ Гарибальди ясенъ. Эманципація Сициліи и занятіе неаполитанскаго континента не составляютъ главнѣйшей цѣли его. Это этапы, по которымъ онъ идетъ къ освобожденію Венеціи. Но здѣсь вопросъ необычайно усложняется. Мы сказали выше, что

національная независимость Италіи осуществится не раньше того, какъ Австрія будетъ отброшена за-Альпы. Тогда само-собою разрѣшается множество проблеммъ, затрудняющихъ дипломатическія соображенія; международныя отношенія Европы принимаютъ болѣе гуманный характеръ. Въ этомъ никто не сомнѣвается, кромѣ нѣсколькихъ доктринеровъ Нѣмцевъ, которымъ не дались двѣ вещи — здравый политическій смыслъ и симпатія къ Италіи. Но мы говоримъ, что планъ Гарибальди чрезвычайно трудный. Если онъ захочетъ выполнить его путемъ революціоннымъ, т. е., подвѣять всѣ народныя силы Полуострова, что совершенно въ его волю, тогда онъ рискуетъ возбудить подозрѣніе въ европейскихъ правительствахъ и составить противъ себя коалицію, которой теплицкое свиданіе придастъ болѣшую вѣроятность. Для Германіи, раздѣленной на мелкія части и постоянно занятой своимъ національнымъ величіемъ, при отсутствіи всякаго политическаго такта, все еще кажется, что потерять знаменитый четырехугольникъ — значитъ открыть свои границы съ юга и лишиться точки опоры на адриатическомъ берегу. Одинъ изъ лучшихъ ея публицистовъ Дройзенъ не можетъ иначе смотрѣть на италіанскій вопросъ. На сколько это справедливо, мы не станемъ разсуждать здѣсь; но замѣтимъ, что гарантировать географическую черту на-счетъ завоеванной народности, во всякомъ случаѣ, едва ли сообразно съ благоразумной политикой. Притомъ, Германія никакъ не хочетъ убѣдиться, что національные интересы ея, о которыхъ она такъ много хлопочетъ, вовсе не въ поддержаніи Австріи и ея организаціи изъ чужихъ народностей; до-тѣхъ-поръ, пока Австрія будетъ отстаивать старыя преданія и систему военнаго управленія, единство Германіи останется праздною мечтой и прогрессъ ея болѣе чѣмъ сомнительнымъ. Въ послѣднее время, эта враждебная встрѣча чисто-нѣмецкихъ и австрійскихъ тенденцій обнаружилась очень ясно. Въ дѣлѣ гессенъ-кассельскаго протеста, когда палаты потребовали утвержденія конституціи 1831 года, Пруссія одобрила протестъ, а вѣнскій кабинетъ принялъ сторону электора и настаивалъ на *statu quo*. Та же самая идея проходить по всѣмъ направленіямъ германской конфедераціи, когда австрійская политика выѣшивается въ ея передовыя стремленія. Что же заставляетъ Пруссію тяготѣть къ Австріи, когда возникаетъ вопросъ италіанской независимости? Тотъ же національный фантомъ, который ставитъ ее въ рѣзкое противорѣчіе Австріи во всѣхъ внутреннихъ дѣлахъ Германіи. Повидимому, Гарибальди гораздо легче достигаетъ цѣли

въ соединеніи съ Пиемонтомъ. Если европейская политика признала необходимость италяйскаго единства, то для нея нѣтъ болѣе вопроса въ томъ, кто выполнить эту задачу — Гарибальди, Матсини или Викторъ Эмануилъ; она спорить о средствахъ, а не о цѣли. Въ этомъ отношеніи сардинскій король представляется ей болѣе законнымъ орудіемъ, чѣмъ простой народный вождь Италіи. Согласимся, что это такъ. Но мы уже сказали, что Викторъ Эмануилъ самъ-по-себѣ, съ одиными силами Сардиніи, не можетъ одолѣть Австрію; ему необходимо овладѣть всѣми средствами Италіи, соединить подъ своимъ знаменемъ всѣ отдѣльныя ея части и, во имя независимости, такъ давно ожидаемой, противопоставить ихъ Австріи: тогда вѣроятно борьба его увѣнчается успѣхомъ. Сколько можно дагадываться по современному ходу дѣлъ, въ этомъ заключается и планъ Гарибальди. Соединеніе этихъ двухъ представителей національной независимости — одного съ огромнымъ вліяніемъ на массы — другаго съ свѣжимъ лавромъ на головѣ сальферинскаго героя — ручается за благоприятный исходъ предпріятія. Неумолимая логика событій въ ихъ пользу; остается только Европѣ удержаться отъ вмѣшательства, и дозволить совершиться величайшему факту нашего вѣка.

Между тѣмъ, какъ послѣдній Бурбонъ покидаетъ за собой Неаполь, гробъ отца и кровавыя воспоминанія, во Франціи празднуется новое пріобрѣтеніе Савои и Ниццы. Лудовикъ-Наполеонъ торжественно несется въ Шамбери, и за каретой его, по улицамъ Ліона, стучатъ деревянные башмаки и бѣгутъ синія блузы съ привѣтствіемъ «отца отечества.» Къ чему эти пышные панегирики Персиныи, къ чему эта офіціальная неправда, опровергаемая дѣйствительностью каждаго дня, къ чему эти софизмы, отъ которыхъ никому не легче? Потерять довѣріе не трудно, но возвратить его тяжело. «Имперія мира», отхватившая отъ Италіи клочекъ земли около 400 квадратныхъ километровъ, продолжаетъ увѣрять, что программой ея служить спокойствіе Европы и внутреннее развитіе Франціи. А Савоя?—спрашиваетъ англійскій парламентъ, и задумывается надъ страннымъ разладомъ въ словахъ и дѣлахъ своего сосѣда. Ну что-жь Савоя? отвѣчаетъ завоеватель; это голая скала, бесполезная Сардиніи, но, конечно, не лишняя слабой Франціи для защиты 36,000,000 народа противъ 9-ти. Нѣтъ, Савоя — не голая скала, а великолѣпная горная возвышенность, съ долиной Шамуни, Аоста, рѣкой Ааромъ, съ побережьемъ Лемана, съ Сэнъ-Бернаромъ и Монтъ-Бланомъ; здѣсь, между колоссальными пирамидами Альповъ, природа разбросала столько сокровищъ и ненаглядныхъ

картинъ, что для одного взгляда на эту страну сходятся сюда гѣломъ не менѣе 60,000 путешественниковъ. И эта страна, вмѣстѣ съ провинціей Нипцой, отдѣлена отъ Италіи, съ которой она соединялась историческими преданіями, гражданскими правами и одной продолжительной политической жизнью. Франція стѣснить обратитъ ее въ свою твердую собственность; она проводитъ желѣзную дорогу изъ Тулона въ Ниццу, учреждаетъ свои таможи, внутреннюю администрацію, опредѣляетъ своихъ чиновниковъ и строитъ казармы. И все это на официальномъ языкѣ называется цивилизаціей народовъ. «Франція даетъ полетъ всѣмъ великимъ и благороднымъ идеямъ Европы», говоритъ ея властитель лионскимъ купцамъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, чему не научились мы, бѣдные дикари, у нашего великаго учителя? И стряпать на кухнѣ, и завивать волосы, и коверкать французскій языкъ, и сочинять дюжинные романы и одѣваться по моднымъ картинкамъ, и чего еще великаго и благороднаго мы не переняли отъ Франціи! Не будь ея на бѣломъ свѣтѣ съ ея полиціей Эспинаса, съ ея коллегіями, отданными іезуитамъ, съ ея нищетою въ деревняхъ и развратомъ въ столицѣ, и Европа осталась бы безъ полета великихъ и благородныхъ идей.

Moniteur, исчисляя архитектурные подвиги Парижа, ставитъ ему въ особенную заслугу и то, что онъ раздвигаетъ свои барьеры, т. е., разрастается до такой беременности, въ которой женщина не можетъ свободно двигаться. Между тѣмъ, какъ проводятся прямыя линіи въ центрѣ столицы, работники, населявшіе прежде маленькіе мансарды Севастопольскаго бульвара, высылаются за городъ, подальше отъ рынка и магазиновъ; между тѣмъ какъ улица Риволи въ полдень щеголяетъ чистотой и просторомъ, по той же улицѣ въ пять часовъ утра плетется угрюмая масса ремесленниковъ на дневной трудъ, безъ достаточнаго вознагражденія. Но обратитесь къ официальнымъ отзывамъ, и вы увидите, что все это выдается за мировое значеніе Франціи.

Гораздо отраднѣе остановитъ взглядъ на Англію, но о ней мы скажемъ въ слѣдующій разъ, и постараемся оцѣнить дѣятельность парламента и вліяніе его на европейскія дѣла.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Сочиненія Бѣлинскаго. *Томъ 7. Москва.*

Передъ нами новый томъ сочиненій Бѣлинскаго, и опять то же впечатлѣнiе онъ производитъ на душу, впечатлѣнiе грустное и тяжелое! Сколько времени, труда и огромныхъ силъ потрачено замѣчательнымъ критикомъ, и на что? На журнальную всякую всячину, которую можетъ шивать самая крошечная бездарность. Это трудъ свободной и благородной мысли, осужденной на повседневную работу Негра, закабаленнаго плантаторомъ-журналистомъ. Еще грустнѣе становится, когда подумаешь, что эти свѣжiя и мощныя силы были растрчены ради обыденнаго существованiя, той горькой необходимости, которая приковала его къ письменному столу на цѣлую жизнь, безъ отдыха и отрады. Какъ больно должно отзываться имя Бѣлинскаго на сердце того общества, которое не сумѣло своевременно оцѣнить эту умственную способность и поберечь ее для лучшей дѣятельности. Въ то время, какъ Бѣлинскiй проспивать безсонныя ночи за журнальной статьей, съ приливомъ крови въ голову и сердце, съ раздраженiемъ въ нервахъ, давимый семейной пуждой, въ томъ же самомъ обществѣ, для котораго онъ работалъ, были тысячи людей, ничѣмъ не занятыхъ и блистательно обеспеченныхъ. Кругомъ его наслаждалось жизнью лѣнивое барство, привилегированная ничтожность и литературное шарлатанство, а онъ человѣкъ свѣтлаго ума и честныхъ стремленiй долженъ былъ трудиться до утомленiя и часто надъ тѣмъ, къ чему не лежала его душа.

Но еслибъ жизни и дѣятельность Бѣлинскаго были отравлены однимъ лишеніемъ, то онъ, вѣроятно, перенесъ бы ихъ великодушно. Матеріальное счастье не могло составлять для него главной цѣли, а было только средствомъ для болѣе правильнаго развитія дарованія и примѣненія его къ дѣлу. Но вмѣстѣ съ гнетущей нуждой, его безпокоила другая темная сторона въ нашей жизни — борьба за чистоту своего убѣжденія. Онъ имѣлъ вѣру, уважалъ достоинство идеи, и долженъ былъ защищать ее отъ вліянія грубой силы и нерѣдко клеветы. Ему приходилось, въ одно и то же время, бороться съ Оадеями нашей литературы и ихъ жалкимъ изчадіемъ. На сторонѣ Оадеевъ было большинство, увѣренность въ средствахъ, гдѣ не доставало ума, тамъ служилъ имъ доносъ или ябеда; у Бѣлинскаго ничего этого не было и не могло быть; подъ знаменемъ его стояла небольшая кучка людей, правда, искренно преданныхъ ему, но робкихъ и слабыхъ въ защитѣ его имени и убѣжденій.

Въ такомъ состояніи трудно сохранить равновѣсіе духа и независимость мысли. Уваскаясь посторонними воззрѣніями, раздражаясь полемикой и обходя подводныя камни въ животрепещущихъ вопросахъ русскаго общества, онъ естественно впадалъ въ противорѣчія и повторялъ себя. На многихъ страницахъ его критическихъ разборовъ запеклась желчь нервнаго темперамента, неспособнаго хладнокровно выносить пошлость окружающихъ явленій. Посмотрите, на примѣръ, о чемъ онъ спорилъ съ «Сѣверной Пчелой»; онъ долженъ былъ доказывать Булгарину и его табуну, что дважды-два — четыре, а не семь, и доказывать серьезно. Притомъ въ работахъ Бѣлинскаго было много чужой примѣси, которая не измѣняетъ его основной идеи, но и не вполне принадлежитъ его личному взгляду. Принимая заказную работу отъ того или другого журналиста, переходя отъ одной партіи къ другой, если только можно назвать партіей закусный кружокъ двухъ или трехъ сплетниковъ, онъ принужденъ былъ положить на свою ясную мысль отгѣпки случайнаго и посторонняго вліянія. Зрѣлая и самостоятельная дѣятельность началась для Бѣлинскаго поздно, не за-долго до его смерти. Поэтому въ первый періодъ его критическаго труда, замѣтна шаткость анализа и рѣзкое противорѣчіе самому себѣ. Такъ, на примѣръ, въ 1-мъ томѣ мы встрѣтили реценцію его о сочиненіяхъ Казака Луганскаго. Бѣлинскій здѣсь совершенно отвергаетъ всякій талантъ въ Казакѣ и называетъ его не болѣе какъ хорошизмъ балагуромъ, да и балагуромъ подѣ-часъ невольношмо ут-

мгательнымъ и скучнымъ. Но вотъ что онъ говоритъ о томъ же писателѣ въ 7 томѣ:

«Савелій Грабъ, или Двойникъ, повѣсть Луганскаго, отличается какъ всѣ повѣсти этого даровитаго писателя природными подробностями, обличающими въ авторѣ многостороннюю опытность, бывалость, если можно такъ выразиться, наблюдательность и наглядность. Очевидно, что богатая сокровищница разнообразныхъ впечатлѣній, и безконечныхъ воспоминаній служитъ Казаку Луганскому неисчерпаемымъ источникомъ вдохновенія. Онъ жизнію приобрѣлъ себѣ талантъ, и талантъ, — кто не согласится въ этомъ, — примѣчательный». Намъ скажутъ, что первую рецензію отъ второй отдѣляютъ по крайней мѣрѣ десять лѣтъ; слѣдовательно взглядъ критика втеченіе этого времени постоянно перерабатывался и наконецъ установился окончательно. Въ томъ-то и дѣло, отвѣчаемъ мы, что такіе люди какъ Бѣлинскій обладаютъ особеннымъ чутьемъ, тактомъ, инстинктомъ, какъ хотите назовите эту способность, но она даетъ имъ возможность съ перваго разу угадать достоинство того или другаго произведенія. Такое чутье и составляетъ главную черту всякаго критическаго дарованія.

Во всякомъ случаѣ, если бы Бѣлинскій не писалъ по заказу, онъ никогда не произнесъ бы двухъ діаметрально-противоположныхъ приговоровъ надъ однимъ и тѣмъ же писателемъ. Точно также онъ судилъ о Н. Полевомъ; сначала онъ восхищался его Абадонной и солдатскими рассказами, а потомъ ставилъ его не выше дюжннаго писаки. Во всемъ этомъ мы скорѣе допустимъ зависимость рецензента отъ журнальныхъ требованій, чѣмъ отъ его личнаго пониманія.

Само-собой разумѣется, что при одинаковомъ возрѣніи Бѣлинскій не могъ остаться навсегда. Каково бы ни было умственное движеніе, окружавшее его, во всякомъ случаѣ оно подвигалось впередъ; съ развитіемъ его, съ измѣненіемъ началъ, развивался и самъ критикъ. Путь, пройденный имъ, слишкомъ великъ, чтобъ можно было остановиться на одной неизмѣнной точкѣ зрѣнія; такой неподвижности нельзя требовать и отъ ума менѣе воспримчиваго и раздражительнаго, чѣмъ Бѣлинскій. Онъ шелъ вмѣстѣ съ волненіемъ общественныхъ понятій, неустановившихся литературныхъ теорій, направленій и мелкой, но тѣмъ болѣе шаткой борьбы за тѣ или другія убѣжденія. На его мысл. при его разностороннихъ трудахъ и съображеніяхъ, должно было отразиться это хаотическое состояніе идей и во-

вросовъ, которые занимали современное ему поколѣніе. При томъ надо замѣтить, что въ умственномъ темпераментѣ Бѣлинскаго была одна черта, столь рѣдкая въ нашихъ присяжныхъ критикахъ — участіе горячаго сердца въ часто теоретическихъ сужденіяхъ. Это не былъ тотъ холодный рутинёръ, который садится за чтеніе философскаго трактата или поэмы Пушкина, за стихотвореніе Гёте или школьный учебникъ — всегда съ одинаковымъ настроеніемъ чувства, съ невозмутимо ровнымъ бѣніемъ пульса; онъ впередъ отмѣриваетъ количество листовъ, и списываетъ ихъ по напередъ-обдуманному плану и, если машина его не устала, онъ также легко перейдетъ отъ одной книги къ другой, какъ отъ собственной мысли къ чужой. Не такъ работалъ Бѣлинскій; приступая къ оцѣнкѣ высокаго художественнаго произведенія, онъ какъ будто робѣлъ, пробовалъ свои силы, не довѣрялъ первому впечатлѣнію, но разъ проникнутый имъ и взволнованный до глубины души, весь отдавался своей идеѣ. Когда вышелъ Донъ-Жуанъ Пушкина, Бѣлинскій, пробѣжавъ его въ первый разъ, пишетъ: «Мы увидѣли даль безъ границъ, глубь безъ дна, — и съ трепетомъ отступили назадъ.... Да, мы еще только изумлены, пріятно испуганы, и потому не въ силахъ даже отдать себѣ отчетъ въ собственныхъ ощущеніяхъ. Что такъ изумило насъ? — Мы не знаемъ этого, а только предчувствуемъ это, — и отъ этого предчувствія дыханіе занимается въ груди нашей, и на глазахъ дрожатъ слезы трепетнаго восторга». Въ этихъ словахъ нѣтъ ни аффектаціи, ни преувеличенія. Кто читалъ Бѣлинскаго съ вниманіемъ, кто задумывался надъ его страницами, тотъ повѣритъ, что надъ нимъ нерѣдко текли слезы и огонь горѣла голова критика. Сильному участію сердца онъ обязанъ тѣмъ вдохновеніемъ, которымъ запечатлѣны лучшія его рецензіи, тѣмъ проникательнымъ взглядомъ, который помогалъ ему угадывать самыя тонкія и сокровенныя черты въ художественныхъ произведеніяхъ. Этого чувства онъ не могъ замѣнить ни громадною эрудиціей, ни богатствомъ идей. Ему же онъ обязанъ той симпатіей, которая доселѣ влечетъ читателя къ его сочиненіямъ.

Но такого рода дѣятели, обыкновенно, не отличаются строго-выдержаннымъ анализомъ. И это понятно; увлекаясь художественной стороной предмета и порывами собственного чувства, они не способны вполнѣ ни любить, ни ненавидѣть. Эти крайности встрѣчаются у Бѣлинскаго постоянно. Теперь кажется намъ странной борьба его съ славянофилами. Почему онъ при-

далъ имъ такое значеніе? Въ чѣмъ онъ видѣлъ тотъ вредъ, который приписывалъ этой уродливой болѣзни мозга? До него никто и неподозрѣвалъ существованія какой-то особенной школы, возведенной имъ на степень чуть-чуть не политической партіи, въ родѣ Вигговъ или Тори. Перечитывая его полемику, такъ и думаешь, что каждый московскій славянофилъ былъ страшнымъ личнымъ врагомъ Бѣлинскаго, что онъ скорѣе могъ простить вору, убійцѣ, чѣмъ какому-нибудь невпниѣйшему простаку С*** или Ш***. Но ничего подобнаго не представлялъ и самъ Бѣлинскій. Онъ только преувеличилъ идею, взятую имъ за основной принципъ; убѣжденный въ его справедливости, онъ развилъ его до долопоклонства, одной рукой воздвигая свой фантастическій кумиръ, а другой — сокрушая все, что мѣшало величію этого кумира. Въ его превосходныхъ разборахъ Евгенія Олѣгина, Полтавы, стихотвореній Кольцова и Русскихъ пѣсень, мы отнюдь не видимъ этого рѣшительнаго отрицанія отъ нашей жизни и отчаянія въ ея будущемъ, которое старались навязать ему антагонисты его. Напротивъ, едва ли кто изъ самыхъ неустовыхъ руссофиловъ такъ глубоко заглядывалъ въ русскую душу и такъ искренно сочувствовалъ ея горю и страданіямъ, какъ Бѣлинскій. А между тѣмъ, заводя споръ съ какимъ-нибудь великокутскимъ рыцаремъ, онъ не щадилъ ничего, что въ другую минуту и при другомъ настроеніи для него было свято. Увлеченіе любимой идеей ставило Бѣлинскаго выше всякаго авторитета. Въ этомъ отношеніи, онъ былъ самый смѣлый и здоровый талантъ, какого мы до него не знаемъ въ исторіи русской литературы. Когда появилась «Переписка съ Друзьями» Гоголя, Бѣлинскій вдругъ перешелъ отъ безусловной похвалы къ самымъ рѣзкимъ укорамъ своего идеала. Повидному, онъ долженъ былъ смолчать или даже простить писателю, котораго такъ высоко поставилъ; но нѣтъ, онъ не смолчалъ и не простилъ; онъ первый заявилъ, что Гоголь измѣнилъ знаменіи, растопталъ свою собственную славу, изъ рабской готовности подкурить черезъ край царю небесному и земному.

Перечитывая седьмой томъ сочиненій Бѣлинскаго, мы находимъ въ немъ всѣ достоинства и недостатки, о которыхъ мы сказали выше. Глубокой и меткой анализъ его проходитъ по всей книгѣ; но рядомъ съ нимъ видна послѣдняя работа и желаніе плодотворить свою идею безъ всякой особенной надобности. Уже не разъ обвиняли Бѣлинскаго въ повтореніяхъ, и это обвиненіе отчасти справедливо. Но мы не думаемъ, чтобъ оно зависѣло отъ недостатка его мысли или чувства. Трудно назвать пред-

метъ, котораго бы не коснулось перо Бѣлинскаго, и всегда онъ находилъ въ немъ, что-нибудь новое и оригинальное. Его замѣтки, высказанныя мимоходомъ о воспитаніи, общественномъ положеніи женщины, — вопросы едва затронутые въ его время, доселѣ оставляютъ яркій слѣдъ въ исторіи нашей журналистики. Желаніе повторять себя обуславливалось у Бѣлинскаго однообразіемъ самой литературы. Въ-самомъ-дѣлѣ, замкнутая въ узкій кругъ дѣятельности нѣсколькихъ лицъ, съ однимъ или двумя представителями ея движенія, она не могла дать ему ни обильныхъ матеріаловъ, ни полноты содержанія. Романъ и поэма, поэма и романъ — вотъ были лучшія тѣмы, на которыхъ онъ развивалъ свои воззрѣнія. Мнѣніе наше тѣмъ справедливѣе, что критикъ всегда находится въ тѣсной зависности отъ писателя. Геніальныя произведенія воспитываютъ критическую способность точно такъ, какъ она въ свою очередь образуетъ будущее поколѣніе писателей.

Затѣмъ не надо забывать, что Бѣлинскій говорилъ обществу, вовсе не привыкшему усвоивать быстро новыя понятія. Чтобъ провести идею въ массы, заставить вѣрять ей, надо напоминать ее часто. Истина ничего не теряетъ отъ повторенія, — напротивъ выигрываетъ въ значеніи и результатѣ своего вліянія. Наконецъ въ седьмомъ томѣ, какъ и въ прежнихъ томахъ, мы могли бы указать много ошибокъ, промаховъ, ложныхъ выводовъ, но всѣ эти недостатки были неизбежны подл перомъ журналиста, пятнадцать лѣтъ слѣдившаго за ходомъ литературы, по всѣмъ ея направленіямъ. Говорить объ этихъ недостаткахъ, разъяснять и опровергать, мы считаемъ лишнимъ, потому что они утратили для насъ свою силу и важность.

Лучшей статьей седьмого тома мы нашли «Обзоръ Русской литературы за 1842 годъ»; затѣмъ критику сочиненія Державина, вполне выдержанную и вполне достойную Бѣлинскаго; потомъ идетъ рецензія произведеніи Зенанды Р — вой, гдѣ Бѣлинскій касается многихъ современныхъ ему женщинъ-писательницъ и всѣмъ имъ отдаетъ полную справедливость. Такъ онъ упоминаетъ о Елизаветѣ Кульманъ, Павловой, урожденной Янишь, о графинѣ Сарѣ Толстой, Жуковой, графинѣ Ростопчиной. И нигдѣ во всей статьѣ критикъ ни однимъ словомъ не высказалъ мысли, что женщина не должна быть писательницей, мысли, которую онъ такъ энергически провелъ въ одной изъ своихъ статей перваго тома. Говоря вообще, десять лѣтъ умственной жизни легли огромнымъ разстояніемъ въ развитіи Бѣлинска-

го. Иначе и быть не могло. Онъ былъ передовой дѣятель своей эпохи; онъ жилъ ея впечатлѣніями и жилъ болѣе, чѣмъ кто нибудь другой.

Намъ остается поблагодарить издателей сочиненій Бѣлинскаго. Они составляютъ капитальное явленіе въ исторіи русской литературы; ихъ надо не читать, а изучать.

Сочувствіе Бѣлинскому растетъ; память его съ каждымъ днемъ становится для насъ дороже. За его свѣжій вѣнокъ брала не одна грязная рука нашихъ журнальных наѣздниковъ, но чистота его не померкнетъ до-тѣхъ-поръ, пока честь русской мысли не будетъ обращена въ барышъ литературными лабазниками. Въ нынѣшнемъ году мы встрѣтили въ провинціи одного помѣщика, который выписываетъ изъ Петербурга только книги, удостоившіяся хорошаго отзыва со стороны Бѣлинскаго. Вотъ до какой степени велика уже его популярность! И гдѣ же? Въ глуши арзамаскихъ лѣсовъ. И кто же? Чѣловѣкъ шестидесяти лѣтъ.

Пора-бы, кажется, вмѣстѣ съ полнымъ собраніемъ сочиненій Бѣлинскаго издать и переписку его. Останавливаться передъ тѣмъ, что она раскроетъ отношенія его къ живымъ личностямъ, сведетъ ихъ на очную ставку съ благороднымъ борцомъ, нѣтъ никакого основанія. Истинная гласность любитъ судъ надъ живыми, а не надъ мертвыми. Изъ писемъ Бѣлинскаго общество узнало бы, кто участвовалъ въ убійствѣ этой силы и кто поддержалъ ее, въ черную godzinу нашего прошлаго.

Р. Р.

Воспитанія, мысли, труды и замѣтки, *Александра Смирнова*. Часть 1-я. Москва, 1860 года.

Съ иной книгой становишься въ страшный тупикъ, а особенно, если авторъ къ этой книгѣ, къ великому несчастію, предпшетъ длинное предисловіе. Объяснить-то хочется свою идею, а между тѣмъ идея-то темна и для него самого. Каково же тому, кто занимается разборомъ этой книги? Г. Смирновъ, сколько мы могли понять, пздаль свою книгу съ цѣлю — объяснить *живую организацію*, т. е. челоѣка. Задача не легкая. Объяснить онъ желаетъ челоѣка по преимуществу со стороны психологической. А какъ онъ самъ челоѣкъ, то и начинаеть эти объясненія съ самого себя, ибо, какъ онъ говоритъ, одинъ изъ точниково опытнаго психологическаго знанія есть самонаблюденіе. — На этомъ основаніи Г. Смирновъ представляетъ намъ свою автобіографію. На первой же страницѣ вамъ кидается въ

глаза родословная таблица Смирновыхъ. За чѣмъ эта таблица, мы рѣшительно не понимаемъ? Вѣдь здѣсь дѣло идетъ о само-наблюденіи, кажется, можно было бы обойтись и безъ родо-начальниковъ. Нѣкоторые изъ его родственниковъ хотъ и играютъ роль въ автобіографіи, но роль эта понятна и безъ родословныхъ коментарій. Уже не имѣлъ ли Г. Смирновъ другаго умысла? Не пыталъ ли онъ тайное желаніе дать знать читающей Россіи, что родъ ихъ находится въ родствѣ съ родомъ князей Девлетъ-Кильдеевыхъ. Вѣдь упоминаетъ же онъ о томъ, какіе ордена носилъ его батюшка, что кстати замѣтимъ, вовсе не вяжется съ психологическимъ анализомъ.

Автобіографія передана довольно занимательно. Въ ней мы нашли нѣсколько интересныхъ фактовъ, относящихся къ доброму старому времени, и жалѣемъ только о томъ, что Г. Смирновъ остановился на самомъ интересномъ мѣстѣ своей жизни, — когда началось его серьезное образованіе; иначе сказать, остановился тамъ, гдѣ и слѣдовало бы начать процессъ самаго наблюденія.

Затѣмъ слѣдуютъ психологическіе этюды, поставленные Г. Смирновымъ въ такую тѣсную связь съ его автобіографіею, но въ сущности не имѣющія никакой связи. То и другое само-по-себѣ.

Авторъ полагаетъ въ основаніе своихъ психологическихъ изслѣдованій законы полярныхъ противоположностей, которыя онъ находитъ во всемъ мірѣ. Не время и не мѣсто заниматься подробнымъ разборомъ этого научнаго положенія, но замѣтимъ, что вся статья его есть ничто иное какъ хорошая компиляція, сдѣланная изъ нѣмецкихъ сочиненій, а по преимуществу изъ сочиненія: *Die neue psychologie*. Berlin. Posen und Bromberg. 1845.

Книга эта, дѣйствительно, заслуживаетъ полнаго вниманія всѣхъ занимающихся философіей.

Точно также къ числу компиляцій относится и слѣдующая изъ психологическими этюдами статья: «Вопросы, относящіяся къ сельскому быту.»

Въ ней рѣшительно нѣтъ ничего самостоятельнаго. Все взято изъ изслѣдованій Соловьева и Кавелина. Идея о родовомъ бытѣ, условія, при которыхъ развилась у насъ поземельная собственность, и наконецъ идея развитія крѣпостнаго состоянія въ Россіи,—не вызвали ни одной оригинальной мысли со сторо-

ны самого г. Смирнова. Мы рѣшительно не можемъ понять цѣль этихъ компиляцій.

Но самое продолжительное вниманіе мы остановили на отдѣлѣ книги, которая носить заглавіе: «Замѣтки!» Чего тутъ нѣтъ: и грамматика, и исторія, и физиологія, и ботаника, и медицина, коротко, это огромная кладовая, въ которую снесено все, что не попало подъ руку домовитаго хозяина. Спрашиваемъ, къ чему такая щедрость и отъ какого богатства? Не лучше ли было бы взять по-меньше, но сказать по-умнѣй? Чтобъ поставить на видъ читателя, въ какой мѣрѣ г. Смирновъ способенъ къ самостоятельному мышленію, мы беремъ на выдержку семнадцатый параграфъ.

«О Пушкинѣ должно сказать, что онъ художникъ, но у него мало мысли. У Лермонтова больше мысли, хотя Лермонтовъ, какъ художникъ, далеко еще не доросъ до Пушкина. Гоголь художникъ богатый мыслию, способный, съ извѣстной стороны, умственно и нравственно воспитать цѣлое поколѣніе: по этому Гоголь выше и Пушкина, и Лермонтова.»

Приводя такое сравненіе дальше, намъ легко было бы дойти до заключенія еще болѣе интереснаго, а именно, до того, что выше Гоголя, Лермонтова и Пушкина самъ г. Смирновъ. Почему? потому что въ каждомъ изъ нашихъ поэтовъ есть своя особенная сторона — въ одномъ мысль, въ другомъ — художество, въ третьемъ и мысль и художество, а въ г. Смирновѣ, кромѣ всего этого, еще есть бессмыслица. Кто желаетъ убѣдиться въ этомъ, тому рекомендуемъ его психологическія дефиниціи; вообще эта философская игра въ жмурки всегда бываетъ темна, но у г. Смирнова она рѣшительно вонъ изъ всякаго толку. Мы помнимъ одно замѣчаніе стараго педагога, который говаривалъ своимъ воспитанникамъ совершенно серьезно: «ей, господа, — не сидите много за грамматикой, а то на всю жизнь разучитесь хорошо писать.» Какъ ни странно это замѣчаніе, но въ немъ есть своя доля правды.

Авторъ «Воспоминаній» особенно не любитъ женщинъ. Многими положеніями онъ доказываетъ всю ничтожность ихъ природы; изъ числа этихъ положеній самымъ интереснымъ показалось намъ слѣдующее: «Взгляните на кошку, посмотрите какъ она мило ласкается, играетъ, виляетъ всѣми членами и въ одно мгновеніе оцѣтинится на собаку, и превращается въ кровожаднаго тигра; посмотрите какъ блудлива и робка она, и ни чѣмъ не отучите вы ее отъ вредныхъ для васъ привычекъ, кромѣ

плетки.» Такова женщина, какъ думаетъ г. Смирновъ. И такъ, плетка есть непремѣнное условіе образованія женщины. И это говоритъ философъ, медикъ, ботаникъ, физикъ и главное наставникъ юности, человѣкъ, готовый учить всему, даже употребленію плетки по всѣмъ правиламъ новой педагогикки. Мы жальдемъ объ одномъ, что г. Смирновъ не изложилъ свою теорію плетки съ большей подробностью. И вѣроятно, примѣненіе ея на практикѣ имѣетъ свои общепринятые условія. Теперь мы особенно затрудняемся слѣдующимъ вопросомъ: сколько, напрямѣръ, надо отпустить ударовъ, чтобъ научить женщину вѣрности, и какого свойства, т. е., изъ какихъ ремней должна быть сдѣлана плетка, чтобъ внушить духъ кротости, цѣломудрія и другихъ высокихъ добродѣтелей. Затѣмъ, мы положительно не знаемъ, почему же плетка должна быть наставницею одной женщины, а не мужчины? По закону равенства она можетъ быть употреблена и въ томъ и другомъ случаѣ, а по крѣпости и упругости кожи гораздо лучше идетъ къ двуногимъ животнымъ съ бородой, чѣмъ безъ бороды. Согласны ли вы съ этимъ, г. Смирновъ?

Что же остается въ общемъ результатъ отъ книги г. Смирнова? Мысль во все неутѣшительная, хотя не лишняя наставленія. Неужели въ самомъ дѣлѣ, русскій человѣкъ, проживъ свою жизнь и бросая взглядъ на свое прошлое, не знаетъ, о чемъ бы лучше вспомнить и чтобы сказать изъ прожитыхъ дней? Неужели эта жизнь такъ пуста, безцвѣтна и безхарактерна, что изъ нея, при всемъ добромъ желаніи, нельзя вызвать нѣсколько интересныхъ страницъ для откровенной исповѣди. Возьмите Американца въ тридцать лѣтъ его возраста, и заставьте его рассказать, что онъ видѣлъ, слышалъ, испыталъ и сдѣлалъ: онъ безъ сомнѣнія, расскажетъ многое. Прежде чѣмъ на насъ сплзобдетъ чинъ или милость, онъ, вѣроятно, успѣетъ проѣхать два три Атлантическій океанъ, основать факторіи, нажить денегъ, и завести свой спокойный home. Не такъ живетъ русскій человѣкъ. Въ тридцать лѣтъ онъ только начинаетъ раздумывать: куда бы ему приложить свои силы и какъ бы сдѣлать что нибудь путное въ жизни; часто онъ раздумываетъ такъ долго, что, пробуждаясь отъ апатіи и бездѣятельности, находитъ уже воздвигнъ предпринять трудъ и добросовѣстно выкопнуть его. И вотому намъ приходится отвѣчать на вопросъ о жизни очень монотонно: а что вы дѣлали, г. П? — Служить; а о прочемъ писать кой формулярный списокъ. А вы что дѣлали, г. С...?

Сочинялъ учебники и компилировалъ разныя кнпки; что же до самостоятельной мысли, пѣкогда было заниматься ею — служилъ до преклонной старости и вождѣннаго пенсіона. Такъ вотъ она жизнь-то! Да стоитъ ли и вспоминать о ней?

КРАТКІЕ ОЧЕРКИ РУССКОЙ ИСТОРІИ. Составилъ Д. Илювайскій. Выпускъ I. Москва 1860 года.

Появленіе учебника профессора Соловьева было принято всѣми, кто сколько-нибудь интересуется дѣломъ воспитанія юношества, съ восторгомъ, потому что положеніе преподавателя русской исторіи до изданія г. Соловьевымъ своей книги было почти безвыходное. Исторія Устрялова ниже всякой критики, и добросовѣстный преподаватель, принявъ ее въ руководство, рано или поздно отказался бы отъ всякой мысли продолжать свое дѣло. Оставалось или составлять конспектъ изъ подробной исторіи Соловьева, или начать преподаваніе по книгѣ г-жи Ишимовой, съ тѣмъ, чтобы дополнять пробѣлы изъ обширнаго труда московскаго профессора. Большинство, а въ томъ числѣ и мы, приняли за руководство труды г-жи Ишимовой, потому что никакой преподаватель не имѣетъ возможности и подумать объ извлеченіяхъ изъ Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ г. Соловьева. Учебникъ этого профессора выручилъ изъ бѣды и учителей и учениковъ. Мы не говоримъ, что трудъ нашего извѣстнаго ученаго не имѣлъ недостатковъ, и чтобы болѣе уже ничего не оставалось сдѣлать для учебника русской исторіи; но мы хотимъ сказать, что въ настоящее время всякій преподаватель, съ помощію учебника г. Соловьева, можетъ вести свои классныя занятія съ большей пользой для учениковъ. Теперь предъ нами лежитъ новый учебникъ г. Илювайскаго. Казалось бы, что онъ не можетъ имѣть никакого примѣненія, тѣмъ болѣе, что въ немъ рѣшительно нѣтъ ничего новаго. Такъ могутъ говорить тѣ, которые нисколько не знакомы съ дѣломъ нашего преподаванія, и съ условіями нашего домашняго и публичнаго воспитанія.

Сколько до сей поры вы найдете пансіоновъ, особенно женскихъ, содержательницы которыхъ рѣшительно протестуютъ противъ учебника г. Соловьева и пренаивно говорятъ: за чѣмъ дѣвицѣ знать такъ много? — Для нихъ совершенно достаточно пройти исторію по учебнику Устрялова, изданному для уѣздныхъ училищъ. А если вы желаете, прибавляетъ та же навивная

начальница пансіона; то можете составлять записки изъ учебника Соловьева. Что же остается дѣлать съ этой педагогической ересью? Или отказывайся отъ занятій, или принимайся за Устрялова. Въ настоящее время г. Иловайскій облегчилъ и эти затрудненія. Онъ слѣпо держался учебника г. Соловьева, не отступая отъ него ни на шагъ, за что мы ему душевно благодарны; онъ хорошо сдѣлалъ, что не измѣнилъ положеній московскаго профессора. Такъ-какъ разсматриваемый нами учебникъ вдвое меньше своего предшественника, то въ немъ разумѣется, вслѣдствіе этого, вдвое сокращенъ и періодъ родовыхъ усобицъ, что слѣдовало бы сдѣлать и г. Соловьеву, у котораго періодъ родовыхъ усобицъ слишкомъ подробенъ и растянутъ. Г. Иловайскій относительно раздѣленія на періоды принимаетъ два момента въ исторической жизни русскаго народа -- съ одной стороны возвышеніе Москвы, съ другой петровскія реформы, и считаетъ наиболѣе удобными въ учебномъ отношеніи дѣленіе русской исторіи на три слѣдующія части, во-первыхъ Русь удѣльно-вѣчевая, во-вторыхъ Русь московская, и наконецъ Русь императорская.

Предисловіе своему историческому изложенію описаніе характера страны, затѣмъ описаніе племенъ, обитавшихъ въ этой странѣ, г. Иловайскій приступаетъ къ самому содержанію исторіи. Онъ выходитъ изъ извѣстнаго всѣмъ родоваго начала, говоритъ о значеніи Андрея Боголюбскаго, какъ перваго князя, рѣшившагося начать борьбу съ удѣльною системою. Но при этомъ слишкомъ мало коснулся борьбы старшихъ и младшихъ родовъ, борьбы, по преимуществу разъигравшейся при Андрѣе Боголюбскомъ и его пріемникахъ. Болѣе подробное развитіе этой борьбы необходимо, потому что оно находится въ тѣсной связи съ развитіемъ на Руси идеи старшинства, той идеи, которая проходитъ непрерывной нитью чрезъ всю до-петровскую исторію.

Совершенно согласно съ взглядомъ г. Соловьева, г. Иловайскій идетъ далѣе въ своемъ изложеніи: указываетъ на развитіе московскаго княжества въ лицѣ московскихъ князей, которые стремятся сдѣлаться изъ вотчинниковъ государями, изъ нихъ Иванны III и IV окончательно полагаютъ основу государству. Характеристика личности Грознаго, событій, образовавшихъ деспотическую натуру Ивана IV, также изложены по учебнику г. Соловьева.

Что касается до главы «внутреннее состояніе удѣльно-вѣче-

вой Руси», то въ ней мы нашли большой пробѣлъ, а именно г. Иловайскій ни слова не сказалъ о нравственномъ состояніи русскаго общества, онъ не упоминаетъ объ этомъ и въ періодѣ московскомъ. — Между тѣмъ всякій согласится, что при этомъ можно сообщить множество въ высшей степени интересныхъ фактовъ, которые бросятъ яркій и новыи свѣтъ на весь ходъ историческихъ событій. Также не лишнее было бы сказать нѣсколько словъ о болѣе замѣчательныхъ литературныхъ памятникахъ, а не ограничиться однимъ только голымъ упоминаніемъ ихъ. — Безъ сомнѣнія, объемъ учебника тогда увеличился бы, но во всякомъ случаѣ увеличился бы не слишкомъ много. Что касается нравственнаго состоянія общества, то описаніе его положительно необходимо по окончаніи смуты, порожденныхъ самозванцами. Въ это время накопилось въ обществѣ такъ много дурныхъ соковъ, что вліяніе ихъ отражается далеко и очень далеко впоследствии. Значеніе реформы Петра, безъ знакомства съ нравственной стороною древней Россіи, остается для ученика темнымъ и смутнымъ. Впрочемъ, можетъ быть г. Иловайскій этимъ и начнетъ свой второй выпускъ, потому что первый кончается избраніемъ на престолъ Михаила Федоровича Романова.

Очень жаль также, что авторъ не выставилъ болѣе рельезно значеніе Казаковъ въ нашей исторіи, какъ представителей безуряднаго начала. Во время самозванцевъ и во время выступленія на сцену дѣйствія нижегородскаго ополченія, Казаки всѣми силами борются противъ наряда и порядка. Эта борьба вызываетъ земскихъ людей, какъ защитниковъ наряда и порядка: является Мининъ, человекъ новый, и становится въ главѣ начинающагося движенія. Казаки убиваютъ Ляпунова; они же хотятъ убить и Пожарскаго. — За что? за то что и Ляпуновъ и Пожарскій защищаютъ государственное начало.

Въ заключеніе мы должны опять повторить, что книга г. Иловайскаго очень полезное пригтовительное руководство для дѣтей, которыя не могутъ пользоваться руководствомъ г. Соловьева. Мы увѣрены, что г. Иловайскій и самъ не имѣетъ никакихъ претензій на трудъ самостоятельный. Если же ошибаемся, то съ нами ошибается и г. Иловайскій. Книга его до такой степени можетъ назваться вѣрнымъ снимкомъ съ учебника Соловьева, что послѣдній не разъ узнается въ книгѣ г. Иловайскаго не только по изложенію фактовъ, но и по самой формѣ.

Во всякомъ случаѣ, наша дѣтская литература такъ бѣдна

доброевѣстными и умными книгами, что мы радуемся и хорошей компиляціи г. Иловайскаго.

Изъ Украйны. Сказки и повѣсти Г. И. Данилевскаго.
Часть I. 1860 года.

Г. Данилевскій въ своемъ предисловіи къ настоящей книгѣ, между прочимъ, опредѣляя значеніе украинскихъ сказокъ, говоритъ: «я передавалъ сказки, сокращая въ нихъ одни повторенія и за то сохраняя каждое мѣткое и живописное выраженіе. — *Дословно переводя* въ этихъ сказкахъ одни слова напѣвовъ и вѣками привитыхъ къ нимъ прибаутокъ и присловіи, я искалъ для выбранныхъ мною сказокъ, между прочимъ, и неуловимыхъ особенностей языка ихъ подлинника: простоты и сжатости образовъ.»

Это очень хорошо, но, къ несчастію, г. Данилевскій не выполнилъ своей задачи. Для передачи поэтического колорита нѣтъ надобности въ подстрочномъ переводѣ; для этого довольно родственности духа переводчика съ духомъ выбираемаго имъ поэта. Много надо самонадѣянности или легкомыслія, чтобы взяться за передачу на другой языкъ произведеній народной поэзіи. Много таланта, неиспорченности и пониманія народа долженъ имѣть тотъ, кто беретъ на себя трудную роль, быть представителемъ народной поэзіи въ глазахъ другаго народа.

Мало извѣстное, или, лучше сказать, слишкомъ неизвѣстное, имя г. Данилевскаго мало давало надежды на удачное исполненіе принятой имъ на себя обязанности: до-сихъ-поръ, онъ ничѣмъ замѣчательнымъ не заявилъ себя въ литературѣ и со всякимъ новымъ произведеніемъ падалъ ниже и ниже. Онъ служилъ лучшимъ опроверженіемъ доктора Паневича, увѣрявшаго, что живая фантазія, наслѣдованная нами у Татаръ, составляетъ одно изъ хорошихъ качествъ русскаго народа. Если бы это такъ было на Руси, первыми писателями считались бы гг. Григоровичъ и Данилевскій.... Но, увы! способности драгоценныя для составленія «тысячи и одной ночи,» часто оказываются недостаточными для составленія дѣльной книги.

Г. Данилевскій какъ нельзя лучше доказываетъ это своимъ примѣромъ: углубившись въ совершенно неизвѣстную ему область народности, онъ вообразилъ, что довольно прослушать сказку на малороссійскомъ языкѣ, чтобы съчесть ее малороссійскою и немедленно передать по-русски. Ни исторической критики, ни комментариевъ нечего искать у г. Данилевскаго. Отъ этого у него

часто въ числѣ малороссійскихъ сказокъ попадаются великорусскія, означенныя въ сказкахъ г. Аюнасьева или въ Пермскомъ Сборникѣ, или не носящія на себѣ никакого отличительнаго колорита. Такъ первая же сказка, помѣщенная въ книгѣ г. Данилевскаго, ни на одинъ шагъ не перенесла насъ въ поэтическую Малороссию. Сказка носитъ заглавіе: «Снѣгурка». — По прочтеніи ея, мы сказали сами себѣ: сказка какъ сказка. Русская, малороссійская ли она, Богъ ее знаетъ? Самые стихи, которыми написана она, далеко не поэтичны и принадлежатъ къ разряду тѣхъ, которыхъ по первому требованію можно написать цѣлую тетрадь. Судите сами.

Жилъ былъ старикъ со старухой
 Не было у нихъ дѣтей.
 И спѣли подъ окошкомъ,
 Горевали дѣдъ и баба;
 А на улицѣ подъ рѣчкой
 Вереница ребятишекъ
 Гору свѣжнюю лѣпила.
 Вотъ и спрашиваетъ баба:
Не пойдти ли, человѣче,
 Намъ на улицу съ тобою?
 А и въ самомъ дѣлѣ, баба!
 Отвѣчаетъ дѣдъ на это.
 И шары лѣпить изъ снѣгу
 Начипнають дѣдъ и баба.
 Что вы дѣлаете, старцы,
 Молвить, кланяясь, прохожій
 Старый, дряхлый, съ бородою? —
 Лѣпимъ, дитятко, съ усмѣшкой
 Отвѣчаютъ дѣдъ и баба.
 Помогай же Богъ вамъ, старцы!
 Молвить, кланяясь, прохожій
 И за рѣчкой исчезаетъ.

Вдохновеніе заразительно, и мы, прочитавъ эти строки, невольно написали слѣдующій экспромтъ.

Жилъ былъ авторъ безъ таланта,
 Только слава, что писалъ —
 Разъ спѣлъ онъ въ кабинетѣ
 И на книжкѣ все глядѣлъ....

Вишь вонъ сколько написали!
 Отчего же мнѣ нельзя?...
 Дай попробую, — и тотчасъ
 Онъ схватился за перо.
 Вдругъ звонокъ. Къ нему пріятель....
 — Что ты дѣлаешь? — Пишу,
 Вотъ сейчасъ окончу сказку,
 А потомъ тебѣ прочту.
 — Нѣтъ, не надо, Богъ съ тобою!
 Послѣ какъ нибудь найду....
 Право некогда!... и тотчасъ
 Онъ изъ комнаты исчезъ.

Въ заключеніе мы посовѣтовали бы г. Данилевскому обратиться за совѣтомъ къ г. Григоровичу: онъ научилъ бы его, какъ изъ народныхъ бесѣдъ составлять сказки и какъ изъ сказокъ составлять народные бесѣды.

Стихотворенія *М. Карлина*. Изданіе книгопродавца *М. Брауна*. Саратовъ. 1860. Въ типографіи г. Флорова.

Изданіе стихотвореній въ Саратовѣ, по неудачному выраженію плохаго провинціального зонта, составляетъ такое же явленіе, какъ введеніе гласнаго судопроизводства въ Константинополь (о чемъ свидѣтельствуетъ «*Journal de Constantinople*» и въ чемъ сомнѣвается «*Журналъ для Акціонеровъ*»), или изданіе на Шницбергемѣ Самоѣдскаго Вѣстника. Не придавая ровно никакого значенія этимъ словамъ, мы напротивъ готовы считать особенно замѣчательнымъ фактомъ появленіе въ книжныхъ лавкахъ Саратова мѣстнаго художественнаго и типографскаго продукта — палевой, трехвершковой книжечки, вмѣщающей въ себѣ, говоря высокимъ слогомъ, нѣчто невмѣстимое, — именно саратовскія вдохновенія г. Карлина, такъ безжалостно втоптанныя въ грязь, то-есть, грязно напечатанныя въ одной саратовской

типографів, однимъ саратовскимъ книгопродавцемъ. Сколько намъ помнится, до-сихъ-поръ въ провинціи, за исключеніемъ двухъ-трехъ университетскихъ городовъ, не выходило ничего похожего на стихотворенія, повѣсти, романы и т. п.; впрочемъ, надо прибавить, что отсутствіе литературы въ русскихъ провинціяхъ не составляетъ явленія, свойственнаго исключительно русскимъ провинціямъ. Это явленіе — почти общее всей Европѣ, хотя не въ такой мѣрѣ, какъ въ Россіи. Избѣгая общихъ мѣстъ, уже довольно избытокъ, и ополчившихся ссылокъ на литературу Англій и Америки, мы не можемъ однако не замѣтить, что, по простой логической комбинаціи, слѣдовало бы полагать, что на сколько противна естественнымъ законамъ развитія усиленная централизація въ однихъ явленіяхъ жизни, настолько же она должна быть не логична и въ другихъ. Отказывая въ разумности и законности абсолютной централизаціи въ отношеніи легально-административномъ, мы, вслѣдствіе естественной аналогіи, должны бы считать безсмысленными притязанія на централизацію-умственную, литературную, журнальную, или — какъ угодно назовите, — если только возможна децентрализація въ этомъ послѣднемъ случаѣ. Впрочемъ, отчего бы это было и невозможно? Нѣтъ сомнѣнія, что, въ известной пропорціи, умные и талантливые люди существуютъ и въ провинціяхъ какъ въ столицахъ; не принимая въ расчетъ пропорціи, выражающей отношеніе между умомъ провинціальнымъ и столичнымъ, мы вправѣ, кажется, постропить слѣдующую легко-разрѣшаемую дилемму: если въ провинціи есть известныя проценты мудрости и дарованія, то должно быть и проявленіе этихъ качествъ, или: если въ провинціи можно найдти умныхъ и талантливыхъ людей, то провинціальныя типографіи не должны нуждаться и въ хорошихъ изданіяхъ. А этихъ изданій нѣтъ... Но мы, впрочемъ, не намѣрены оканчивать и разрѣшать этой дилеммы, потому что простая логика даетъ слѣдующій категорическій отвѣтъ на тѣму о возможности провинціальной литературы: провинціальная литература возможна, а въ силу разумныхъ требованій децентрализаціи она даже необходима; этого требуютъ законы нравственнаго равновѣсія, до-сихъ-поръ пока еще воображаемые, какъ и законъ равенства въ другихъ отношеніяхъ, тоже пока еще только возможный въ представленіи... Однако при всемъ томъ, въ настоящее время провинціальная литература не можетъ существовать во-первыхъ потому, что все лучшее являющееся въ провинціи, по законамъ естественнаго тяготѣнія, дѣлается соб-

ственностью литературныхъ центровъ — Москвы и Петербурга; во-вторыхъ потому, что плата за литературныя произведенія въ столицѣ выше, чѣмъ въ провинціи, гдѣ, впрочемъ, еще и вовсе не существуетъ правильнаго обмѣна труда и вознагражденія за трудъ. Слѣдовательно, если въ провинціи и являются какія-либо изданія, кромѣ, разумѣется, специально относящихся до мѣстности или не вполне литературныхъ, то это — изданія плохія, которыя по своей легкости и пустотѣ не могли даже быть притянуты къ центру литературнаго тяготѣнія, какъ пухъ, который всего труднѣе опускается къ землѣ, или пробка, которая, по недостаточности своего удѣльнаго вѣса, всплываетъ наверхъ изъ воды.

Этимъ простымъ закономъ объясняется, почему, напримѣръ, нѣкоторыя пустыя изданія, въ родѣ «Исторіи цивилизаціи г. Nicolas de Gérébtzoff», «le Baskol» и другія не изданы ни въ Москвѣ, ни въ Путербургѣ, хотя *могли быть* изданы тамъ. Но мы не думаемъ, чтобы это явленіе продолжалось всегда: мы увѣрены, что настанетъ время, когда вдохновенныя поэмы будутъ печататься въ Царевококшайскѣ, Царевосанчурскѣ, Аткарскѣ и Белебеѣ, какъ печатаются теперь въ Эдимбургѣ, Манчестерѣ, Нью-Йоркѣ, Ливерпулѣ, Бирмингэмѣ; — а пока утѣшимся, что хотя въ Саратовѣ изданъ сборникъ стихотвореній г. Карлина.

Сборникъ г. Карлина заключаетъ въ себѣ пятнадцать пѣсноушій, увертюрой къ которымъ служить грустное «Раздумье» поэта о томъ, что его молодость проходитъ какъ «сладкое безумье», вслѣдствіе чего, «расташивая безъ страха, хладнокрово послѣдніе, поблекшіе цвѣты» этой молодости, прожитой пмъ безъ пользы, поэтъ бросаетъ въ нее комъ грязи, въ видѣ изданія своихъ пятнадцати стихотвореній, ибо кромѣ ихъ молодость ничего ему не оставила. Прискорбно! Тѣмъ болѣе, что, какъ видно изъ самыхъ стихотвореній, авторъ уже въ зрѣломъ возрастѣ, — и слѣдовательно долженъ удовлетвориться такимъ плохимъ наслѣдствомъ; и правъ онъ, что бросилъ грязью въ лицо этой молодости; только жаль, что метя ей такимъ образомъ, онъ ошибкой попалъ, пущеннымъ въ юность свою комомъ, въ саратовскаго книгопродавца, а тотъ швырнулъ его въ публику. Покопчивъ такимъ манеромъ съ мечтами молодости, поэтъ посвящаетъ остатокъ дней своихъ и растроченныя силы — кому бы вы думали? Кому приличнѣе отдать то, что выдохлось и прошло? — родинѣ... Да, родинѣ, которую онъ называетъ своей «любимцею» и которой клянется, что кручину по ней, по родп-

нѣ, онъ не покипеть до гроба. Конечно, по мысли и настроенію поэта, послѣдніе два куплета могли бы и въ-самомъ-дѣлѣ быть удачны, если бы не были выражены неудачно и какъ-то странно:

Но горькую, священную кручину
 О родинѣ, любимицѣ моей,
 Я никогда до гроба не покину,
 Я въ темную могилу лягу съ ней.
 Да, образъ твой, прекрасное созданье,
 Любовь послѣдняя, несчастная моя,
 Я сохраню въ години испытанья —
 Единственной отрадой для себя!

Начала послѣдняго четверостишія выражено такъ не ловко, что мы вдались въ ошибку и подумали, что г. Карлинъ говорить о дѣвушкѣ, называя ее «прекраснымъ созданьемъ» и «послѣднею, несчастною любовью»; а онъ просто говоритъ о Саратовской губерніи, или о Россіи, — вообще о родинѣ.

Въ слѣдующемъ стихотвореніи «Женщинѣ матери», проводитъ г. Карлинъ ту социальную, пмъ однимъ выработанную, идею и никѣмъ до-сихъ-поръ невысказанную мысль, что порокъ — гнусенъ и что наши женщины не умѣютъ воспитывать своихъ дочерей, вслѣдствіе чего г. Карлинъ взываетъ къ какому-то «Ликургу временъ новѣйшихъ» и требуетъ отъ него — «выдать» такой законъ, по которому можно было бы «всесильно» оторвать дѣтей «отъ отцевъ и матерей глупѣйшихъ» (драконовское выраженіе, почерпнутое изъ свода законовъ Ликурга временъ новѣйшихъ), и отдать несчастныхъ макутокъ подъ надзоръ полиціи. По-крайней-мѣрѣ мы такъ понимаемъ слѣдующее мѣсто въ этомъ стихотвореніи:

«О, гдѣ ты? Отзовись — Ликургъ временъ новѣйшихъ!
 Явись, явись скорѣй — и *выдай* намъ законъ,
 Что могъ бы отъ отцевъ и матерей глупѣйшихъ,
Всесильно оторвать дѣтей несчастныхъ онъ,
 Чтобы отечество могло *по правосудью*, (!)
 Вскормить такихъ дѣтей своей могучей грудью!

Впрочемъ, можетъ быть, г. Карлинъ разумѣетъ здѣсь не полицію, а институты, корпуса и прочія закрытыя заведенія. — Все стихотвореніе могло бы, пожалуй, быть и не совсѣмъ дурно, если бы въ немъ не встрѣчались такія фразы, какъ «громовая рѣчь» въ устахъ барыни, «какъ море льется рѣчь» — тоже

у барыни, «наемницы, рабы» — у барыни же, которую поэтъ упрекаетъ за то, что она приставила къ дѣтямъ «наѣмную прислугу,» — чѣмъ же она хуже крѣпостной?—Замѣтно, что въ стихотвореніи мысль порядочная, да г. Карлинъ не умѣлъ съ нею справиться, потому что иѣлъ съ чужаго голоса и вмѣсто того, чтобы серьёзно подумать о воспитаніи женщины, онъ грозитъ ей полиціею и правосудіемъ.

Стихотвореніе, начинающееся словами «Сюда, ко мнѣ подь трепетную тѣнь» и т. д. — напоминаетъ собою тотъ родъ поэзіи описательной, которая свосна только развѣ въ виргиліевыхъ Буколикахъ; у насъ же принято называть ее цвѣтами закожнаго вдохновенія. Но и изъ опытовъ закожной поэзіи, слѣдующее за сямъ стихотвореніе «Осень» представляетъ собою самую неудачную попытку, напоминая притомъ кольцовскую манеру скандировки, которая только и терпима у самаго Кольцова.

Тучи свинцовыя
 Съ сѣвера катятся,
 Осень суровая
 Нехотя плачется.
 Лѣсъ обезлиственный
 Бурей злодѣйкою
 Съ грустью убійственной
 Смотритъ калѣкою.

По неволѣ согласисься, что холодная осень выморозила всю мысль изъ этого стихотворенія и тѣмъ болѣе посѣтуешь на осень, что она въ заключеніе вложила въ уста автора слѣдующія грустныя слова:

Съ юга и къ намъ опять
 Радость придетъ съ весной, —
 Мнѣ лишь весны не ждатель,
 Спать мнѣ въ землѣ сырой.

Очень жаль. Мы боимся, чтобы «Осень» и на насъ не подѣйствовала губительно и не отравила у насъ, какъ у г. Карлина, нашего вдохновенія, которое начало-было изливаться въ такой гармонической формѣ:

Какъ листъ обезлиственный
 Бурей злодѣйкою,

Стихъ еей убійственный
Смотритъ кагѣкою, и т. д.

Въ болѣеи части остальныхъ стихотвореній г. Карлина звучитъ что-то давно знакомое, читанное и перечитанное, — что быть можетъ нравилось бы и въ стихотвореніяхъ г. Карлшта, если бы при чтеніи ихъ не вспоминалось иное, лучшее, болѣе совершенное; но назойливо врываются въ память другіе гармоническіе стихи, другія мысли и образы, — и вытѣсняють собою едва рождающееся впечатлѣніе — впечатлѣніямъ слишкомъ памятливыи и сильными: однимъ словомъ, видно, что многое манисалъ г. Карлинъ подъ вліяніемъ стихотвореній Некрасова, и оттого, читая начало довольно-удачной строфы у перваго, — невольно сводишь на послѣдняго, и вѣрная память оканчиваетъ то, что не совсѣмъ парализировано подражательнымъ стихомъ г. Карлина.

Мы надѣемся, что г. Карлинъ не думалъ подражать Некрасову, что это дѣлалось по-мимо его воли, что назойливый стихъ и своеобразный метръ Некрасова самъ проснулся подъ перо, что слабая воля г. Карлина была пересилена впечатлѣніями, вынесенными изъ частаго обращенія съ стихотвореніями Некрасова, — все это такъ; но тѣмъ не менѣе произведенія г. Карлина страдаютъ отъ этого сильно. Такъ обыкновенно запахъ болиголовы всегда становится ощутительнѣе и непріятнѣе, когда не можетъ совершенно убить запаха розы; такъ и огурецъ хорошъ только тогда, когда вкусъ, послѣ наслажденія ананасомъ, достаточно приготовленъ и настроенъ къ наслажденію соленымъ огурцомъ или пареной рѣпой.

При всемъ томъ эти подражательныя стихотворенія лучше другихъ уже тѣмъ, что совершенно уничтожаются въ воспоминаніи о другой поэзіи и такимъ образомъ даютъ отдыхъ отъ вдохновеній г. Карлина. Таковы «Путь» и «Встрѣча», переносящіе мысль къ ящику и больницѣ Некрасова. — Не совсѣмъ дурны стихотворенія «Покинутой невѣстѣ» и «Дѣвушкѣ», — хотя совѣты, высказываемые авторомъ сей послѣдней, очень сомнительнаго свойства и заставляютъ подозрѣвать, что г. Карлинъ принимаетъ самъ роль «Ликурга времени новѣйшихъ» и *выдаетъ* потребный ему законъ о воспитаніи женщины.... Н-да! при такой системѣ воспитанія, достанетъ ли полно и «могучей груди отечества», чтобы «вскормить такихъ дѣтей»? —

Главный недостатокъ г. Карлина — маленькая напыщенность, выражающаяся у него преимущественно знаками восклицатель-

ными и замѣною новѣйшихъ и употребительнѣйшихъ словъ старинными и неупотребляющимися нигдѣ, кромѣ устарѣлыхъ поэмъ, какъ на примѣръ: *олтъръ* вмѣсто *вѣтеръ*, *раба* вмѣсто горничной, *промосылъ рѣчи* у барыни вмѣсто гостинной сплѣтчи; напыщенность эта выражается даже въ интерпункціяхъ, въ знакахъ препинанія, которые разставлены у него иногда канцелярскимъ образомъ :

«Тогда, забывъ : печали и мученья» и пр.

Одно стихотвореніе, заключительное, могло бы быть граціознымъ и умненькимъ произведеніемъ, если бы г. Карлинъ съумѣлъ осилить мысль, обуревавшую и осплившую его самого до такой степени, что поэтъ совсѣмъ растерялся ; мысль, въ сущности дѣльную, но у него выразившуюся какъ-то смѣшно. Дѣло въ томъ, что г. Карлинъ обращается къ птичкѣ, — къ синичкѣ что-ли? — и совѣтуетъ ей пѣть какъ можно беззаботнѣе, говоря, что ей нечего бояться, что злой ястребъ заклѣванъ :

Заклевали злаго
 Маленькія птицы....
 Не страшись другаго,
 Пой смѣлѣй, сестрица!

Стихотвореніе это показалось намъ нѣсколько аллегорическимъ. Сначала мы думали, что г. Карлинъ подъ ястребомъ разумѣетъ критика, — именно покойнаго Бѣлинскаго, который такъ безжалостно казнилъ дуриныхъ стихотворцевъ, — и увѣренный въ своей безопасности, восклицаетъ къ птичкѣ: «Пой смѣлѣй, сестрица!» не страшно дескать. — Но потомъ догадались мы, что «пѣть, смѣлая спилица», намекаетъ на что-то другое... Жаль, что неудачно.

Къ такимъ просто-неудачнымъ стихотвореніямъ принадлежатъ еще: «Зимнее Солице», «Дума», «Пѣсня Старика», «Лѣсъ» и «Элегія»; «Осень же» съ которою мы уже познакомили читателя, — стихотвореніе неудачное во всѣхъ отношеніяхъ; не совсѣмъ неудачнымъ можно назвать только одно изъ всѣхъ пятнадцати: это «Послѣдняя ночь въ тюрьмѣ», — стихотвореніе, лишнее идеи и смысла.—

Д. МОРДОВЦОВЪ.

Примѣненіе неподвижной повязки къ лѣченію ранъ послѣ операцій вообще, и въ особенности *послѣ ампутацій бедра*. Диссертація для публичнаго защищенія на степень Доктора Медицины. Написана по наблюденіямъ въ Севастополѣ, въ 1855 году, П. Дьяконовымъ, старшимъ ординаторомъ Старорусскаго военнаго госпиталя. (Съ 8-ю рисунками.) Санктпетербургъ 1860. Въ м. 8-ю д. л., стр. 126.

Явленіе весьма отрадное. Кто хотя сколько-нибудь знакомъ съ театральными медицинскими подмостками, тотъ знаетъ, что такое, въ большей части случаевъ, защищеніе диссертациі. Еще не такъ далеко то время, когда достаточно было назвать сочиненіе диссертациею, чтобы произнести ему смертный приговоръ въ глазахъ медика; до такой степени этотъ отдѣлъ медицинской литературы утратилъ съ теченіемъ времени первоначальное свое значеніе, а съ нимъ и достоинство, благодаря соединенному вліянію и педантства и формализма. Диссертациі писались, за весьма рѣдкими исключеніями, только для вида, чтобы служить вывѣскою книжной мудрости автора, — тѣмою для пустаго по послѣдствіямъ своимъ обмѣна мыслей между защищающимъ диссертацию и оппонентами автора, если послѣдній былъ на столько смѣлъ и владѣлъ на столько обветшалымъ мертвымъ языкомъ, чтобы найдтись отвѣчать господамъ оппонентамъ, которые, приготовившись предварительнымъ чтеніемъ диссертациі къ нападеніямъ на нее, имѣли, благодаря нравственному вліянію авторитета своего, видимое преимущество надъ противникомъ. Но такіе смѣльчаки были довольно рѣдки. Въ большей части случаевъ дѣло кончалось тѣмъ, что неопытному, ослѣпленному торжественною обстановкою, приходилось выслушивать блестящія, цвѣтистыя тирады оппонентовъ, сознавать предъ ними свою слабость и безсиліе, ссылаться на свою молодость, неопытность и въ смреніи ожидать приговора, едва ли когда неблагопріятнаго. За исключеніемъ весьма рѣдкихъ случаевъ, повторемъ, диссертациі были бездарными компиляціями, съ году на годъ загромождавшими медицинскія бібліотеки, не принося ни малѣйшей пользы наукѣ. Мудрено ли, что рѣдкій медикъ рѣшался тратить время на чтеніе попавшей ему въ руки диссертациі. Такъ было и, къ сожалѣнію, въ большей части случаевъ ведется и теперь: диссертациі остались компиляціями. — Тѣмъ пріятнѣе и поразительнѣе было встрѣтиться съ диссертациею г. Дьяконова. Сбро-

свивши съ себя рѣшительно всякую схоластическую форму, за исключеніемъ неизбѣжныхъ положеній (theses), приложенныхъ къ концу книги, онъ подарилъ медицинскую литературу дѣльной брошюрою, которая составитъ весьма полезное приобрѣтеніе для всякаго хирурга-практика. Не компилируя фактовъ и цитатъ, авторъ избралъ тѣмою диссертацийъ одинъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ практической хирургіи. Если можетъ быть онъ и не достигъ вполне искомаго хирургами разрѣшенія задачи, — объ осуществленіи, при лѣченіи ранъ послѣ ампутацій бедра посредствомъ неподвижной повязки, всѣхъ тѣхъ преимуществъ и выгодъ, которыми отличается примѣненіе этой перевязки къ лѣченію ранъ вообще, — то по-крайней-мѣрѣ безъ всякаго сомнѣнія подвинулъ дѣло впередъ, и указалъ на способъ приложенія этой повязки, имѣющей явное преимущество надъ всѣми другими, досихъ-поръ извѣстными. Эти преимущества, видимыя уже при теоретическомъ обсужденіи вопроса, подтверждаются и весьма благопріятнымъ, сравнительно, исходомъ тѣхъ случаевъ, въ которыхъ новый способъ былъ приложенъ къ дѣлу. Изъ тридцати двухъ ампутированныхъ на бедра и лѣченныхъ новымъ, принятымъ г. Дьяконовымъ способомъ, выздоровѣло двадцать человекъ и умерло только двѣнадцать, тогда какъ смертность послѣ этой операціи была въ Севастополѣ до такой степени поразительна, что Н. И. Пироговъ считалъ, по словамъ автора, ампутаціи бедра почти излишними. Обращая вниманіе гг. хирурговъ-практиковъ, и особенно гг. полковыхъ врачей, на брошюру г. Дьяконова, намъ остается замѣтить, что она написана ясно, понятно и безъ малѣйшаго ученаго педантства.

Начальныя основанія физиологіи д-ра Руссдорфа и зоологіи д-ра Мазіуса. Со многими позитипажами. Санктпетербургъ, 1860. Въ 8-ю д. л. Стр., въ физиологіи, 134; въ зоологіи, 40. Цѣна 2 руб. 50 к. сер., съ пересылкою 3 руб. сер. Изданіе торговаго дома Струговщикова, Похитовова и Водова.

Оба сочиненія, изъ которыхъ первое переведено подъ редакціею г. Страхова, а второе переведено и издано подъ редакціею г. Сентъ-Илера, соединены въ одинъ томъ. Мысль приготовить читателя общимъ очеркомъ физиологическихъ отправленій животнаго организма къ ближайшему знакомству съ тою категоріею разнообразнѣйшихъ формъ, которыми формулируется идея жизни въ предѣлахъ, обнимаемыхъ зоологіею, — мысль прекрасная, практическая; но не достигнутая разсматриваемымъ нами изда-

ніемъ, потому что первое изъ этихъ сочиненій далеко уступаетъ своимъ достоинствами второму; портикъ вовсе не гармонируетъ съ стройностію главнаго зданія.

Физиологія д-ра Руссдорфа написана съ явною цѣлію представить предметъ, — жизненные отправления организма и представленныя имъ законы, — популярно, общепонятно, и планъ, котораго держится авторъ, какъ нельзя лучше соотвѣтствуетъ этой цѣли. Очертивъ на шести страницахъ условія воспроизведенія или размноженія животнаго организма, авторъ переходитъ къ исторіи развитія (19 стр.) послѣдняго изъ простѣйшаго органическаго элемента, яички; потомъ разсматриваетъ значеніе и составъ крови (5 стр.), какъ источника питанія и воспроизведенія всѣхъ частей организма; питательныя вещества (15 стр.), поступающія въ организмъ для воспроизведенія крови, потребленной на замѣну утраченной организмомъ матеріи; процессъ пищеваренія (8 стр.), приготавливающей питательныя вещества къ поступленію въ кровь; процессы кровообращенія и дыханія (стр. 8), при посредствѣ которыхъ довершается обращеніе пищи въ кровь; наконецъ, уподобленіе крови организму вмѣстѣ съ процессомъ выдѣленія занимаетъ (13 стр.) послѣднія страницы третьей главы, которою и оканчивается изложеніе результатовъ *жизненнаго химизма и механизма*, какъ выражается авторъ. Слѣдующія потомъ 35 страницъ посвящены анатоміи и физиологіи нервовъ, за которыми, на 20 страницахъ, излагается, конецъ концовъ, *физиологія души*. Къ сожалѣнію, исполненіе далеко не соотвѣтствуетъ предназначенію. Всѣ достоинства сочиненія представляются читателю какъ-то въ отдаленіи, чѣмъ-то въ родѣ миража, или *máreva*, какъ говоритъ простолюдинъ на югѣ Россіи; по мѣрѣ приближенія къ нимъ они исчезаютъ и приводятся къ нулю, во-первыхъ, неумѣстными анатомическими подробностями, которыя могли бы пояснить дѣло только при подробномъ изложеніи предмета, и только затемняютъ послѣдній при краткомъ обзорѣ тѣмы, не усвоиваясь уму, не подготовленному къ нимъ. Ошибка весьма обыкновенная и встрѣчаемая даже у людей, вполне владѣющихъ предметомъ, но не одаренныхъ способностію принаравливать къ потребностямъ читателя. Превосходнымъ образчикомъ такого усерднаго желанія пояснить предметъ, затемняя его, можетъ служить вторая глава разсматриваемой нами книги, — исторія развитія; мы не беремся доказывать этого въ рецензіи нашей, потому что въ доказательство пришлось бы выписать

всѣ девятнадцать страницъ, посвященныхъ изложенію этого органическаго процесса. Другой важный недостатокъ сочиненія Руссдорфа состоитъ въ желаніи его придать какъ можно болѣе силы и краски своимъ мыслямъ, или, напротивъ того, сдѣлать ихъ какъ можно доступнѣе для читателя неудачными сравненіями, смѣшными эпитетами. Фраза убиваетъ мысль; преступленіе, въ которомъ принимаетъ не малое участіе *не податливость нѣмецкой ученой фразы русскому строю подѣ командоу г-на Страхова*. Этого мало; авторъ впадаетъ въ противорѣчія, странныя недомолвки, даже тамъ, гдѣ полетъ его фразы приостанавливается на изложеніи различныхъ подробностей, мало или вовсе несомвѣстныхъ съ фразерствомъ. И фразерство ли тому причиною или нѣтъ, но только не смотря на видимое желаніе быть послѣдовательнымъ, авторъ при видимомъ знаніи дѣла непослѣдователенъ; факты, мысли, приводимыя авторомъ, часто безсвязны и часто не имѣютъ, для читателя неподготовленнаго, видимой связи съ тѣми положеніями, которымъ они должны служить объясненіемъ; нерѣдко, даже весьма часто, приводятся въ доказательство факты, понятные только такому читателю, которому физиологія Руссдорфа покажется чѣмъ-то въ родѣ азбукъ, предложенной для чтенія человѣку, уже бѣгло читающему.

Чтобы доказать читателю справедливость нашихъ обвиненій, мы обратимся къ первымъ же страницамъ сочиненія Руссдорфа. Утверждая, что *«происхожденіе органическихъ существъ составляетъ наиболее таинственную область естествознанія»* (привѣтъ г-ну Руссдорфу, выглядывающему изъ-за плеча г-на переводчика), авторъ предлагаетъ вопросъ: *«не долженъ ли ужасать самыя смѣлыя гипотетиковъ вопросъ о населеніи земли организмами вследствие взаимодѣйствія неорганическихъ силъ?»* Мы не беремся отвѣчать за гг. гипотетиковъ, ужасаетъ ли ихъ такой вопросъ или нѣтъ, но позволимъ себѣ спросить г. автора, какія же силы, если у него есть силы *неорганическія*, онъ называетъ *органическими*, какъ скоро онъ, сколько возможно понять изъ его довольно запутаннаго разсужденія о жизненной силѣ (стр. 29—30), не допускаетъ существованія особенной жизненной, органической силы? — Авторъ продолжаетъ: *«и до-сихъ-поръ, хотя мы не знаемъ (1) ни одной попытки къ составленію гипотезы, которая приступила бы къ этому вопросу.»* Оставляя въ сторонѣ вопросъ, почему г. корректоръ и г. редакторъ, — отвѣчающіе и передъ издателями, и передъ публикою, и передъ авторомъ за

правильное размѣщеніе знаковъ препинанія, не искажающее по-крайней-мѣрѣ смысла оригинальнаго текста, — поставили тутъ убійственную точку, — мы должны заключить изъ этого полу-періода, что авторъ не только не знаетъ никакой гипотезы о произвольномъ зарожденіи, но даже не знаетъ, чтобы кто-нибудь пытался составить себѣ такую гипотезу. Читаемъ дальше: «не смотря на то, *въ наукѣ долгое время господствовала гипотеза*, по которой наливочныя животныя и глисты могли появляться самою собою (*generatio æquivoca*), изъ веществъ разлагающихся или подверженныхъ гниенію.» И такъ автору то неизвѣстна, то извѣстна гипотеза о произвольномъ зарожденіи! — Сказавъ, что для природы, которая *представляетъ собою философа-мыслителя съ неизмѣримо-исполнскими идеями*, каждое понятіе, замкнутое въ извѣстномъ кругѣ, не имѣетъ никакой цѣны (!); что всегда найдется кругъ болѣе обширный съ безискусственными границами, въ которомъ разрѣшается все неразгаданное,» авторъ въ подтвержденіе этой тирады говоритъ: — «такъ, напримѣръ, положеніе, что *всякое* органическое существо рождается изъ яйца, по-крайней-мѣрѣ подлежитъ тому ограниченію, что организмы могутъ происходить при *отсутствіи полового различія*.» Спрашивается, можно ли ограничить первое положеніе и въ чемъ именно заключается это ограниченіе, какъ скоро *всякой* организмъ рождается изъ яйца? Если же авторъ уже поборолъ разъ невозможное и пашелъ ограниченіе этому положенію, то какимъ образомъ объяснить себѣ противорѣчіе, въ которое онъ впадаетъ, не далѣе какъ чрезъ двѣ страницы (на 7-й), утверждая, что «какъ *условіе* для происхожденія организма, природа полагаетъ *двойственность*. Яйцо, т. е., будущій организмъ, развивается только лишь въ смѣшеніи съ мужскими плодотворными веществами.» И такъ, организмъ не можетъ происходить при отсутствіи полового различія. — Читаемъ далѣе. «*Безполое размноженіе*. Акалефы производятъ внутри своего тѣла дѣтенышей, которые, по отдѣленіи отъ материнскаго тѣла, прикрѣпляются къ твердымъ предметамъ въ видѣ полиповъ.» Во-первыхъ: если читатель и найдетъ въ зоологій д-ра Мазіуса, что такое акалефы, то не найдетъ тамъ при нихъ описанія этого способа размноженія. Во-вторыхъ, если акалефы не то, что полипы, то какое же отношеніе имѣетъ этотъ фактъ къ безполному размноженію, какъ скоро читателю извѣстно, что всякое животное воспроизводитъ свою же собственную породу? Это ли пѣдуктивный способъ изложенія предмета, единственный, котораго должны

держаться популярныя руководства? Фактъ не объясняется авторомъ, не объясняется зоологіею д-ра Мазіуса, и читатель остается въ совершенномъ недоумѣніи. «У гидръ,» говоритъ далѣе авторъ, «образуются студенистые, колокольчико-видныя наросты, которыхъ натуралисты тысячами находили по морскимъ берегамъ и принимали за особенныхъ животныхъ.» Какое же отношеніе имѣютъ эти наросты къ безполому размноженію вообще и къ размноженію гидръ въ-особенности, какъ скоро читателю не объясняютъ тутъ же, что эти наросты обращаются потомъ въ гидры? И всѣ эти противорѣчія и недомолвки — на двухъ страницахъ текста (4-й и 5-й)! Само собою разумѣется, что эти двѣ страницы не лучшія въ книгѣ, но онѣ и не худшія; сколько же противорѣчій и различныхъ другихъ промаховъ рассыпано по книгѣ доктора? Чуть не легионъ.

Заглянемъ изъ любопытства въ другія страницы. Говоря о бѣлковинѣ, на стр. 32-й, авторъ рѣшительно утверждаетъ, что «*коровяная бѣлковина* (а слѣдовательно и бѣлковина всего организма), ни въ какомъ случаѣ не есть произведеніе животнаго организма; (а откуда же она берется въ яйцѣ, г. авторъ?); она получается уже готовою изъ растений, (и въ яйцѣ также, г. авторъ?)». Далѣе, на стр. 33-й, авторъ говоритъ, — что бѣлковину, волокнину и казеинъ называли исключительно и даже на основаніи научныхъ данныхъ, *питательными веществами* въ томъ несправедливомъ (!) предположеніи, что они въ высшей степени питательны для тѣла, — и находитъ мысль о ихъ преимущественномъ назначеніи для питанія тѣла весьма забавною (!), потому-что если обратиться къ строенію тѣла, то кромѣ этихъ веществъ найдутся и другіе *плотники и каменьчики*, вовсе не похожіе на нихъ....» Соглашаясь съ авторомъ, что несправедливо было бы называть бѣлковину, волокнину и сыринку, исключительно предъ другими питательными веществами, очевидно нѣтъ никакой возможности согласиться съ нимъ, вопреки здравому разсудку, чтобы эти вещества не были питательны преимущественно предъ другими, тѣмъ болѣе, что на 37-ой страницѣ, онъ же, авторъ, отдаетъ *преимущество* питательнымъ веществамъ, изобилующимъ азотомъ, именно мясу и, еще болѣе, *яйцу*. Бѣлковину, волокнину и казеинъ называли, говоритъ авторъ, *первоначальными, протемновыми веществами, которыя подобно Протею, принимаютъ перемѣнныя цвѣта* (!), и такимъ образомъ за одинъ разъ выказываетъ незнаніе греческаго мѣна и смѣшиваетъ протей съ жамлеономъ. — Изъ соображеній, выводимыхъ ав-

торомъ (стр. 76 — 79), слѣдуетъ, и весьма справедливо, что питаніе каждой частицы или клѣточки организма и отправленіе той же клѣточки — синонимы, что питаніе организма такого рода физиологическій актъ, который проявляется наблюдателю: *анатомически*, какъ самая масса органа или всего организма, и *физиологически*, какъ отправленіе этого органа. Вотъ заключеніе, къ которому приходитъ авторъ, представивъ читателю различныя фазы пищеваренія и всю его обстановку. Заключеніе вѣрно, но его никакъ нельзя согласить съ тѣмъ, что авторъ говоритъ на стр. 48-ой, насмѣхаясь тамъ надъ либиховою школою, которая считаетъ *кофеинъ* и *теинъ*, существенныя и богатыя азотомъ составныя части кофе и чаю, за превосходныя питательныя вещества. Эта гипотеза, говоритъ авторъ, очевидно несправедлива и ясно опровергается съ истинно-научной точки зрѣнія, *потому что ни чай, ни кофе не производятъ яснаго возобновленія органическаго вещества*. Если это такъ, то какимъ же образомъ авторъ рѣшился, всего за нѣсколько строкъ выше, согласиться съ фактомъ, приводимымъ либиховою школою и опровергающимъ его собственное заключеніе? «Рабочій народъ не только любитъ кофе, но даже иногда при недостаткѣ питанія во время голода, или вообще по бѣдности, пьетъ его съ большою пользою для здоровья; на самомъ дѣлѣ *кофе превосходно поддерживаетъ отправленія сердца и нервовъ. при недостаткѣ настоящихъ питательныхъ веществъ.*» Не ясно ли, что если кофе поддерживаетъ отправленіе нервовъ, за недостаткомъ другаго питательнаго вещества, а отправленіе нервовъ только синонимъ, видимый актъ другаго закулиснаго процесса, процесса питанія, то кофе поддерживаетъ питаніе и, слѣдовательно, принадлежитъ вмѣстѣ съ чаемъ къ питательнымъ веществамъ?

И много, много найдется такихъ образчиковъ послѣдовательности автора; высчитывать ихъ послѣ указанныхъ нами промаховъ, было бы бесполезно, и мы обратимся, въ заключеніе, къ другой не менѣ замѣчательной особености автора, а именно: чѣмъ далѣе онъ подвигается впередъ въ своемъ руководствѣ, чѣмъ ближе онъ подходитъ къ *физиологій души*, тѣмъ онъ болѣе и болѣе наркотизуется собственнымъ своимъ произведеніемъ, становится высокопарнѣе и цвѣтнстѣе, не утрачивая впрочемъ прочихъ отличительныхъ своихъ качествъ, о которыхъ мы уже упомянули. Хотите ли знать, что такое ухо? «*Отраженные явленія чувства психологически интересныя, отраженные душевныя движенія, вызываются преимущественно легко и живо тѣмъ ор-*

иномъ сознанія, въ которомъ посредствомъ искуснаго механизма приоткрытъ въ организмъ кругъ дѣйствій для физическихъ законовъ звука. Этотъ органъ — ухо... (стр. 98)». Казалось бы, что послѣ такого милаго, приглаженнаго, припомаженнаго опредѣленія уха, авторъ долженъ питать къ нему особенное расположеніе. Напрасно; авторъ остается и тутъ вѣренъ своей системѣ непослѣдовательности. «Слухъ тѣснѣе всѣхъ друхихъ чувствъ связанъ съ общимъ чувствомъ сознанія, съ чувствомъ я, говоритъ авторъ и признаетъ, что никакое другое чувство, кромѣ слуха, не въ состояніи такъ легко произвести неприятное расположеніе, раздраженіе общаго чувства, или напротивъ того, вызвать въ высшей степени пріятныя ощущенія. Но съ этого слова авторъ вдругъ измѣняетъ тонъ своей рѣчи, панегирикъ обрывается и докторъ позволяетъ себѣ, и даже *находитъ нужнымъ*, отбросивъ всякую церемонію, выразиться довольно круто, чтобы не сказать дерзко, о о чемъ бы вы думали, читатель или читательница? О прекрасномъ полѣ. Судите сами. «Тѣмъ не менѣе,» продолжаетъ докторъ Руссдорфъ (стр. 101), «должно сказать, что слухъ, выражаясь безъ церемоній, только *глупое чувство*, которое, по-крайней-мѣрѣ взятое само по себѣ, не можетъ служить для важныхъ отправленій. Его слабость непременно должно подкрѣплять — это *женщина* между человѣческими чувствами и необходимый для нея сотоварищъ — *глазь*....» И такъ, потому только, что уху, какъ и *женщинѣ*, необходимъ сотоварищъ, *уху глупое чувство*; слѣдовательно, по мнѣнію г. ученаго доктора и *женщина*.... Намъ не выговорить этого слова. И съ такими воззрѣніями, съ такими противорѣчіями и фразерствомъ авторъ подъ конецъ книги (стр. 134) изъявляетъ желаніе, «*чтобы этотъ очеркъ произвелъ на читателя благодѣтельное впечатлѣніе гармоніи, которая настраиваетъ душу и духъ и природу*..... и такъ дажѣ, все въ томъ же тонѣ. *Pia desideria, doctissime!*

Зоологія Мазіуса и сочиненіе г-на Руссдорфа, сравниваемыя относительно достоинства ихъ, совершенные антиподы. Мы назвали фізіологію Руссдорфа портикомъ, неудачно пристроеннымъ къ изящному зданію; но вѣриже было бы сравнить эту книгу съ длиннымъ, предлинно-темнымъ, наскоро изъ разнаго матеріала сколоченнымъ корридормъ, которымъ идешь, идешь ощупью, спотыкаясь, шатаясь, зацѣпляясь, кое-гдѣ попададая въ струю свѣта, бьющую въ разсѣлины, идешь и вдругъ выходишь на обширную эспланаду, съ которой зрѣнію откры-

ваются со всѣхъ сторонъ прелестные виды, одни лучше другихъ. Вотъ впечатлѣніе, испытанное нами, когда мы перешли отъ сочиненія д-ра Руссдорфа къ зоологій д-ра Мазіуса; и нельзя не согласиться, что сочиненіе послѣдняго значительно выиграло отъ сопоставленія съ произведеніемъ перваго. — Указавъ въ введеніи своемъ на различіе между органическими формами жизни и неограниченными тѣлами, авторъ излагаетъ вкратцѣ физиологію животнаго организма. Этотъ отдѣлъ заключаетъ въ себѣ всего 36 страницъ, и потому, само-собою разумѣется, нельзя ожидать, тѣмъ менѣе требовать, чтобы въ немъ физиологія была изложена съ большими подробностями, нежели у Руссдорфа, посвятившему этой тѣмѣ 114 страницъ, тѣмъ болѣе, что сочиненіе послѣдняго приложено къ зоологій именно съ тою цѣлью, чтобы изложить и пояснить *подробно* то, что у Мазіуса только вкратцѣ очерчено или слегка, мелькомъ указано. Пособіе, какъ мы уже видѣли, плохое, тѣмъ болѣе, что оно часто совершенно противорѣчитъ воззрѣніямъ Мазіуса; справедливо или нѣтъ, но противорѣчитъ. Такъ, по Руссдорфу, *въ морѣ нѣтъ ничего мертваго*; а по Мазіусу, безчисленныя формы природы раздѣляются на *безжизненные тѣла и живыя*; въ каменіи нѣтъ явленій жизни; минералъ *символъ оцѣнительнїя среди окружающаго его живаго*. По Руссдорфу — теплота не продуктъ горѣнія, но ощущеніе происходящей въ каждой частицѣ тѣла жизненной химической (біохимической) дѣятельности; по Мазіусу — теплота происходитъ въ слѣдствіе окисленія, сгаранія въ тѣлѣ углерода, есть продуктъ горѣнія. По Руссдорфу, углекислоту нельзя считать ядомъ, по Мазіусу это губительный ядъ. Но довольно и этого чтобы показать въ какой степени гармонируютъ между собою сочиненія гг. ученыхъ докторовъ. Не смотря на краткость физиологическаго очерка д-ра Мазіуса, нѣкоторые отдѣлы, на примѣръ, кровообращеніе и дыханіе, изложены въ его сочиненіи гораздо яснѣе, нежели у Руссдорфа, и вообще весь этотъ отдѣлъ отличается болѣе нагляднымъ изложеніемъ предмета и легче усваивается памяти, потому что вниманіе читателя привлекается искуснымъ выборомъ самыхъ интересныхъ и поразительныхъ фактовъ. Упомянувъ вкратцѣ о геологическихъ формахъ животнаго царства, Мазіусъ приступаетъ къ сущности предмета, къ классификаціи и частному описанію животныхъ, и тутъ уже достигаетъ высоты, недостигаемой для Руссдорфа. Въ классификаціи своей авторъ не придерживается исключительно одного изъ извѣстнѣйшихъ зоологовъ, но для cadaго изъ глав-

ныхъ отдѣловъ выбираетъ самую простую, удобопонятную, естественную систему и затѣмъ описываетъ самыя характеристическія формы каждаго отдѣла. Не останавливаясь на подробномъ изложеніи абстрактной ученой характеристики, предоставляемой имъ болѣе научнымъ руководствамъ, авторъ старается представить каждый типъ наглядно, рисуя картину его жизнедѣятельности съ ея естественною обстановкою. Хотите ли вы, на примѣръ, ознакомиться съ хищными птицами? Авторъ остерегается возбудить въ васъ зѣвоту научными опредѣленіями, онъ вводитъ васъ прямо въ залу зоологическаго музея и рисуетъ впечатлѣніе, которое производитъ на посѣтителя неожиданный переходъ отъ чудныхъ и красивыхъ птицъ къ мрачному и сильному отряду хищныхъ.

«Даже совершенно несвѣдующій человекъ тотчасъ бы узнать, что онъ находится предъ тиранами воздушнаго царства. Большое, стальное тѣло ихъ, которое гордо опирается на ногу, густо покрытую перьями, и представляется наблюдателю почти въ стоячемъ положеніи, указываетъ уже дикость хищнаго животного. Но пусть обратятъ вниманіе на подробности; пусть посмотрятъ на сплюснутый черепъ, подъ выдающеюся бровяною костью котораго блеститъ глазъ, — пусть разсмотрятъ этотъ сѣрый глазъ съ острымъ, холодно-жестокимъ взоромъ, этотъ угрожающій изгибъ клюва, который облекается желтою восковицею въ видѣ металлическаго кольца, жесткія перья крыльевъ, люто разставленныя когти, и тогда вѣрно всякій сознается, что такой наружный видъ и такое вооруженье съ предусмотрительною щедростью, созданы для уничтоженья. И все-таки этотъ образъ не полонъ. Чтобы его получить вполне, нужно видѣть хищную птицу, когда она на волѣ употребляетъ въ дѣло свое оружіе. Она носится на страшной высотѣ, въ видѣ черной точки, едва видимой глазу. Она неподвижно поконится на прозрачномъ воздухѣ, обозрѣвая пронизательнымъ взоромъ свое царство; потомъ гордо и безъ шума большими кругами подымается въ синеву, вверхъ, для того, чтобы снова остановиться и снова стеречь добычу. Вдругъ раздается осиплый сильный крикъ; хищникъ отбрасываетъ назадъ свои крылья и съ расширенной пастью, съ высунутыми когтями, съ быстротою молніи бросается на жертву и медленно высасываетъ ея теплую кровь (стр. 163) и т. д. Картинно и вѣрно. Посмотрите на волка, который, едва отличаясь отъ собаки, не смотря на то, злѣйшій врагъ ея (стр. 72): «Онъ совершенно похожъ на большую пастушью собаку, между

прочимъ, и желтовато-бурою шерстью, но опущенный крестецъ, и косою коварный взглядъ (волчій взглядъ) придаютъ ему характеръ коварной дикости, напоминающій гіену. Это самое кровожаднѣйшее и, послѣ медвѣдя, самое сильное изъ нашихъ хищныхъ животныхъ. Всѣ его чувства изощрены для прозорства; его сторожкое ухо издали слышитъ бѣгущую по снѣгу ланя, его бурые глаза свѣтятся въ ночи красными кольцами, его обоняніе чуетъ лошадь, да и всадника въ пустынной степи. Надлинныхъ, черно-пестрыхъ ногахъ онъ скачетъ такъ быстро, что ни одна борзая не можетъ за нимъ угнаться; при этомъ изъ широкой пасти выглядываютъ огромные клыки и кровожадный языкъ далеко вытянуть и болтается. Все должно служить добычею его ненасытности. Если его мучить голодъ, онъ пожираетъ мышей, лягушекъ, даже землю, ищетъ какъ шакалъ падали; однако собственно его пищу составляютъ домашній скотъ и дичь. Въ одинъ скачекъ бросается онъ на горло пасущейся лошади и повергаетъ ее на землю. Смертельная рана зияетъ широко и страшно, какъ отъ порѣза бритвы, и такъ велика сила мускуловъ его, что онъ даже зарѣзаннаго лося спокойно уноситъ въ пасти. Когда онъ щелкаетъ своими желѣзными зубами, то звукъ этотъ поражаетъ ухо почти какъ пистолетный выстрѣлъ. Иногда ему не удастся вспрыгнуть на спину преслѣдуемаго животного, въ такихъ случаяхъ онъ вцѣпляется въ брюхо поднявшейся на дыбы добычи и гонитъ ее, раненную на смерть; она скачетъ часто еще нѣсколько часовъ съ вывалившимися внутренностями, до тѣхъ-поръ, пока, наконецъ упавши, не умретъ подъ его зубами. Въ виду пастуха онъ выкрадываетъ изъ среды стада овцу; съ воемъ впрыгиваетъ въ сани проѣзжаго и съ жадною человѣческой крови на-скакиваетъ на всадника...» Посмотрите... но такимъ «посмотрите» не было бы конца, если бы мы захотѣли познакомить читателя со всѣми прекрасными страницами сочиненія доктора Мазіуса, потому что авторъ ни на минуту не измѣняетъ своему плану. Благодаря его искусству, передъ глазами читателя проходитъ живая портретная галерея, въ которой каждая личность, хотя и расположена согласно съ требованіемъ общаго зоологическаго родословнаго дерева, очерчена такою художественною рукою, что рельефно отдѣляется отъ прочихъ, не утрачивая однакожь общаго съ ними фамильнаго типа. Не сдѣлается читатель, по прочтеніи книги, опытнымъ или ученымъ зоологомъ, не вынесетъ онъ изъ этого чтенія глубокихъ свѣдѣній по терминологіи

науки, но онъ закроетъ книгу, прочитавши ее до конца, съ чувствомъ того гармоническаго созвучія съ природою, которое дается такъ трудно или вовсе неувлимо одностороннему наблюдателю, анализирующему, разчленяющему созданія природы для того только, чтобы потомъ втиснуть ихъ безжизненными, поблѣкшими въ разрамленные кадры ученой классификаціи. Читатель разстанется съ зоологіею доктора Мазіуса именно подъ вліяніемъ того впечатлѣнія, которое желалъ бы произвести Руссдорфъ, приглашая читателя невольно воскликнуть: *«Какъ натуральна жизнь духа и какъ духовна жизнь природы!»*

Разставаясь съ книгою доктора Мазіуса, нельзя не пожалѣть, что онъ обработалъ различные отдѣлы зоологіи не съ равною любовію. Представивъ первые четыре класса, млекопитающихъ, птицъ, земноводныхъ и рыбъ, публикѣ, какъ любимыхъ дѣтищей своихъ, онъ обошелся съ прочими какъ суровый вотчимъ, показываетъ ихъ какъ будто не хотя, въ отдаленіи, довольствуясь только общими очерками ихъ и рѣдко вдаваясь въ неудовлетворительныя подробности. Зоологія его — зоологія позвоночныхъ животныхъ и намъ остается просить гг. компаніоновъ, чтобы они перенесли свою дѣятельность на болѣе обширное поприще, хорошенько осмотрѣлись и подарили бы русскую литературу дополненіемъ къ зоологіи Мазіуса, книгою, въ которой также краснорѣчиво и картинно были бы изображены и выведены на сцену личности остальныхъ двухъ отдѣловъ зоологіи, отдѣла членистыхъ животныхъ и отдѣла брюшнстыхъ. Слѣдовало бы сказать еще нѣсколько словъ о политипажахъ, которыхъ особенно много при сочиненіи Мазіуса, если бы можно было упомянуть объ этихъ пустыхъ вышетенкахъ, недостойныхъ текста, не говоря худаго слова о книгѣ, которая по мнѣнію нашему — безусловно хороша.

Физика и метеорологія, общепонятно изложенныя *Коппе*. Переведено съ нѣмецкаго, подъ редакцію А. Л. Боровскаго. Со многими политипажами. Санктпетербургъ 1860. Въ 8-ую д. л. страницъ 308 и V. Цѣна 1 рубль 50 к. съ пересылкою 2 рубля сер. Изданіе торговаго дома Струговщикова, Похитонова и Водова.

Тексту предшествуетъ 12-ти строчное объявленіе или предисловіе, въ которомъ редакторъ предупреждаетъ читателя: 1) что сочиненіе Коппе принадлежитъ къ такому роду руководствъ, въ которыхъ у насъ чувствуется еще большой недостатокъ; 2) что

книга приспособлена ко всякому пониманію; 3) что она не лишена при этомъ необходимой полноты; 4) что она по этому можетъ служить съ пользою руководствомъ въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ; 5) что изложеніе въ ней предмета занимательно; 6) что она можетъ служить полезнымъ чтеніемъ для желающихъ припомнить предметъ и поставить себя въ уровень съ современнымъ состояніемъ науки; 7) что книга встрѣтила большое сочувствіе со стороны нѣмецкой публики и 8) получила одобреніе Гумбольдта! Excusez du peu. Каждого изъ этихъ пунктовъ уже было бы достаточно, чтобы сдѣлать книгу замѣчательнымъ явленіемъ въ русской литературѣ; оправдайся притязаніе на дѣлѣ, и оно вмѣнитъ рецензенту въ обязанность занять подъ опроверженія и доказательства лишнюю страницу въ журналѣ, вмѣсто того, чтобы ограничиться краткимъ приговоромъ книгѣ.

И прежде всего о притязаніяхъ на занимательность. Чтобы сдѣлать изъ учебника книгу занимательную, книгу для чтенія, необходимо, кажется, чтобы изложеніе предмета подходило какъ можно ближе къ формѣ разсказа или бесѣды; чтобы факты были сообщаемы ясно, увлекательно, послѣдовательно; чтобы они, не утомляя читателей, усвоивались ему по мѣрѣ самаго чтенія, не требуя усидчиваго изученія каждаго періода, котораго требуетъ такъ часто сжатость слога учебной книги. Само-собою разумѣется, что при такомъ изложеніи, по-мимо прочихъ условій популярной и занимательной книги, сочиненіе Коппе должно бы быть очень обширно; и кто только знакомъ съ дѣломъ, найдетъ уже заранѣе программу невыполнимою, узнавъ, что въ книгѣ всего 308 страницъ. Изложить на 308 страницахъ полный курсъ физики популярно, занимательно, подъ форму разсказа, — рѣшительно невозможно, а между тѣмъ только при этой формѣ возможно сдѣлать изъ физики книгу для чтенія, и притомъ принаровленную ко всякому пониманію. Не менѣе спорны притязанія книги на полноту. Само-собою разумѣется, что если бы дѣло шло только о популярной книги, назначенной для женскихъ заведеній, то мы не позволили бы себѣ оспаривать этого притязанія, потому что полнота — понятіе довольно относительное, и, во всякомъ случаѣ, руководство, изложившее главные факты науки, могло бы считаться полнымъ; но тутъ рѣчь идетъ о томъ, чтобы поставить въ уровень съ современнымъ состояніемъ науки читателя, уже знакомаго съ предметомъ. Если сообразить, что въ послѣднее пятилѣтіе физика не сдѣлала особенно-великихъ открытій, и успѣхи ея преимущественно состоятъ въ приложеніи зако-

новъ ея къ технологіи, то отзывъ редактора заставляетъ предполагать въ книгѣ множество подробностей, несомвѣстимыхъ съ популярнымъ изложеніемъ при краткости объема учебника. Можно ли ожидать этихъ подробностейъ при популярномъ изложеніи оптики на 68-ми страницахъ и теоріи электричества на 50-ти. И дѣйствительно, для читателя, знакомаго съ предметомъ, опущены факты важные и интересные. Въ статьѣ о маятникѣ не упоминается о независимости направленія плоскости качаній маятника отъ движенія подставки, объ открытіи, на которомъ основано одно изъ убѣдительнѣйшихъ доказательствъ вращенія земли около оси. Въ статьѣ о звукѣ нѣтъ и помину о графическомъ изображеніи звучныхъ волнъ и возможности установить математическ-звѣрный камертонъ. Излагая теорію теплорода, авторъ не говоритъ ни слова о новой, простѣйшей и вѣрнѣйшей теоріи образованія града. Принимаемая новѣйшими физиками теорія тождественности свѣта, теплоты, электричества и магнетизма и доводы въ пользу этой теоріи оставлены безъ вниманія. Многочисленныхъ приложений физики къ технологіи какъ не бывало. Правда, редакторъ обѣщаетъ выдать ихъ особою книгою, но въ такомъ случаѣ, какую же цѣну можетъ имѣть книга Коппе для читателя, знакомаго съ предметомъ? Мысль слѣдять всѣмъ приложениямъ физики предметомъ особой книги, мысль несчастная, потому что она ищетъ книгу необходимой полноты, вопреки аттестаціи г. редактора. Благодаря этому дѣленію, ученицы не получаютъ никакого понятія о гальванопластикѣ, электрическихъ телеграфахъ, паровыхъ машинахъ, между тѣмъ какъ въ книгѣ говорится о приложеніи гальванизма къ *зажиганію минъ*, и не упоминается ни слова о возможности свѣсить вѣрно тѣло на невѣрныхъ вѣсахъ; а вѣсы, зачѣйте себѣ читатель, самое важное, говоритъ авторъ, приложеніе рычага, полезное *особенно для физиковъ!* — Мы находимъ на первыхъ же страницахъ, на 17-ой, образчикъ всѣхъ достоинствъ, вчисленныхъ г. редакторомъ, и представляемъ этотъ отрывокъ читателямъ, какъ *доказательство справедливости нашего мнѣнія* о книгѣ Коппе.

«Непроницаемость. Пространство, занимаемое какимъ-либо тѣломъ, не можетъ быть занято въ то же время другимъ тѣломъ. Это свойство тѣлъ называется ихъ *непроницаемостію*. — Тѣло можетъ быть вытѣснено изъ занимаемаго имъ пространства другимъ тѣломъ, можетъ быть перемѣщено на другое мѣсто, и уступить свое мѣсто другому тѣлу, вытѣснившему его; но невоз-

можно, чтобы два тѣла занимали въ одно и тоже время одно и тоже пространство. Если тѣло подвергается значительно сильному давленію, то оно, конечно, можетъ быть уменьшено въ своемъ объемѣ и можетъ занять мѣньшее противъ прежняго пространство; такъ-напримѣръ, воздухъ можетъ быть сжатъ въ цилиндрѣ плотно входящимъ поршнемъ и уменьшаемъ въ объемѣ по мѣрѣ увеличенія давленія, но во всякомъ случаѣ, какъ бы плотно поршень ни прилегалъ къ стѣнкамъ цилиндра, такъ-что сжимаемый воздухъ никакъ не могъ выходить по сторонамъ сосуда, всегда въ цилиндрѣ останется пространство, занятое сгущеннымъ воздухомъ; намъ никогда не удастся прижать поршень къ самому дну цилиндра.» — И такимъ образомъ, такимъ тяжелымъ слогомъ изложена вся физика. Спрашивается, что тутъ занимательнаго, увлекательнаго? Самое *опредѣленіе непроницаемости* неудовлетворительно, какъ скоро авторъ, не предупредившій читателя, что непроницаемость есть *свойство матеріи тѣла*, а скважность *свойство тѣла*, говоритъ, въ статьѣ *о послѣдней*, что *ни одно тѣло не наполняетъ, однако, своей матеріей всего занимаемаго имъ пространства*; что дерево, камни вбираютъ въ себя воду, и приводятъ извѣстный опытъ флорентійской академіи съ полыми золотыми шарами, наполненными водою. И какимъ опытомъ доказываетъ авторъ непроницаемость воздуха! Онъ доказываетъ это свойство тѣмъ, что плавающий на поверхности воды поплавокъ съ горящей на немъ свѣчю, покрытый стекляннымъ колпакомъ, погружается со свѣчю ниже уровня вѣшной воды, при опущеніи колокола до самаго дна сосуда. Но развѣ такой опытъ можетъ быть убѣдительнъ для учащихъ физикѣ, какъ скоро они увидятъ, что подъ конецъ опыта, вслѣдствіе истребленія кислорода воздуха горѣніемъ свѣчи подъ колоколомъ, вода поднимется въ послѣднемъ и займетъ около пятой части его полости; фактъ, доказывающій повидимому или ошибку со стороны учителя, или ошибку, недосмотръ въ производствѣ опыта или, наконецъ, проницаемость или воздуха или воды. Что это за опытъ, требующій, для объясненія физическаго факта, въ подмогу себѣ пѣлую лекцію изъ химіи, которой, однакъжъ, г. Коппе не читаетъ, такъ-что опытъ его рѣшительно ничего не доказываетъ. Что, если бы мы, доказывая непроницаемость тѣлъ, накрыли плавающий на теплой водѣ поплавокъ стекляннымъ колпакомъ, наполненнымъ углекислотою? Втеченіе первыхъ минутъ мы торжествовали бы; но когда, по охлажденіи своемъ, вода поглотила бы углекислоту и наполнила весь колоколъ, торжество перешло

бы на сторону учащихся, и мы были бы принуждены, для поддержанія нашего авторитета, броситься въ химию и прочитать цѣлую лекцію объ углекислотѣ. Чтобы сказали на такой опытъ г. Коппе и Боровскій.

Короче сказать, трудно отыскать въ физикѣ Коппе страницу, которую нельзя было бы подвергнуть справедливому нарѣканію или относительно изложенія или относительно слога. Если бы г. редакторъ сказалъ, что переведенная подъ его надзоромъ физика только краткій учебникъ, который можетъ служить руководствомъ для изученія общихъ началъ физики и принести пользу, какъ конспектъ для повторенія пройденнаго краткаго курса этой науки, мы согласились бы съ г. Боровскимъ и въ нѣсколькихъ словахъ покончили бы съ его переводомъ. Только притязанія его заставили насъ войти въ болѣе подробное изслѣдованіе вопроса, на сколько они справедливы, и извести учебникъ г. Коппе на приличное ему мѣсто, весьма незавидное. Но какъ же согласить съ нашимъ отзывомъ одобреніе, котораго удостоилось сочиненіе со стороны Гумбольдта? Это одобреніе доказываетъ: во-первыхъ, что потребности нѣмецкой публики отличны отъ потребностей русской и что оригиналъ явился въ свѣтъ съ меньшими притязаніями, нежели переводъ его, съ чѣмъ *можетъ* согласится г. Боровскій; во-вторыхъ, что переводъ гораздо ниже оригинала, съ чѣмъ *вѣроятно никакъ не согласится* г. Боровской и, въ-третьихъ, что знаменитому ученому не было извѣстно руководство г. Писаревского, съ чѣмъ *долженъ будетъ согласится* г. Боровскій.

В. ХАНКИНЪ.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Die Götterwelt der deutschen und nordischen Völker, v. W. Monnhardt; Erster Theil: Die Götter; Berlin. 1860.

«Германская мифология преимущественно способна къ выясненію сущности мифовъ и къ изслѣдованію первобытной исторіи человѣчества, такъ-какъ она доставляетъ наукѣ сравнительной мифологіи самое удобное орудіе». (Стр. 3). Читая эти слова ученаго берлинскаго мифолога, мы живо вспомнили совершенно подобныя слова нашего соотечественника, недавно умершаго Щепкина, который въ своемъ неконченномъ сочиненіи «Объ источникахъ и формахъ русскаго баснословія», на страницѣ 21-й, говоритъ: «Русская баснь оказывается единственною областью мифическою, гдѣ, при настоящемъ положеніи ученыхъ средствъ, возможно рѣшеніе мифа, общее всѣмъ языкамъ и народамъ». — Что это? ученый патріотизмъ? національная наука? оптический обманъ? — Осторожный Нѣмецъ говоритъ *преимущественно*, порывистый Славянинъ — *единственно*. И каждый изъ нихъ считаетъ обѣдныя отрывочныя мифическія преданія своей родины, занесенныя тысячелѣтнимъ слоємъ другихъ вѣрованій, выросшихъ на далекой почвѣ, преданія сохраненныя въ словѣ, въ поговоркѣ, въ предразсудкѣ, важнѣе роскошной мифологіи Индіи, изящнаго Олимпа Эллиновъ, патетическаго величія скандинавскихъ божествъ. Съ перваго взгляда это можетъ показаться страннымъ, не научнымъ, но въ сущности, начало принятое обоими названными писателями есть именно проявленіе новаго, истинно-научнаго взгляда на религіозныя вѣрованія. Конечно оба они увле-

каются. Не наше дѣло теперь говорить объ увлеченіяхъ покойнаго русскаго ученаго, видѣвшаго повсюду лишь мнѣя, происшедшіе отъ историческаго измѣненія значенія словъ; по необдѣланному первому труду нельзя судить даже приблизительно, на чемъ бы остановился и какія уступки мнѣнію другихъ ученыхъ сдѣлалъ бы г. Щепкинъ, если бы судьба позволила ему продолжать свою ученую дѣятельность. Что Мангардтъ увлекается иногда патріотизмомъ, это видно уже изъ того, что онъ рѣшается въ эстетическомъ отношеніи ставить грубые и туманные образы скандинавскихъ боговъ рядомъ съ богами Илиады. Что касается до исключительности, которая побудила нашихъ ученыхъ поставить свой народъ на первое мѣсто, то она — необходимое слѣдствіе преимущественнаго знакомства съ языкомъ и обычаями своихъ соотечественниковъ. Дѣйствительная теорема мифологіи, которую стремятся они оба доказать соединенными силами и не они только, а многіе ученые своими частными трудами, — это теорема, чуждая всякой національности, какъ всякая истинно-научная теорема. Она состоитъ въ слѣдующемъ. *Для научнаго пониманія мифовъ несравненно важнѣе изученіе повѣрій народныхъ, какъ существующихъ въ видѣ предразсудковъ, такъ и закрѣпленныхъ оборотами рѣчи, цѣль обработанныхъ системъ, развившихся въ преданіяхъ жрецовъ, въ гимназахъ и поэммахъ поэтовъ, въ системахъ мыслителей.*

Религіозныя системы, въ которыхъ божественныя личности обособились совершенно, такъ что допускаютъ пластическую и поэтическую индивидуальность, — это роскошныя цвѣтки общественной мысли, развернувшіяся, при особенно удобныхъ обстоятельствахъ, вслѣдствіе тысячи содѣйствовавшихъ тому причинъ климатическихъ, экономическихъ, политическихъ, наконецъ вслѣдствіе развитія личностей, одаренныхъ изящнымъ вкусомъ и творческою фантазіею. Все это вмѣстѣ усложняетъ до такой степени изслѣдованіе процесса созданія религіознаго образа, что ученый отступаетъ предъ вопросомъ или прибѣгаетъ къ гипотезамъ, предполагающимъ особенное чудесное сообщеніе съ міромъ ни къмъ невиданныхъ существъ, или не бывалое, не естественное состояніе впечатлительности, для которой въ современномъ человѣчествѣ нѣтъ даже вовсе аналогіи. Но современная наука внесла въ изученіе религіозныхъ системъ нѣсколько весьма важныхъ началъ. Во-первыхъ начало *историческое*: стройныя религіозныя системы имѣли свое развитіе; онѣ не только боролись между собою, смѣняя другъ-друга, но онѣ росли, развивались изъ грубого состоянія въ болѣе обдѣланное, изящное, изъ смутной массы

вырабатывались группы и отдѣльные образы; исторія записала борьбу разныхъ развившихся системъ между собою и борьбу религій съ наукою и философіею, но это только послѣдній фазисъ жизни языческихъ религій; ему предшествуетъ періодъ, когда наука и философія перерабатываютъ религію, измѣняя ее на столько, на сколько это можно. До разрыва между ними научные факты, философское мышленіе, религіозныя вѣрованія, жизненныя потребности составляютъ одну безразличную массу народной умственной жизни. Самая борьба системъ разныхъ религій представляетъ, при внимательномъ историческомъ разсмотрѣніи, политическое, нравственное значеніе; но переходя къ началамъ обихъ вѣрованій, мы находимъ въ нихъ того и другаго весьма близкія между собою представленія, и тѣмъ болѣе близкія, чѣмъ далѣе мы можемъ идти по источникамъ, намъ доступнымъ. Въ періодъ когда религія, философія, наука и жизнь еще не раздѣлились между собою, мы большею частью и въ умственной жизни національностей находимъ лишь климатическія или географическія различія.

Это приводитъ насъ ко второму важному началу мифологій, къ *психологическому*: объясненіе мифовъ въ ихъ первобытномъ состояніи должно искать въ общечеловѣческихъ впечатлѣніяхъ, представленіяхъ, побужденіяхъ. Данныя для языческаго религіознаго творчества были по всей вѣроятности: во-первыхъ та же природа, тѣ же душевныя способности, тѣ же житейскія потребности, которыя человѣкъ имѣетъ и теперь передъ собою и въ себѣ; во-вторыхъ слова, сохранившія въ себѣ впечатлѣнія, представленія, побужденія прежнихъ поколѣній; далѣе мпы уже ими созданныя; къ этому присоединялись новыя научные факты, новыя житейскія потребности, новыя философскія воззрѣнія; наконецъ историческая жизнь общества въ своемъ развитіи требовала соотвѣтственнаго измѣненія вѣрованій общества или инаго пониманія прежнихъ преданій. Эти элементы лежали въ основаніи большей части мифовъ, — это положительно. Эти элементы присутствовали всегда и вездѣ, — это неоспоримо. Эти элементы достаточны для объясненія происхожденія и развитія многихъ вѣрованій, — это доказано. Къ чему же искать еще гипотетическихъ, ни къ чему незамѣчаемыхъ въ наше время, началъ для мифологій? къ чему чудесное *дѣйствіе* человѣчества, когда достаточно его *начальнаго невѣжества*? Въ разнообразіи психическихъ явленій, особенно же въ разнообразіи впечатлѣній, получаемыхъ отъ вѣшняго міра, мы откроемъ много вѣроятныхъ сближеній для

исторіи мифовъ. Только должно мысленно выдѣлнить изъ нашего взгляда на себя и на природу то, что мы внесли изъ дѣтскаго ученія, что многимъ кажется естественнымъ лишь вслѣдствіе ранняго усвоенія, но что въ сущности есть результатъ долгой и трудной умственной работы поколѣній.

Но когда мы приняли историческое и психологическое начало для мифологій, мы замѣчаемъ, что въ полныхъ обработанныхъ системахъ мифологій, намъ очень трудно открыть первоначальное состояніе вѣрованій. Изыщные мифы вытѣсняли грубые представленія; первобытныя формы сглаживались, сплетались въ новыя группы въ позднѣйшія времена; требованія вкуса и нравственныя воззрѣнія искажали простое пониманіе древности; однажды закрѣпленные словомъ рапсода или барда, рѣзцомъ художника, внесенныя въ каноническую книгу жрецовъ, боги не терпѣли своего прошедшаго, гнали его какъ ересь или перетолковывали какъ иносказаніе. Самое письмо, передающее намъ пзвѣстіе о древнихъ мифологіяхъ, выражаетъ намъ мнѣніе величайшей умственной аристократіи древности — *грамотныхъ* людей, которые составляли кружокъ уже выработавшій взглядъ на вещи несравненно высшій, чѣмъ общество ему предшествовавшее, не знавшее грамоты. Какъ же тутъ быть? не оставить ли въ сторонѣ вопросъ о происхожденіи мифовъ, какъ неразрѣшимый, и не сплести ли картину произвольныхъ гипотезъ надъ временами, не оставившими памятниковъ и слѣдовательно *покрытыми мракомъ неизвѣстности*.

Вотъ тутъ-то и выказывается важность простонародной жизни и прѣстонародныхъ преданій надъ стройными системами. Кружокъ грамотныхъ людей, образованныя сословія, проповѣдники изящныхъ легендъ и нравственныхъ мифовъ, философскіе мыслители, великіе ученые — все это жило, дѣйствовало, писало и спорило, дралось, торжествовало и погибало въ высшихъ сферахъ, въ высшихъ сословіяхъ; вся записанная умственная исторія человѣчества, — это исторія незначительнаго меньшинства. Масса народа, всегда бѣдная и грубая, неразвитая умственно, нравственно и эстетически, оставалась чужда блестящей эпопей боговъ. Масса народа повторяла слова молитвы, сочиненной мыслителями и восторженными пророками, она ходила во храмы, наполненные драгоценными приношеніями, мистическими символами, изящными произведеніями искусства, предъ ней совершались таинственные обряды, съ которыми жрецы и мыслители соединяли иносказательный или философскій смыслъ; но она вносила

во все, что видѣла, слышала, совершала сама, другой, для нея единственно доступный смыслъ. Она приурочивала заученныя слова, привычныя образы къ своему взгляду на вещи. Она, даже достигнувъ грамотности въ своемъ большинствѣ, оставалась все далеко отъ круга возрѣвнѣй умственной аристократіи и потому хранила свято старинныя преданія, примѣняя къ нимъ свое новое знаніе. Она, наконецъ, участвовала въ религіозныхъ спорахъ, войнахъ и революціяхъ образованнаго меньшинства, но понимала девизы и различіе партій и сектъ по своему.

Конечно и весь народъ не оставался совершенно неподвиженъ въ своихъ убѣжденіяхъ. Въ массу его вѣрованій проникали частію представленія изъ вѣрованій высшаго слоя; они обогащали народное изображеніе новыми формами, новыми словами, но на умственное содержаніе, подобныя приобрѣтенія имѣли мало вліянія. Было также другое, болѣе благотворное вліяніе — вліяніе науки, данныя которой по немногу проникали въ народъ, подымая уровень общаго пониманія, и борясь съ предразсудками всѣхъ формъ, но это вліяніе было весьма медленно; школы оставались достояніемъ меньшинства и тамъ, гдѣ образованный классъ (въ послѣдній періодъ жизни Европы) пытался внести результаты знанія въ массу, то онъ прежде всего старался внести въ нее *свои* современные предразсудки, *свое* нравственно-религіозное міросозерцаніе, а положительное знаніе — естествознаніе и технологія, играло весьма малую роль въ системахъ народныхъ училищъ.

Такимъ образомъ мы имѣемъ въ низшихъ слояхъ человѣческаго общества религіозное міросозерцаніе, которое по сущности своей восходитъ къ весьма отдаленному времени, и представляетъ довольно близко первобытное, общечеловѣческое пониманіе. Правда, въ разныхъ странахъ встрѣчаемъ разнообразныя формы, заимствованныя частію изъ вѣрованій образованнаго класса, но внимательно взглядываясь въ предметъ, замѣчаемъ, какъ уже сказали выше, подъ этими формами прежнес содержаніе, болшею частію чуждое міросозерцанію, изъ котораго заимствованы формы. Поэтому изученіе народныхъ повѣрій, предразсудковъ, народнаго пониманія религіозныхъ формъ, внесенныхъ высшимъ классомъ общества, даетъ намъ незамѣнимое средство прямымъ наблюденіемъ слѣдить за явленіями весьма близкими съ тѣми, которыя происходили во всемъ человѣчествѣ, прежде чѣмъ оно имѣло свою записанную исторію, прежде чѣмъ въ различныхъ углахъ земной поверхности, при удобныхъ обстоятельствахъ развилось исключительное образованіе, подарившее міръ исключитель-

ными религиозными представлѣніями, метафизическими системами и т. п.

Этотъ отдаленный періодъ времени, съ перваго взгляда недоступный для науки, оставилъ свои неизгладимые слѣды еще въ другомъ явленіи, изученіе котораго получаетъ бѣольшую и бѣольшую важность для исторіи первобытнаго человѣчества — это языкъ. Въ оборотахъ слова, въ привычныхъ метафорахъ, въ поговоркахъ, въ припѣвѣ, иногда въ грамматической конструкціи предложенія, внимательный наблюдатель находитъ слѣды міросозерцанія давно миновавшаго общества, въ средѣ котораго естественная потребность произвела оборотъ, сдѣлавшійся впоследствии для потомковъ условною формою новой мысли. Поэтому филологія, въ самомъ обширномъ ея значеніи, является на помощь критики памятниковъ, для времени, до котораго памятники не достигаютъ, и языкъ памятниковъ открываетъ намъ историческіе факты, совершенно неизвѣстные тѣмъ самимъ, которые намъ служатъ средствомъ для этого открытія. Въ то время, какъ филологъ въ своемъ кабинетѣ перебираетъ съ новою цѣлью іероглифы слова, переданныя намъ литературою всѣхъ временъ, наблюдатель путешественникъ переходитъ изъ селенія въ селеніе, записываетъ обороты живой рѣчи, проникаетъ въ духовную жизнь народовъ и оба собираютъ точные фактическіе матеріалы для исторіи первобытнаго человѣчества; конечно, часто ложная гипотеза строится на этихъ основаніяхъ и сообщаетъ ученымъ призрачное пониманіе до-историческаго періода, но гипотезы проходятъ, а точные факты остаются. Придутъ новые изслѣдователи, ихъ критика развѣетъ современные призраки, какъ критика XIX вѣка развѣяла много призраковъ миновавшаго, а на положительныѣхъ фактахъ построится болѣе прочныя теоріи.

Мы полагаемъ, что читатели видятъ теперь причину, по которой изслѣдователи народныхъ отрывочныхъ вѣрованій считаютъ свои изслѣдованія болѣе важными, чѣмъ изученіе стройныхъ системъ мифологій, для историческихъ научныхъ результатовъ. Мифологиин Индусовъ, Иранцевъ и Семитовъ, Грековъ и Скандинавовъ доставляютъ намъ пониманіе исключительной жизни, развившейся при весьма сложныхъ обстоятельствахъ и перешедшей чрезъ личный взглядъ ряда писателей. Народныя преданія представляютъ прямое вліяніе природы и жизни, на зарожденіе религиозныхъ воззрѣній.

Но кромѣ этого начальнаго факта исторіи вѣрованій, для нея важенъ еще другой: переходъ народныхъ вѣрованій въ строй-

ныя системы. Въ этомъ случаѣ средства для наблюденія очень ограничены. Большая часть странъ, гдѣ развились древнія религіи, трудно доступны подробному изслѣдованію народнаго языка и повѣрій; къ тому же многочисленныя передвиженія народовъ смѣшали въ нихъ вѣроятно нарѣчія и преданія такъ, что въ самыхъ выгодныхъ случаяхъ, едва ли внимательный путешественникъ прослѣдитъ въ живой рѣчи и въ живомъ религіозномъ пониманіи народа отдѣльныя данныя, предшествовавшія образованію мифологій намъ извѣстныхъ. Филологія дѣлаетъ, что можно въ этомъ случаѣ, но ея средства приводятъ лишь къ гипотетической исторіи мифовъ, нуждающейся въ повѣркѣ. Въ этомъ случаѣ, весьма важны для нея заключенія по аналогіи подобной же исторіи у европейскихъ народовъ. Въ средѣ послѣднихъ мы имѣемъ двѣ религіи, образовавшіяся на народной почвѣ до христіанства, именно *друидизмъ* и *одинизмъ*. Впрочемъ первая, по мнѣнію современныхъ изслѣдователей, носитъ на себѣ явные слѣды вліянія Фиппкійскихъ поселенцевъ, и во всякомъ случаѣ въ наше время наука недовольно прослѣдила еще связь между тѣмъ, что извѣстно о догматахъ *друидизма* и народными повѣрьями, изъ которыхъ эта религія выросла. Но *одинизмъ* представляетъ для разсмотрѣннаго выше вопроса, самыя выгодныя условія. Преданія народныя въ Германіи и Скандинавіи изслѣдованы довольно удовлетворительно, особенно въ первой, чему способствовала самая раздробленность политической и ученой жизни Нѣмцевъ. Съ другой стороны двѣ Эдды представляютъ богатый матеріалъ для изслѣдованій *одинизма*, а чуждое вліяніе не могло быть значительно по самой исторіи германскихъ и скандинавскихъ народовъ. Поэтому германская мифологія имѣетъ для изслѣдователя развитія мифологіи вообще незамѣнимое преимущество въ отношеніи вопроса о развитіи стройныхъ религіозныхъ системъ изъ массы народныхъ повѣрій.

Самая наука германо-скандинавской мифологіи еще очень молода. Около 1460 г. найдена «Германія» Тацита, въ которой оказались первыя свѣдѣнія объ именахъ древнихъ боговъ разсчитываемаго племени; до XVII вѣка ученые старались сблизить бѣдныя извѣстія до-тѣхъ-поръ собранныя съ библейскою исторіею разселенія народовъ, принимали на вѣру сказки Анніа Витербскаго и безъ всякой критики создавали мифологическія теоріи по недостовернымъ памятникамъ древности, открытымъ въ разныхъ углахъ Германіи. Открытіе второй Эдды Ангримомъ Ионсономъ въ 1625 г. и первой Эдды въ 1643 г. дало первый толчекъ стро-

тому изученію самыхъ данныхъ, и въ XVIII вѣкѣ изъ среды мыслителей и невѣждъ выдаются изслѣдователи: Трогиллусъ Арнкль, Каспаръ Шюцъ и Групенъ. Но эпоху въ наукѣ европейской мѣологіи, составляетъ 1835 г., столь знаменитый и въ исторіи христіанскаго богословія. «Нѣмецкая мѣологія» Гримма положила краеугольную камень наукѣ, сблизивъ германскія вѣрованія съ скандинавскими, и указавъ остатки, или, точнѣе, основанія древней мѣологіи въ народныхъ повѣрьяхъ и обычаяхъ. Съ этого времени, мы имѣемъ многочисленныхъ изслѣдователей по различнымъ частямъ народной и скандинавской мѣологіи, къ чему присоединяются труды по сравнительной мѣологіи, позволяющіе искать въ далекихъ народахъ аналогіи явленіямъ, оставившимъ смутныя слѣды въ германской духовной жизни. Мангардтъ въ своемъ прекрасномъ трудѣ, начало котораго теперь передъ нами, даетъ весьма совѣстливо составленный результатъ того, что сдѣлано до-сихъ-поръ по германской и скандинавской мѣологіи въ ихъ органической связи. Онъ начинается съ опредѣленія достоинствъ, особенности и задачъ германской мѣологіи. Вторая глава разсматриваетъ сущность мѣоовъ вообще и законы ихъ развитія, именно: ихъ происхожденіе, антропоморфическое преобразование и созданіе мѣоническихъ системъ. Третья глава заключаетъ краткій очеркъ исторіи германской мѣологіи. Четвертая разсматриваетъ, какъ естественныя явленія послужили началами германскихъ мѣоовъ. Наконецъ четыре слѣдующія главы показываютъ, какъ эстетическіе образы боговъ *одинизма* выработались изъ религіознаго воззрѣнія на явленія природы. Слѣдующій томъ будетъ обличать демоновъ, и понятія о созданіи и о концѣ міра по германской и скандинавской мѣологіи.

Мы далеки отъ мысли передать даже вкратцѣ изслѣдованія ученаго мѣолога. Это выходило бы совершенно изъ объема, доступнаго нашему обзору. Къ тому же подробности германской и скандинавской мѣологіи интересуютъ, можетъ быть, наименьшее число нашихъ читателей. Но вопросъ объ общихъ выводахъ, сдѣланныхъ въ области этихъ мѣологіи, точно также какъ помощьюъ сравнительнаго изученія вѣрованій разныхъ странъ, не могутъ не интересовать всякаго образованнаго человѣка, потому что они бросаютъ свѣтъ на общечеловѣческія явленія періода, для котораго прежде существовали лишь гипотезы. Еще болѣе: эти изслѣдованія объясняютъ научнымъ образомъ одинъ изъ важныхъ фазисовъ феноменологіи духа человѣка вообще: образованіе и преобразование вѣрованій. Мы ограничимся здѣсь

только этими общими выводами, рекомендуя впрочем сочинение Мангардта всякому читателю, желающему выплкнуть нѣсколько подробнѣе въ частности мпощескихъ созданій челоувѣчества. Взглядъ Мангардта вполне соотвѣтствуетъ современному состоянiю науки и способъ изложенiя дѣлаетъ изъ его сочиненiя не ученую диссертацию, но общедоступное чтенiе. Можетъ быть даже въ иныхъ мѣстахъ авторъ слишкомъ стремится устранить механизмъ науки, критическое послѣдованiе мнѣнiй, изъ своего сочиненiя, и картинки, къ нему приложенныя, совершенно излишни.

Человѣкъ стремится усвоить мiръ его окружающей, и это усвоенiе происходитъ двумя путями: мыслию и дѣломъ. Понять окружающiе предметы — значитъ подчинить ихъ своей мысли. Заставить ихъ служить своимъ жизненнымъ цѣлямъ, — значитъ подчинить ихъ своей волѣ. Второе стремленiе есть психологически первоначальное, но цѣль его недостижима безъ перваго. И такъ человѣкъ стремится понять предметы, его окружающiе. Онъ наблюдаетъ ихъ, усвоиваетъ себѣ отдѣльные отрывочные факты, сближаетъ и группируетъ эти факты, дѣлитъ ихъ на разряды, замѣчаетъ въ нѣкоторыхъ неизмѣнную послѣдовательность, переходитъ отъ отдѣльныхъ фактовъ къ законамъ и, въ разнообразныхъ группахъ законовъ здѣсь замѣчаемыхъ, видитъ начало различныхъ отдѣльныхъ наукъ; наконецъ сближаетъ эти самыя науки, создаетъ систематику наукъ, и философскимъ мышленiемъ стремится въ этой систематикѣ къ пониманiю организма наукъ вообще.

Но на этомъ пути безпрестанно встрѣчаетъ онъ многочисленныя препятствiя, частью отъ него независящiя, частью нераздѣльныя отъ самого бытiя его, какъ человѣка. Рядомъ съ наблюдениемъ и воспрiятiемъ явленiй въ человѣкѣ происходятъ два рода измѣненiй, препятствующихъ точности наблюденiя, ясности воспрiятiя. Жизнь постоянно возбуждаетъ въ немъ желанiя и стремленiя; какъ эти желанiя такъ, и самыя внѣшнiе предметы производятъ въ немъ безпрестанныя измѣненiя состоянiя духа, настроиваютъ его различно. Подъ влиянiемъ настроенiя духа и различныхъ желанiй, человѣкъ дѣлается невѣрнымъ наблюдателемъ; онъ видитъ и слышитъ не все, что нужно ему въ данное мгновенiе видѣть и слышать; иногда видитъ и слышитъ несравненно болѣе дѣйствительнаго, потому что представленiе его воображенiя, возбужденнаго желанiями или эффектами, сплетается съ наблюдениемъ; иногда тѣ же причины искажаютъ наблюдение

не только количественно, но и качественно. Только долгимъ упражненіемъ, строгою критикою собственныхъ воспріятій, человѣкъ доходитъ до точнаго наблюденія, до выдѣленія того, что онъ дѣйствительно видитъ и слышитъ изъ группы впечатлѣній, получаемыхъ въ каждое мгновеніе всѣми сторонами его существа, и во многихъ отношеніяхъ никогда этого не достигаетъ.

Во всѣхъ случаяхъ, гдѣ этотъ процессъ не совершился вполне, рядомъ съ научнымъ, фактическимъ знаніемъ, становится призрачное, ненаучное знаніе, въ дѣйствительности котораго мы точно также сильно убѣждены, какъ въ дѣйствительности перваго. Это — вѣрованіе. Мать вѣритъ точно также въ несуществующую красоту и въ небывалыя душевныя достоинства своего ребенка, какъ въ его существованіе; ревнивецъ одинаково вѣритъ въ то, что его жена пріѣхала въ данное общество на свиданіе, какъ и въ то, что она находится въ этомъ обществѣ; авторъ вѣритъ въ научное, эстетическое достоинство своего произведенія точно также, какъ въ фактъ, что онъ, авторъ, написалъ это произведеніе. Но намъ ежедневно встрѣчаются факты еще болѣе поразительныя. Какъ многіе безъ всякаго умысла пускаютъ разговоръ о событіи, котораго они были очевидцами, прибавляя несуществующія подробности, сообщая фактамъ колоритъ своего воззрѣнія на эти факты, сплетая свое мнѣніе о людяхъ и ихъ дѣйствіяхъ съ самыми дѣйствіями. Здѣсь элементъ вѣрованія является въ нераздѣльномъ соединеніи съ данными наблюденія. Еще труднѣе внутреннія наблюденія. Многіе ли больные способны точно сообщить доктору свои субъективныя ощущенія? Не является ли въ ихъ словахъ фантастическая картина внутренняго процесса, гдѣ воображаемыя ощущенія искажаютъ и отбѣсняють дѣйствительныя? Если подобныя факты безпрестанно замѣчаются въ средѣ развитаго общества, пріученнаго воспитаніемъ и жизнію къ критикѣ фактовъ, то они тѣмъ обыкновеннѣе въ человѣкѣ не развитомъ. Чѣмъ менѣе научной критики, тѣмъ чаще и тѣмъ грубѣе смѣшеніе дѣйствительнаго съ воображаемымъ, знанія съ вѣрованіемъ, тѣмъ уже дѣйствительный міръ и тѣмъ шире фантастическій, тѣмъ привычнѣе воображеніе къ подсказыванію созданныхъ мотивовъ, и тѣмъ полнѣе увѣренность въ одинаковомъ достоинствѣ всѣхъ частныхъ міросозерцанія. Здѣсь, за отсутствіемъ критики разсудка, стремленія отдѣлить истинное отъ ложнаго, дѣйствительность отъ мечты, является критика вкуса, стремленіе построить знанія и вѣрованія въ одно стройное, патетическое цѣлое. Чѣмъ оно строй-

нѣе и патетичнѣе, тѣмъ оно кажется истиннѣе, тѣмъ глубже вкореняется въ убѣжденіе. Изъ фактовъ собственнаго наблюденія и разсужденія, изъ созданій собственнаго творчества и изъ массы преданій науки и фантазіи, полученныхъ на вѣру отъ другихъ членовъ общества, какъ во время дѣтства такъ и позже, составляется болѣе или менѣе изящная система міросозерцанія частнаго человѣка, то, что онъ называетъ своимъ убѣжденіемъ. Это убѣжденіе состоитъ изъ отдѣльныхъ фактовъ знанія, дополненныхъ религіознымъ вѣрованіемъ и, въ нѣкоторыхъ частностяхъ, предположеніями, которыя самъ человѣкъ признаетъ гипотетическими. Стремленіе къ цѣлости міросозерцанія есть стремленіе философское; основаніе его: факты знанія, которые предстоитъ связать гипотезами, составляютъ начало научное; религіозный же элементъ проявляется въ представленіи гипотетическаго факта дѣйствительнымъ, гипотетической связи между фактами необходимою, кажущагося рѣшенія вопроса о сущности вещи одинаково точнымъ съ научнымъ рѣшеніемъ вопроса о явленіи. Научная критика суживаетъ прочія области мысли; постоянное стремленіе внести сознаніе въ собственное мышленіе разлагаетъ наконецъ послѣднее на область факта и область гипотезы; философское научное творчество ограничивается тогда стройнымъ группированіемъ фактовъ и гипотезъ въ одно цѣлое, органически связанное, и обнимающее предметы знанія, процессъ творчества и вопросы жизни. Но невольно въ средѣ строгаго анализа и сознательнаго творчества находится уголокъ для безсознательнаго творчества, для убѣжденія, имѣющаго видъ знанія — и религіозное вѣрованіе не теряетъ своего могущества надъ духомъ человѣка *).

Мы набросили очеркъ процесса образованія вѣрованій въ отдѣльной личности, но этотъ процессъ еще усиливается отъ присутствія въ одной мѣстности бѣльшаго числа почти одинаково развитыхъ личностей, одинаково вѣрующихъ въ точность сплетенія дѣйствительныхъ наблюденій съ созданіями собственнаго воображенія. Находясь почти на одинаковой степени знанія, они служатъ одинъ другому опорой, для усиленія обоюдныхъ убѣжденій, и, трудясь всѣ вмѣстѣ надъ созданіемъ одного цѣлаго изъ

*) Само-собою разумѣется, что тутъ говорится о происхожденіи человѣческихъ путемъ языческихъ и философскихъ религій въ личности, точно также, какъ ниже въ обществѣ. Откровенныя религіи въ глазахъ вѣрующаго происходятъ другимъ путемъ.

общихъ наблюдений и гипотезъ, составляютъ безсознательно систему общественныхъ, народныхъ вѣрованій, непоколебимой общественной религіи.

Указанные факты феноменологіи духа находятъ свое приложеніе въ исторіи религіи вообще. Во всѣ времена человѣкъ былъ окруженъ природою, которая доставляла ему всѣ средства жизни, окружала его всѣми опасностями и въ тоже время своими разнообразными явленіями волновала духъ человѣка. Метеорологическія и астрономическія явленія, нераздѣльныя для неразвитаго ума, поражали всего болѣе человѣка. Онъ въ нихъ видѣлъ нѣчто преобладающее надъ его силою, нѣчто, имѣющее возможность ему оказать много добра и много зла. Но онъ самого себя сознавалъ какъ способнаго къ добру и злу относительно другихъ, слабѣйшихъ веществъ, сознавалъ что его — человѣка — можно умиловить просьбою, подарками, или раздражить противорѣчіемъ, не уваженіемъ. Воображеніе ему подсказывало, что въ этомъ страшномъ *нѣчто*, которое сверкаетъ молніею, гремитъ громомъ, летитъ бурей надъ поверхностью земли или свѣтитъ солнцемъ, разливается дождемъ, есть такія же побужденія какъ въ немъ, въ человѣкѣ. Онъ вѣрилъ, что оно, это могучее *нѣчто*, желаетъ и любитъ, сознаетъ и ненавидитъ какъ человѣкъ, что его можно раздражить, умиловить, склонить на свою сторону. Антропоматизмъ, перенесеніе внѣ человѣка человѣческихъ аффектовъ, было первымъ міросозерцаніемъ, въ тотъ періодъ, когда человѣчество, выработавшееся изъ животнаго состоянія, начало стремиться понять свои отношенія къ предметамъ природы. Определенности формъ въ этомъ вѣрованіи не было; вся природа, небо, вѣтеръ, солнце, облака, высокія горы, мрачные лѣса то сливались въ одно цѣлое, то обособлялись въ отдѣльные предметы обожанія; молитвы, жертвы, поклоненіе и прославленіе относятся въ этотъ періодъ къ предметамъ природы безъ точнаго ихъ разграниченія, съ однимъ только предположеніемъ человѣческихъ побужденій въ томъ, что окружаетъ человѣка, въ томъ, къ чему человѣкъ обращается въ данное мгновеніе. Это обожаніе природы разнообразилось особенностями ея въ различныхъ мѣстностяхъ, то переходило въ грубый фетишизмъ, въ поклоненіе предмету, одаренному чудесными свойствами, то въ сабеизмъ, въ отдѣльное поклоненіе свѣтиламъ какъ властителямъ природы, то въ обожаніе высокихъ горъ, то въ религію неба и земли, понятыхъ какъ два существа, въ любовномъ союзѣ обнимающія все сущее, и т. под.

Два общечеловѣческія явленія обозначаютъ первое дальнѣйшее развитіе этой безразличной міѳологіи, развитіе почти во всѣхъ народахъ, имѣвшее мѣсто въ до-историческія времена. Признавая преобладающее могущество предметовъ своего обожанія, человѣкъ перенесъ на нихъ еще одинъ фактъ своей внутренней жизни. Онъ сознавалъ, что не дѣлаетъ все по доброй волѣ, но многое по принужденію, что многихъ людей сильнѣйшихъ себя онъ можетъ хитростью заставитьъ поступить по его желанію; для этого лишь нужно знать нѣкоторыя обстоятельства, имѣющія на нихъ неотразимое вліяніе. Нельзя ли такимъ же образомъ отнестись къ могущественному *нлто*, присутствующему въ природѣ? Нельзя ли пайдти средства обязать его сдѣлать по волѣ человѣка, или открыть человѣку средства, неизвѣстныя послѣднему? Въ неразвитомъ умѣ вопросъ: «нельзя ли?» сопровождаемый желаніемъ, чтобы возможность существовала, необходимо влечетъ за собою предположеніе этой возможности. Человѣкъ вступаетъ въ борьбу съ таинственными силами природы; для этого надо ихъ изучать, разгадывать, открывать ихъ связь съ нашею дѣятельностью, угадывать принудительныя средства, находящіяся въ рукахъ человѣка и подчиняющія ему то, что сильнѣе его. Колдовство и гаданіе въ ихъ разнообразныхъ формахъ представляются человѣку какъ оружіе; съ одной стороны они порождаютъ миллионы предразсудковъ, цѣлый церемоніаль таинственныхъ дѣйствій, охватывающихъ всю жизнь человѣка; съ другой въ нихъ лежитъ начало будущей науки: они требуютъ болѣе точнаго наблюденія, болѣе внимательнаго изслѣдованія всего окружающаго и самыхъ внутреннихъ явленій въ человѣкѣ; ставя его въ борьбу съ силами природы, они возбуждаютъ въ немъ самоувѣренность и изворотливость ума; человѣкъ становится въ отношеніи къ природѣ уже не бессмысленнымъ существомъ, машинально веселящимся или гибнущимъ по волѣ повелителя, но хитрымъ рабомъ, который, цѣлуя край одежды казпа и осыпая его лестью, знаетъ его слабыя стороны и *заставляетъ* властителя поступать такъ, какъ ему хочется. Самая сдержанность духа, необходимая для открытія тайнъ природы, стремится устранить возмущающее вліяніе, изъ наблюденій, сдѣлать послѣднія болѣе научными.

Другой фактъ, столь же общій какъ колдовство и гаданіе, заключался въ представленіи невидимыхъ существъ, какъ причинъ видимыхъ явленій. Физиологическое наведеніе убѣждаетъ въ томъ, что путемъ къ этому служило наблюденіе гасообразныхъ веществъ. Невидимый, но осязательный вихрь послужилъ основа-

нѣмъ теоріи духовъ природы; человѣческое дыханіе, прекращающееся съ жизнью, послужило опорой теоріи человѣческихъ душъ. Это міросозерцаніе должно было тѣмъ болѣе распространиться, что, по мѣрѣ наблюденія предметовъ, человѣкъ терялъ къ нимъ уваженіе, какъ къ предметамъ. Они сдѣлались лишь посредниками между невидимыми силами и его мыслию. Міръ явился одеждою, жилищемъ, иногда тюрьмою невидимыхъ существъ, человѣческое тѣло — орудіемъ души. Предметы перестали внушать, сами-по-себѣ страхъ и уваженіе; колдовство и гаданіе употребляли эти предметы какъ орудіе, но обращались къ чему-то внѣ ихъ; изученіе ихъ сдѣлались научнѣе, наблюденіе спокойнѣе, знаніе возможнѣе. Міръ вещества сталъ безразличною областью сообщенія человѣка съ міромъ духовъ. Рядъ душъ погибшихъ поколѣній предковъ, невидимо окружилъ потомковъ и вызвалъ ихъ къ изученію исторіи. Представленіе человѣческихъ душъ невидимо живущихъ и сохраняющихъ человѣческую форму, безъ которой простой умъ не можетъ представить себѣ замощное существованіе, вело къ антропоморфизму, т. е., къ приданію человѣческихъ формъ и духамъ — оживляющимъ природу; оно было тѣмъ удобнѣе, что духи природы и духи отдѣльныхъ предметовъ, сдѣлавшись невидимыми, получили возможность принимать въ представленіи произвольную форму, существенно отличную отъ формы предметовъ, которыми эти духи владѣли. Этотъ антропоморфизмъ, прибавленный къ прежнему антропатизму, далъ возможность болѣе эстетическому воззрѣнію на міръ. Человѣческія существа, одаренныя особенными силами и невидимыя, сдѣлались предметомъ обожанія человѣка, и съ ними онъ вступилъ въ сношеніе въ колдовствахъ и гаданіяхъ, помощью словъ и знаменій, амулетовъ и заговоровъ, молитвъ и жертвоприношеній. Правда, въ различныхъ мифологическихъ преданіяхъ этотъ антропоморфизмъ смѣшанъ часто съ зооморфизмомъ; животныя наполняютъ небеса народныхъ повѣрій, даютъ свою форму фетишамъ, идоламъ природы, безпрестанно становятся на ряду съ человѣкомъ. Это явленіе можно объяснить двояко. Различіе движущагося животнаго, съ которымъ человѣку приходилось часто бороться, отъ человѣка въ первобытномъ состояніи, едва ли было весьма значительно, и весьма возможно, что человѣкъ противопоставлялъ весь міръ животныхъ какъ равноправный, тѣмъ силамъ, которыя, по его представленію, присутствовали въ метеорологическихъ, астрономическихъ и геологическихъ явленіяхъ природы; растенія большею частію служили только средствомъ кол-

довства и гаданія, амулетомъ или знаменіемъ, но не сближались съ міромъ животныхъ; лишь въ большихъ массахъ или въ огромныхъ формахъ онѣ составляли предметъ обожанія. На этой точкѣ зрѣнія возможно безразличное придаваніе человѣческихъ и звѣринныхъ формъ невидимымъ духамъ преданія и ихъ изображеніямъ. Звѣринныя формы могли даже часто служить отличительнымъ признакомъ особенныхъ свойствъ, приписываемыхъ невидимымъ существамъ отъ свойствъ человѣка. Съ другой точки зрѣнія можетъ быть филологически сближался понятія различныхъ предметовъ, вслѣдствіе подобныхъ словъ, выражающихъ подобныя же впечатлѣнія, воспринимаемая человѣкомъ отъ этихъ предметовъ; стеченіемъ времени причина сближенія была забыта; слова переставали передавать впечатлѣнія, а дѣлались условными знаками; совершенно попятное предкамъ сближеніе словъ требовало отъ потомковъ объясненія, и это объясненіе искали новыя поколѣнія не въ чуждомъ имъ научномъ наблюденіи перехода словъ, а въ мифическихъ образахъ господствующаго вѣрованія; множество филологическихъ мифовъ, въ которыхъ играютъ роль звѣри, могли получить такимъ образомъ свое начало, и едва ли другимъ путемъ удобно объяснить выборъ именно тѣхъ или другихъ животныхъ въ зооморфическомъ строеніи мифовъ. Едва ли наука въ состояніи отвергнуть которое либо изъ этихъ двухъ объясненій, какъ непмѣняющее совершенно мѣста, и едва ли она можетъ разграничить вліяніе того или другаго начала въ зооморфическихъ мифахъ. Впрочемъ должно замѣтить, что антропоморфизмъ нѣсколько проявилъ свое пзмѣняющее вліяніе и въ этомъ рядѣ преданій. Звѣринная форма является часто какъ принятая временно человѣкообразными духами и впоследствии божествамъ; ее принимаютъ и люди, владѣющіе высшими силами; она является одеждою для наказуемой или испытуемой человѣческой души въ ея странствованіяхъ; она является тюрьмою для людей, заколдованныхъ другими людьми. Человѣкъ смотритъ тутъ на звѣрей, какъ на маску чловѣкообразныхъ существъ.

Предшущія страницы обвиняютъ главнѣйшія черты общечеловѣческихъ вѣрованій, которыя находимъ у всѣхъ народовъ въ болѣе или менѣе развитой степени, съ разнообразными измѣненіями, которыя представляетъ болѣе или менѣе роскошная природа, болѣе или менѣе озабоченная жизнь, большая или меньшая впечатлительность отдѣльныхъ личностей. Выйдя изъ естественныхъ стремленій человѣка, это созданіе мифовъ не требуетъ ничего необыкновеннаго, чудеснаго, никакой способности, теперь

несуществующей въ человѣкѣ; аналогическія явленія этому первому баснословію и теперь встрѣчаются на каждомъ шагѣ, и позволяютъ заключать съ достаточнымъ вѣроятіемъ о томъ, что было прежде. На точкѣ зрѣнія этого міросозерцанія находится и теперь наибольшая масса человѣчества, даже въ самыхъ образованныхъ государствахъ. Весь міръ представляется оживленнымъ невидимыми человѣкообразными существами; подъ разнообразными именами эти существа находятся въ сношеніи съ жизнью человѣка и оказываютъ на него вліяніе; человѣкъ можетъ также на нихъ имѣть вліяніе помощью особенныхъ словъ, знаковъ, дѣйствій; есть дни, когда эти существа способствуютъ человѣку, другіе дни, когда они ему противодѣйствуютъ; есть мѣста гдѣ удобнѣе къ нимъ обращаться; есть средства помощью ихъ угадывать будущее, предотвращать несчастье, привлекать благоденствіе. Во многихъ случаяхъ человѣкъ даже не находится на этой степени обожанія человѣкообразныхъ силъ природы, но надѣется прямо дѣйствовать *симпатически*, помощью амулетовъ, заговоровъ, на неодушевленную природу. Колдовство и гаданіе подъ тысячею разнообразныхъ формъ составляютъ его отношенія къ природѣ; представленіе симпатическаго отношенія между предметами и человѣческими дѣйствіями, представленіе іерархіи невидимыхъ существъ, присутствующихъ повсюду, составляетъ его міросозерцаніе.

При удобныхъ обстоятельствахъ, на этой мысленной почвѣ, въ разныхъ мѣстностяхъ развились болѣе отдѣланныя системы вѣрованій. Нѣкоторые духи выдвинулись изъ безразличной массы своихъ собратій, правителей природы. Ихъ человѣкообразная личность получила болѣе опредѣляемые, самостоятельные атрибуты, и съ этими атрибутами врѣзалась въ воображеніе высшаго общественнаго класса. Жрецы, поэты и художники отковали подобныя личности и надъ массою духовъ возвысились божества. Мифическіе рассказы, частію происшедшіе отъ истолкованія словъ, потерявшихъ прежнее значеніе, частію отъ антропоморфическаго и антропатическаго объясненія явленій природы, частію отъ слитія событій народной исторіи съ представленіями религіи, сгруппировались около именъ этихъ божествъ. Мѣстныя и стихійныя божества, выработавшіяся изъ массы духовъ при разныхъ обстоятельствахъ, сгруппировались въ патриархальное или гражданское общество. По мѣрѣ развитія вкуса знаній и общественныхъ приличій, въ кружкѣ знающихъ, образованныхъ, властвующихъ, болѣе и болѣе проявилось стремленіе

очеловѣчить эти божества, придать имъ нравственное достоинство, художественную красоту, освободить ихъ исторію отъ всего, что, по понятіямъ новыхъ поколѣній, было несомвѣстно съ представленіемъ божества, и что еоставляло между тѣмъ невыдѣлимую особенность древней физической легенды. Миѣны измѣнялись, преобразовывались, группировались уже подъ вліяніемъ стремленій совершенно отличныхъ отъ тѣхъ, которыя образовали эти миѣны. Нравственныя и эстетическія побужденія въ нихъ проглядывали все сильнѣе, физическое значеніе забывалось болѣе и болѣе; миѣологія принимала характеръ поученія, служила національнымъ цѣлямъ, сословнымъ интересамъ; кое-гдѣ нарочно создавались миѣны для достиженія особенныхъ общественныхъ цѣлей.

Между тѣмъ въ обществѣ росло новое начало, развѣдающее миѣологію. Понятіе о божествахъ, извлеченныя изъ обособленныхъ миѣическихъ личностей, дѣлалось предметомъ человѣческаго мышленія независимо отъ этихъ личностей. Метафизическое созерцаніе овладѣвало словомъ, выросшимъ изъ дѣйствительныхъ вопросовъ жизни и знанія. Философія созидала идеалъ божества, и съ этою нормою приступала къ анализу грубыхъ представленій народа, художественныхъ личностей высшей миѣологіи. Съ насмѣшкою на устахъ мыслители разрушали общественныя кумиры и въ восторженной рѣчи прославляли своихъ отвлеченныхъ боговъ, — человѣкообразныя воплощенія логическихъ категорій, нравственныхъ принциповъ, чуждыхъ всякой дѣйствительной жизни. Миѣологія обращалась въ дѣтскую сказку или улетучивалась въ символическихъ образахъ метафизическихъ положеній, оказывалась хитросплетенною загадкою, для которой все было кончено, когда слово, подъ нею скрытое, было разгадано: Дряхлая миѣологія продолжала существовать риторическою жизнію въ привычныхъ формахъ слова или, никого уже не обольщая, продолжала служить національнымъ и сословнымъ интересамъ, ожидая лишь минуты, когда политическій переворотъ сдастъ ее въ архивъ и сдѣлаетъ изъ ея художественныхъ памятниковъ достояніе музеевъ.

Это была самая полная исторія старинныхъ религій, но немногія ея прожили вполне. Большая часть системъ миѣовъ остановилась на различныхъ ступеняхъ развитія, уступивъ мѣсто новой системѣ. Обыкновенно, когда философскій анализъ начиналъ развѣдать старое вѣрованіе, онъ не успѣвалъ охватить большинства господствующаго общества. Метафизическія божества дейс-

товъ, пантенстовъ, материалистовъ были подь силу лишь немногимъ. Остальные нуждались въ живой, художественной, чело-вѣко-образной личности, которая говорила бы воображенію, утѣшала бы въ минуту горя, поддерживала въ минуту отчаянія, которой можно было молиться. Въ подобныя историческія мгновенія выдвигаются впередъ новыя группы вѣрова-ній, охватывающія другія нравственныя и художественныя нача-ла, и выросшія на томъ же основаніи народныхъ повѣрій, но умѣвши поглотить въ себѣ самыя популярныя философскіе во-просы даннаго времени. Буддизмъ возстаетъ противу брахманизма; ианакизмъ и могамметанство заключаетъ въ себѣ разнородные элементы. Религія синкретизма, т. е., слитія разныхъ началъ; развиваетъ тогда свое знамя, группируясь около какой-нибудь замѣчательной полу-исторической личности (какъ Будда, Моисей, Могаммедъ) центра старыхъ мѣровъ, новыхъ легендъ и метафи-зическихъ тонкостей. Между ними и старыми мѣрологіями начи-нается борьба и философскія школы видятъ въ безсиліи, какъ всѣ ихъ разсужденія остаются напрасными предъ обществен-нымъ требованіемъ живыхъ мѣрологическихъ личностей. Борьба кон-чается или торжествомъ стараго, и общество замираетъ въ ока-менѣлыхъ формахъ; или новая синкретическая религія торже-ствуетъ и повторяетъ собою исторію своей предшественницы.

Но все это совершается въ высшихъ слояхъ общества. Масса бѣднаго народа остается при своемъ міросозерцаніи, котораго очеркъ мы сдѣлали выше. Только имена въ гаданіяхъ и разгово-рахъ, въ молитвахъ и заклинаніяхъ замѣняются одно другимъ или становятся рядомъ. Древнее гаданіе во имя безличнаго духа мѣстности или стихійнаго демона совершается почти также, какъ за нѣсколько тысячъ лѣтъ, но это существо, не измѣняя своего представленія, получаетъ имя, заимствованное изъ художествен-ной религіи высшаго класса, потомъ другое имя, заимствованное изъ религіи, побѣдившей первую, и т. д. Въ обрядѣ новаго бо-гослуженія простолюдинъ видитъ то же магическое заклинаніе, которое нѣкогда совершалъ его предокъ съ другими подробно-стями, но для той же цѣли. Амулеты съ новыми изображеніями стоятъ въ углу его хижины, висятъ на груди его дѣтей, выно-сятся на его поле во время засухи, но это въ его глазахъ все-таки амулеты. Онъ по прежнему стремится отыскать слова, зна-ки, предметы, которыя бы подчинили ему таинственныя силы природы; по прежнему ищетъ знаменія, чтобы разгадать буду-

щее, по прежнему между невидимыми личностями новой господствующей духовной іерархіи ищетъ себѣ защитника и покровителя, къ которому обращаетъ жертву и мольбу при каждомъ особенномъ случаѣ жизни; по прежнему несетъ шить и ѣсть невидимымъ душамъ родственниковъ; по прежнему родится, живетъ и умираетъ среди фантастическаго міра оживленной природы, находящейся въ постоянномъ живомъ сношеніи со всѣми его жизненными потребностями. Метафизическія опредѣленія заучиваются пмъ бессознательно; стройная цѣлость высшихъ религіозныхъ мпоовъ ускользаетъ изъ его воззрѣнія, а частности этихъ мпоовъ слетаются въ уродливой отрывочной формѣ съ его міросозерцаніемъ. Религіозная борьба, въ которой онъ является мучителемъ или мученикомъ, проходитъ надъ нимъ, измѣняя лишь формы, а не сущность его заклинаній магическихъ обрядовъ. Жрецы и проповѣдники разныхъ сектъ съ торжествомъ считаютъ миллионы поклонниковъ въ своихъ храмахъ, но строгій ученый, прислушиваясь къ народному говору, всматриваясь въ его дѣйствія, вдумываясь въ его воззрѣнія, находитъ подъ разнообразными формами одно и то же грубое язычество, сущность котораго восходитъ за всѣ историческія памятники и которое едва прикрывается разноцвѣтными лоскутками историческихъ религій, поставившихъ въ разные періоды свои храмы среди общества.

Противъ этого первобытнаго воззрѣнія, противъ этихъ тысячелѣтнихъ предразсудковъ оказалась бессильною проповѣдь, которая воспринималась народами лишь на столько, на сколько она могла быть приурочена къ прежнему пониманію. Противъ нихъ есть только одно средство, которое можетъ оказаться дѣйствительнымъ лишь тогда, когда его примутъ за основу народнаго обученія; это — естествознаніе и технологія. Наглядные и осязательные факты перваго, положительные результаты второй всегда понятны, доступны простолюдину и охотно имъ воспринимаются; но они должны быть чисты отъ всякой метафизической примѣси. Обогащая умъ положительнымъ знаніемъ, практически полезными данными, полуграмотный человѣкъ привыкнетъ менѣе и менѣе обращаться къ своему фантастическому воззрѣнію. Какъ неужное оно будетъ исчезать мало-по-малу, само-собою уступая мѣсто наукѣ. Въ этомъ великая сила и великая тайна истиннаго развитія. Разрушеніе предразсудковъ, явная борьба съ ними мало полезна; предразсудки мѣняютъ имена и одежды, но остаются въ душѣ. Часто оскорбленное чувство человѣка тѣмъ крѣпче

держится за свои предразсудки, чѣмъ болѣе видить ихъ осмысленными насмѣшками, оскорбленіями, порицаніями. Но успокойте духъ слушателя отсутствіемъ противорѣчія, покажите ему только наглядное простое объясненіе факта изъ сущности дѣла, не нуждающееся въ хитросплетеніяхъ мѣта, въ фантастической гипотезѣ; приучите его обходиться безъ сверхъ-естественнаго вмѣшательства заклинаній и амулетовъ; приучите его жить въ дѣйствительномъ мірѣ и только въ дѣйствительномъ; сами-собою его прежніе предразсудки покажутся ему дикими, и наконецъ его ужъ признается самъ-себѣ, какъ Лапласъ говорилъ Наполеону, что онъ «не нуждался въ этой гипотезѣ».

Впрочемъ напрасно думать, что лишь полуграмотный простолюдинъ живетъ среди фантастическаго міра и пужается въ радикальномъ заклинаніи естествознаніемъ, для разрушенія этого міра. Такъ называемое образованное общество во всѣхъ углахъ міра переполнено предразсудочнымъ настроеніемъ духа, и, при всякомъ фактѣ, нѣсколько выходящемъ изъ обыкновенной колѣи, всегда скорѣе готово обратиться къ фантастическому, чѣмъ къ рациональному объясненію. Древній міръ стихійныхъ демоновъ, невидимыхъ духовъ и т. д. еще витаетъ и въ гостиницѣ велико-свѣтской дамы, и—увы!—въ кабинетѣ много знаменитаго ученаго... Но обзоръ нашъ вышелъ уже и безъ того слишкомъ длинень, чтобы остановиться на этомъ пунктѣ. Ограничимся нѣсколькими словами. Какъ для простаго ума естествознаніе, такъ для болѣе развитаго исторія мѣстическихъ образовъ въ современномъ ея состояніи можетъ служить лѣкарствомъ отъ умственныхъ эпидемій фантастическаго свойства. Пусть въ этой исторіи общество ознакомится съ простыми началами, психологическими побужденіями того, что еще безноконть его воображеніе въ само-новѣйшей формѣ. Пусть прослѣдитъ возрастаніе и развитіе демоническихъ навожденій, фантастическихъ образовъ, чудесныхъ событій, мистическихъ вмѣшательствъ въ длинномъ рядѣ эпохъ жизни человѣчества, начиная отъ колдовства шамана до стучающихся духовъ Юма, начиная съ амулета времени Рамзеса до амулетовъ второй половины XIX вѣка, начиная съ волшебній Випину до пророковъ Винтра (Vintras), Шено и т. п. Можетъ быть сложное лѣкарство исторіи убѣжденій и естествознанія подѣйствуетъ благотѣльно на мозгъ современныхъ образованныхъ людей; послѣдній болѣе испорченъ чѣмъ мозгъ простонародья, упорно держащагося своихъ тысячелѣтнихъ пред-

разсудковъ, и которому достаточно постоянныхъ приемовъ естествознанія. Наука съ ея строгою критикою, съ ея простыми сближеніями есть единственный амулетъ отъ смѣшенія дѣйствительнаго съ воображаемымъ.

П. Л. Л.

Histoire de Marie Antoinette, par Edmond et Jules de Goncourt. Paris. 1 vol.

Исторія Маріи-Антуанетты, Е. и Ж. Гонкуръ.

Неподалеку отъ Страсбурга, посрединѣ Рейна находится маленькій островокъ, на который обыкновенно никто не обращаетъ вниманія; но 7 Мая 1770 года этотъ островокъ былъ предметомъ общаго любопытства. Изъ Страсбурга и пѣзъ окрестныхъ деревень многочисленные посѣтители покрывали берегъ рѣки: взоры ихъ были устремлены на небольшой павильонъ посрединѣ острова; но не французскіе и австрійскіе мундпыры, блестящіе золотомъ и орденами, не пышные костюмы придворныхъ дамъ привлекали взгляды народа — онъ жаждалъ видѣть нареченную супругу дофина, свою будущую королеву, которая въ это время переодѣвалась въ павильонѣ: она должна была по придворному этикету сбросить съ себя австрійское платье и, надѣвъ въ замѣнъ его французское, явиться въ этомъ видѣ посланнику новаго своего отечества — какі-будто перемена костюма можетъ измѣнить душу.

Наконецъ двери павильона растворились. Изъ нихъ показалась, при радостныхъ кликахъ и звукахъ музыки, молодая дѣвушка лѣтъ пятнадцати, высокая, стройная, но нѣсколько худощавая. Продолговатое лицо, отгнѣненное прекрасными бѣлокурыми волосами, благородный высокій лобъ, кожа ослѣпительной бѣлизны, голубые томные глаза — такова была наружность Маріи-Антуанетты.

При видѣ этого милаго ребенка, краснѣвшаго и смущеннаго торжественнымъ приемомъ, народъ забылъ въковую ненависть

къ Австріи и радушно встрѣчалъ дофинну, надѣясь отъ ней облегченія своихъ бѣдствій.

На какихъ же основаніяхъ онъ надѣялся? развило ли воспитаніе натуру Маріи-Антуанетты? можно ли было отъ ней требовать жертвованія родиною интересамъ новаго отечества? входила ли любовь на сколько-нибудь въ этотъ политическій бракъ?

Австрійскій домъ постоянно стремился къ преобладанію посредствомъ брачныхъ союзовъ. Марія-Терезія не отступила отъ этой политки и воспитывала дочерей своихъ сообразно этимъ планамъ. Давно уже она предвидѣла возможность брачнаго союза съ французскимъ королевскимъ домою и потому пригласила къ Маріи-Антуанеттѣ актеровъ Офрена и Сенвиля, для уроковъ въ произношеніи, декламаци и пѣніи, и аббата Вермонда какъ гувернера. Слѣдствіемъ этого воспитанія была внутренняя пустота, тѣмъ болѣе что сама Марія-Терезія взяла на себя трудъ обучать дочь свою лицемерію и коварной политикѣ.

Гордая успѣхами молодой дѣвушки, наружнымъ блескомъ ея образованія, она не обращала вниманія ни на ея эротическія склонности, ни на чрезмѣрное развитіе самолюбія, заставлявшее ее впоследствии пренебрегать общественнымъ мнѣніемъ.

Намъ кажется страннымъ, почему гг. Гонкуръ, говоря о воспитаніи Маріи-Антуанетты, умалчиваютъ о вліяніи его на поступки королевы? соглашаясь съ нами въ общихъ чертахъ тогдашняго воспитанія, соглашаясь въ томъ, что дофинна была воспитана по общимъ правиламъ, что аббатъ Вермондъ нисколько не отличался отъ другихъ аббатовъ — они въ тоже время находятъ, что его воспитанница усвоила себѣ только однѣ хорошія качества и восхищаются всякимъ ея поступкомъ, — неужели канцелярскій энтузіазмъ долженъ простираться такъ далеко? неужели состраданіе къ женщинѣ должно заставить забыть проступки королевы, и уваженіе къ исторической истинѣ должно уступить личнымъ интересамъ? Подобное явленіе было бы понятно во времена Лудовика XVIII и Карла X, когда за такіе труды давали пенсіи, но въ настоящее время оно служитъ новымъ доказательствомъ порчи французской бюрократіи, отличающейся поддѣльнымъ энтузіазмомъ — въ книгѣ гг. Гонкуръ громкія фразы, но нѣтъ истиннаго чувства.

Мы думаемъ, что всѣ поступки Маріи-Антуанетты объясняются сочетаніемъ въ ея характерѣ лицемерія и самообожанія: гиб-

кая и уклончивая передъ королемъ, она ни во что не ставила другихъ.

Съ самаго прибытія своего ко двору она начала разыгрывать эту двойную роль: поддѣлываться къ Лудовику XV, чтобъ подержать Шуазеля и дѣлать всевозможныя непріятности партіи графини Дюбарри и герцога Эгильона.

Руководимая совѣтами Шуазеля, она на первыхъ порахъ выпросила у короля, чтобъ Mlle de-Logtaine и князь Ламбекъ (Lambese) заняли въ брачныхъ церемоніяхъ мѣсто непосредственно за князьями крови. Это возмутило герцоговъ и въ-особенности ихъ женъ, которыя не захотѣли танцовать съ Mlle de Logtaine и возвратились въ Парижъ.

Но это негодованіе не помѣшало дофинѣ поправиться старому королю; она начинала мало-по-малу привлекать его къ себѣ; но паденіе герцога Шуазеля и процессъ Дюбарри остановили ея успѣхи. Король сталъ отъ ней отдаляться.

Съ министерствомъ Эгильона положеніе Маріи-Антуанетты стало невыносимо. Дофинъ не любилъ ея. Угрюмый, экономный, съ угловатыми манерами, онъ не могъ нравиться молодой пзяцной женѣ своей. Эта антипатія еще болѣе усиливалась шлетнями придворныхъ. Герцогъ де-Вогюйонъ, гувернеръ дофина, постоянно поддерживалъ враждебныя отношенія между супругами и, можно сказать, подслушивалъ почти каждое слово. Съ другой стороны на Марію-Антуанетту возстали тетки, особенно мадамъ Аделанда, женщина съ громадными познаніями и желѣзнымъ характеромъ; къ нимъ присоединились графини Ноаль и Марсанъ, страстныя поклонницы этикета, которымъ малѣйшее его нарушеніе казалось государственнымъ преступленіемъ. Имъ не нравились ни походка дофинши, ни ея звонкій откровенный смѣхъ, ни простота ея обращенія. Легкомысліе дочери Маріи-Терези, мѣнявшей безпрестанно своихъ любимицъ, увеличивало число недовольныхъ.

Со вступленіемъ на престолъ Лудовика XVI положеніе Маріи-Антуанетты въ отношеніи къ общественному мнѣнію не только не улучшилось, но, можно смѣло сказать, сдѣлалось несравненно хуже. Мадамъ Аделанда обладѣла совершенно королемъ; Морепанъ, сдѣлавшись первымъ министромъ, продолжалъ роль Вогюйона, общественное мнѣніе преслѣдовало *Австрійку*, сатирическія пѣсенки объ ней ходили по всему Парижу, — вліяніе ея должно было ограничиться Трианомомъ и королевствомъ моды, но и тутъ она была стѣснена скупостью короля, котораго устрашали издержки жены.

Между тѣмъ, супружеская холодность Лудовика могла имѣть вредныя слѣдствія для королевы, давая поводъ къ подтвержденію дурныхъ слуховъ, и потому она успѣшила примириться съ Марселемъ. Обрадованный министръ устроилъ дѣло и супруги примирились. Съ-этѣхъ-поръ король начинаетъ сблизжаться со своею женою и вліяніе ея возрастаетъ замѣтно. Гг. Гонкуръ не объясняютъ этого обстоятельства, хотя имъ по долгу апологистовъ королевы, слѣдовало бы опровергнуть этотъ фактъ также, какъ и приключеніе въ Реймсѣ.

Но, не смотри на то, что Марія-Антуанетта пріобрѣла наконецъ вліяніе на мужа, она не могла удовлетворять всѣмъ требованіямъ своего двора. Подруги ея были ненасытими почестями, и всякая изъ нихъ употребляла различныя средства для достиженія цѣли. Остроумную мадамъ Пикиньи смѣнила мадамъ де-Коссе, а ее — въ свою очередь княгиня Ламбаль. Итальянка по происхожденію, она присоединяла къ красотѣ своихъ соотечественницъ прелести сѣвера. Кроткая и добрая, она привлекала къ себѣ королеву столько же красотою, сколько душевными качествами и непзмѣнной привязанностью. Дружба Маріи-Антуанетты къ княгинѣ Ламбаль была такъ велика, что она выпросила для ней у короля интенданство надъ своимъ дворомъ (*surintendance de la maison de la Reine*), не смотря на оппозицію Тюрго и придворныхъ дамъ. Слѣдствіемъ этого была подача просьбъ объ увольненіи отъ должности статсъ-дамъ — мадамъ Коссе и герцогини Ноаль; въ то же время общественное мнѣніе въ Парижѣ возстало противъ издержекъ, напоминавшихъ графиню Дюбарри.

Вскорѣ новая привязанность овладѣла сердцемъ королевы — графиня Полиньякъ покорила его совершенно. Она была красива, умна, граціозна; превосходно пѣла и показывала совершенное безкорыстіе и готовность удалиться отъ двора, чтобъ избѣжать интригъ. Такое ловкое поведеніе окончательно подчинило королеву новой ея подругѣ, — скоро между ими установились самыя дружескія отношенія, безпрестанный обменъ впечатлѣній, шутки, игры, и даже борьба — милости дождемъ сыпались на новую фаворитку и скоро мужъ ея былъ сдѣланъ герцогомъ. Тогда всѣ наперерывъ бросились искать милостей черезъ королеву: Безенваль хотѣлъ создавать министровъ; Адемаръ требовалъ мѣста

*) ...des jeux où les deux amies n'étaient plus que deux femmes, et se luttant, et se battant, se décoiffant presque avec mille grâces animées se disputaient entre elles à qui serait la plus forte.

посланника въ Англіи. Водрейль — мѣсто гуверниера дофина; Діана де-Полиньякъ, сестра фаворитки, безпрестанно поджигала ихъ воспользоваться благопріятными обстоятельствами, потому что министръ Калоннъ, назначенный противъ воли Маріи-Антуанетты, былъ на ихъ сторонѣ, хотя и старался угождать королевѣ, чтобъ не потерять мѣста. Видя невозможность удовлетворить такимъ чрезмѣрнымъ требованіямъ, она обратилась снова къ мадамъ Ламбаль и составила себѣ избранный кружокъ изъ иностранцевъ.

Такимъ образомъ жизнь королевы проходила въ борьбѣ съ министрами и въ удовольствіяхъ. Видя не возможность дать преобладаніе австрійскимъ интересамъ, она отказалась отъ дѣлъ государственныхъ и занялась исключительно спектаклями, балами, прогулками и — благодѣяніями. Все это было признакомъ живучести и разносторонности ея натуры, но никакъ не слѣдствіемъ убѣжденія въ пустотѣ формъ, которыми она была окружена. Самое покровительство ея литературѣ и искусствамъ ограничивалось у ней тѣмъ удовольствіемъ, которое онѣ могли принести ей.

Замѣчательно, что всѣ талантливые люди — Неккеръ, Тюрго, были противъ нея. Лудовикъ XVI также постоянно противился участію ея въ управленіи, и если иногда и увлекался ея обольщеніями, за то впоследствии заставлялъ дорого расплачиваться за нихъ. Странное явленіе представляла она!

Лудовикъ XVI не имѣлъ любовницъ, искренно любилъ жену, а между тѣмъ ей выпала роль, которую прежде играли фаворитки: постоянно въ борьбѣ съ министрами, постоянно въ спорѣ за каждый клочекъ власти; она должна была вырывать деньги изъ рукъ короля всѣми тонкостями женскаго кокетства. Каждый годъ она истрачивала болѣе трехъ милліоновъ ливровъ и этой суммы ей не доставало. Съ негодованіемъ смотрѣла она на уменьшеніе двора и королевской гвардіи, составлявшихъ до шестидесяти тысячъ человекъ. Ее терзало это отреченіе отъ внѣшняго блеска; она не понимала чего стоила народу эта выставка королевскаго тщеславія. Она возстановила противъ себя общественное мнѣніе окончательно. Характеръ ея властолюбивый и лицемерный выразился вполне въ этотъ промежутокъ времени.

Новый случай еще болѣе усилилъ народное негодованіе. Дѣло началось въ 1784 году.

Въ это время королевскіе ювелиры Бёмеръ и Бассанжъ сдѣлали прекрасное ожерелье изъ брилліантовъ и предложили его

королевѣ. Та отказалась по недостатку въ деньгахъ. Тогда они стали прибѣгать къ разнымъ вельможамъ, чтобъ они склонили государыню приобрести это ожерелье. Въ числѣ лицъ, къ которымъ они обратились, находилась графиня де-ла-Моттъ-Вауга. Это была женщина ловкая, умная, но безстыдная и расточительная, такъ по-крайней-мѣрѣ объ ней думаютъ гг. Гонкуръ: мы представимъ дѣло по ихъ изложенію, и потомъ выразимъ наши сомнѣнія по этому предмету.

Въ Маѣ 1781 года мадамъ де-Буэнвилльеръ представила кардиналу Лудовику Рогану госпожу ла-Моттъ. Бѣдность ея тронула его и онъ помогъ несчастной женщинѣ нѣсколькими ливрами, и далъ ей совѣты, къ кому слѣдуетъ обратиться, чтобъ получить пособіе отъ двора. Мадамъ ла-Моттъ послѣдовала его совѣтамъ, и получила 1,500 ливровъ пенсін. Съ того времени начинается тѣсная связь ея съ кардиналомъ. Она разгадала его, повяла, что честолюбіе составляетъ господствующую въ немъ страсть, что онъ раскаявается въ сшлетняхъ на счетъ королевы и готовъ пожертвовать всѣмъ, чтобъ войти снова въ милость. На этихъ основаніяхъ она построила свой планъ и, увѣривъ Рогана, что она въ милости у Маріи-Антуанетты, сказала ему, что королева требуетъ отъ него письменнаго оправданія. Обрадованный кардиналъ написалъ краснорѣчивую апологію. Черезъ нѣсколько дней онъ получилъ, будто бы отъ королевы, черезъ посредство мадамъ ла-Моттъ слѣдующую записку: «Я прочитала ваше письмо и восхищена что вы невинны; я не могу еще дать вамъ аудіенціи, которой вы желаете. Когда обстоятельства позволятъ, я предувѣдомлю васъ: будьте скромны». Письмо это было поддѣлано однимъ сообщникомъ ла-Моттъ, Вильетомъ.

Съ этихъ поръ кардиналъ сдѣлался жертвой этой женщины вполне: она могла изъ него дѣлать что хотѣла: взяла у него именемъ королевы въ два раза 160,000 ливровъ для раздачи бѣднымъ, и наконецъ, видя довѣрчивость его, рѣшилась составить себѣ состояніе разомъ. Для этого она написала къ нему въ Страсбургъ, гдѣ онъ находился въ то время по дѣламъ своего вѣдомства, новое письмо отъ имени королевы. «Минута, которой я желаю, еще не наступила, но я прошу ускорить вашъ отвѣтъ, по причинѣ однихъ тайныхъ переговоровъ, лично меня интесресующихъ, которыхъ я не хочу довѣрить никому кромѣ васъ. Графиня разъяснитъ вамъ дѣло.»

Когда кардиналъ возвратился, мадамъ ла-Моттъ увѣрила его, что королева желаетъ, чтобы онъ купилъ ожерелье, и въ то же

время уведомила о томъ ювелировъ, обязавъ обѣ стороны хранить тайну. Все это сопровождалось новыми письмами.

Тогда Роганъ, совершенно успокоенный, купилъ драгоценный уборъ отъ имени королевы за 1,600,000 ливровъ съ разсрочкою платежа на два года, черезъ каждые полгода по 400,000.

Получивъ ожерелье, онъ явился въ Версаль. «Королева ожидаетъ» сказала ему графиня ла-Моттъ. Въ эту минуту явился человекъ, назвавший себя посланнымъ отъ Маріи-Антуанетты за ожерельемъ и въ доказательство представилъ ей записку *).

Въ тотъ же день Роганъ уведомилъ объ этомъ гг. Бёмера и Бассанжа и совѣтовалъ имъ поблагодарить королеву за покупку (3-го Февраля). Прошло нѣсколько недѣль, кардиналъ не видя, чтобъ новое ожерелье было надѣто хоть разъ, началъ беспокоиться. Мадамъ ла-Моттъ увѣрила его, что королева потому не надѣваетъ своей покупки, что находитъ цѣну чрезмѣрно-дорогою и требуетъ уменьшенія ея на 200,000 ливровъ. Ювелиры согласились.

Между тѣмъ наступилъ Іюль, приближалось время уплаты первой суммы; кардиналъ, увидѣвшись съ Бёмеромъ, спросилъ его, благодарилъ ли онъ королеву и на отрицательный отвѣтъ его совѣтовалъ написать къ ней письмо. Марія-Антуанетта прочтала его, но приняла всѣ выраженія за бредъ сумасшедшаго и бросила письмо въ каминъ (12-го Іюля).

Нѣсколько дней спустя графиня ла-Моттъ явилась къ Рогану съ извѣстіемъ, что первый платежъ не можетъ быть сдѣланъ въ срокъ, и просила его отъ имени королевы похлопотать о займѣ этихъ денегъ или отсрочкѣ уплаты. Кардиналъ смутился, тѣмъ болѣе, что на дняхъ ему попалась подлинная подпись королевы. Но ла-Моттъ успокоила его своими увѣреніями, а еще болѣе тѣмъ, что принесла 30,000 ливровъ для уплаты процентовъ.

Третьяго Августа Бёмеръ видѣлся съ мадамъ Кампанъ, и все дѣло открылось. ла-Моттъ, узнавъ объ этомъ, имѣла смѣлость явиться къ кардиналу и просить у него убѣжища отъ сильныхъ непріятелей, преслѣдовавшихъ ее. На другой день она уѣхала

*) Кардиналъ находился въ это время въ альковѣ и могъ видѣть этого человека только черезъ дверь; тѣмъ не менѣе онъ узналъ его, потому что разъ видѣлъ, какъ онъ провожалъ графиню ла-Моттъ. На вопросъ его: кто это? она отвѣчала: камердинеръ королевы.

въ Баръ-сюръ-Объ. Тамъ она приготовила все, чтобы бѣжать къ мужу въ Англію, но не успѣла, потому что была арестована.

Почти въ то же время арестовали и кардинала. Королева при помощи маркиза де-Бретеля такъ умѣла раздражить короля, что онъ передалъ дѣло на судъ парламента. По слѣдствію оказалось, что мадамъ ла-Моттъ принимала Рогана въ маленькой квартиркѣ, скрывая отъ него свои расходы и другое болѣе роскошное помещеніе; что она, желая обмануть его, нашла публичную женщину, весьма похожую на королеву, нарядила ее въ костюмъ Маріи-Антуанетты и научила ее, что сказать кардиналу на свиданіи, назначенномъ ему отъ имени королевы. Свиданіе это происходило вечеромъ въ одномъ изъ боскетовъ версальскаго парка. Дѣвица Олива сказала что ей было приказано, и отдала кардиналу розу и письмо, въ которомъ увѣряла его о возвращеніи милостей. Шумъ приближавшихся шаговъ прекратилъ разговоръ. Мадамъ ла-Моттъ упорно отрицала многіе факты, но сознаніе Вильета въ составленіи ложной подписи, заставило судей не обращать вниманія на заширательство подсудимой.

Разсмотрѣвъ всѣ обстоятельства дѣла, судъ нашелъ, что кардиналъ Роганъ невиненъ; что графиня ла-Моттъ должна быть высѣчена, заклеяна на плечахъ буквою V (volcuse) и потомъ заключена на всю жизнь въ Сальпетриеръ; Вильетъ изгнанъ изъ Франціи навсегда, также какъ и прикосновенный къ дѣлу графъ Калиостро.

Оправданіе кардинала было встрѣчено народомъ съ восторгомъ; но королева осталась недовольна и заставила Людовика уволить Рогана отъ должности, отнять у него голубую ленту и отправить его въ ссылку въ Овернь.

Таковъ разсказъ гг. де-Гонкуръ, но къ сожалѣнію онъ не вѣренъ, и факты приводимые противниками королевы не разобраны критически. Въ добавокъ, авторы, говоря о мемуарахъ Жоржели (Georgel) и дѣвицы Бертэнь, называютъ ихъ не заслуживающими вниманія (что отчасти справедливо) и въ тоже время берутъ изъ нихъ показанія и какъ на бѣду болѣею частію ошибочныя.

Вотъ что говорятъ противники Маріи Антуанетты.

1) Сцена въ боскетѣ происходила до покупки ожерелья въ концѣ Августа 1784 года.

2) Графиня ла-Моттъ нисколько не скрывала своей роскошной жизни, еще за девять мѣсяцевъ до покупки ожерелья она хва-

лилась брилліантами и великолѣбными платьями, также какъ чрезвычайно дорогимъ серебрянымъ сервизомъ. Объ этомъ говоритъ графъ Бенъ (Beugnot), который въ своихъ мемуарахъ рассказываетъ только то, что видѣлъ.

3) Хотя Маріа-Антуанетта отказалась отъ ожерелья два раза, по дурному состоянію финансовъ, но тѣмъ не менѣе она желала приобрести его: когда Mlle Бертэнъ сказала ей, что оно продано принцессѣ Астурійской, королева пришла въ замѣтнѣйшій гнѣвъ, и только увѣренія Бѣмера, случайно явившагося въ это время, успокоили ее.

4) Кардиналъ отдалъ ожерелье камердинеру королевы, не требуя росписки, слѣдовательно зналъ его.

5) Кардиналъ заставилъ Бѣмера и Бассанжа написать къ Маріи-Антуанеттѣ слѣдующее письмо: «Государыня, мы считаемъ себя совершенно счастливыми, думая, что послѣднія условія, предложенныя намъ и принятыя нами съ покорностью и почтеніемъ, представляютъ новое доказательство нашего повиновенія и нашей преданности вашему величеству; мы считаемъ за истинное удовольствіе думать, что прекраснѣйшій брилліантовый уборъ, который только существуетъ, послужитъ къ украшенію величайшей и лучшей изъ королевъ». Это письмо было прочитано Маріей-Антуанеттой въ слухъ, въ присутствіи мадамъ Кампанъ, и потомъ сожжено.

6) Кардиналъ однажды сказалъ г. Сень-Джемсу, что онъ видѣлъ 700,000 ливровъ, назначенныя въ уплату ожерелья; другой разъ на вопросъ Бассанжа прямо-ли онъ имѣеть дѣло съ королевою, онъ отвѣчалъ утвердительно.

7) Мадамъ ла-Моттъ по заключеніи въ тюрьму была посѣщаемая комиссаромъ Шенономъ, который уговорилъ ее свалить вину на кардинала, угрожая ей въ противномъ случаѣ смертію. Отъ этого мадамъ ла-Моттъ испугалась при допросѣ.

8) Касательно подписи *Marie Antoinette de-France* она была сдѣлана съ согласія кардинала и королевы. Странно допустить, чтобы Роганъ, бывшій весьма искуснымъ посланникомъ, видѣвшій не разъ бумаги за подписью Маріи-Антуанетты, не могъ отличить ея руки.

9) Письмо посланное королевѣ ювелирами было отъ 12-го Іюля; еслибъ г-жа ла-Моттъ чувствовала себя виноватою, она могла бы уѣхать въ Англію. Удивительно, что королева обратила такъ мало вниманія на извѣщеніе Бѣмера и Бассанжа, тѣмъ бо-

лѣе, что съ ней подобныя приключенія случались уже два раза: въ 1777 году мадамъ Каге де-Вильеръ (Cahouet de Villiers) поддавшись подь руку ея, получила съ генеральнаго фермера Беранже 200,000 ливровъ. Въ 1782 г. другая, мадамъ ла-Моттъ *) похитила печать королевы со стола герцога Полянъяка и съ помощью ея совершила множество плутней.

10) Мадамъ ла-Моттъ бѣжала изъ тюрьмы, по всѣмъ вѣроятіямъ, стараніями королевы. Черезъ нѣсколько времени послѣ заключенія несчастной женщины въ Сальпетриеръ, къ ней явилась княгиня Ламбаль. Вскорѣ послѣ этого посѣщенія, въ Ноябрьрѣ 1786 года мадамъ ла-Моттъ получила два письма: въ одномъ ей совѣтовали не терять мужества, въ другомъ требовали слѣпка съ ключа отъ ея комнаты. Мадамъ ла-Моттъ была вынуждена съ согласія надзирательницы.

11) Прибывъ въ Лондонъ, бывшая фаворитка королевы публиковала оправдательные мемуары: герцогиня Полянъякъ безъ вѣдома короля пріѣхала въ Лондонъ и предложила ла-Моттъ 200,000 ливровъ за ея молчаніе — но это условіе не было исполнено.

Представивъ читателямъ изложеніе двухъ противоположныхъ мнѣній, мы удерживаемся отъ произнесенія окончательнаго приговора — пусть они рѣшатъ сами, кто правъ, кто виноватъ.

Процессъ этотъ нанесъ рѣшительный ударъ королевѣ: общественное мнѣніе было противъ нея; парламентъ возвратилъ себѣ прежнее значеніе, ставъ судьей между королевой и подданнымъ — революція сдѣлала огромный шагъ впередъ.

Нѣкоторые упрекаютъ Лудовика XVI въ томъ, что онъ сдѣлалъ политическую ошибку, предавъ дѣло на судъ парламента.

Намъ кажется, что онъ въ этомъ случаѣ былъ только послѣдователемъ и, что исторія объ ожерельѣ совершенно ясно рисуетъ отношенія между царственными супругами.

Онъ любилъ королеву только по-временамъ, и въ эти минуты отступалъ отъ обыкновенной своей экономіи. Согласившись принять ожерелье, Марія-Антуанетта рисковала потерять навсегда вліяніе на дѣла государственныя: въ ней боролись женщина и королева... Когда послѣдовалъ взрывъ, Лудовикъ считалъ себя

*) Marie-Joséph-Françoise Waldburg-Frohberg, épouse de Stanislas-Henri-Pierre du Pont de la Motte, ci-devant administrateur et inspecteur du collège Royal de la Flèche.

оскорбленнымъ какъ король и какъ мужъ, и потому рѣшился предать дѣло суду, твердо увѣренный, что королева выйдетъ чисто изъ процесса и что примѣръ подчиненія монарха закону произведетъ благотѣльное дѣйствіе на народъ.

Послѣ этого процесса Марія-Антуанетта удалилась въ Трианонъ, но ея вліяніе на дѣла государственныя возрасло. Людовикъ XVI, оскорбленный рѣшеніемъ парламента, сблизился съ ней еще болѣе и не чувствительно подчинился ея вліянію. Назначеніе министромъ Ломен де-Бриенна, изгнаніе парламента, ссылка герцога Орлеанскаго въ Вильеръ-Котре были слѣдствіемъ ея внушеній. Всѣми мѣрами старалась она поддержать королевскій абсолютизмъ, но историческаго движенія нельзя было ничѣмъ остановить — генеральные штаты были созваны.

Съ этихъ поръ королева дѣлается душою реакціонной партіи. Принужденная обстоятельствами, она умѣетъ укротать порывы страстей своихъ и обращается къ людямъ, которыхъ въ душѣ ненавидитъ. Мирабо, подкупаемый королемъ, соглашается дѣйствовать въ пользу двора, только послѣ свиданія съ королевой. Она постигла характеръ этого человѣка, любившаго въ одно время свободу и дворъ; онъ много пострадалъ отъ тираніи и потому не могъ стоять за нее, но, съ другой стороны, дворъ доставлялъ ему средства удовлетворять страстямъ: строгая республика не могла бы хладнокровно смотрѣть на безумныя издержки и безпутное поведеніе трибуна. Мирабо былъ слишкомъ высококаго мнѣнія о себѣ; понавъ на путь реформы, онъ мощно двинулъ ее впередъ; народныя похвалы вскружили ему голову, и онъ думалъ, что также легко остановить движеніе народа, какъ возбудить его. Пользуясь этой слабостью оратора, королева лестно, король деньгами привлекли его на свою сторону.

Но скоро надежды, возбужденныя знаменитымъ вождемъ революціи, разсѣялись его смертью. Надлежало подумать о другихъ средствахъ.

Французская эмиграція, которую такъ сбодряла сначала Марія-Антуанетта, избрала центромъ Кобленцъ. Императоръ сдвигалъ войска къ границѣ; армія маркиза Булле была большей частью предана королю — прибытіе его туда могло измѣнить ходъ дѣлъ. Королева уговорила его бѣжать.

Бѣгство его, какъ всѣмъ извѣстно, было неудачно и кончилось возвращеніемъ въ Тюльери. Обѣщанія Барнава оказались выше его силъ, княгиня Ламбаль уѣхала въ Лондонъ для поли-

тлческих переговоров, король быстро склонился на все уступки, Марія-Антуанетта была одинока — только прибытіе герцога Брауншвейгскаго могло спасти монархію; но всякій часъ грозилъ пулей, кинжаломъ и ядомъ, всякая минута проходила въ смертельныхъ томленіяхъ и въ безирестанныхъ переходахъ отъ страха къ надеждѣ и отъ надежды къ страху.

Въ одну изъ такихъ минутъ король рѣшился спрятать все секретныя бумаги. Съ этою цѣлью онъ призвалъ изъ Версаля слесаря Гамэна, у котораго учился прежде слесарному мастерству. Вдвоемъ они сдѣлали въ стѣнѣ одного корридора *железный шкафъ*. По окончаніи работы сама королева поднесла Гамэну рюмку водки и двѣ тартинки, тотъ выпилъ, отломилъ кусокъ отъ тартинки, съѣлъ его, и остатокъ положилъ въ карманъ, чтобы закусить дорогой. Едва успѣлъ онъ выйти изъ Парижа, какъ почувствовалъ страшную боль въ желудкѣ. Приписывая это простудѣ, онъ продолжалъ идти, но скоро силы его истощились, и онъ упалъ безъ чувствъ на большой дорогѣ. Къ его счастью, въ это время проѣзжалъ мимо одинъ Англичанинъ, докторъ, у котораго Гамэнъ прежде занимался работою. Увидѣвъ человека въ безчувственномъ состояніи, докторъ остановился и тотчасъ же узналъ слесаря. Оказавъ ему необходимыя пособія, онъ привезъ несчастнаго въ Версаль. Жестокая болѣзнь протрдержала Гамэна въ постелѣ нѣсколько мѣсяцевъ. Остатокъ тартинки, найденный въ его карманѣ, былъ брошенъ собакамъ, и та вскорѣ околѣла. По выздоровленіи слесарь сдѣлалъ доносъ; железный шкафъ былъ открытъ, и найденныя въ немъ бумаги послужили къ обвиненію Людовика XVI въ измѣнѣ націи.

О происшествіи этомъ гг. Гонкуръ совершенно не упоминаютъ, а между тѣмъ они, кажется, должны были бы знать о новѣйшихъ изслѣдованіяхъ объ этомъ фактѣ Библиофила Жакоба.

Съ этого времени несчастія поражаютъ Марію-Антуанетту на каждомъ шагѣ: она выноситъ все, что можетъ оскорбить женщину, супругу, мать. Страданія ея навсегда останутся темнымъ пятномъ революціи, хотя, внимательно разсмотрѣвъ вопросъ, видимъ, что, отчасти, королева была сама причиною своихъ бѣдствій, отчасти они были необходимымъ слѣдствіемъ тогдашняго положенія французскаго общества. Все пороки его, скрытые при прежнемъ управленіи, выступили во время революціи; не она была причиною испорченности нравовъ, она вызвала только на-

ружу затаенную болѣзнь и ее стало легче глѣчить *). Страсть къ грѣху, обратившаяся въ законъ этикета при дворѣ, вскорѣ перешла къ буржуазіи и приняла громадныя размѣры. Въ одномъ Парижѣ насчитывалось до 4,000 игорныхъ домовъ. Это не могло не имѣть вреднаго вліянія на народную нравственность: презрѣніе къ труду, возбужденіе самыхъ ненавистныхъ страстей, неразборчивость въ средствахъ къ приобрѣтенію денегъ — были ближайшими слѣдствіями такого разврата. Воровство быстро возрастаетъ: въ 1791 году насчитываютъ до 1,200 преступниковъ, воровскія шайки отъ тридцати до сорока человѣкъ обираютъ прохожихъ въ Палероялѣ: множество дѣтей служатъ имъ помощниками. Стыдливость въ женщинахъ была совершенно убитая; въ числѣ содержательницъ игорныхъ домовъ большая часть женщины: одни предаются разврату съ утонченностью, другія съ цинизмомъ; выставленные къ позорному столбу, онѣ поютъ безстыдныя пѣсни или дружески бесѣдуютъ съ палачемъ. Какого воспитанія можно было ожидать отъ такихъ матерей. Единственная хорошая черта ихъ состояла въ неподкупномъ патриотизмѣ и они передали его дѣтямъ: когда наступила пора приношеній отечеству, мы находимъ въ числѣ жертвователей многихъ дѣтей. Съ другой стороны жестокость притѣсненій прежняго правительства возбудила въ сильной степени жажду мести: голодъ, убитые родственники, разореніе — сильно говорили противъ королевы, которую народъ считалъ причиною всѣхъ своихъ бѣдствій. Ежедневныя казни еще болѣе ожесточали народъ; объ его образованіи никто не заботился — теперь приходилось расплачиваться за это преступное пренебреженіе. Чего можно было ожидать отъ людей, которые будучи дѣтьми отрубали головы у кошекъ и несли ихъ на палкахъ? Былъ даже такой случай, что они, играя въ національную гвардію, повѣсили одного изъ товарищей, за то что онъ укралъ нѣсколько яблоковъ у торговки на рынкѣ. Варварства, совершаемая ванзейскою и прусскою арміею, также не оставались безъ вліянія на народъ; интриги роялистовъ, рѣзкій и угрожающій тонъ ихъ журналовъ еще болѣе раздували пламя раздора: *La Feuille du matin* всякій день пишетъ эпитафію погнѣбшему королю, называетъ Кондорсе кротчайшимъ изъ убійцъ, а Бриссо образованнѣйшимъ изъ плутовъ. О Мара

*) Революція пресѣдовала игорные дома: предложеніе Клоца объ учрежденіи редуты, какъ въ Венеціи, отвергнуто; Баззи имѣлъ постоянный надзоръ надъ игрою, Пстіонъ вездѣ отыскивалъ и пресѣдовалъ ее.

говорить, что трактирщикъ подъ фирмою «Au grand Marat» принужденъ былъ закрыть свое заведеніе, потому что публика была убѣждена, что тамъ кормятъ человѣческимъ мясомъ, увидя Мара выходящаго оттуда. Въ другомъ журналѣ одинъ роялистъ пишетъ, что по возстановленіи монархіи должно постронть постоянную висѣлицу, потому что всякій день придется кого-нибудь повѣснить. Часто роялисты не ограничивались словами: такъ въ національномъ театрѣ (Theatre de la Nation) они неистово аплодируютъ всякому намеку на величіе королевской власти и кричатъ въ патетическихъ мѣстахъ: «Vive le roi! a bas les jacobins! assommez les jacobins!» Иногда дѣло кончается шпагами, и патриотовъ бьютъ, если только они слабѣе. Однажды когда королева показала въ театрѣ, одинъ изъ зрителей не снялъ шляпы, другой закричалъ: «Vive la nation, foin de la reine!»—оба они были убиты на мѣстѣ. Такіе поступки съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе раздражали обѣ партіи, къ этому присоединились проповѣди духовенства, возбуждавшаго роялистовъ къ возстановленію монархіи. До революціи оно владѣло 622-мя аббатствами, приносящими каждое отъ 1,200 до 400,000 ливровъ дохода. 44,000 священниковъ, 50,000 церковниковъ (vicaires) 17,000 нищенствующихъ монаховъ, 80,000 монахинь — составляли силу духовенства. Разумѣется при новомъ порядкѣ вещей, какіе нибудь аббаты Мори, владѣвшіе 800-ми фермами, видѣли въ республиканцахъ заклятыхъ враговъ и всѣми мѣрами старались вредить имъ.

При такомъ состояніи французскаго общества положеніе Маріи-Антуанетты было критическое, ей угрожали равно и пороки и добродѣтели націи. Надо было дѣйствовать чрезвычайно осторожно и добросовѣстно. Между тѣмъ роялисты губили ее своими попытками къ освобожденію и заставляли патриотовъ безпрестанно опасаться. Послѣдніе ясно видѣли недобросовѣстность и лицемеріе королевы. Еслибъ ей удалось освободиться — страшное мщеніе ожидало ихъ. Конечно, она была супруга и мать, но вѣдь и они были мужьями и отцами! Если къ королевѣ были приставлены жестокіе тюремщики, то потому, что чувство состраданія закрадывалось неволью въ душу болѣе мягкихъ.

Народъ въ массѣ, когда не возбуждены страсти его, существо доброе и дѣтски-довѣрчивое, даже и въ минуты гнѣва онъ легко укрощается, когда говорятъ его сердцу. Не вычурная фраза, не глубокія соображенія дѣйствуютъ на него; онъ ищетъ сердца, инстинктомъ понимаетъ ложь, и часто простое слово,

но слово сказанное отъ души, дѣлаетъ изъ него все. Марія-Антуанетта могла бы это замѣтить, въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда она дѣйствительно искала любви народа, изъ потребности быть любимой, а не изъ политическихъ расчетовъ. Но она была отдалена отъ народа воспитаніемъ, она смотрѣла на него, какъ на что-то нисшее, созданное для ея удовольствія — и она не встрѣтила ни народнаго сочувствія, ни довѣрія. Теперь несчастіе сблизило ее съ народомъ. Крики горести и раскаянія вырывались изъ ея груди — и народъ понималъ ихъ и укрощался. Минуты эти проходили, она вспоминала объ утраченномъ величій, кровавые замыслы созрѣвали въ головѣ ея — роялисты начинали дѣйствовать, и народная буря снова разражалась. Еслибъ королева не вела себя такъ непослѣдовательно, можетъ быть, она спасла бы не только себя, но и короля.

20-го Іюня 1792 года, когда разъяренная толпа окружила ее, когда на нее и на дофина надѣли фригійскія шапки — ей стоило только сказать: «васъ обманули.... я Француженка.... я была бы счастлива, еслибъ вы меня любили» — и все укротилось; въ этихъ словахъ было столько страданія и раскаянія, столько материнскаго чувства, что жалость проникла въ сердце пуасардокъ и онѣ заплакали; даже Сантерръ былъ тронутъ и приказалъ снять съ дофина шапку

Но заключеніи въ тюрьму, королева встрѣтила многочисленныя симпатіи. «Да, въ числѣ этихъ тюремщиковъ, которыхъ, революція выбрала между сыновьями своей фортуны и генія, между самыми чистыми и строгими, нашлись поколебавшіеся и тронутые.» (*Marie.-Ant., par Edmond et Jules de Goncourt. page 353*). Манюэль предался волюнѣ женѣ короля» (*ibid.* 355).

«Тѣ, которые прежде входили съ оскорбленіемъ на устахъ и шляпой на гололѣ, теперь молчатъ, снимаютъ ее и преклоняются передъ слезами Маріи-Антуанетты, передъ этими слезами королевы! — это Манюэль, это Клерп, который съ 26-го Октября отрекся отъ своего прошедшаго и предался волюнѣ королю и королевы» (*ibid* 382). Изъ другихъ комиссаровъ Лебефъ давалъ дофину приключенія Телемака; Мазаль не соглашался быть въ шлягѣ передъ королевской фамиліей, Данже цѣловалъ дофина, прогуливаясь съ нимъ на платформѣ башни....» (*ibid* 383). Она была окружена стараніями, предупрежденіями, вниманіемъ гражданки и гражданки Ришаръ (тюремщикъ Консьержери). Они выбросили изъ приказаній Фукуе, все безчеловѣчное и жестокое» (*ibid* 404).

Эти выписки ясно показываютъ положеніе королевы; еслибъ она не входила въ сношеніе съ Туланомъ и Бацомъ — она, вѣроятно, никогда не вызвала бы строгихъ мѣръ со стороны патриотовъ. Но эти безпрестанно возобновлявшіяся попытки къ освобожденію плѣнницы, эти безпрестанные заговоры, эти обольщенія и измѣны въ революціонной партіи заставили Комитетъ Общественнаго Благосостоянія приступить къ процессу королевы.

Процессъ кончился предложеніемъ присяжнымъ слѣдующихъ пунктовъ.

1. Существовали ли сношенія Маріи-Антуанетты съ внѣшними врагами республики, съ тѣмъ, чтобы облегчить ихъ вторженіе во Францію и способствовать успѣху ихъ оружія?

2. Доказано ли, что Марія-Антуанетта способствовала къ возбужденію междоусобной войны?

Отвѣтъ былъ утвердительный и единогласный.

Противъ обвиненной произнесли смертный приговоръ.

16-го Октября 1793 г. Маріи-Антуанетты не стало. Пятый актъ трагедіи былъ конченъ. Оглушительные аплодисменты и свистки привѣтствовали актеровъ.

Теперь, по прошествіи шестидесяти шести лѣтъ, мы можемъ судить объ этомъ событіи хладнокровно. Не одобряя казни королевы, какъ и всякаго юридическаго убійства, тѣмъ не менѣе, мы находимъ, что она была естественнымъ слѣдствіемъ тогдашнихъ нравовъ и политическаго положенія Франціи. Народъ безпрестанно видѣлъ кровавыя казни, совершаемыя съ самымъ утонченнымъ варварствомъ, правительство хотѣло устрашить его, не просвѣщая въ то же время; безчеловѣчныя пытки, притѣсненія при сборѣ податей развили въ народѣ чувство жестокости — обстоятельства дали страстямъ полный разгулъ, и всѣ дурныя инстинкты обнаружилась. Королева пала и не могла не пасть; она защищала всѣми силами прежній порядокъ вещей; она была его представительницею; новая жизнь прорывалась волнами со всѣхъ сторонъ, одни падали, другіе боролись съ бурнымъ потокомъ революціи, но онъ унесъ все въ своемъ гнѣвномъ стремленіи — все — идеи и людей.

Марія-Антуанетта стояла пока было можно; осталась вѣрна своему принципу до конца; употребляла всѣ средства для поддержанія его — но нельзя идти противъ духа времени: принципы ея оказались несостоятельными, средства слабыми, хитрости

были разгаданы. Нельзя не пожалѣть, что лучъ божественнаго свѣта не коснулся ея, что она слишкомъ узко и эгоистически понимала свои обязанности, что она не употребила дарованій своихъ на пользу народа. Вѣрная реакціонному направленію Австрія, она явилась олицетвореніемъ его при французскомъ дворѣ олицетвореніемъ принциповъ постоянно враждебныхъ всякому прогрессу, всякому движенію мысли и слова. Поставленная въ среду народа, разореннаго и постоянно притѣсняемаго, она не поняла своего положенія и народное терпѣніе считала за отсутствіе жизни.

Дорогою цѣною заплатила она за свои заблужденія. Исторія можетъ быть снисходительна къ ней, но она не должна искажать истины, ради состраданія къ несчастію, какъ это сдѣлали гг. Гонкуръ, съ такой неловкостью и тѣмъ отсутствіемъ политическаго смысла, которымъ отличается большинство французскихъ писателей.

В. ПОПОВЪ.

СМѢСЬ.

Робертъ Пилъ и его политическій характеръ.

Государственный человѣкъ конституціоннаго правительства вообще — человѣкъ обыкновенныхъ мнѣній и необыкновенныхъ дарованій. Это понятно. Свободное правительство раздробляетъ верховную власть; въ немъ абсолютная воля замѣняется доказательствомъ. «Правительство адвокатовъ» состоитъ въ томъ, чтобъ убѣждать большинство. Оно апеллируетъ не за индивидуальное рѣшеніе одного лица, а за цѣлую массу людей, съ разными интересами, требованіями и цѣлями. Въ немъ, какъ говорятъ, управляетъ общественное мнѣніе, а общественное мнѣніе есть мнѣніе расчетливаго человѣка. Фоксъ, говоря о Бьюркѣ, замѣтилъ: «это человѣкъ умный; но онъ слишкомъ поспѣшно уменъ.» Въ этой скороспѣлости отнюдь нельзя обвинить расчетливаго человѣка; это личность холодная, разсудительная, дѣловая, съ постояннымъ напряженіемъ мозга, съ неослабнымъ вниманіемъ къ потоку обыденной жизни. Онъ не терпитъ новости или оригинальности; онъ, обыкновенно, говоритъ: «я не слышалъ объ этомъ никогда во всю мою жизнь» и принимаетъ этотъ доводъ за *reductio ad absurdum*. Вы можете угадать наклонности этого человѣка по тому, что одобряетъ онъ въ своемъ чтеніи. Можно ли, повидимому, указать болѣе замѣчательный памятникъ ума и дѣятельности, какъ *Times*? Неудивительно, что въ него вѣруеть большинство читателей. «Дайте самому высокому таланту, говоритъ Карляиль, способному составить эпическую поэму, дайте ему написать статью для утренней газеты, и онъ не напишетъ, онъ не сладитъ съ этимъ дѣломъ.» Но найдете ли вы въ *Times*

что-нибудь новое или оригинальное? Изъ миллиона тѣхъ столбцовъ, которые читаетъ каждый, можно ли указать хоть на одну идею, которая бы не была извѣстна и всякому по-плечу? Здѣсь нѣтъ ни глубокихъ теорій, ни трудныхъ проблемъ, ни высоконастроенныхъ чувствъ, но изданіе расходитя по всему міру и читается сотнями тысячъ. И эти читатели вовсе не требуютъ новыхъ истинъ; они желаютъ легкой, общепонятной статьи, которую, пробѣжавъ слегка, приговариваютъ: «превосходно написано, удивительно написано, совершенно такъ, какъ я думалъ.» Оригинальныя теоріи безпокоятъ; и купецъ, торгующій углемъ, нисколько не желаетъ быть апостоломъ новыхъ идей между современными ему историками; онъ нуждается только въ тѣхъ обыденныхъ замѣчаніяхъ, которыя вращаются въ кругу его понятій; онъ требуетъ отъ нихъ ни глубины соображеній, а ежедневнаго напоминанія. Точно также, политическій журналъ пользуется особенной популярностью не потому, что онъ самый лучший и паставительный по своимъ отвлеченнымъ теоріямъ, а потому что онъ постоянно будитъ умъ толпы, сторожитъ за преобладающимъ чувствомъ общества и выражаетъ его въ общедоступной и убѣдительной формѣ; подобно тому, вліяніе конституціоннаго государственнаго человѣка тѣмъ сильнѣй, чѣмъ лучше онъ представляетъ вѣру даннаго момента, направляетъ ее, проводитъ въ законъ и институціи, сообщаетъ ей полную жизнь и заставляетъ другихъ повторить: «да, и я не сдѣлалъ бы лучше, если бы и было у меня на то досужное время.»

И въ этой необходимости примѣняться къ инстинктамъ массы есть своего рода тираннія, неразлучная съ цивилизаціей. Что вы говорите о деспотизмѣ Нерона и Тиверія, но первый тиранъ — нашъ сосѣдь. Что можетъ быть невыносимѣй, какъ постоянно сообразоваться съ его дѣйствіями? Какія цѣпи могутъ быть тягостнѣй, какъ во-всемъ походить на него? Какое шпіонство, подслушивающее васъ у дверей, можетъ быть хуже того безпрерывнаго вниманія, которое изъ оконъ-въ-окна слѣдитъ за нашими поступками? Общественное мнѣніе повсюду провираетъ и заставляетъ покоряться своему авторитету; оно требуетъ, чтобы мы думали, говорили и дѣлали такъ, какъ думаютъ, говорятъ и дѣлаютъ другіе. Если мы не повинемся его требованію, оно не наказываетъ тѣлесной болью и физическими страданіями варварскихъ обществъ, но оно называетъ насъ «оригиналами». «Это прекрасный и благонамѣренный молодой человѣкъ, замѣчаютъ часто; но онъ снятъ съ ума, совершенно помѣ-

шался.» Вотъ приговоръ надъ эксцентричными личностями. Человѣкъ практическій во всемъ старается сходитья съ другими, потому что онъ дорожитъ мнѣніемъ другихъ. Спитъ даль неподражаемый совѣтъ тому, кто хочетъ прослыть за порядочнаго человѣка: «соглашайтесь съ мнѣніями тѣхъ, съ кѣмъ вы разговариваете.» Въ этой рутинѣ общественной жизни скрывается тайна нашего спокойствія и, пожалуй, счастья. Дѣлю не въ томъ, чтобъ мыслить глубоко и ярко, а въ томъ, чтобъ подладиться подъ тонъ большинства и его инстинкты. Въ мѣрѣ политическомъ эта рутина дѣйствуетъ еще сильнѣй, потому что здѣсь все обуславливается обычаемъ и общепринятыми мнѣніями. «Въ нашихъ дѣйствіяхъ, замѣтилъ Вальтеръ Скоттъ, есть извѣстное лицемеріе; есть поступки, которые мы внутренно презираемъ; не смотря на то имъ слѣдуютъ тѣ, которые хотятъ составить себѣ доброе имя.» Политическій человѣкъ живетъ репутаціей общества. Онъ, конечно, можетъ разсчитывать на потомство; но къ чему оно послужитъ? Прежде чѣмъ судъ его настанетъ, подсудимый уже будетъ въ могилѣ. Политическому дѣятелю необходимо держаться стороны живої публки; развитіе его таланта находится подъ непосредственнымъ вліяніемъ чисто внѣшнихъ обстоятельствъ; довѣренность другихъ есть непремѣнное условіе его успѣха. Вы не можете войти въ парламентъ, какъ многіе того хотѣли бы, и представлять самихъ себя; вы должны собразоваться съ мнѣніемъ пэбирателей, а эти мнѣнія отнюдь не будутъ исключительными. Однимъ словомъ, какъ было замѣчено, «въ свободномъ правительствѣ иногда необходимо поступить передъ мнѣніемъ другихъ; но такъ какъ эти другіе часто ошибаются, то эти ошибки служатъ величайшимъ препятствіемъ усовершенствованію нашей политической системы и человѣческому прогрессу.»

Да, это одно изъ серьезныхъ золъ. Есть случаи, когда требуютъ различныхъ качествъ отъ государственнаго человѣка. Еще такъ недавно мы нуждались въ немъ. Еслибъ во время войны, явился у насъ вождь великаго характера, съ прозорливымъ и яснымъ взглядомъ на вещи, онъ успокоилъ бы взволнованные умы и былъ бы благодѣяніемъ для тысячи семействъ. Но его не нашлось. Англійская нація желаетъ имѣть въ головѣ правительства людей съ ея собственной мыслью, вѣрованіями и вѣковостями; она хотѣла бы видѣть въ нихъ простыхъ исполнителей своей собственной воли. Но бываетъ время, когда народъ заблуждается, путается въ сомнѣніяхъ; онъ и пожираетъ

то, что посвѣялъ. Если онъ избираетъ себѣ простаго администратора, то пусть же не требуетъ отъ него политическаго героя.

Всѣ эти замѣчанія, какъ нельзя лучше, поясняютъ характеръ Роберта Пилля. Никто такъ близко не подходитъ къ нашему опредѣленію конституціоннаго государственнаго дѣятеля, какъ онъ, — человѣкъ первостепенныхъ силъ и второстепенныхъ убѣжденій. Онъ никогда не былъ впереди своей эпохи; почти во всѣхъ великихъ реформахъ, съ которыми соединяется его имя, прежде чѣмъ онъ явился знаменитымъ защитникомъ, былъ жаркимъ оппонентомъ ихъ. Не ему первому суждено было разработать и поставить вопросы о свободной торговлѣ хлѣбомъ, денежномъ курсѣ, улучшеніи уголовныхъ законовъ и католической эманципации. Не Робертъ Пилль вынесъ бремя и жаръ этихъ дней; другіе приготовили ихъ, а онъ только воспользовался ихъ трудами. Когда всѣ эти планы были достояніемъ однихъ высшихъ умовъ, когда они обращались въ кругу филантроповъ или передовыхъ реформаторовъ, когда за нихъ ходатайствовали одни строгіе Виги, Пилль противился имъ. Но какъ скоро прогрессъ времени, усилія ума и обращеніе болѣе воспріимчивыхъ головъ довели эти вопросы до пониманія ихъ большинствомъ, Робертъ Пилль сталъ подъ ихъ знаменемъ. Онъ принялъ ихъ съ тактомъ расчетливаго человѣка. Его политическая вѣра была самой обыкновенной; но его необыкновенныя способности съ удивительною ловкостью овладѣвали вопросами данной минуты, и въ этомъ его главная сила и заслуга.

За недостаткомъ вѣры и постоянныхъ убѣжденій, Пилль шелъ за развитіемъ реформъ, какъ тѣнь слѣдуетъ за своимъ тѣломъ. Не многіе изъ Англичанъ, подобно ему, такъ легко увлекались каждой переменной общественнаго мнѣнія и дѣльнымъ преобразованиемъ политической мысли. Трудно указать въ исторіи столь невѣроятный фактъ, какъ управленіе Персиваля Англіей въ началѣ настоящаго вѣка. Это почти то же значить, еслибъ британская нація управлялась листомъ газеты. Персиваль былъ человѣкъ бездарный, съ мелкимъ консерватизмомъ, съ пошлыми суетвѣріями. Его ораторское косноязычіе едва ли нравилось даже друзьямъ его; его тупоуміе въ политическихъ соображеніяхъ теперь приводитъ въ негодованіе самаго спокойнаго и терпѣливаго читателя. Другіе министры имѣли знаменитыя связи или огромное богатство, чтобы прикрыть ими нищенство своего ума. У Персиваля и этого не было; мы не знаемъ существа,

болѣе неспріятнаго и назойливаго для грубой природы Торіевъ, какъ этого бѣднаго юриста. Ему нельзя удѣлать ни одной почетной строчки даже въ нашихъ военныхъ лѣтописяхъ; напротивъ, онъ сдѣлалъ все, чтобъ остановить уснѣхи, едва не уморивъ съ голоду герцога Веллингтона и заутавъ его своими мелочными распоряженіями. Его религіозныя убѣжденія сходились съ суевѣріемъ Суботняковъ, самымъ противнымъ для положительной и свѣтлой англійской природы. Какимъ образомъ, среди всеобщаго европейскаго кризиса, могли терпѣть такого министра — это можно объяснить только тѣмъ, что всѣ національные интересы были погашены борьбой съ Наполеономъ и каппъ-то страннымъ равнодушіемъ къ другимъ вопросамъ; съ тѣмъ вмѣстѣ, это объясняется страхомъ нововведеній, съ которыми были встрѣчены нашими высшими сословіями событія французской исторіи. Аристократы боялись заразиться революціей, какъ насѣкомья мухоморомъ. Алсонъ до-сихъ-поръ смотритъ на нее, какъ на морское повѣтріе, неизвѣстно откуда повѣвшее и куда несущееся. При такихъ обстоятельствахъ, говоритъ плодовитый историкъ, надо держаться одного спасительнаго правила: «стой и не шевелись; дѣлай, что привыкъ дѣлать и во всемъ совѣтуйся съ бабушкой.» Въ 1812 году Англія вѣрнула въ эту теорію, и Персиваль былъ тотъ неподвижный и ограниченный человекъ, въ которомъ она нуждалась; онъ представлялъ духъ своей жалкой эпохи, и эта эпоха возвела его на степень перваго министра.

Въ такомъ состояніи находилась государственная политика. Какъ мало въ это время думали о томъ, что мы называемъ теперь социальными вопросами, это всего лучше поясняется самой смертію Персivalа. Его убилъ Беллингамъ; можно ли обвинять его, какъ съумасшедшаго и лунатика, въ этомъ преступленіи — трудно сказать. По-крайней-мѣрѣ, онъ не имѣлъ никакого особеннаго намѣренія погубить Персivalа; онъ помѣшался на одной мысли — о потери нѣкоторой собственности въ Россіи, и когда англійское правительство не хотѣло вознаградить его за эти потери, онъ рѣшился самъ-себя вознаградить, выстрѣливъ въ какого-нибудь члена высшей палаты. Лордъ Елдонъ совершенно былъ убѣжденъ, что онъ самъ недалеко находился отъ смерти и обязанъ спасеніемъ чужой шляпѣ и толстому плащу какого-то ассистента. Все дѣло, впрочемъ, было припадкомъ больнаго мозга; потеря состоянія довела Беллинггана до отчаянія. Конечно, ии тогда, ии теперь правительство отиудь не виновато въ его

денежныхъ убыткахъ; при всемъ томъ, еслибъ онъ жилъ въ наше время, ему не отказали бы ни въ сочувствіи, ни въ симпатіи. Вѣроятно медки доказали бы, что преступленіе совершено подъ вліяніемъ какой-нибудь нравственной мономаніи, неотразимаго побужденія или пассивнаго желанія стрѣлять изъ пистолета. Во всякомъ случаѣ теперь никто бы не сталъ требовать смертной казни для Беллингама; такъ точно, какъ тогда никто не сомнѣвался въ томъ, что его надо повѣсить, такъ теперь никто не сомнѣвался бы, что онъ отнюдь не долженъ быть повѣшенъ. За всѣмъ тѣмъ историкъ изъ партіи Торіевъ жалѣеть, что предложеніе, составленное по его совѣту — отложить казнь на нѣсколько дней, чтобъ удостовѣриться въ помѣшательствѣ подсудимаго, — было отвергнуто, что приговоръ, требовавшій всей осмотрительности и хладнокровія, былъ произнесенъ съ необыкновенной поспѣшностію, и благородный лордъ облегчилъ минуту несправедливой казни, сказавъ перамъ противной стороны: «вы видите послѣдствія вашего возбужденія католической эманципаціи.» Кто знаетъ настоящую Англію, тотъ едва повѣритъ, что все это происходило за пятьдесятъ лѣтъ до нашего времени. Въ этомъ мірѣ Робертъ Пиль началъ свою служебную карьеру. Онъ былъ помощникомъ секретаря по департаменту колоній, во время убійства Персиваля.

Впрочемъ мы не думаемъ, чтобъ Персиваль остался министромъ, еслибъ и былъ живъ. Его власть должна была перейти въ болѣе спокойныя и мягкія руки; на его мѣстѣ, вѣроятно, былъ бы лордъ Ливерпуль или Пиль. Въ эту эпоху, какъ и прежде, какъ въ нѣкоторой степени и по сію пору, господствующей партіей была наследственная аристократія; подъ именемъ ея мы разумѣемъ не одну палату лордовъ, но всѣхъ помѣстныхъ собственниковъ, которые теперь во многомъ измѣнились; во всѣхъ главныхъ вопросахъ они начинаютъ соглашаться съ нижней палатой, дышутъ болѣе свободнымъ воздухомъ, уважаютъ мнѣніе общества, разстаются по-немногу съ своими предрасудками, вслѣдствіе болѣе разумнаго воспитанія и не такъ презираются народомъ. Со времени революціи этотъ классъ былъ главнымъ органомъ правительства; узкая избирательная система давала ему огромное значеніе въ парламентѣ, и мнѣнія его были среднимъ терминоиъ между высшимъ сословіемъ и не многими торговыми городами. Палата лордовъ имѣла характеръ болѣе совѣщательный, чѣмъ законодательный. Вслѣдствіе своего вліянія, соціальнаго положенія и чувства деспотизма,

свойственнаго всёми наследственнымъ партіями, этотъ классъ уважало авторитетъ всёхъ высшихъ сословій; онъ втихомолку и съ глазу на глазъ разсуждалъ о государственныхъ вопросахъ, и только въ смутныя времена, когда поднимались бурныя страсти, онъ покорился суровой власти новыхъ вождей. Собственно говоря, большая доля административнаго управленія рѣдко принадлежала первостепенной аристократіи; причиной этого было то, что она рѣдко любитъ трудъ и еще рѣже умѣетъ вести его. Быстрота и многосложность въ обыденныхъ дѣлахъ, свойственныя правителямъ дѣятельнымъ и рабочимъ, вовсе не въ характерѣ аристократическаго воспитанія, которое учитъ лѣноты, какъ одной изъ привилегій. Дѣловыми людьми вообще были члены высшихъ рядовъ, одушевляемые самолюбіемъ и природнымъ талантомъ; но они въ это время были такъ безсильны, что высшее сословіе руководило ими, какъ своими дворецкими. Типомъ этой служебной партіи можетъ служить Вальполь, бывший пайкой въ рукахъ аристократіи. Правительство этой эпохи походило на директора частной компаніи, которую называли англійскою націей. Не то былъ Робертъ Пилъ; онъ зналъ всё стороны общества, являлся въ парламентъ каждый день, видѣлъ все и всякого.

Трудно указать человѣка, который бы такъ вѣрно отвѣчалъ духу и требованіямъ своей эпохи. Пилъ вполне былъ человѣкъ своего времени и поколѣнія, — богатый, роскошный, трудолюбивый и дѣятельный до канцелярской кропотливости. Для поверхностныхъ наблюдателей онъ кажется «вторымъ Робертомъ» нашего времени; но послѣ Вальполя общество измѣнилось; оно сохранило одно желаніе — видѣть въ головѣ правительства великаго администратора, гибкаго и ревностнаго, не чуждаго аристократическихъ инстинктовъ, однимъ словомъ, человѣка рядоваго по убѣжденіямъ, но замѣчательно-ловкаго. Судьба, впрочемъ, предназначила Пилю совершенно другое положеніе, и по его звѣздѣ не трудно было предсказать будущее назначеніе его. Дѣдъ и отецъ Роберта Пила были люди, создавшіе Ланкашайръ. Они принадлежали къ числу мануфактуристовъ, которые составляютъ самое дѣятельное сословіе въ Англии; оно всегда существовало здѣсь, но не имѣло ни силы, ни значенія, ни труда; разбѣянное въ массахъ народа, оно не было въ состояніи употребить въ дѣло ни своихъ умѣренныхъ средствъ, ни способностей. Изобрѣтеніе механическихъ орудій, преобразовавъ промышленныя силы, вызвало это сословіе на сцену колоссальныхъ предпріятій и об-

щественнаго движенія, и оно заняло мѣсто между аристократіей и массой пролетаріевъ. Съ первой оно пришло въ сопрякоснове- ніе своими коммерческими отношеніями, со вторымъ оно связы- вается естественными узамъ; оно мыслить мыслию народа, гово- рить его языкомъ. Отецъ Роберта Пиза былъ типическимъ вы- раженіемъ этого класса, — твердымъ, честнымъ и рѣшитель- нымъ консерваторомъ. Съ политическимъ возвышеніемъ этого класса, родовая аристократія потеряла прежнее значеніе. Между этими сословіями, повидимому, было мало сходства. Промышлен- ника отличаетъ трудолюбіе, аристократа — желаніе удовольствій; между ними можетъ быть наружное сближеніе, но никогда — внутренняго единства. Поэтому, напрасно первые мануфактури- сты старались дѣлаться баронетами и ерамп. Всѣ эти ти- тулы могли измѣнять ихъ внѣшнія отношенія и даже харак- теръ, но коренные инстинкты всегда отвлекали ихъ въ дру- гую сторону; они оставались съ образомъ чувствъ и мыслей, свойственнымъ среднему классу, и совершенно противоположнымъ старой аристократіи. Съ другой стороны, это промышленное со- словіе вовсе не имѣло республиканскаго темперамента; оно не искало правительственной власти. Главнымъ его желаніемъ было дать администраціи то направленіе, которое отвѣчало его дѣлю- вымъ потребностямъ и интересамъ; оно не требовало отъ госу- дарственныхъ людей блистательнаго слова, широкихъ политиче- скихъ воззрѣній; оно просто хотѣло видѣть въ нихъ людей умныхъ, способныхъ понимать и содѣйствовать ходу практиче- ской жизни. Въ этомъ отношеніи Робертъ Пиза былъ полнымъ представителемъ новаго поколѣнія; вмѣсто того, чтобъ быть по- борникомъ аристократіи, онъ сталъ въ головѣ промышленныхъ и дѣловыхъ сословій.

Впрочемъ оба эти класса были заражены однимъ и тѣмъ же недостаткомъ, — о которомъ мы упомянули прежде; оба они хотѣли навязать правительству свои собственные взгляды и дѣлп. И тотъ и другой стремились къ абсолютному господству надъ вождами государства, и, нельзя не сознаться, что купецъ въ этомъ случаѣ явился болѣе требовательнымъ и настойчивымъ тираномъ, чѣмъ старый аристократъ. Какъ бы то ни было, но такова была судьба Пиза; онъ прошелъ два фазиса на пути политической дѣятельности, выразивъ сначала вѣрованія и интересы аристократическаго, потомъ промышленнаго класса. При обыкновенной оцѣнкѣ Пиза мы, кажется, даемъ слишкомъ мало значенія этому обстоятельству. Мы помнимъ его, какъ передоваго дѣятеля

въ самомъ разумномъ консервативномъ правительствѣ, какое только существовало въ Англіи; мы помнимъ тѣ великіе законодательные акты, на которыхъ лежитъ печать его труда и дарованія; мы знаемъ, что имя его доселѣ произносится съ восторгомъ на биржѣ и въ купеческихъ кругахъ, и съ упрекомъ въ темныхъ захолустьяхъ провинціальныхъ *сквайровъ*. Но мы забываемъ, что онъ нѣкогда былъ могучимъ органомъ протестанскаго интереса, защитникомъ манчестерскаго кровопролитія и т. п. Мы помнимъ Пэля, какъ вождя умѣренной, умной и торговой партіи; но мы забываемъ, что онъ нѣкогда былъ избранъ представителемъ дворянскаго сословія, неспособнаго для важныхъ дѣлъ и поглощеннаго гигантской войной, въ которую оно ринулось, едва оправившись отъ страха ужасной революціи.

Характеръ Роберта Пэля совершенно отвѣчалъ его политической карьерѣ; онъ былъ главой того общества, на авторитетъ котораго опирался, и постояннымъ кормчимъ во всѣхъ переменѣхъ его послѣдовательнаго развитія. Робертъ Пэль вмѣстѣ съ Байрономъ находился въ Гарроуской школѣ; гениальный поэтъ оставилъ намъ мѣткую характеристику своего товарища: «Я всегда находился въ затруднительномъ положеніи, Пэль — никогда.» И судьба этихъ людей была также противоположна, какъ противоположенъ образъ ихъ дѣйствій и мыслей. Умъ Байрона отличался необыкновенной восприимчивостью и быстротой; при одномъ порывѣ воображенія онъ бросалъ яркую черту свѣта на каждый предметъ, и эта черта ни когда не исчезала. Первый актъ мысли былъ для него послѣднимъ; онъ никогда не дѣлалъ втораго усилія, не возвращался снова къ своему предмету. Байронъ всегда признавался въ неспособности къ постоянному труду; онъ не могъ изучить грамматики ни на одномъ языкѣ. Въ послѣдніе годы своей жизни, онъ проявилъ замѣчательныя силы въ практической дѣятельности; но по наблюденію тѣхъ, кто дѣйствовалъ съ нимъ вмѣстѣ, при всемъ разнообразіи его талантовъ, при всей видимой подвижности его убѣжденій, это былъ на дѣлѣ самый упорный человекъ. Онъ слушалъ васъ, соглашался съ вами, и на другое утро оставался при своемъ первоначальномъ мнѣніи. Его увлекала мгновенная мечта, но рѣдко побуждало обыкновенное систематическое доказательство. Какъ онъ, такъ и всѣ подобные ему темпераменты, неспособны удерживать въ своемъ мозгу, что не составляетъ ихъ собственнаго творчества. Идеи такихъ умовъ не всегда бываютъ новыми и рѣдко оригинальными; онѣ большею

частью заходятъ извнѣ и скрываются въ какомъ-нибудь темномъ углу памяти, невидимо и безъ употребленія; но умъ этихъ мощныхъ организацій такъ претворяетъ ихъ въ свое достояніе, что онѣ кажутся произведеніемъ ихъ собственныхъ силъ, возникающимъ въ глубинѣ ихъ собственнаго духа. Здѣсь все обуславливается минутой счастливаго вдохновенія, волжаническимъ взрывомъ фантазіи, какъ это мы видимъ въ титанической работѣ «Чайльдъ Гарольда». Въ этой поэмѣ мысли текутъ быстрыми, яркими и глубокими потоками. Но проходитъ день, и эта огненная фантазія вдругъ охладѣваетъ; она уже не въ состояніи создать ничего, подобнаго первому творчеству; и на этомъ творчествѣ лежитъ печать единственнаго, вѣчнаго и неподражаемаго гения. Умъ Роберта Пилля былъ діаметрально противоположенъ способностямъ Байрона. Мышленія министра были медленнымъ и постепенно - возрастающимъ наплывомъ внѣшнихъ матеріаловъ; они сложились подъ влияніемъ времени и обстоятельствъ, какъ слагается ручей, распространяя свое теченіе по мѣрѣ удаленія отъ своего потока; въ нихъ нѣтъ ни глубокаго внутренняго процесса, ни бойкой и живой идеи, но они заключаютъ въ себѣ все, что дастъ опытъ. Умы такого рода, кажется, вовсе лишены самостоятельной дѣятельности и навсегда осуждены работать подъ влияніемъ постороннихъ побужденій. Мышленіе ихъ отличается системой и спокойствіемъ. У Байрона самый языкъ — свободный, рѣзкій и яркий — обнаруживаетъ слѣды тревожной и бурной мысли; въ осторожномъ и разсчитанномъ подборѣ словъ Пилля видна холодная логика человѣка, ни на одну минуту не упускающаго изъ виду внѣшнихъ цѣлей; его выраженіе всегда можно замѣнить другимъ; на его идеяхъ нѣтъ ни какого отличительнаго знака; онѣ могутъ быть идеями каждаго. Источникомъ ихъ служило наблюденіе дѣйствительной жизни, происшедшей вокругъ государственнаго человѣка. Имъ можно вѣрять и не вѣрять, смотря потому, какъ принимаетъ ихъ большинство. Очевидно, этотъ *второстепенный* характеръ ума очень полезенъ государственному дѣятелю конституціоннаго правленія, какъ мы опредѣлили его выше. Онъ не чувствительно и мало-по-малу втягиваетъ въ себя все, что дѣлается передъ нимъ, и изъ этого составляется его собственный смыслъ. Поставьте его въ безлюдное пространство, и онъ не будетъ имѣть никакихъ идей; но на мѣстѣ его первостепенное и оригинальное дарованіе надѣлало бы множество ошибокъ. Робертъ Пилль былъ сорокъ лѣтъ государственнымъ пождемъ: но при настоящей нашей конституціи,

юрдъ Байронъ, со всей его проникательностію, во всемъ блескѣ его умственныхъ силъ, и сорокъ дней не удержался бы въ головѣ министерства.

Конечно, не безъ основанія многіе находятъ умъ Байрона болѣе интереснымъ, чѣмъ Роберта Пиля, предпочитая творческій и оригинальный геній перваго спокойно-наблюдательному разсудку втораго. Это совершенно согласно съ нашимъ замѣчаніемъ; конституціонный государственный человѣкъ долженъ симпатизировать съ большинствомъ. Большинство мѣняетъ свои мнѣнія, и онъ ради собственнаго успѣха долженъ слѣдовать этимъ измѣненіямъ. Убѣжденія его отнюдь не могутъ быть постоянными; на нихъ дѣйствуетъ воля и умъ всего общества. Кто пытался сохранить свое собственное воззрѣніе на переکورъ массамъ, тотъ знаетъ, какъ это вліяніе неотразимо.

Съ другой стороны характеръ Роберта Пиля совершенно соотвѣтствовалъ тому положенію, какое онъ занялъ. Онъ былъ великій администраторъ, а это не бездѣлица при современной цивилизаціи. Въ младенческія эпохи, когда общественные интересы не многосложны, работа требуетъ особеннаго труда, но ея не много. Съ образованіемъ общества потребности усложняются и вызываютъ новыя отрасли дѣятельности. Конечно, многіе вопросы, которые французское правительство рѣшаетъ не иначе, какъ въ Парижѣ, въ Англіи оканчиваются на самомъ мѣстѣ, не имѣя ни какой надобности восходить до Лондона; но здѣсь есть другая невыгода; — конституціонный администраторъ не можетъ дѣйствовать произвольно; онъ долженъ совѣтоваться съ другими и прислушиваться къ мнѣнію большинства; отъ него требуютъ точности и справедливости, за которыя онъ отвѣчаетъ передъ судомъ всего народа. Поэтому конституціонное государство избавляетъ себя отъ множества формъ, но эти формы опредѣляются точнѣй и строже, чѣмъ въ абсолютныхъ монархіяхъ. Если вы дадите лондонскую полицію деспотическому правительству, ея будетъ мало для того, чтобы сохранить порядокъ среди трехмилліоннаго народонаселенія; но Лондонъ и невозможенъ при деспотической власти. Свобода открываетъ новые источники дѣятельности, неизвѣстные народамъ, живущимъ подъ игомъ рабства. Въ свободномъ государствѣ потребности и людскія отношенія ежеминутно возрастаютъ, видоизмѣняются, переходятъ изъ одного центра въ другой, и дѣятельность достигаетъ колоссальныхъ размѣровъ. При такомъ развитіи общественныхъ силъ, вы никогда не можете быть увѣрены, ка-

кое направлѣніе приметъ и какиѣмъ результатомъ будетъ сопровождаться то или другое правительственное распоряженіе. Управляйте, какъ можете, но во всякомъ случаѣ это трудъ величайшей важности и отвѣтственности; никто изъ добросовѣстныхъ администраторовъ такого общества не можетъ лечь въ постель, не подумавъ о томъ, что, вѣроятно, вслѣдствіе своихъ тяжелыхъ обязанностей, онъ сдѣлалъ въ этотъ день болѣе зла, чѣмъ добра. Робертъ Пилъ взвѣшиваетъ значеніе этихъ обязанностей такъ: «Войдите въ положеніе перваго министра Англіи. Вы должны предположить, что онъ пересчитываетъ всякую важную депешу иностранныхъ кабинетовъ; онъ не можетъ совѣтоваться съ министромъ иностранныхъ дѣлъ и имѣть вліяніе на ходъ ихъ, если только отъ его вниманія ускользаетъ что-нибудь замѣчательное въ кругу этого управленія. Точно въ такомъ же отношеніи онъ находится и къ другимъ частямъ администраціи; какиѣмъ образомъ, напримѣръ, онъ можетъ разсуждать о политическомъ состояніи Индіи, если только не знаетъ всѣхъ важныхъ происшествій, случившихся въ ней. Относительно Ирландіи и внутренняго управленія то же самое. Старшій министръ обязанъ охранять королевскую власть, и это не шутка; онъ обязанъ знать достоинства каждаго избираемаго кандидата; онъ ведетъ всѣ сношенія съ монархомъ; онъ отвѣчаетъ, и конечно собственноручно, на письма всѣхъ почетныхъ особъ, которыя обращаются къ нему; во время парламентскихъ засѣданій, онъ присутствуетъ въ собраніи по шести и семи часовъ, четыре или пять дней въ недѣлю; по-крайней-мѣрѣ на него ропщутъ, если онъ отсутствуетъ.»

Очевидно, при такихъ занятіяхъ нѣтъ времени размышлять. Размышленіе требуетъ досуга. Среди хлопотъ практической жизни, надо имѣть то, что называетъ Уордспортъ «умной пассивностью.» Если вы прикуете голову своего министра къ пудовой гирѣ и обратите его въ простую машинку своихъ обыденныхъ цѣлей, вы не можете ожидать отъ него глубокихъ соображеній относительно католической эманципаціи или иныхъ государственныхъ идей. Система нашей конституціи, кажется, организована именно въ такомъ духѣ; самыя легкіе вопросы она обращаетъ для правительственнаго ума въ рутину, а самыя трудныя въ чистое развлеченіе, и я назвалъ бы англійскую конституцію, въ современномъ ея видѣ, забавной рутинной. Она придушаетъ свободную и самостоятельную мысль государственнаго дѣятеля. Вы видите, среди какихъ трудовъ проходилъ Робертъ

Циль свое политическое поприще. Онъ долженъ былъ заниматься, думать и соображать все, что происходило въ жизни Британской имперіи или въ головѣ парламентскаго члена. Скорѣе надо удивляться тому, что наши первые министры еще не совсѣмъ тупѣютъ при такой системѣ, чѣмъ тому, что они мѣняютъ свои мнѣнія.

Я скажу даже больше. Великій администраторъ не долженъ имѣть постояннаго образа мыслей. Его главное назначеніе состоитъ въ томъ, чтобъ немедленно дѣйствовать; онъ съ неутомимымъ вниманіемъ долженъ слѣдить за текущими обстоятельствами въ его кабинетѣ, составлять дѣловыя бумаги, отвѣчать на письма и перечитывать разные документы. Онъ недоволенъ, когда развлекаютъ его. Теперь представьте, если бы онъ отложилъ въ сторону весь этотъ канцелярскій хламъ и, сосредоточившись въ себѣ, сталъ бы разсуждать объ отвлеченныхъ принципахъ и результатахъ, столь противоположныхъ министерскимъ занятіямъ, его приняли бы за мечтателя, зунатика и возмутителя практической жизни. Отъ людей этого рода отнюдь нельзя требовать высокихъ и дальновидныхъ политическихъ взглядовъ; это значило бы то же, еслибы мы спросили мѣнялу, какая цѣна фондовъ была за шесть мѣсяцевъ въ этотъ самый день? Онъ вовсе думаетъ не о прошедшемъ; онъ весь погруженъ въ соображеніе, какая цѣна размѣнныхъ кассъ будетъ черезъ десять минутъ. Такъ точно голова великаго администратора постоянно занята дневными событіями, тѣми житейскими мелочами, которыя для него наставительнѣй и полезнѣй философическихъ плановъ и смѣлыхъ отвлеченныхъ теорій. Мы не говоримъ, чтобъ администраторъ вовсе не имѣлъ никакихъ общихъ началъ; онъ не можетъ соображать частныхъ, если у него нѣтъ никакого опредѣленнаго плана; безъ него невозможно вѣрное направленіе и достиженіе цѣлей, которыя лежатъ въ перспективѣ передъ государственнымъ челоувѣкомъ; но дѣло въ томъ, что этотъ планъ не есть плодъ той или другой теоріи, имъ самимъ созданной, — не есть результатъ его собственнаго размысленія, а насущная необходимость, возникающая изъ ряда внѣшнихъ обстоятельствъ. Среди этихъ обстоятельствъ государственный правитель дѣйствуетъ, подобно кормчему на открытомъ морѣ; онъ не можетъ создать вѣтра, но онъ пользуется его направленіемъ, онъ не перестраиваетъ корабль, но ведетъ его среди волнъ съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ. Ему необходимо полное спокойствіе духа и нѣкоторая вѣра; эта вѣра выражается для него въ голосѣ народа. Чѣмъ

внимательнѣй онъ прислушивается къ нему, чѣмъ больше уважаетъ общественный авторитетъ, тѣмъ успѣшнѣй дѣйствуетъ. Послѣ того, нѣтъ ничего удивительнаго, если Робертъ Пиль нѣкогда раздѣлялъ политическія убѣжденія Персваля и Сидмауса. Мы слишкомъ хорошо знаемъ, въ какой житейской школѣ образуется нашъ молодой человекъ, готовясь выступить на сцену общественного служенія. Если только онъ посягаетъ на оригинальныя мнѣнія, на самостоятельную дѣятельность парламентскаго бойца, на него начинаютъ смотрѣть, какъ на выскочку. Аристократическая партія, опутанная предрасудками, подозрѣваетъ въ немъ личнаго врага и старается поставить его подъ свое дырявое знамя или уничтожить на первой ступени государственнаго восхода. Вслѣдствіе этого молодой кандидатъ волей неволей смѣшивается съ толпой тѣхъ дѣятелей, на сторонѣ которыхъ сила и авторитетъ. Отказываясь отъ независимаго образа мыслей, онъ только цѣной этой жертвы приобретаетъ ту опытность, которая ему необходима. Когда Виги, послѣ парламентской реформы стали впереди правительства, общій крикъ раздавался, что эти люди не имѣютъ дѣловыхъ способностей. Дѣйствительно, долгое удаленіе отъ государственнаго управленія отучило ихъ отъ пониманія техническихъ формъ и практическаго навыка въ администраціи. Робертъ Пиль занялъ эту способность у Персваля. Обыкновенно, на его первоначальную связь съ узкимъ консерватизмомъ смотрятъ съ невыгодной точки зрѣнія; но едва ли она не была ему болѣе полезна, чѣмъ вредна; она не могла заразить его мысли предрасудками жалкой эпохи, но могла сблизить и ознакомить его съ практической стороной администраціи. Пиль никогда не могъ быть великимъ мыслителемъ; онъ былъ, по природѣ, великій администраторъ.

Наконецъ Робертъ Пиль представляется намъ типомъ конституціоннаго государственнаго человека и въ томъ отношеніи, что онъ былъ великій парламентскій адвокатъ. Его ораторскія способности не имѣли ничего замѣчательнаго, но искусство дѣйствовать на умы другихъ посредствомъ доказательства ставило его въ числѣ первыхъ дебатировъ, а въ этомъ искусствѣ заключается вся сила парламентскаго дѣятеля. Маколо говоритъ, что «это одно изъ самыхъ серьезныхъ золъ, въ какомъ только можно упрекнуть народное правленіе. Самые мощные и пронзительные умы каждаго поколѣнія, умы часто способные соображать величайшіе вопросы, обыкновенно должны пріискивать доказательства, какихъ ни одинъ умный человекъ не помѣстилъ бы

въ своей печатной статьѣ, доказательства, только годныя для парламентской рѣчи. Привычка разсуждать о вопросахъ такого рода естественно дѣйствуетъ на умы самыхъ даровитыхъ нашихъ людей, въ-особенности тѣхъ, которые вступаютъ въ парламентъ съ ранней юности, прежде, чѣмъ умъ ихъ возмужаетъ. Въ нихъ развивается способность парламентскаго дебата до удивительной степени, что изумляетъ толпу, подобно дару импровизаціи въ италіянскомъ поэтѣ. Но они счастливы, если ихъ умъ не тупѣетъ, умъ, необходимый для строгаго размышленія и глубокой мысли. Поэтому мы скорѣе должны ожидать великаго оригинальнаго произведенія въ родѣ, напримѣръ, «Wealth of Nations», отъ какого-нибудь провинціального аптекаря или министра гебридскихъ острововъ, чѣмъ отъ англійскаго государственнаго человѣка, который былъ знаменитымъ дебатеромъ въ парламентѣ.» Но это зло, едва ли еще не глубже разрушаетъ умственную организацію тѣхъ, которые занимаютъ второстепенную роль подъ его вліяніемъ. Конституціонный государственный человѣкъ часто обязанъ не только приводить нелѣпыя доказательства, но и защищать мнѣнія, которыя онъ самъ считаетъ ложными. Достойно ли это одобренія или сожалѣнія, во всякомъ случаѣ наша современная политическая жизнь страдаетъ адвокатскими приемами. Изъ пятнадцати билей, которые, положимъ, каждый годъ поступаютъ въ кабинетъ министровъ, невозможно допустить, чтобъ всѣ члены этого кабинета были согласны въ нихъ. Навѣрное, нѣтъ и двухъ людей, которые бы одинаково думали о пятнадцати различныхъ вопросахъ; и за всѣмъ тѣмъ, они всѣ защищаютъ ихъ и приписываютъ на себя отвѣтственность за нихъ. Совершенно возможно, что министръ, упорно защищавшій билъ въ парламентскомъ собраніи, въ кабинетѣ употребитъ тѣ же доказательства, которыя онъ выслушалъ со стороны оппозиціонной партіи; и этому увлеченію онъ можетъ подчиниться безъ всякаго убѣжденія, а просто потому, что мнѣнія его противниковъ кажутся ему лучше, чѣмъ его собственныя. Напротивъ, еслибъ каждый членъ непременно хотѣлъ держаться своего личнаго убѣжденія, принимая его за рѣшительную норму въ положеніи вопроса, дебатъ обратился бы въ дѣтскую игрушку, безъ всякаго положительнаго результата. Обыкновенно, мѣра, предложенная собраніемъ нѣсколькихъ голосовъ, совершенно различна отъ того, что каждый бы членъ отдѣльно желалъ предложить отъ себя: здѣсь необходима взаимная уступка, безъ которой невозможно народное правленіе. Каждый долженъ посту-

питься въ пользу другаго и каждый долженъ потребовать этой уступки для себя-самого. Каждый видитъ, что въ настоящемъ предложеніи есть кое-что вовсе не по его мысли; каждый жалѣетъ, что кое-чего недостаетъ въ немъ, отъ чего онъ не желалъ бы отказаться, и за всѣмъ тѣмъ, въ общемъ итогѣ онъ признаетъ рѣшеніе самымъ лучшимъ; по крайней мѣрѣ онъ думаетъ, что еслибъ онъ не согласился, то могъ бы повредить правительству; и потому онъ лучше рѣшится сохранить министерство, чѣмъ отвергнуть частную мѣру, защищая свое индивидуальное мнѣніе. Пиль превосходно опредѣляетъ это различіе въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Предположимъ, что кто-нибудь за обѣдомъ выразилъ свое личное мнѣніе о вопросѣ, начатомъ партией, съ которой онъ дѣйствуетъ за-одно въ общественной жизни; можетъ ли онъ, не подвергаясь безчестию, выразить это личное мнѣніе противъ своей партіи? — Вопросъ очень странный. Но не то же ли самое мы видимъ каждый день въ поведеніи правительства? Нѣтъ сомнѣній, каждый изъ парламентскихъ членовъ знаетъ, что министры кабинета, уступающіе рѣшенію своихъ товарищей во всѣхъ вопросахъ, рѣдко говорятъ и дѣйствуютъ въ самомъ собраніи согласно съ тѣмъ, что они выражаютъ въ кабинетѣ. Еслибъ при всякомъ случаѣ мы стали порицать министровъ за эту несостоятельность мнѣній, парламентъ обратился бы въ сцену постоянной брани и, я не знаю, долго ли онъ удержался бы при такомъ порядкѣ вещей.»

Все это ясно показываетъ, что видимое измѣненіе мнѣній, при современномъ правительственномъ организмѣ, есть необходимое условіе политической жизни государственнаго человѣка. Представимъ, что новое министерство находитъ подъ рукой вопросы А, В, С, D, самыми важными вопросами въ настоящій моментъ, — вопросами ясными, настоятельными, и понятными общественнымъ мнѣніемъ. Другія задачи, X, Y, Z, менѣе требовательны и неизбѣжны. Согласно принятому обычаю, каждый министръ долженъ предпочесть первые вторымъ. Не всегда такъ бываетъ на самомъ дѣлѣ. Какъ бы личное его убѣжденіе не было сильно относительно вопроса С, но онъ часто принужденъ сдать его товарищу, а самъ заняться А и В. Черезъ нѣсколько лѣтъ требованія измѣняются. Вопросъ А разрѣшенъ, В приводится въ исполненіе и С забытъ, а X сдѣлался самымъ важнымъ вопросомъ этого дня. Государственный человѣкъ, нѣкогда уступившій С другому, теперь долженъ рѣшить его самъ. Въ дѣйствительности, онъ никогда не измѣняетъ своего мнѣнія, за

всѣмъ тѣмъ онъ принимаетъ сторону той мѣры, противъ которой протестовалъ прежде. Каждый думаетъ, что онъ отступилъ отъ первоначальнаго плана, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ остается при томъ же внутреннемъ убѣжденіи, но покоряется необходимости другихъ обстоятельствъ. Нѣтъ сомнѣнія, что это серьезное зло въ конституціонномъ правительствѣ, особенно запутанномъ адвокатскими формами. Въ свободномъ правительствѣ все происходитъ среди яснаго дня; оно разсуждаетъ, говоритъ и убѣждаетъ. Вслѣдствіе этого, вожди его часто должны защищать вопросы, которые они внутренне отвергаютъ, и отвергать такія мѣры, съ которыми они внутренне согласны, выдавать свои мнѣнія за искреннія, когда на самомъ дѣлѣ они вовсе не имѣютъ ихъ. Призваніе конституціоннаго государственнаго членка, во многомъ походитъ на призваніе политическаго адвоката; онъ измѣняетъ свои воззрѣнія съ каждымъ новымъ обстоятельствомъ каждаго дня. Послѣ этого не трудно понять, почему самостоятельные дѣятели такъ рѣдко встрѣчаются въ конституціонныхъ правленіяхъ; ихъ считаютъ, обыкновенно, умами тѣсными, упорными, которые уважаютъ свои собственныя убѣжденія, но не уважаютъ ихъ въ другихъ, умами близорукими, которые ясно видятъ свои цѣли, но не хотятъ понять ни требованій времени, ни обстоятельствъ, однимъ словомъ, умами эгоистическими, для которыхъ холодное постоянство обращается въ какую-то своекорыстную религію. Мы убѣждены, что потомство найдетъ приличное извиненіе лорду Джону Росселю, когда остановитъ взглядъ на этотъ постоянномъ противорѣчій характера съ его положеніемъ.

Робертъ Пилъ былъ созданъ для этой жизни. Самое его краснорѣчіе имѣло что-то особенное, совершенно согласное съ его политическимъ характеромъ. Онъ ничего не сказалъ, что поразило бы глубокой истиной; онъ никогда не выразилъ ни одного мнѣнія, которое бы на первый разъ не показалось каждому самымъ очевиднымъ. «Искусство поставить вопросъ, умѣнье схватить подробности дѣла, наблюденіе за слабыми пунктами противника, расчитанность каждой фразы и каждаго слова, дѣловое взглядъ, дидактическая точность въ объясненіи предмета, ловкая увертливость тамъ, гдѣ ораторъ не хотѣлъ вполнѣ раскрыть своей мысли и глубокое сознаніе отвѣтственности, когда нужно было показать его — все это соединялось въ Робертѣ Пилѣ до изумительной степени и дало ему право назваться неподражаемымъ мастеромъ политическаго адвокатства. Онъ не

возвысился бы въ эпоху сильнаго патріотическаго энтузіазма, для выраженія его у него не было способностей; онъ остался бы незамѣченнымъ въ эпоху парламентской дѣятельности, когда изящная наружность и прелесть артистическаго выраженія были душой шумныхъ дебатовъ. Но въ періодъ замѣчательной дѣятельности, когда необыкновенное множество вопросовъ занимали законодательное собраніе, такихъ вопросовъ, которые не воспламеняли страстей, не разжигали личнаго самолюбія, нельзя было указать болѣе ловкаго оратора, послѣ Роберта Пиля, спокойнаго, наблюдательнаго, всегда равнаго, никогда великаго, но всегда понимавшаго великія задачи нашей жизни. Любопытно знать, какъ онъ былъ воспитанъ для своего ремесла.

«Когда родился Пиль, отецъ его, первый баронетъ, богатѣя съ каждымъ днемъ и думая, что деньги въ это время могли легко приготовить мѣсто его сыну въ парламентѣ, рѣшился образовать его, именно для этого поприща. Когда мальчикъ едва началъ лепетать, отецъ, сажая его на столъ, приговаривалъ: «Ну, Робинъ, говори рѣчь, я дамъ тебѣ эту вишню.» Если ребенокъ произносилъ нѣсколько словъ, его хвалили, и эти похвалы, подстрекая дѣтское самолюбіе, имѣли то дѣйствіе, что десятилѣтній Робинъ могъ говорить въ обществѣ дѣйствительно краснорѣчиво. Когда онъ подростъ, отецъ каждое воскресенье зазывалъ его въ свой кабинетъ и заставлялъ повторять проповѣдь, слышанную въ церкви. Сначала дѣло подавалось туго и услѣхъ былъ не великъ; но неутомимое прилежаніе развило силу вниманія до такой степени, что проповѣдь пересказывалась почти буквально. Впослѣдствіи первый министръ, выслушавъ рѣчь своего противника, отвѣчалъ ему съ такой послѣдовательностію, что невольно удивлялся этой памяти, не подозрѣвая того, что Пиль обязанъ былъ ея развитіемъ драйтонской капеллѣ.»

Тонкій наблюдатель могъ бы сказать, что Пиль навсегда сохранилъ тонъ проповѣдника въ своихъ парламентскихъ рѣчахъ, которыя, дѣйствительно, отзывались нѣсколько церковнымъ дидактизмомъ. Онъ былъ слабъ тамъ, гдѣ можетъ быть, одинъ Джонъ Россель блистательно успѣваетъ въ ораторскомъ убѣжденіи.

Если мы сообразимъ всѣ эти обстоятельства, если мы представимъ личность трудолюбивую и способную, одаренную необыкновенной наблюдательностію внѣшняго міра и самымъ гибкимъ воспримчивымъ умомъ, личность, лишенную сосредоточен-

ной внутренней оригинальности, готовую всегда забыть идеи вчерашняго дня и принять идеи нынѣшняго, — если мы вообразимъ человѣка съ такими наклонностями, съ раннихъ лѣтъ погруженнаго въ мелочную административную дѣятельность, съ которой положительно было невозможно абстрактное мышленіе, человѣка, поставленнаго подъ вліяніемъ чужихъ мнѣній, ради которыхъ онъ долженъ былъ жертвовать собственными, то передъ нами является добросовѣстный, но лишенный самостоятельныхъ убѣжденій, дѣятель, передъ нами обрисовывается лицевой характеръ Роберта Пиля.

Въ добросовѣстности этого государственнаго человѣка нельзя сомнѣваться. Относительно административной отвѣтственности онъ держался самыхъ строгихъ правилъ. Мы не говоримъ, чтобъ эта нравственная строгость простиралась въ немъ также далеко, какъ въ лордѣ Ливерпулѣ, который, говорятъ, никогда не распечатывалъ писемъ безъ того, чтобъ не вздохнуть и не подумать, что вѣрно гдѣ-нибудь случилось несчастье; но положительно извѣстно, что Робертъ Пиль высоко уважалъ свои обязанности. Лордъ Уелли на этотъ счетъ сообщаетъ намъ въ своихъ мемуарахъ слѣдующую черту: «ваша доброта (обращаясь къ Робертъ Пилю) и рыцарскій характеръ оставили въ моей душѣ самыя живыя впечатлѣнія». Послѣ его кончины, когда память знаменитаго администратора обратилась въ предметъ всеобщаго уваженія, каждое обстоятельство, вновь освѣщавшее эту личность, подтверждаетъ ея нравственную высоту. Это свойство Пила ясно отразилось, между прочимъ, въ каждой строчкѣ его собственныхъ мемуаровъ. Какъ они ни скучны и поверхностны, но въ нихъ ярко выступаетъ добросовѣстность писателя; они читаются, подобно умнымъ и честнымъ письмамъ практическаго человѣка; онъ совершенно былъ убѣжденъ въ томъ, что первая его обязанность — служить странѣ добросовѣстно. Герцогъ Веллингтонъ, отнюдь не щедрый на похвалы своимъ современникамъ, удѣлилъ Пилю одно неоспоримое достоинство — любовь къ справедливости. «Впродолженіе всѣхъ моихъ сношеній съ нимъ, я не знаю ни одного случая, когда бы Робертъ Пиль не уважалъ прежде всего истины. Впродолженіе всей моей жизни я никогда не имѣлъ повода усомниться въ томъ, что слово Пила есть положительный фактъ. И въ этой точности слова и дѣла заключается, по моему мнѣнію, лучшая характеристика его». Такая скромная похвала, повидимому, вовсе не лестна для памяти Роберта Пила; въ-самомъ-дѣлѣ, что тутъ удивительнаго, что

онъ не лгалъ; мы привыкли думать, что есть множество другихъ людей, которые также не лгутъ. Но кто знаетъ официальное положеніе государственнаго человѣка, неизбѣжную запутанность его личныхъ отношеній, тотъ не станетъ удивляться, что многіе и очень многіе государственные люди безсовѣстно лгутъ, и что эта похвала Роберту Пилю вовсе не лишена значенія. Впрочемъ, при всемъ уваженіи его къ справедливости, онъ часто находился въ затруднительномъ положеніи, когда добродѣтели его угрожало сильное искушеніе. То же самое мы могли бы замѣтить и относительно честности самого герцога Веллингтона.

Вмѣстѣ съ великимъ полководцемъ, Робертъ Пиль имѣетъ право на уваженіе, какъ преобразователь административной совѣсти. Онъ очистилъ партію Торіевъ. Никто не станетъ отрицать, что эта партія, такъ долго царившая въ нашемъ правительствѣ, безъ всякаго надзора со стороны націй, безъ всякаго наблюденія со стороны оппозиціи, партія съ естественными побужденіями злоупотреблять своей властью и всегда готовыми помощниками для этихъ злоупотребленій, внесла много порчи въ администрацію. Злоупотребленія прошлаго вѣка росли постепенно, и правительство, принимая ихъ, какъ наслѣдство, отъ предъидущей эпохи, прибавляло къ нимъ новыя; надъ старымъ слоємъ пороковъ нарасталъ свѣжій и никто не хотѣлъ дотронуться до этой грязной кучи. Парламентъ въ это время былъ болѣе частнымъ совѣтомъ министровъ, чѣмъ выраженіемъ національной воли; подача голосовъ зависѣла отъ гнѣвной и своекорыстной партіи, гдѣ скорѣе все дѣлалось ради какой-то механической рутины, чѣмъ по чувству справедливости. Нѣтъ сомнѣнія, что въ числѣ этихъ людей были превосходныя личности, которые благотворно вліяли на другихъ; но эта партія обязана своимъ нравственнымъ возрожденіемъ въ-особенности двумъ вождямъ — герцогу Веллингтону и Роберту Пилю. Съ той поры, когда они стали впереди консервативнаго правительства, народъ не сомнѣвался, что эти люди не злоупотребятъ ради личныхъ выгодъ ни протекціей, ни общественной казной и что, въ предѣлахъ ихъ власти, они не допустятъ ни лицепріятія, ни подкупа со стороны другихъ. Какимъ образомъ они поселили эту увѣренность въ народѣ, это объясняется мемуарами Йоркскаго декана, въ которыхъ разсказывается, какъ онъ искушалъ чистоту характера своего родственника.

«Когда Робертъ Пиль былъ секретаремъ за Ирландію, я просилъ его дать очень ничтожное мѣсто, бывшее въ его полномъ

распоряженіи, одному достойному человѣку, въ которомъ я принималъ участіе. Пилъ отвѣчалъ мнѣ, что онъ очень радъ пособить этому дѣлу, но что всякое покровительство въ кругу этого управленія зависитъ отъ одного значительнаго лица, пользующагося значеніемъ въ парламентѣ. Доброта ирландскаго секретаря была такъ велика ко-мнѣ, что онъ убѣдилъ лорда-лейтенанта выпросить это мѣсто въ пользу моего кандидата, какъ особенную милость со стороны вышеупомянутаго лица. Маркизь отвѣчалъ, что мѣсто ничего не стоитъ, и за всѣмъ тѣмъ, чтобъ предупредить опасный примѣръ, онъ долженъ отказать просьбѣ.

Впослѣдствіе, спустя много лѣтъ, Робертъ Пилъ былъ сдѣланъ первымъ министромъ; мнѣ часто приходилось просить его за моихъ дѣтей, которыхъ я желалъ, подъ его покровительствомъ, опредѣлить на мѣста прайдныя и въ непосредственной его власти. Вотъ три письма, которыя я получилъ отъ него по этому предмету; они были писаны въ разное время, но содержаніе ихъ проникнуто однимъ и тѣмъ же духомъ.

Уайтголь. 20-го Декабря (даты года нѣтъ).

Любезный деканъ Йорка, — благодарю васъ за то вниманіе, которымъ вы почтили мои неутомимые труды на пользу общественнаго блага. Но я желалъ бы, чтобъ главнымъ утѣшеніемъ и наградой моихъ трудовъ было *сознаніе*, что обязанности мои безкорыстны, чтобъ офиціальное покровительство было для меня исполненіемъ общественнаго довѣрія; и мнѣ кажется, я долженъ располагать имъ не иначе, какъ возмездіемъ и ободреніемъ служебныхъ трудовъ или удовлетвореніемъ общихъ интересовъ правительства. Признаюсь вамъ, всякое покровительство такъ не совмѣстно съ требованіями общественной жизни, такъ непрятно для нашей политической карьеры, что я нахожу величайшимъ затрудненіемъ соглашать общія цѣли съ личными интересами. Еслибъ я безусловно располагалъ тѣмъ назначеніемъ, о которомъ вы просили, я бы давно предоставилъ его тому или другому соискателю, но за неимѣніемъ достойнаго кандидата, оно доселѣ остается незанятымъ. Я предупредилъ уже многихъ изъ просителей, что считаю непремѣннымъ своимъ долгомъ избрать для этого мѣста человѣка опытнаго и дѣловаго, знающаго морское дѣло или отличавшагося на этомъ поприщѣ.

Вѣрьте моей преданности, Р. Пилъ.

Вотъ другое письмо, которымъ онъ отвѣчалъ на подобную же просьбу.

Уайтголь. 1843. Апрѣля 5-го.

Любезный Йорскій деканъ, я долженъ распорядиться тѣмъ мѣстомъ, о которомъ вы просите, на основаніи своего постоянного правила. Дѣло въ томъ, что я никогда не считалъ официальное покровительство средствомъ — удовлетворять частнымъ желаніямъ кого бы то ни было. Государственные дѣятели, обязанные отвѣчать передъ судомъ общества и дорожить своими служебными обязанностями, должны быть осторожны въ раздачѣ своей протекціи; и я сталъ бы сожалѣть, еслибъ отступилъ отъ ихъ правила, въ пользу какого-нибудь изъ своихъ родственниковъ. Смѣю увѣрить васъ, это было бы неприятнымъ личнымъ затрудненіемъ для меня и совершеннымъ нарушеніемъ одинъ разъ и навсегда принятаго мной правила.

Въ заключеніе скажу, что всякая протекція, ради личной выгоды министра, ставитъ его въ самое неприятное положеніе.

Преданный вамъ Р. Пиль.

Я присоединяю еще одно письмо того же рода, потому что они раскрываютъ характеръ писателя и не лишены общественнаго интереса. Контролеръ почтовыхъ стемповъ умеръ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ служилъ и мой сынъ; оба мы очень желали пріобрѣсти эту вакантную должность. Я думалъ, что на этотъ разъ старшій министръ сдѣластъ исключеніе изъ общаго правила, и поможетъ моему сыну. Отвѣтъ былъ слѣдующій.

Уайтголь. 1-го Мая.

Любезный деканъ Йорка, каковы бы ни были распоряженія, сдѣланныя относительно замѣщенія умершаго контролера стемповъ, котораго замѣнилъ Г***, во всякомъ случаѣ я не считаю себя вправѣ располагать покровительствомъ въ пользу своихъ родственниковъ.

На это мѣсто явились три провинціальныхъ сопскаателя, занимавшихъ правительственныя должности; я не сомнѣвался, что они будутъ просить объ опредѣленіи ихъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ, меня просили герцогъ *** и графъ ***, имѣя, конечно, больше правъ на это назначеніе, чѣмъ я въ кругу этого мѣстнаго управленія.

Позволяю себѣ увѣрить васъ, что для меня очень тяжело отступить отъ тѣхъ началъ, на основаніи которыхъ я всегда дѣйствовалъ, и было бы крайне несправедливо раздавать общественныя обязанности ради своихъ личныхъ расчетовъ.

Преданный вамъ Робертъ Пиль.

«Эти письма объясняют то благородное начало, которым руководствовался Робертъ Пиль въ своей политической жизни. Я совершенно увѣренъ, что онъ искренно любилъ моихъ дѣтей; онъ приглашалъ ихъ на охоту, старался доставить имъ удовольствіе, предлагалъ прекрасные подарки, но никогда не хотѣлъ обогатить ихъ на счетъ общественнаго кошелька, потому что они были племянники его. Конечно, не многіе первые министры доводили свое безкорыстіе до такого педантизма».

Вѣроятно, церковникъ желалъ бы видѣть въ Робертѣ Пилѣ по меньше честности.

Измѣненіе политическихъ убѣжденій многіе принимаютъ въ немъ за недостатокъ добросовѣстности. Но мы уже объяснили главный источникъ этого недостатка; мы, кажется, доказали ясно, что Робертъ Пиль не могъ стать выше текущихъ обстоятельствъ; онъ былъ честнымъ и умнымъ адвокатомъ за нихъ; самая готовность идти вмѣстѣ съ вѣкомъ и требованіями общества подтверждаетъ добросовѣстность его. Еслибъ онъ увлекался эгоистическими цѣлями, онъ не могъ бы такъ благоволенно измѣнять своихъ мнѣній. Вопросы его правленія были слишкомъ велики и общирны. Мы знаемъ государственныхъ людей, напримѣръ Талейрана, которые, казалось, впередъ предугадывали какимъ-то политическимъ чутьемъ, когда нужно оставить партію, готовую пасть, и присоединиться къ той сторонѣ, которая должна подняться. Исторія правительствъ богата этими государственнымн тартюфами, но эта черта вовсе не въ характерѣ Роберта Пилы. Онъ былъ человекъ сдержанный и дѣловой. Для свѣтскихъ тонкостей, для легкаго перехода отъ одного лица къ другому, отъ одного тона къ другому, онъ вовсе былъ неспособенъ. Еслибъ онъ не держался строго тѣхъ правилъ поведенія, которыя онъ усвоилъ изъ наблюденія и опыта соврѣменной ему жизни, его карьера была бы рядомъ неудачъ и ошибокъ; вмѣсто того, чтобъ удивляться его политическому успѣху, мы стали бы сожалѣть о крайнемъ несчастіи его предпріятій. Такихъ примѣровъ много. Римская исторія представляетъ намъ подобную характеристику въ двухъ гениальныхъ честолюбцахъ, которые обладали совершенно различными способностями, одинъ — умомъ необыкновенно впечатлительнымъ, другой замкнутымъ и глубокимъ. Юлій Цесарь сумѣлъ воспользоваться удивительнымъ стеченіемъ благопріятныхъ обстоятельствъ и возвысился отъ развалинъ до имперіи; избалованное дитя общества, дышавшее каждымъ дыханіемъ народнаго мнѣнія, жившій,

по-крайней-мѣрѣ, для вида среди вѣшнихъ удовольствій, всегда умѣвший, вслѣдствіе симпатичной манеры, сохранить друзей изъ всѣхъ сословій, которыми онъ пользовался различно. Помпей дѣйствовалъ подъ другимъ полюсомъ; онъ слушался больше своего внутренняго голоса, чѣмъ вѣшнихъ обстоятельствъ, и потому потерялъ лучшее изъ политическихъ положеній и умеръ въ безпріютномъ изгнаніи. Какъ абстрактный гений, погруженный въ себя самого, онъ никогда не могъ понять духа времени и требованій, вѣявшей вокругъ его жизни. «Мнѣ только стоитъ, въ случаѣ надобности, стукнуть ногой о землю, чтобы поднять легионы изъ италіанской почвы,» — это говорилъ тотъ, кто въ самой крайней нуждѣ, не могъ найти силъ, для одного удара за самую Италію. Судьба Помпея была бы судьбой Роберта Пилля, еслибы этотъ послѣдній сыгралъ роль эгоиста. Его политическая подвижность вытекала изъ другихъ побужденій; онъ хотѣлъ быть всегда справедливымъ. Какъ дѣловой и вѣчно занятый администраторъ, онъ переходилъ отъ одного вѣрованія къ другому, вмѣстѣ съ большинствомъ его современниковъ.

Нельзя, впрочемъ, отрицать, что спокойная и ровная натура Роберта Пилля была способна къ самообольщеніямъ. Обыкновенно думаютъ, что только страстные темпераменты поддаются обману; дѣйствительно, пламенная фантазія легко увлекается и, подобно блуждающей кометѣ, часто вращается внѣ всякой опредѣленной орбиты; но люди этого характера знаютъ свою слабость. «Вѣрите вы въ привидѣнія, мистеръ Кольриджъ,» спросила одна лэди. «Нѣтъ; я слишкомъ много видѣлъ ихъ,» отвѣчалъ поэтъ. Совершенно спокойные темпераменты, если увлекаются своими собственными желаніями, они не чувствуютъ этого увлеченія; они такъ привыкаютъ къ мѣрной, невозмутимой жизни, что имъ кажется невозможнымъ сбиться въ ту или другую сторону и попасть въ ошибку. Даже когда они заблуждаются, имъ все думается, что они правы и непогрѣшительны; въ этомъ есть своего рода обманъ, похожій на то состояніе, когда мы, во время болѣзни, пробуждаясь подъ вечеръ, не знаемъ проснулся ли мы вечеромъ или утромъ. Притомъ, горячія и страстные натуры живутъ больше въ умственномъ, идеальномъ мірѣ, который они сами создаютъ себѣ; во-что бы то ни стало, они стараются осуществить его, потому что имъ нравится этотъ міръ больше дѣйствительнаго. Иногда не имѣя ни шести пенсовъ въ карманѣ, они считаютъ себя первыми счастливицами міра, если только ихъ мечту не разрушаетъ горкій

опытъ. Напротивъ холодные темпераменты, какъ полипы, не могутъ оторваться отъ той раковины, въ которой они выросли и прижились. Идеальный бытъ имъ кажется чистѣйшимъ вздоромъ; они смотрятъ на жизнь не дальше и не шире, какъ смотритъ полуслѣпый пѣшеходъ себѣ подъ ноги. Но если первые спотыкаются часто, то вторые опасно. Робертъ Пилъ, нѣтъ сомнѣнiя, искренно продолжалъ думать, что законъ о хлѣбной торговлѣ былъ благодѣяниемъ, когда уже никто изъ самыхъ близорукыхъ умовъ не раздѣлялъ этого парадокса.

Роберта Пилъ, какъ будто ради насмѣшки, упрекали въ томъ, что онъ былъ «радикалъ въ душѣ». Его радикализмъ былъ вынужденъ самой эпохой; что отвергалъ онъ въ началѣ жизни, то защищалъ подъ конецъ ея, и это вовсе не зависѣло отъ личныхъ воззрѣнiй Пилъ, а отъ самыхъ обстоятельствъ. Извѣстно, что онъ притивился парламентской реформѣ, и за всѣмъ тѣмъ гораздо лучше могъ успѣть въ преобразованномъ, чѣмъ въ старомъ сенатѣ. Въ послѣднемъ происходили дебаты, которые очень мѣтко Макинтошъ сравнилъ съ послѣ обѣденными бесѣдами. Парламентъ состоялъ изъ людей классическаго воспитанiя, не очень глубокаго, но все же оставившаго въ ихъ памяти нѣсколько стиховъ изъ Виргилiя и Горация, съ которыми такъ мало согласовались дѣловые и практическiе вопросы. Эти парламентскiе дѣятели не столько нуждались въ дѣйствительномъ знанiи, сколько въ приятномъ развлеченiи ораторскимъ искусствомъ. Изъ нихъ-то образовался тотъ классъ людей, который можно назвать сенаторами-говорунами. Каннингъ былъ типомъ этого сословія. Онъ былъ одаренъ счастливыми способностями, отличнымъ даромъ слова, превосходнымъ умомъ, ловкой діалектикой, умѣнiемъ скрасить каждую вещь, легко коснуться предмета или незамѣтно обойти его, показаться вамъ ничего не знающимъ или знающимъ все на свѣтѣ. Каннингъ раздражалъ своихъ слушателей тѣмъ всеобъемлющимъ, постоянно-новымъ словомъ, которое, казалось, не знало предѣловъ своей силѣ и плодовитости; онъ не говорилъ ничего, что поражало бы дѣйствительнымъ знанiемъ, но онъ не говорилъ ничего, что можно было бы заподозрить въ неправдѣ; онъ былъ самый ловкiй собесѣдникъ; не углубляясь ни въ одинъ предметъ, онъ разливалъ прелесть въ его поверхностномъ изложенiи. Онъ не заставлялъ васъ думать, когда вы его слушали, но заставлялъ наслаждаться, какъ вы наслаждаетесь легкой музыкальной арiей, картиной или статуей. Когда Каннингъ былъ живъ, люди строгихъ политическихъ убѣжде-

ній, какъ наирпмѣрь, герцогъ Веллингтонъ и лордъ Грей, не любили его. Еще досегѣ либералы стараго времени называютъ его величайшимъ шарлатаномъ, какой только когда-либо существовалъ, съ сожалѣніемъ признаваясь, что духъ его досегѣ вѣтъ падъ нами; и когда вы одни перечтываете его рѣчи, вы удивляетесь необыкновенной ловкости оратора скрыть искреннюю мысль въ счастливомъ выраженіи и затаить духъ подъ прекрасными цвѣтками фразеологій. Если же онъ и выражаетъ глубокою идсю или чувство, онъ даетъ имъ тѣсную художественную форму, что вы увлекаетесь больше этой формой, чѣмъ самымъ содержаніемъ; никто лучше его не могъ сообщить своимъ словомъ такое множество оттѣнковъ, варіаціи и тоновъ, всегда болѣе или менѣе изящныхъ и счастливыхъ. И такой ораторъ совершенно отвѣчалъ вкусу и направленію своей эпохи; онъ дѣйствовалъ среди аристократическаго общества, привыкшаго не столько разсуждать, сколько наслаждаться во время парламентскихъ дебатовъ, они были для нихъ гладиаторскими состязаніями, украшенными классическимъ образованіемъ и жаркими диспутами. Требовать отъ такихъ бойцовъ солидныхъ государственныхъ вождей или великихъ мыслителей, это значило то же, что ожидать отъ Француза, Нѣмца или яности отъ дипломата. Каннингъ выросъ на этой сценѣ, и недостатки ея, необходимо, были его собственными недостатками. Эта эпоха кончилась. Старый изящный, шелковый и распудренный парламентъ, вмѣстѣ съ его гладиаторствомъ, прошелъ. Реформа, вызванная прогрессомъ времени и жизни, развѣяла волшебный кругъ аристократическихъ членовъ и перенесла представительную систему на практическіе и дѣловые классы. Отъ современнаго краснорѣчія требуютъ яснаго изложенія дѣла, факта, подробности и преобразования. Теперь еслибъ и явились прошлые дебаты, для нихъ нѣтъ ни аудиторіи, ни предмета, о которомъ можно было бы говорить съ тактомъ классическаго выраженія. Риторическія фигуры и поэтическое вдохновеніе уступили мѣсто точну разсчету купца и юридическому труду адвоката. Вмѣстѣ съ краснорѣчіемъ и люди измѣнились. Робертъ Пиль былъ ниже Каннинга въ старомъ парламентѣ, но онъ былъ бы выше его въ новомъ. Аристократическій лоскъ и изящная рѣчь прошлой эпохи были чужды Пилю; но холодное размышленіе и дѣловой тактъ новаго времени составляли его главную стихію. Онъ былъ способенъ работать и соображать, но не очаровывать и забавлять.

Съ тѣмъ вмѣстѣ Робертъ Пиль былъ счастливый человекъ.

Главные мѣры, занимавшія его эпоху, состояли изъ отмѣнъ (repeals). Древнее законодательство, устарѣвшее по духу и по формѣ, не отвѣчало болѣе потребностямъ общества; вслѣдствіе этого каждый новый билль вызывалъ отмѣну или исправленіе одного государственнаго акта за другимъ. Эта парламентская работа вполнѣ отвѣчала таланту Роберта Пиза. Онъ не былъ творцомъ; его умъ, воспитанный подъ вліяніемъ административной рутины, безконечно плодovitый въ соображеніи частныхъ, отнюдь не былъ способенъ создавать новыя идеи или увлекаться отвлеченными началами; но онъ отлично выражалъ практическій смыслъ времени. Мы ужъ сказали, что въ немъ не было ничего оригинальнаго, высокаго и вдохновеннаго, но заключались всѣ элементы, необходимыя для ловкаго и счастливаго администратора. Въ самомъ дѣлѣ, какой бы вопросъ ни былъ предложенъ, Пизъ боялся крайности или слишкомъ рѣзкаго рѣшенія его; сначала онъ бралъ переходную степень, но чѣмъ дальше его мысль яснѣла и развивалась, тѣмъ болѣе онъ склонялся къ радикальному преобразованію. Такимъ образомъ, по какой-то нравственной инерціи, политическій гений Пиза наконецъ дошелъ до совершеннаго отрицанія старыхъ предразсудковъ. Анти-католическіе законы ему казались ложью; коммерческія постановленія неправдой; правила о таксахъ вопіющимъ злоупотребленіемъ, и подъ конецъ жизни, прежній консерваторъ призналъ необходимымъ правомъ *laissez-faire*, т.-е., право дѣйствовать свободно со стороны народа и обязанность не вмѣшиваться въ это право со стороны правительства. Онъ понималъ, что всѣ главныя злоупотребленія конституціи происходятъ отъ стѣснительныхъ формъ, въ которыя закована народная жизнь въ Британніи. Но все это частности, и Пизъ никогда не возвышался до общей и полной перестройки политическаго зданія. На его мѣстѣ, менѣе строгій и послѣдовательный, но болѣе живой и подвижной умъ сталъ бы дѣйствовать согласно съ идеями и всѣ второстепенныя послѣдствія вывелъ бы пзъ нея.

Впрочемъ это замѣчаніе требуетъ нашего поясненія. То что мы называемъ законодательствомъ на самомъ дѣлѣ, ни что иное какъ административное улучшеніе. Оно большей частію занимается не тѣмъ, что должно постановить для будущей дѣятельности, а тѣмъ, какъ направить эту дѣятельность; оно не предписываетъ и не создаетъ новыхъ правилъ, но проводитъ ихъ въ жизнь и организуетъ. Для этого труда Робертъ Пизъ былъ удивительнымъ органомъ. Въ административныхъ распо-

раженіяхъ у него не было саперника. Такъ, напримѣръ, въ 1844 году былъ предложенъ актъ о денежномъ курсѣ. Если вы загляните въ рѣчи, которыми сопровождался этотъ билль въ парламентѣ, вы не найдете въ нихъ ни свѣтлыхъ идей о политической экономіи, ни отвлеченныхъ взглядовъ. За всѣмъ тѣмъ споры были одушевленные; но Робертъ Пиль не выразилъ ни одного слова за или противъ этого билля. Онъ просто взялъ результаты теоріи, и никто лучше его не понималъ, какъ примѣнить эту теорію къ нашей администраціи. Раздѣленіе департаментовъ англійскаго банка, ограниченіе провинціальныхъ контролей — не были оригинальными идеями Роберта Пила, но организація ихъ принадлежитъ ему одному. И никто лучше его не обнималъ и не обсудилъ всѣхъ частныхъ этого вопроса.

Мы рассмотрѣли Роберта Пила, какъ политическаго дѣятеля. И въ этомъ заключается главная характеристика его. Онъ провелъ всю свою жизнь въ парламентѣ, въ кабинетѣ министровъ, среди государственныхъ занятій. Дизраели замѣтилъ, что Пиль никогда не былъ счастливъ за исключеніемъ того времени, когда онъ присутствовалъ въ парламентѣ или занимался своими обязанностями. Поэтому, говорить о Робертѣ Пилѣ значитъ говорить о его дѣлахъ, потому что между его частнымъ бытомъ и общественной карьерой нѣтъ никакого различія. И еслибъ мы стали требовать конституціоннаго государственнаго человѣка для нашей эпохи, еслибъ мы желали видѣть въ немъ вѣрное выраженіе общественныхъ требованій свободной націи, и еслибъ мы хотѣли ввѣрить успѣхъ своего управленія, гибкому и ловкому административному уму, мы не можемъ желать ничего лучше Роберта Пила. Вы отказались отъ глубокихъ мыслителей въ головѣ своего правительства, такъ довольствуйтесь тѣмъ, что есть, — дѣловымъ чиновникомъ.

Русскій театръ.

II.

Первой замѣчательной пьесой на сценѣ Александринскаго театра въ 1860 году, явилась драма Шекспира: «Шейлокъ, венеціанскій жидъ,» въ переводѣ Г. А. Григорьева. Г. Григорьевъ хорошо знакомъ съ Шекспиромъ. Это доказываютъ многія изъ его статей, напечатанныхъ въ нашихъ журналахъ. Но для того, чтобы передать творенія гениальнаго мыслителя и поэта, въ высшемъ значеніи этого слова, одного знакомства съ его произведеніями—какъ бы ни было оно велико—недостаточно. Для этого необходимо поэтическій талантъ, котораго не можетъ дать самое глубокое изученіе переводимаго писателя. Поэтическимъ талантомъ никогда не отличался г. Григорьевъ. Всѣ попытки его, въ которыхъ выказывалось стремленіе къ поэтическому творчеству, оказывались весьма неудачны. Тоже самое, не смотря на добросовѣстный и достойный уваженія трудъ, повторилось и теперь: переводъ «Шейлока» — если и долженъ быть поставленъ выше сдѣланнаго г. Венбергомъ перевода «Отелло» — во многихъ отношеніяхъ представляется далеко неудовлетворительнымъ. Впрочемъ, отъ г. Григорьева никто и не ожидалъ болѣе того, что онъ сдѣлалъ. Но если кто не оправдалъ надеждъ большей части публики, заинтересованной представленіемъ драмы Шекспира — такъ это г. Самойловъ, исполнившій роль венеціанскаго жида. Къ удивленію многихъ, онъ очень мало сдѣлалъ изъ своей роли. Это не былъ тотъ венеціанскій жидъ, былыхъ временъ нашествія республики, въ которомъ выразилась вся непримиримая злоба гонимаго и презираемаго племени — типъ грандіозный, созданный гениемъ великаго писателя, производящій сильное и глубокое впечатлѣніе. Однимъ словомъ, г. Самойловъ былъ не Шейлокъ, а скорѣе походилъ на современнаго Еврея нашихъ западныхъ губерній, передразнивать которыхъ, онъ, конечно, великій мастеръ. Мы далеки отъ того, чтобы не уважать прекрасный талантъ г. Самойлова; мы признаемъ за нимъ вполне художественное исполненіе лучшихъ ролей его обширнаго репертуара, и весьма сожалѣемъ, что представленіе героевъ шекспировскихъ драмъ не удаются одному изъ лучшихъ артистовъ нашего театра. Что касается до другихъ дѣйствующихъ лицъ драмы, всѣхъ

болѣе обратила на себя вниманіе г-жа Жулева, передавая внутренній смыслъ своей роли — она играла Порцію — съ великимъ артистическимъ умѣньемъ и безукоризненной отчетливостію.

За бенефисомъ г. Самойлова слѣдовалъ спектакль, данный въ пользу г-жи Левкѣевой, въ которомъ представлена была комедія князя Кугушева «Пріемышъ.» Не смотря на то, что это новая, и оригинальная пьеса, мы не будемъ останавливаться на разборѣ ея, потому что она рѣшительно этого не заслуживаетъ. Довольно сказать, что содержаніе ея сшито изъ кой-какихъ избитыхъ данныхъ, по жалкому образцу французскихъ мелодрамъ, и сшито такъ плохо, что нитки повсюду видны.

Послѣдней, достойной вниманія, пьесой прошедшаго театральнаго сезона, была драма г. Чернышева «Отецъ Семейства», данная въ бенефисъ г. Мартынова. По мысли — она дѣйствительно имѣетъ право на вниманіе, но по выпозненію ея авторомъ должна принадлежать къ числу весьма дюжинныхъ произведеній; и даже превосходная игра г. Мартынова, въ роли отца семейства, едва ли удержитъ ее на сценѣ на продолжительное время. Вотъ ея содержаніе: въ какомъ-то селѣ Михайловкѣ, живетъ помѣщикъ Степанъ Михайлычъ Трубинъ-Разладинъ, владѣлецъ трехъ сотъ пятидесяти душъ, съ женою Анной Ивановной, сыномъ Федоромъ Степанычемъ и двумя дочерьми Александрой и Настасьей Степановнами. Степанъ Михайлычъ — ужаснѣйшій домашній деспотъ; ни женѣ, ни дѣтямъ не позволяетъ онъ не только мыслить, но даже чувствовать. Анна Ивановна — женщина, въ высшей степени обезличенная, боится мужа, какъ огня, и съ трепетной покорностью, безотвѣтно переноситъ свою грустную долю. Сынъ ихъ Федоръ Степанычъ, только что кончившій гимназическій курсъ, читаетъ романы и пишетъ стихи. Изъ двухъ дочерей — старшая Александра Степановна, по волѣ отца, вышедшая замужъ за неизвѣстнаго ей до свадьбы петербургскаго чиновника, ненавидитъ мужа и считаетъ себя несчастной; младшая, Настасья Степановна, влюблена въ молодого не богатаго помѣщика-сосѣда, Алексѣя Васильевича Сулова. Въ такомъ положеніи находится все семейство въ началѣ драмы. Во-второмъ дѣйствіи положеніе это пзмѣняется: Степанъ Михайлычъ вошелъ въ пай съ однимъ золотопромышленникомъ, ввѣрилъ ему свое состояніе, обратилъ его въ наличныя деньги, и со всею семьей переѣхалъ въ Петербургъ. Здѣсь онъ продолжаетъ также тиранствовать надъ семьей, какъ и въ деревнѣ. Сына, пишущаго стихи и желающаго поступить въ университетъ, опредѣ-

лѣтъ на службу, подъ начальство какого-то стараго пріятеля, который не взлюбилъ бѣднаго молодого человѣка за то, что онъ не умѣетъ подлпчать, конфузиль Федора Степановича передъ всѣми и заставляетъ переписывать непомѣрное количество бумагъ. Несчастный Федоръ Степановичъ, не находя утѣшенія и дома, гдѣ отецъ бранить его на каждомъ шагу, дѣлается болѣнь и страдаетъ чахоткой. Анна Ивановна, какъ добрая и нѣжная мать, напрасно старается облегчить его положеніе: не имѣя никакого значенія въ семействѣ, она только можетъ наставить самоварчикъ да горяченькимъ сына напоить. Въ положеніи младшей дочерп, Анна Ивановна тоже принимаетъ материнское участіе: переписывается съ ея возлюбленнымъ Алексѣемъ Васильевичемъ Сусловымъ и тѣмъ поддерживаетъ въ молодыхъ людяхъ взаимную любовь, вопреки воли отца, подъ опасеніемъ страшнаго гнѣва его, въ случаѣ открытія тайной переписки. Между тѣмъ Степанъ Михайлычъ получаетъ извѣстіе, что товарищъ его по золотымъ промысламъ, которому онъ довѣрилъ свой капиталъ, оказался ужасный плутъ: обманулъ пайщиковъ и всѣ деньги погубилъ. Такъ Степанъ Михайлычъ лишился всего своего состоянія. Въ третьемъ дѣйствіи Анна Ивановна не принимаетъ уже участія: она не выдержала постигшаго несчастія, и умерла. Смерть жены и потеря состоянія не произвели на Степана Михайлыча никакого дѣйствія. Онъ остался такимъ же безсердечнымъ деспотомъ, какимъ былъ всю свою жизнь; невѣривъ болѣзни сына, видимо приближающагося къ смерти, а младшую дочь съ неумолимой рѣшимостью, не спрашивая ея согласія, хочетъ выдать замужъ за стараго богатаго помѣщика и откупщика Павла Петровича Шершинскаго. Но влюбленная въ другаго дѣвушка, вслѣдствіе открытой отцомъ переписки ея съ Сусловымъ, бѣжала изъ дому, и скрылась у сестры, мужъ, которой на это время былъ въ командировкѣ. Вслѣдъ за тѣмъ умираетъ сынъ жестокосердаго Степана Михайлыча, обвиняя отца во всемъ, и въ своей и въ материнской смерти. — «Вы обращались съ ней, какъ съ рабой,» — сказалъ онъ отцу, въ послѣднюю минуту жизни: — вы совершенно отшатнулись отъ своихъ дѣтей». — «Отшатнулся? возразилъ Степанъ Михайлычъ: — да не для васъ ли я трудился до кроваваго пота? Чего вамъ еще не доставало?» — «Свободы!» отвѣчалъ умирающій сынъ; потомъ — сильно кашляетъ, тяжело опускается на подушки, почти задыхается и стонетъ, стонетъ, тяжело вздыхаетъ и затихаетъ. — Послѣдніи слова сына, наконецъ, сдѣлали впечатлѣніе на желѣзную нату-

ру Степана Михайловича. — «Какой свободы?... спрашивает онъ у самаго себя: — умеръ! такъ неужели точно я одинъ во всемъ виноватъ?» — Въ четвертомъ дѣйстви, Настасья Степановна, оставившая домъ отца, скрывается у сестры и получаетъ письмо отъ Суслова. Онъ пишетъ: — «буду въ Петербургѣ, непременно 20-го числа этого мѣсяца». — Двадцатое число наступило и обѣ сестры ждуть его приѣзда. Вдругъ къ нимъ входитъ Степанъ Михайлычъ. Сначала онъ упрекаетъ дочь въ побѣгъ, грозитъ ей, говоря: — «Вотъ, я тебѣ!» — Настасья Степановна боится, дрожитъ.... но строгій и неумолимый до того времени отецъ прощаетъ ее, и, безъ сомнѣнiя, къ крайнему для нея удивленiю, начинаетъ оправдываться въ прежнихъ своихъ поступкахъ, доказывая, что цѣлую свою жизнь онъ ничего болѣе не дѣлалъ, какъ только заботился о счастiи семейства, и что онъ, ни передъ женой, ни передъ дѣтьми, ни въ чемъ не виноватъ. Изложивъ свои доказательства въ четырехъ, довольно длинныхъ монологахъ, Степанъ Михайлычъ беретъ дочь за руку и хочетъ вести домой. Но тутъ является, прямо съ желѣзной дороги, прибывшій въ Петербургъ, Алексѣй Васильевичъ Сусловъ. Увидѣвъ его, Степанъ Михайлычъ приходитъ *въ бѣшенство*. Но Настасья Степановна, до-сихъ-поръ робкая и безответная, умѣвшая только плакать съ покойною матерью, при видѣ своего возлюбленнаго одушевляется силостью и *рѣшительно* говоритъ отцу: — «что хотите со мной дѣлайте; а я ни за кого не пойду, кромѣ его». — Влюбленные молодые люди становятся передъ отцомъ на колѣни и просятъ согласiя на бракъ. — «Прочь, подите отъ меня», — отвѣчаетъ жестокосердый отецъ.... но тутъ, въ видахъ наискорѣйшей развязки драмы, старшая дочь Степана Михайлыча докладываетъ ему, что пришелъ человекъ отъ Павла Петровича Шереминскаго, съ которымъ сдѣлался ударъ. Это извѣстiе чрезвычайно испугало неукротимаго старика. — «Ударъ?» восклицаетъ онъ вопросительно, и машинально распускаетъ галстухъ. Александра Степановна отвѣчаетъ, что дочь Павла Петровича, (выданная замужъ не по любви, а по принужденiю) ушла отъ своего мужа, который съ нею безчеловѣчно поступалъ, захворала и теперь лежитъ при смерти. — «А съ нимъ ударъ?» — еще разъ спрашиваетъ испуганный Степанъ Михайлычъ, еще распускаетъ галстухъ и — даетъ согласiе на бракъ. Но согласiе это не было искреннее; у него оно вынуждено обстоятельствами. «Дѣлай, какъ хочешь», — говоритъ онъ дочери: — выходи за не-

го, но ты прійдешь послѣ ко мнѣ.... расскаешься, будешь просить прощенья». — Тѣмъ и кончается пьеса г. Чернышева.

Прежде всего въ ней рѣзко бросается въ глаза очевидное незнаніе авторомъ той среды, которую взялся изображать онъ въ своей драмѣ. По всему замѣтно, что г. Чернышевъ смотритъ на жизнь изъ-за кулисъ александринской сцены и изучаетъ ее, преимущественно, по сценическимъ произведеніямъ г. Островскаго. Всѣ дѣйствующія лица его драмы хотя и называются помѣщиками и даже богатыми помѣщиками — откупщиками, не только въ сущности, но и по внѣшнему выраженію ихъ, по самому языку — вѣрныя копіи нашихъ мѣщанскихъ драмъ. Постараемся доказать подлинными словами пьесы г. Чернышева вѣрность нашего замѣчанія. Вотъ какъ говоритъ у него Степанъ Михайлычъ, помѣщикъ трехъ-сотъ пятидесяти душъ съ Павломъ Петровичемъ, богатымъ помѣщикомъ и откупщикомъ. «Знаешь самъ, чѣмъ-чѣмъ не промыслятъ: и въ торговлю пускался, ипкакимъ дѣломъ, будь только это честно, *не брезгалъ!*... Отъ сосѣдей почетъ получалъ и достояніе свое увеличилъ!... Сначала домъ старыи *разворочилъ*, новый построилъ, потомъ Кузнецовка съ акціона продавалась, ипрікупилъ! *шло дѣло!* И задумалъ я жениться, нужна баба въ *домъ*. Помнишь, Анна, какъ я увидѣлъ тебя въ первый разъ *мнаражку-замаражкой!* Думала ли ты тогда... да гдѣ думать, что я обращаю на тебя свое вниманіе? (Павлу Петровичу). За красоту взялъ. *Былъ она была, румяная, кровь съ молокомъ!* Почувствовалъ я къ ней склонность и взялъ за себя!» Далѣе обращаясь къ тому же Павлу Петровичу, онъ говоритъ: «У меня всѣ счастливы! Ты не вѣришь можетъ быть? Спроси, вотъ жена, не дастъ солгать! (женѣ) Всѣмъ ли ты довольна? а? говори!» «Само-собой-сь, Степанъ Михайлычъ.» — отвѣчаетъ жена. «Говори, я приказываю тебѣ! довольна или нѣтъ?» «Могу ли я быть дамъ недовольной?» «Ну, а ты *попрыушка*, шалуныя! Довольна ли?» спрашиваетъ Степанъ Михайлычъ у дочери, взявъ ее за подбородокъ. Та робко отвѣчаетъ: «очень довольна-сь!» «Ну а ты стихотворецъ», говоритъ Степанъ Михайлычъ сыну: «*ки-сякъ, бабій баловень*, — ты пожалуй, скажешь, что не доволенъ?»

Не правда ли, что вся эта сцена, весь этотъ разговоръ, съ какой стороны не возьмете его, и по внутреннему и по внѣшнему содержанію, отъ перваго слова до послѣдняго, прошикнутъ

духомъ мѣщанскихъ понятій, выраженныхъ совершенно въ мѣщанской формѣ.

Точно также и Павелъ Петровичъ Шершинскій, богатый помѣщикъ и откупщикъ, сильно смахиваетъ на купца третьей гильдіи. Вотъ образецъ его рѣчи: «Ну — говоритъ онъ Степану Михайловичу:» дѣти видятъ тутъ себѣ... такъ сказать обезпеченіе!... ну, и благодарны!... Ты примѣрный отецъ! (Настѣ) какъ вы милы, моя *дусецька!*!...» «какъ вы въ свѣтѣ здоровьѣ моя *звѣздоцка?* Невѣста моя дорогая?»

Дусецька! звѣздоцка! И это г. Шершинскій говоритъ совершеннолѣтней дѣвицѣ, дочери помѣщика — владѣльца трехъ-сотъ пятидесяти душъ!... Да если бы самъ «Ицко», путешествующій на листкахъ «Искры» русскаго *пунша* (Punch), виноваты — по загороднымъ гуляньямъ, дозволивъ себѣ подобныя выраженія въ обращеніи съ дѣвицами минеральныхъ водъ, то и его навѣрное остановилъ бы сопровождающій его гувернеръ, съ которымъ не мѣшало бы познакомиться и г. Чернышеву, буде онъ желаетъ кругъ своей творческой дѣятельности, распространить за границы мѣщанской среды.

Что касается другихъ дѣйствующихъ лицъ драмы — и онѣ выкроены авторомъ по той же мѣркѣ; особенно Анна Ивановна и ея меньшая дочь: это совершенныя мѣщанки, какихъ вы никакъ не встрѣтите въ той помѣщичьей средѣ, къ которой, по состоянію своему, должно принадлежать семейство Степана Михайлыча. Послушайте, какъ выражается Анна Ивановна: (Суслову). «Какъ же я смѣю? *Ничь что сказали:* спроси! Объ двухъ головахъ, я что-ли? Охъ, что-то не доброе затѣвается!... И примѣты такіе не хорошія! Новый шкaпъ такъ и трещитъ. Мыши по ночамъ *скребутся*, спать не даютъ... Охъ, выживаютъ онѣ насъ!» и т. д.

Г. Чернышевъ видимо подражаетъ г. Островскому... и дѣлаетъ очень хорошо. Говоря откровенно, едва ли когда-нибудь изъ г. Чернышева можетъ выйти самобытный драматическій талантъ. Въ такомъ случаѣ, конечно, лучше подражать другимъ. Но и подражаніе не должно быть лишено извѣстнаго смысла. Разговорный языкъ мѣщанскихъ драмъ г. Островскаго, безъ всякаго сомнѣнія, составляетъ лучшее ихъ достоинство. Но изъ того никакъ не слѣдуетъ, чтобы г. Чернышевъ навязывалъ этотъ языкъ лицамъ, дѣйствующимъ въ другой средѣ, въ другихъ условіяхъ и обстоятельствахъ нашего общества.

Притомъ, мы видимъ этотъ недостатокъ вообще въ нашей литературѣ. За неизбѣимъ силъ создавать дѣйствительные типы, на основаніи внутренняго анализа, многіе думаютъ, что достаточно заставить говорить ту или другую личность свойственнымъ ей языкомъ, и тѣмъ окончить творчество характера. Это доказываетъ не только непониманіе искусства, но совершенное отсутствіе серьезнаго изученія дѣйствительной жизни. Съ нея срывается только внѣшній покровъ, но никто не хочетъ заглянуть въ ея темную глубь. Правда, для этого надо имѣть кромѣ таланта, высокое образованіе, уваженіе къ истинѣ и живую связь съ народомъ, а всѣмъ этимъ мы отнюдь не можемъ похвалиться.

Не меньшимъ недостаткомъ въ новомъ произведеніи г. Чернышева представляется то сантиментальное, идиллическое направленіе, какое онъ придалъ характеру тѣхъ дѣйствующихъ лицъ, къ которымъ хотѣлъ вызвать въ публикѣ наибольшую симпатію и сочувствіе. Надобно быть удивительно наивнымъ для того, чтобы въ тысячу первый разъ серьезно повторять, что для истиннаго счастья человѣческой жизни нужны любовь, лужокъ, деревцо, пастушокъ и стадо, чириканье птицъ и благоуханіе цвѣтовъ....

Но если г. Чернышевъ не знаетъ той среды, въ которой происходитъ дѣйствіе его драмы, то и главную идею пьесы — вопросъ о семейномъ деспотизмѣ, такъ глубоко проникнувшемъ въ русскую жизнь, онъ понимаетъ слишкомъ поверхностно. Выставивъ проявленіе этого деспотизма въ весьма уродливой формѣ, онъ преувеличилъ то, что не имѣло никакой надобности въ преувеличеніи. Его Трубинъ Разгладинъ — самодуръ, въ родѣ самодуровъ Островскаго, что прежде насъ уже замѣчено было въ замѣткахъ новаго поэта въ февральской книжкѣ «Современника». Но не самодурство лежитъ въ основаніи того семейнаго деспотизма, который болѣе или менѣе, тяготѣетъ надъ жизнью той или другой общественной среды. Самодурство не есть причина, а есть слѣдствіе того порядка вещей, который преобладалъ въ русской жизни втеченіе нѣсколькихъ столѣтій, царилъ надъ нею, въ полномъ смыслѣ этого слова. Глубокіе корни его, укрѣпившіеся въ тяжелой почвѣ всего нашего быта, къ какой бы средѣ онъ не принадлежалъ, до-сихъ-поръ вытѣсняють всякій новый зародышъ лучшаго семейнаго состоянія.

Мы не отрицаемъ вліянія Сарая и Византіи на русскую жизнь, во времена значительно отъ насъ отдаленныя, того тем-

наго вліянія, подь которымъ образовались старинныя патріархально-семейныя законы, собранныя вкупѣ попомъ Сильверстомъ, еще при царѣ Іоаннѣ Грозномъ, въ книгѣ, именуемой: «Домострой». Но въ наше время, въ текущую минуту нашей эпохи, мы удалились отъ темныхъ временъ невѣжества, по-крайней-мѣрѣ на столько, что правила «Домостроя» потеряли для насъ то значеніе, которое они имѣли для людей стараго времени. Я говорю о той средѣ нашего общества, къ которой принадлежатъ дѣйствующія лица современной драмы г. Чернышева. Не по однимъ правиламъ «Домостроя», не по своду патріархальнаго самодурства образуются наши семейныя деспоты, прямо выходящіе изъ того порядка вещей, отъ котораго еще только начинается удалиться наше общество — порядка, образовавшагося вслѣдствіе крѣпостныхъ отношеній. Этотъ порядокъ, неказивъ всѣ наши соціальныя отношенія, не могъ не отразиться и на жизни семейной, подавляя и въ ней всякое развитіе, всякое проявленіе чувства нравственной свободы. Самые усилки просвѣщенія, болѣе или менѣе истребленныя у насъ слѣды ветхаго ученія «Домостроя», оказались безсильными въ борьбѣ съ тѣми убѣжденіями, которыя вошли въ плоть и кровь нашего общества, подь вліяніемъ крѣпостнаго опошленія.

До-сихъ-поръ еще много остается у насъ такихъ отцовъ семейства, которые, господствуя надъ чады и домохадцы съ полнымъ произволомъ неограниченной власти, подь сѣвью своихъ крѣпостныхъ привилегій, тѣсно связанныхъ съ ихъ эгонистическими интересами, нравственными и матеріальными, — по наружности, если и дѣлаютъ различіе между рабынею и женой, между дѣтьми и рабами, то развѣ только по формѣ.

Въ сущности, и жена и дѣти тѣ же рабы, лишеныя права на свободную мысль и чувство. Съ этой точки слѣдуетъ смотрѣть, чтобъ найти истинно-драматическіе элементы въ современной семейной жизни. При такомъ возрѣніи, борьба, какъ присущій элементъ драмы, разумно будетъ вытекать изъ сознанія дѣйствительнаго положенія и взаимныхъ отношеній лицъ, поставленныхъ на сцену.

Г. Чернышевъ, во все продолженіе драмы, остался совершенно чуждъ этого возрѣнія. Коснувшись вопроса, сильно занимающаго современное общество, онъ только обличилъ въ себѣ недостаточное пониманіе настоящей сущности этого вопроса, и такое же непониманіе среды, избранной пмъ для дѣйствія. Главный и единственный герой драмы, Степанъ Михайловичъ Тру-

бинь-Разладитъ, отлитый въ слишкомъ грубую форму, трудно сказать, къ какому классу современнаго общества относится. Мы не говоримъ, чтобъ грубость и животныя инстинкты были чужды его сословію, но онъ не выражаетъ дѣйствительнаго типа, задуманнаго авторомъ.

Всѣ остальные дѣйствующія лица драмы до того обезцвѣтны, что даже едва ли стѣять названія дѣйствующихъ лицъ. Это скелеты, безъ крови и нервовъ, принятыя фантазіей г. Чернышева за живыя существа.

Но отчего же эта пьеса пользовалась успѣхомъ и привлекала въ Александринскій театръ огромныя массы публики?

Успѣхъ этотъ объясняется съ одной стороны современнымъ направлениемъ общества, заинтересованнаго вопросами, на которые оно ждетъ яснаго и положительнаго отвѣта; съ другой — удивительная игра г. Мартынова, такъ часто искупающая недостатки самыхъ посредственныхъ пьесъ.

Послѣ «Отца Семейства» представленнаго въ бенефисъ г. Мартынова 24 Января, до закрытія спектаклей съ наступлениемъ великаго поста, на сценѣ русскаго театра не появилось ни одной новой пьесы.

Оканчивая обзоръ прошедшаго театральнаго сезона, мы считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о пьесѣ, которая представляетъ замѣчательное явленіе въ драматической дѣятельности нашихъ писателей въ минувшемъ году. Пьеса эта — новая драма г. Писемскаго «Горькая Судьбина».

Г. Писемскій — одинъ изъ любимыхъ нашихъ беллетристовъ. Но ни одно изъ прежнихъ его сценическихъ произведеній, какъ напримѣръ комедія: «Ипохондрикъ» и проч., ни романы его, не исключая и «Тысячи душъ», ни рассказы, взятые изъ народной жизни, изъ которыхъ извѣстны «Питерчикъ» по справедливости считается замѣчательнымъ созданіемъ зрѣлаго таланта — далеко не могутъ сравниться съ «Горькою Судьбиной». Эта прекрасная драма, въ длинномъ ряду твореній г. Писемскаго, должна занять то же мѣсто, какое въ ряду сочиненій г. Островскаго занимаетъ комедія «Свои люди — сочтемся», съ тою только разницею, что «Горькая Судьбина» написана г. Писемскимъ — однимъ, а не съ кѣмъ нибудь въ товариществѣ.

Дѣйствіе «Горькой Судьбины» заимствовано авторомъ не изъ одной какой-либо среды, какъ это дѣлается большею частію нашихъ драматурговъ, а изъ столкновенія взаимныхъ отношеній лицъ, принадлежащихъ къ разнымъ сферамъ русской жизни.

Въ началѣ драмы, помѣщикій крестьянинъ Ананій Яковлевъ, болѣе года проживавшій по оброку въ Петербургѣ, возвращается въ свое родное село и узнаетъ, что во время его отсутствія, жена его Лизавета сдѣлала любовную связь съ баринномъ и прижила ребенка. Не смотря на то, что Ананій Яковлевъ — барскій мужикъ, не имѣющій права на сознание чувства чести и ея требованій, — онъ глубоко оскорбленъ женщиной не вѣрностью. «Въ жизнь свою, Господи! восклицаетъ онъ: — никогда не чаялъ такой срамоты и поруганья...» Но видя, что прошедшаго уже воротить нельзя, онъ, скрепя сердце, подавляетъ свои внутреннія ощущенія, рѣшается прикрыть проступокъ жены и говорить ей: «Одного стыда людскаго теперь обѣгаючи, за не волю на себя все примешь, и по крайности для чужихъ глазъ сдѣлать надо, что ничего яко бы этого не было: ребенокъ, значить, мой и ты мнѣ пока жена честная! Но ежели что, паче чаянія, у васъ повторится съ баринномъ, такъ легче бы тебѣ... слышишь ли: голось у меня захватываеать... легче бы тебѣ, Лизавета, было не родиться на бѣлой свѣтъ... кому другому, а тебѣ пора знать, что я за человѣкъ: ни тебя, ни себя, ни вашего поганого отродья не пощажу, тако ты и знай то!... Это мое послѣднее и великое тебѣ слово!...» Но это рѣшеніе не можетъ успокоить глубоко оскорбленнаго супруга. «Царь небесный только видитъ, — говоритъ онъ, когда жена пошла кормить грудью ребенка: — сколь, значить, вся внутренность моя теперь обилась кровью черною!...»

Второе дѣйствіе драмы, начавшейся въ крестьянской средѣ, переходитъ въ дворянскую сферу. Оно начинается разговоромъ двухъ господъ, изъ которыхъ одинъ, Чегловъ-Соковинъ, баринъ Ананія Яковлева и любовникъ Лизаветы, другой — родственникъ Чеглова, Золотиловъ. Чегловъ — молодой, образованный, повидному гуманный человѣкъ, не раздѣляющій обыкновенныхъ помѣщичьихъ взглядовъ на отношенія ихъ къ подвластнымъ имъ людямъ. Золотиловъ, напротивъ, и душой и тѣломъ принадлежитъ къ числу тѣхъ нашихъ душевладѣльцевъ, которые знаютъ ничего не хотятъ кромѣ своихъ крѣпостныхъ привилегій. Чегловъ весьма озабоченъ приѣздомъ мужа своей любовницы. Онъ сознаетъ свое затруднительное положеніе предъ лицомъ этого человѣка, находитъ, что «обстоятельства располагаются самымъ страшнымъ, самымъ ужаснымъ образомъ». Золотиловъ же, не видя въ этихъ обстоятельствахъ ничего ни страшнаго, ни ужаснаго. Но Чегловъ не согласенъ съ нимъ: «у меня — говорить

онъ: — наконецъ ребенокъ есть, моя плоть, моя кровь: поймите вы хоть это по-крайней-мѣрѣ и пощадите во мнѣ хоть эту сторуку». «Что-жъ такое ребенокъ?» возражаетъ Золотиловъ: — Я и тутъ не вижу ничего что могло бы такъ особенно тебя тревожить; вели его взять хоть къ себѣ въ комнаты, и тамъ поучишь, повоспитаешь его, сколько хочешь, запишишь въ мѣщане или въ купцы — и все дѣло кончено! «Въ томъ-то и дѣло, милостивый государь, — говоритъ Чегловъ: — что эта жевщина не такова, какъ вы всѣхъ ихъ считаете: когда она была еще беременна, я, чтобъ спасти ея отъ стыда, предлагалъ было ей подкинуть младенца къ бурмистру, такъ она и тутъ мнѣ сказала: «нѣтъ, баринъ, я имъ грѣшна и потерпѣть за то должна, а что отдать мое дитя на малту въ чужія руки, не потерпѣть того мое сердце.» Это подлинныя ея слова. — Слова очень понятныя, — опять возражаетъ Золотиловъ: — потому что отними ты у нея ребенка, и ваши отношенія всегда бы могли быть кончены; а теперь, напротивъ, мужъ тамъ побранить ее, пощелкаетъ, а она все-таки сохранить на тебя право на всю твою жизнь. Я очень хорошо, повѣрь ты мнѣ, милый другъ, знаю этотъ народъ. Они глупы только на барскомъ дѣлѣ; но слишкомъ хитры и дальновидны, когда что коснется до ихъ собственнаго интереса». Но эта назидательно-помѣщичья рѣчь не убѣдила Чеглова. Ухвативъ себя за голову, съ видимой досадою онъ спросилъ у Золотилова: — «чувствуешь ли Сергѣй Васильичъ, какія ты ужасныя вещи говоришь и какимъ отвратительнымъ тономъ Тараса Скотинина?»

Во время этого разговора приходитъ Лизавета. Тайкомъ отъ мужа она пришла къ барину сказать, что мужъ собирается тиранить ее, какъ лютый змѣй сидитъ да глядитъ ей въ лицо; словно умертвить ее собирается. Въ Питеръ ее и съ младенцемъ увезти ладить. «Его одно намѣреніе, — рыдая говоритъ Лизавета барину: — что бы какъ ни на есть, а отлучить меня отъ васъ и при себѣ держать, а я не хочу того... не желаю... не хочу! Онъ мнѣ теперь, Богъ знаетъ, супротивнѣй чего выходитъ: хоша бы и на худое тогда шла всамотко не изъ-подъ страху какого, — развѣ вы у насъ такой? Можетъ быть вы еще молоденькимъ-то сюду пріѣзжали, такъ я заглядывалась и засматривалась на васъ, и сколь много теперь всѣмъ сердцемъ своимъ пристрастна къ вамъ и жалѣю васъ, сказать того не могу, а мое такое теперь намѣреніе, баринъ... пускай тамъ, какъ собирается: ножемъ что ли рѣжетъ меня, али въ рѣку топить, а мнѣ либо около васъ жить, либо совсѣмъ не быть на бѣломъ свѣтѣ: какъ хотите, такъ и дѣлайте то....»

Чегловъ не въ состояніи успокоить свою любовницу. Онъ не хочетъ прибѣгать къ своей помѣщичьей власти, а мимо ея не знаетъ какъ сладить съ Ананьемъ Яковлевымъ. «Знаю все, милая моя, — отвѣчаетъ онъ на слова Лизаветы: — все знаю.... но я, видишь ли.... Я ничтожнѣйшее существо, я подлець! Господи, пошли мнѣ смерть!» Находившійся при этой сценѣ бурмистръ Чеглова, предлагаетъ баринѣ позвать Ананья Яковлева. «Ежели, говоритъ, позвать его теперь сюда, такъ я его при васъ двумя словами обрезою... Что ему такъ очень въ зубы-то смотрѣть: досконально объяснить ему все, что слѣдуетъ, и баста: долженъ слушаться, что приказываютъ». Золотоловъ также находитъ, что «лучше съ нимъ прямо говорить». Съ этимъ соглашается и Лизавета, полагая: «коли баринъ самъ ему поговоритъ, такъ онъ и поиспужается маленько». Убѣжденный ими Чегловъ призываетъ Ананья Яковлева и прямо говоритъ ему: «считаю меня въ этомъ случаѣ совершенно за равнаго себѣ и если я тебя обидѣлъ, то требуй какое хочешь удовлетвореніе! будь то деньгами, и я сейчасъ перезакладываю имѣнье и отдамъ тебѣ все, что мнѣ выдадутъ.» Ананій Яковлевъ отвѣчаетъ баринѣ, что онъ, хотя и простой мужикъ, однакоже чести своей не продавалъ ни за большія деньги ни за малыя. Чегловъ предлагаетъ ему дуэль, говоря: «если въ тебѣ оскорблено чувство любви, чувство ревности, вытнемъ тогда другъ-друга на барьеръ и станемъ стрѣляться.» Ананій Яковлевъ, разумѣется, не принявъ этого предложенія, онъ мужикъ умный и очень хорошо знаетъ, что онъ — мужикъ. «Ваши слова, судырь, — говоритъ онъ: — я за одно только смѣхъ принять могу: наша кровь супротивъ господской ничего не стоющая, и мы наказанье только за то потерпѣть можемъ.» Въстѣ съ тѣмъ Ананій объявляетъ баринѣ, что жену свою и съ ребенкомъ онъ намѣренъ увезти въ Петербургъ. Чегловъ не соглашается на это, потому что не можетъ эти два дорогія для него существа оставить во власти Ананья Яковлева; но Ананій твердо стоитъ на своемъ: «Колн теперича жена моя, — возражаетъ онъ баринѣ: — и ребенокъ, значить, мой, Богъ соединилъ, человекъ развѣ разлучаетъ? кто-жъ можетъ сдѣлать это?» «Я! отвѣчаетъ Чегловъ: — повторяю тебѣ, я! И считаю это долгомъ своимъ, потому что ты тиранъ: ты женился на ней, зная, что она не любитъ тебя, и когда она въ первое время бѣжала отъ тебя, ты сплю вступилъ въ права мужа; наконецъ ты иезунтъ: показывая при людяхъ къ ней ласковость и доброту, ты мучилъ ее ревностью; цѣлыя ночи грызъ ее за какой-нибудь взглядъ

на другаго мужчину, за вздохъ, который у нея, можетъ быть, вырвался отъ не любви къ тебѣ — я все знаю». «Позвольте, судырь! — перебивая его рѣчь, говоритъ Ананій Яковлевъ: — коли теперича эта безстыдная женщина, окромя распутства, меня оглашаетъ и порочитъ каждому стрѣчному, такъ я, можетъ, и не то еще съ ней сдѣлаю.» «Ничего ты съ ней не сдѣлаешь! закричалъ на него баринъ: — только перешагнувъ черезъ мой трупъ, ты развѣ можешь что-нибудь сдѣлать. Я вотъ, Калистратъ (Калистратъ бурмистръ, онъ находился при ихъ разговорѣ), тебѣ поручаю и прошу тебя: сдѣлай ты для меня это одолженіе — день и ночь слѣди, чтобъ волоса съ головы ея не пало». Сдѣлавъ это распоряженіе, Чегловъ отпускаетъ Ананія Яковлева. Тѣмъ и кончается второе дѣйствіе драмы.

Возвратившись домой, Ананій Яковлевъ жестоко избилъ жену, и чтобы она ни куда не могла выйти, обобравъ у нея одежду и обувь. Лизавета слегла въ постель и два дня не выходила пль-за перегородки. Узнавъ объ этомъ, бурмистръ приходитъ къ Анапью Яковлеву съ мужиками, для того чтобы взять отъ него жену на барскій дворъ. Ананій Яковлевъ, считающій себя полнымъ властелиномъ жены и ея ребенка, разумѣется не хочетъ отпустить ее. Онъ приходитъ въ раздраженіе, и колотя себя въ грудь, говоритъ бурмистру: «не выводи ты меня изъ послѣдняго терпѣнья... ты къ тому только, видно, и ведешь человѣка, что либо мнѣ, либо тебѣ остается жить на свѣтѣ. Побереги ты своихъ сѣдыхъ волосъ». Но бурмистръ не внемлетъ этимъ угрозамъ. «Ничего я тебя не боюсь, говоритъ Анапью: — власти твоей не хватитъ ничего сдѣлать ни мнѣ, ни твоей бабѣ.» Эти слова рѣшительно выводятъ изъ себя Анапья Яковлева. «Бабѣ моей! — кричитъ онъ: когда она бестія, теперь каждый шагъ мой продаетъ и выдаетъ вамъ, то я не то что таючись, а середь бѣлаго дня, на площади людской, стану ей казнить и тиранить; при ваннѣхъ подлыхъ очахъ наложу на нее цѣпи и посажу въ погребъ ледяной, чтобъ замерзнуть и задохнуться ей тамъ окаянной!» Лизавета, въ свою очередь, не осталась спокойной, услышавъ грозныя слова взбѣшеннаго мужа. «Нѣту! Нѣту!... закричала она, быстро выскочивъ пль-за перегородки въ худомъ сарафанчикѣ, босикомъ: не бывать по вашему никогда!...» и объявивъ бурмистру, что мужъ тиранилъ ее, обратился съ жалобой къ пришедшимъ съ нимъ мужикамъ: «Все вы можетъ, видѣли, какъ я и повѣнчана-то за него была... въ свадебныхъ-то саваняхъ, почестъ, что связанную везли. Честь мою дѣвчью мнѣ

легчѣ бы было кинуть разбойнику въ лѣсу, чѣмъ ему — такъ съ меня спрашивать нечего: грѣшница, али праведница черезъ-то стала, а что, стыдъ теперь всякой своей потеряючи, при всемъ народѣ говорю, что барская полюбовница есть, и теперь, значить, ведите меня къ господину — послѣдней коровницей, али собакой, но при немъ быть желаю, а ужъ слушаться и шею подставлять злодѣю своему не хочу. Онъ теперь обувку и одежду обобралъ — не остановитъ меня то, уйду къ барину....» И Лизавета на дѣлѣ подтвердила свои слова. Она взяла у бурмистра сибирку и проворно ушла за перегородку, говоря: «Давайте, сударь! Я въ нее младенца, красавчика моего, заверну, а сама и такъ до бѣгу, мнѣ ничего.» Это, наконецъ, доводитъ Ананья Яковлева до послѣдней степени раздраженія. Въ бѣшенствѣ онъ бросился къ женѣ за перегородку, вырвалъ у нея младенца, та стала отнимать.... и разсвирѣпѣвшій, до глубины души оскорбленный мужъ, вскрикнувъ: «Ахъ ты, бестія, смѣла еще руку свою поднять на меня!» — бросилъ ребенка, раскроивъ ему голову, самъ выскочилъ въ окно и бѣжалъ.

Въ четвертомъ дѣйствіи пріѣзжаетъ губернаторскіи чиновникъ, съ исправникомъ и стряпчимъ, и начинаютъ производить слѣдствіе о смерти убитаго ребенка. Ананій Яковлевъ, въ первый моментъ совершеннаго имъ преступленія, бѣжавшій и скрывшійся въ лѣсу, пришелъ въ раскаяніе и самъ явился къ слѣдователямъ, для того, чтобы понести заслуженное наказаніе. Раскаяніе такъ глубоко проникло въ его душу, что онъ истребилъ въ себѣ всякое чувство злобы и къ барину, и къ женѣ, и не сталъ обвинять ни ихъ въ любовной связи, ни бурмистра въ насиліи, которое всего болѣе повлекло за собой ужасную катастрофу. Лизавета помѣшалась въ разсудкѣ, на всѣ вопросы слѣдователей могла только говорить «я грѣшница.... грѣшница.... грѣшница!» но прощаясь съ мужемъ, когда его везутъ въ острогъ, она съ чувствомъ сознанія своей вины передъ нимъ, съ чувствомъ раскаянія и примиренія бросилась къ нему на руки и припала къ его ногамъ. Такъ окончилась драма г. Писемскаго.

Въ послѣдніе годы ни одна изъ пьесъ не возбуждала въ публикѣ такого вниманія, какъ «Горькая Судьбина». По-крайней-мѣрѣ, здѣсь въ Петербургѣ, она прочтана была съ жадностью и сдѣлала сильное впечатлѣніе. Остается жалѣть, что она не была представлена на сценѣ, гдѣ ея живые и въ высшей степени выразительные типы, еще ярче освѣтились бы игрой актеровъ, гдѣ ея языкъ, основная мысль и характеры еще лучше

были бы переданы при сценической обстановкѣ. Подробный разбор этой драмы былъ уже напечатанъ въ Русскомъ Словѣ (1860 г. Февраль), и потому мы не станемъ повторять его.

Какъ, однакожъ, ни отраднo встрѣтить такое произведение въ нашей драматической литературѣ, но на цѣлый годъ — одно — этого слишкомъ мало. Видимая бѣдность нашего театра не скрывается отъ взора публики и критики. Всѣ мы сѣтуемъ и признаемся, что у насъ нѣтъ истинной драмы, той всеобъемлющей и глубокой картины, которая бы живо и вѣрно обрисовала наши нравы, чувства и страсти. Какъ въ жизни, такъ и на сценѣ, мелькаютъ какія-то безплотныя тѣни, съ человѣческими образомъ, но нѣтъ дѣйствительнаго человѣка, полнаго волненій, надеждъ, борьбы и глубокихъ внутреннихъ потрясеній.

Отчего это? Отчего русская драма такъ долго осуждена вращаться въ кругу избитыхъ ею лицъ, характеровъ и сценъ? Неужели въ-самомъ-дѣлѣ, въ нашей жизни, нѣтъ элементовъ ея? Неужели на пространствѣ трехъ-сотъ тысячъ квадратныхъ миль и среди шестидесяти милліоновъ живыхъ существъ, нѣтъ ни борьбы, ни сильныхъ желаній, ни типичныхъ характеровъ? Неужели всѣ наши интересы, вся наша дѣятельность, отъ Бѣлаго и до Каспійскаго моря, отъ Вислы и до амерпканскаго берега, такъ пусты и мелки, что не въ состояніи пробудить ни великаго драматическаго таланта, ни представить ему достойнаго предмета? Во всемъ этомъ есть извѣстная доля правды. Драматическое искусство развивается на почвѣ, богатой разнообразіемъ въ дѣйствительной жизни и полнотой индивидуальныхъ характеровъ. Чтoбъ явиться Шекспиру на англійской землѣ и открыть такіе неисчерпаемые источники страсти, чувства и оригинальныхъ личностей, одного его генія, какъ бы онъ ни былъ высокъ, было бы мало. Его творчество было подготовлено прежними поколѣніями, прошедшими школой племенной и сословной борьбы, соціальной свободы и политическаго воспитанія. Тамъ было сознаніе человѣческаго достоинства, тамъ было множество индивидуальныхъ стремленій; однимъ словомъ, Шекспиръ видѣлъ кругомъ себя широкій потокъ жизни, положимъ грубой и бѣдной, но разнообразной и кипучей. Въ нашемъ обществѣ, трудно сказать почему, замѣтно странное однообразіе въ развитіи частныхъ личностей. Приуроченныя къ извѣстному сословію, онѣ сливаются въ одну, почти безразличную массу. Вы напередъ знаете, что купецъ Томбова или Москвы, Одессы или Саратова, какой бы гильдіи и города онъ ни былъ, будетъ походитъ на всѣхъ купцовъ

Россіи. Его языкъ, образъ мыслей, привычки, нравы и понятія, съ небольшимъ видоизмѣненіемъ, одинаковы подъ всеми географическими широтами и на всехъ ступеняхъ общественной дѣятельности. Тоже самое можно сказать о нашихъ провинціяхъ. Повидимому въ нихъ бездна мѣстныхъ отгѣнковъ, и особенно-стей, но это только снаружи; внутренняя же жизнь ихъ такъ утомительно-однообразна, такъ мало въ ней полноты содержанія, что все носитъ одинъ и тѣ же черты нравственной флзіономіи. Такая безличность въ соціальномъ устройствѣ отнюдь не можетъ одушевить драму жизнию.

Другая причина бѣдности ея заключается въ самомъ положеніи нашей литературы. Всякая отрасль искусства, тѣмъ болѣе драматическая, разцвѣтаетъ въ свободной сферѣ творческихъ силъ человѣка. Мы знаемъ рабовъ эвнуховъ, чиновниковъ, полководцевъ, откушниковъ и фельетонистовъ, наняемыхъ газетчиками, но мы не знаемъ ни одного истиннаго и великаго артиста, котораго бы можно было воспитать, какъ воспитываютъ снаружи или свеклу въ температурѣ душиныхъ парниковъ.....

В. И.

Уѣздныя впечатлѣнія.

Но какія же могутъ быть впечатлѣнія въ уѣздѣ, вдали отъ столицъ и слѣдовательно отъ всякаго жизненнаго движенія? Что можно услышать и увидѣть новаго или замѣчательнаго тамъ, гдѣ люди похожи другъ-на-друга, какъ вице-мундиръ саратовскаго исправника на вице-мундиръ костромскаго засѣдателя, гдѣ жизнь человѣка идетъ такъ тихо и мѣрно, какъ-будто ее не шевелитъ ни одно новое желаніе, ни одна надежда ниѣ обыденныхъ надеждъ? Повидимому такъ; провинція не можетъ жить другою жизнью, какъ подражательной, копируя ее съ столичныхъ нравовъ, обычаевъ, потребностей и стремленій. Это обыкновенная судьба обществъ, которыя, строясь въ города, пригороды, села и деревни, смотрятъ на столицу, какъ подсолнечники на солнце. И за всеѣмъ тѣмъ, если заглянуть поглубже въ

нашу уѣздную жизньъ, во всѣхъ формы и видоизмѣненія, въ ней гораздо больше оригинальности и разнообразія, чѣмъ въ Москвѣ и Петербургѣ. Здѣсь все точно, какъ часовая стрѣлка, все затянато, какъ молодой офицеръ, все вѣжливо, какъ канцелярскій писецъ передъ директоромъ, все чинно, какъ пной вчера пожалованный дѣйствительный статскій совѣтникъ, все озабочено, какъ проситель въ передней покровителя, все также жметъ, какъ и въ провинціи, но не краснѣетъ, все также *безрѣшино* беретъ, но не мигнетъ и глазомъ. Не то въ уѣздномъ быту: тамъ точность замѣняется словомъ *авось*, затянута шапкой на бекрень и кафтаномъ на роспанку; тамъ есть своего рода вѣжливость, но она долго не выноситъ стѣснительныхъ условій и какъ разъ аррвется такой угловатой выходкой, что съ непривычки становится больно и за себя и за другихъ; тамъ есть свои заботы — и ихъ бездна, — свои мелкія интриги, зависти, сплетни, свои радости и слезы, но все это выражается во всю ширину нашей натуры, съ приговоркой: «А! была-не-была, хуже этого не будетъ!» Если забыть на время, что въ уѣздѣ есть свои власти, ранги и милліоны отгѣнковъ въ отличіяхъ человѣка, все прочее подвѣстное живетъ гораздо больше, чѣмъ въ столицѣ, по-крайней-мѣрѣ, такъ кажется на первый разъ. Самая наивность провинціала отзывается какой-то свѣжестью силъ, мечущихся во всѣ стороны. Посмотрите на юношу уѣзднаго города, онъ любитъ теплѣй, душевнѣй, онъ стыдится измѣны, равнодушія и готовъ, въ простотѣ сердца, разыграть роль какого-нибудь героя изъ романовъ Загоскина или Марлинскаго, точь-въ-точь съ оригиналомъ. Посмотрите на молодую дѣвушку, какъ она симпатичнѣй и воспріимчивѣй столичной барышни. Здѣсь и страсти больше: ужъ если человѣкъ увлекся чѣмъ-нибудь, — лошадью, ромомъ или собаками, значитъ онъ увлекся на цѣлую жизнь, пока не промотается или не пропьется до послѣдней тряпки. Здѣсь и вѣра постояннѣй: какъ въ 1830, такъ и въ 1860 году, многіе думаютъ, что первый русскій писатель Булгаринъ. Здѣсь надеждъ больше: все молодое мечтаетъ побывать въ столицѣ или за-границей, а все старое что есть мочи добивается вольной или покоя, или креста, или пенсіона. Однимъ словомъ, уѣздная жизньъ шире, своеобразнѣй и типичнѣй столичной.

Нынѣшнее лѣто мнѣ случилось провести въ одномъ уѣздномъ городѣ.

Городъ этотъ безспорно одинъ изъ лучшихъ уѣздныхъ городовъ. Раскинутый по холмистымъ берегамъ судоходной рѣки,

на довольно значительное пространство, онъ не утомляетъ глазъ путешественника своимъ однообразіемъ, своею гладью и казенною формою одной вытянутой улицы, окрашенной въ сѣрый цвѣтъ, съ присутственными мѣстами, соборомъ, нѣсколькими кабаками и грязной гостиницей. Довольно гористое мѣстоположеніе сообщаетъ всему городу, какой-то своеобразный характеръ: тамъ улица идетъ косогоромъ, тутъ въ ямѣ раскинулся огородъ, на покатоности стоитъ часовенка, а возлѣ ее журчитъ холодный ключъ, тамъ по крутому спуску извивается узкая тропинка, гдѣ песокъ, гдѣ трава, гдѣ глинистый берегъ рѣки оборвался стѣной. Да и самая рѣка течетъ, какъ-то особенно прихотливо, то бурлитъ на подобіе водопада, прорываясь черезъ каменья и образуя довольно опасные пороги, то тихо изливается по мелкому песку. Взглянешь на рѣку, такъ, кажется, курица вбродъ перейдетъ ее, а между тѣмъ не проходитъ лѣта, чтобъ не было въ ней утопленниковъ, но отчего же начальству не придетъ въ голову предупредить на будущее время, безпрестанно повторяющіеся несчастные случаи, избавить другое подобное семейство отъ необходимости протягивать руку Христа ради. А сдѣлать это очень легко, стоитъ только запретить купаться, въ мѣстахъ болѣе опасныхъ, завести лодку для спасенія погибающихъ, лодку на водѣ, а не на берегу, какъ она стоитъ въ настоящее время, или наконецъ, выстроить общественную даровую купальню для простаго народа; правда, на послѣднее сейчасъ потребуются смѣты, расходы, явится спросъ, изъ какихъ суммъ употребить деньги, завяжется громадная перепалка, которая, по новости дѣла, кончится или ни чемъ или, чего добраго, нахлобучкой ее затѣявшему, а извѣстное дѣло, что въ русскомъ человѣкѣ чувство служебнаго самохраненія, развито въ высшей степени.

Въ Августѣ мѣсяцѣ, иногда и въ Юлѣ, здѣсь проходитъ барочный караванъ, слѣдующій въ Петербургъ, большею частію съ грузомъ хлѣба. Барочный ходъ служитъ предметомъ любопытства для большинства городскпхъ жителей, и наживы для сельскихъ. Все мужское населеніе деревень обыкновенно недѣли на двѣ, т. е., на все время барочнаго хода, покидаетъ свои жилища и отправляется къ мѣсту спуска барокъ. Здѣсь занимаютъся лоцмана и простые работники, каждая барка занимаетъ среднимъ числомъ отъ 20-ти до 30-ти человѣкъ рабочпхъ, а число всѣхъ барокъ простирается иногда за тысячу, впрочемъ въ настоящее время кущи болѣе осторожныя считаютъ лучшимъ провозить свой товаръ по чугункѣ, оно хоть дороже, да спокойнѣе,

не рискуешь изъ-за алтына, лишиться всего. Лодмана раздѣляютъ она *передныхъ* и *прозбениныхъ*, первые за извѣстную, опредѣленную плату обязываются по очереди спускать барки, вторые по своему искусству пользуются большею или меньшею славою и заламливаютъ съ хозяевъ барокъ иногда довольно значительную цѣну. Хорошій лодманъ зарабатываетъ обыкновенно, въ каждый барочный ходъ не одну сотню рублей; простые работники довольствуются соразмѣрною, довольно хорошею платою; но вотъ что значить невѣжество. Вся эта сумма большею частію переходитъ въ кабаки; съ четырехъ часовъ утра, до двухъ ночи двери кабака открыты настѣжъ, сотни народа кишатъ подъ его окнами, крикъ, смѣхъ, пѣсни, брань, доступная только родному языку, не умолкаютъ ни на минуту и смѣняются, развѣ иногда общими, иногда частными драками. Здѣсь подгулявшая компанія, изъ общей чашки, хлѣбаетъ что то неудобоваримое, тамъ выпившій молодецъ засучилъ рукава, со всѣми драться хочетъ, подъ навѣсомъ растянута совсѣмъ охмѣлѣвшій дѣтина, товарищи льютъ на него воду, но ему и горя мало, лежитъ, какъ трупъ бездыханный, тамъ горячій спортъ изъ-за мѣднаго гроша, тамъ два парня обнявшись, какъ друзья, покачиваются съ-боку-на-бокъ; — всюду русскій разгулъ, во всей его красотѣ и безобразіи. Грустно подумать, что при такомъ развитіи промышленности понятія лодмана о комфортѣ, ограничиваются мебелью краснаго дерева и пузатыми самоварами. Впрочемъ и городскіе жители не далеко ушли отъ мужиковъ.

Рѣка раздѣляетъ городъ на двѣ части, правая сторона носитъ названіе собственно города, лѣвая — слободы. Обѣ части рѣзко отячаются другъ-отъ-друга, какъ по наружному виду, такъ и по внутренней жизни. Слобода съ городомъ ни въ чемъ не сходятся, не имѣютъ никакихъ общихъ интересовъ. Слобода лепитъ и обжигаетъ горшки, городъ торгуетъ хлѣбомъ. Въ слободѣ свой соборъ, свое кладбище, свои лавки, нищіе, юродные и дуры, свои гуляки, свое общество, въ городѣ живетъ уѣздная аристократія, сосредоточена вся городская власть. Строепіе въ слободѣ исключительно деревянное, большею частію некрашенное, городъ щеголяетъ и каменными зданіями и красивыми деревянными домиками. Для сообщенія съ городомъ служатъ паромъ-самолетъ, доступный впрочемъ не всегда для всѣхъ одинаково; часто случается, что крестьянинъ, пріѣхавшій верстъ за двадцать, съ товаромъ для продажи въ городѣ, по случаю скопленія значительнаго числа различныхъ повозокъ, тщетно

ждетъ паромной очереди и наконецъ, не дождавшись ее, пускается въ бродъ, подмачиваетъ привезенный имъ товаръ и быть можетъ спускаетъ его на рынкѣ за полъ-цѣны, иногда напротивъ, при отсутствіи желающихъ переѣхать, тотъ же крестьянинъ хоть и выпускается на паромъ, но ждетъ перевоза до-тѣхъ-поръ, пока не соберутся три или четыре телѣги, бываютъ и такіе случаи, напримѣръ во время ожиданія губернской власти, что на паромъ, вслѣдствіе служебной ревности городничаго, рѣшительно никого не пускаютъ, но такія невзгоды случаются очень рѣдко.

На главной улицѣ города, вымощенной, хотя и не вездѣ, камнемъ, расположено нѣсколько флигелей городскихъ присутственныхъ мѣстъ, окрашенныхъ въ форменный сѣро-желтый цвѣтъ: у одного изъ нихъ стоятъ два фонаря, единственные въ городѣ, и красуется надъ ними изъ золотыхъ буквъ: «квартира городничаго.» — Напротивъ гостиницы дворъ, торгующій всевозможными произведеніями, отъ дегтя до духовъ и помады Мусатова, отъ крестьянской лапоты до узенькой туфельки съ розовыми бантиками, отъ выбойчатой головной повязки, до шляпки туземнаго моднаго издѣлія, до того убранной перьями и цвѣтами, что при взглядѣ на нее въ глазахъ зарыбитъ и невольно удивишься вкусу русскаго человѣка. За гостиницымъ дворомъ слѣдуетъ обжорный рядъ съ свойственною ему вывѣскою: на длинномъ шестѣ прикрѣпляется доска красная четырехугольная или бѣлая продолговатая, первая означаетъ мясной столъ, вторая столъ рыбный. Въ красномъ каменномъ домѣ помѣщается гостиница для приѣзжающихъ, которая могла бы быть порядочною, еслибъ въ ней сколько-нибудь спосно кормили, еслибъ подавали чистую посуду, еслибъ скатерти и салфетки мылись не по однимъ торжественнымъ праздникамъ, еслибъ хозяйки не ходили постоянно въ засаленномъ халатѣ, а прислуга содержала себя опрятнѣе, хоть бы въ баню почаще ходила. Нанское гостиницы торчитъ городской клубъ или собраніе, который въ настоящее время совершенно пустъ и можетъ носить названіе клуба по однимъ воспоминаніямъ. Только зимой собирается здѣсь городское и уѣздное общество, съ принадлежащими ему офицерами, которое говорятъ очень веселится, т. е., пьетъ и танцуетъ, пьетъ и играетъ въ карты, пьетъ и ѣстъ, наконецъ просто пьетъ безъ всякой посторонней примѣси, однимъ словомъ распоряжается какъ слѣдуетъ. Какъ нѣжная жена возлѣ любимаго мужа, помѣщается возлѣ клуба зданіе питейнаго откуна съ

вывѣскою квартиры управляющаго. Вообще до вывѣсокъ городъ большой охотникъ, напримѣръ въ сундукѣ городническаго правленія хранятся вывѣски, означающія названія городскихъ улицъ, прибываютъ онѣ, разумѣется, только иногда, при ожиданіи нашествія какой-нибудь посторонней власти, на тѣхъ улицахъ, по которымъ власть должна проѣзжать, по отбытіи же ея тотчасъ снимаются, складываются обратно въ сундукъ и лежатъ въ немъ до втораго пришествія.

На городской площади возвышаются два собора и тутъ же пасутся коровы, лошади, козы и бѣгаютъ собаки самого неистоваго вида. А между тѣмъ на этой площади можно было бы развести прекрасный городской садъ, а то рѣшительно негдѣ подышать чистымъ воздухомъ; обыкновенно гуляютъ по вечерамъ по берегу рѣки. Мѣщанки и купчихи, разодрѣтыя въ пестрѣйшія шелковыя платья, съ красными, желтыми и голубыми платками на головахъ, съ большими точеными ожерельями на шеяхъ и такими же серьгами въ ушахъ, чинно сложивъ руки, важно выступаютъ павами. Кажется каждая изъ нихъ пришла сюда не за тѣмъ, чтобъ въ-самомъ-дѣлѣ пройтись, подышать свѣжимъ воздухомъ, обмѣняться живымъ словомъ, отдохнуть отъ дѣтскаго крика или трудной работы, нѣтъ, онѣ собрались сюда точно по обязанности, потому что такъ слѣдуетъ, заведено такъ. Утроишь побывали у обѣднѣ, сходили на кладбище поклониться праху родственникововъ, домой пришли, кофеишку напизлись, пирожка покушали, отдохнули и отправились на рѣку. На всѣхъ лицахъ какая-то апатія, рѣдко гдѣ промелькнетъ улыбка, точно дремота обузла всѣхъ, ноги передвигаются, а ни глазъ не моргнетъ, ни голова не шевельнется, развѣ отпустить приличный поклонъ знакомому или знакомой, — куклы ходячія да и только! Между ними есть не мало хорошенькихъ, взглянешь на одно, другое лицо и не вольно задумаешься. Проглядываютъ въ немъ и страсть и ужъ, но все это забыто, задавлено, занавѣшено формой уродливыхъ приличій. Съ дѣтства боялась она самодура тятеньку, въ дѣвицахъ ей твердили объ обязанностяхъ хорошей женщины, т. е., о необходимости повиноватся во всемъ мужу, быть его рабой безусловной, терпѣливо сносить ругательства, а не то и побой, да пожалуй и твердить было нечего, она видѣла примѣръ на глазахъ, на отцѣ и матери; тамъ выдали замужъ за-кого хотѣли, страпаетъ она пироги, дѣтей родить, укладываетъ спать охмѣлѣвшаго супруга, величаетъ его *вы*, Захаръ Игнатьичъ, Илья Тихоничъ и т. п. — онъ ее тыкаетъ, Варвара, Марья,

Агафья, какъ хотите, и только для приличія, въ добромъ расположеніи духа, въ гостяхъ, подаритъ Варварой Васильевной, Марьей Петровной или Агафьей Семеновой. Умреть мужъ, сынъ вырастетъ, онъ глава въ домѣ, онъ смотритъ на мать какъ на что-то себя нисшее. Не мудрено, что при этихъ жизненныхъ условіяхъ заглохнетъ въ женщинѣ все ея человѣческое достоинство, она не имѣетъ ни своего разума, ни своей воли, она обращается въ вещь, пгрушку, грубую прихоть мужчины, гдѣ же тутъ искать жизни? — по неволѣ она гуляетъ изъ обязанности передвигать ноги. Мужчины, большею частію, или прохаживаются или сидятъ отдѣльными группами, покуриваютъ грошевыя сигары да папирсы, изъ бумаги на подобіе сахарной, ломаютъ на паря пряники, тутъ же купленные у старухи бабы, толкуютъ о торговлѣ, рыбной ловлѣ, урожаѣ и прочихъ болѣе или менѣе близкихъ предметахъ. Только нѣкоторые уѣздные ловеласы, чинно выступаютъ рядомъ съ женщинами, сыпятъ сладкія до приторности любезности, передаютъ мелкія сплетни своего круга. Не одно впрочемъ мѣщанское и купеческое общества собираются здѣсь, нѣтъ, тутъ вы увидите и священника съ семействомъ и непроходимаго франта, мелкаго уѣзднаго чиновника, съ розанчикомъ въ петлицѣ, и разукрашенную мушкатушку чиновницы и пышный кринолинъ и тѣхъ офицеровъ, которые составляютъ отраду и надежду уѣздныхъ барышень, и непремѣнную принадлежность каждаго общества и всѣхъ гуляній. Аристократія города посѣщаетъ гулянья больше изъ покровительства, изъ милости, чтобъ не показаться слишкомъ гордою и неприступною, кое-кто изъ нея пройдетъ иногда два, три раза, окинетъ взоромъ эту пеструю, движущуюся толпу и удалится во-свояси. Иногда шагомъ пройдетъ кабриолетъ съ дамой и кавалеромъ, осматривающихъ гуляющихъ какъ своихъ подданныхъ и сознающихъ въ душѣ свое неизмѣримое предъ ними величье. «Мерзавка!» думаетъ дама, смотря на разрядившуюся купчиху, «то же смѣла кринолинъ надѣтъ», не терпѣливо хлопаетъ возжами, кокетливо взгидываетъ на проходящаго, заломившаго на бокъ фуражку, офицера, обдаетъ общество облакомъ пыли и уѣзжаетъ. Мѣсто кабриолета заступаетъ пролетка, съ двумя вырядившимися купеческими дочерьми, самыми богатыми невѣстами въ городѣ; прямо, какъ двѣ жордочки сидятъ онѣ, прямо смотрятъ передъ собою, кажется онѣ ничего не видятъ, ничего не слышатъ, ничего не говорятъ даже между собою, только изрѣдка ступятъ чинный поклонъ какому-нибудь мушкетеру; онѣ пріѣхали исключи-

тельно себя показать, свою приданую, жирную, купеческую лошадь и находящуюся подъ ними пролетку.

Берегъ рѣки составляетъ единственное мѣсто здѣшнихъ общественныхъ собраний; кромѣ его общество городское сходится только по праздничнымъ днямъ въ соборѣ. Все остальное время оно прозябаетъ дома, занимается мелкой торговлей, переписываетъ бумаги въ судѣ, сплетничаетъ, ѣстъ, пьетъ, спитъ, принимаетъ юродивыхъ, слушаетъ ходячую по городу разстроенную шарманку, козыряетъ не только по вечерамъ, но иногда по днямъ и ночамъ, обманываетъ другъ-друга какъ только возможно и тянетъ другъ-съ-друга, чтó возможно.

Человѣкъ новый, небывалый, взглянувъ на эти строго-постылая дремлющія лица гуляющихъ, ихъ сдержанную улыбку, на опущенные глаза женщинъ при разговорѣ съ мужчинами, на весь этотъ до нельзя чинный порядокъ, на всю эту видимую строгость нравовъ, невольно подумаетъ, что здѣсь свято сохраняется супружеская вѣрность, что здѣсь не существуетъ любви, не священной закономъ, что здѣшняя женщина или бревно, немѣлющее ни страсти, ни чувства, ни увлеченія, любящая по приказанію, или нравственныя ея начала развиты до такой степени, что убиваютъ даже всякую мысль возможности нарушенія долга. Все это покажется свачала, но лишь только всмотришься по глубже въ это общество, тотчасъ разочаруешься. Вотъ наступили сумерки, толпа на рѣкѣ замѣтно начинаетъ редѣть, лица оставшихся становятся оживленнѣе, точно дождались часу, въ который можно вздохнуть свободнѣе, кудреватые парни смѣлѣе заглядываютъ въ лица дѣвушкамъ, послѣднія не отворачиваются какъ прежде, не опускаютъ глазъ, не краснѣютъ, а умильно улыбаются; порой раздается звонкій смѣхъ, тамъ затянулась пѣсня, забряцаза трехструнная балабайка, тутъ на лавкѣ усѣвшаяся компанія мужчинъ и женщинъ, то перешептывается, то весело о чемъ-то толкуетъ, то пристально засматривается другъ-на-друга. Проходить часть, на рѣкѣ остается только нѣсколько паръ; чиновникъ съ дородной мѣщанкой тихо о чемъ-то бесѣдуетъ, въ отдаленіи молодой, рослый кучикъ мѣрно прохаживается съ дѣвушкой, два мѣщанина съ двумя мѣщанками расположились на травѣ и тянутъ какую-то пѣсню, точно выжидаютъ чего-то. Вотъ совсѣмъ стемнѣло, кругомъ тишина, только вода журчитъ по камнямъ, идешь, кажется живой души не встрѣтишь, и вдругъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя, слышишь шорохъ, женскій шопотъ, мужскую рѣчь, да звонкій поцѣлуй прорвавшейся страсти. Загляните въ

дома, найдете то же самое, только при другой обстановкѣ, при другихъ условіяхъ. Здѣсь чистый воздухъ, тамъ душная комната, здѣсь свѣтитъ луна, тамъ сальный огарокъ, сюда ушла женщина отъ отца, мужа, брата, кого хотите, украдкой, обманомъ, тамъ обманываетъ не уходя, какое средство сподручише, тѣмъ и распоряжается. Нельзя сказать, чтобъ все это имѣло характеръ прямаго разврата, женщина здѣсь не торгуетъ собой, въ нѣкоторомъ отношеніи она права и чиста, она выбираетъ друга изъ своей среды, по влеченію своего сердца, она сама не рада, сама сознаетъ, что это влеченіе есть тяжкій грѣхъ, отмаливается за него какъ можетъ, но не въ состояніи преодолѣть своей страсти. Ей не позволяли любить открыто, чисто, она все время подъ спудомъ была, она не любила своего жениха, не любитъ мужа, а только боится, у ней отняли волю, но не могли отнять чувства, сердце потребовало для себя пищи, и рванулось къ избранному, женщина отдала только долгъ своему нелѣпому воспитанію и растлѣвающимъ ее жизненнымъ условіямъ! Но довольно, оставимъ рѣку и гуляющихъ на ней и перенесемъ на главную улицу города.

Передъ ярко освещенными окнами каменнаго двухъ-этажнаго дома зѣваетъ и толпится народъ; у воротъ стоятъ двое дрожекъ, тарантасъ, какое-то подобіе кареты и еще экипажъ, немѣющийся себѣ подобія, кака-то и лодка и карета и домъ и дроги и кровать съ занавѣсками — все вмѣстѣ, запряженный парю тощихъ сѣрыхъ лошадей, съ такимъ же топчимъ и сѣрымъ кучеромъ. — До слуха долетаютъ звуки, правда, не совсѣмъ гармоническіе, но все-таки звуки скрипки и контрабаса. — Въ домѣ балъ. Балъ у молодыхъ, по случаю свадьбы управляющаго питейнымъ откупомъ, или *шкалика*, какъ его здѣсь называютъ. «Что вы здѣсь стоите? на верхъ пойдете,» сказать, обращаясь ко мнѣ, подѣхавшій къ воротамъ господинъ съ усамп, въ черномъ фракѣ и желтыхъ перчаткахъ. — «Какъ-же я пойду, развѣ можно? Я не былъ представленъ, я никого здѣсь не знаю.» — «Пустяки! есть съ кѣмъ церемониться, пойдемъ шампанское пить, будетъ вдоволь, одно слово, шкаликъ!» энергически замѣтилъ знакомый, схватилъ меня подъ руку и потащилъ по лѣстницѣ. — Въ передней три еврея, солдаты инвалидной команды, вытягиваютъ что-то напоминающее кадрили. — Я вошелъ въ залу, мнѣ было немножко неловко; пары танцующихъ вопросительно взглянули на меня, но вотъ подошелъ хозяинъ-шкаликъ, маленькій человѣкъ съ большимъ носомъ. «Очень радъ, очень радъ,» по-

вторяетъ онъ, съ чувствомъ пожимая мою руку и тащитъ въ гостинную, представлять своей половинѣ. Въ дверяхъ я встрѣтился съ хозяйкой, она умильно улыбнулась и тутъ же познакомила меня съ нѣсколькими окружающими ее дамами. — Въ это время подошелъ къ намъ длинный, неуклюжій господинъ, смахивающій на медвѣдя, въ бѣломъ демикатоновомъ сюртукѣ и такихъ же брюкахъ, съ нѣсколькими орденами на груди, съ суконною наружностію мѣдно-краснаго цвѣта и съ черными какъ смоль, завитыми какъ у пуделя, волосами. — «Очень пріятно познакомиться, здѣшній городничій,» говоритъ онъ, прибавляя свою фамилію. — «*Nous sommes charmés, comment vous trouvez notre petite société?*» продолжаетъ онъ. — Я взглянулъ на новаго знакомаго съ удивленіемъ. Громкая фамилія и чистый французскій выговоръ, чортъ знаетъ что такое! — Съ помощію городничаго, черезъ какой-нибудь часъ времени, я познакомился со всѣмъ обществомъ, узналъ біографію каждаго лица, его служебную и неслужебную дѣятельность, и даже посвятился въ нѣкоторыя уѣздныя тайны. Вотъ очень маленькій господинъ, съ очень тоненькими ножками и такими же губками, съ оскалившимися зубами, съ клочками волосъ на щекахъ и небольшимъ ихъ количествомъ на головѣ, играетъ роль распорядителя бала, приказываетъ играть музыки, устанавливаетъ кадрили, сажаетъ за карты, подчууетъ мушкетъ шампанскимъ и, съ самаго начала вечера, поданной закуской. Это здѣшній архитекторъ, здѣшній Донъ-Жуанъ, сердцеѣдъ. Онъ вѣчно занятъ, вѣчно суетится, обязанностей у него гибель. Онъ чинитъ никуда не годные мосты и выдаетъ ихъ за новые, исправляетъ невыразимо гадкія дороги, ставитъ очень красивые верстовые столбы, составляетъ фасады дачъ въ собственномъ вкусѣ, не забывая при этомъ своего личнаго интереса, размежовываетъ огороды, за что вознаграждается огурцами и капустой, креститъ дѣтей, иногда замѣняетъ имъ няньку, бываетъ шаферомъ на всѣхъ свадьбахъ, немилосердно разѣзжаетъ по уѣзду, получаетъ въ подарки всевозможныя издѣлія дамскихъ ручекъ, отдариваетъ въ свою очередь, играетъ въ карты по большой и маленькой, какъ прикажутъ, исполняетъ разныя комиссіи, преимущественно по части дамскаго туалета, держитъ кабріолетъ и катаетъ въ немъ дамъ, дѣлаетъ вечера, устраиваетъ лотереи, даетъ различные совѣты, сопровождаетъ дамъ въ ихъ путешествіяхъ и прочее и прочее. Словомъ, всюду, куда не оглянись, вездѣ видѣнъ или самъ онъ, или, по-крайней-мѣрѣ, слѣдъ его всесторонней дѣятельности.

Какъ говоривши о планетѣ, нельзя умолчать о ея спутникахъ, такъ коснувшись архитектора, нельзя оставить безъ вниманія окружающихъ его дамъ. — Посмотрите какъ мило, чинно танцуютъ онѣ, сколько граціи во всѣхъ ихъ движеніяхъ, какъ отчетливо выдѣлываетъ на полная супруга инвалиднаго начальника, сколько колець нанизала она на свои пухленькіе пальцы, сколько одеколону вылила на бѣлую шейку, какіе умильные глазки дѣлаетъ своему кавалеру, какіе брилліанты блестятъ на кучеческихъ дочеряхъ, тѣхъ самыхъ, которыя показывали себя и свою пролетку на берегу рѣки, какое перо торчитъ на головѣ судейши, какъ мило шепеляетъ она: «Владимиръ Ивановичъ, пасматните я казеться плятье абальвала.»

Въ нижнемъ этажѣ дома представилась другая картина. Довольно большая комната была вся заставлена ломберными столами. За ними, въ облакахъ табачнаго дыма, сидѣли: исправникъ, судья, какой-то непремѣнный членъ, засѣдатель, секретарь, розовенькій господинъ съ небольшими усиками и нѣсколько другихъ городскихъ знаменитостей, козыряющія въ карты. — Въ углу помѣщался особый столъ съ водкою, различныхъ цвѣтовъ и названій, пивомъ и разными соленостями. Совсѣмъ готовый почтмейстеръ, низенькій человекъ въ синихъ очкахъ, развалился у стола и несвязно бормоталъ, про 12-й годъ, его беззубый помощникъ (онъ же и уѣздный дантистъ), въ сѣромъ нанковомъ сюртукѣ, увѣрялъ какого-то господина въ своемъ искусствѣ дергать зубы. — И странное дѣло, глядя на наружность всѣхъ этихъ господъ, почти навѣрно можно было угадать родъ ихъ дѣятельности, до такой степени служебныя занятія отпечатались на ихъ физиономіяхъ. Кругомъ раздаются восклицанія, свойственныя карточной игрѣ, впрочемъ весьма скромныя и тихія. — «Ходите!» замѣчаетъ играющій въ ералашъ исправникъ, сидящему противъ него партнеру. — «Знаю что ходите, да не съ чего,» наввно отвѣчаетъ партнеръ. — Лицо исправника скрючилось. — «Ну, да Господи благослови!» энергически возразилъ онъ и перекрестился. Догадливый партнеръ пошелъ въ тrefы, у исправника ихъ было полныя руки. — Кромѣ такого умѣнья исправника иносказательно выражать свои карточные потребности, онъ, говорятъ, большой мастеръ сдавать себѣ тузы. — По поводу этихъ послѣднихъ въ архивѣ здѣшняго суда хранится довольно толстое дѣло, съ законическимъ названіемъ: «дѣло о пропажѣ червоннаго туза.» — Сущность его заключается въ томъ, что въ одинъ прекрасный вечеръ, четверо помѣщи-

ковъ успѣлись играть въ преферансъ; въ одну игру, когда карты были сданы и хозяинъ объявилъ черви, на дворъ привели показывать какихъ-то лошадей; играющіе сложили карты и вышли, за исключеніемъ одного, вѣроятно не чувствовавшаго особой симпатіи къ четвероногимъ животнымъ; пользуясь отсутствіемъ своихъ товарищей, оставшіяся рѣшились уменьшить хозяйскую игру, присвоить себѣ принадлежащій ей червонный тузъ, а вмѣсто его подложить какую-то семерку. — По возвращеніи играющихъ, дѣло разумѣется объяснилось, съ вповнымъ хотѣли распорядиться домашнимъ образомъ, но къ счастью они успѣли выпрыгнуть въ окно, бѣжать въ городъ и тамъ настрочить просьбу на своего оскорбителя. — За исключеніемъ такихъ необъяснимыхъ феноменовъ, случающихся конечно весьма рѣдко, играющіе обыкновенно ведутъ себя очень прилично. — Вообще карточная игра, какъ я узналъ впоследствии, развита здѣсь въ высшей степени, играютъ всѣ, начиная отъ исправника до писаря питейной конторы, играютъ во всякое время, утромъ, днемъ, вечеромъ и ночью, играютъ большею частию по большей, такъ что иногда невольно подивившись, откуда берутся у какого-нибудь не весьма чиниваго господина, возможность проигрывать довольно изрядныя суммы. Нѣкоторые лица составляютъ постоянныя, неразрывныя партіи, разрушаемыя только временно какимъ-нибудь особеннымъ явленіемъ, напримѣръ, болѣзней или нашествіемъ ревизора. Судейша играетъ только съ почтой (такъ называется почтмейстеръ съ его помощникомъ), судья съ земскою позиціей. Впрочемъ изъ дамъ, рьяныхъ, записныхъ игрицъ не много, двѣ, три, да и обочтешься, остальные играютъ больше для смѣху, по маленькой, когда выиграютъ то берутъ деньги, а въ случаѣ проигрыша, правда постигающаго ихъ очень рѣдко, потому что дамамъ во всемъ угождать нужно, отдѣлываются улыбкою, невинною шуткою или маленькою, милою бранью, которую злодѣй обыгравшій принимаетъ какъ награду.

Часовъ въ пять утра, играющіе и танцующіе и не чего недѣлающіе, шныряющіе изъ комнаты въ комнату, отъ водки къ закускѣ и отъ закуски къ водкѣ, потребовали положительнаго подкрѣпленія силъ. — Гости успѣлись за ужинъ, молодые, хозяинъ и хозяйка, съ счастливыми самодовольными лицами, похѣстались по срединѣ стола, чуть-ли не на возвышеніе, по-крайней-мѣрѣ они казались выше всѣхъ присутствовавшихъ; говоръ, смѣхъ, безпрестанные тосты, громкое оглушительное ура, туши евреевъ-музыкантовъ не прерывались ни на минуту. Каждый точ-

но старался перекричать своего сосѣда, удивить его своею веселостію и остроуміемъ. — Розовый господинъ съ небольшими усиками ругалъ вино, маленькій Владиміръ Ивановичъ засуетился окончателно, бѣгалъ съ бутылками, блюдами и обратился въ настоящаго лакея; почтмейстеръ, совершенно осовѣвшій, сопѣлъ и клевалъ носомъ въ тарелку, исправникъ гудѣлъ про какое-то слѣдствіе, дама въ зеленомъ платьѣ хотела такъ, что нужно было опасаться за цѣлость ея снуровки, пожилой, сѣдовласый поручикъ, сильно нагружившійся, безпощадно подливалъ въ бокалы всѣхъ шампанское, предлагалъ удивительные тосты, возбуждавшіе взрывы хохота, кричалъ «горько», при чемъ молодые вставали, раскланивались на всѣ стороны, точно вызванные актеръ съ актрисой и, нѣжно цѣловались въ ланиты. Вдругъ, на минуту воцарилась тишина, какъ говорится тихій ангелъ пролетѣлъ, точно гости хотѣли перевести духъ, чтобъ зашумѣть снова, сильнѣе прежняго. И дѣйствительно голосъ поручика нестово гаркнулъ: «за здоровье будущаго маленькаго шкалика, c'est le moment quand le petit шкаликъ est nѣ». — Всѣ присутствующіе треснули хохотомъ, щеки молодыхъ покрылись легкимъ румянцемъ.

Такъ вотъ она провинція, вотъ онъ уѣздъ со всѣми его принадлежностями, думалъ я, нѣсколько дней спустя, пробираясь, по окончаніи визитовъ городскимъ сановникамъ, къ себѣ на квартиру. Вотъ она уѣздная жизнь! Всюду пахнетъ какою-то плѣсенью жизни, нигдѣ не услышишь живаго, слова не встрѣтишь сердца, бьющагося интересами отличными отъ интересовъ безкозырной игры, слѣдствія опропавшей коровѣ, мелкой уѣздной сплетни, предстоящаго розговенья или заговѣнья, да новой дамской выкройки. — Правда, здѣшняя барыня не толкуютъ объ оперѣ, потому что не слышать ее, не восторгаются французскимъ водевилемъ, потому что его нѣтъ, не бредятъ Страусомъ, потому что его замѣняютъ музыканты — евреи, бредить которыми можно только въ случаѣ расстройства нервъ, будь всѣ эти блага міра сего и здѣшняя Анна Ивановна ни чѣмъ бы не отличалась отъ Петербургской статской совѣтницы, чуть-чуть не генеральши. — Если она и проще этой послѣдней, если въ ней менѣе неестественности, если она меньше сворачиваетъ ротъ на сторону когда хочетъ казаться тоннѣе, то происходитъ это развѣ отъ чистаго воздуха, да отъ того, что фигурируетъ не передъ кѣмъ, а покажись ктонибудь, ого!... пересолить всякую коренную столичную обитательницу. — Да и гдѣ ей было отстать отъ усвоенныхъ

привычекъ, отъ воосанныхъ съ дѣтства понятій?... воспитывалась она въ институтѣ или пансіонѣ, большею частію столичномъ, прѣѣхала сюда по окончаніи курса, чтобъ удивить провинцію блескомъ своихъ знаній или завезена тираномъ мужемъ, и смотритъ на свою провинціальную жизнь, какъ на состояніе переходное, какъ на матеріалъ, служащій для поправки разстроенныхъ средствъ или приобрѣтенія новыхъ — для жизни столичной. — Только истыя обитательницы уѣзда, знающія другой міръ по книгамъ и слухамъ, носятъ на себѣ свой исключительный типъ, окружающей ихъ сферы, но эти послѣднія отличаются отсутствіемъ всякаго, даже ложнаго образованія и принадлежатъ, большею частію, или къ мелкимъ помѣщикамъ, выходящимъ замужъ за такихъ-же мелкихъ чиновниковъ или къ тѣмъ барынямъ, которыя посредствомъ брака перешли въ барское состояніе. Другое дѣло составляютъ мушны, тѣ окрашиваются довольно скоро мѣстнымъ колоритомъ и его жизненными условіями, раскисаютъ окончательно, разползаются наружно и сжимаются внутренно, въ нихъ ужъ совершенно нѣтъ никакого стремленія скривить ротъ для тону, пустить столичную фразу, надѣть модный фракъ, причесаться, вычистить ногти, они не идеальничаютъ какъ ихъ жены и исключительно погружаются въ матеріальный міръ. Только развѣ «Сынъ Отечества», состояющій здѣсь единственное чтеніе, наполняетъ ихъ души поэзіей. Оттого-то и слышишь часто, что дражайшая половина, сжимая глазки, съ сожалѣніемъ говоритъ про мужа: «ахъ, онъ такой провинціалъ, никакихъ столичныхъ интересовъ не понимаетъ». Только при нашествіи губернаторской власти, преобразовывается мужское чиновное населеніе города, бѣгаетъ, суетится, хлопочетъ, бранится, отдаетъ приказанія, худѣетъ, брѣтается, стрижется, моется и чистится до нельзя, затягивается въ мушдръ. — Посмотришь на нихъ и не узнаешь, только по дивисься умѣнью русскаго человѣка принаравливается къ обстоятельствамъ, такъ вдругъ похорошѣли всѣ, такимъ стали всѣ свѣженькими, миленькими, чистенькими, добренькими, что сердце радуется, словно давно жданный торжественный праздникъ наступилъ, а уѣхалъ губернаторъ и пошли опять прежніе будни. — Да и не мудрено, на себѣ чувствуешь какъ заразительно даже на гостя дѣйствуетъ эта жизнь, къ какой дремотѣ, апатіи располагаетъ она, какъ мало-по-малу отчуждаешься отъ всего истинно человѣческаго, какъ пусто становится и въ головѣ и въ душѣ, какъ равнодушно смотришь на грязную дворню помѣщика, на бо-

соногого мальчишку — закса исправника, на стриженую бабу, юродивую, какъ обыкновенными кажутся названія горничныхъ: Варьками, Машками, какъ сживаешься съ каждою уродливостію, какъ интересуешься сплетнями, — находишь въ нихъ какую-то потребность, отраду для души, пищу для ума. Да, сплетня въ уѣздѣ великое дѣло, это своего рода газета, спасительная гласность, это Колумбъ открывающій Америку, съ помощію сплетни, вы становитесь всевѣдущимъ, всевидящимъ. И посмотрите, съ какими увлеченіемъ здѣшнее общество сплетничаетъ другъ-на-друга, какъ оно облекло сплетню, въ какую-то приличную, мнлую форму. Инвалидный начальникъ, съ птичьей физиономіей, сплетничаетъ на городничаго, городничій въ свою очередь на инвалиднаго начальника, исправникъ на судью, судья на почтмейстера, засѣдатель на предсѣдателя, предсѣдатель на всѣхъ. И не то, чтобъ такое обыкновеніе имѣло характеръ злобы, вражды, Боже сохрани! всѣ эти лица большіе друзья между собой, говорятъ другъ-другу ты и сплетничаютъ, потому что нельзя не сплетничать, потому что это такъ устроено. Я не говорю о дамахъ, тѣ разумѣется, за исключеніемъ своего личнаго я, никого не щадятъ, сплетня для нихъ необходима также, какъ сердцеѣдъ города — Владиміръ Ивановичъ.

Съ помощію сплетни оказалось, что исправникъ красавъ во-лжсы, что онъ хотя и не женатъ, но имѣетъ тронхъ дѣтей и только намѣренъ вступить въ законный бракъ, что водку онъ пьетъ, но никогда не покупаетъ, что барочный ходъ для него майна небесная, что почтмейстеръ женатъ не былъ, дѣтей имѣетъ, но жениться не намѣренъ, быть можетъ потому, что овдовѣлъ, что одинъ господинъ сырой наружности очень удачно опекаетъ какое-то имѣніе, отчего супруга его, прежде ходившая въ весьма скромныхъ платьяхъ, теперь носитъ только бархатныя, что помощникъ почтмейстера, по случаю смерти своей супруги, далъ зарокъ не пить шесть недѣль водки, но въ помпники, на девятый день, не выдержалъ и напился до положенія ризъ, что одинъ, очень благовидной наружности господинъ, никогда подобнаго зарока не давалъ и пьетъ водку ровно черезъ пять мнпуть по рюмкѣ, что тотъ же господинъ былъ сначала голъ какъ соколъ, но по неосторожности одной влюбившейся въ него барыни, приобрѣлъ цѣлое имѣніе, пустивъ свою благодѣтельницу чуть-ли не по-міру, что розовый господинъ съ небольшими усиками, господинъ очень хорошій, милая супруга котораго каждую весну разрѣшается отъ бремени

то сыномъ то дочерью, до страсти любить дѣлать званые обѣды, для чего завелъ цѣлую коллекцію самыхъ изящнѣйшихъ рюмокъ и стакановъ, но по случаю спящей карманной чахотки, постигшей въ послѣднее время, обѣдовъ не дѣлаетъ, а только — любитъ, выставленною на показъ, ихъ вышесказанною принадлежностью, что предводитель, напротивъ, не только не любитъ обѣдовъ, но во избѣжаніе всякихъ посѣщеній, вѣчно передѣлываетъ свою залу, что городничій бываетъ не только два раза въ годъ имянникомъ, но справляетъ еще два рожденія и годовщину своего вступленія въ должность. Впрочемъ про послѣдняго ходитъ столько слуховъ, городъ занимается имъ такъ исключительно, что по неволѣ и мнѣ приходится распространиться о немъ подробнѣе. Вообще городничій геніальный человѣкъ, онъ обладаетъ умѣньемъ не только говорить по-французски и кудряво завивать волосы, нѣтъ, онъ мастеръ на всѣ дѣла, на всѣ руки, онъ изъ ничего творитъ все, онъ фокусникъ, чародѣй Боско! Онъ украшаетъ городъ вывѣсками и фонарями у воротъ своего дома *), держитъ въ такомъ страхѣ купцовъ, что послѣдніе называютъ его не иначе какъ Пугачевымъ, хотя пугачевского въ немъ ничего нѣтъ, для внушенія пушечной важности, лѣротно тѣмъ же купцамъ, называетъ себя сыномъ какого-то знаменитаго генерала, въ удостовѣреніе чего даже его портретъ у себя повѣсилъ, хотя положительно извѣстно, что у этой знаменитости никогда ни какихъ дѣтей не было, волею и неволею побѣждаетъ женскія сердца, преимущественно то же купеческія, въ торжественные дни вытаскиваетъ старую пушку и палитъ изъ нее такъ, что въ городѣ стекла дрожатъ и жители являютъ умолять о пощадѣ, разрѣшаетъ лотереи, до которой городъ большой охотникъ, получаетъ въ знакъ признательности даровые билеты и выигрываетъ, устраиваетъ вечера ничего ему не стоющіе, неусыпно заботится о благосостояніи города, мечтаетъ о тротуарѣ на главной улицѣ, паркѣ, лѣтнемъ вокзалѣ и прочихъ необходимыхъ, по его мнѣнію, удобствахъ, принимаетъ различныя приношенія, какъ деньгами, такъ колѣсальными, мануфактурными и прочими всевозможными произведениями. Короче, глазъ, рука и умъ городничаго не брезгуютъ ничѣмъ, ничего не оставляютъ безъ вниманія. Послѣ яр-

*) Ходитъ постоянно въ бѣломъ, какъ снѣгъ, костюмѣ, и только при появленіи посторонняго значительнаго лица облачается въ мундиръ и вооружается двумя костылями, какъ доказательствомъ своего увѣчья.

марки, бывающей здѣсь два раза въ годъ, квартира великаго градоначальника, образуется въ складочный рынокъ самыхъ разнообразныхъ товаровъ, чуть-ли не въ всемирную выставку. Правда, нѣкоторыя статьи торговли поощряются имъ съ особенною любовью, напимѣръ, Татаринъ, являющейся на ярмарку, облачаетъ блюстителя города въ два халата, одинъ идетъ за ярмарку настоящую, другой служить ему придачею и зачитается вѣроятно за вторую. Конечно все это дѣлается для испытанія качества привозимыхъ товаровъ, въ-самомъ-дѣлѣ нельзя же позволить продавать жителямъ всякую дрянъ.

Тяжело становится на душѣ, когда подумаешь, что много еще такихъ городовъ и городничихъ на матушкѣ Руси. Когда лучъ благотворнаго свѣта разгонитъ эту густую тьму; когда ударъ грома пробудитъ отъ сна эти вялыя природы и они возстанутъ къ новой жизни? Можетъ быть, много времени пройдетъ до того и долго будутъ спать они, охраняемые отъ всякихъ тревогъ, бурь, непогодъ, нашествій и наѣздовъ, обширностью нашей матушки Россіи, ея плохими дорогами да провалившимися мостами.

А. ВИТКОВСКІЙ.

25 Іюля.
1860 года.

Александръ Астафьевичъ Мартыновъ.

16-го Августа русская сцена понесла, вѣроятно, долго незамѣнимую потерю; въ этотъ день скончался любимецъ петербургской публики, тотъ талантливый комикъ, о которомъ слышала и котораго отчасти видѣла вся сколько-нибудь образованная Россія, — Александръ Евстафьевичъ Мартыновъ. Много бы можно сообщить данныхъ о жизни покойнаго артиста, но слѣдъ его смерти еще такъ близокъ, утрата такъ свѣжа, что намъ приходится ограничиться однимъ очеркомъ артистической жизни челоука, такъ часто вызывавшаго невольныя слезы и смѣхъ у

своихъ зрителей. Отъ аристократа до мелкаго лавочника, всякій по своему восхищался игрою Мартынова, бѣдный семьянинъ-чиновникъ, посѣщавшій театръ разъ въ годъ, на масляницѣ, непрежѣнно выбиралъ то представленіе, въ которомъ участвовалъ Мартыновъ; искусство его было всѣмъ одинаково доступно, потому что каждый видѣлъ въ немъ не ходульнаго героя театраль-ныхъ подмостокъ, а живаго человѣка, изъ дѣйствительной жизни; каждый узнавалъ въ немъ близкаго, знакомаго себѣ собрата изъ современнаго окружающаго его общества. Въ-особенности роли, гдѣ требовалась простота и неподдѣльное чувство, передавались Мартыновымъ съ неподражаемымъ совершенствомъ. Кого не волновала сцена, когда Гарпагонъ Мольера, этотъ типъ не отдѣльной націи, а цѣлаго человѣчества, хваталъ себя за руку; кто не смѣялся отъ всей души, когда благородный нищій Дерюгинъ, въ пьесѣ «Знакомые Незнакомцы», обращаясь къ публикѣ, говорилъ: «Messieurs et medames, soyez misericordes!» чье русское сердце не билось при разсказѣ Михайла, въ драмѣ «Чужое добро въ прокъ нейдетъ», о тройкѣ и выкинутыхъ ованчикахъ. При этой правдѣ въ искусствѣ, составляющей отличительный характеръ каждаго художника, необыкновенное разнообразіе репертуара Мартынова довершало его популярность; сегодня самодуръ-купецъ, завтра пройдоха чиновникъ, тамъ лихой русскій парень, пьяница-гуляка, циникъ-лакей, департаментскій сторожъ, нѣжный супругъ, ловкій повѣса, мальчикъ дватцати лѣтъ, семидесятилѣтній старикъ, все было по силамъ громадному таланту Мартынова. Правда, нѣкоторые ставили это разнообразіе въ укоръ артисту, говоря, что онъ тратитъ свои силы на вещи, недостойныя его дарованія; но такой приговоръ былъ справедливъ только отчасти. Виноватъ ли былъ осужденный, по своей ли винѣ, онъ попусту тратилъ свои силы?... Припомнимъ прошую бѣдность нашей драматической литературы, припомнимъ, что наша сцена почти исключительно наводнялась или слезливыми мелодрамами или нелѣпыми французскими водевилями. Не надо забывать, что великаго артиста образуетъ общество и самое искусство. Мартыновъ часто принужденъ былъ жертвовать лучшими сторонами своего дарованія въ угоду первому и не могъ быть строгимъ въ выборѣ условій втораго. Еслибъ онъ ограничился однѣми и замѣчательными ролями, ему пришлось бы сыграть, навѣрное, не болѣе десяти разъ въ годъ, а между тѣмъ бѣдность ставила его въ неизбѣжную необходимость являться на сцену наравнѣ съ самымъ обыкновеннымъ актеромъ. По

этому мы готовы благодарить его вдвойнѣ, за то, что и въ этомъ водевилльномъ хаосѣ, онъ все-таки былъ жрецомъ истиннаго искусства, что и самыя плохія піесы держались исключительно его игрою. Онъ вездѣ былъ превосходенъ, если не одинаково, то по-крайней-мѣрѣ относительно, на столько превосходенъ, на сколько позволяла быть самая роль. Послѣдніе годы жизни артиста ознаменовались классическимъ воспроизведеніемъ самыхъ разнообразныхъ сценъ: «Холостякъ» — Тургенева, «Гроза» — Островскаго, «Знакомые-Незнакомцы» — Онекса, «Чужое добро въ прокъ нейдетъ» — Потѣхина, «Не въ деньгахъ счастье» и «Отецъ Семейства» — Чернышева, врядъ ли найдутъ другаго подобнаго исполнителя.

Чтобъ оцѣнить всю важность нанесенной русскому театру потери, нужно вспомнить, что Мартыновъ умеръ 44-хъ лѣтъ, слишкомъ рано, какъ человѣкъ, и еще раньше, какъ артистъ, умеръ въ цвѣтѣ силъ и полнаго развитія своего таланта, въ ту эпоху, когда онъ истинно понялъ свое назначеніе, всталъ на прямую, широкую дорогу, стряхнулъ съ себя всю театральную вѣтошь и вполне отдался своему дѣлу. Невольно задаешь себѣ вопросъ, чтобы было, еслибъ этотъ человѣкъ прожилъ еще лѣтъ двадцать? Покойный Бѣлинскій, этотъ строгій цѣнитель и знатокъ въ искусствѣ, въ одномъ мѣстѣ своихъ критическихъ замѣтокъ о театрѣ замѣчаетъ: «Господа! Мартыновъ великій талант!»

Необыкновенно скромный по характеру, Мартыновъ никогда не довѣрялъ своимъ силамъ, не возносился своимъ дарованіемъ, не обольщался успѣхомъ, не пренебрегалъ дѣльнымъ замѣчаніемъ, добрымъ совѣтомъ, не думалъ, что дѣло его кончено, слава упрочена, а постоянно стремился къ большому и большому совершенству, былъ для самого себя самымъ строгимъ судьей; съ замирающимъ сердцемъ онъ выходилъ передъ публику, не смотря на то, что эта публика знала своего любимца двадцать лѣтъ, и со слезами радости на глазахъ, ободренный ласковымъ приемомъ, всегда оставлялъ ее. Человѣкъ до крайности нервный, съ теплой душой, съ огромнымъ запасомъ неподдѣльнаго чувства, Мартыновъ принималъ слишкомъ близко къ сердцу, каждый новый успѣхъ свой; можно сказать, что эти успѣхи, были одной изъ разрушительныхъ причинъ, дѣйствовавшихъ на его слабую натуру; усталый, еле-дыша, съ слезами на глазахъ онъ возвращался иногда изъ театра въ свой семейный кругъ. «Что вы меня все хвалите, говорилъ онъ, окружавшимъ его зна-

бомытъ, — вы лучше скажите, въ какомъ мѣстѣ я плохъ былъ, тогда я скажу спасибо и исправлюсь, а похвалы ни къ чему не ведутъ.» — Какъ глубоко чувствовалъ покойный артистъ, можно видѣть изъ слѣдующаго обстоятельства. Разъ дома, въ кругу близкихъ друзей, кто-то попросилъ его прочесть нѣкоторыя мѣста изъ только-что вышедшей въ свѣтъ «Горькой Судьбины» Писемскаго; онъ отказался, говоря, что читать ее зря нельзя, пужно самому понавыкнуть, но тутъ же взялъ лежавшую на столѣ драму и прочелъ самый конецъ послѣдняго дѣйствія, всего строкъ пять, когда скованный Ананій прощается съ окружающимъ его міромъ, прочелъ и не только прослезился, а залился слезами; нѣкоторые изъ присутствовавшихъ тоже заплакали, не отъ словъ Ананія, а глядя на артиста, до такой потрясающей степени сочувствующаго своему искусству. Понятно, послѣ этого, что такая горячая, но вмѣстѣ съ тѣмъ физически слабая натура, сильно потрясалась не однимъ Ананьемъ, а каждую рольку, сколько-нибудь выходящую изъ общаго уровня, она вся перевосилась въ эту роль, глубоко проникалась ею: вотъ и причина страстной жизненной правды въ игрѣ покойнаго Мартынова.

Невыразимо жаль его, какъ артиста, и жаль какъ человѣка. Добрый, безукоризненно честный, чуждый всякой зависти, врагъ лести, прекрасный семьянинъ, онъ былъ отрадой своего семейства, другомъ и поддержкой своихъ родныхъ и заслуживалъ полное уваженіе отъ всѣхъ его знавшихъ. Мартыновъ не любилъ большаго общества, онъ терялся въ немъ, чувствовалъ себя не на мѣстѣ, и только небольшой кружокъ близкихъ знакомыхъ, нѣкоторыхъ литераторовъ да актеровъ, разъ въ недѣлю посѣщавшій артиста, составлялъ его единственное развлеченіе. — Здѣсь говорилось объ искусствѣ, рассказывались разные театральные анекдоты, иногда читались новыя драматическія произведенія, иногда происходили домашніе дѣтскіе спектакли, большею частію сюрпризы для отца; иногда, когда разговоръ не клеился, устраивалось невинное лото или мушка, старинная игра, единственная, въ которую кое-какъ игралъ Мартыновъ. Какъ-то тепло, отрадно было проводить время въ кругу этого милаго, радушнаго семейства, чуждаго всякихъ претензій, окруженнаго людьми ему преданными. Теперь это семейство, недавно счастливое и довольное, вмѣстѣ съ отцомъ лишилось самыхъ необходимыхъ, насущныхъ средствъ для безбѣдной жизни, пятеро маленькихъ дѣтей и вдова конечно долго будутъ оплакивать постигшую ихъ тяжелую участь.

Мартыновъ сильно заболѣлъ четыре года тому назадъ и хотя черезъ нѣсколько мѣсяцевъ оправился, но съ-тѣхъ-поръ здоровье его видимо слабѣло; путешествіе за-границу, сопряженный съ нимъ полный отдыхъ отъ трудовъ и спокойная жизнь, кое-какъ подкрѣпляли его ослабѣвшія силы, но настоящая артистическая поѣздка по Россіи, заботы, труды, самое торжество успѣха, окончательно сломили эту замѣчательную жизнь.

Въ послѣдній разъ предъ петербургской публикой, Мартыновъ показался въ бенефисъ Снѣтковой, въ «Грозѣ» Островскаго, и Боже мой, какъ игралъ онъ, какъ неподдѣльно рыдалъ надъ трупомъ жены своей Катерины, точно чувствовалъ, что въ этомъ рыданіи было его вѣчное прощаніе, послѣднее обращеніе къ обществу. — На другой же день во вторникъ на Ѳоминой недѣли, онъ уѣхалъ въ Москву, но 1-го Мая неожиданно, на одинъ день, вернулся въ свою семью. «Сердце чуетъ что-то недоброе», говорилъ онъ, «быть можетъ не увижу васъ болѣе, оттого и пріѣхалъ, проститься нужно». Предчувствіе не обмануло человѣка, семейство и Петербургъ увидѣли только заколоченный гробъ своего любимца. Въ Одессѣ онъ заболѣлъ, силы его видимо истощились, но не смотря на это, не желая нарушать условій заключенныхъ съ одесскимъ театромъ, больной продолжалъ играть, наконецъ еле-живой дотащился до Харькова и тамъ скончался. Не хотѣлось умирать артисту; онъ чувствовалъ, что еще не совершилъ многого, что онъ въ долгу у искусства, что нравственныя артистическія силы его только начинаютъ развиваться: за нѣсколько минутъ до смерти, когда ему предложили причаститься Св. Таянъ, онъ отвѣчалъ, что еще жить будетъ, что рано умирать ему, что онъ не умретъ такъ неожиданно, среди дороги, вдали отъ семейства, своихъ друзей и знакомыхъ.

Вся жизнь Мартынова была полна самыхъ разнообразныхъ случайностей. Сынъ бѣднаго дворянина, онъ случайно поступилъ въ театральную школу, учился въ ней сначала хореграфическому искусству, чуть-чуть не сдѣлался танцоромъ, потомъ готовился быть декораторомъ и машинистомъ, случайно поступилъ на драматическую сцену. Занявъ для перваго дебюта роль какого-то заболѣвшаго товарища, много испыталъ нужды, заботъ и горя на этомъ скользкомъ поприщѣ; въ молодости, небольшимъ получаемымъ жалованьемъ, содержалъ старика отца и цѣлое семейство, отказывалъ себѣ въ послѣднемъ, по нѣскольку верстъ въ дождь и слякоть, иногда голодный, шелъ пѣшкомъ на репетицію и спектакли и, наконецъ, послѣ годовыхъ тяжкихъ трудовъ и ли-

шеній, достигъ своей цѣли, попалъ на настоящую дорогу, но недолго наслаждался радостью и спокойствіемъ, плодами прежнихъ, жестокихъ истязаній.

Слава актера проходитъ скоро, почти кончается съ его жизнью, искусство его неблагоугодно, оно живетъ въ одной памяти, будемъ же надѣяться, что по-крайней-мѣрѣ память о Мартыновѣ не скоро изгладится изъ сердець людей, знавшихъ и видѣвшихъ покойнаго. Русская сцена останется теперь надолго въ глубокомъ траурѣ; кто не согласится, что дойти въ искусствѣ до совершенства Мартынова слишкомъ трудно; для этого нужно много данныхъ, много условій — нужно родиться Мартыновымъ. Конечно, многіе изъ русской публики раздѣляютъ съ нами глубокое чувство скорби, задумаются надъ свѣжей могилой покойнаго, истинно оцѣнятъ всѣ заслуги его и вмѣстѣ съ нами скажутъ: «миръ праху твоему, талантливый и добрый человѣкъ.»

А. ВИТКОВСКІЙ.

5-го Сентября 1860 г.

ШАХМАТНЫЙ ЛИСТОКЪ.

№ 21.

(ВТОРОЙ ГОДЪ.)

Жизнь и сочиненіе Густавуса Селенуса. — Продолженіе матча Морфи съ Девенталемъ: восемь партій. — Рукопись съ неизвѣстными доселѣ партіями Филидора. — Одна изъ этихъ партій. — Рѣшеніе задачъ. — Задачи. — Корреспонденція.

Герцогъ Августъ Брауншвейгъ-Люнебургскій, болѣе извѣстный въ шахматномъ мѣрѣ подъ именемъ Густавуса Селенуса, родился 10 апрѣля 1579 г. *). Онъ происходилъ отъ Эрнста 1-го Брауншвейгскаго, того самаго, который въ 1546 г. игралъ съ курфирстомъ Іоанномъ Саксонскимъ шахматную партію, упоминаемую въ исторіи Робертсона. Съ самыхъ молодыхъ лѣтъ, Августъ обнаруживалъ склонность къ наукамъ и мирнымъ умственнымъ трудамъ. Въ 1594, когда ему не было еще пятнадцати лѣтъ, онъ принялъ званіе ректора ростокскаго университета, которое, на основаніи тогдашняго университетскаго устава, принадлежало ему какъ герцогу. Двѣ-три рѣчи, произнесенныя имъ въ этомъ званіи, проникнуты высокою нравственностью, и замѣчательны изысканнымъ латинскимъ языкомъ. Впослѣдствіи, онъ

*) Псевдонимъ этотъ составленъ такъ: *Gustavus*, — анаграмма отъ *Augustus* (буквы и и v имѣли встарину-одинаковое очертаніе); *Selenus*, произведено отъ греческаго *Σελήνη*, такъ какъ соотвѣтственное ему латинское слово *luna* имѣетъ сходство съ первымъ звукомъ слова *Lüneburg*. Такого рода головоломные каламбуры почитались въ то время весьма остроумными.

перемѣнилъ ростокскій университетъ на тюбингенскій, гдѣ, въ должности ректора, издалъ нѣсколько ученыхъ разсужденій. Скромное, ласковое обращеніе и необыкновенно раннее развитіе умственныхъ способностей приобрѣли ему дружбу и уваженіе тюбингенскихъ профессоровъ. Достигнувъ девятнадцати-лѣтняго возраста, Августъ, въ февралѣ 1598 г., покинулъ университетъ; присутствовалъ при погребеніи отца, умершаго въ этомъ году и затѣмъ отправился въ Стразбургъ. Тамъ, онъ прославился сочиненіемъ ученой диссертациіи и съ честію избранъ былъ каноникомъ стразбургскаго собора. Вскорѣ потомъ, онъ отправился путешествовать по Италиі, но доѣхавъ до Падуи, увлеченный страстію къ наукѣ, болѣе года оставался въ этомъ ученомъ городѣ.

Въ то время въ Италиі было множество шахматныхъ игроковъ. Въ Неаполѣ, докторъ правъ Александръ Сальвіо трудился надъ составленіемъ своего сочиненія, въ которомъ обогатилъ шахматную науку разработкою гамбитовъ*) и *giuoco piano*, а шахматную литературу разсказами о пораженіяхъ, рыцарскихъ странствованіяхъ, блестящихъ побѣдахъ и злополучной смерти славнаго Леонардо. Въ Неаполѣ образовалось даже въ то время шахматное общество, — нѣчто въ родѣ современныхъ намъ клубовъ, — въ средѣ котораго встрѣчаемъ, не говоря уже о самомъ Сальвіо, игроковъ замѣчательной, по тому времени, силы: Томазо Капуто, прозванный *il Rosces*, Микеле ди Мауро, Беневентано и Доменико ди Леонарди. Года два до пріѣзда Августа въ Италию, знаменитый Каррера, осматривая сицилійскія древности, познакомился въ Палермо съ престарѣлымъ, но все еще веселымъ, привѣтливымъ Паоло Бон, о которомъ сообщаетъ въ своей книгѣ столько любопытныхъ подробностей. Самъ Паоло Бон окончилъ свое долговременное, рыцарское шахматное поприще въ тотъ самый годъ, какъ герцогъ Августъ пріѣхалъ въ Падуу. Остроумный Джіануціо только что обнародовалъ въ Туринѣ свое *libro nel quale si tratta della maniera di giuocar'a Scacchi*, первое оригинальное итальянское сочиненіе о шахматной игрѣ, далеко превосходящее богатствомъ мыслей и правильностью анализовъ предшествовавшіе труды португальца Даміано и испанца Рю-Лопеца. Въ Сициліи, близъ Спракузъ, жилъ въ то время священ-

*) Одинъ изъ вариантовъ королевскаго гамбита изобрѣтенъ этимъ писателемъ, почему и называется *гамбитъ Сальвіо*; гамбитъ Муціо тоже встрѣчается въ первый разъ въ сочиненіи Сальвіо.

никъ Маріано Морано, шахматистъ весьма сильный, пораженный впоследствии въ Мадридѣ знаменитымъ Калабрійцемъ *). Оставивъ Падуу, Августъ посѣтилъ Римъ, Сицилію, Мальту и многія другія замѣчательныя мѣстности. Вскорѣ по возвращеніи въ Германію, онъ предпринялъ путешествіе черезъ Нидерланды въ Англію, гдѣ, въ 1603 г., присутствовалъ при коронаціи перваго Стюарта. Во Франціи, при дворѣ Великаго Генриха, онъ снискалъ общее уваженіе своими глубокими познаніями и необыкновеннымъ искусствомъ во всѣхъ тѣлесныхъ упражненіяхъ. По возвращеніи въ отечество, Августъ остановился въ Гитцакарѣ (въ Люнебургѣ, на Эльбѣ), и прожилъ здѣсь нѣсколько лѣтъ счастливо и беззаботно, занятый составленіемъ библіотеки, учеными трудами и сочиненіемъ о шахматной игрѣ. Онъ посѣтилъ Стразбургъ и былъ при дворѣ императора, а въ 1613 г. находился при Регенбургскомъ сеймѣ. Въ 1619 г. онъ мирно уладилъ споръ, возникшій между датскимъ королемъ Христіаномъ IV и гражданами торговаго Гамбурга.

Въ 1634 г., по смерти Фридриха Ульриха, Августъ наследовалъ герцогство Брауншвейгское, но столица досталась ему только девять лѣтъ спустя, когда императорская армія очистила Вольфенбютгелъ. При этомъ случаѣ онъ велѣлъ вычеканить монету, которую столь тщательно отыскивали послѣ германскіе нумизматы.

Основавъ резиденцію свою въ Вольфенбюттелѣ, Августъ перенесъ туда библіотеку, собранную имъ нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ въ Гитцакерѣ. Постоянными его стараніями и щедрою любовью къ наукѣ библіотека эта скоро сдѣлалась обширнѣйшею и богатѣйшею во всей Европѣ. Библиоманы, — они одни только посѣщаютъ скучный Вольфенбюттель, — прохаживаясь по огромнымъ заламъ, вмѣщающимъ столько сокровищъ литературы, разсматривая рѣдкія инкунабулы и старинныя рукописи, разукрашенныя рисунками, яркія краски которыхъ не потеряли свѣжести даже отъ разрушительнаго дѣйствія времени, невольно проникаются уваженіемъ къ трудолюбивому основателю

*) Въ историческомъ лексиконѣ Байля говорится будто Маріано Морано былъ его наставникомъ, и многіе шахматные писатели повторяли тоже самое, но это не вѣрно, такъ какъ Джіоакино Греко (Калабріецъ) воспитывался въ Калабріи, а Морано жилъ въ Сициліи. Ньюіоркскій журналъ Chess Monthly, желая согласить это противорѣчіе, утверждаетъ, что мѣстожителемъ Морано была Калабрія, но это не согласно съ свидѣтельствомъ современныхъ этому игроку писателей Карреры и Сальвіо.

этого книгохранилища. Посѣтители вольфенбюттельской библиотеки и теперь могутъ видѣть каталогъ въ трехъ большихъ фолиантахъ, весь отъ начала до конца написанный рукою самого герцога. Смотритель ея, профессоръ Шенеманъ, настоящій типъ стариннаго нѣмецкаго ученаго, человѣкъ обширныхъ знаній (это тѣмъ болѣе замѣчательно, что бѣдный Шенеманъ совершенно слѣпъ), съ восторгомъ говоритъ объ Августѣ, и горюетъ, что невозвратно миновали дни царственнаго библіофила.

Постоянное покровительство наукамъ, горячая любовь къ подданнымъ, отвращеніе отъ воинскихъ подвиговъ, — вотъ главныя черты просвѣщеннаго праменія Августа. Онъ съ честію окончилъ давнишній споръ своего дома съ Гильдесгеймомъ; установилъ на прочныхъ основаніяхъ доходы съ горныхъ и соляныхъ промысловъ, исправилъ во всемъ герцогствѣ мельницы и вообще много содѣйствовалъ благосостоянію своего государства и народа.

Личный характеръ Августа достоинъ полнаго уваженія; чувство религіозное и нравственное было развито въ немъ до высокой степени. Еще ребенкомъ, на школьной скамьѣ, онъ избралъ девизомъ, долженствовавшимъ руководить его во всѣхъ поступкахъ, латинское *Expende*, смыслъ котораго на тысячу лавровъ переводилъ на нѣмецкій языкъ; всѣ эти переложенія могутъ быть выражены русскою поговоркой: *Не сприсясь броду, не суйся въ воду*. Въ 1609 г. онъ составилъ библейскій календарь, для собственнаго употребленія; въ 1643 г. издалъ сличеніе нѣкоторой части Новаго Завѣта по четыремъ евангелистамъ, а три года спустя подобный же трудъ относительно всего Евангелія. Это изданіе герцогъ усердно старался распространить между своими подданными. Все свободное отъ управленія государствомъ время онъ посвящалъ, въ послѣдніе три года своей жизни, наблюденію за переводомъ Вѣтхаго Завѣта и называлъ этотъ трудъ пѣснью лебеда своей жизни; но смерть помѣшала довершить начатое дѣло, и переводъ доведенъ только до книги пророка Самуила. Экземпляръ Св. Писанія, который ежедневно читалъ герцогъ, испещренъ по краямъ его замѣтками и выносками. Вопросы богословскіе сильно занимали его, и онъ велъ обширную переписку со многими учеными теологами; увѣряютъ, что къ одному изъ нихъ онъ написалъ не менѣе девяти-сотъ писемъ.

Одаренный отъ природы чрезвычайно крѣпкимъ сложеніемъ, герцогъ Августъ впродолженіе пятидесяти лѣтъ ни разу не чувствовалъ ни малѣйшаго нездоровья и достигъ глубокой старости; онъ умеръ восьмидесяти пяти лѣтъ, въ Вольфенбюттелѣ, 11 сен-

тября 1666 года. Нѣсколько времени спустя, появился большой сборникъ стихотворныхъ и прозаическихъ статей, въ которыхъ прославляется жизнь Августа и оплакивается его смерть. Онъ былъ женатъ три раза, и оставилъ по себѣ трехъ сыновей и трехъ дочерей.

Теперь обратимся къ шахматному сочиненію Августа, которое интересуется насъ, шахматистовъ, болѣе его ученыхъ и правительственныхъ трудовъ. Полное заглавіе этой книги: *Das Schach oder König Spiel, von Gustavo Seleno, in vier unterschiedene Bücher, mit besonderm Fleiss, gründ- und ordentlich abgefasst. Auch mit dienlichen Kupfer-Stichen gezieret; desgleichen vorhin nicht ausgegangen. Diesem ist zu Ende, angefüget, ein sehr altes Spiel, genant, Rythmomachia. Cum Privil: Cæsareo, ad sexennium. Lipsiæ CIÖ IÖC XVI, а въ концѣ: Leipzig, gedruckt durch Lorentz Kober. Bei Henning gross den Jüngern zu finden. Im Jahr MDCXVI.*

Этотъ объемистый in quarto, заключающій 495 стр., не считая вступленія, напечатанъ, какъ значится на нѣкоторыхъ экземплярахъ, въ 1617 г., и составитель шахматнаго каталога Оттингеръ странно ошибается, утверждая будто трудъ герцога перепечатанъ въ 1617 году въ Оксфордѣ. Сочиненіе Селенуса принято было въ Германіи съ восторгомъ, какъ потому, что оно было первымъ сколько нибудь значительнымъ нѣмецкимъ шахматнымъ изданіемъ, такъ и потому, что самое имя автора возбуждало интересъ и сочувствіе. Правда, герцогъ, желая вызвать нелицемѣрную критику, скрылъ свое имя подъ псевдонимомъ, но это никому непомѣшало узнать дѣйствительнаго автора. Книга Селенуса быстро раскупалась, и онъ намѣревался вновь издать ее съ значительными дополненіями и исправленіями, какъ это можно видѣть изъ примѣчаній, сдѣланныхъ рукою герцога на экземплярѣ хранящемся въ вольфенбюттельской библіотекѣ; но болѣе серьезные труды отвлекли его отъ исполненія этого намѣрнія.

Тяжелый, педантическій языкъ, старинная орѳографія и въ высшей степени неудобная шахматная нотация (клетки обозначаются цифрами отъ 1 до 64) дѣлаютъ чтеніе этой книги крайне утомительнымъ и скучнымъ. Все касающееся собственно шахматной игры: дебюты, партіи и т. п., заимствовано изъ сочиненія Рюа-Дюпеца; Селенусъ прибавилъ къ нему только множество цитатъ разныхъ писателей отъ Гомера до Эразма, нѣсколько рассказовъ и наконецъ трактатъ о такъ называемой Ритмомакии, вѣрѣ, неимѣющей ничего общаго съ шахматами. Эти дополненія

конечно обнаруживают начитанность автора, но собственно въ шахматномъ отношеніи совершенно безполезны и если сочиненіе Селенуса имѣеть цѣну въ глазахъ любителей, то это только какъ старинный памятникъ шахматной литературы, какъ библиографическая рѣдкость. Изучать игру по Селенусу конечно никому не придетъ въ голову; самый плохой современный учебникъ полезнѣе въ этомъ отношеніи. А потому мы вовсе не намѣрены разсматривать здѣсь сочиненіе герцога съ точки зрѣнія шахматной науки; ограничимся подробнымъ оглавленіемъ его содержанія*).

Прежде всего мы встрѣчаемъ большой заглавный листъ, обнесенный тщательно вырѣзанными на мѣди гравюрами, изображающими воинскія палатки, а въ отдаленіи шляющую Трою. Это намекъ на мнѣческаго изобрѣтателя шахматной игры Паламеда, одного изъ героевъ троянской войны; въ одной изъ палатокъ изображенъ самъ герцогъ, играющій въ шахматы. Внизу листа гравюра, представляющая извѣстный случай Колумба съ яйцомъ; здѣсь, подъ видомъ Колумба, опять является самъ авторъ; — далѣе, на четырехъ страницахъ, императорское разрѣшеніе на печатаніе книги и обеспеченіе издательскаго права; — пять страницъ вступленія; — списокъ приводимыхъ въ сочиненіи писателей, на трехъ страницахъ; — складной листъ съ изображеніемъ шахматной доски; — восемь страницъ латинскихъ и италіянскихъ стихотвореній, адресованныхъ герцогу или имѣющихъ отношеніе къ шахматной игрѣ; — гравированный на мѣди заглавный листъ къ книгѣ первой, повторяющійся потомъ при началѣ каждой книги. Затѣмъ слѣдуетъ самый текстъ сочиненія съ правильной нумераціей страницъ; стр. 1—44 нѣкоторыя свѣдѣнія объ исторіи шахматной игры и шахматныхъ писателяхъ; — стр. 45—116 указанія о употребляемыхъ въ шахматной игрѣ шашкахъ, съ изясно гравированными изображеніями каждой изъ нихъ; стр. 116—173 начальныя правила игры; — стр. 174—216 дебюты и партіи, заимствованныя изъ сочиненія Рюи-Лопеца; — превосходный портретъ Августа, на большомъ складномъ листѣ; герцогъ изображенъ за шахматной доской; расположеніе шашекъ благоприятно ему: онъ готовится дать матъ съ помощію двухъ ладей и слона; — стр. 217—424 продолженіе перевода Рюи-Ло-

*) Любители шахматной старины могутъ видѣть книгу Селенуса въ императорской публичной библіотекѣ; впрочемъ она не принадлежитъ къ числу самыхъ рѣдкихъ шахматныхъ изданій и встрѣчается даже иногда въ продажѣ. Лейпцигскій книгопродавецъ Фейтъ объявлялъ недавно, что онъ имѣеть для продажи одинъ весьма хорошо сохранившійся экземпляръ.

пеца; стр. 425—444 о трехъ различныхъ видоизмѣненіяхъ шахматной игры, употребляемыхъ жителями мѣстечка Штрөпекъ;— заглавный листъ Ритмомакіи; — стр. 425—495 Ритмомакіи: трактатъ о забытой въ наше время арифметической забавѣ, совершенно отличной отъ шахматной игры; это переводъ книги венеціянскаго математика Франческо Бороцци, напечатанной въ Венеціи въ 1572 году; — наконецъ въ заключеніе: списокъ опечатокъ, штемпель типографіи, означеніе года и мѣста изданія.

Сочиненіе Селенуса никогда не имѣло втораго изданія, но спустя появилось сокращеніе этой книги подъ заглавіемъ *Selenus contractus, oder kurtzer Unterricht, von dem heut zu Tage gebräulichen Schach-Spiel, nach gründlicher Wissenschaft recht und wohl zu spielen, auss denen vblichen Spiel-Gesetzen Gustavi Seleni, herfürgesucht, ausführlich beschrieben, und in dieses Compendium gebracht von einem Liebhaber des Schach-Spiels; Vlm. Barthel, 1722. 12 mo. pp. 96.*

Имя издателя осталось неизвѣстнымъ; онъ говоритъ во вступленіи, что смолоду имѣлъ страсть къ шахматной игрѣ, и, получивъ отъ одного пріятели рѣдкую книгу Селенуса, читалъ ее съ величайшимъ вниманіемъ и дѣлалъ выписки; впоследствии же, полагая, что нельзя надѣяться на новое изданіе столь обширнаго сочиненія, рѣшился напечатать свои извлеченія.

Бургардтъ, написавшій исторію Вольфенбюттельской бібліотеки, упоминаетъ объ италіянскомъ переводѣ книги Селенуса, сдѣланномъ Швенцомъ въ Венеціи въ 1626, и о другомъ французскомъ, напечатанномъ въ Стразбургѣ, а по мнѣнію другихъ въ Кёнигсбергѣ. Но дѣло въ томъ, что помянутый Швенць умеръ, не окончивъ своего труда; французскій переводъ, по неизвѣстнымъ причинамъ, тоже не доведенъ до конца.

На англійскій языкъ сочиненіе герцога переведено Сарратомъ и издано совокупно съ трудами Джіануціо подъ заглавіемъ: *The works of Gianutio and Gustavus Selenus on the game of chess; translated and arranget by J. H. Sarratt, Professor of Chess, Author and Editor of several publications on the game, etc. London, printed for J. Ebbers by B. Mc. Mullen. 1817. 2 vols. 8-vo.* Первый томъ, заключающій XXI + 233 стр., имѣетъ предметомъ сочиненіе Джіануціо, а такъ называемый переводъ Селенуса занимаетъ 240 стр. втораго тома. Изданная, подобно всѣмъ трудамъ Саррата, съ крайнею поспѣшностію, книга испещрена ошибками, а потому не имѣетъ никакой почти цѣны.

ПАРТІЯ № 122.

СЕДЬМАЯ ИГРА МАТЧА.

ФРАНЦУЗСКАЯ ЗАЩИТА НА ВЫХОДЪ КОНЯ.

(Играна $\frac{1}{2}$ іюля 1858 г. длилась три часа.)

ЛѢВЕНТАЛЬ. (БѢлые.)	МОРФИ. (Черные.)	15) e2—f3(3)	a8—b8
1) e2—e4	e7—e5	16) d2—e2	d8—c7
2) g1—f3	d7—d6	17) h2—h4(4)	g6—h4°
3) d2—d4	e5—d4°	18) f3—g4	f6—g4°
4) d1—d4°(1)	c8—e6	19) e2—g4°	c7—c8
5) b1—c3	a7—a6	20) g2—g3	h4—g6
6) c1—e3	b8—c6	21) f1—f2	f8—f6
7) d4—d2	g8—f6	22) d1—f1	b5—b4
8) a1—d1	f8—e7	23) a3—b4°	c5—b4°
9) f1—e2	0—0	24) c3—a4(5)	c8—c6
10) 0—0	b7—b5	25) b2—b3	c6—e4°
11) a2—a3	c6—e5	26) e3—a7	b8—f8
12) f3—d4	c7—c5	27) f2—h2	g6—f4°
13) d4—e6°	f7—e6°		и черные выигрываютъ.
14) f2—f4(2)	e5—g6		

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПАРТІИ № 122.

(1) Это сильнѣе, чѣмъ f3—d4°; см. примѣч. 2 е къ партіи № 115, Шахм. Лист. XX, стр. 216.

(2) БѢлые имѣютъ теперь отличную игру, но, вмѣсто того, чтобы воспользоваться превосходствомъ своего положенія, они въ небольшое число ходовъ совершенно испортили партію.

(3) Вмѣсто этого кажется было бы сильнѣе сыграть f4—f5.

(4) БѢлые жертвуютъ эту пѣшку вѣроятно съ тѣмъ, чтобы открыть линію h для нападений своей ладьи. Вмѣсто этой безполезной жертвы лучше было бы сыграть g2—g3 или g2—g4 или f4—f5.

(5) Отъ этого хода бѢлые теряютъ еще пѣшку.

ПАРТІЯ № 123.

ВОСЬМАЯ ИГРА МАТЧА.

ФРАНЦУЗСКАЯ ЗАЩИТА НА ВЫХОДЪ КОНЯ.

(Играна 1/2 Июля 1858 г.)

Морфи. (Бѣлые.)	Лѣвенталь. (Черные.)	31) h4—h5	f8—f7
1) e2—e4	e7—e5	32) b2—b3	f7—f8
2) g1—f3	d7—d6	33) h5—g6	f8—g8
3) d2—d4	e5—d4°	34) h2—h3	g8—f8
4) d1—d4°	c8—d7(1)	35) h3—h4	f8—g8
5) c1—e3	g8—f6	36) g4—g5	h6—g5°
6) b1—c3	f8—e7	37) h4—g5°	f6—g5°
7) f1—c4(2)	b8—c6	38) g6—g5°	g8—f7
8) d4—d2	c6—e5	39) g5—h4	f7—e7
9) f3—e5°	d6—e5°	40) h4—g4	e7—f6
10) 0—0	0—0	41) g4—h5	a7—a6
11) f2—f4	e7—d6(3)	42) h5—h4	g7—g6
12) f4—f5	d7—c6	43) a4—a5	b6—a5°
13) d2—e2	h7—h6(4)	44) f5—g6°	f6—g6°
14) a1—d1	d8—e7	45) h4—g4	a5—a4(10)
15) c4—d5	c6—d5°	46) b3—a4°	a6—a5
16) c3—d5°	f6—d5°	47) g4—f3	g6—f6
17) d1—d5°	f7—f6	48) f3—f2	f6—f7
18) e2—g4(5)	c7—c6	49) f2—g3(11)	f7—g7
19) d5—d3	d6—c5	50) g3—f2	g7—f6
20) g4—g3	a8—d8	51) f2—g1(12)	f6—g5
21) f1—d1	d8—d3°	52) g1—g2	g5—f4
22) d1—d3°	f8—d8	53) g2—f2	c5—c4
23) e3—c5°(6)	e7—c5°†	54) d3—c4°	f4—e4°
24) g3—f2	c5—f2°†	55) f2—e2	e4—d4
25) g1—f2°	d8—d3°	56) e2—f3	d4—c4°
26) c2—d3°(7)	c6—c5	57) f3—e4	c4—b4
27) g2—g4	g8—f6(8)	58) e4—e5°	b4—a4°
28) a2—a4	b7—b6	59) e5—d4	a4—b4
29) f2—g3(9)	f8—f7		
30) g3—h4	f7—f8		

и черные выигрываютъ.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПАРТІИ № 123.

(1) Ходъ этотъ заслуживаетъ вниманія въ томъ отношеніи, что препятствуетъ бѣлымъ сыграть f1—b5 послѣ того какъ черные сходятъ b8—c6.

(2) Этотъ ходъ нехорошъ, потому что черные, имѣя возможность занять кѣтку e5 посредствомъ обмѣна коней, совершенно освобождаютъ свою игру.

(3) Слѣдовало брать: e5—f4°, чтобы воспрепятствовать передвиженію пѣшки на f5, очень стѣсняющему игру черныхъ.

(4) Если 13) $\frac{\quad}{c6-e4^\circ}$ то 14) $\frac{e3-g5}{\quad}$ и бѣлые приобрѣтаютъ сильную атаку; если же 13) $\frac{\quad}{f6-e4^\circ}$ то 14) $\frac{c3-e4^\circ}{c6-e4^\circ}$ 15) $\frac{e2-g4}{\quad}$, потомъ 16) $\frac{f5-f6}{\quad}$ и игра бѣлыхъ очень хороша.

(5) Сильнѣе было бы 18) $\frac{g1-h1}{\quad}$, ибо при этомъ ходѣ можно было бы избѣжать мѣны слонѡвъ.

(6) Если 23) $\frac{d3-d8^\circ+}{e7-d8^\circ}$ 24) $\frac{e3-c5^\circ}{d8-d1+}$ 25) $\frac{g1-f2}{d1-c2^\circ+}$ потомъ 26) $\frac{\quad}{c2-c5^\circ}$ и черные, возвращая офицера, выигрываютъ пѣшку.

(7) Съ этого хода начинается игра однимъ пѣшками. Лѣвенталь ведѣтъ её до конца игры превосходно, дѣлая постоянно самые сильные ходы.

(8) Глубоко обдуманый ходъ, дающій возможность удержать оппозицію.

(9) Бѣлые можетъ быть лучше бы сдѣлали, если бы поспѣшили королемъ на сторону ферзя.

(10) Этимъ ходомъ черные выигрываютъ время и удерживаютъ за собой оппозицію.

(11) И здѣсь еще кажется бѣлые могли бы сдѣлать ничью, если бы направили своего короля на сторону ферзя.

(12) За этотъ рискованный ходъ бѣлые заплатились игрой.

ПАРТІЯ № 124.

Девятая игра матча.

ДЕБЮТЪ ЛОПЕЦА.

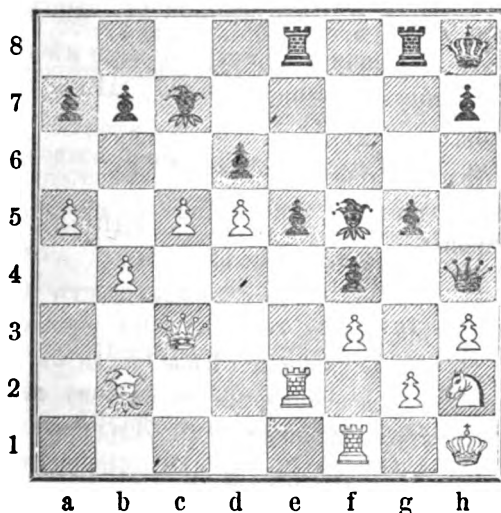
(Партія длилась 20 часовъ.)

ЛѢВЕНТАЛЬ	Морфи.	3) f1—b5	f8—c5
(Бѣлые.)	(Черные.)	4) c2—c3	d8—e7
1) e2—e4	e7—e5	5) 0—0	f7—f6(1)
2) g1—f3	b8—c6	6) d2—d4	c5—b6

7) b1—a3(2)	c6—d8	23) a1—d1(6)	g8—h8
8) a3—c4	d8—f7	24) g1—h1	c6—d5°
9) c4—e3	c7—c6	25) e4—d5°	f6—f5
10) e3—f5	e7—f8	26) e3—c1(7)	a8—e8
11) b5—d3(3)	g7—g6	27) c1—b2	e7—g8
12) f5—g3	d7—d6	28) c2—c3	g8—f6
13) a2—a4	c8—g4	29) d3—b1	f8—g8
14) a4—a5	b6—c7	30) d1—d2	g7—h6
15) h2—h3	g4—d7	31) f3—h2	f5—f4
16) d1—b3	f7—d8	32) g3—c4	f6—e4°
17) f1—e1(4)	d7—e6	33) b1—e4°	g6—g5(8)
18) b3—c2	g8—e7	34) f2—f3	h6—h4
19) b2—b4	f8—g7	35) e1—f1	f7—h6
20) c3—c4	0—0	36) d2—e2(9)	h6—f5
21) c1—e3(5)	d8—f7	37) e4—f5°	d7—f5°
22) d4—d5	e6—d7	38) c4—c5(10)	

Положеніе партіи No. 124, послѣ 38-го хода бѣлыхъ Морфи.

ЧЕРНЫЕ.

БѢЛЫЕ.

Левенталь.

39) f1—e1(11)	g8—f8	43) c5—b6°	c7—d8
40) b4—b5	e8—c8	44) e1—c1	c8—c1°†
41) c3—a3(12)	h8—g8	45) b2—c1°	h6—g6(13)
42) b5—b6	a7—b6°	46) a3—b4	f5—d3
		47) e2—e1	d8—e7

48) h2—g4	f8—e8	59) b2—d4	e7—f6
49) c1—b2	h7—h5	60) d4—e3	e8—a8
50) g4—f2	g5—g4	61) e3—d2	f6—d4
51) b4—c3(14)	d3—f5	62) h3—h4	f7—g6
52) f3—g4°	h5—g4°	63) h1—h2	a8—f8
53) h3—g4°	f5—g4°	64) h2—g3	f3—f2
54) f2—g4°	g6—g4°	65) g3—g2	e4—e3
55) e1—c1	g8—f7	66) d2—e1	g6—h5
56) c3—h3(15)	g4—h3°	67) g2—g3	f2—e1°+
57) g2—h3°	f4—f3	и бѣлые сдаются.	
58) c1—f1(16)	e5—e4(17)		

Примѣчанія къ партіи No. 124.

(1) Этотъ ходъ, впервые употребленный Боденемъ, имѣеть цѣлью укрѣпленіе центральныхъ пѣшекъ.

(2) Сильнѣе было бы сыграть 7) $\frac{d4-d5}{}$.

(3) Бѣлые могли бы приобрѣсти сильную атаку, если бы пожертвовали слона, сыгравъ вмѣсто этого хода 11) $\frac{d4-e5^\circ}{}$.

(4) Можетъ быть лучше было бы 17) $\frac{d3-c4}{}$ и потомъ $\frac{d4-e5^\circ}{}$.

(5) Лучше было бы 21) $\frac{c1-b2}{}$.

(6) Игра бѣлыхъ теперь лучше; замѣчательно, что въ продолженіе 23-хъ ходовъ ни одна шапка не взята ни съ той, ни съ другой стороны.

(7) Чтобы имѣть возможность на 26) $\frac{e5-e4}{}$ отвѣчать 27) $\frac{c1-b2}{}$.

(8) Бѣлые упустили уже атаку; теперь посмотрите какъ мастерски ею овладѣваютъ черные.

(9) Послѣ этого хода партія была отложена до другаго дня, потому что она длилась уже 10 часовъ.

(10) Этотъ ходъ слѣдовало сдѣлать раньше, тогда онъ могъ бы дать окончательный перевѣсъ бѣлымъ; партія теперь очень интересна богатствомъ варіантовъ, а потому мы приводимъ діаграмму настоящаго положенія ея.

(11) Съ тѣмъ, вѣроятно, чтобы взять пѣшку d6, а потомъ пожертвовать ладью за пѣшку e5.

(12) Здѣсь было бы лучше 41) $\frac{c5-c6}{}$. Вотъ послѣдствія этого хода: 41) $\frac{b7-c6^\circ}{}$ (лучшій ходъ) 42) $\frac{d5-c6^\circ}{h6-e6}$ (лучшій ходъ) 43) $\frac{b5-b6}{a7-b6^\circ}$

- 44) $\frac{a5-b6^\circ}{c7-b6^\circ}$ 45) $\frac{e2-e5^\circ}{d6-e5^\circ}$ 46) $\frac{e1-e5^\circ}{e6-f6}$ 47) $\frac{c3-h3}{c8-c6^\circ}$ 48) $\frac{e5-f5^\circ}{c6-c1+}$ 49) $\frac{b2-c1^\circ}{f6-f5^\circ}$
 50) $\frac{c1-b2+}{f3-f6}$ 51) $\frac{b3-b6^\circ}{f5-b1+}$ 52) $\frac{h2-f1}{b1-f1^\circ+}$ 53) $\frac{h1-h2}{}$ и бѣлые выигрываютъ.

(13) Чтобы потомъ сыграть $f5-d3$.

(14) Лучше было бы $b4-a4$; такимъ образомъ ладья $e8$ и слонъ $d3$ были бы атакованы, и потому черные не могли бы еще своего слона $e7$ сыграть на $h4$.

(15) $c3-f3$, было бы лучше.

(16) Тутъ слѣдовало играть $a5-a6$; вотъ для примѣра нѣсколько варіантовъ: 58) $\frac{a5-a6}{e7-g5}$ 59) $\frac{c1-c7+}{f7-g6}$ (Если 59) $\frac{c1-c7+}{f7-g6}$ то 60) $\frac{c7-c3}{}$ 60) $\frac{a6-b7^\circ}{e8-h8}$ 61) $\frac{b2-c1}{}$ (необходимо для предупрежденія форсированнаго мата) 61) $\frac{c1-c7}{g5-c1^\circ}$ (это кажется лучшей ходъ)

62) $\frac{c7-c1^\circ}{h3-b3}$ (форсированный ходъ черныхъ) 63) $\frac{c1-c7}{}$ и бѣлые должны выиграть. — Другой варіантъ: 58) $\frac{a5-a6}{f3-f2}$ 59) $\frac{h1-g2}{e7-h4}$

60) $\frac{c1-c7+}{f7-f6}$ (Если 60) $\frac{c1-c7+}{f7-f6}$ то 61) $\frac{a6-b7^\circ}{}$ 61) $\frac{c7-c4}{h4-g5}$ 62) $\frac{g2-f2^\circ}{b7-a6^\circ}$

63) $\frac{b2-a3}{}$ и бѣлые опять выигрываютъ. Третій варіантъ: 58) $\frac{a5-a6}{e8-g8}$

59) $\frac{a6-a7}{e7-g5}$ (Если 59) $\frac{a6-a7}{e7-g5}$ то 60) $\frac{c1-f1}{c7-h4}$ 61) $\frac{b2-c1}{}$ и все таки бѣлые выигрываютъ) 60) $\frac{c1-c4}{e5-e4}$ 61) $\frac{c4-c7+}{}$ и выигрываютъ всегда бѣлые.

(17) Здѣсь игра второй разъ отложена, послѣ 8 часовой битвы.

ПАРТІЯ № 125.

Десятая игра матча.

НОРМАЛЬНЫЙ ДЕБЮТЪ.

Морфи	Левенталь.	6) 0—0	0—0
(Бѣлые.)	(Черные.)	7) $b1-c3$	$c7-c6$
1) $e2-e4$	$e7-e6$	8) $c1-g5$	$h7-h6$
2) $d2-d4$	$d7-d5$	9) $g5-h4$	$c8-g4$
3) $e4-d5^\circ$	$e6-d5^\circ$	10) $h2-h3$	$g4-f3^\circ$
4) $g1-f3$	$g8-f6$	11) $d1-f3^\circ$	$b8-d7$
5) $f1-d3$	$f8-d6$	12) $d3-f5(1)$	$d8-c7$

13) a1—e1	a8—e8	25) f5—g7°	f6—g4
14) e1—e3	d6—f4	26) g7—h5°	e4—d4°
15) e3—e2	e8—e2°	27) h5—f6+	g4—f6°
16) c3—e2°	f4—d6	28) f3—f6°	d4—c4°(6)
17) f5—d7°	f6—d7°	29) f1—f5	c4—g4
18) e2—g3(2)	f8—e8	30) f5—e5	c7—c8
19) g3—f5	d7—f8	31) e5—e7	c8—f8
20) h4—g3	d6—g3°	32) f6—e5	f8—g7(7)
21) f2—g3°	e8—e4	33) e7—e8+	g8—h7
22) c2—c3	f8—h7	34) e5—h5+	и бѣлые выигрываютъ.
23) h3—h4(3)	h6—h5(4)		
24) c3—c4	h7—f6(5)		

Примѣчания къ партии № 125.

(1) Тонкая атака, стесняющая силы черныхъ.

(2) Этимъ ходомъ бѣлые достигаютъ своей цѣли, заключающейся въ томъ, чтобы поставить коня на f5. Очевидно, что если теперь черные съиграютъ g7—g5, то бѣлые пойдутъ g3—f5, и, если потомъ черные возьмутъ g5—h4°, то получатъ матъ въ два хода.

(3) Съ перваго взгляда тутъ представляется f5—d6; но это дало бы лишь слабую атаку, не вознаграждающую жертвы коня.

(4) Брать этой пѣшки нельзя, ибо черные отвѣтятъ g7—g6, и выиграютъ коня.

(5) Отъ этой грубой ошибки черные проигрываютъ партию, которая до сихъ поръ была почти также хороша, какъ и партія бѣлыхъ.

(6) Можетъ быть d4—g4 было бы сильнѣе, но все таки партии спасти уже нельзя.

(7) g4—e4 могло бы только продлить игру.

ПАРТІЯ № 126.

Одиннадцатая игра матча.

СИЦИЛИАНСКІЙ ДЕБЮТЪ.

ЛѢВЕНТАЛЬ.	Морфи.	4) f3—d4°	b8—c6
(Бѣлые.)	(Черные.)	5) d4—b5(1)	a7—a6(2)
1) e2—e4	c7—c5	6) b5—d6+	f8—d6°
2) d2—d4	c5—d4°	7) d1—d6°	d8—e7
3) g1—f3	e7—e6	8) d6—g3(3)	g8—f6(4)

9) b1—c3(5)	d7—d5(6)	28) 0—0	g6—g5
10) e4—e5	f6—h5(7)	29) f1—d1	f8—d8(13)
11) g3—f3	g7—g6	30) c1—g5°	d8—g8
12) g2—g4(8)	c6—e5°(9)	31) h2—h4	g8—g6
13) f3—e2	e5—g4°	32) d1—d4°	b8—g8
14) e2—g4°	e6—e5	33) b6—d7	g6—g5°
15) g4—a4+	c8—d7	34) h4—g5°	g8—g5°
16) a4—b3	d5—d4	35) g1—h2	h5—f4
17) b3—b7°	0—0	36) g2—f1	g5—h5+
18) c3—d5	e7—d6	37) h2—g3	f4—d5
19) f1—g2	e5—e4	38) f2—f4	e4—f3°
20) c2—c4(10)	f7—f5	39) d7—e5+	f7—f6
21) b7—b4	d6—e5	40) e5—f3°	h5—h6
22) b4—e7	d7—e6	41) a1—e1	h6—g6+
23) e7—c7(11)	e5—g7	42) g3—f2	d5—c3
24) c7—g7°+	h5—g7°	43) f1—d3	e6—d5
25) d5—b6(12)	a8—b8	44) d3—f5°	g6—g7
26) c4—c5	g7—h5	45) d4—f4	и черные сдаются.
27) b2—b4	g8—f7		

Примѣчанія къ партіи No. 126.

(1) Ходъ этотъ открытъ самимъ Лёвенталемъ. Онъ весьма силенъ, и значительно уменьшаетъ достоинство сициліанской защиты. На всемірномъ турнирѣ Андерсенъ употребилъ его съ успѣхомъ противъ Сена.

(2) Если 5) $\frac{d7-d5}{d7-d5}$ то 6) $\frac{e4-d5^\circ}{e6-d5^\circ}$ 7) $\frac{d1-d5^\circ}{d8-d5^\circ}$ 8) $\frac{b5-c7+}{b5-c7+}$ и потомъ 9) $\frac{c7-d5^\circ}{c7-d5^\circ}$.

(3) Бѣлые могли здѣсь также сыграть e4—e5.

(4) Черные вслѣдствіе избранной имъ защиты, находятся въ стесненномъ положеніи.

(5) Пѣшки g7 брать нельзя, ибо 9) $\frac{h8-g8}{h8-g8}$ и 10) $\frac{c6-d4}{c6-d4}$.

(6) d7—d6 было бы лучше.

(7) Нехорошій ходъ, послѣдствія сейчасъ окажутся.

(8) Прекрасный ходъ.

(9) Если 12) $\frac{h5-g7}{h5-g7}$, то 13) $\frac{f3-f6}{h8-g8}$ 14) $\frac{c1-h6}{c1-h6}$ и конь пропадетъ.

(10) Эту партію Лёвенталь вообще играетъ очень хорошо.

(11) Бѣлые наконецъ достигли своей цѣли — обмѣна ферзей, что даетъ имъ рѣшительный перевѣсъ, такъ какъ у нихъ офицеромъ больше.

(12) Это лучше чѣмъ d5—c7.

(13) Кажется другую ладью было бы выгоднѣе поставить на d8.

ПАРТІЯ №127.

ДВѢНАДЦАТАЯ ИГРА МАТЧА.

НОРМАЛЬНЫЙ ДЕБЮТЬ.

(Играна ^{29 июля}/_{10 августа} 1858 г., длилась 2¼ часа.)

Морфи (Бѣлые.)	Левенталь. (Черные.)	13) d2—e3°	b6—b2°
1) e2—e4	e7—e5	14) c3—e2	b2—a3
2) d2—d4	d7—d5	15) e2—f4	a3—e7
3) e4—d5°	e6—d5°	16) a1—b1	0—0—0(3)
4) g1—f3	g8—f6	17) d3—e2	d7—b6
5) f1—d3	c8—e6	18) e3—b3	d8—e7
6) 0—0	f8—d6	19) f4—d3	b6—c4
7) b1—c3	c7—c6	20) d3—c5	d7—c7
8) f3—e5	d8—b6	21) b3—a4	b7—b6(4)
9) c1—e3	b8—d7(1)	22) e2—c4°	b6—c5(5)
10) f2—f4	d6—e5°	23) c4—a6†	c8—d7
11) f4—e5°	f6—g4(2)	24) a6—b7	и бѣлые вын- грываютъ.
12) d1—d2	g4—e3°		

Примѣчанія къ парти Н°. 127.

(1) Если 9) $\frac{\text{b6—b2}^\circ}{\text{b6—b2}^\circ}$ то 10) $\frac{\text{c3—e2}}{\text{b2—b6}}$ 11) $\frac{\text{c2—c4}}{\text{b2—b6}}$ и игра бѣлыхъ очень сильна.

(2) Брать пѣшку e5 нельзя, потому что бѣлые отвѣтятъ c3—a4 и вслѣдъ за тѣмъ въ малое число ходовъ завоюютъ офицера.

(3) Гораздо было бы лучше сдѣлать простой ходъ d7—b6, или даже поставить коня на f8; рокировать же на сторону ферзя въ положеніи, подобномъ настоящему, значить только дать возможность гениальному противнику какъ Морфи выказать всю силу своихъ блистательныхъ способностей: такъ и случилось: въ нѣсколько послѣдующихъ ходовъ черные сдались.

(4) Если 21) $\frac{a7-a6}{a7-a6}$ то 22) $\frac{e2-c4^\circ}{d5-c4^\circ}$ 23) $\frac{b1-b6}{b1-b6}$ и бѣлые выигрываютъ.

(5) Партия во всякомъ случаѣ уже проиграна; если взять слона, то бѣлые, пожертвовавъ ладью за пѣшку b6, выиграютъ въ малое число ходовъ.

ПАРТІЯ № 128.

ТРИНАДЦАТАЯ ИГРА МАТЧА.

РУССКАЯ ЗАЩИТА.

ЛѢВЕНТАЛЬ. (Бѣлые.)	МОРФИ. (Черные.)	23) c4—c5	a8—d8
1) e2—e4	e7—e5	24) d3—c4	b7—b5
2) g1—f3	g8—f6	25) c4—b3	a7—a5
3) f3—e5°	d7—d6	26) a1—e1(3)	f8—e8
4) c5—f3	f6—e4°	27) e1—e6(4)	e8—e6°
5) d2—d4	d6—d5	28) d5—e6°	g8—f8
6) f1—d3	f8—e7	29) e6—f7°	a5—a4
7) 0—0	b8—c6	30) f1—d1	d8—d1°
8) c2—c4	c8—e6	31) b3—d1°	g6—c6+
9) c4—d5°	e6—d5°	32) d1—f3	c6—c5°
10) b1—c3	e4—c3°	33) g5—g6	c5—d6
11) b2—c3°	0—0	34) g3—g5	d6—d2+
12) c1—f4	e7—d6	35) g2—h3	d2—d3
13) f4—d6°	d8—d6°	36) g5—h5	f8—e7
14) f3—g5	f7—f5	37) h5—h4+(5)	e7—d7
15) c3—c4	d5—g2°(1)	38) h3—g3	d3—d6
16) g1—g2°	d6—g6	39) h4—h8(6)	d6—g6°+
17) f2—f4	h7—h6	40) g3—f2	g6—f7°(7)
18) d4—d5	f6—d8	41) a2—a3	f7—e7
19) h2—h4	h6—g5°	42) f2—g3	e7—e1+
20) h4—g5°	d8—f7	43) g3—g2	e1—d2+
21) d1—f3	f7—h6(2)	44) g2—g3	d2—e1+
22) f3—g3	h6—f7		

и черные дѣлаютъ ничью посредствомъ вѣчнаго шаха.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПАРТИИ № 128.

(1) Чернымъ кромѣ этого хода можно было еще сыграть d5—f7; но и тогда игра ихъ была бы очень стеснена по причинѣ 16) $\frac{d4-d5}{d4-d5}$.

(2) Этотъ ходъ не обнаруживаетъ большой предусмотрительности, ибо очевидно какъ день, что если вслѣдъ затѣмъ съиграть коня на g4, то бѣлые могутъ брать его безнаказанно.

(3) Рѣшительный ходъ, послѣ котораго чернымъ нѣтъ средствъ продолжать борьбу.

(4) Какъ бы черные ни съиграли, бѣлые теперь выиграютъ офицера.

(5) Бѣлые упускаютъ случай окончить игру; слѣдовало съиграть 37) $\frac{f7-f8+}{e7-f8^{\circ}}$ 38) $\frac{h5-h8+}{}$ и такъ далѣе.

(6) Грубая ошибка.

(7) Теперь все, чего только могутъ желать бѣлые, это сдѣлать ничью.

ПАРТІЯ № 129.

ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ ИГРА МАТЧА.

ДЕБЮТЪ ЛОПЕЦА.

Морфн. (Бѣлые)	Дѣвенталь. (Черные)	26) h3—g3+	g6—h7
1) e2—e4	e7—e5	27) h2—h3	d8—d7
2) g1—f3	b8—c6	28) g3—e3	b7—b6
3) f1—b5	a7—a6	29) g1—h2	c6—c5
4) b5—a4	g8—f6	30) e3—e2	f6—g6
5) d2—d4	e5—d4°	31) e5—e6	g6—g7
6) e4—e5	f6—e4	32) e2—h5	d7—d5
7) .0—0	e4—c5	33) b2—b3	b6—b5(5)
8) a4—c6°	d7—c6°	34) e6—a6°	d5—d6
9) f3—d4°	c5—e6	35) h5—f5°+	g7—g6
10) d4—e6°	c8—e6°	36) f5—g6°+	h7—g6°
11) d1—e2	f8—c5	37) a6—a5	d6—b6
12) b1—c3	d8—e7	38) g2—g4	c7—c6
13) c3—e4	h7—h6	39) h2—g3	h6—h5
14) c1—e3	c5—e3°	40) a5—a7	h5—g4°
15) e2—e3°	e6—f5	41) h3—g4°	g6—f6
16) e4—g3	f5—c2°(1)	42) f4—f5	f6—e5
17) f2—f4	g7—g6(2)	43) a7—e7+	e5—d6
18) e5—e6(3)	c2—f5	44) f5—f6	b6—b8
19) g3—f5°	g6—f5°	45) g4—g5	b8—f8
20) e6—f7°+	e8—f7°	46) g3—f4	c5—c4
21) e3—h3	e7—f6	47) b3—c4°	b5—c4°
22) a1—e1	h8—e8	48) f4—f5	c4—c3
23) e1—e5(4)	f7—g6	49) e7—e3	и черные про-
24) f1—e1	e8—e5°		грываютъ партію, а вмѣстѣ съ
25) e1—e5°	a8—d8		тѣмъ и матчъ.

Примѣчанія къ партіи № 129.

(1) Далеко не разсудительно.

(2) Еще хуже; этотъ ходъ сдѣланъ какъ будто бы черные играють за одно съ своимъ противникомъ.

(3) Весьма сильный ходъ. Если черные возьмутъ пѣшку, то бѣлые, ставъ ферземъ на с3, выиграють офицера, а если черные не возьмутъ пѣшки, то бѣлые приобрѣтутъ мощную атаку.

(4) Прекрасно сыграно: если черные возьмутъ ладью ладьей и потомъ пѣшку ферземъ, то потеряють ферзя, ибо f1—f5°+.

(5) Довольно любопытное положеніе: черные вынуждены или пожертвовать своими пѣшками, или понести еще большій уронъ.

Въ іюльской книжкѣ минувшаго года мы говорили о превосходной біографіи Филидора, составленной нѣ Филадельфіи профессоромъ Олленомъ. Теперь узнаемъ, что г. Оллену удалось недавно отыскать совершенно неизвѣстный доселѣ манускриптъ, заключающій шесть неизданныхъ партій великаго французскаго шахматиста. По общему признанію знатаковъ дѣла, подлинность манускрипта подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію; на немъ значится: «Шесть партій Филидора, игранныя противъ графа Брюля и мистера Дженнигса. Филидоръ диктовалъ, не смотря на доску, по двѣ партіи одновременно; при томъ онъ давалъ пѣшку и ходъ впередъ». Нельзя съ точностію опредѣлить къ какому именно времени относятся эти партіи, но есть причины думать, что онѣ играны гораздо раньше слѣпыхъ партій, обнародованныхъ самимъ Филидоромъ. Вотъ одна изъ игоръ этой рукописи:

ПАРТІЯ № 130.

Черные даютъ пѣшку и ходъ.

Гр. Брюль. (Бѣлые.) (Связъ съ доска пѣшку f7)	Филидоръ. (Черные.)	9) b3—c2	c8—d7
1) e2—e4	g8—h6(1)	10) b2—b3	c5—d4°
2) d2—d4	h6—f7	11) c3—d4°	e7—b4+
3) f1—c4	e7—e6	12) e1—f2	g7—g5(2)
4) c4—b3	d7—d5	13) c1—e3(3)	g5—f4°
5) e4—e5	c7—c5	14) e3—f4°	h8—f8
6) c2—c3	b8—c6	15) f4—e3	h7—h6
7) f2—f4	d8—b6	16) h2—h4	0—0—0
8) g1—f3	f8—e7	17) a2—a3	b4—e7
		18) d1—d3	f8—g8
		19) b1—d2	d8—f8

20) d3—c3	c8—b8(4)	27) f2—g2°	b6—e3°
21) h1—h3	f7—e5°	28) a1—e1	e3—f4
22) d4—e5°	d5—d4	29) e1—e4	f4—c1
23) d2—c4	d4—e3+	30) f3—e1	c6—e7
24) c4—e3°	e7—c5	31) e4—c4	c1—e1°
25) b3—b4(5)	c5—e3°+	32) c2—d3	f8—f2+
26) c3—e3°	g8—g2°+	33) g2—g3	e1—g1×

Примѣчанія къ партіи No. 130.

(1) Давая пѣшку и ходъ, Филицоръ часто дебютировалъ такъ. Это дѣйствительно недурной ходъ, хотя e7—e6 или b8—c6 — сильнѣе.

(2) Этими мастѣрскимъ ходомъ, Филицоръ открываетъ лѣвию для грозныхъ атакъ ладьею.

(3) Брать предложенную пѣшку было бы очевидно дурно, ибо черные возьмутъ пѣшку e5 и приобрѣтутъ тѣмъ сильную атаку. Журналъ Chess Monthly предлагаетъ здѣсь ходъ 13) $\frac{g2-g3}{g5-g4}$ но г. Ланге справедливо замѣтилъ, что въ такомъ случаѣ чернымъ стоитъ только сыграть 13) $\frac{g2-g3}{g5-g4}$ и пѣшка d4 пропала.

(4) Можно бы и прямо брать королевскую пѣшку, но сдѣланный Филицоромъ приготовительный ходъ, еще болѣе усиливаетъ атаку черныхъ.

(5) Этими еще ускоряется гибель бѣлыхъ. Надо было играть a1—e1.

(E.)

- 1) $h1-b1+$
- 2) $e5-b2 \times$

(F.)

- 1) $a2-b2+$
- 2) $e5-b2^\circ \times$

(G.)

- 1) $d6-e5^\circ$
- 2) $e8-e5^\circ \times$

(H.)

- 1) $c2-a1+$
- 2) $e5-a1^\circ \times$

(I.)

- 1) $c2-d4+$
- 2) $e5-d4^\circ \times$

№ 48.

- 1) $f2-f3^\circ + h2-h3$
- 2) $h4-f6^\circ f8-f6^\circ +$
- 3) $g6-f4 + f6-f4^\circ + (A)$
- 4) $f3-f4^\circ h3-h4$
- 5) $a2-h2 \times$

(A.)

- 3) $h3-h4$
- 4) $a2-h2 + h4-g5$
- 5) $h2-h5 \times$

№ 49.

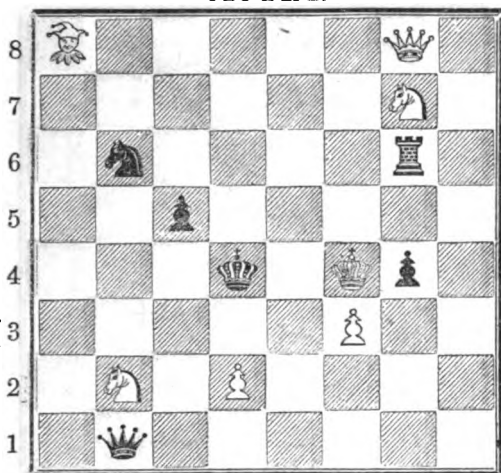
- 1) $b8-d7 + c5-d7^\circ$
- 2) $e8-e6 + d4-e6^\circ$
- 3) $a5-d8 + e6-d8^\circ$
- 4) $g2-f3 + f6-g6$
- 5) $a6-d3 + c3-d3^\circ \times$

Задачи.

№ 54.

С. ЯЦКЕВИЧА (въ С.-Петербургѣ).

ЧЕРНЫЕ.

а b c d e f g h

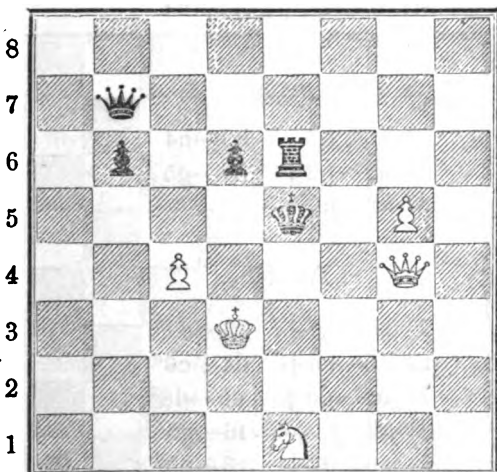
БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ начинаютъ и даютъ матъ въ 2 хода.

№ 55.

Его же.

ЧЕРНЫЕ.

а b c d e f g h

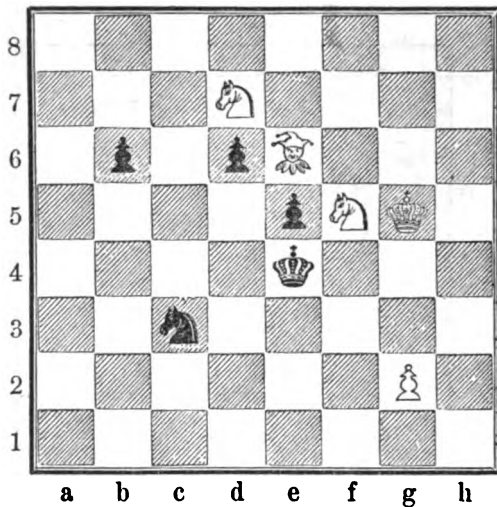
БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ начинаютъ и даютъ матъ въ 2 хода.

№ 56.

Его же.

ЧЕРНЫЕ.

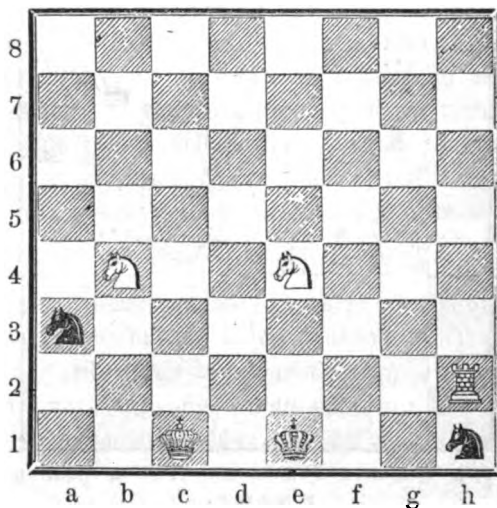
БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ начинают и даютъ матъ въ 3 хода.

№ 57.

КИНГА (въ Нью-Йоркѣ).

ЧЕРНЫЕ.

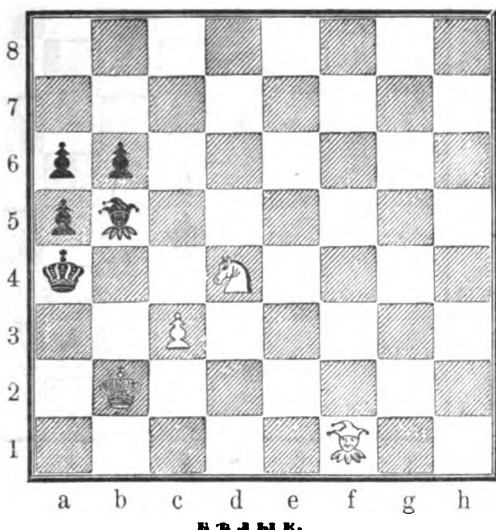
БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ начинают и даютъ матъ въ 3 хода.

№ 58.

Фонъ - Опена.

ЧЕРНЫЕ.

БѢЛЫЕ.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 4 хода.

Корреспонденція. Г-ну Яц—су (въ С.-Петербургѣ). Редакція весьма признательна Вамъ за сообщеніе задачъ; три изъ нихъ помѣщены въ настоящемъ листкѣ, а остальные не могутъ быть напечатаны, потому что проблема III ужъ слишкомъ легка, а V ошибочна. Вы говорите: «бѣлые даютъ матъ въ четыре хода, тогда какъ они весьма легко могутъ сдѣлать матъ въ три, а именно 1) $\frac{e2-e3}{d4-f2}$ 2) $\frac{d4-g4+}{f2-g4^0}$ 3) $\frac{h3-g4^0}{\times}$. Можно также играть первымъ ходомъ ферзя на g1 и матъ тоже будетъ въ три хода. Мы убѣдительно просимъ обращать вниманіе на вѣрность въ означеніи ходовъ при рѣшеніяхъ проблемъ; въ сообщенныхъ Вами нынѣ есть довольно много описокъ, такъ наприм. черная пѣшка идетъ у Васъ d6—d7 ходъ абсолютно невозможный.

Г-ну *** (въ Москву). Сообщенное Вами рѣшеніе задачи N° 47 совершенно вѣрно.

МАРКИЗА Д'ЭСКОМАНЪ

(Les Drames Galants)

Романъ Л. Дюма (отца)

^{Р/т}
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Издание «Русскаго Слова.»

1860

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи С. Сѣдннича, въ Торговой ул. № 17.

МАРКИЗА Д'ЭСКОМАНЪ

романъ А. Дюма (отца).

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПОХОЖАЯ НА ВСѢ ПЕРВЫЯ ГЛАВЫ.

Просимъ позволенія у читателей перенестись съ нами въ Шатодёнъ.

«Но что такое Шатодёнъ?» спрашиваютъ меня, нѣсколько нѣжныхъ дамскихъ голосовъ.

Шатодёнъ, милостивыя государыни, — древняя столица графства Дюнуа, въ Босе; а Босе заключаетъ въ себѣ Шартре, Дюнуа и Вердамуа.

Страна эта довольно дикая, если смотрѣть на нее глазами художника, поэта и вообще мечтателя, необращающаго вниманія на производительность земли; но для людей практическихъ, предпочитающихъ самымъ очаровательнымъ видамъ Швейцаріи, Тироля и Пиреней, — плодородную почву, тучныя пажити и привольные луга, — для такихъ людей Босе есть лучшая изъ лучшихъ странъ.

Мѣстность ея дотога однообразна и скучна, что нѣсколько островковъ зелени, встрѣчаемыхъ у ея волнистыхъ нивъ, кажутся роскошными оазисами, что далеко не такъ красиво въ дѣйствительности.

Если кто подъѣзжаетъ отъ Шартре, то глазамъ его представляется надъ верхушками тополей, окаймляющихъ рѣку Луару, гребень горы, на которомъ построенъ Шатодёнъ и древній великолѣпный замокъ Монморанси.

Пропасти, скалы, деревья и свѣжая растительность — вотъ чѣмъ встрѣчаетъ Босе; можно было бы подумать, что все это — театральная обстановка, приготовленная для средневѣковой драмы.

Страна эта, подобно окрестностямъ Парижа, усѣяна замками и загородными домиками, съ тѣмъ же развитіемъ и одушевленіемъ общественной жизни, какъ и тамъ. Въ-особенности она была оживлена вначалѣ царствованія Лудовика-Филиппа, — въ ту эпоху, когда насъ ввели въ нѣкоторые кружки шатоде́нскаго общества, гдѣ мы и узнали о событіяхъ, послужившихъ нитью настоящаго разсказа.

Все, что мы намѣрены разсказать здѣсь, совершилось въ то время, когда нынѣшнее поколѣніе, полное жизни и блеска юности, еще не было заковано въ супружескія цѣпи. Мы говоримъ о поколѣніи, которое, явившись нѣсколькими годами позже нашего, было выдвинуто на сцену соціальной дѣятельности революціей 1830 года.

Капризное и блѣдное, пылкое, безпокойное и раздражительное, — рожденное подобно солдатамъ Кама изъ зубовъ дракона; зачатое между двумя битвами, воспитанное подъ громомъ барабановъ, — оно вмѣсто дѣтскихъ игръ съ своими сверстниками, стало подъ ружье на защиту Парижа, не успѣвъ еще скинуть куртки школьника.

А отцы его, — отцы этого поколѣнія пали на полѣ битвы за Францію!

Этому поколѣнію случалось только урывками видѣть своихъ отцевъ, которые подобно Донъ-Родригу, пріѣзжавшему на свиданіе съ своей Хименою, только повременамъ являлись на окровавленныхъ лошадяхъ и, не вставая съ сѣдла, не сходя на землю, — обнимали своихъ женъ, прижимали къ груди, обвѣшанной крестами, своихъ малютокъ и потомъ, кинувъ ихъ на руки матерей, снова неслись на зовъ защищаемой ими Франціи.

Бѣдныя сироты славы!

Наконецъ человекъ, котораго геніи были душою храбрыхъ полчищъ, погибъ, подобно Ромулу, въ ураганѣ непрерывныхъ битвъ, оставивъ послѣ себя атмосферу, зараженную порохомъ и озаренную молніями. Новое поколѣніе споткнулось о развалины имперіи. Рожденное для войны, оно было осуждено на мръ и только во снѣ мечтало о пескахъ Египта и снѣгахъ Россіи.

А пробуждаясь, оно напрасно ожидало военнаго клика, напрасно хотѣло увидѣть этихъ исполнителей кровавыхъ буръ, —

грозно промелькнувшихъ, какъ мгновенный блескъ молніи; новому поколѣнію выпала другая доля: оно съ восторгомъ бѣжало за огромной раззолоченной каретой, влекомой шестерикомъ тяжелыхъ и разукрашенныхъ перьями лошадей, съ дряхлымъ подагрикомъ-королемъ, который только перемѣнилъ старыя мантии на новыя и вмѣсто прежнихъ пчелъ, украсилъ ихъ лиліями.

И такъ, два поколѣнія встрѣтились лицомъ къ лицу: старое — вело свое прошедшее со временъ Людовика-Святого, — новое только-что началось съ эпохи Наполеона.

А между ними стояла смутнымъ, но гордымъ и грознымъ призракомъ — революція.

То время было эпохой лихорадочной, тревожной, но богатой независимыми личностями и сильными убѣжденіями. Горячка спекуляціи еще не коснулась нашего общества, и перъ Франціи еще не рѣшался подать руку биржевому барышнику, изъ опасенія уронить себя въ публичномъ мнѣніи.

Все это какъ-то вредно дѣйствовало тогда на молодежь. Смутно сознавая свое неестественное положеніе, съ неясными и неопредѣленными стремленіями въ сердцахъ, съ поникшею головой, отягченною гиганскими, но не исполнимыми замыслами, — бѣдные юноши, очертя голову, предавались или суетнымъ занятіямъ или буйнымъ забавамъ, растрачивая всѣ свои силы, все мужество и нѣжныя чувства въ бѣшеныхъ оргіяхъ, на разорительныя пари, азартныя игры, на непрерывныя скачки, охоты и на содержаніе женщинъ.

Въ эту эпоху всеобщаго мотовства, жители провинцій ни чѣмъ не уступали Парижанамъ: что доказывается множествомъ развалинъ до-сихъ-поръ еще уцѣлѣвшихъ.

Общество города Шатодѣнь также не отставало отъ прочихъ провинцій. Въ самомъ городѣ и его окрестностяхъ считалось до двадцати ни чѣмъ незанятыхъ матушкиныхъ сынковъ. Они много способствовали развитію въ шатодѣнскомъ обществѣ разгульной, праздной и веселой жизни.

Замѣчательнѣйшимъ изъ всѣхъ *людовъ* того времени — слово *лювъ* только-что вошло тогда въ употребленіе, — считался маркизъ д'Эскоманъ.

Онъ былъ женатъ; но женитьба служила ему только средствомъ размахисто жить, — и надо отдать ему справедливость — онъ жилъ на — славу.

Какъ вѣтриный Французъ, женившись по расчету, маркизъ

мотать женскими деньгами также легко, какъ и своими, или, лучше сказать, отцовскими.

Юльская революція застала его подпоручикомъ гвардейскихъ драгунъ. Ему было тогда тридцать лѣтъ. Маркизь, пріятный и любезный товарищъ, но не служака, чаще бывалъ записанъ въ дамскихъ таблеткахъ на вальсъ, кадрили и польку, чѣмъ въ наградныхъ спискахъ военного министра. По рожденію онъ принадлежалъ къ старшей отрасли аристократической фамиліи, что и давало ему право надѣяться на блестящую будущность, какъ вдругъ юльская революція неожиданно опрокинула всѣ его надежды.

Гордый маркизь почелъ унижительнымъ для своего сановитаго рода служить *мльчанину-королю*, ходившему пѣшкомъ съ зонтикомъ въ рукахъ и въ бумажныхъ перчаткахъ, который по требованію ремесленниковъ, показывался на балконѣ, чтобы раскланяться съ народомъ и спѣть *Marseillaise*. Маркизь д'Эскоманъ вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ свои помѣстья.

Тамъ онъ зѣвалъ себѣ отъ скуки до наступленія охотничьяго сезона, открывшагося ровно черезъ мѣсяць по восшествіи на престолъ новаго короля. Съ ружьемъ и собакой маркизь отправился на охоту и охотился цѣлыхъ три мѣсяца, т. е., до-тѣхъ-поръ, пока не исчезли куропатки и гололедица не покрыла полей.

Возвратившись домой, онъ вдругъ очутился въ провинціи, въ обществѣ знатныхъ вдовъ и кавалеровъ св. Людовика прошлаго столѣтія, среди разгульныхъ студентовъ; — маркизь д'Эскоманъ невыносимо скучалъ и долго осматривался, придумывая какъ бы убить время и предпринять что-нибудь хорошее или дурное.

Провинціальное одиночество было для маркиза такъ тягостно, что онъ ни какъ не могъ съ нимъ сжиться и, во что бы то ни стало, рѣшился преодолѣть его, т. е., какъ говорятъ Испанцы: *взять быка за рога*. Первой заботой маркиза д'Эскоманъ было—составить себѣ веселой кружокъ, гдѣ бы онъ былъ, какъ у себя, и онъ началъ съ того, что обзавелся прехорошенькой любовницей, на права которой, впоследствии, женитьба его не имѣла никакого вліянія.

Маргарита *Меди*, такъ звали ее, первая вошла въ интимный кружокъ маркиза. Въ ней уже не было типа куртизанки, но она еще не сложилась въ лоретку. Въ ней соединилась и та и другая форма французской женщины.

Мы упомянули о женѣ маркиза д'Эскоманъ; скажемъ теперь,

что это за женщина, почему онъ женился на ней и, затѣмъ возвратимся опять къ прерванному нами разсказу.

Маркизь д'Эскоманъ разстроилъ свое родовое имѣнiе, находясь еще на службѣ короля Карла X, и окончательно разорилъ его въ два послѣднiе года передъ революцiей. Къ концу перваго года всѣ помѣстья его были уже заложены, къ концу втораго— обширный кредитъ, которымъ обыкновенно пользуются богатые помѣщики, видимо упалъ.

Однажды нотаріусъ, доказывая маркизу совершенную невозможность новаго займа, сказалъ рѣшительно, что ему остается только два средства выйти изъ критическаго положенiя — или не занимать болѣе денегъ, или выгодно жениться.

Но маркизь д'Эскоманъ не согласился на первое предложенiе нотаріуса и нашелъ возможнымъ только исполнить послѣднее.

— Быть по вашему! жените меня, сказалъ онъ, вздохнувъ и пожавъ плечами.

Нотаріусъ, придерживаясь пословицы *куй желѣзо пока горячо*, тотчасъ же предложилъ ему невѣсту съ сорока пятью тысячами ливровъ годоваго дохода. Предложенiе было такъ заманчиво, что маркизь, недолго думая, тутъ же согласился принять милльоны, прежде чѣмъ увидѣлъ ту руку, которая должна была принести богатую ренту.

Судьба не оскорбила маркиза и на этотъ разъ; рука, избранная имъ, была маленькая, бѣленькая и прехорошенькая.

Невѣста принадлежала къ послѣдней отрасли извѣстной фамилии въ Блазуа. Восемнадцати лѣтъ, прелестная собою, съ прекраснымъ воспитанiемъ, она не могла не нравиться маркизу, тѣмъ болѣе что была сиротой, а это обстоятельство удвоило цѣнность ея милльоновъ въ глазахъ жениха; ему не угрожалъ ни процессъ съ какими-нибудь кляузными родителями, ни влiянiе ихъ на дѣла дочери.

Спустя нѣсколько дней послѣ разговора нотаріуса съ маркизомъ, молодые люди познакомились и черезъ два мѣсяца, довольно скучныхъ и слишкомъ сентиментальныхъ для жениха, д'Эскоманъ обвинчался съ дѣвицею Нантѣль въ церкви св. Петра, въ Шатодѣнѣ.

Въ бракахъ по расчету, въ которыхъ, обыкновенно, не обращаютъ вниманiя на сходство характеровъ жениха и невѣсты, на симпатiю въ образѣ ихъ мыслей и чувствъ, все зависитъ отъ случая. Они могутъ быть счастливымъ исключенiемъ, но гораз-

до чаще въ нихъ скрывается полное равнодушіе партій, если только не рѣшительное отвращеніе ихъ другъ-къ-другу.

Не таковъ былъ бракъ маркиза д'Эскоманъ. Взамѣнъ его равнодушія къ женѣ, Эмма — такъ звали дѣвицу Нантѣль — принесла въ замужество любовь чистую, готовую на всё пожертванія и полную преданности.

Свѣтскимъ дѣвушкамъ случается испытывать въ молодости тайныя влеченія и увлекаться надеждами; но, чтобъ ни говорили, а надежды ихъ рѣдко осуществляются, тѣмъ рѣже бываетъ, чтобъ строгость воспитанія и приличія свѣта, стѣсняющія молодя страсти, могли имъ дать правильное развитіе. Современная жизнь готовитъ женщину для лицемѣрной и рабской роли съ самого дѣтства. Дѣвущикъ до замужества приходится много пере-чувствовать, много испытать страстныхъ порывовъ, но постоянно ихъ сдерживать и таить отъ наблюденія и взора общества. Положеніе ихъ въ свѣтѣ еще тягостнѣе: съ одной стороны онъ волнуетъ ихъ воображеніе, горячитъ чувства, а съ другой не позволяетъ выразить, внѣ искусственныхъ условій, ни одного натурального біенія сердца, ни одного задушевнаго звука. Такое ложное положеніе до того искажаетъ женскую натуру, что она, при самыхъ богатыхъ задаткахъ природы, привыкаетъ къ своему гнету исподволь и, обманывая свое собственное сердце, обманывается и въ другихъ. Оттого можетъ быть, любовь свѣтской дѣвушки почти никогда не бываетъ искренней.

Переносясь отъ видѣнія къ видѣнію, ограничиваясь одними только желаніями, въ постоянной нерѣшимости, — она живетъ въ за-облачномъ пространствѣ и мечты ея витаютъ, какъ шелковистыя ткани прозрачной паутины, которыя носятся въ знойномъ воздухѣ, не имѣя на столько плотности, чтобы удержаться на землѣ.

Эмма Нантѣль, воспитанная въ монастырѣ, еще только начинала мечтать о мужѣ и потому когда опекунъ представилъ ей жениха, рекомендованнаго нотаріусомъ и вполнѣ отвѣчавшаго ея пансіонерскимъ грезамъ, она увидѣла въ этомъ назначеніе провиденія. Она была слишкомъ неопытна, чтобъ взвѣсить всю важность своего будущаго положенія и слишкомъ довѣрчива, чтобъ усомниться въ его горькой дѣйствительности.

При видѣ своего будущаго мужа Эмма испытала ощущенія еще невѣдомыя ей, — до того живыя и сладкія, что онѣ, подобно электрическому току, мгновенно заняли въ ея сердцѣ любовь.

Чувства оказываютъ особенное вліяніе на любовь именно

тогда, когда мы всего менѣе подозрѣваемъ ихъ присутствіе и дѣйствіе. Прислушиваясь какъ Эмма съ какимъ-то томнымъ восторгомъ, Эмма произносила: «мой милый Рауль!» легко было убѣдиться, что при всей чистотѣ, искренности и невинности ея чувствъ — въ этомъ измѣненіи дѣвственной души заключалось, невѣдомо для нее самой, что-то матеріальное; и что въ этой любви, которую долженъ былъ скоро освятить бракъ, принимало участіе не одно сердце, не одна душа цѣломудренной дѣвушки, но и страстное желаніе чувственныхъ инстинктовъ.

Демонъ страсти отуманилъ ясный взглядъ молодой души, и никакая рука не могла спасти де-Нантѣль отъ пропасти, приготовленной ей маркизомъ д'Эскоманъ.

Не станемъ говорить о безыменныхъ письмахъ, о совѣтахъ которые получала Эмма — и того и другаго всегда бываетъ тѣмъ болѣе, чѣмъ городъ менѣе. Она могла бы имъ не вѣрять, подозрѣвая въ нихъ происки своихъ наслѣдниковъ; но желаніе сдѣлаться маркизой д'Эскоманъ было въ Эммѣ такъ велико и неодолимо, что она не только пренебрегла безыменными письмами и совѣтами, но даже отвергла всѣ благоразумныя, истинно-материнскія убѣжденія женщины, всегда имѣвшей на нее большое вліяніе. Мы говоримъ о кормилицѣ Эммы, Сусаннѣ Моле, которая своими попеченіями и преданностію замѣнила молодой дѣвушкѣ родную мать, преждевременно умершую.

Сусанна Моле сперва служила горничною у дѣвицы Ренваль, вышедшей замужъ за графа де-Нантѣль, т. е., у матери Эммы а потомъ, спустя восемь дней послѣ свадьбы своей барышни, она обвѣнчалась съ камердинеромъ господина де-Нантѣль. Родивъ ребенка шестью мѣсяцами ранѣе своей госпожи, Сусанна просила у нея позволенія кормить маленькую Эмму. Графиня де-Нантѣль, увѣренная въ ея преданности, доказанной вѣрной десятилѣтней службой, не имѣла ни какого повода отказать такой просьбѣ, тѣмъ болѣе, что Сусанна, какъ двадцати восьми-лѣтняя женщина, гораздо была крѣпче и здоровѣе самой графини.

Ребенокъ Сусанны былъ отнятъ отъ груди и его мѣсто заняла маленькая Эмма; съ этой минуты добрая женщина раздѣляла свою материнскую привязанность между двумя малютками.

Дочь Сусанны, хворая, слабая дѣвочка, скоро умерла отъ крупа, и тогда Сусанна обратила всю материнскую любовь и вѣжность на одну Эмму. Бѣдной женщинѣ казалось, что душа умершей перенеслась въ тѣло пережившей ея малют-

ки, и если когда-нибудь мать утѣшалась о потери своего ребенка, кормя, лаская и укачивая чужое дитя, — то Сусанна Моле нашла это утѣшеніе у колыбелл Эммы.

Любовь ея къ питомицѣ перешла въ страсть. Дикая и суровая натура ея смягчалась при одномъ взглядѣ на дѣвочку; заботы и попеченія ея объ Эммѣ далеко превосходили материнскія. При самомъ ничтожномъ приключеніи съ ребенкомъ, при малѣйшемъ его огорченіи раздавались крики и плачь, — но прежде всего крики и плачь самой кормилицы, а не Эммы.

Чувство любви одного существа къ другому, часто опредѣляютъ словами: *«она пожертвовала бы за нее жизнью»*. Эта поговорка сдѣлалась пошлой фразой, но она была истиной при видѣ горячей любви Сусанны къ ея питомицѣ, для которой дѣйствительно она не пожалѣла бы жизни.

Любовь Сусанны, или лучше сказать страсть, зашла такъ далеко, что возбудила безпокойство въ самой графинѣ де-Нантѣль. Ревность матери тоже не безъ эгоизма. Графиня опасалась, чтобы юное сердце ея дочери, обманутое ласками, не предалось ошибочно чужой женщинѣ и, желая предупредить это, рѣшилась удалить отъ Эммы кормилицу.

На этотъ разъ уже не было ни криковъ, ни плача; но вмѣсто ихъ заступило нѣмое отчаяніе, столь глубокое и ужасное, что графиня де-Нантѣль поняла всю несправедливость своего поступка и сочла себя не вправѣ губить бѣдную женщину, единственное преступленіе которой заключалось въ томъ, что ея привязанность къ дитяти превзошла привязанность матери.

Сусанна Моле, оставленная при Эммѣ, угадала, благодаря необыкновенной инстинктивной провицательности, причину, которая едва не разлучила ее съ малюткой.

Съ своей стороны она тоже почувствовала завистливую ревность, смотря на ласки дитяти къ матери. Испугавшись такого чувства, она старалась скрыть, на сколько было возможно, отъ графини де-Нантѣль, отъ прислуги и даже отъ постороннихъ лицъ, — эту страстную любовь къ своей питомицѣ, и, пересиливъ себя, мало-по-малу успѣла затаить въ глубинѣ сердца искреннее чувство.

Не смотря на то, оно постоянно высказывалось во всей его истинѣ. Какъ только оставалась на единѣ съ ребенкомъ, она давала полную волю своей радости, прижимала его къ своему сердцу, душила въ своихъ объятіяхъ и цѣловала или, правнѣе сказать, впивалась въ его свѣженькія щечки.

Ребенокъ, съ своей стороны, тоже былъ нѣженъ къ Сусаннѣ. Никого еще не зная, кромѣ матери и кормилицы, онъ раздѣлялъ между ними свою привязанность, съ легкимъ отгѣнкомъ въ пользу первой.

По мѣрѣ того какъ Эмма подрастала, она все больше и больше сближалась съ матерью; когда же отняли малютку отъ груди и перенесли кроватку ея изъ комнаты кормилицы въ большой кабинетъ, смѣжный съ спальною графини де-Нантѣль; это время было самымъ тяжкимъ и ужаснымъ испытаніемъ для бѣдной Сусанны: ей казалось, что у нея похитили половину ея счастья и что нѣтъ больше ночей въ ея жизни.

Нерѣдко въ потемкахъ, когда графиня уже спала, Сусанна, затавъ дыханіе, дрожа всѣмъ тѣломъ, какъ будто бы она замышляла преступленіе, на цыпочкахъ прокрадывалась тѣнью въ комнату малютки только для того, чтобы хоть разъ поцѣловать свою милую Эмму. Но иногда, не смотря на всѣ ея предосторожности, графиня де-Нантѣль пробуждалась, и тогда испуганная Сусанна, не зная какъ выпутаться, увѣряла, что слышала крикъ ребенка.

Все это происходило во время кровавыхъ битвъ имперіи, когда графъ де-Нантѣль — полковникъ кирасирскаго полка — участвовалъ и въ побѣдахъ и въ пораженіяхъ, предшествовавшихъ паденію Наполеона.

Раненый подъ Бородино, подъ Лейпцигомъ и Монмиралемъ — онъ былъ убитъ подъ Ватерлоо.

Когда графиня де-Нантѣль получила отъ военнаго министра за черною печатью извѣстіе о смерти мужа — Эммѣ было только два года.

При потерѣ близкихъ сердцу, пораженные страшнымъ горемъ, мы обыкновенно привязываемся еще болѣе къ своимъ роднымъ, оставшимся въ живыхъ. Такъ было и съ графиней де-Нантѣль. Любовь ея къ дочери видимо усилилась со смерти мужа и сердце бѣдной Сусанны Моле стало еще болѣе страдать. Съ трехъ и до десяти лѣтъ ребенокъ почти не разлучался съ матерью, и хотя онъ былъ еще нѣсколько привязанъ къ Сусаннѣ, но очень естественно, что съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе отвыкалъ отъ нея.

Такое положеніе было невыносимо-тягостно для Сусанны; сердце ея разрывалось на части, и бѣдная женщина двадцать разъ собиралась просить графиню, чтобы она отпустила ее на родину, и двадцать разъ отгѣняла свое намѣреніе, не имѣя на

то ни силъ, ни энергіи. Въ ту самую минуту, когда ей казалось, что она готова уже сказать о томъ графинѣ, присутствіе духа ея оставляло и бѣдная женщина печально говорила про себя: «поджду еще денекъ». Но проходилъ день-за-днемъ и ни одинъ изъ нихъ не придавъ ей рѣшимости покинуть Эмму.

Однажды вечеромъ, воротившись съ прогулки, графиня де-Нантѣль вдругъ почувствовала нестерпимую боль въ боку. Она каталась въ открытой коляскѣ и сильно прозябла: опасаясь, чтобы ребенокъ также не озябъ, графиня сняла съ себя салопъ, укутала въ него Эмму и, вѣроятно, въ то самое время простудилась. Не обращая особеннаго вниманія на свою болѣзнь, она не послала за докторомъ и тѣмъ дала ей усилиться: черезъ сутки у ней развилось сильное воспаленіе въ легкихъ и болѣзнь ея шла быстро, принявъ такой опасный характеръ, что черезъ три дня графини де-Нантѣль уже не было на свѣтѣ. Умирая, она благословила дочь свою и поручила ее Сусаннѣ Моле. Въ послѣднія торжественныя минуты жизни, графиня вполне оцѣнила любовь и преданность этой рѣдкой женщины.

Въ сердцѣ человѣческомъ есть много непонятнаго: хотя Сусанна Моле искренно любила графиню, но едва послѣдняя закрыла глаза, какъ уже Сусаннѣ показалось, что какой-то таинственный голосъ шепталъ ей въ глубинѣ души: «Теперь только Эмма твоя: уже никто не полюбитъ ее сильнѣе тебя». Голосъ этотъ испугалъ Сусанну, она заплакала и крѣпко прижала ребенка къ своему любящему сердцу.

Родной дядя графини де-Нантѣль, по матери, — закоренѣлый роялистъ, никогда почти не выдавшій своей племянницы единственно потому, что мужъ ея служилъ подъ знаменами *политическа престола*, — сталъ опекуномъ Эммы. Онъ отдалъ ее въ лучшей пансіонъ въ Парижѣ и, припомнивъ рекомендацію покойной графини, позволялъ Сусаннѣ Моле остаться при ненаглядной ея питомницѣ. Этому только и хотѣлось бѣдной женщинѣ.

Прошло шесть лѣтъ. Воспитаніе Эммы окончилось и, благодаря честному и разумному управленію дяди-опекуна, состояніе ея въ продолженіе этихъ шести лѣтъ удвоилось.

Однажды, бесѣдуя о дѣлахъ съ своимъ нотаріусомъ, дядя Эммы, между прочимъ, сказалъ: — Да, любезнѣйшій Превд, знаете ли вы, что моя воспитанница уже невѣста: ее пора выдать замужъ. Я не ищущу ей богатаго жениха, но желалъ бы выдать ее за человѣка старой дворянской фамилии и съ *хорошими на- правленіемъ*.

Спусти дня три послѣ этого разговора, маркизь д'Эскоманъ прѣхалъ къ г-ну Превó, чтобы занять денегъ; но онъ вмѣсто займа предложилъ ему жениться на дѣвицѣ де-Нантѣль, какъ мы уже сказали выше.

При первомъ слухѣ о предположенномъ замужствѣ Еммы, Сусанна Моле бросилась разузнавать о женихѣ съ усердіемъ самой заботливой матери. Она не искала истины въ фешенабельныхъ салонахъ, между свѣтскими людьми, которые болѣею частію скрываютъ ее изъ собственныхъ видовъ или, по-крайней-мѣрѣ, затушевываютъ нѣтъ, Сусанна искала ее въ лакейскихъ — въ этомъ строгомъ судилищѣ, гдѣ не многіе господа пользуются одобреніемъ тѣхъ, которыхъ судьба назначила имъ въ услуженіе.

Кормилица Эммы была поражена разказами лакеевъ о нравахъ и привычкахъ маркиза д'Эскоманъ. Ей представилось, что ея милое дитя сдѣлается жертвой одного изъ чудовищъ, описываемыхъ въ волшебныхъ сказкахъ; и Сусанна просила, молила, заклинала Эмму неидти добровольно на вѣрную гибель; но, въ несчастію, похождения маркиза были такого рода, что не было ни какой возможности рассказать молодой дѣвушкѣ именно тѣ изъ нихъ, которыя могли бы произвестъ на ея умъ или, лучше сказать, на ея сердце самое сильное впечатлѣніе.

Бѣдная женщина должна была молчать; она не смѣла быть откровенной, и потому на всѣ ея мольбы Эмма отвѣчала только веселымъ и беззаботнымъ смѣхомъ; она, какъ сумасшедшая, хотала надъ опасеніями своей няньки и, указывая на красивое лицо своего жениха, насмѣшливо спрашивала Сусанну: «похожъ ли онъ на Рауля съ синей бородой?»

Эмма вышла замужъ.

Прошла недѣля съ той минуты, когда она произнесла упорное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, страшное слово: *да*, отвергнувъ мольбы своей няньки, которой пасмурное лицо и заплаканные глаза ясно выражали сомнѣніе на счетъ будущаго счастья молодой; но Эмма и сама стала уже печальна.

Она начинала грустить, видя что замужество ея неоправдало ни одной изъ тѣхъ свѣтлыхъ надеждъ, которыя сулило пылкое воображеніе юному ея сердцу. Она напрасно ждала той идеальной любви, тѣхъ сладкихъ наслажденій, которыя она считала своимъ непремѣннымъ удѣломъ.

Эмма надѣялась жить жизнью нѣжно-любящаго мужа, какъ своею собственною; она хотѣла раздѣлить съ нимъ и горе и ра-

дости, слиться съ его душою, какъ соединилась съ его существомъ и — увы! — къ величайшему ея изумленію она осталась всегда одна, и постоянно одна.

Несообщительность, холодность и равнодушіе, которыхъ Рауль не скрывалъ и въ то время, когда былъ женихомъ, Эмма принимала за необходимыя условія приличій высшаго круга и все это ей даже нравилось, какъ признакъ аристократическаго тона; но она скоро разочаровалась, увидавъ, что и послѣ свадьбы, мужъ ея остался по прежнему равнодушнымъ къ ней.

Какъ путникъ, на минуту увлеченный появленіемъ миража, принимаетъ его за благотворный источникъ, надѣется утолить нестерпимую жажду и, вдругъ видитъ вокругъ себя одни только необозримыя степи съ раскаленными песками; — такъ и очнувшейся Эммѣ стало страшно не маркиза д'Эскомана, но жизни, ведущей къ такимъ ужаснымъ разочарованіямъ, предъ которыми опасенія Сусанны казались ей теперь ребяческимъ страхомъ.

Напротивъ того, женитьба нисколько не измѣнила прежней жизни маркиза: она шла своимъ чередомъ и только на конюшнѣ прибавилось двѣ лошади, да въ кухни лишній поварь.

Маргаритѣ Жели, какъ любовницѣ маркиза, разумѣется не совсѣмъ была пріятна эта свадьба, и потому, чтобы сколько нибудь утѣшить ее, маркизь д'Эскоманъ, какъ истый дворянинъ, подарилъ ей одну изъ трехъ превосходныхъ шалей, положенныхъ имъ въ свадебную корзинку его невѣсты. Когда мѣщанки города Шатодѣна увидѣли такую чудную вещь на плечахъ Маргариты, — онѣ чуть не умерли съ досады.

Женившись, маркизь продолжалъ по прежнему посѣщать Маргариту, любить лошадей, собакъ, и по прежнему проигрывался въ карты.

За всѣмъ тѣмъ Шатодѣнъ былъ для него самымъ скучнымъ городомъ, и потому, какъ мы уже сказали, маркизь старался развлечься, составивъ для себя особый веселый кружокъ.

Съ кавалерами св. Лудовика ему нечего было дѣлать: все ихъ вниманіе и всѣ способности поглощались газетными статьями и большую часть свободнаго времени они проводили въ безконечныхъ толкахъ о политикѣ; слѣдовательно маркизу д'Эскоманъ оставались одни студенты, общество которыхъ представляло его дѣятельности обширное поле. Онъ рѣшился быть наставникомъ этой молодежи.

Прошло полгода и маркизь могъ смѣло гордиться успѣхами

своихъ учениковъ: городъ Шатодёнъ совершенно преобразился. Едвали когда удавалось посланнику выполнить такъ успѣшно свое порученіе или миссіонеру достигнуть такихъ скорыхъ и блестящихъ результатовъ.

По всѣмъ гульбищамъ забороздили щегольскіе экипажи; звонъ колоколовъ, который въ прежнее время только одинъ нарушалъ ночной покой мирныхъ обитателей города, заглушался по утрамъ охотничьими рогами; веселыя пѣсни разгульной толпы смѣняли роговую музыку и заставляли горожанъ проводить безсонныя ночи. Ситцевыя платья горожанокъ съ каждымъ днемъ все больше стали замѣняться шелковыми и бархатными; множество матерей оплакивали своихъ погибшихъ дочекъ. Наконецъ ханжи, ужасаясь и крестясь, перечисляли огромныя суммы, проигрываемыя молодыми сорванцами въ клубъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Лудовикъ де-Фонтанье.

Разсказъ нашъ, которому предъидущая глава служитъ прологомъ, начинается съ третьяго года супружества маркиза д'Эскоманъ и Эммы де-Нантэль. Все что только можно было ожидать отъ такого брака — сбылось въ эти два года.

Всякая рана, не перевязанная во время, растрavляется и гноится, — это законъ нравственной и физической природы, по которому и пороки и несчастія никогда не остаются въ одномъ положеніи. Втеченіе двухъ лѣтъ, огорченія Эммы съ каждымъ днемъ увеличивались; пороки же маркиза шли своимъ чередомъ и даже часто выходили изъ границъ, допускаемыхъ приличіемъ; потерявъ даже внѣшній лоскъ, они явились въ отвратительномъ цинизмѣ и не могли извиняться даже молодостію лѣтъ. Наконецъ дошло до того, что общество обыкновенно столь равнодушное къ супружескому горю, прониклось негодованіемъ къ поведенію маркиза, который явно пренебрегалъ всѣми приличіями и далъ полную волю своимъ страстямъ.

Бѣдная Эмма отъ печали перешла къ унынію, отъ унынія — къ безнадежному отчаянію и, наконецъ, отъ отчаянія — къ задумчивой и грустной покорности судьбѣ своей.

Не разъ говорили, и такъ какъ великія истины требуютъ повторенія, то и мы еще разъ скажемъ, что несчастія не сокрушаютъ людей съ твердымъ характеромъ; напротивъ, они возвышаютъ и облагораживаютъ ихъ испытаніями. Такъ было и съ Эммой. Съ самой ранней юности она узнала горе; еще ребенкомъ она видѣла свою мать въ траурѣ, трауръ же преслѣдовалъ бѣдницу и въ дѣвичьемъ возрастѣ. Весьма понятно, что любовь къ ней Сусанны Моле могла служить ей только матеріальной опорой; совершенное одиночество, въ которомъ она выросла, расположило душу ея къ особенной энергій, между тѣмъ какъ тяжелые опыты, придали этому сердцу твердость чувства. Но

этому, когда прошли первые порывы супружескаго увлеченія и наступило разочарованіе, — она перенесла несчастіе съ наружнымъ спокойствіемъ и съ достоинствомъ; она сумѣла скрыть слезы горести подѣ личиною равнодушія, убить въ себѣ любовь презрѣніемъ, считала ее недостойной себя; когда же любовь въ ней умерла, то она не искала уже на землѣ никакихъ утѣшеній и являлась среди своихъ поклонниковъ такою беззаботной, остроумной, съ видомъ такого пренебреженія къ окружавшей ее лести, что казалось, будто ни что не въ состояніи возмутить эту женщину. За то всѣ называли ее холодной какъ мраморъ, съ которымъ она соперничала бѣлизной своей кожи.

Но подѣ Эммы было существо, не имѣвшее столько силы воли, чтобы подражать ей въ покорности судьбѣ. Мы говоримъ о Сусаннѣ Моле. Она считала страшнымъ преступленіемъ со стороны маркиза, что онъ не сумѣлъ оцѣнить прекрасныхъ качествъ Эммы и пренебрегъ ея красотой, что онъ заставилъ плакать эти голубые глазки, краше которыхъ Сусанна не находила въ цѣломъ мірѣ; что онъ причинилъ столько горя молодой женщинѣ, которую она иногда все еще продолжала по старой привычкѣ качать на своихъ колѣняхъ, какъ маленькое дитя. За все это Сусанна стала смертельнымъ врагомъ маркиза д'Эскоманъ.

Ненависть ея обратилась въ бѣшенство съ того дня, когда она встрѣтила мужа своей госпожи, нагло разгуливающимъ подѣ руку съ Магаритой Желл. Сусанна бросила на него взоръ полный презрѣнія, ожидая этимъ смутить его, но въ отвѣтъ на безсильную ея злобу маркизь только расхохотался.

Эмма показывалась въ свѣтѣ неохотно и безъ всякаго удовольствія; тишина и уединеніе шли къ ея грустному и серьезному настроенію духа, болѣе чѣмъ шумъ свѣтской жизни; но Сусанна не одобряла въ ней такого затворничества, напротивъ, не имѣя возможности чѣмъ-нибудь отмстить маркизу, она наввно желала, чтобы успѣхи ея питомицы въ обществѣ выводили изъ терпѣнія ея мужа.

Когда Эмма рѣшалась выѣхать куда-нибудь на вечеръ съ мужемъ, Сусанна одѣвала ее, какъ заботливая мать, охорошила и убирала ее съ преданностію и благоговѣніемъ Брамина къ своему идолу; она наслаждалась полнотою красоты своей питомицы, и это еще болѣе усиливало ея нѣжность къ одной и ненависть къ другому.

Часто случалось ей сопровождать свою госпожу на дружескіе вечера; тамъ она проталкивалась черезъ толпу прислуги и въ по-

луоткрытую дверь любовалась молодой маркизой, не теряя изъ виду ни одного ея движенія, улыбаясь машинально тѣмъ, кому та улыбалась; гордая ея успѣхами, она была тѣмъ счастливѣе, чѣмъ тѣснѣе становилась толпа обожателей Эммы и, подъ влияніемъ ненависти къ маркизу, Сусанна казалось, была бы готова поощрить ихъ и движеніемъ и голосомъ.

Впрочемъ маркизь д'Эскманъ оставался совершенно равнодушень къ тому, что происходило у него въ домѣ; онъ даже не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на злобу, которой Сусанна такъ щедро его надѣляла.

Вотъ въ какомъ положеніи были дѣла, когда вдругъ, въ первыхъ числахъ 1835 года, случилось происшествіе, надѣлавшее много шуму въ шатодѣнской аристократіи.

Окружный субъ-префектъ опредѣлилъ къ себѣ секретаремъ молодаго человѣка, — одного изъ потомковъ древняго норманскаго дворянства. Тотъ явился на службу съ рекомендабельнымъ письмомъ къ своему родственнику — одному изъ старожиловъ Босе. Письмо было отъ матери молодаго человѣка: она просила въ немъ своего двоюроднаго брата не оставить ея сына родственнымъ расположеніемъ, руководить его и ввести въ общество.

Такимъ образомъ Лудовикъ де-Фантанье — такъ звали пріѣхавшаго секретаря — незамѣтно и безъ всякихъ затрудненій попалъ въ самый аристократическій кружокъ, куда не могъ проникнуть ни одинъ изъ чиновниковъ, служившихъ новому королю.

Большая часть этого замкнутаго и надутаго круга нашла не приличнымъ видѣть въ средѣ своей должностное лицо. Дѣйствительно, что могло быть непріятнѣе для этого дворянскаго гнѣзда, какъ встрѣтить въ своей средѣ какого-нибудь де-Фонтанье-слугу іюльскаго правительства. Нельзя было безъ сожалѣнія смотрѣть на молодаго человѣка, который могъ бы имѣть общественное значеніе, а между тѣмъ сдѣлался слугою королевскаго чиновника.

Въ то время, всякое снисхожденіе къ человѣку, такимъ образомъ пренебрегавшему своею честію и своимъ именемъ, — считалось преступленіемъ.

Самые горячіе противники настаивали, чтобы исключить le premier-venu изъ среды своего общества. Молва объ этомъ не могла не распространиться по всюду и не дойти до ушей родственника Лудовика де-Фонтанье, г. де-Морой, который ввелъ молодаго человѣка въ общество шатодѣнской аристократіи.

Послѣдній горячо принялся защищать своего родственника и старался оправдать его въ глазахъ общества, напоминая своимъ противникамъ, что отецъ Лудовика де-Фонтанье носилъ имя чистое и, можетъ быть, болѣе благородное, чѣмъ ихъ отцы.

Онъ служилъ въ 1830 году полковникомъ королевской гвардіи и пожертвовалъ своею жизнію за короля. Мѣсто, полученное его сыномъ, было дано въ видѣ вознагражденія заслугъ стараго роялиста — воина, чтобъ обезпечить оспротивнее его семейство, которое состояло изъ матери и кузины Лудовика де-Фонтанье.

Но тупоумная камарилья нисколько не убѣдилась доводами г. де-Морой; мнѣніе его раздѣляли только одни домашніе, да близкіе его знакомые; большая же часть шатоленской аристократіи была на сторонѣ оппозиціи и рѣшила не допускать молодого человѣка въ свой кружокъ.

Однимъ изъ самыхъ ожесточенныхъ непріятелей г. де-Фонтанье оказался маркизъ д'Эскоманъ.

Мы спѣшимъ оговориться, что маркизъ въ этомъ случаѣ примкнулъ къ оппозиціи вовсе не изъ непреклонности своихъ убѣжденій, а единственно потому, чтобъ найдти только какой-нибудь поводъ къ столкновенію.

Но позвольте, читатель, познакомить васъ съ личностію Лудовика де-Фонтанье.

Этотъ молодой человѣкъ, щедро надѣленный всѣми дарами природы, былъ двадцати четырехъ лѣтъ. Высокаго роста, хорошо сложенный, онъ имѣлъ правильныя, даже слишкомъ рѣзко обрисованныя черты лица; наружность его не лишена была нѣкотораго достоинства, но недостатокъ граціозности и мягкости въ манерахъ портилъ первое хорошее впечатлѣніе. Онъ казался мѣшковатымъ и неловкимъ, какъ вообще военные, только недавно надѣвшіе фракъ.

И дѣйствительно Лудовикъ де-Фонтанье, какъ и большая часть молодыхъ людей того времени, готовился къ военному званію, и на — вѣрно служилъ бы въ арміи, еслибъ только былъ живъ отецъ его. Воспитаникъ Сенъ-Сира, Лудовикъ лишь по убѣжденію матери измѣнилъ военному поприщу и согласился принять мѣсто секретаря у субъ-префекта. Вотъ почему до двадцати лѣтъ онъ не снималъ съ себя военного мундира и, разумѣется, перемѣнивъ его недавно на фракъ, казался неразвязнымъ въ статскомъ платьѣ.

Описавъ физическія качества молодого человѣка, мы перейдемъ къ нравственнымъ.

Владѣя въ высшей степени изумительною способностью къ наукамъ, онъ не имѣлъ терпѣнія и усидчивости, такъ, что ему прекрасная способность болѣе вредна, чѣмъ была полезна; слегка занимаясь всѣмъ, онъ во всемъ останавливался тамъ, гдѣ предметъ становился серьезнымъ и требовалъ какихъ-нибудь усилій для его изученія.

Онъ имѣлъ чрезвычайно доброе, кроткое и преданное сердце; но всѣ эти хорошія качества, развитыя въ немъ до крайности, много вредили какъ ему, такъ и его приближеннымъ, сдѣлавъ его нервнымъ и слишкомъ раздражительнымъ. По временамъ у него проявлялись какіе-то судорожные и бурные порывы, которые, исключая минуты сильнаго гнѣва, выказывали въ немъ характеръ болѣе женскій, чѣмъ мужскій.

Лудовикъ де-Фонтанье, ко всѣмъ довѣрчивый, до того вѣровалъ въ возможность всеобщаго сочувствія, что готовъ былъ назвать весь родъ человѣческой своимъ другомъ. Онъ, какъ и Калгула, желавшій римскому народу имѣть одну голову, чтобы удобнѣе было отсѣчь ее съ одного размаха, — желалъ того же цѣлому міру, но только для того, чтобы разцѣловать его въ обѣ щеки.

При такомъ постоянномъ настроеніи ему, разумѣется, все казалось въ розовомъ цвѣтѣ, и потому въ продолженіе недѣли со дня своего вступленія въ префектуру, онъ написалъ къ матери два письма, выхваляя въ нихъ съ юношескимъ увлеченіемъ пріемъ, сдѣланный ему шатоленскимъ обществомъ. Ему казалось, что мужчины и женщины на-перерывъ другъ-передъ-другомъ стараются изобрѣтать для него удовольствія, и сколько восторженныхъ похвалъ онъ расточалъ уму однихъ и красотѣ другихъ, желая такимъ образомъ заплатить имъ долгъ благодарности.

Но минута разочарованія была отъ него уже недалеко.

И какъ онъ изумился, когда однажды утромъ, субъ-префектъ отвелъ его въ сторону, объяснилъ ему настоящее положеніе дѣла и передалъ всѣ оскорбительные слухи, ходившіе въ обществѣ на счетъ его мужества, — слухи, которыхъ въ простотѣ души молодой человѣкъ и неподозрѣвалъ. Субъ-префектъ, открывъ ему истину, вмѣстѣ съ тѣмъ потребовалъ отъ него во имя фамиліи де-Фонтанье, которой всегда былъ другомъ, и во имя правительства, котораго служилъ представителемъ, чтобы новый секретарь вышелъ съ честью изъ непріятныхъ отношеній къ противникамъ власти.

Еслибъ молнія упала у самыхъ ногъ Лудовика, то вѣроятно она не ошеломила бы его такъ, какъ извѣстiе, переданное ему начальникомъ. Не слушая его болѣе и даже не посовѣтовавшись съ своимъ двоюроднымъ братомъ г. де-Морой, де-Фонтанье бросился прямо въ клубъ, съ твердымъ намѣренiемъ вызвать на дуэль перваго встрѣчнаго.

Все это происходило въ часъ по полудни, когда залы клуба бывають почти пусты; на этотъ разъ тамъ находился только маркизь д'Эскоманъ съ двумя своими знакомыми: одинъ былъ Жоржъ де-Гискаръ — двадцати лѣтнiй вѣтренникъ, — другой швалье де-Монгла — шестидесяти лѣтнiй повѣса; они стояли, опершись на перилы балкона, въ ожиданiи лошадей для прогулки.

Проходя мимо ихъ, или, лучше сказать, подъ ихъ ногами, Лудовикъ де-Фонтанье услыхалъ смѣхъ, какъ будто бы относившiйся къ нему. Смѣхъ этотъ еще болѣе возмутилъ его и привелъ въ ярость, какъ ударъ копья разъяряетъ выходящаго на арену быка.

Лудовикъ де-Фонтанье вбѣжалъ въ домъ и быстро поднялся по лѣстницѣ.

Надо сказать, что за нѣсколько дней предъ тѣмъ онъ былъ только-что предложенъ въ члены клуба, а потому его имя, вмѣстѣ съ именами его рекомендовавшихъ, было выставлено на дощечкѣ, по обыкновенiю вывѣшиваемой въ клубахъ до дня балотировки.

Молодой человекъ прямо подошелъ къ стѣнѣ, сорвалъ съ нее объявленiе и растопталъ ногами дощечку.

Въ это самое время маркизь д'Эскоманъ объяснялъ Жоржу де-Гискару достоинства недавно купленной имъ лошади, которую держалъ передъ балкономъ грумъ. Занятые такимъ важнымъ дѣломъ, никто изъ нихъ не видалъ, какъ прошелъ мимо де-Фонтанье, какъ онъ вбѣжалъ въ клубъ и никто бы изъ нихъ не слыхалъ треска раздавленной ногами дощечки, если бы не обернулся швалье де-Монгла, вовсе ненаходившiй особеннаго удовольствiя любоваться чужими лошадьми, не имѣя собственныхъ.

Мы уже сказали, что ему было шестидесять лѣтъ. Не смотря на то, швалье былъ единственный человекъ изъ всѣхъ старыхъ шатодѣнскихъ холостяковъ, котораго маркизь д'Эскоманъ сумѣлъ разлучить и съ *реверси* и съ политикою. Въ-самомъ-дѣлѣ де-Монгла, нисколько не жагя себя, усерднѣе всѣхъ содѣйствовала маркизу въ его человеколюбивой дѣлѣ.

Старикъ былъ не большаго роста и тученъ; но тучность — первый признакъ старости — нисколько не повредила его подвижности, столь рѣдкой въ такіа лѣта. Его икры еще не утратили своей упругости и округлости; ноги были еще легки и тверды; руки бѣлы и нѣжны. Не смотря на преклонныя лѣта и невоздержность жизни, на утреватомъ лицѣ его еще можно было отыскать черты того хорошенькаго паяка, который когда-то заставлялъ молодыхъ герцогинь не только мечтать, но даже проводить бессонныя ночи.

Во время своей молодости онъ слылъ хорошиимъ танцоромъ; но и съ приближеніемъ старости въ немъ не утратились этотъ талантъ, нынѣ забытый въ нашихъ безжизненныхъ салонахъ.

Смотря на нынѣшніе танцы, швалье де-Монгла никакъ не могъ понять, съ какою цѣлю двѣ пары различнаго пола становятся одна передъ другой и, начинаютъ расхаживать небольшими шагами впередъ и назадъ, потомъ вправо и влѣво, затѣмъ переходятъ на другую сторону, чтобы наконецъ снова вернуться на прежнее мѣсто, исполнивъ все это сътой веселостью, съ которой, обыкновенно, провожаютъ похоронныя дроги.

Ученикъ Вестриса 1-го, старый швалье вполне сохранилъ юношескую любовь къ свѣтской жизни и салоннымъ собраніямъ. Каждый балъ становился событіемъ въ его жизни, такъ-что еще за недѣлю впередъ онъ мечталъ уже о немъ и готовился къ нему какъ будто-бы къ какому-нибудь хореографическому представленію, репетируя всѣ танцы на дому. Многіе даже рассказывали, что когда его приглашали на балъ въ окрестности Шато-дѣна, то онъ, миновавъ городъ, выходилъ изъ кареты, становился на запятки, гдѣ никогда не было лакея, и всю дорогу выдѣлывалъ тамъ вычурныя пѣ, подобно любителю фехтованія, который постоянно упражняется въ своемъ искусствѣ, наступая на стѣну.

Молодость свою швалье де-Монгла провелъ очень разсѣяннo, но шестьдесятъ лѣтъ безпутной жизни ни сколько не изнурили его крѣпкаго тѣла и не охладили его пылкихъ страстей.

Никто не успѣвалъ ранѣе его явиться одѣтымъ на сборное мѣсто, когда собиравшсь охотиться на оленей; никто проворнѣе и ловчѣе его не перескакивалъ черезъ заборы и рвы, гоняясь за звѣремъ; а провести десять часовъ сряду на охотѣ не составляло для него большаго труда и даже не утомляло его настолько чтобы онъ потомъ не былъ въ сплахъ пропьянствовать

всю ночь. Въ-особенности за объѣдомъ выказывалась во всемъ своемъ блескѣ слава стараго титана оргіи! Никто изъ шатодѣнскихъ кутягъ не могъ припомнить, чтобы когда-нибудь на лицѣ швалье де-Монгла проявились хотя малѣйшіе слѣды утомленія, не смотря на то, что онъ никогда и ни отъ чего не отказывался; никому еще не случалось подмѣтить на его вѣчно веселой физиономіи, хотя малѣйшую тѣнь заботы и огорченій. Наконецъ, чтобы полнѣе очертить личность стараго швалье, мы прибавимъ, что бывали случаи въ его жизни, когда онъ не смотря на свои сѣдины чрезвычайно искусно выпутывался изъ любовныхъ похожденій съ женщинами и изъ враждебныхъ столкновеній съ мужчинами.

Но такъ какъ идеальные герои встрѣчаются только въ романахъ, а рассказъ нашъ не романъ, но быль; то мы обязаны сознаться, что швалье де-Монгла имѣлъ и свои недостатки; между ними главнымъ была смѣшная привычка слишкомъ часто вспоминать о миломъ прошедшемъ времени, казавшемся еще милѣе, когда ему случалось видѣть подвиги новаго, щедушнаго, какъ онъ называлъ, поколѣнія, посягавшаго идти по слѣдамъ знаменитыхъ повѣсь стараго времени. Онъ слишкомъ любилъ рассказывать о завидной роли, которую будто бы игралъ въ то миѣнческое время, когда между дѣйствительной жизнью и сказкой не было почти различія.

Но какъ все на свѣтѣ надобѣдаетъ, такъ и постоянные рассказы стараго швалье, правдивые или ложные, о его похожденіяхъ, наконецъ прискучили шатодѣнскому обществу. Эти рассказы обыкновенно оканчивались слѣдующей фразой:

— «Эфесь моеи шшаги послужилъ ему вмѣсто пластыря».

Фраза эта была причиной того, что въ обществѣ его называли въ глаза кавалеръ де-Монгла, а за-очно величали кавалеръ пластыря.

При всемъ томъ потребность въ шумной и бурной жизни, пробудившаяся въ немъ съ-тѣхъ-поръ, какъ маркизь д'Эскоманъ первый подалъ тому примѣръ, и въ-особенности страсть къ игрѣ, увлекли стараго швалье слишкомъ далеко.

Онъ былъ бѣденъ, и тѣмъ сильнѣе чувствовалъ свою бѣдность, чѣмъ дальше шелъ по пути разгула и мотовства.

Наконецъ, онъ пришелъ въ такое положеніе, что вынужденъ былъ занимать деньги у кого ни попало, разумѣется, безъ отдачи, и сталъ несостоятельнымъ плательщикомъ карточныхъ дол-

говъ; все это роняло его въ глазахъ молодыхъ людей, хотя въ нравственномъ отношеніи они ни сколько не были выше его.

Подобное положеніе де-Монгла оскорбляло его искреннихъ друзей; но въ его ошибкахъ, къ которымъ подавали поводъ его привычки и запальчивость, было столько добродушія, что смѣясь надъ его выходками, никто и не думалъ негодовать на поведеніе стараго повѣсы.

Мы ужъ сказали, что онъ обернулся, услыхавъ трескъ дощечки, растоптанной Лудовикомъ де-Фонтанье.

По блѣдности лица и взволнованному виду молодого человѣка, швалье де-Монгла тотчасъ догадался, въ чемъ дѣло. Въ головѣ его мелькнула мысль, что это обстоятельство предоставляетъ ему удобный случай восстановить свое значеніе въ дружескомъ кружкѣ, который сталъ уже насмѣхаться надъ его непомѣрной болтливостью и безпрестанными разсказами о романтическихъ подвигахъ въ молодости. «Дуэль въ такихъ преклонныхъ лѣтахъ, подумалъ швалье, надѣляетъ много шуму и заставить общество снова обратить на меня вниманіе.»

— *Par Dieu*, милостивый государь! вы заставляете меня чрезвычайно жалѣть, что мы только-что отпустили своихъ лакеевъ, вскричалъ швалье де-Монгла, покачиваясь съ тѣмъ нахальнымъ видомъ, который исключительно принадлежалъ дворянамъ прошлаго столѣтія.

При этихъ словахъ Лудовикъ де-Фонтанье почувствовалъ, какъ будто скорпіонъ или пчела вонзили въ него свое жало.

— А почему такъ, милостивый государь? спросилъ онъ съ гордостью.

— А потому, милостивый государь, что теперъ нѣкому попросить одного безумца умѣрить свой гнѣвъ дома или въ префектурѣ.

— Напрасно вы сожалѣете о нихъ, возразилъ Лудовикъ де-Фонтанье, забывъ въ азартѣ всякое чувство приличія; Вы сами какъ нельзя больше способны исполнить ихъ обязанность.

— О-о! вскричалъ швалье де-Монгла, припрыгнувъ какъ будто-бы онъ получилъ пощечину. Знаете ли вы, милостивый государь, цѣну этого грубаго оскорбленія.

— Понимайте, какъ хотите, вы лучше чѣмъ кто-нибудь въ состояніи рѣшить это.

— Итакъ.... началъ было швалье де-Монгла, но тутъ, забывъ всю важность полученнаго имъ оскорбленія, онъ увлекся по обыкновенію своимъ конькомъ и заболтался:—Нужно вамъ ска-

зять, что однажды Англичанинъ — капитанъ Джервиль — нанесъ мнѣ оскорбленіе, гораздо мѣньшее, чѣмъ вы, но я все-таки дрался съ нимъ и выказалъ себя превосходнѣйшимъ дуэлистомъ. Въ то самое время, какъ онъ готовился нанести мнѣ ударъ, я подался назадъ и, отпарировавъ, такъ глубоко всадилъ въ него...

— Что ефесь вашей шпаги послужилъ для него пластыремъ. Намъ это давно уже пзвѣстно, monsieur швалье, и хотя я здѣсь не больше недѣли, но уже въ состояніи также хорошо, какъ и вы, досказывать всѣ ваши розказни.

— Розказни, вскричалъ швалье, розказни! О, за это словечко я готовъ положить тысячу человекъ!

И дѣйствительно, при такомъ новомъ доказательствѣ всеобщей недовѣрчивости къ его розказамъ, де-Монгла пзъ притворнаго гнѣва перешелъ въ совершенное бѣшенство.

— И я надѣюсь, продолжалъ онъ, что вы не откажете мнѣ въ удовольствованіи.

— Готовъ, милостивый государь; но прежде всего мнѣ хотѣлось бы разсчитаться съ нахалами, укравшими случай меня унижить, — съ нахалами, скрывавшими подъ привѣтливой личиной благосклонности, самую вѣроломную пзмѣну.

Во время спора къ нимъ подошелъ маркизь д'Эскоманъ.

— Позвольте спросить, милостивый государь, на что вы жалуетесь? спросилъ онъ хладнокровно.

— Я жалуюсь на то, милостивый государь, что нѣкоторые особы осмѣлились требовать моего исключенія изъ среды здѣшняго общества, въ которомъ я имѣю полное право занимать не послѣднее мѣсто по моему рожденію и общественнымъ связямъ. Я обвиняю этихъ людей въ низости за то, что они задумали тайно оскорбить меня, не смѣя нанести мнѣ оскорбленія явно.

— Никто не отвергаетъ древности вашего рода, милостивый государь, отвѣчалъ проницательно маркизь д'Эскоманъ: — каждый знаетъ, что фамилія де-Фонтанъ одна изъ самыхъ почетныхъ въ Нормандіи; но какъ бы ни было знаменито ваше происхожденіе, все-таки оно не даетъ вамъ права на доступъ въ кружокъ тѣхъ людей, которые считаютъ вѣрность одною изъ первыхъ доблестей дворянства.

Не смотря на всю свою неопытность и ожесточеніе, Людовика де-Фонтанъ понялъ однакожь, что ему трудно было бы защищать законность своихъ дѣйствій; онъ понялъ, что денежный вопросъ, связанный съ пропитаніемъ его семейства, будетъ смѣ-

шенъ передъ рыцарскими фразами, которыя маркизь д'Эскоманъ высказывагь съ гордостію и простосердечіемъ феодальнаго донъ-Кихота.

Но гнѣвъ Лудовика де-Фонтанье былъ такъ силенъ, что, объжавъ одинъ промахъ, онъ тотчасъ же впагь въ другой.

— А! еслбъ я зналъ, кто эти низкіе клеветники, отвѣчалъ онъ, — то доказалъ бы имъ, что шпага, завѣщанная мнѣ отцомъ и еще покрытая свѣжей кровью враговъ, досталась въ руки, умбющія честно владѣть ею.

— Берегитесь, милостивый государь! насмѣшливо возразилъ маркизь д'Эскоманъ: — вы, конечно, не забыли, что служите въ префектурѣ королю — мѣщанину, который вовсе не раздѣляетъ рыцарскихъ убѣжденій. Но это до меня не касается. Ближе къ дѣлу: вамъ угодно знать кто именно подалъ мнѣніе, что г. секретарь субъ-префекта вовсе не на мѣстѣ, являясь въ наши салоны?

— Назовите его! воскликнулъ Лудовикъ де-Фонтанье, не понавъ, что скрывалось подъ холоднымъ и равнодушнымъ видомъ маркиза д'Эскоманъ. — Назовите его, милостивый государь, и вы приобрѣтете право на полную мою благодарность и дружбу.

— И то и другое для меня такъ драгоценно, что я не могу не исполнить вашей просьбы.

Лудовикъ де-Фонтанье сдѣлалъ движеніе, выразившее вѣщайшее нетерпѣніе.

— Итакъ—это я милостивый государь! сказалъ маркизь съ самымъ невозмутимымъ спокойствіемъ; огненный и строгій взглядъ его ясно доказывалъ, что онъ не только не отступалъ передъ думлюю, а напротивъ на нее напрашивался.

Лудовикъ де-Фонтанье сдѣлалъ такую наивную мину удивленія, что Жоржъ де-Гискаръ никакъ не могъ удержаться отъ взрыва смѣха, а за нимъ расхохотался и швалье де-Монгла.

Общій смѣхъ убѣдилъ де-Фонтанье въ неловкости его объясненія, и молодой человекъ сдѣлался немного хладнокровнѣе.

— Ваше оружіе, часъ и мѣсто! отрывисто проговорилъ онъ, обращаясь къ маркизу д'Эскоманъ.

— Потинше, потинше, милостивый государь! вы слишкомъ скоры; повсему видно, что вы новичекъ въ подобныхъ дѣлахъ. Все это рѣшатъ наши секунданты. Потомъ отступивъ назадъ, чтобы выставить впередъ Жоржа де-Гискара и швалье де-Монгла, маркизь прибавилъ: — вотъ мои секунданты.

Жоржъ де-Гискаръ молча поклонился, но швалье де-Монгла

приблизился съ видомъ просителя къ маркизу д'Эскоману и сказалъ:

— Извините меня, извините, любезнѣйшій маркизъ! но у насъ съ господиномъ секретаремъ завязалось дѣльцо десятью минутами прежде вашего.

— Довольно, monsieur де-Монгла, довольно! небрежно отвѣчалъ маркизъ д'Эскоманъ — я буду имѣть съ господиномъ де-Фонтанье серьезное дѣло;—я въ томъ увѣренъ. Ваши шутки теперь неумѣстны: довольно съ васъ, если вы, въ ожиданіи удобнѣйшаго случая, по старому будете поражать враговъ вашихъ на словахъ.

Такой новый намекъ на недовѣрчивость къ рассказамъ швалье де-Монгла, окончательно вывелъ старика изъ себя.

— А! когда такъ, маркизъ! вскричалъ онъ:—такъ чортъ побери! чтожь?—я вамъ докажу, что проколловъ нѣсколько человѣкъ, моя шпага еще не притупилась. И я постою за мое первенство.

— Знаешь ли что, д'Эскоманъ, сказалъ де-Гискаръ:—предложи-ка ты ему поставить на карту его первенство противъ двадцати лундоровъ и повѣрь, что тогда упорство де-Монгла растопится какъ воскъ. Мы вѣдь знаемъ такого рода упрямства.

— Я вовсе не хочу брать на себя такого труда. Я напомию только швалье де-Монгла, что онъ столько же занялъ у меня денегъ, сколько я проигралъ мнѣ — сумму довольно порядочную. Она обезпечивается единственно его личностью и съ его стороны было бы слишкомъ не деликатно рисковать моимъ залогомъ.

Хотя все это говорилось въ шуточномъ тонѣ, но де-Монгла видимо былъ оскорбленъ, тѣмъ болѣе, что разговоръ происходилъ въ его присутствіи.

Лудовикъ де-Фонтанье дрожалъ отъ радости, чувствуя себя вовсе не способнымъ высказать даже врагу своему то, что такъ безцеремонно говорили д'Эскоманъ и де-Гискаръ прямо въ глаза своему пріятелю.

— Милостивый государь, сказалъ Лудовикъ, подходя къ швалье де-Монгла: — если я могу быть вамъ полезенъ, предложивъ на нѣсколько дней мой кошелекъ, къ несчастію довольно тощій, то вы можете имъ располагать.

Швалье де-Монгла безцеремонно взялъ бумажникъ, поданный ему Лудовикомъ де-Фонтанье, и поблагодарилъ его только взглядомъ; — до того дворянскія его понятія находили обыкновеннымъ поступокъ молодаго человѣка. Швалье спокойно от-

крыль бумажникъ; тамъ лежало два банковыхъ билета: одинъ въ тысячу — другой въ пять сотъ франковъ и нѣсколько лундоровъ. Вынувъ билетъ въ тысячу франковъ и четыре лундора, онъ отдалъ ихъ де-Гискару, а бумажникъ съ остальными деньгами положилъ себѣ въ карманъ.

— Сначала мы покончимъ наши счета, сказалъ онъ де-Гискару, подавая ему деньги.

— Съ большимъ удовольствіемъ, отвѣчалъ тотъ, принимая ихъ: — и если вы, швалье, будете также исправны со всѣми вашими кредиторами, какъ со мной, то вы этимъ много выиграете.

— Я долженъ вамъ тысячу восемьдесятъ франковъ; теперь вы ихъ получили, — неправда ли?

— Разумѣется, отвѣчалъ Жоржъ де-Гискаръ.

— Но, въ такомъ случаѣ за мною еще остается въ долгу хорошій ударъ шпаги и—завтра вы его получите.

— Право? иронически спросилъ Жоржъ де-Гискаръ.

— Будьте увѣрены: съ этой минуты я буду точенъ какъ часы, чтобъ только доставить вамъ удовольствіе.

— Я получилъ отъ васъ деньги въ уплату вашего долга; что же касается до удара вашей шпаги, то позвольте увѣрить васъ, что я не останусь въ долгу и расплачусь съ вами сполна.

Затѣмъ маркизъ д'Эскоманъ и Жоржъ де-Гискаръ молча раскланялись и вышли изъ зала.

Когда швалье де-Монгла и Лудовикъ де-Фонтанье остались одни, то первый, подойдя къ послѣднему, протянулъ ему руку и сказалъ:

— Ну, молодой человѣкъ, теперь мы одни: неуждно ли вамъ извиниться передъ мной?

— Извиниться! вскричалъ Лудовикъ де-Фонтанье съ негодованіемъ: — извиниться!... никогда!

— Чертъ возьми! Правду-жъ говорятъ, что нѣтъ въ мірѣ совершенства, вскричалъ швалье де-Монгла, встряхнувъ головой: — Вы только-что поступили, какъ благородный человѣкъ, и нужно же вамъ было испортить теперь вашъ прекрасный поступокъ!.. Я занялъ у васъ деньги — и не могу уже обнажить моей шпаги противъ васъ, а вы, между-тѣмъ, заставляете меня же бѣдняка говорить вамъ о моемъ сожалѣніи и другихъ подобныхъ пошлостяхъ, которыя было бы гораздо приличнѣе сказать вамъ, а съ моей стороны они вовсе неумѣстны. Гм! Неужели революція испортила и васъ!

— Вы не поняли меня, отвѣчалъ Лудовикъ де-Фонтанье: — если я рѣшился быть вашимъ кредиторомъ, такъ это единственно потому, чтобы какой-нибудь ничтожный денежный расчетъ, поднятый маркизомъ д'Эскаманомъ, не помѣшалъ нашей дуэли.

— А если я рѣшился быть вашимъ должникомъ, милостивый государь, отвѣчалъ швалье де-Монгла: — то потому только, что не желалъ болѣе считать васъ личнымъ моимъ врагомъ. Было время, когда ваша услуга не измѣнила бы нашихъ взаимныхъ отношеній. Да, чертъ возми! въ то время дворянинъ и не подумалъ бы справляться съ положеніемъ своего кошелька, прежде чѣмъ стать лицомъ къ лицу съ своимъ товарищемъ. Но нынче не то.... совершенно все измѣнилось!.. И теперь, если бы мнѣ случилось васъ убить на дуэли, то навѣрно ужь сказали бы, что я васъ просто-на-просто зарѣзалъ, не желая платить долгъ.— Оставайтесь же, молодой человекъ при первомъ движеніи вашей благородной души, — преклонитесь предъ сѣдинами вовсе нестыдно... А я вѣдь сѣдъ, чертъ возми! и мнѣ не разъ уже приходилось въ этомъ сознаваться.

Въ обществѣ слабыя стороны людей также скоро узнаются, какъ ихъ имена; полагаясь на слухи, Лудовикъ де-Фонтанье считалъ швалье де-Монгла человекомъ осмѣяннымъ за его хвастовство и ничтожнымъ по его порокамъ. Но жалкое положеніе этого старика, открывшееся теперь глазамъ Лудовика де-Фонтанье, возбудило въ немъ сожалѣніе къ несчастному старику и полное презрѣніе къ тѣмъ, которые такъ безощадно издѣвались надъ его несчастіемъ. Прямая, откровенная рѣчь, открытое лицо швалье де-Монгла вдругъ обратили состраданіе Лудовика въ симпатію. Онъ взялъ руку, протянутую ему старикомъ, и отъ души высказалъ искреннее сожалѣніе, что не оказалъ должнаго почтенія къ его лѣтамъ.

— Такъ, это такъ, бормоталъ швалье де-Монгла: — я понимаю, что мнѣ не слѣдуетъ быть очень взыскательнымъ. Завтра, а можетъ быть черезъ нѣсколько дней, наши отношенія измѣнятся. И, Боже мой! очень можетъ статься, что мы будемъ друзьями; но до-тѣхъ-поръ, пока моя благодарность и ваше уваженіе дадутъ мнѣ на то право, — располагайте мною: если я могу быть чѣмъ-нибудь вамъ полезенъ, то просто приказывайте. Мнѣ помнится, что я былъ зачинщикомъ всѣхъ этихъ неприятностей — я виноватъ и мнѣ хотѣлось бы загладить мою вину какой-нибудь услугой.

— Благодарю васъ за такое желаніе, и чтобы доказать

вамъ какъ я цѣню его — сейчасъ же имъ воспользуюсь... Растолкуйте мнѣ, пожалуйста, за что маркизь д'Эскоманъ такъ сильно меня ненавидитъ?... Нельзя же предположить, что бы поводомъ такой ненависти послужило только несходство нашихъ политическихъ мнѣній?

Швалье де-Монгла лукаво улынулся.

— А знаете ли вы любовницу маркиза? спросилъ онъ Людовика де-Фонтанье.

— Нѣтъ, не знаю.

— Маргариту Жели?

— Даже никогда не слыхалъ такой фамилии.

— Тѣмъ хуже для васъ, молодой человекъ.

— Почему такъ?

— А потому, что если не лишне знать любовницъ нашихъ друзей, то тѣмъ болѣе необходимо знать любовницъ нашихъ враговъ.

— Но къ чему ведетъ ваша рѣчь?

— А вотъ вы сейчасъ узнаете. Маркизь д'Эскоманъ не отказался бы отъ удовольствія пронзить васъ насквозь своею шпагою, потому что вы, хотя и неумышленно, но сильно задѣли его самолюбіе. Вотъ уже съ недѣлю какъ его любовница, Маргарита Жели, надѣдаетъ ему безпрестанными похвалами вашей наружности. Вы, какъ кажется, сплѣно еѣ понравились.

Такое открытіе озадачило Людовика де-Фонтанье, представивъ ему совершенно въ пномъ свѣтѣ всѣ утреннія непріятности, и онъ задумался.

— Еще одну услугу, швалье, сказалъ онъ, помолчавъ съ минуту:— Чтò она—въ самомъ дѣлѣ очень хороша... какъ ея? Маргарита Жели...

— Гм! значительно произнесъ швалье де-Монгла. Хороша ли? — это дѣло вкуса!.. Но красавица ли она или безобразна — я во всякомъ случаѣ отвѣчаю за одно....

— За что?

— Да за то, что на вашемъ мѣстѣ и въ ваши лѣта я въ одни сутки довелъ бы до страшнаго бѣшенства маркиза д'Эскомана, но только не однимъ нелѣпнымъ подозрѣніемъ, а дѣйствительнымъ успѣхомъ. Дѣло, дѣло! прибавилъ швалье, какъ будто разсуждая самъ-съ-собою: — Вотъ ты опять старій хрычъ

сдѣлался наставникомъ молодежи, а кажется, да еще недавно, подь клятвой отречея отъ сатаны, отъ его соблазнительныхъ жертвъ и искушеній.

Туть швалье де-Монгла ловко повернулся на каблучкахъ съ тою граціей, тайна которой была извѣстна только свѣтскимъ людямъ восемнадцатаго столѣтія, и вышелъ изъ зала, легко ступая и прицѣпывая пальцами.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

НАКАНУНЪ Поединка.

Людвигъ де-Фонтанье вернулся въ префектуру. Онъ шелъ туда не торопясь, и потому о такомъ важномъ происшествіи, какъ дуэль его, слухъ быстро распространился по городу и достигъ префектуры еще прежде прихода молодаго человѣка, благодаря услужливости многочисленныхъ и слишкомъ предупредительныхъ вѣстовщиковъ, въ маленькихъ городкахъ.

Вотъ почему господинъ де-Морой съ нетерпѣніемъ ожидалъ въ префектурѣ своего двоюроднаго брата. Онъ вызвался съ однимъ изъ своихъ хорошихъ знакомыхъ повидаться съ секундантами маркиза д'Эскомана и переговорить съ ними объ условіяхъ поединка.

Такимъ образомъ, устранивъ отъ себя всѣ хлопоты по дуэли, Людвигъ де-Фонтанье остался одинъ съ своими заботами, — а ихъ было у него не мало.

Не подумайте, читатель, чтобы нашъ герой былъ отъ природы лишень мужества — совсѣмъ нѣтъ! но согласитесь, что какъ бы храбры мы ни были, простительно почувствовать какое-то невольное безпокойство наканунѣ первой дуэли; — кто не смутится передъ мыслью: сегодня жить, а завтра мертвъ!

Чтобы нѣсколько разсѣять грусть свою, Людвигъ де-Фонтанье вышелъ изъ дому и безъ всякой цѣли пошелъ все прямо и прямо; мало-по-малу, онъ дошелъ наконецъ до рѣки Луары.

Такъ продолжая свою прогулку по берегу, вдоль канавы, за которою тянулось сплошная стѣна тополей, отдѣлявшихъ дорогу отъ рѣки, Людвигъ мечталъ о всемъ томъ, о чемъ обыкновенно мечтаютъ въ подобныя минуты жизни. Онъ мечталъ о своей родинѣ, о своихъ друзьяхъ и, въ-особенности, о своей престарѣлой матери, которая, вѣроятно, въ это самое время была далека отъ мысли, — какая опасность угрожаетъ ей любимому сыну. Минутами самыя мечты его покидали, и тогда подъ вліяніемъ зло-

вѣщихъ предчувствій, волновавшихъ его кровь душа Лудовика замирала, оставляя его, такъ-сказать, въ совершенномъ безсознаніи на рубежѣ между жизнью и смертью.

Алея тополей тянулась далеко за городъ и скорѣе походила на большую дорогу, чѣмъ на загородное гульбище. Мѣсто было уединенное и пустынное, а вечерній сумракъ, набрасывая тѣни на окрестности, еще болѣе придавалъ этой мѣстности грустный видъ, вполне соотвѣтствовавшій печальному настроенію души Лудовика. Среди всеобщей тишины вдругъ послышался по дорогѣ лошадиный топотъ; Лудовикъ, желавшій, чѣмъ бы то ни было, развлечь свои черныя думы, просунулъ голову между тополями, чтобы посмотрѣть на всадника, и въ ту же минуту узналъ и всадника и лошадь.

Всадникъ былъ маркизъ д'Эскманъ, а лошадь — та самая знаменитость, которою онъ хвастался по утру, показывая Жоржу де-Гискару.

При видѣ противника, Лудовикъ тяжело вздохнулъ. Онъ не имѣлъ причины такъ сильно ненавидѣть маркиза, чтобы встрѣча съ нимъ могла заглушить въ молодомъ человѣкѣ всѣ другія человѣческія чувства. — Лудовикъ де-Фонтанъ уже намѣревался идти далѣе, какъ вдругъ услышалъ, что маркизъ остановилъ лошадь.

Въ то самое время, когда маркизъ, обогнавъ его, исчезъ на поворотѣ алеи, Лудовику послышалось нѣсколько голосовъ, изъ которыхъ одинъ нѣжный и музыкальный, повидному принадлежалъ молодой женщинѣ.

Если бы Лудовикъ де-Фонтанъ продолжалъ свой путь, то неминуемо долженъ былъ бы пройти мимо всадника, что, разумѣется, не совсѣмъ было приятно для нашего героя; возвратиться же въ такую минуту оскорбляло его самолюбіе. А потому, чтобы не пойти ни впередъ, ни назадъ, онъ спустился по склону берега къ рѣкѣ и тамъ прижался къ ея крутизнамъ. Когда онъ спускался, сухіе листья и валежникъ хрустѣли подъ его ногами и тѣмъ нѣсколько заглушили разговоръ маркиза, но какъ только Лудовикъ остановился, то ему ничто не мѣшало ясно разслышать голоса говорившихъ, и онъ удостовѣрился тогда, что прежде слышанный имъ нѣжный голосъ дѣйствительно принадлежалъ женщинѣ.

Демонъ любопытства подстрекнулъ его, и вотъ Лудовикъ опить вскарабкался вверхъ уже по самой отлогости берега и, расположившись на ней, такъ-что глаза его прилились въ уро-

вень съ дорогой, онъ увидѣлъ пзъ-за сѣрыхъ стволовъ деревьевъ двухъ женщинъ, стоявшихъ на дорогѣ.

Одна изъ нихъ, пожилыхъ лѣтъ, стояла немного по-одалу; другая же, положивъ руку на лошадь маркиза д'Эскоманъ и играл шелковистою ея гривой, дружески съ нимъ разговаривала. Она была молода и прелестна.

Герой нашъ ни сколько не усумнился, что дама, говорившая съ маркизомъ, была никто пная какъ Маргарита Жели, которой, по словамъ швалье де-Монгла, онъ такъ сильно нравился, и что такъ польстило его самолюбію. Но онъ еще болѣе убѣдился въ своемъ предположеніи, когда маркизъ д'Эскоманъ нагнулся къ ней съ сѣдла, пожалъ ей руку и, поцѣловавъ въ лобъ, вмѣсто прощальныхъ словъ, сказалъ ей фамильярно: «до вечера.»

Такое обращеніе и слова маркиза привели Лудовика де-Фонтанье въ бѣшенство; онъ прежде вовсе не чувствовалъ къ маркизу ненависти, но въ эту минуту ревность открыла этому чувству дорогу въ сердце молодого человѣка.

Впрочемъ, не думайте, чтобъ Лудовикъ ревновалъ вольность обращенія маркиза д'Эскоманъ съ Маргаритой Жели,—нисколько; бѣдный юноша ревновалъ или, лучше сказать, завидывалъ тому преимуществу маркиза надъ собою, что онъ въ грустныхъ минуты жизни могъ найдти себѣ утѣшеніе въ любви, тогда какъ Лудовикъ не имѣлъ его.

Такое одиночество показалось молодому человѣку страшною несправедливостью судьбы и заставило его припомнить совѣтъ, данный ему по утру швалье де-Монгла.

Де-Фонтанье былъ совершенный новичекъ какъ въ любовныхъ интригахъ, такъ и въ поединкахъ: онъ зналъ то и другое только по теоріи; но если у него не хватало опытности, приобретаемой практикою, то онъ могъ замѣнить, при случаѣ, этотъ недостатокъ твердостью своей воли.

Ожиданіе близкой дуэли такъ раздражило всѣ его чувства, что онъ готовъ былъ въ эту минуту на самый рѣшительный поступокъ.

Молодая дама, возвращаясь въ городъ, должна была непременно пройти близъ него. Онъ остался дожидать ее возлѣ дороги, совершенно не сознавая для чего онъ это дѣлаетъ, но съ полною рѣшимостью на всякое безразсудство, если обстоятельства того потребуютъ.

Темнота наступившей ночи придавала Лудовику де-Фонтанье еще болѣе смѣлости; однакожь, когда дама, которую онъ принималъ за Маргариту Жели, приблизилась къ нему на нѣсколько шаговъ; когда онъ услышалъ шелестъ ея шелкового платья, волочившагося по песку, — тогда рѣшительность оставила его, волненіе крови затихло, дыханіе замерло. Но вотъ воображенію его опять представился завтрашній день со всѣми его послѣдствіями: и неизбѣжный клинокъ шпата, и заряженное дуло пистолета; онъ вспомнилъ тогда, что завтра онъ будетъ со всѣмъ въ иномъ положеніи и, не разсуждая долѣе, перепрыгнуть черезъ ровъ, изъ-за деревьевъ, прямо на дорогу такъ стремительно, какъ будто дѣло шло о взятіи приступомъ неприятельскаго редута.

Впродолженіе дня Лудовикъ де-Фонтанье столько перечувствовалъ самыхъ разнородныхъ ощущеній, что они не могли не отразиться на его лицѣ, которое вѣроятно было очень страшно, вслѣдствіе внутреннихъ волненій, потому что молодая дама, увидѣвъ его, съ ужасомъ закричала.

Спутница ея, старѣе годами и, повидимому, гораздо опытнѣе, тотчасъ бросилась между Лудовикомъ и ею и храбро представила конецъ своего зонтика къ груди нападающаго, который впрочемъ, и не думалъ напирать впередъ.

Не смотря на тѣ незавидныя качества, которыми швалье де-Монгла такъ щедро надѣлилъ Маргариту Жели, — красота, благородство и изящество манеръ молодой женщины поразили Лудовика де-Фонтанье: по его мнѣнію все то, что онъ замѣтилъ въ ней, слишкомъ рѣзко противорѣчило ея общественному положенію, болѣе чѣмъ двусмысленному.

Молодой человѣкъ почувствовалъ, что ему гораздо легче имѣть дѣло съ маркизомъ д'Эскоманъ, нежели съ ея чудными голубыми глазками, смотрѣвшими на него съ такимъ страхомъ, что даже ея прелестныя поблѣднѣвшія губки дрожали отъ ужаса. Тутъ самоувѣренность его оставила, и Лудовикъ уже готовъ былъ обратиться въ бѣгство, тѣмъ болѣе постыдное, чѣмъ стремительнѣе было его побѣдоносное наступленіе; но пожилая дама не дала ему на то времени.

Въ ночной темнотѣ она не примѣтила смущенія Лудовика и, обводя вокругъ себя глазами въ надеждѣ на чью-нибудь постороннюю помощь, не оставляла своего оборонительнаго положенія и не выпускала изъ рукъ своего оружія.

— Послушай, побезнѣйшій! вскричала пожилая дама, при-

нявъ молодого человѣка за вора: — намъ стоитъ только понять другъ-друга и дѣло будетъ покончено. Если ты не сдѣлаешь намъ никакого вреда, то госпожа моя отдастъ тебѣ свой кошелекъ, въ который я положила, выходя изъ дому, луддоръ—вотъ все чтò мы имѣемъ при себѣ. Не сомнѣвайся, дружокъ—это также вѣрно какъ и то, что Сусанна Моле честная женщина. Согласись, что никому не придетъ въ голову взять съ собою на прогулку сотни или тысячи франковъ; а между тѣмъ луддоръ—деньги порядочныя и на него ты можешь прожить нѣсколько дней. Вѣдь я увѣрена, что только крайняя нужда принудила тебя къ подобному поступку.

Тутъ храбрая Сусанна, не оставивъ своей оборонительной позы и не дожидаясь отвѣта Лудовика, придвинулась къ госпожѣ и, другой незанятой зонтикомъ рукою, вынула изъ ея кармана зеленый шелковый кошелекъ, сквозь петли котораго блестѣла золотая монета.

Сусанна Моле бросила кошелекъ къ ногамъ молодого человѣка.

Ошибка Сусанны окончательно смутила Лудовика де-Фонтанье; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, видя, что его принимаютъ за вора, онъ вдругъ сдѣлался такъ дерзокъ, что, безъ сомнѣнія, при другихъ обстоятельствахъ у него не достало бы на то присутствія духа.

— Вы ошибаетесь въ моихъ намѣреніяхъ, моя милая, скажаль онъ, подымая кошелекъ: — я хочу со всѣмъ не денежнаго выкупа.

— Боже милосердый! вскричала Сусанна: — но чего же вы хотите!

— И ничего и очень много, и милостыню и сокровище: словомъ; — единственная простой поцѣлуй вашей спутницы; скажаль Лудовикъ де-Фонтанье, стараясь придать своему голосу какъ можно болѣе непринужденности и вѣжливости.

До-сихъ-поръ маркиза д'Эскманъ, — молодая дама, которую Лудовикъ принялъ за Маргариту Желп, по безцеремонному съ нею обращенію маркиза, — играла совершенно пассивную роль во всей этой сценѣ, хотя она совсѣмъ не такъ грубо ошиблась, какъ ея кормилица, въ намѣреніяхъ человѣка, который съ такою наглостію загородилъ имъ дорогу. Но при всемъ томъ, она не мало испугалась, находясь въ глухомъ мѣстѣ, ночью, почти за четверть мили отъ города и во власти незнакомаго ей человѣка,

Замѣченное маркизою д'Эскоманъ волненіе въ голосъ Лудовика, еще непривыкшаго къ притворству, возвратило ей нѣсколько бодрости; а при послѣднихъ словахъ его, чувство оскорбленнаго достоинства совершенно оправило ея силы. Отсторонивъ не много Сусанну, она приблизилась къ Лудовику, а тотъ обманутый ея движеніемъ, подавалъ ей кошелекъ, протянувъ руки, чтобы получить условленный выкупъ отъ Маргариты Жели.

— Извините, милостивый государь, холодно сказала маркиза д'Эскоманъ, отталкивая его однимъ движеніемъ руки: — мы все оставимъ такъ, какъ распорядилась уже Сусанна. Повѣрьте, что меня нисколько не огорчитъ тотъ, кто отнимаетъ у меня какую-нибудь бездѣлку, но за то я буду глубоко огорчена, при одномъ воспоминаніи, что человекъ повидимому хорошо воспитанный, осмѣлился оскорбить незнакомую ему женщину.

— Какъ невелико мое желаніе понравиться вамъ, ма сѣге, отвѣчалъ Лудовикъ, не перемѣняя прежняго тона въ своемъ разговорѣ: — но все-таки я не хочу остаться въ глазахъ вашихъ мошенникомъ на большой дорогѣ.

— Вы, очень дурно дѣлаете, милостивый государь, по моему роль мошенника едва ли не лучше той, которую вамъ вздумалось принять на себя, такъ дерзко поступивъ съ нами.

Лудовикъ де-Фонтанье совсѣмъ остоленѣлъ, слушая даму, которую онъ принималъ за Маргариту Жели. Ему казалось не вѣроятнымъ, чтобы шатоде́нская гризетка могла говорить такъ непринужденно, съ такимъ достоинствомъ, полнымъ самоувѣренности и презрѣнія, и наконецъ онъ сталъ беспокоиться, не сдѣлалъ ли какой-нибудь грубой ошибки. Затѣмъ наступило мгновенное молчаніе, продолженіе котораго лицо Лудовика явно выражало замѣшательство.

Эта сцена, таинственная и неприятная для обѣихъ сторонъ, могла бы объясниться однимъ словомъ, еслибъ маркиза или Сусанна сказали о себѣ. Что же касается взволнованнаго де-Фонтанье, то онъ легко могъ бы сообразить, что д'Эскоманъ, не оставивъ свою любовницу одинокой на дорогѣ и за городомъ, и что онъ способенъ былъ сдѣлать съ своей женой. Къ сожалѣнію, Лудовику не доставало на-столько опытности и дальновидности, чтобы разрѣшить вопросъ безъ особеннаго затрудненія.

Вынувъ изъ кошелька луддоръ, Лудовикъ де-Фонтанье одной рукою подалъ его маркизѣ, а другою прижалъ кошелекъ къ своему сердцу.

— Нѣтъ, милостивый государь! сказала маркиза, склонивъ голову: — я не приму одного безъ другаго.

Лудовикъ де-Фонтанье съ досадою махнулъ рукою и проговорилъ:

— Вотъ это-то несогласіе и поведетъ насъ далеко; но такъ какъ теперь ночь и съ каждой минутой становится темнѣе, то вѣроятно вы позволите мнѣ проводить васъ до городскихъ воротъ; въ это время мы успѣемъ переговорить обо всемъ.

— Извините, милостивый государь, отвѣчала маркиза: — мы и такъ уже ограблены, а потому намъ нечего бояться дурной встрѣчи. Прошу васъ, оставьте у себя кошелечекъ вмѣстѣ съ луидоромъ и позвольте намъ спокойно продолжать свой путь.

— Въ самомъ дѣлѣ? иронически спросилъ де-Фонтанье, уязвленный такимъ неожиданнымъ равнодушіемъ мнимой Маргариты Жели. Напротивъ, а меня такъ обнадежили, что вы встрѣтитесь со мной не совсѣмъ холодно.

— Нельзя ли узнать, кто былъ такъ добръ, что рѣшился отвѣчать за мои чувства?

— Человѣкъ, знающій какъ нельзя лучше положеніе, въ которое вы поставлены маркизомъ д'Эскоманъ.

— Вы знаете маркиза д'Эскоманъ и то положеніе, въ которое онъ меня поставилъ? — вскричала удивленная Эмма.

— Часъ-отъ-часу не легче! вскричала въ свою очередь Сусанна: — *Положеніе, въ которое, онъ ее поставилъ?* — Да, это ясно... Весь Шатодёнъ знаетъ его поведеніе относительно васъ. Почему знать, можетъ быть маркизь съ умысломъ самъ поставилъ намъ такую западню.

— Мое имя Лудовикъ де-Фонтанье, прервалъ молодой человѣкъ, озадаченный удивленіемъ, выказаннымъ при имени маркиза мнимой Маргаритой Жели: — и ничего нѣтъ удивительнаго, что я знакомъ съ человѣкомъ одного со мной круга.

— Милостивый государь, строго сказала Эмма: — До сихъ поръ поступокъ вашъ я приписывала вѣтренности; послѣ же того, что я услышала отъ васъ — онъ уже принимаетъ видъ дурнаго намѣренія. Но вы такъ еще молоды, и вѣроятно все дурное еще не успѣло заглушить въ васъ чувство чести?.. Поймите, что наше импровизированное знакомство вовсе не обязываетъ меня входить съ вами въ близкія отношенія. Умоляю васъ, не продолжайте этой грустной сцены: вѣдь вамъ неизвѣстно, съ кѣмъ вы говорите, и потому вы не можете понять на сколько

ваши послѣднія слова возмутили мое сердце и, безъ того испытаннее много страданій.

Голосъ маркизы д'Эскоманъ былъ взволнованъ и дрожалъ, прерываясь отъ усилій сдержать рыданія, тѣснившія, ея грудь. При видѣ такого искренняго огорченія Лудовикъ де-Фонтанъ почувствовалъ живое раскаяніе, скорѣе походившее на утрызненіе совѣсти.

— Простите меня, сказалъ онъ, — я васъ глубоко оскорбилъ. Я ошибся въ вашемъ характерѣ и репутаціи, которою васъ надѣлили въ городѣ; но я виноватъ еще болѣе потому, что могу только представить вамъ весьма жалкое извиненіе — что я также тоскую и страдаю.

— Какъ и вы, вы тоскуете и страдаете! сказала маркиза не безъ ироніи.

— Тутъ, кажется, ничего нѣтъ удивительнаго, отвѣчала Лудовикъ де-Фонтанъ.

— Но для меня удивительно! Я не вѣрю страданіямъ людей, у которыхъ впереди много надеждъ; а вы, мнѣ кажется, еще слишкомъ молоды, чтобы ихъ совсѣмъ утратить.

— Такъ вы не вѣрите моимъ словамъ?

— Да что вамъ за дѣло — вѣрю ли я или не вѣрю? Вы мнѣ стали извѣстны только по одному, довольно грубому поступку. Мнѣ нѣтъ никакой надобности знать, что происходитъ въ вашемъ сердцѣ, — я только требую, чтобъ вы дали намъ дорогу.

— Умоляю васъ не оставляйте такъ меня! — это унижитъ меня въ моемъ собственномъ мнѣніи. Я нахожусь теперь въ такомъ положеніи, когда душа нуждается въ прощеніи... Еще одно слово и повѣрте, что моя откровенность сдѣлаетъ меня достойнымъ вашего участія. Я все расскажу вамъ въ двухъ словахъ; хотя и рискую сдѣлаться въ глазахъ вашихъ смѣшнымъ, — но пусть я буду смѣшенъ, но не ненавистенъ. Вы видите — я не оправдываюсь болѣе... Можетъ быть вамъ уже извѣстно — я завтра дерусь на дуэли!.. Объ этомъ знаетъ весь Шатодевъ, потому что нѣтъ ни одного самаго ничтожнаго произшествія, которое бы не разнеслось мгновенно по городу.

— Я вовсе не слыхала о вашей дуэли, отвѣчала маркиза д'Эскоманъ голосомъ, въ которомъ все еще слышалась иронія: — но все-таки полагаю, что грусть и страданія ваши вовсе не зависятъ отъ предстоящей вамъ битвы.

Лудовикъ де-Фонтанъ, покраснѣвъ, прикусилъ губы.

— Вы правы, сказалъ онъ, — я не боюсь смерти. Но я стою совершенно одинокъ на краю, можетъ быть, уже вырытой для меня могилы; я брожу посреди чужихъ мнѣ людей, какъ въ пустынѣ, и нѣтъ ни одного теплаго сердца, которое бы дружески приняло моп, можетъ быть, послѣднія слова. Я не слышу ни любящаго голоса, который напутствовалъ бы меня въ такую торжественную минуту, ни той задушевной рѣчи, которая такъ необходима наканунѣ смерти. Вы видите, что я еще только начинаю жизнь и, можетъ быть завтра окончу ее съ первымъ ударомъ отъ ненавистнаго мнѣ соперника. Судя по выраженію вашего прекраснаго лица, голоса, по настроенію вашихъ чувствъ, я увѣренъ, что вы не откажете мнѣ въ извиненіи. Оно облегчитъ мою душу и успокоитъ совѣсть; я поступилъ съ вами дерзко, но мое признаніе и раскаяніе имѣютъ право на снисходительность благороднаго характера.

Въ словахъ Лудовика де-Фонтанье выразилось столько трогательной грусти, что она не могла не проникнуть въ душу молодой женщины.

— Послушайте молодой человѣкъ! сказала маркиза. — Не знаю, что заставило васъ рѣшиться на оскорбленіе, сдѣланное мнѣ, — нервная ли раздражительность очень повятная въ вашемъ положеніи, или ошибка подготовленная какой-нибудь интригой, но я понимаю, что вы говорите совершенно искренно, и потому позвольте мнѣ подать вамъ руку въ знакъ полнаго нашего примиренія.

— Наконецъ-то вы видите, что я далеко не такъ виноватъ, какъ сперва вамъ показалось, — воскликнулъ Лудовикъ де-Фонтанье, ставъ на одно колѣно передъ молодой женщиной: — теперь умоляю васъ принять кошелекъ и монету... Еслибъ я и хотѣлъ сохранить ихъ у себя, то развѣ, какъ талисманъ, какъ воспоминаніе о вашемъ прелестномъ образѣ, но не какъ милостыню или добычу, брошенную на дорогѣ встрѣчному негодю.

Маркиза д'Эскоманъ приняла кошелекъ и, перебирая его въ рукахъ, казалось была погружена въ глубокое раздумье.

Въ это самое время по дорогѣ послышался стукъ приближающейся кареты; этотъ шумъ пробудилъ молодую женщину: она прошла мимо Лудовика де-Фонтанье и, поклонясь ему почти дружески, проговорила:

— Не унывайте, молодой человѣкъ; не мнѣ утѣшать васъ; но, если вы вѣруете, что молитва, даже посторонняго вамъ ли-

да, въ состояніи облегчить ваше горе, то вы можете надѣяться на мою теплую молитву.

И маркиза д'Эскоманъ быстро удалилась, съ тѣмъ достоинствомъ, которое отличаетъ благовоспитанныхъ женщинъ.

Лудовикъ де-Фонтанье не сдѣлалъ ни малѣйшаго движенія, чтобы остановить маркизу. Онъ остался на колѣняхъ, провожая глазами удаляющихся отъ него женщинъ, до-тѣхъ-поръ, пока шляты ихъ не исчезли въ темнотѣ; когда же онъ совершенно пропалъ изъ виду, онъ поднялся, но въ это самое время, опершись рукою въ землю, нашелъ кошелекъ, вѣроятно нечаянно оброненный маркизой при быстромъ ея уходѣ.

Первымъ движеніемъ его было поцѣловать кошелекъ вторымъ возвратитъ его, какъ оброненную вещь; но третья мысль совершенно уничтожала обѣ предыдущія, и эта мысль выходила прямо изъ сердца Лудовика, упоеннаго и прелестной наружностью и послѣдними словами молодой женщины. Его сердце шептало ему, чтобы онъ сохранилъ какъ святыню, вещь принадлежащую такому существу, которому въ минуту увлеченія онъ поклялся, самъ не сознавая что дѣлаетъ, посвятить всю свою жизнь.

Въ минуту, когда онъ боролся съ сомнѣніемъ, легкій ударъ по плечу вызвалъ его изъ размышленія.

Лудовикъ де-Фонтанье обернулся и увидѣлъ передъ собою возвратившуюся спутницу маркизы д'Эскоманъ. Онъ тотчасъ же хотѣлъ отдать ей кошелекъ, но она предупредила его.

— Милостивый государь! поспѣшно проговорила Сусанна Моле съ особеннымъ одушевленіемъ. — Я слышала, что вы будете драться и знаю съ кѣмъ. Не щадите его, пожалуйста, молодой человѣкъ, не щадите его!.. И если Богъ избралъ васъ, чтобы быть орудіемъ своей мести или, лучше сказать, своего правосудія, то надѣйтесь, что я буду тогда за васъ, когда вы возвратите моему бѣдному ребенку свободу и счастье, отнятыя у него этимъ ужаснымъ человѣкомъ.

И не ожидая отвѣта отъ Лудовика де-Фонтанье, Сусанна Моле снова исчезла въ темнотѣ.

Какъ не казались загадочными Лудовику послѣднія слова Сусанны, но они убѣдили его, что кошелекъ потерявъ не безъ нахренія.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Дуэль.

Трудно представить то восторженное состояніе, въ которомъ воротился домой .Лудовикъ де-Фонтанье.

Все что онъ слышалъ отъ цвалье де-Монгла на счетъ безумной страсти маркиза д'Эскманъ къ Маргаритѣ Жели стало ему теперь понятнымъ. Только необыкновенная красота ея могла служить оправданіемъ маркизу.

Но мало-по-малу, изъ-за очаровательнаго призрака, оставленнаго въ памяти .Лудовика этимъ чуднымъ видѣніемъ, начала наконецъ проглядывать суровая дѣйствительность.

Завтра онъ дерется съ маркизомъ д'Эскманъ — извѣстнымъ дуэлистомъ и замѣчательнымъ стрѣлкомъ, но для .Лудовика де-Фонтанье эта дуэль была еще первой. Очень можетъ быть, что мое мнѣніе покажется чрезвычайно парадоксомъ, но какъ бы то ни было, а я остаюсь при немъ и утверждаю, что храбрость столько же дѣло искусства, сколько и темперамента. Къ опасностямъ привыкають также какъ и ко всему прочему; сила неприятныхъ ощущеній уменьшается тѣмъ больше, чѣмъ чаще мы испытываемъ ихъ. Кто нѣсколько разъ вышелъ счастливъ изъ опасности, тотъ смотритъ на нее гораздо спокойнѣе, чѣмъ въ первый разъ.

Хотя .Лудовикъ де-Фонтанье былъ еще въ состояніи развлекаться посторонними дѣлами, вслѣдствіе своей слишкомъ раздражительной организаціи, и по временамъ забываетъ предстоящую ему дуэль; при всемъ томъ, время отъ времени, невольно и болѣзненно сжималось его сердце при воспоминаніи грядущаго роковаго событія. Въ-особенности сильно защемило его сердце, когда около десяти часовъ вечера раздался звонокъ и вошедшій слуга проговорилъ: » господинъ де-Морой и господинъ д'Апремонъ!»

Здѣсь не мѣшаетъ припомнить, что г. де-Морой, двоюродный братъ .Лудовика де-Фонтанье, былъ именно тотъ, который ввелъ

его въ шатоде́нское общество и потомъ принялъ на себя обязанность секунданта. Въ настоящую минуту онъ пришелъ къ Лудовику, чтобы разсказать ему о послѣдствіяхъ своихъ переговоровъ съ секундантами маркиза д'Эскоманъ.

Господинъ д'Апремонъ, по дружбѣ къ господину де-Морой, помогаль ему въ этихъ переговорахъ.

Все было устроено скоро и просто. О выборѣ оружія нисколько не спорили; секунданты обѣихъ сторонъ выбрали шпаги. Дуэль они назначили на слѣдующій день, въ семь часовъ утра, въ лѣсу Ландри — маленькой рощѣ, не далеко отъ Шатоде́на.

Передавая всѣ подробности условій, господинъ де-Морой пристально всматривался въ Лудовика де-Фонтанье, стараясь опредѣлить, до какой степени ему можно будетъ разсчитывать въ минуту дуэли на присутствіе брата молодого своего родственника.

Лудовикъ де-Фонтанье выслушалъ всѣ подробности условій, съ лицомъ совершенно спокойнымъ.

— Итакъ, сказалъ де-Морой, вѣдь вы мастерски владѣте шпагой.

— Слишкомъ много, чтобы сказать мастерски, возразилъ Лудовикъ: — завтра мнѣ еще въ первый разъ придется работать ею серьезно; но до-сихъ-поръ я довольно ловко владѣлъ рапирой.

— Дѣйствительно, я вижу на стѣнѣ много рапиръ и масокъ, — проговорилъ г. д'Апремонъ.

— Не разсердитесь, милый кузень, спросилъ г. де-Морой, — если я попрошу васъ показать мнѣ свое искусство?

— Нисколько, отвѣчалъ Лудовикъ: — но прежде всего позвольте мнѣ зажечь нѣсколько свѣчей; тогда намъ будетъ освѣтлѣе.

И Лудовикъ де-Фонтанье принялся зажигать всѣ свѣчи и лампы, находившіяся въ той самой комнатѣ, гдѣ были его гости. Комната вѣликолѣпно освѣтилась.

Затѣмъ господинъ де-Морой и Лудовикъ де-Фонтанье надѣли маски, взяли рапиры и стали фехтовать.

Лудовикъ де-Фонтанье, воспитанникъ Сень-Сира, какъ мы уже сказали, учился тамъ фехтованью у знаменитаго въ свое время учителя Моне.

Высокаго роста, гибкій и хорошо сложенный, де-Фонтанье

вполнѣ воспользовался данными уроками и дошелъ наконецъ до того, что считался, какъ говорится въ фехтовальномъ классѣ — первымъ изъ втораго разряда.

Лудовикъ далъ три удара господину де-Морой, тогда какъ послѣдній нанесъ ему всего одинъ.

— Я очень вами доволенъ, мой любезный родственникъ, сказалъ де-Морой: — но какъ мнѣ никогда не приходилось драться съ маркизомъ д'Эскоманъ; то я и не могу ничего сказать вамъ на счетъ его искусства въ фехтованьи. Но вотъ господинъ д'Апремонъ также ловко и искусно владѣеть шпагой, какъ и маркизь, — не хотите ли, чтобъ я передалъ ему рапиру?

— Господинъ д'Апремонъ сдѣлаетъ мнѣ много чести, отвѣчалъ Лудовикъ де-Фонтанье съ тою учтивостію, доходящей даже до церемонности, которая вредена въ фехтовальныхъ залахъ, имѣющихъ, такъ-сказать, свой кодексъ вѣжливости.

Господинъ д'Апремонъ молча поклонился, взялъ изъ рукъ господина де-Морой рапиру и сталъ въ позицію.

На этотъ разъ бой былъ равнѣе. Надобно сказать, что господинъ д'Апремонъ считался однимъ изъ первыхъ бойцевъ въ цѣлой провинціи.

Черезъ четверть часа Лудовикъ де-Фонтанье нанесъ господину д'Апремонъ четыре удара, а самъ получилъ только три.

— Вы смѣло можете драться съ маркизомъ д'Эскоманъ, — сказалъ ему д'Апремонъ, раскланиваясь и снимая маску.

Молодой человекъ поблагодарилъ своихъ секундантовъ, и они ушли, прося его быть завтра готовымъ къ половинѣ седьмага часа утра и общаясь заѣхать за нимъ въ назначенный часъ.

Наконецъ Лудовикъ де-Фонтанье съ маской на лицѣ, съ двумя рапирами и другою маской въ рукахъ остался совершенно одинъ. Повѣсивъ на мѣсто рапиры и маски, онъ сѣлъ къ письменному столу и ни о чемъ не думая, ничего не сознавая, взялъ въ руки перо и началъ писать къ своей матери.

Письмо было приготовлено къ отсылкѣ на случай его смерти и, само-собою разумѣется, въ немъ были переданы самыя задушевные чувства Лудовика. На послѣднихъ строкахъ легли слѣды горячихъ слезъ любящаго сына.

Наконецъ письмо было сложено и запечатано; но едва Лудовикъ отнялъ печать отъ пакета, какъ ему казалось, что онъ еще многого не досказалъ изъ того, что думалъ, а потому сломавъ печать, онъ приписалъ еще двѣ страницы.

Послѣ того молодой человекъ легъ спать, и заснулъ, мечтая о Маргаритѣ Желп.

Спать онъ довольно спокойно. Во снѣ ему грезилась могила, присутствіе двухъ женщинъ, въ видѣ ангеловъ, слова и стоны умирающаго; однимъ словомъ все, что могло создать встревоженное воображеніе или взволнованная кровь.

Около пяти часовъ Лудовикъ де-Фонтанье проснулся. Начиная уже свѣтать; черезъ нѣсколько минутъ послѣ его пробужденія пробили часы и ему оставалось еще два часа до смертельной встрѣчи съ его соперникомъ.

Ровно въ шесть часовъ секунданты его, де-Морой и д'Апремонъ постучались къ нему въ дверь. Они нашли Лудовика де-Фонтанье со всѣмъ одѣтымъ и готовымъ выѣхать.

Секунданты принесли съ собою двѣ отлично отпущенныя шпаги, которыя были неизвѣстны какъ Лудовику де-Фонтанье, такъ и маркизу д'Эскоманъ.

Было еще рано, и потому они съ четверть часа разговаривали между собой о совершенно постороннихъ предметахъ и затѣмъ уже отправились къ назначенному мѣсту въ ожидавшемъ ихъ экипажѣ господина де-Морой.

Секунданты заранѣе распорядились пригласить на мѣсто дуэли молодаго хирурга, который долженъ былъ пріѣхать туда въ одно время съ ними.

Минутъ черезъ пять Лудовикъ де-Фонтанье находился уже на мѣстѣ, а спустя нѣсколько секундъ послѣ него пріѣхали и маркизъ д'Эскоманъ, Жоржъ де-Гискаръ и швалье де-Монгла.

Противники вѣжливо раскланялись, слегка наклонивъ головы; четыре секунданта сошлись для переговоровъ, а молодой хирургъ оставался все время въ сторонѣ.

Секунданты обоихъ противниковъ еще заранѣе опредѣлили условія дуэли, а потому совѣщаніе ихъ было не продолжительное. Бросили жребіи, и маркизу д'Эскоману досталось выбрать оружіе. Онъ изъ деликатности, не взглянувъ даже, выбралъ шпаги своего противника.

Оружіе было роздано дуэлистамъ; снявъ верхнее платье они стали въ боевую позицію, а швалье де-Монгла и господинъ де-Морой, взявъ въ руки по трости, стали по сторонамъ противниковъ, представляя такимъ образомъ судей древнихъ турнировъ съ командорскими жезлами.

— Наступайте!—скомандовали они, и шпаги скрестились.

Маркизъ д'Эскоманъ казался спокойнымъ, даже болѣе чѣмъ

спокойнымъ; заботливая легкая улыбка сжала его тонкія и на-смѣшливыя губы, и если бы онъ не хмурилъ слегка свои брови, то можно было бы подумать, что дѣло происходило въ фехтовальномъ залѣ и было только простымъ упражненіемъ на рапирахъ. Напротивъ, Лудовикъ де-Фонтанье скорѣе казался непоколебимымъ и свободнымъ, чѣмъ дѣйствительно спокойнымъ. Ноги его были прикованы къ землѣ. По всему было видно, что онъ далъ себѣ честное слово не отступать ни шагу. Слегка искривленные губы выказывали изъ-подъ усиковъ, едва обозначившихся, два ряда зубовъ, бѣлыхъ какъ перлы и крѣпко стиснутыхъ. Взглядъ его былъ неподвиженъ, полонъ рѣшимости и, вмѣстѣ съ тѣмъ, привязанности къ жизни; понятно: онъ, полный жизни и надеждъ, еще вовсе не желалъ умереть и употреблялъ всю силу своей воли, чтобы остаться на землѣ.

Маркизь д'Эскоманъ, отличный боець, думалъ было легко раздѣляться съ своимъ противникомъ; но послѣ перваго нападенія, по стойкости Лудовика де-Фонтанье, по энергіи, проявившейся при отраженіи, и по ловкости, съ которою онъ отпарировалъ удары, маркизь д'Эскоманъ тотчасъ догадался, что имѣеть дѣло, если не съ опытнымъ дуэлистомъ, то, по-крайней-мѣрѣ, съ ловкимъ ученикомъ.

Онъ принялся наступать и въ тоже время изучалъ тактику своего противника, желавшаго, повидимому, только отражать удары, но не наносить ихъ.

Спустя нѣсколько минутъ, маркизь д'Эскоманъ нанесъ рѣшительный и ужасный ударъ, который навѣрно поразилъ бы противника насквозь, если бы конецъ шпаги маркиза не встрѣтилъ подъ платьемъ Лудовика де-Фонтанье что-то твердое, металлическое, такъ-что клинокъ соскользнулъ въ сторону и только слегка задѣлъ грудь Лудовика.

Послѣдній, почувствовавъ на своемъ тѣлѣ холодную сталь, машинально отбилъ шпагу противника и притомъ такъ сильно, что она вылетѣла изъ руки г. д'Эскомана и упала на землю. Въ то же время на груди Лудовика выступила кровь.

Прежде чѣмъ маркизь успѣлъ поднять свою шпагу, Лудовикъ де-Фонтанье, легкій и проворный, наступилъ на нее ногою.

Хотя маркизь д'Эскоманъ прикинулся спокойнымъ, но нельзя было не видѣть, что холодъ смерти мгновенно остановилъ кровь въ его жилахъ. Онъ не могъ не подумать, что соперникъ его, разсвирѣпѣвъ отъ раны, которую можно было считать довольно

серьезной, судя по окровавленной рубашкѣ Лудовика, — тотчас отплатить ему за ударъ его такимъ же ударомъ.

Вмѣсто того, чтобы поразить маркиза, Лудовикъ поднялъ шпагу и вручилъ ему ефесъ ея съ учтивымъ поклономъ. — Затѣмъ они снова стали въ позицію и быстро сврестили оружiе. Бой готовъ былъ снова завязаться, но швалье де-Монгла бросился между противниками и сильнымъ ударомъ трости разъединилъ ихъ шпаги.

— Клянусь смертию, господа! вскричалъ онъ: — вы не ставете больше драться; — какъ бы оскорбленiя ваши ни были велики, но честь уже достаточно удовлетворена. Послушайте, маркизъ, вы должны забыть ошибку господина де-Фонтанье, — забыть, что онъ, не смотря на свое положенiе и цвѣтъ носимой имъ кокарды, вздумалъ было занять мѣсто въ нашемъ обществѣ. Вѣтъ, вы должны дружески пожать ту руку, отъ которой сейчасъ и безусловно зависла ваша жизнь.

Другiе секунданты также присоединились къ швалье де-Монгла и единогласно объявили, что не позволяютъ продолжать дуэль. Маркизъ д'Эскоманъ съ своей стороны вовсе не противился и даже съ удовольствiемъ согласился съ ихъ мнѣнiемъ.

— Охотно готовъ исполнить вашу просьбу, тѣмъ болѣе, что я самъ понимаю до какой степени я виноватъ передъ моимъ противникомъ. Господинъ де-Фонтанье такъ благородно защищалъ себя, что мнѣ остается только — искать чести быть его другомъ.

Отвѣчая ему такую же вѣжливостью, Лудовикъ положилъ оружiе.

— Увѣряю васъ, продолжалъ маркизъ, пожимая Лудовику руку: — хотя я и страстный любитель дуэлей, однакожь искренно радъ, что ударъ мой не имѣлъ большаго успѣха. Въ этомъ случаѣ самолюбіе мое уступаетъ совѣсти: я былъ совершенно убѣжденъ въ вѣрности послѣдняго удара, которому выучился у извѣстнаго учителя фехтованья въ нашемъ полку, — онъ былъ превосходный рубака. Но признайтесь пожалуйста, отчего шпага моя вмѣсто того, чтобы поразить васъ смертельно — соскользнула? — Согласитесь, что охраной вашей была не ловкость, съ которой вы отразили мой ударъ, а какое-нибудь постороннее препятствiе, скрытое подъ вашей одеждой.

Лудовикъ де-Фонтанье, находясь еще подъ влиянiемъ только что испытанныхъ имъ ощущенiй, принялъ такой вопросъ маркиза не за одно только простое любопытство. Ему показалось,

что маркизь д'Эскманъ заподозрилъ его честность, а потому тотчасъ же разорвалъ свою рубашку и обнажилъ грудь, на которой виднѣлась кровавая борозда, проведенная шпагой маркиза. Послѣдній угадалъ мысль Лудовика и поспѣшалъ ему сказать:

— Полноте, monsieur де-Фонтанье! да неужели вы допускаете, что послѣ вашего истинно-рыцарскаго поступка, чему мы были сейчасъ только свидѣтелями, можетъ запасть мнѣ въ голову такое недостойное подозрѣніе! Я просто на просто предполагалъ, что остріе моей шпаги ударилося въ ваши часы или въ какуюнибудь вещь въ родѣ талисмановъ, носимыхъ вообще всею молодежью и даже мною, хотя я и не молодъ.

— Да, на этотъ разъ маркизь совершенно правъ, проговорилъ швалье де-Монгла: — весьма позволительно искать причины и объясненія такому странному случаю. Вотъ послушайте-ка, что я вамъ расскажу: я видѣлъ — это было въ 1814 году — какъ на моемъ топазѣ, вправленномъ въ брелокъ, сломалась шпага драгунскаго офицера, которая, не случись этого, непременно проколола бы меня до сердца; осколокъ шпаги воткнулся въ оправу брелока и, клянусь моей честью...

Внезапная краска покрыла лицо стараго швалье и тѣмъ окончила прерванный имъ рассказъ. Онъ вспомнилъ хотя довольно поздно, что ему также слѣдовало драться съ Жоржемъ де-Гискаръ и что по этому рассказъ его былъ вовсе неумѣстенъ.

— Миѣ кажется, что вы правы, швалье! сказалъ Лудовикъ де-Фонтанье, ощупывавшій карманъ своего жилета въ то время, какъ швалье де-Монгла распространился въ своихъ воспоминаніяхъ о подвигахъ минувшей молодости.

— Сдѣлайте одолженіе, убѣдитесь въ этомъ сами.

Молодой человекъ началъ шарить и вытаскилъ изъ кармана жилета тотъ самый кошелекъ, который онъ удержалъ вчера у встрѣтившейся ему дамы, и о которомъ онъ со всѣмъ позабылъ, по крайней мѣрѣ, въ минуту дуэли. Кошелекъ какъ-то выскользнулъ изъ окровавленныхъ пальцевъ Лудовика и упалъ въ траву.

Швалье де-Монгла, поднявъ его и вынувъ оттуда золотую монету, сталъ пристально разсматривать и Луддоръ, и кошелекъ, весь обрызганный кровью.

— Совершенно тоже, что и съ моимъ топазомъ, торжественно воскликнулъ старикъ: — Взгляните-ка, маркизь! золото-то, не смотри на твердость металла, — повреждено.

При этомъ швалье де-Монгла передалъ маркизу д'Эскману кошелекъ вмѣстѣ съ монетой.

Пока послѣдній разсматривалъ эти вещицы съ такимъ же вниманіемъ какъ и старый швалье, Лудовикъ де-Фонтанье попеременно то блѣднѣлъ, то краснѣлъ изъ боязни, чтобы маркизъ не узналъ вещей, принадлежащихъ его любовницѣ, какъ предполагалъ Лудовикъ; по этому желая предупредить опасность онъ сказалъ:

— Случай тѣмъ болѣе странный, что кошелекъ этотъ вовсе не принадлежитъ мнѣ.

— Въ-самомъ-дѣлѣ? — спросилъ маркизъ д'Эскоманъ.

— Чертъ побери! вскричалъ швалье-де-Монгла: — впрочемъ это и видно: ну годится ли такая вязаная бездѣлушка для мужчины? Я увѣренъ, что это какое-нибудь платоническое воспоминаніе!

— Вы ошибаетесь, швалье! сказалъ Лудовикъ: — даже и не то, а просто кошелекъ этотъ найденъ мною вчера на дорогѣ.

— Въ такомъ случаѣ, отвѣчалъ болтливый старикъ, надо непременно отыскать его владѣтеля или владѣтельницу и на колѣняхъ передъ ней просить уступки этого спасительнаго талисмана, который отнынѣ вы должны носить на шеѣ, какъ ангела-хранителя.

— Дѣйствительно вы правы, де-Монгла, проговорилъ маркизъ д'Эскоманъ, продолжая пристально разсматривать и во всѣ стороны переворачивать кошелекъ: — я непременно провожу господина де-Фонтанье къ владѣтельницѣ этихъ вещицъ, и если будетъ необходимо, то присоединю къ его просьбамъ и мои собственные.

— Вы, маркизъ?

— Да, я, швалье!

Потомъ обратясь къ Лудовику де-Фонтанье, маркизъ д'Эскоманъ продолжалъ:

— Не нашли ли вы эту бездѣлушку на берегу Луары?

— Кажется, что тамъ, — пробормоталъ сконфуженный Лудовикъ.

— Вотъ вы увидите, возразилъ швалье де-Монгла, котораго такъ и подстрекало желаніе побѣсить маркиза: — вотъ вы увидите, что кошелекъ и луидоръ обронила прелестная Маргарита, вѣроятно гуляя по берегу Луары, чтобы развлечь свои грустные мечты подъ тѣнью тополей. Берегитесь, маркизъ! вамъ что-то сегодня не везетъ: вы не осторожны и забыли старое изреченіе: *еси-бо приѣдши пожежъ пожежъ помѣннѣтъ!*

— Я знаю чей это кошелекъ, отвѣчалъ съ улыбкою маркизъ: — будьте увѣрены monsieur де-Монгла, если я сдѣлалъ честь протянуть кому-нибудь руку и назваться его другомъ, то на зло вашимъ зловѣщимъ предсказаніямъ, все чѣмъ я только владѣю — къ услугамъ моего друга.

— Разумѣется, только не дальше порога одной извѣстной мнѣ комнаты! пронически отвѣчалъ швалье де-Монгла.

— Вы ошибаетесь, возразилъ ему маркизъ д'Эскоманъ, избѣженный намеками: — и чтобъ доказать вамъ это, я приглашаю васъ вмѣстѣ съ господиномъ де-Фонтанье, ужинать сегодня у Маргариты Жели.

И маркизъ д'Эскоманъ снова подаль руку своему недавнему противнику.

Разговоръ принималъ оборотъ довольно серьезный для Лудовика де-Фонтанье, а потому чтобъ не много оправиться отъ смущенія, онъ подошелъ къ молодому хирургу, котораго пригласили заранѣе, какъ мы уже сказали, гг. де-Морой и д'Апремонъ, — и показалъ ему свою рану.

Ученикъ Эскулапа, осмотрѣвъ ее, объявилъ, что это легкая пустая царапина и тутъ же перевязалъ ее.

Читатель, конечно, не забудь, что швалье де-Монгла и Жоржъ де-Гискаръ тоже должны были драться, и потому пригласили на мѣсто дуэли еще двухъ своихъ друзей, на случай, еслибъ кто изъ первыхъ противниковъ былъ убитъ или тяжело раненъ.

Маркизъ д'Эскоманъ убѣдительно упрасивалъ швалье де-Монгла помириться съ Жоржемъ де-Гискаромъ, который съ своей стороны вполнѣ чувствовалъ, что подобная дуэль съ старикомъ поставить его только въ смѣшное положеніе. Но всѣ убѣжденія маркиза не осилили упрямства старика, и потому д'Эскоманъ уѣхалъ домой и увезъ съ собою Лудовика де-Фонтанье, попросивъ его сѣсть въ свою карету.

Когда экипажъ маркиза проѣзжалъ мимо первыхъ домовъ городскаго предмѣстія, — Лудовикъ замѣтилъ за полуразвалившейся стѣною сада знакомое ему лицо женщины. Онъ быстро взглянулъ изъ окна кареты и узналъ въ ней ту самую пожилую даму, которая наканунѣ вечеромъ такъ умоляла его не щадить маркиза. Казалось — она ожидала этого экипажа, потому что завидѣвъ его приближеніе, живо нагнулась впередъ и жадно впилась глазами во внутренность кареты; но когда уви-

дѣла .Людвика де-Фонтанье рядомъ сидящаго съ маркизомъ, — на лицѣ ея выразились гнѣвъ и презрѣніе. Тутъ она мгновенно спряталась за стѣну и исчезла.

Маркизь д'Эскоманъ, заслоненный .Людвикомъ де-Фонтанье, не могъ замѣтить Сусанны Моле; а молодой человекъ не считалъ необходимымъ сообщить ему свое удивленіе, при такомъ странномъ появленіи.

.Людвикъ де-Фонтанье, предполагая, что маркизь д'Эскоманъ завезетъ его домой, не мало удивился, когда карета остановилась передъ высокою каменной стѣною одного изъ самыхъ древнихъ замковъ города Шатодёнъ.

Когда тяжелыя ворота съ визгомъ повернулись на заржавленныхъ петляхъ, молодой человекъ, обратившись къ маркизу, спросилъ:

— Куда же вы меня везете?

— Туда, гдѣ я могу выполнитьъ данное вамъ обѣщаніе.

— О какомъ обѣщаніи говорите вы?

— Неблагодарный! вы уже позабыли о маленькомъ кошелькѣ?

— Конечно, нѣтъ!

— Такъ развѣ я не обязанъ представить васъ той особѣ, кому онъ принадлежитъ?

— Какъ-такъ! вскричалъ .Людвикъ де-Фонтанье: — развѣ Маргарита Жели живетъ въ этомъ самомъ домѣ?

— Ахъ, Боже мой! да кто же вамъ говоритъ про Маргариту Жели?... Полно, не сговорились ли вы съ швалье де-Монгла?.. Однакожъ мы прѣехали — прошу выйти.

И маркизь д'Эскоманъ, подавая примѣръ .Людвику де-Фонтанье, легко выпрыгнулъ изъ экипажа.

Теперь мы расскажемъ въ короткихъ словахъ о томъ, что происходило въ это самое время между швалье де-Монгла и Жоржемъ де-Гискаръ.

На отказъ стараго швалье идти на мировую и принять какое ему угодно извиненіе, Жоржъ де-Гискаръ объявилъ, что онъ готовъ дать старику полное удовлетвореніе.

Затѣмъ противники взялись за тѣ же шпаги, еще не остывшія отъ рукъ .Людвика де-Фонтанье и маркиза д'Эскоманъ, и скрестили оружіе.

При третьемъ ударѣ шпалье де-Монгла ранилъ въ бокъ Жоржа де-Гискара.

Молодой хирургъ, осмотрѣвъ его рану, сказалъ, что хотя она и не смертельна, однакожь довольно опасна.

Затѣмъ дуэль прекратилась, и два противника, вѣжливо раскланявшись, разошлись въ разные стороны; но только шпалье де-Монгла пошелъ въ городъ пѣшкомъ, а Жоржа де-Гискара повезли въ каретѣ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Первый ложный шагъ — прямая дорога въ адъ.

Мы разстались съ Лудовикомъ де-Фонтанье у подъезда замка маркиза д'Эскоманъ.

Мучимый безпокойствомъ и неизвѣстностью, чѣмъ окончится это приключеніе, Лудовикъ безъ малѣйшаго возраженія предоставилъ маркизу располагать собою.

Они находились въ эту минуту передъ однимъ изъ старинныхъ и мрачныхъ зданій XVI столѣтія.

Карета маркиза остановилась подлѣ широкой полу-круглой террасы, необходимой принадлежности архитектуры того времени.

— Дома маркиза? спросилъ д'Эскоманъ у лакея, отворившаго ямъ каретныя двери.

При этомъ вопросѣ Лудовику де-Фонтанье ясно стало, съ кѣмъ онъ повстрѣчался наканунѣ, и, понявъ наконецъ свою непростительную ошибку, придумывалъ какъ бы избавиться отъ свиданія, которое ставило его въ самое неловкое положеніе.

— Ради Бога, маркизь! сказалъ онъ, позвольте мнѣ удалиться.

— Удалиться! Зачѣмъ?

— Не могу же я показаться дамѣ въ такомъ видѣ: въ окровавленной рубашкѣ и сапогахъ, испачканныхъ грязью.

— Но если эта дама обязана вамъ жизнью своего мужа!

— Наконецъ посудите, эта дама....

И Лудовикъ де-Фонтанье заикнулся.

— Ну, да, эта дама — чей кошелекъ вы нашли — маркиза д'Эскоманъ. Что же тутъ необыкновеннаго и чему вы такъ удивляетесь?

— Но...

— Вы, быть можетъ, не знали, что я женатъ?

— Никогда не слыхалъ.

— Очень натурально, — потому что я живу на холостую

ногу; совѣтую и вамъ держаться той же тактики, если когда шбудъ вы женитесь.

И не давая времени своему спутнику опомниться, маркизъ д'Эскоманъ толкнулъ его на террасу, сказавъ лакею:

— Спроси Сусанну, можетъ-ли барыня насъ принять.

— Сусанна ушла съ утра, отвѣчать лакей.

Въ эту минуту стеклянная дверь, выходящая на балконъ, отворилась и г-жа д'Эскоманъ показала на порогѣ. Глаза ея были воспалены отъ слезъ; она была такъ взволнована, что не замѣтила присутствія Лудовика де-Фонтанье.

Маркиза, увидавъ своего мужа веселымъ и улыбающимся, подняла руки къ небу и отъ сильнаго волненія прислонилась къ косяку двери, чтобы не упасть. Подъ влияніемъ такого душевнаго волненія, она едва могла произнести одно слово:

— Живъ!

Маркизъ поспѣшилъ подойти къ ней, что бы поддержать ее.

— Полноте, сказалъ онъ въ полголоса, тѣмъ насмѣшливымъ тономъ, который не разъ оскорблялъ бѣдную женщину. Нельзя ли обоидтись безъ мелодрамы, умоляю васъ — мы не одни.

Потомъ онъ продолжалъ въ слухъ.

— Да, живъ, слава Богу! живъ и невредимъ, благодаря вотъ-г-ну де-Фонтанье. Я не хотѣлъ откладывать до другаго времени случая представить его вамъ и надѣюсь что вы будете довольны познакомиться съ человѣкомъ, не желавшимъ заставить васъ надѣть траурный чепчикъ, хотя онъ и шелъ бы къ вашимъ прелестнымъ бѣлокурымъ волосамъ. Если бы Сусанна была теперь здѣсь — я увѣренъ, она согласилась бы со мной.

— Ахъ, маркизъ! возможно ли шутить въ подобную минуту?.... сказала Эмма, отвѣтивъ легкимъ наклоненіемъ головы на низкій поклонъ Лудовика де-Фонтанье.

— Чортъ возьми! вскричалъ маркизъ, теперь-то и надо быть веселымъ, или никогда. Но, впрочемъ, если вамъ уютно быть серьезной—это будетъ очень кстати, потому что monsieur де-Фонтанье имѣетъ къ вамъ серьезную просьбу.

— Ко мнѣ! тихо проговорила удивленная маркиза.

— Да, именно къ вамъ.

— Я слушаю, сказала маркиза.

— И такъ, дѣло идетъ о кошелькѣ, такъ кстати вами потерянномъ, потому что онъ послужилъ намъ обоимъ какъ нельзя лучше. Г-нъ де-Фонтанье объяснитъ вамъ все это подробно.....

Я оставляю васъ однихъ, потому что присутствіе мужа, можетъ быть, стѣснить васъ.

И въ полномъ восхищеніи, что такъ легко отдѣлался отъ восторговъ жены, обрадованной его возвращеніемъ, маркизъ, нагнѣвая, поднялся по лѣстницѣ, ведущей въ его комнаты.

Лудовикъ де-Фонтань, оставшись одинъ съ маркизой, ожидалъ ея приглашенія послѣдовать за ней, и почувствовалъ сильное біеніе сердца, когда вошелъ въ залу.

Маркиза сѣла и указала ему кресло противъ себя.

— Милостивый государь! сказала она, не давъ ему времени начать разговоръ:—я вамъ очень обязана за спасеніе моего мужа и потому не употребило во зло того преимущества, которое вы мнѣ дали сами надъ собой; и если когда-нибудь мы случайно встрѣтимся въ обществѣ, то даю вамъ слово никогда не вспоминать вашего поступка, — я извиняю его вашей молодостью и легкомысліемъ; но и вы, въ свою очередь, должны мнѣ обѣщать забыть вчерашнюю неприятную встрѣчу, о которой вы вѣроятно пожалѣли?... Я увѣрена въ томъ.

Лудовикъ де-Фонтань разсчитывалъ только на Маргариту Желл, и потому такая встрѣча съ дамой аристократическаго круга показалась ему однимъ изъ тѣхъ счастливыхъ случаевъ, которые судьба бережетъ только для не многихъ.

И такъ смутныя грезы вчерашняго дня осуществились.

Нѣсколько словъ, сказанныхъ ему Сусанною, были прежде не понятны, но теперь все стало для него ясно, и презрѣніе, выказанное маркизомъ къ женѣ въ присутствіи Лудовика, подало ему отважныя надежды.

Всѣ эти видоизмѣненія, которыми проходили и его мысли и его желанія и надежды отразились на его фizioноміи; онъ во все не думалъ преклониться передъ великодушнѣмъ Эммы, и даже не извинился передъ нею, желая тѣмъ придать своему вчерашнему поступку видъ разсчитаннаго намѣренія, но ни какъ не простаго случая.

— Къ сожалѣнію, маркиза, отвѣчалъ онъ:—самой судьбѣ угодно противорѣчить вашей просьбѣ. Не смѣю думать, чтобъ кошелекъ вашъ остался въ моихъ рукахъ по вашей волѣ, но всегда могу сказать съ гордостію, что онъ защитилъ мою грудь отъ роковаго удара. Не знаю, что должно чувствовать сердце, которое обязано своей жизнью вамъ, и только вамъ одинѣмъ. Пусть это будетъ игра случая; но случай слишкомъ благопріятный, чтобъ я отказался отъ его чудеснаго дѣйствія. Согласитесь, возможно ли мнѣ

забыть нашу вчерашнюю встрѣчу, когда все-такъ краснорѣчиво говорить мнѣ, что только съ этой минуты я началъ жить, и позвольте прибавить, не только физически, но и нравственно.

Маркиза поспѣшила прервать Лудовика.

— Извините, милостивый государь, сказала она, мнѣ не возможно позволить вамъ развивать дальше вашу любовную тему. Вспомните, что вы вчера приняли меня за другую... Не думаю, чтобъ одна ночь могла измѣнить такъ круто ваши привязанности и симпатіи. Мнѣ было бы совѣстно и недѣлкатно взять на себя чужую роль.

Голосъ маркизы замѣтно измѣнился, когда она намекнула на любовницу своего мужа.

Лудовикъ де-Фонтанье замѣтилъ, что глаза молодой женщины заблестѣли влагой, и онъ увидѣлъ двѣ слезы, дрожавшія на ея длинныхъ и густыхъ рѣсницахъ. Въ свою очередь маркиза, по выраженію взгляда молодаго человѣка, замѣтила, что какъ онъ ни старался скрыть свое волненіе, но оно было слишкомъ ясно.

— Извините меня, продолжала она, что я такъ мало владѣю собой; несчастіе имѣеть свои права, по крайней мѣрѣ, общечеловѣческое право на слезы. Послѣдняя фраза была сказана съ неподражаемымъ отбѣнкомъ задушевной теплоты; она произвела на Лудовика де-Фонтанье глубокое впечатлѣніе, и онъ, впродолженіе нѣсколькихъ минутъ, оставался нѣмъ; онъ сравнилъ свои мелкія чувства съ высокимъ и трагическимъ положеніемъ этой женщины, и ему сдѣлалось стыдно.

Съ чувствомъ любви теперь соединилось другое чувство — искренняго состраданія къ гордой мученицѣ развратнаго мужа. Лудовику стало жаль прекрасный образъ Эммы, не только какъ милой женщины, но и какъ личности, измученной жизнью прежде, чѣмъ она узнала ее.

Онъ скрылъ первое и сильное движеніе сердца, но эта внутренняя метаморфоза такъ быстро совершилась въ немъ, что на лицѣ его отразились признаки глубокой душевной бури. Онъ то краснѣлъ, то блѣднѣлъ, и вдругъ опустился съ кресель къ ногамъ маркизы.

— Простите меня, сказалъ онъ съ такимъ непритворнымъ чувствомъ раскаянія, что сомнѣваться въ немъ было невозможно.

— Довольно; я вижу, что вы искренны, сказала Эмма, снямая дружески его руку. Я рѣшительно предсказываю, что мы

можемъ остаться друзьями, если только вы согласитесь быть благоразумнѣе.

— Не называете ли вы благоразуміемъ равнодушіе къ вамъ, маркиза? но это выше силъ того, кто въ состояніи оцѣнить ваши достоинства. Я не могу похвалиться знаніемъ людей, тѣмъ менѣе знаніемъ неумовимой женской природы, но вѣрю своимъ инстинктамъ, что ваше вліяніе способно пересоздать всякую несовсѣмъ огрубѣлую натуру. Позвольте сказать откровенно, что отсель моя жизнь зависитъ отъ вашей воли и даже каприза. Согласитесь, что я слишкомъ молодъ, чтобъ играть подобной фразой, пошлой только на языкѣ салонныхъ героевъ, а вы слишкомъ свѣжи душой, чтобъ считать ее простой свѣтской ложью.

— Довольно, сказала Эмма: развѣ можно любить безъ надежды?

— Не мнѣ, а вамъ, маркиза, отвѣчать на этотъ вопросъ.

Эмма побгднѣла.

— Да, возразила она, и въ голосѣ ея выразился почти ужасъ. Вотъ почему вамъ не нужно любить меня или по крайней мѣрѣ, любить не такъ, какъ вы хотите. Не далѣе какъ вчера вы жаловались, что отдалены отъ близкихъ вашему сердцу. Сдѣлайте найти во мнѣ своего друга, мать; но сначала заглушите въ себѣ, пока есть еще время, всякое чувство въ отношеніи ко мнѣ, которое можетъ быть только источникомъ вашего горя. Еслибъ вы понимали сколько страданій ведетъ за собой безнадежная любовь! Еслибъ вы испытали какъ она щемитъ сердце, если бы вы знали, что она обращаетъ жизнь въ такую муку, которая заставляетъ съ нетерпѣніемъ ожидать послѣдней минуты. Но, я хочу избавить васъ отъ этого мучительнаго горя. Да, и если ради вашей пользы нужно сдѣлать то, чего я не смѣю сдѣлать для самой себя, если нужно обнаружить раны моего сердца, высказать все то, что я переживала, все то, что я испытываю каждый часъ — эту страшную пытку, въ продолженіе трехъ лѣтъ... нѣтъ! я ошибаюсь... въ продолженіе трехъ столѣтій, — я это сдѣлаю... по крайней мѣрѣ я постараюсь это сдѣлать... Но, только не любите меня. Послушайте меня...

— Что касается до этого, вскричалъ Лудовикъ, быстро поднявшись: — мнѣ остается благодарить васъ, но не въ моей власти согласиться съ вами? Мнѣ хорошо извѣстны отношенія ваши къ мужу, и вы напрасно стали скрывать ихъ. Его грубая тиранія слишкомъ рѣзко отмѣтила вашу жизнь, чтобъ

я могъ ошибаться въ своемъ убѣжденіи. Любовь мою — согласенъ съ вами — вы можете назвать безуміемъ, но это безуміе, сколько бы оно не принесло мнѣ горя, все-таки, быть можетъ, дастъ мнѣ нѣсколько отрадныхъ дней, а ихъ такъ мало въ нашей жизни... Вы не имѣете права отказать мнѣ въ страданіяхъ, если я предвижу въ нихъ одну изъ лучшихъ надеждъ своихъ. Подумайте объ одномъ, что вы еще не испытали всей прелести любви, а я приношу вамъ чистое сердце, если недостойное вашего взаимнаго сочувствія, то, по крайней мѣрѣ, безпредѣльно преданное вамъ. И еслибъ это сердце обмануло васъ, я первый вырвалъ бы его вмѣстѣ съ жизнію.

— Нѣтъ!..... Это невозможно!..... сказала Эмма.—И я безразсудная, принимаю ваши слова за истину! Не пройдетъ и ночи, какъ отъ всея вашей любви останется одно только сожалѣніе къ моимъ несчастіямъ.

— Время покажетъ, что вы ошибаетесь; но теперь я могу только сказать, что любовь моя такъ искренна, такъ сильна и ваше счастье для меня такъ дорого, что еслибъ зависѣло отъ меня обратитъ къ вашимъ ногамъ маркиза, то хотя бъ это было противъ воли и сердца, но я не поколебался бъ ни мину ты.....

— Благодарю! отвѣчала Эмма, пожимая руку молодого человѣка.— Боже мой! Да неужели не возможно возвратитъ его?.. Еслибъ кто изъ его пріятелей открылъ ему всю низость тѣхъ женщинъ, на которыхъ онъ мѣняетъ меня..... еслибъ рассказалъ про мои страданія, про мое отчаяніе—маркизь навѣрно отказался бы отъ своихъ заблужденій..... И какъ бы тогда я была счастлива! И какъ бы я благословляла человѣка, возвратившаго мнѣ это счастье!.. Де-Фонтанье — вы дружны съ маркизомъ, вы сохранили сегодня его жизнь, и онъ скорѣе всякаго послушаетъ васъ. Сдѣлайте это, умоляю васъ, сдѣлайте!

— Для вашего счастья, маркиза, я готовъ жертвовать своимъ и думать объ одномъ только, чтобъ заслужитъ имя вашего друга и — больше ничего..... Самопожертвованіе полное и оно будетъ..... но ни одно слово, ни одинъ взглядъ, ни одно движеніе не выскажутъ вамъ, чего мнѣ стоитъ оно.....

Въ то время, какъ, говорилъ де-Фонтанье, Эмма, увлеченная порывомъ новой страсти, глубоко задумалась. Въ душѣ ея проснулись тѣ грезы, которыя нѣкогда такъ сладко легли ея дѣвственной груди. Она какъ-то неволью вспомнила, что было время, когда она искала этого пламеннаго взгляда, этого

симпатичнаго голоса въ своемъ женихѣ; она мечтала о счастии въ семейномъ кругу, о тихихъ, но полныхъ наслажденіяхъ близъ избраннаго ею мужа. И все это было пустымъ сновидѣніемъ, разбѣяннымъ съ первымъ днемъ супружеской жизни. По контрасту, столь свойственному нашей природѣ, теперь она тѣмъ охотнѣй готова была отдаться Лудовику, чѣмъ больше разочарована была своимъ прошедшимъ. Передъ ней мелькнула новая звѣзда надежды.

«А что, подумала она, если въ-самомъ-дѣлѣ это тотъ, кого такъ давно искала душа моя; если онъ вознаградитъ меня за прошлыя страданія, освѣтитъ мое существованіе, и воскреситъ тѣ силы, которыя я такъ напрасно растратила въ слезахъ и отчаяніи.» И въ воображеніи Эммы раскинулся чудесный міръ новыхъ плановъ, вѣрованій и поэтическихъ грѣзъ.

Разъ увлеченная потокомъ этихъ идей, фантазія ея мгновенно собрала все, что могло рѣшить ея волей. Ревность, презрѣніе къ маркизу, госкливая фигура Сусанны, пророческія слова ея наканунѣ брака, торжествующая особа Желп, ничтожность общественнаго мнѣнія, наказывающаго обманутую женщину, и прощающаго обманщика мужчину—все это представилось ей цѣлымъ адомъ мученій, незаслуженныхъ ни ея сердцемъ, ни ея жизнію. И Эмма, зарыдавъ какъ ребенокъ, готова была броситься въ объятія де-Фонтанье; но приди въ себя, вспыхнула и, смущенная удалилась изъ комнаты.

Въ это самое время незамѣтно растворилась дверь и голова Сусанны Моле осторожно въ нее просунулась. Сусанна внимательно осмотрѣла комнату, какъ будто желая удостовѣриться, что въ ней не было никого кромѣ Лудовика де-Фонтанье.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Голосъ Сусанны Моле и толчекъ, данный ею въ плечо Лудовику де-Фонтанье, наконецъ вывели его изъ летаргическаго состоянія.

— Не угодно ли вамъ, чтобъ я проводила васъ? спросила она насмѣшливымъ тономъ.

Лудовикъ де-Фонтанье приподнялъ голову. Предъ нимъ стояла пожилая дама, встрѣтившаяся ему наканунѣ и только часъ тому назадъ смотрѣвшая черезъ стѣну сада.

Лудовикъ, узнавъ ее, мгновенно очнулся и обратился на нее особое вниманіе, какъ будто предчувствуя, что эта женщина, совершенно посторонняя для него, современемъ будетъ имѣть сильное вліяніе на его судьбу.

Мы описали только нравственную сторону Сусанны Моле и вовсе ничего не сказали о ея наружности, а потому и пополнимъ нашъ очеркъ.

Сусанна была пятидесятилѣтняя толстая низенькая женщина съ довольно обыкновенною наружностью. Заплывшія отъ жира щеки придавали ея физиономіи, нелишенной характера, видъ обыкновенной плутоватости; а выдавшійся подбородокъ и толстыя, мясистыя губы, приподнятыя по краямъ и покрытыя легка пушкомъ, выказывали въ ней силу воли. Узкій лобъ, окаймленный густыми и жесткими волосами, ниспадавшими до жесткихъ сѣдыхъ бровей, придавалъ бы ея широкому лицу смѣшное выраженіе, если бы не живость блѣдно-голубыхъ глазъ, взглядъ которыхъ глубоко проникалъ въ тѣхъ, на кого она пристально смотрѣла.

Пока Лудовикъ де-Фонтанье разсматривалъ ее, Сусанна безцеремонно усѣлась въ одно изъ креселъ гостинной. По всему казалось, что она только-что прошла большое разстояніе; на лбу ея выступали крупныя капли пота; вытирая его большимъ клетчатымъ платкомъ, она тяжело дышала, подобно усталой лошади.

— Не угодно ли, чтобъ я проводила васъ? повторила она, усѣвшись въ кресло.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Лудовикъ; вмѣсто того я попрошу у васъ другой услуги.

— Какой?

— Объясните мнѣ смыслъ вашихъ вчерашнихъ словъ: они остались для меня загадкою.

— Я ихъ уже не помню.

— Но я ихъ достаточно помню, чтобы передать ихъ слово въ слово на обсужденіе маркизу д'Эскоманъ. Они вѣроятно покажутся ему очень странными въ устахъ женщины, живущей въ его домѣ.

Взглядъ Сусанны сверкнулъ, какъ молнія.

— Я не въ услуженіи маркиза д'Эскоманъ, отвѣчала она, не скрывая своего презрѣнія. Я бывшая кормилица — нянька маркизы, а потому г. д'Эскоманъ не имѣетъ никакого права разлучить насъ.

— Вы очень ее любите? спросилъ Лудовикъ де-Фонтанье, которому возможность говорить объ Эммѣ казалась уже счастьемъ.

— О комъ вы говорите?..... О моей дочери?

— Я говорю о маркизѣ д'Эскоманъ.

— Отчего же или, лучше сказать, какъ же мнѣ не любить ее, когда я ее выростила; когда вы, одинъ только разъ видѣвшій ее — уже любите?

— Да вы, какъ кажется, подслушали нашъ разговоръ?

Сусанна Моле захохотала. Лудовикъ внимательно посмотрѣлъ на нее.

— Что вы находите смѣшнаго въ томъ, что я вамъ сказалъ?

— Когда я вамъ скажу, что не проходитъ ночи, что бы я не вставала посмотрѣть какъ она спитъ; не проходитъ ночи, когда-бъ я не стояла по цѣлымъ часамъ, прислушиваясь къ ея дыханію, подсматривая за выраженіемъ ея лица, чтобы разбудить ее, когда горести жизни преслѣдуютъ ее и во снѣ,—тогда неудивить васъ мое желаніе узнать, что говорить ей человѣкъ, отъ воли котораго зависѣла ея судьба.

— Послушайте; неужели вы не шутя жалѣете о счастливой развязкѣ моей дуэли съ мужемъ вашей госпожи? тихимъ голосомъ спросилъ Сусанну Лудовикъ де-Фонтанье.

— А почему бы и не такъ? спросила въ свою очередь Сусанна Моле, пристально посмотрѣвъ на Лудовика.

Лудовикъ де-Фонтанье вдрогнулъ отъ удивленія.

Сусанна Моле, стиснувъ зубы, продолжала съ сверкающимъ взглядомъ:

— Станете ли вы сожалѣть и проливать слезы объ убійцѣ, выкупающемъ на эшафотѣ совершенныя имъ преступленія?

— Но, маркизь д'Эскоманъ...

— Какъ! гнѣвно вскричала Сусанна:—вы неумолимы къ несчастному, желавшему убійствомъ приобрести кусокъ хлѣба для своихъ бѣдныхъ дѣтей, а запрещаете мнѣ ненавидѣть убійцу, отнявшаго, нѣтъ! болѣе... укравшаго дитя мое; и въ моихъ глазахъ онъ умерщвляетъ его самыми ужасными пытками, казнить его страшными муками: безпокойствомъ и отчаяніемъ. И его-то вы запрещаете мнѣ ненавидѣть! Да послѣ этого, вы сумасшедшій человекъ!

— Ради Бога — тише; васъ могутъ подслушать.

— Какое мнѣ до того дѣло! ну, пусть слушаютъ — я не скрываюсь; то же самое я выскажу въ глаза самому маркизу. Я скажу ему, что еще не далѣе какъ сегодня утромъ поставила свѣчу въ церкви Notre Dame и усердно молилась, чтобы она, Пресвятая, сжалилась и услышала наконецъ мою всеневную мольбу..... А, вы не знаете что такое мать! вы..... вы содрагаетесь отъ такой ненависти! А вѣдь я ея мать; вѣдь я вскормила ее молокомъ своимъ въ ущербъ моему бѣдному ребенку!..... каждая слеза, падающая изъ глазъ ея..... слышите ли вы?..... прожпгаетъ меня, хуже самой острой стали; давно уже въ моемъ разбитомъ сердцѣ нѣтъ ни одного живаго мѣста для свѣжей раны! Повѣрите ли? Вѣдь у нея показываются уже сѣдые волосы, у блондинки двадцати двухъ лѣтъ! развѣ это не преступленіе, сударь? Страшное преступленіе! И все это я предвидѣла и никакъ не хотѣла, чтобы онъ женился на ней. Богъ свидѣтель какъ я не желала того!..... Видѣть: какъ проживается состояніе, какъ продаются прекраснѣйшія земли — все это ничего, если бы только хотя разъ еще онъ сказалъ ей одно такое же слово любви, какое вы сейчасъ ей сказали. А какъ она умѣетъ любить!..... То-го никто еще не знаетъ и никто и никогда не узнаетъ, что таится въ ея сердцѣ. Когда еще она была ребенкомъ, и дѣловала меня, то какъ-то особенно прижимала губки къ щекамъ моимъ — и это невольно заставляло меня бояться за нее. Бѣдное дитя! оно ничего не можетъ чувствовать въ половину: бывало когда я журила ее, она не ограничивалась однѣми слезами

или капризамъ, какъ это дѣлають другія дѣти; нѣтъ! она бросалась къ моимъ ногамъ и кричала: «Сусанна, моя милая, добрая Сусанна! скажи мнѣ, что ты все еще меня любишь» Я тогда думала: Господи, что будетъ съ этимъ бѣднымъ ребенкомъ, когда тотъ, который замѣнить ей меня, не пойметъ ее и не сѣумѣеть подобно мнѣ отвѣтить на любовь ея ласкою!.. Оно такъ и случилось. Я не ошблалась въ своихъ опасеніяхъ. Одинъ только Богъ вѣдаетъ сколько она страдаетъ, для нея все погябло..... она не сѣумѣеть такъ жить.....

Послѣднія слова Сусанна произнесла задыхающимся голосомъ, склонивъ на грудь свою голову; казалось, что это зловѣщее предсказаніе съ трудомъ вышло изъ ея взволнованной груди. Она рыдала. Спустя нѣсколько секундъ, она подошла къ рабочему столику маркизы, взяла оттуда какую-то неоконченную ею работу и, покрывая ее жаркими поцѣлуями, облила горькими слезами.

Такая безумная страсть бѣдной женщины глубоко тронула и сильно удивила Людовика. Онъ ни какъ не предполагалъ въ ней такой привязанности къ маркизѣ д'Эскоманъ, и былъ совершенно пораженъ тѣмъ, что онъ видѣлъ и слышалъ. Невольно сравнивалъ горячую любовь Сусанны съ своею собственной, онъ сознался, что первая была гораздо выше послѣдней. Не смотря на не связныя слова Сусанны, на ея простонародный тонъ—эта женщина ему казалась возвышенной и благородной. Людовикъ смотрѣлъ на нее съ ревнивымъ любопытствомъ, завидовалъ этимъ огненнымъ взглядамъ бѣдной женщины, — и самъ, не созная что онъ говоритъ, принялся защищать маркиза.

— Не преувеличиваете ли вы поведенія маркиза д'Эскоманъ? сказалъ онъ:—мнѣ кажется, что не можетъ быть такой печальной развязки, какую вы предсказываете; наконецъ, къ чему же отчаяваться въ его обращеніи къ лучшему?

Сусанна пожала плечами и взянула на молодого человѣка сомнительно; было ясно, что она не проронила ни одного слова изъ разговора его съ маркизой д'Эскоманъ.

— Послушайте, сказала она наконецъ. Не правда ли, что я очень хорошо знаю маркизу! Каждую минуту, только мелькомъ взглянувъ на нее, я могу уже сказать, что происходитъ въ ея сердцѣ; а самого маркиза я знаю еще лучше..... Возвратиться къ женѣ? Да развѣ моя Эмма дурна собою? развѣ она въ состояніи притворяться, чтобы понравиться ему?

— Я повторяю вамъ то же, что за нѣсколько минутъ ска-
зай маркизъ д'Эскоманъ: если мнѣ не удастся — вина не моя,
но я постараюсь испытать...

— Полнотѣ, молодой человѣкъ, не думаете ли вы также
насмѣхаться надо мной, какъ насмѣхались надъ ней? Вѣдь она
довѣрчива и кротка какъ ангель, а для меня все это комедія:
кто знаетъ, быть можетъ, вы имъ подосланы, — вѣдь его станетъ
на всѣ низости! Конечно ему будетъ пріятно, если мы сами пода-
димъ поводъ въ чемъ-нибудь обвинить насъ..... Да, продолжала за-
думчиво Сусанна, какъ будто размышленія все болѣе и болѣе
утверждали ее въ этой мысли: — да, онъ васъ подослалъ..... я въ
этомъ увѣрена. Но будьте спокойны, она будетъ предупреждена,
и вы не усѣдете еще разъ переступить порогъ нашего дома,
какъ я уже разскажу ей всѣ мои догадки.

— Вы этого не сдѣлаете! я васъ заклинаю! воскликнулъ Лу-
довикъ де-Фонтанье.

— И когда вы опять будете у насъ, продолжала совершенно
хладнокровно Сусанна: — она приметъ васъ съ полнымъ презрѣ-
ніемъ, какого вы заслуживаете.

— Но, вѣдь я люблю ее! и вы не можете сомнѣваться въ
томъ, съ отчаяніемъ прибавилъ Лудовикъ.

— Не такъ легко увѣрить меня, возразила Сусанна: — развѣ
любятъ такъ? еслибы вы любили ее, то первой мыслью вашей
было бы вырвать ее изъ рукъ ея палача..... Нѣтъ! нѣтъ! она бу-
детъ знать... она не должна полагаться на васъ, потому что вы
скрываете пзмѣну.

— Во имя вашей привязанности къ ней, молю васъ не дѣ-
лайте этого; не отымайте у нея единственного друга въ этомъ
мірѣ.

И говоря это, Лудовикъ сложилъ руки съ покорной моль-
бою.

— О, нѣтъ!..... она должна знать все, что грозитъ ей новымъ
несчастіемъ.....

Сусанна не закончила, потому что въ то самое мгновеніе
дверь съ шумомъ отворилась и на порогъ показался маркизъ
д'Эскоманъ.

При видѣ торжественнаго жеста, которымъ Сусанна стара-
лась придать больше энергій своимъ словамъ, при видѣ взволно-
ваннаго лица Лудовика де-Фонтанье — маркизъ д'Эскоманъ
громко расхохотался.

— Чортъ поберя! вскричалъ онъ:—кажется я здѣсь лишній и потому ухожу.

— Что вы хотите этимъ сказать, маркизъ? пробормоталъ .Людвикъ де-Фонтанье.

— Я хочу этимъ сказать, мой другъ, что вы находитесь въ настоящую минуту въ такомъ положеніи, что еслибъ, подобно Юпитеру, вы имѣли въ вашемъ распоряженіи облако, то не отказались бы улетѣть, оставивъ вмѣсто себя своего товарища.

— Дѣйствительно такъ, маркизъ, отвѣчалъ .Людвикъ, стараясь принять на себя беззаботный видъ. — Мнѣ очень бы хотѣлось возвратитъ васъ на ваше мѣсто.....

— Г. маркизъ, сказала Сусанна Моле, держась на столько прямо и непринужденно, на сколько позволяло ея дородство и ни мало не скрывая злости, одушевлившей ея взглядъ: — г. маркизъ, кажется, пзволитъ зубоскалитъ надъ нами..... Впрочемъ это нисколько не удивляетъ меня: маркизъ всегда очень .любезенъ съ женщинами.

— Тѣмъ болѣе съ вами Сусанна, замѣчая на каждомъ шагу благосклонное вниманіе, которое вы оказываете мнѣ при всякомъ удобномъ случаѣ.

Потомъ обратись къ .Людвику де-Фонтанье, онъ прибавилъ:

— Держу пари, любезный де-Фонтанье, что кормилица моеіи жены вѣроятно хвалила меня передъ моимъ приходомъ.

.Людвикъ уже приготовился было пзъ вѣжливости солгать, но Сусанна Моле его предупредила.

— Маркизу слѣдовало бы знать, что я не имѣю привычки разсказывать небылицы.

Ни сколько не разсерженный этой дерзостью, маркизъ расхохотался.

— Bravo! вскричалъ онъ. Вотъ за что люблю, моя свирѣпая голстуха! Ты мое единственное развлеченіе въ этомъ скучномъ домѣ.

— Вамъ нѣтъ надобности говорить мнѣ дерзости..... Слава Богу, я и безъ того васъ довольно ненавижу.

— Ну да, вотъ это-то меня и восхищаетъ; это-то и придаетъ вамъ столько значенія въ моихъ глазахъ, мое олицетворенное цѣломудріе! Я знаю: вы ненавидите меня, и не только меня, но даже и друзей моихъ — я это знаю. Ну скажите-ка, какъ вы называете ихъ на вашемъ цвѣтистомъ языкѣ?

— Негодяями, отвѣчала рѣзко Сусанна.

— Вотъ это такъ! негодяи!.... И такъ, мой любезный де-Фонтанье, если вы хотя на минуту разсчитывали на дружбу Сусанны, — вы ошиблись, потому что стали однимъ изъ моихъ друзей. Въ глазахъ ея вы теперь просто чудовище.

— Неужели это такъ? спросилъ Лудовикъ де-Фонтанье.

— И такъ я угадала!....

И Сусанна Моле съ какимъ-то торжественнымъ видомъ ушла въ комнаты маркизы д'Эскоманъ.

Лудовику де-Фонтанье страшно хотѣлось остановить ее, но сомнѣваясь, что она поспѣшитъ сообщить маркизѣ невыгодное о немъ мнѣніе, внушенное ей чрезмѣрнымъ недоумѣемъ.

Маркизъ д'Эскоманъ проводилъ Сусанну взглядомъ и, пожмая плечами, сказалъ:

— Я считаю эту старуху не много помѣшанной. Она какъ собака привязана къ своей госпожѣ и какъ пудель оскаливаетъ зубы на всякаго, кто къ ней подходитъ; а потому я рѣшился потѣшаться надъ ея странностями и полагаю, что это самое лучшее, что можно сдѣлать.

— Мнѣ кажется — она въ-самомъ-дѣлѣ очень предана маркизѣ, отвѣчалъ Лудовикъ де-Фонтанье, мало-по-малу входя въ себя и надѣясь, что Сусанна, по привычкѣ своей, уже извѣстной ему, вѣроятно подслушиваетъ ихъ у дверей и, услыжавъ его слова, нѣсколько примирится съ нимъ.

— Да, безъ сомнѣнія. А кстати: позволила ли вамъ маркиза сохранить у себя чудотворный лундоргъ?

Въ первый только разъ Лудовикъ де-Фонтанье замѣтилъ, что онъ совсѣмъ позабылъ о кошелькѣ и золотой монетѣ, которые послужили поводомъ къ знакомству съ маркизой д'Эскоманъ. Рука его машинально опустилась въ карманъ, и онъ вынулъ оттуда зеленый шелковый кошелекъ.

— А, безъ сомнѣнія! Такъ онъ остался у васъ? сказалъ маркизъ д'Эскоманъ:—примите мое искреннее поздравленіе съ успѣхомъ. Ну, скажите, какъ вы нашли маркизу?

— Я не скрою отъ васъ, отвѣчалъ молодой человекъ, маркиза произвела на меня пріятное впечатлѣніе: не возможно соединять въ себѣ больше прелестей и казаться, въ то же время, такъ просто милой и нѣжной.

— Чортъ возьми, сколько огня! Да, пожалуй, можно подумать что вы уже влюбились. Полноте, не краснѣйте! заранѣе васъ предупреждаю, что я одинъ изъ самыхъ снисходительныхъ мужей. Да, она мила и, кромѣ того, обладаетъ самымъ драгоценнѣ-

нымъ качествомъ — нисколько не противорѣчитъ моимъ наклонностямъ.

Лудовикъ де-Фонтанье подумалъ, что теперь наступила благоприятная минута повести атаку на маркиза.

— Да, отвѣчалъ онъ; но вы, кажется, думаете, что она не страдаетъ и принимаете покорность ея за выраженіе счастья или равнодушія.

— Ну, такъ и есть! вскричалъ маркизъ д'Эскоманъ. Волшебница уже коснулась васъ своимъ железомъ: Сусанна вѣрно наговорила вамъ — признайтесь!.. Нѣтъ, мой другъ! вѣдь я даю маркизѣ полную свободу дѣйствій, а свобода для женщины— высшее благо на землѣ.

— Извините, маркизъ, отвѣчалъ улыбаясь Лудовикъ де-Фонтанье:—я полагаю, что сердце ея предпочло бы неволю, если бы любовь ваша позолотила цѣпи.

— Оставимъ сентиментальныя фразы кондитерамъ и поэтамъ, мой другъ, отвѣчалъ маркизъ д'Эскоманъ, переходя отъ натянутой веселости къ серьезному тону, совершенно ему несвойственному. Жена моя навѣрно плакала передъ вами: это къ ней идетъ—женщины также легко плачутъ, какъ и смѣются, если только слезы или улыбка имъ къ лицу. Признайтесь, навѣрно она васъ уговорила заступиться за нее? Я привыкъ къ этому и давно уже не оскорбляюсь неделikatностью, съ которой она посвящаетъ всѣхъ въ тайны нашей домашней жизни, и вы уже не первый подсланный ею защитникъ, милый другъ; но я ей извиняю такое ребячество, не стану даже и оправдываться, потому что на вашемъ мѣстѣ я точно также думалъ бы какъ и вы, а по позднѣе, когда вы состаритесь да женитесь, то навѣрно будете думать, какъ я теперь; тогда только вы вполне узнаете, что значить для свободнаго человѣка слова: обязанность и долгъ. Вы знаете Маргариту Жели? Неправда ли?

— Не имѣю этой чести.

— Право? тѣмъ хуже для васъ! Когда вы ее увидите, то лучше поймете мое философское равнодушіе къ прелестямъ маркизы д'Эскоманъ: для нея достаточно было бы, по моему мнѣнію, одной спокойной дружбы, доставляемой супружествомъ, — дружбы, въ которой я ей никогда не отказывалъ, — повѣрьте мнѣ. Но, довольно; и пусть между нами больше не будетъ разговора о такихъ серьезныхъ вещахъ. Я не знаю болѣе скучнаго предмета, какъ разбирать супружескіе процессы.

Дурное расположение духа, съ которымъ маркизь д'Эскманъ высказалъ послѣднія слова и вообще сухость его разговора совершенно разстроили .Лудовика де-Фонтанье. Онъ понялъ, что предпринятая имъ аттака вовсе не была такъ легка, какъ казалась ему въ началѣ и, видя, что ему болѣе не остается ничего дѣлать, онъ простился съ маркизомъ д'Эскманъ, поспѣвши оставить его и возвратиться къ своей обыденной дѣятельности.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ГОСТИННИЦА ЗОЛОТАГО СОЛНЦА.

Въ Шатодёнѣ, какъ вообще во всѣхъ провинціальныхъ городкахъ, существовала своя знаменитая гостинница подъ вывѣскою Золотаго Солнца. Содержателемъ ея былъ г-нъ Бертранъ.

Въ Парижѣ, въ силу аксіомы, удачно примѣняемой къ такой вывѣскѣ: *sol lucet omnibus* (солнце свѣтитъ всѣмъ), залы трактира представляютъ самое пестрое общество, гдѣ встрѣчаются, пьютъ, ѣдятъ и толкаются безъ малѣйшаго стѣсненія люди различныхъ убѣжденій и различныхъ партій общества — и все это дѣлается потому, что они положили себѣ считаться другъ-другу незнакомыми.

Въ провинціи совсѣмъ иное дѣло: тамъ непринята подобная нейтрализація мѣста, способствующая соединенію двухъ кружковъ различныхъ мнѣній; глубокая демаркаціонная линия существуетъ тамъ на самомъ дѣлѣ и совершенно разграничиваетъ антогонистовъ.

Бертранъ не любилъ такого разъединенія, но демонъ корысти оказался сильнѣе его убѣжденія. Такъ какъ посѣтители его гостинницы, принадлежавшіе большею частію къ разгульному кружку шатодѣнскаго общества, поглощали у Бертрана несмѣтное количество трюфелей, пили шампанское какъ воду, наѣдались до обжорства и расточали деньги до безумія, но не всѣ въ одинаковой степени; то онъ рассчиталъ, что полного равенства не только въ породахъ и дарованіяхъ, но даже въ желудкахъ и карманахъ на практикѣ быть не можетъ.

Строго разграничивъ однихъ посѣтителей отъ другихъ, онъ не хотѣлъ смѣшивать дворянъ съ мѣщанами, раздѣля ихъ не въ силу родословныхъ привилегій, а на томъ основаніи, кто и въ какой мѣрѣ былъ выгоденъ его заведенію. Въ одной и той же залѣ, за однимъ и тѣмъ же столомъ могли встрѣтиться и потомокъ древняго барона, и сынъ мясника, если они не уступали другъ-другу въ истребленіи цѣтушинныхъ гребешковъ и стараго бургонскаго, въ пять франковъ за бутылку.

Подобно рыцарю Фрамбуази (sire de Gramboisy), Бертранъ женился, но выборъ его былъ счастливѣе этого благороднаго крестоносца.

Госпожа Бертранъ была набожная женщина и неутомная хозяйка; а Бертранъ, хорошій гражданинъ и ревностный солдатъ національной гвардіи, былъ человекъ строгихъ правилъ и до крайности точный въ исполненіи своихъ торговыхъ обязательствъ.

Увѣренный, что всѣхъ этихъ качествъ слишкомъ достаточно для охраненія своей репутаціи отъ недоброжелательства злыхъ людей, онъ подъ прикрытіемъ этихъ добродѣтелей пустился на обманъ и мошенничество и, разведя огонь въ своей печи, принялся въ видахъ общественной пользы угощать самое разгульное общество, подъ предсѣдательствомъ маркиза д'Эскоманъ.

Но вдругъ оба кружка шатодѣнскаго общества:— дворянство и чиновники, постоянно враждебные другъ-другу, какъ будто сговорились и перестали посѣщать «Золотое Солнце»,—это былъ единственный пунктъ, на которомъ совершенно согласились обѣ партіи, доселѣ разъединенныя коѣ-какими родовыми антипатіями, а главное экономическими соображеніями Бертрана.

Содержатель «Золотаго Солнца» не только потерялъ выгодные заказы на свадебные и официальные обѣды, но даже всѣхъ своихъ городскихъ нахлѣбниковъ, и дѣло дошло до того, что каждая порядочная женщина считала за позоръ зайти въ гостинницу, а кухарки набожно крестились, проходя мимо ея оконъ.

И все это случилось потому, что въ домѣ Бертрана поселились женщины легкаго поведенія.

Такимъ образомъ, начавъ вести свою торговлю съ благими намѣреніями, онъ низвелъ ее до позорнаго ремесла. Такова сила денежнаго искушенія въ нашъ положительный вѣкъ.

Бертранъ, какъ истинно-нравственный человекъ, хотя многіе сомнѣвались въ его нравственныхъ принципахъ, ужаснулся, увидѣвъ, что всѣ порядочные люди его оставили, хотя онъ и не могъ жаловаться, чтобы гостинница его опустѣла. Сначала онъ хотѣлъ было бороться съ общимъ негодованіемъ, не только оправдывая своихъ кліентовъ и кліентокъ передъ общественнымъ мнѣніемъ, и называя самыя отчаянныя выходки ихъ шалостями, но даже старался оправдать ихъ дѣйствія съ точки зрѣнія демократической свободы...

Прикидываясь либераломъ à la Louis-Philippe, онъ извинялъ буіины ночныя оргіи потребностью эпохи, жаждавшей социаль-

наго сближенія сословій; аэинскіе вечера, на которыхъ дамы забывали всякое различіе пола, времени и лицъ, пировавшихъ съ ними до утренней зари, онъ называлъ эманципаціей французской женщины; циническіе рассказы, пошлые анекдоты и тупыя остроты неуклюжихъ шатоуэнскихъ горожанъ онъ считалъ необходимымъ условіемъ общественной жизни и признакомъ особеннаго образованія новыхъ поколѣній. Однимъ словомъ, по философіи Бертрана, верхомъ человѣческаго счастья была бы та эпоха, когда весь міръ обратился бѣ въ одну огромную харчевню. Побывавъ раза два въ улицѣ св. Лазаря и послушавъ тамъ теорію соціальной фаланстеры, онъ громко говорилъ, что самъ Фурье признавалъ необходимость развлеченій послѣ труда и свободный выборъ занятій, заключая изъ того, что трактирная жизнь есть лучшая реформа нелѣпныхъ предразсудковъ семейнаго или монастырскаго аскетизма. Бертранъ особенно горячо возставалъ противъ ханжей и тартюфовъ, и опять потому, что находилъ ихъ вредными интересамъ «Золотаго Солнца». — «Будь что будетъ, говаривалъ онъ часто, но истинно-развитаго общества безъ хорошихъ кофеенъ и богатыхъ гостинницъ существовать не можетъ». — И убѣжденію своему онъ былъ такъ вѣренъ, какъ счетная его книга расходамъ буфета или цѣпная собака своему хозяину.

Въ этой-то гостинницѣ часто засѣдалъ маркизь д'Эскоманъ, какъ президентъ вечернихъ пирушекъ и вождь шатоуэнскаго юношества, воспитаннаго по теоріи Бертрана. Здѣсь рѣшались всѣ вопросы относительно охоты, дуэлей, выбора любовницъ, примиренія партій и т. под. Сюда стекались всѣ городскія сплетни, такъ-что въ десять часовъ вечера здѣсь можно было узнать все, что случилось скандальнаго въ Шатоуэнѣ.

Но возвратимся къ Лудовику де-Фонтане.

Съ-тѣхъ-поръ какъ онъ оставилъ замокъ маркиза д'Эскоманъ, въ душѣ его прошло множество разнородныхъ ощущеній.

Воображеніе бѣднаго молодого человѣка такъ сильно развигралось, что поглотило весь его досугъ и все его существованіе.

Раздраженная мысль его постоянно покоилась на печальномъ образѣ Эммы. Представляя ее горюющей, одинокой, оскорбленной въ самыхъ благородныхъ ея чувствахъ, онъ хотѣлъ вернуть ей право на жизнь и счастье. И вотъ фантазіи его угодно было приготовить ему увлекательную роль примирителя, посредника между разлученными супругами. Онъ желалъ сначала устроить домашній миръ для Эммы, доказать ей свою безпредѣль-

ную преданность, а потом явиться передъ ней героемъ, достойнымъ не только ея любви, но и признательности. Лудовикъ ранѣе восхищался своимъ планомъ, и чѣмъ онъ былъ невѣроятнѣй, тѣмъ лучше казался его мистическому настроенію. «Я спасу Эмму, повторялъ онъ самъ себѣ, чего бы мнѣ не стоилъ этотъ подвигъ.»

Не утверждаемъ, чтобы Лудовикъ де-Фонтанье совершенно былъ чуждъ эгоистическихъ побужденій и чтобы подобная развязка была ему по-сердцу; во всякомъ случаѣ, роль въ эпilogъ этой драмы, созданной его воображеніемъ, ни чѣмъ не была хуже, прочихъ двухъ.

«Но какъ же лучше приступить, думалъ Лудовикъ, къ исполненію этого плана?» Развивая одну мысль за другой, онъ предвидѣлъ бездну всевозможныхъ препятствій; прежде всего онъ боялся уронить себя во мнѣніи самой маркизы, которая могла заподозрить его въ заговорѣ съ ея мужемъ. Это предположеніе тѣмъ вѣрнѣй казалось ему, съ той минуты когда Сусанна усомнилась въ его искренней любви къ Эммѣ. Онъ зналъ вліяніе старой кормилицы на маркизу, и съ этой стороны ожидалъ самой серьезной неудачи.

За тѣмъ его безпокоило упорство или, лучше, черствость сердца самого маркиза д'Эскоманъ. Лудовикъ мало зналъ объ отношеніяхъ его къ Жели, о его разгульныхъ ночахъ въ «Золотомъ Солницѣ,» но онъ угадалъ, что въ характерѣ его, радикально испорченномъ прежнимъ образомъ жизни, было полное отсутствіе нѣжныхъ симпатій или добрыхъ побужденій. Какъ эгоистъ, маркизь не способенъ былъ оцѣнить теплую привязанность Эммы; какъ непремѣнный членъ заведенія Бертрана, онъ не могъ чувствовать наслажденія въ семейной жизни; какъ человекъ пустой и гордый, онъ не согласится искать примиренія съ бѣдной Эммой, которая нисколько не скрывала полного презрѣнія къ своему мужу, связанному съ ней однимъ именемъ.

За всѣмъ тѣмъ Лудовикъ де-Фонтанье рѣшился испытать счастья. Желая дѣйствовать на маркиза посредствомъ его же друзей, онъ особенно рассчитывалъ на швалье де-Монгла, какъ опытнаго интриганта въ подобныхъ сдѣлкахъ.

Съ этой цѣлью, Лудовикъ нарочно пришелъ въ гостинницу «Золотое Солнце» минутами двадцатью ранѣе назначеннаго времени, для того, чтобы застать тамъ наединѣ швалье де-Монгла, который ранѣе другихъ являлся сюда, на свиданіе съ своими друзьями.

Свѣжая и дородная дѣвушка, исполнявшая въ гостинницѣ двѣ должности: мальчика и кухарки, впустила и провела Лудовика въ комнату, смежную со столовой. Тамъ онъ нашелъ стараго швалье.

Де-Монгла сидѣлъ въ большихъ креслахъ, передъ нимъ стояла бутылка мадеры, два стакана, листъ бумаги и чернилица.

Рядомъ съ собою, и довольно близко, швалье посадилъ г-жу Бертранъ. Мужъ ея, въ своемъ парадномъ нарядѣ: бѣлой курткѣ, такомъ же передникѣ и съ поварскимъ ножомъ за поясомъ, почтительно стоялъ у другаго конца стола.

Этотъ конгрессъ съ важностію обсуживалъ карту ужина, на который маркизъ приглашалъ, въ тотъ вечеръ, всю блестящую шатодѣнскую молодежь, давъ швалье де-Монгла полномочіе распорядиться приготовленіемъ.

Совѣщаніе конгресса было очень оживлено.

Шатодѣнскій Верп, застигнутый въ распλοхъ, могъ предложить только самыя простыя блюда, возмущавшія избалованный вкусъ достойнаго швалье, который, соображаясь съ торжественностію случая, желалъ бы поподчивать приглашенныхъ самыми изысканными яствами.

Напрасно Бертранъ придумывалъ всевозможные соусы, чтобы прикрасить пулярку, баранину, козленка и луарскую форель, — запасы хранившіеся въ его кладовой, швалье де-Монгла оставался неумолимъ въ своемъ взыскательномъ требованіи; и еслибъ жена Бертрана не приняла сторону почти совсѣмъ растерявшагося мужа, то ужинъ, вѣроятно, не состоялся бы по программѣ прихотливаго швалье.

Надо замѣтить, что г-жа Бертранъ была уже не первой молодости.

Между тѣмъ, въ продолженіе совѣщаній, швалье де-Монгла, чтобы заглушить свои сожалѣнія о несбывшихся надеждахъ на изысканный ужинъ, мало-по-малу опорожнявалъ бутылку мадеры. Само-собою разумѣется, что онъ, какъ истый представитель вѣжливости прошлаго столѣтія, поднося къ губамъ своимъ стаканъ, каждый разъ приглашалъ г-жу Бертранъ отвѣчать ему тѣмъ же, и та принимала эти предложенія съ изъясненіями самой наивной застѣнчивости.

Что же касается до Бертрана, то, не обращая на него никакого вниманія, швалье де-Монгла предоставилъ ему полную свободу перебирать между пальцами его колакъ.

Когда Лудовикъ де-Фонтанье вошелъ въ комнату, Бертранъ поспѣшно придвинулся къ женѣ. Надо сказать, что нравствен-

ныя правила его не допускали постороннее лицо быть свидѣлемъ слишкомъ не церемоннаго обхожденія съ его женой...

— Какъ вы попали сюда первый? спросилъ швалье де-Монгла, обращаясь къ Лудовику де-Фонтанье.

— Одно только желаніе поздравить васъ съ счастливою развязкой вашей дуэли съ де-Гискаромъ, отвѣчалъ Лудовикъ. Я узналъ по слухамъ, что вы остались живы, и мнѣ пріятно было увидѣть васъ, особенно послѣ побѣды.

— Чортъ возьми! Какое участіе! отвѣчалъ швалье и нахмурилъ брови; онъ подумалъ, что Лудовикъ де-Фонтанье болѣе интересовался его дамою, чѣмъ его собственной особой.

Лудовикъ не понялъ его, и замѣтилъ только нѣсколько злую улыбку де-Монгла, совершенно поглощеннаго соображеніями о предстоящемъ ужинѣ и его замысловатой программой.

— Ну, а monsieur де-Гискаръ, продолжалъ Лудовикъ. Мнѣ бы хотѣлось узнать, что его рана и какъ онъ чувствуетъ себя послѣ вашего удара.

— Къ сожалѣнію, я не могу удовлетворить ваше любопытство, мой милый другъ. Во всякомъ случаѣ я увѣренъ, что онъ теперь уже не смѣется, да врядъ-ли и будетъ когда-нибудь смѣяться, попробовавъ остріе моей шпаги.

— Какъ! развѣ вы его тяжело ранили?

— Нѣтъ, но оцарапалъ порядкомъ, такъ-что онъ недѣли двѣ пролежитъ въ постели, да, можетъ быть, съ мѣсяцъ просидитъ дома. Рана не опасна, она придастъ его лицу блѣдный цвѣтъ и сдѣлаетъ его еще болѣе интереснымъ въ глазахъ женщинъ.

Разговоръ Лудовика съ де-Монгла былъ прерванъ приходомъ новыхъ гостей, приглашенныхъ на ужинъ. Это были люди разныхъ слоевъ общества и состояній; по костюму и выраженію лицъ однихъ можно было назвать *les chevaliers d'industrie*, всегда готовыхъ поѣсть и попить на чужой счетъ, какъ бы это дорого ни обходилось ихъ самолюбію; другіе, болѣе благовидные и пріѣхавшіе позднѣе, постоянно рисовались передъ зеркаломъ, поправляя свои свѣжія прически и вертѣвшіе дорожными брелоками на цѣпочкахъ; они обращались къ де-Монглу нѣсколько насмѣшливымъ тономъ и играли каламбурами на счетъ его храбрости и того «добраго стараго времени», о которомъ онъ вздыхалъ, какъ пожилая дѣва вздыхаетъ о своей юности. Былъ здѣсь — и третій разрядъ собесѣдниковъ, которые приглашаются въ подобныхъ случаяхъ единственно для того, чтобъ пополнить число посѣтителей и придать вечеру болѣе шику. Ихъ

назначеніе ни чѣмъ не лучше тѣхъ статуй и жирандоль, которыя ставятся въ залахъ для украшенія домашняго комфорта. Наконецъ въ половинѣ одиннадцатаго явился самъ маркизъ, окруженный его избранной свитой. Впереди шла веселая Жели, накрытая чернымъ вуалемъ, изъ-подъ котораго разсыпались мелкія кудри.

Въ глазахъ ея, когда она отбросила вуаль, замѣтна была нѣкоторая дерзость, вызывающая на откровенное объясненіе съ лореткой; въ ея манерахъ ежеминутно проглядывала самоувѣренность женщины, которая отлично владѣетъ знаніемъ людскихъ слабостей и примѣняется къ нимъ съ неподражаемымъ тактомъ; голосъ ея, довольно рѣзкій, обличалъ привычку говорить въ обществѣ ничѣмъ не стѣсняющихся крикуновъ; по ея блѣдному и вялому лицу можно было догадаться о бессонныхъ ночахъ, проведенныхъ Маргаритой въ «Золотомъ Солнцѣ», и о внутреннихъ развѣдающихъ чувствахъ, которыя только на-время заглушались шампанскимъ — или истерическимъ смѣхомъ Вахханки. Подъ этой маской не трудно было разсмотрѣть и другія черты падшей дѣвушки: притворство, соединенное съ презрѣніемъ къ жизни, и глубокую апатію души, отданной въ жертву однимъ животнымъ наслажденіямъ.

Общество, по знаку маркиза, стало садиться за столъ, и сквозь растворенную дверь пахло запахомъ горячаго ужина. Лудовикъ, не вида возможности коснуться своего предмета, постѣнникъ раскланяться съ гостями, пожалъ руку маркиза д'Эскоманъ, швалье, и вышелъ. Онъ не хотѣлъ участвовать за самимъ ужиномъ, извинившись тѣмъ, что время не позволяетъ ему долго остаться. Мы не станемъ рассказывать всѣхъ подробностей этого аеинскаго вечера въ шатодѣнскомъ захоластьѣ; онъ слишкомъ извѣстны. Долго за-полночь, въ «Золотомъ Солнцѣ» раздавались крики шумнаго сборища, много было выпито вина, много было рассказано сальныхъ анекдотовъ, много спорили и горячились, а подъ конецъ и г-жа Бертранъ присутствовала за общимъ столомъ, по лѣвую руку швалье, и Жели сидѣла на колѣняхъ самодовольнаго и пьянаго маркиза д'Эскоманъ.

Лудовикъ грустно возвратился домой, недовольный первымъ приступомъ къ дѣлу. Все что онъ видѣлъ, далеко не отвѣчало успѣху его предпріятія. Разочарованный и нѣсколько огорченный, онъ рано легъ въ постель, но долго не могъ заснуть, подъ вліяніемъ разнообразныхъ впечатлѣній и тоскливой мысли о судьбѣ бѣдной Эммы.

Между тѣмъ какъ въ «Золотомъ Солнцѣ» бушевалъ разгулъ шатоде́нской аристократіи, въ замкѣ маркиза д'Эскманъ происходила другая сцена.

Разставшись съ Лудовикомъ де-Фонтанье, Эмма предалась глубокому раздумью. Перебирая нить-за-нитью въ событіяхъ своей прошлой жизни и отдѣляя мечты отъ дѣйствительныхъ происшествій, она съ ужасомъ смотрѣла на прожитые три года и не видѣла ни одного свѣтлаго луча въ будущемъ. Кругомъ ея была та нравственная пустота, безъ цѣли и упованій, въ которой безслѣдно гложутъ самыя сильныя натуры. Отнимите у Эммы ея стараго друга—Сусанну, и она осталась бы во всемъ мірѣ одна, какъ запоздалая птица на осеннемъ полѣ, покинутая отлетѣвшимъ стадомъ. Изрѣдка она еще являлась въ свѣтскомъ обществѣ, но люди какъ тѣни мелькали передъ ней, не потрясая ни одной живой струны въ ея сердцѣ. Любимымъ ея отдыхомъ была прогулка по темной рошцѣ, примыкавшей къ замку; здѣсь она часто просиживала за полночь, повѣряя уединенію и свои вздохи и свои слезы. И вотъ, среди этого одиночества и отчужденія отъ всего живаго, она случайно встрѣтила человѣка, который понялъ и откликнулся на ея затаенныя чувства. Лудовикъ, самъ не сознавая того, коснулся врачующей рукой старой раны, наболѣвшей въ груди Эммы; онъ не сказалъ ей ничего новаго, но напомнилъ почти забытое и освѣжилъ ея дѣвственныя грезы. Маркиза, какъ бы проснувшись отъ тяжкаго сна, увидѣла что есть другая жизнь, полная радостей, надеждъ и тѣхъ отрадныхъ чаяній, которыхъ такъ давно и напрасно просила ея симпатичная душа. Въ такомъ раздумьѣ, облокотившись на ручку широкаго кресла, долго просидѣла Эмма на балконѣ; она и не замѣтила, какъ передъ ней потухла вечерняя заря и смогло окрестное движеніе; ни голосъ Сусанны, часто подходившей къ маркизѣ, ни холодный воздухъ, не пробудили ее отъ забытья. Голова ея горѣла, пульсъ сильно бился, и воображеніе работало за всѣ силы души. Пробыло часъ ночи, и Эмма, только по настоятельной просьбѣ Сусанны, перешла въ свою спальню и опустилась на холодную постель.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

СОДЕРЖАНИЕ.

ОТДѢЛЪ I.

	СТР.	
Митневъ. Повѣсть. (Окончаніе.) Н. Ф. ХРИСТИАНОВИЧА.	1	✓
Больной писатель. Я. П. ПОЛОНСКАГО	67	
Реформа и католическая реакція въ Венгрии. С. Н. ПАЛАУЗОВА.	76	
Пермскіе сказочники и петроній. Н. М. БЛАГОВЪЩЕНСКАГО	132	
Обзоръ современныхъ конституцій. А. В. ЛОХВИЦКАГО	150	✓
Замѣтки о Западной Сибири. Г. ПОТАНИНА	189	
Катерина. Повѣсть. (Изъ Шевченко.) Н. В. ГЕРБЕЛЯ	215	✓

ОТДѢЛЪ II.

ПОЛИТИКА. Убійства на Востоке	1	
Событія на Западѣ Европы	15	
РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА. Сочиненія Бѣлинскаго т. 7.		
Москва. Р. Р. — Воспитанія, мысли, труды и Замѣтки, А. Смирнова. — Краткіе очерки русской исторіи. Составилъ Д. Иловайскій. — Изъ Украйны. Сказки и повѣсти Г. Данилевскаго.	26	
Стихотворенія М. Карлина. Д. Л. МОРДОВЦОВА	41	
Примѣненіе неподвижной повязки къ леченію ранъ послѣ операций вообще, и въ особенноти послѣ ампутаціи бедра. — Начальныя основанія физиологін д — ра Руссдорфа и Зоологін д — ра Мазіуса. — Физика и метеорологін Коппа. В. Л. ХАНКИНА	48	

Иностранная литература. Die Götterwelt der deutschen und nordischen Völker. v. W. Monhardt. П. Л. ЛАВРОВА	64
Histoire de Marie Antoinette. par E. et J. Goncourt. В. П. ПОПОВА	84

ОТДѢЛЪ III.

Смѣсь. Робертъ Пиэль и его политическій характеръ. Р. Р.)	1
Русскій театръ. В. И.	29
Уѣздныя впечатлѣнія. А. Г. ВИТКОВСКАГО	42
Александръ Астафьевичъ Мартыновъ. А. Г. ВИТКОВСКАГО.	60
Шахматный листокъ. В. М. МИХАЙЛОВА.	

✓ Романъ А. Дюма (отца) Маркиза д'Эскоманъ (Les Drame Galants).